This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

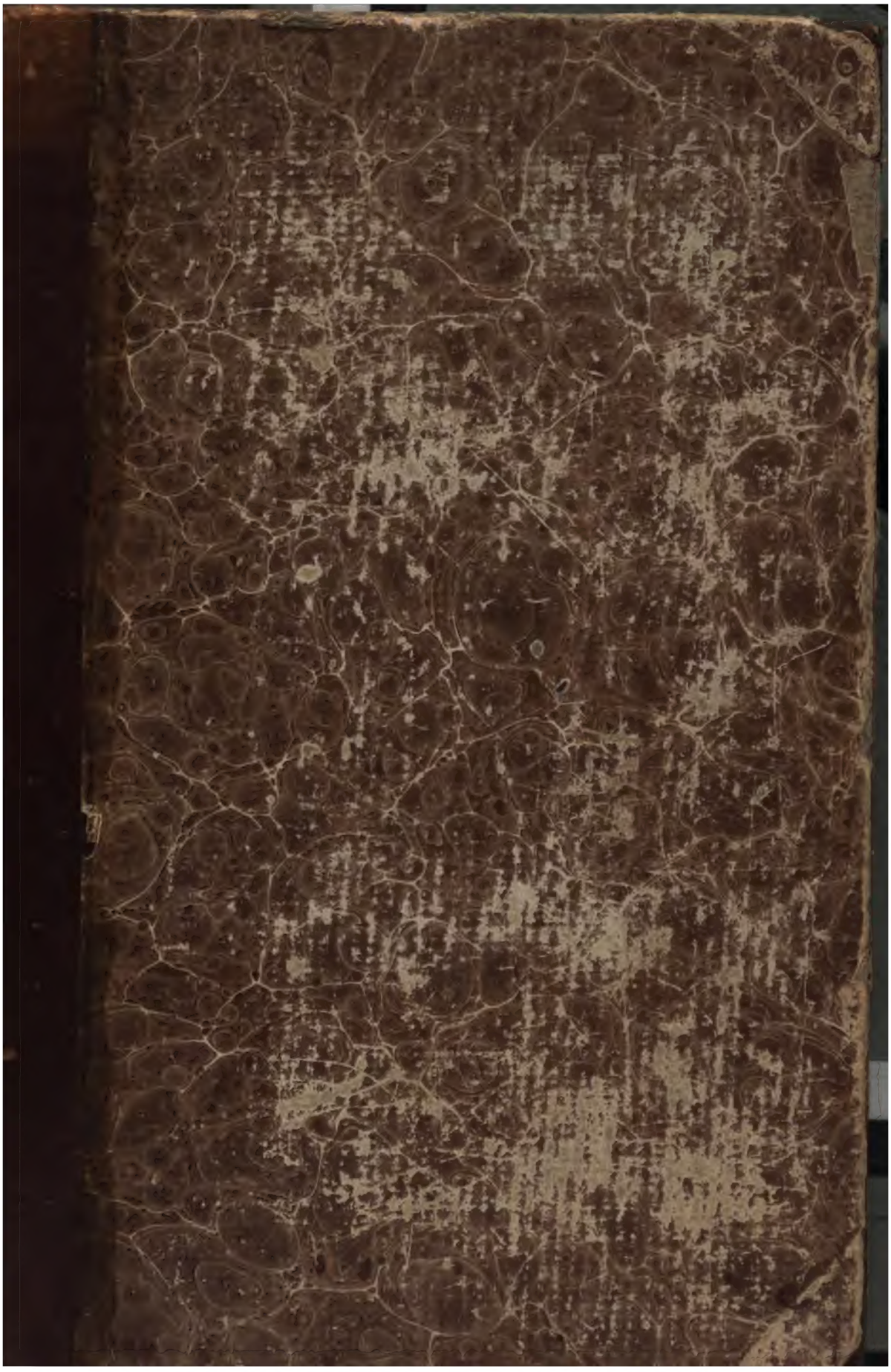
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/



НИЖЕГОРОД
XV
4544
БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВЕННОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ

d
34969

Городская публичная
XV
4547
ЕСТВЕННОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
БИБЛИОТЕКА.

d
34969

Pervyi shag

ПЕРВЫЙ ШАГЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

1876.

КАЗАНЬ.
Типо- и Литографія К. А. Тилли на Грузинской улицѣ.
1876.

PG3201
P43

Цензурою дозволено. Казань, 10 февраля 1876 года.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

Стр.

I. **Безъ вины виноватая.** Драматическія сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ. *П. И. Фелонова* . . . . . 1.

II. **Инородцы въ ссылкѣ** (очерки съ натуры): I. Мирза. II. Исакъ-мулла.—*Н. М. Ядринцева.* III. Ахметъ—*А. В. И.....ой* . . . . . 89.

III. **Говоръ природы** (изъ лѣтнихъ пѣсенъ). Стихотвореніе.—*Петра Поволжскаго* . . . . . 123.

IV. **Сцены изъ жизни города Крапивникова:** I. Филантропическое утро. II. Пикникъ.—*Е. И. Красноперова.* 127.

V. **Перелетныя птицы.** Стихотвореніе.—*Петра Поволжскаго.* . . . . . 188.

VI. **Дома и въ больницѣ.**—*В. О. Португалова.* . . . 189.

VII. **«Я жить хочу»...** Стихотвореніе.—N.N. . . . . 200.

VIII. **Крещенскій бой на Кабанѣ** (очеркъ). — *П. И. Фелонова.* . . . . . 201.

IX. **Лѣсъ сѣвера.** Стихотвореніе.—*Н. Я.* . . . . . 226.

X. **Изъ путевыхъ замѣтокъ по нижегородскому Поволжью:** I. Поскребышки древляго благочестія. II. Въ Жарахъ и въ Лыковщинѣ.—*А. С. Гацискаго* . . 227.

XI. **Родная глушь** (на Мѣшѣ). Стихотвореніе.—*П. Поволжскаго* . . . . . 285.

XII. **Отъ Новочеркасска до Казани.** — *Г. Н. Потанина* . . . . . 287.

XIII. **Вѣрному другу.** (Изъ Гавличка, съ чешскаго). Стихотвореніе.—*Овидія съ Томи* . . . . . 335.

XIV. **«Тоской измученный, усталый и унылый»...** Стихотвореніе.—*Провинціальнаго поэта* . . . . . 336.

Стр.

XV. **Изъ воспоминаній казанскаго студента:** I. Дореформенная гимназія. II. Первокурсники.—*Л. О.* . . 337.

XVI. **Пѣсня «Дубинушка».** — Стихотвореніе. — *Павла Фелонова*. . . . . 414.

XVII. **Какъ добились себѣ волжанскіе суконщики.** (Изъ разсказовъ стариковъ).—*Я. Посадскаго* . . 415.

XVIII. **«Когда онъ умеръ»...** Стихотвореніе.—N.N. . . 438.

XIX. **Литературное обозрѣніе:** I. Почему и зачѣмъ?—II. О томъ, какъ открываются „неизмѣнные міровые законы“.—III. О томъ, какъ „сѣренькій поволжскій ремезъ“ превращается въ попугая.—IV. Мѣстный патріотизмъ и доктрина ходячаго космополитизма.—V. До чего можетъ договориться литераторъ-завсегдатай.—VI. Результаты тѣхъ «удобствъ», которыми пользуется печать въ столицѣ.—VII. Гдѣ искать себѣ выхода нашей современной литературѣ?—VIII. Значеніе провинціальной печати и ея задача.—IX. Обращеніе къ столичнымъ писателямъ.—*Литератора-обывателя* . . 439.

XX. **Забытое условіе успѣха сценическихъ произведеній.**—*Все того-же*. . . . . 579.

XXI. **Памяти К. В. Г.**—Стихотвореніе.—*П. Поволжскаго*. 594.

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТАЯ.

Драматическія сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Потапъ Степанычъ Чекановъ, богатый купецъ лѣтъ за 50, въ длиннополомъ сюртукѣ.

Надинька, его дочь, хорошенькая дѣвушка, лѣтъ 20-ти.

Прохоровна, ея нянька, старуха лѣтъ 50-ти.

Калистратъ Петровичъ Черепковъ, богатый купецъ пожилыхъ лѣтъ, вдовецъ; одѣтъ по-нѣмецки.

Лиза, подруга Нади.

Егоръ Тихонычъ, прикащикъ Чеканова, красивый молодой человѣкъ лѣтъ 25; одѣтъ также, какъ Чекановъ, — въ длиннополомъ сюртукѣ.

Степушка, мальчикъ въ домѣ Чеканова.

Парфенъ, дворникъ.

Прикащикъ.

Иванъ, пріятель Парфена.

Сидѣлецъ кабака.

Гриша, мальчикъ въ кабакѣ.

Гость въ кабакѣ.

Слѣдственный приставъ и стряпчій.

Брантмейстеръ.

Народъ въ домѣ Чеканова.

Дѣйствіе происходитъ въ приволжскомъ городѣ.

БЕЗЪ ВИНЫ
ВИНОВАТАЯ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ

въ 5-ти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Сцена представляетъ пріемную комнату въ домѣ Чеканова, меблированную старинной мебелью. Прямо входная дверь, направо и налѣво по одной двери во внутреннія комнаты. Два окна. На аван-сценѣ, за столомъ, въ большихъ креслахъ Чекановъ съ Черенковымъ пьютъ чай съ ромомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чекановъ.

Что-жъ ты рому-то плохо льешь?

Черенковъ.

Довольно... Такъ я вотъ и говорю, Потапъ Степанычъ: домъ я себѣ отдѣлалъ въ лучшемъ видѣ, что твой дворецъ: полы паркé и потолки росписалъ, самъ знаешь...

Чекановъ.

Видѣлъ, видѣлъ...

Черенковъ.

Карету себѣ купилъ; теперича по модѣ жить буду.

Чекановъ.

Да чего ты мнѣ лясы-то точишь! Говори толкомъ, что тебѣ надо?

Черенковъ.

Изволь, я тебѣ и толкомъ скажу, — затѣмъ къ тебѣ и пріѣхалъ. У тебя товарецъ есть для меня нужный. *(Входитъ Прохоровна съ большимъ подносомъ, уставленнымъ бутылками и закус-*

нами. Ставитъ на другомъ столѣ и снова уходитъ, не плотно притворивъ за собою дверь, у которой и останавливается).

Чекановъ.

Какой товарецъ?

Черепковъ.

Ужъ будто ты не можешь понять, къ чему я рѣчь клоню?

Чекановъ.

Понимаю-ль, не понимаю-ль—это мой расчетъ: а ты говори толкомъ. Терпѣть не люблю, когда тутъ турусы всякія разводятъ да хвостомъ вертятъ. На мой харахтеръ: говорить хошь—говори прямо, выругаться желательно—ругай, здачи дамъ...

Черепковъ.

Я тебѣ и то прямо говорю: у тебя дочка есть.

Чекановъ.

Ну, есть.

Черепковъ.

А я въ хозяйкѣ нуждаюсь и дѣтямъ тоже мать нужна; не отдашь-ли ты мнѣ ее? Больно она мнѣ приглянулась.

Чекановъ.

Такъ-бы ты и говорилъ. *(Пауза. Въ дверяхъ замѣтно Прохоровну).*

Черепковъ.

Ну, какой-же ты мнѣ на это отвѣтъ положишь?

Чекановъ.

Да какой я тебѣ отвѣтъ положу; подумать надо.

Черепковъ.

Чего-жъ тебѣ думать-то? Меня ты, кажись, довольно знаешь и не проходимецъ какой, и по капиталамъ здѣсь, чай поди, не: изъ послѣднихъ буду... А ежели ты, можетъ, сомнѣвашься, что мы съ покойницей-то, царство ей небесное, не совсѣмъ въ ладахъ жили, такъ ты на это не смотри,—самъ знаешь, какая она характеромъ-то была.

Чекановъ.

Пустое ты толкуешь и не къ дѣлу капиталы свои на видъ ставишь, потому вѣдь и дочь-то у меня тоже не безприданница... Ты вотъ карету купилъ, а я ей, можетъ, двѣ вышишу...

Да я это не къ тому и говорю.

Чекановъ.

А къ чему-же?

Черепковъ.

Къ тому, что думать-то, кажись-бы, тебѣ нечего; я къ тебѣ всегда былъ съ расположеніемъ...

Чекановъ *(шутливо).*

Знаю я твое-то расположеніе; а этотъ подрядъ-отъ кто у меня перебилъ? Я за это еще въ сердцахъ на тебя...

Черепковъ.

Это совсѣмъ особая статья, — дѣло сюда не относящееся; всякъ себѣ добра желаетъ, на то и комерція, — и сердчать тебѣ тутъ не́ за что, хоть до тебя доведись...

Чекановъ.

Да вѣдь я смѣюсь, не́што не видишь? Ну, да объ этомъ что толковать; а про то, что́ ты мнѣ сказалъ — подумать надо: дѣвку за мужъ выдать—не лошадь продать...

Черепковъ.

Ты, можетъ, Надежду Потаповну хочешь спросить?

Чекановъ.

О чемъ это я спрашивать-то ее буду?

Черепковъ.

Какъ, то-есть, она на счетъ этого думаетъ...

Чекановъ.

Блажной ты, какъ я на тебя посмотрю! Статочное-ли это дѣло, чтобъ я въ эдакомъ разѣ сталъ спрашивать дѣвку? Чего она тутъ понимать можетъ? Мужа-то выбрать, чай не юбку купить...

Черепковъ.

Это ты вѣрно говоришь, — на дѣвичій выборъ, въ такомъ дѣлѣ, точно-что положиться невозможно; — а все-жъ онѣ подчасъ бываютъ съ норовомъ...

Чекановъ.

Говорю тебѣ—у меня не тѣ порядки,—у меня этого нельзя; да и она не таковская, чтобъ могла мнѣ неповиновеніе оказывать,—не такъ воспитана...

Черепковъ *(вставая).*

Это хорошо... Такъ когда-же ты мнѣ свой отвѣтъ дашь?

Чекановъ.

При свиданіи скажу... Да куда-жъ ты всталъ? въ биржу-то развѣ не поѣдешь?

Черепковъ.

Да, кажись, не зачѣмъ бы...

Чекановъ.

Все-жъ съѣздить не мѣшаетъ; чай и казанскіе-то гости прибудутъ. Поѣдемъ вмѣстѣ,—я вотъ только Егору кой-что накажу *(кричитъ, обращаясь къ двери)*: Степанъ!.. Степка!...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Прохоровна.

Прохоровна *(входя).*

Что вамъ угодно, батюшка Потапъ Степанычъ?

Чекановъ.

Степка гдѣ?

Прохоровна.

Сейчасъ куда-то отвернулся; а все тутъ былъ.

Чекановъ *(сердито).*

Сказано пострѣлу, чтобъ всегда при дверяхъ находился!.. Пахирь рвать надо, чтобъ помнилъ, что велятъ...

Прохоровна.

Сейчасъ вотъ тутъ былъ, вѣдь...

Чекановъ *(перебивая).*

Пошли-ко тамъ, чтобъ Егора ко мнѣ кликнули.

Прохоровна.

Слушаю, батюшка, сейчасъ *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же безъ Прохоровны.

Черепковъ.

Какія ты у себя строгости завелъ...

Чекановъ.

Порядокъ люблю; у меня чтобъ всѣ въ струнѣ ходили, чтобъ каждый при своемъ дѣлѣ былъ, а безъ строгостевъ съ этимъ народомъ нельзя.

Черепковъ.

Конторщика твоего больно хвалятъ.

Чекановъ.

Это Егора-то? Да, парень—ничего—ладный: и вѣрный, и безотвѣтный... Оно, конечно—я его облагодѣтельствовалъ, такъ онъ долженъ чувствовать; я его, можетъ, больше, чѣмъ онъ того достоинъ, наградилъ,—это всякій понимать долженъ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Егоръ *(войдя кланяется Черепкову)*.

Егоръ.

Вы изволили требовать меня, Потапъ Степанычъ?

Чекановъ.

Да. Я вотъ въ биржу ѣду; такъ ежели отъ Качалова изъ Москвы-то прикащикъ придетъ, ты поръши тутъ съ нимъ дѣло-то, какъ я говорилъ.

Егоръ.

Слушаю съ, Потапъ Степанычъ.

Чекановъ.

И условіе напишите, а я завтра подпишу.

Егоръ.

Слушаю-съ.

Чекановъ.

Да условіе-то будешь писать, такъ въ оба гляди, чтобъ опять придирки какой не было.

Егоръ.

Какъ можно-съ!

Чекановъ.

Чего — какъ весною? А вѣстью ты же писалъ и напуталъ, что Леший не разберетъ. Гдѣ земли-то были?

Егоръ.

Тогда сами вѣдь изволили приказывать...

Чекановъ *(перебивая)*.

Мелешь ужъ, дуракъ, коли умомъ Богъ обидѣлъ! Какой хозяинъ тебѣ будетъ приказывать себѣ въ убытки дѣлать?.. За вами, дураками, только не поглядн, такъ всего капиталу рѣшишься.

Егоръ.

Я, кажется, Потапъ Степанычъ, со всѣмъ моимъ стараніемъ-съ...

Чекановъ.

Про то тебѣ и говорятъ, чтобъ ты земли-то свои разузналъ, какъ условіе писать будешь... Да въ володимскую заглядывай, чтобъ ребята-то тамъ не безобразили, какъ въ запрошлый разъ, — пѣсни да плясъ подняли; — съ тебя отвѣтъ взыщу, коли что.

Егоръ.

Слушаю-съ.

Чекановъ.

У меня чтобъ тихо, смирно, благородно... Ступай, да вели лошадь подавать. *(Егоръ кланяясь уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же безъ Егора.

Чекановъ *(подходя къ столу съ закуской)*.

Ну, давай выпьемъ на дорогу-то.

Черемисовъ *(подходя)*.

Тамъ бы можно выпить-то.

Чекановъ.

Тамъ своимъ чередомъ *(пьютъ и закусываютъ)*. Ну, ѣдемъ... *(Берутъ шляпы и уходятъ. На сцену выходитъ Прохоровна).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прохоровна *(одна)*.

Она притча, како дѣло затѣвается, — надолъ, а?.. Ну, женишокъ примѣчательный! О, чтобъ тѣ прострѣлило!.. Одну жену замучилъ, въ

гробъ вогналъ,—другую еще надо; и та покойница-то, царство ей небесное, съ нимъ, варваромъ, живучи—изъ синяковъ не выходила,—бывало точно крашенинная вся... Неужто Потапъ Степанычъ захочетъ на такую маету свою дочь отдать?.. Да, правда,—что имъ, отцамъ-то? только-бы дѣвку съ рукъ сбыть... Охо-хо-хо!.. Чу, никакъ она, голубушка, идетъ,—какъ ужъ ей и сказать-то объ эдакомъ дѣлѣ...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Прохоровна и Надя.

Надя.

Что, няня, батюшка уѣхалъ?

Прохоровна.

Уѣхалъ въ биржу, съ эстимъ, съ лѣшакомъ-то, прости Господи.

Надя.

Съ кѣмъ это?

Прохоровна.

Да вотъ съ краснорожимъ-то,—съ Черенковымъ, чтобъ ему пусто было, лиходѣю!

Надя.

За что ты бранишь его?

Прохоровна.

Какъ его не ругать-то? Эко слово брякнулъ—а? Какъ у него языкъ-то повернулся...

Надя.

Что-же такое, няня? съ батюшкой чтоль чего у нихъ вышло?

Прохоровна.

Аха, ты голубка моя безталанная!—не даромъ ты нонѣ ноченьку-то всю протосковала, чуяло твое сердечушко...

Надя *(испуганно)*.

Что такое случилось? Что же ты не скажешь?

Прохоровна.

Да что случилось?—засваталъ тебя этотъ погубитель-то...

Надя.

Какъ? Черенковъ меня засваталъ? Господи, что же это за напасть! Неужели батюшка отдастъ меня за него?

Прохоровна.

Покамѣсть еще батюшка-то твой ни привѣту, ни отвѣту ему не сказалъ.—подумать, говорить, надо: да что на это смотрѣть-то? тотъ какъ разъ обойдетъ его,—выждетъ часъ эдакій...

Надя.

Какъ-же тутъ жить, когда нѣтъ своей воли ни въ чемъ, когда по своему разуму да по сердцу поступать не можешь, не смѣешь любить, кто полюбится!.. Вотъ я Егорушку люблю, безъ него мнѣ, кажется, и свѣтъ не милъ, а что мнѣ радости отъ того,—только слезы одни: а тутъ вотъ еще...

Прохоровна.

Полно яхонтовая, не кручинься ты, дѣло-то еще не слажено,—можетъ и разойдется... Поразвлекись чѣмъ-нибудь... возьми хоть въ книжку какую божественную почитай, и я послушала-бы...

Надя.

Не хочется;—какая книжка тутъ!

Прохоровна *(качая головой).*

Эко дѣло, эко дѣло!..

Надя.

Кабы знать да вѣдать...

Прохоровна.

Чего тебѣ знать-то, бриліантовая?

Надя.

Кабы знать, что Егорушка меня любитъ?

Прохоровна.

Коли, чай, не любитъ! то-же, вѣдь, не безъ глазъ, да помысловъ-то объ этомъ онъ имѣть не можетъ,—потому бѣднота...

Надя *(съ досадой).*

Полно ты! надоѣла ты мнѣ съ богатствомъ-то: развѣ слаще жить съ богатствомъ да не милымъ?.. Слыхала я, что и черезъ золото слезы текутъ...

Прохоровна.

Такъ-то, такъ оно, да родитель-то твой инако понимаетъ, потому, какъ онъ самъ есть купецъ первогильдейный, у всѣхъ въ почетѣ, такъ ему такая голь не по плечу...

Эхъ, няня, няня! Да съ сердцемъ-то я совладать не могу.

Прохоровна.

А ты то подумай: Потапъ-то Степанычъ себя, говорю, можетъ всѣхъ выше въ городѣ полагаетъ, такъ захочетъ-ли онъ въ зятья бобыля взять?

Надя.

Кабы мнѣ знать только, что я ему по сердцу,—можетъ и умолила бы я батюшку... *(подходитъ и обнимаетъ Прохоровну)*. Няня, неужели ты никого, никогда не любила?

Прохоровна *(съ напускнымъ неудовольствіемъ)*.

О, поди ты, баловница! Вишь какіе разговоры завела, точно съ молоденькой.

Надя *(цѣлуя ее)*.

Ну няня, милая, скажи.

Прохоровна.

Да чего сказать-то?

Надя.

Любила ты кого-нибудь въ своей молодости?

Прохоровна.

А то какъ же... батюшку, матушку любила. братъ былъ—и того любила.

Надя.

А изъ чужихъ?.. Ну, няничка, изъ чужихъ?.. *(ласкается)*.

Прохоровна *(усмѣхнувшись)*.

Не помню ужъ; давно, вѣдь, молоденькой-то была.

Надя *(умоляющимъ голосомъ)*.

Ну припомни, разскажи!

Прохоровна.

Охъ, ты, вертопрашка! Ну чего тутъ разсказывать-то?... Извѣстное дѣло—всѣ мы въ дѣвкахъ-то глупы, намъ бы только изъ себя молодецъ былъ да рожей поцвѣтистѣй, ну и ладно...

Надя *(обнимая Прохоровну)*.

Ахъ, няня, если бы ты знала, какъ я его люблю! *(помолчавъ)* Какой онъ грустный всегда, какъ онъ ласково смотритъ на меня...

И что это у него за глáза чудные: какъ онъ взглянетъ—мнѣ и сладко становится и стыдно, и сердце вотъ точно выскочить хочетъ—такъ и бьется, такъ и ноетъ...

Прохоровна *(качая головой)*.

Ахъ, ты дѣвка, дѣвка! жаль мнѣ тебя; и парень онъ, правда, хорошій, да только врядъ, чтобъ по твоему вышло: не такой человѣкъ Потапъ Степанычъ, не захочетъ онъ дѣвкѣ уступить...

Надя.

Можетъ, слезамъ моимъ уступилъ-бы... можетъ, я выплачу у него свое счастье... *(подходитъ къ окну и задумается, потомъ обращаясь къ Прохоровнѣ)*. Нянюшка, голубушка! сдѣлаешь ты для меня, о чемъ я тебя попрошу?

Прохоровна.

Что еще выдумала?

Надя.

Вѣкъ я не забуду твоей услуги *(подходитъ къ ней, ласкаясь)*. Вывѣдай ты, какъ-нибудь отъ него: любá я ему или нѣтъ? если нѣтъ, такъ я ужъ и думать бы перестала, перестала бы и о счастьи своемъ помышлять...

Прохоровна.

Да какъ-же вывѣдать-то, голубушка ты моя, нéшто онъ мнѣ скажетъ?

Надя.

А можетъ и промолвится.

Прохоровна.

Охъ, дѣвка, дѣвка, жаль мнѣ тебя, да не знаю, какъ горю твоему пособить.

Надя *(цѣлуя ее)*.

Пособи, голубушка, истомилась я совсѣмъ.

Прохоровна.

Легко молвить—вывѣдай, а какъ тутъ вывѣдаешь? *(немного подумавъ)* Ну, ладно же, дѣвка, погоди... иди-ко ты въ садъ теперь, поброди тамъ маленько, а я тутъ что-нибудь не придумаю-ли...

Надя *(бросаясь къ ней и цѣлуя).*

Милая ты моя, голубушка! вѣкъ не забуду, что ты утѣшаешь такъ меня... Узнай, коли можно будетъ! Повидай ты Егорушку, выпытай у него...

Прохоровна.

Ладно, ладно, иди, можетъ что и узнаю... Батюшка скоро-то, должно быть, не вернется... Охъ, только бы бѣды какой не нажить!..

Надя.

Голубушка, милая, золотая! все, все узнай, все выпытай, все, что только есть у него на душѣ... Прощай! *(цѣлуетъ и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII

Прохоровна *(одна).*

Экая притча, надоль-а?.. Ишь какъ извелась дѣвка-то; а какая была: полная, да румяная, идетъ—словно лебедь плыветъ бывало; видъ какой собой доказывала—словно принцесса какая, румянецъ во всю щеку... одно слово, что маковъ цвѣтъ, цвѣла... Охохо, вотъ дѣвичье-то дѣло: пришелся паренекъ по мысли и дѣвка всего рѣшилась: пищи,—хлѣба не принимаетъ, а нынѣ всю ночь проплакала, протосковала... Да и какъ ей, лебедкѣ, не тосковать-то: надо-ль какой присватался,—вдовый, да старый, ребятъ трое, да и самонравный; а она, что голубка кроткая, да покорливая... *(задумывается).* Легко сказать—пособи, а какъ путь пособишь?.. Самъ-то тоже вонъ какой своеобычный: что задумаетъ, такъ ужъ ему вынь да положь... Бѣда, коли согласье дастъ,—легко сказать: такой кралѣ со старымъ вдовцомъ жить! *(Пауза).* Ужъ, что будетъ, а попытаю я парня-то. *(Встаетъ, подходитъ къ двери и, пріотворивъ, кличетъ)*: Степушка, а Степушка!

(Голосъ за сценой).

Что бабушка?

Прохоровна.

Подь-ка сюда, я скажу чего... *(возвращается на прежнее мѣсто; входитъ Степушка).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Степушка.

Что бабушка надо?

Прохоровна.

Вотъ что, соколикъ: Егоръ-то Тихонычъ дома?

Степушка.

Дома бабушка.

Прохоровна.

Письмецо мнѣ надо-бы вотъ написать къ сестрѣ, такъ ты, соколикъ, сбѣги-ко къ нему, да кликни его ко мнѣ; скажи: Фіена Прохоровна, молъ, васъ къ себѣ кличетъ,—письмо, молъ, ей написать нужно; можно, молъ, къ нимъ—потому Надежды-то Потаповны дома нѣтъ—молъ, самой-то ей уйдти, молъ, и нельзя: не накого покои бросить...

Степушка.

Ладно, бабушка, сейчасъ (*хочетъ идти*).

Прохоровна.

Поди, я тебѣ орѣшковъ дамъ (*достаетъ изъ кармана орѣхи и даетъ ему*).

Степушка.

Спасибо, бабушка! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Прохоровна (*одна*).

Что-то скажетъ мнѣ соколъ-то ясный?.. А парень хорошій, добрый парень; дай-то Богъ, коли самъ-то подался-бы за него отдать; чего-бы лучше!.. Чу, идетъ! (*Входитъ Егоръ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Прохоровна и Егоръ.

Егоръ.

Мое почтеніе-съ, Фіена Прохоровна.

Прохоровна.

Здравствуй, Егоръ Тихонычъ; я потревожила тебя.

Егоръ.

Ничего-съ; я для васъ, Фіена Прохоровна, всегда съ удовольствіемъ-съ.

Прохоровна.

Садись-ко, голубчикъ.

Егоръ.

Ничего-съ, благодарю покорно.

Прохоровна.

Садись, что стоять-то, не выростешь ужъ.

Егоръ.

Это точно-съ; да привычны мы къ этому *(садится)*.

Прохоровна.

А я къ тебѣ, Егоръ Тихонычъ, признаться, съ поклономъ другому-то кучиться некому, да и дома-то, чай, никого нѣтъ,—писъмецо-бы надо мнѣ написать.

Егоръ.

Чтоже-съ, съ моимъ превеликимъ удовольствіемъ, Фіена Прохоровна.

Прохоровна.

Спасибо тебѣ, голубчикъ, что не оставляешь старуху; да только мыслями-то не знаю какъ соберусь: печаль-то у насъ съ Наденькой не малая.

Егоръ.

Что такое-съ, Фіена Прохоровна, развѣ Надеждѣ Потаповнѣ кто неудовольствіе какое сдѣлалъ?

Прохоровна.

Да какъ-же: Потапъ-то Степанычъ, слышно, въ мысляхъ имѣетъ въ законъ ее отдать.

Егоръ.

За кого-съ?

Прохоровна.

То-то и бѣда, что Черниковъ присватался; а ты, другъ, самъ разсуди: какая ужъ онъ пара ей: вдовецъ, дѣтей трое, старый, да и нравный-преправный; а она-то у меня, вѣдь, краля писаная ягодка наливная, да и вмѣсто сердца тоже не лапоть въ себѣ имѣетъ, тоже сердчишко-то можетъ и ноетъ по комъ...

Егоръ *(съ участіемъ).*

Это точно-съ, Фіена Прохоровна; Черенковъ ужъ что имъ за мужъ... Попросили бы они Потапа Степаныча-то, можетъ и сжалится, не захочетъ свое дѣтище погубить.

Прохоровна.

Эхъ, Егорушка, да вѣдь все одно это выйдетъ—за этого не пойдетъ, другой подсватается такой-же...

Егоръ.

А развѣ Надежда Потаповна въ дѣвицахъ желаютъ остаться?

Прохоровна.

На что въ дѣвицахъ, кабы по душѣ человѣкъ присватался... Да и то еще бѣда, Егорушка, что по душѣ человѣкъ-то бѣдненекъ больно, вотъ, примѣрно, какъ ты.

Егоръ.

Это точно-съ, тутъ ужъ куда нашему брату мечтать-съ *(вздохнувъ)*. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ... Оно, конечно-съ, другой и бѣдный, да можетъ душу-то имѣетъ честнѣй богатаго, а все-же ему ходу нѣтъ. Вотъ хоть про себя скажу—другой разъ даже взгрустнется, какъ подумаешь: ничего-то у тебя нѣтъ, никому-то ты не нуженъ,—весь вѣкъ, можетъ, должонъ таскаться по чужимъ дворамъ *(вздыхаетъ)*.

Прохоровна.

Умный ты паренекъ, а глупую рѣчь сказалъ... Еще никому неизвѣстно, что Богъ тебѣ впереди-то судилъ; ты еще молодешенекъ, можетъ и самъ когда будешь хозяиномъ не плоше Потапа Степаныча; можетъ на богатой да на красавицѣ женишься.

Егоръ *(грустно махнувъ рукой).*

Эхъ не намъ-съ про это счастье мечтать!.. Кто пойдетъ за горемыку, у коего не только своего угла,—своего кола, своего хлѣба нѣтъ-съ?

Прохоровна.

А можетъ полюбишься кому,—ты вѣдь вонъ какой молодецъ.

Егоръ.

Опять-же и то сказать, Фіена Прохоровна: если-бы была мнѣ не по душѣ, такъ будь хотя и ни вѣсь-какъ богата, а я такъ по-

нимаю,—что противъ сердца не женился-бы;—неволить меня некому: я во всемъ свѣтѣ одинъ-съ.

Прохоровна.

Ишь ты, какой разборчивый! Поди-ко ты, давай ему богатую, красавицу, да еще чтобъ по сердцу была...

Егоръ.

Я это такъ-съ, къ слову.

Прохоровна.

Да неужто-бы ты не женился, къ примѣру, на нашей? *(пытливо смотритъ на него).*

Егоръ *(потупясь).*

Къ чему-же вы эти рѣчи ведете?.. Ежели вы это говорите про Надежду Потаповну, такъ я, такъ долженъ понимать, что вы шутите.

Прохоровна.

Я только къ примѣру говорю: если-бы Потапъ Степанычъ согласенъ былъ, да и она ничего-бы?

Егоръ.

Что напрасно слова терять, Фіена Прохоровна: этому не бывать,—значитъ, и мечтаніе объ этомъ незачѣмъ имѣть.

Прохоровна.

Что-жъ, значитъ, она тебѣ не по нраву?

Егоръ *(вскинувъ глазами и, помолчавъ, съ жаромъ).*

Фіена Прохоровна! коли вы меня пытаете, такъ я вамъ скажу! хотите – говорите Надеждѣ Потаповнѣ, хотите—нѣтъ... Она мнѣ вотъ какъ не по нраву, что, кажись, если-бы потребовалась моя душа, для того, чтобы разладить ея свадьбу съ Черенковымъ,—коли онъ ей не по сердцу,—такъ я бы, съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ, душу за это отдалъ.

Прохоровна.

А ты зрячину-то не говори: душа-то Божія.

Егоръ *(еще съ большимъ жаромъ).*

Нѣтъ-съ, Фіена Прохоровна, не зрячину я говорю,—а говорю я вамъ то, что душа моя чувствуетъ; у меня, можетъ, все сердце изныло да изболѣло, да что подѣлаешь: не про насъ, видно, Богъ счастье сотворилъ!

Прохоровна.

У тебя, парень, видно, губа-то не дура, языкъ не лопата...

Егоръ.

Я, Фіена Прохоровна, не изъ корысти какой, а отъ всего моего сердца... Мнѣ что-съ: дѣлу этому не бывать да и не важиваться, и у Бога-то тоже не всѣ, видно, равны;—а я промолвился такъ, по простотѣ своей...

Прохоровна.

Погоди Бога-то тутъ путать; можетъ и ты ей по душѣ.

Егоръ *(съ неудовольствіемъ, вставая).*

Вы шутите-съ, а мнѣ эти шутки сердце рѣжутъ; что-жъ забавляться-то-съ?

Прохоровна *(повелительнымъ тономъ).*

Что всталъ—сядь! тебѣ говорятъ дѣло, такъ слушай; не стала-бъ я, на старости лѣтъ, въ дѣла-то ваши грѣховныя путаться, кабы мнѣ не жаль её, голубушку; истомилась она вся, извелась, на себя стала не похожа... Вы, псы, хоть кому голову вскружите; васъ на то только и взять!..

Егоръ *(взволнованно и подходя къ ней).*

Фіена Прохоровна! коли вы не шутите, такъ на меня вамъ нечего сердчать: такой человѣкъ, какъ я, своему счастью не скоро повѣритъ, потому что мы его еще не видывали .. *(берется за голову)* Господи! кабы это правда!..

Прохоровна.

Такъ, вѣдь, тебѣ не на смѣхъ говорятъ.

Егоръ *(съ чувствомъ).*

Фіена Прохоровна! чѣмъ мнѣ васъ отблагодарить за это?.. Господи! Кажись не знаю, чтобы сдѣлать... Я теперь на все рѣшился бы!.. Я и въ мысляхъ своихъ не смѣлъ держать, чтобы Надежда

Потаповна обо мнѣ хоть чуточку думала, а тутъ вдругъ—такое счастье...

Прохоровна.

Ты ни егози, а о томъ подумай: самъ-то за Черенкова кабы её не сладилъ; съ этимъ-то вотъ какъ быть?

Егоръ.

Эхъ, Фіена Прохоровна, вотъ оно сиротское-то наше счастье... Потапу Степанычу я, кажись, всей душой служу, а теперь—хоть въ кабалу къ нему идти, такъ и то съ превеликой-бы радостью... Только врядъ-ли согласится онъ отдать мнѣ Надежду Потаповну... А мы ужъ какъ-бы, кажись, зажили! Я бы её лелѣялъ,—она и не знала-бы у меня, что такое горемъ называется...

Прохоровна.

Просить вмѣстѣ будете, можетъ, и подастся... Поговори ты съ ней объ этомъ,—придетъ, чай, скоро,—она въ саду бродитъ... Да постой, я позову ее *(подходитъ къ окну, глядитъ въ садъ, потомъ манитъ. Отойдя отъ окна)* Идетъ... Ну, вы поговорите съ ней тутъ чуточку, а я пойду покараулю, какъ-бы самъ-то не подвернулся... Да только ты смотри у меня, молодецъ, себя помни, не настряпай чего: ея дѣло дѣвичье, глупое, а ты долженъ понимать, чтобъ послѣ не наплакаться.

Егоръ *(въ смущеніи)*.

Помилуйте, Фіена Прохоровна,—развѣ я себя не понимаю...

Прохоровна.

Ну, то-то...

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ-же и Надя.

Надя *(быстро входя)*.

Ну, что, няня, видѣла его? *(увидавъ Егора)* Ахъ!.. *(въ смущеніи останавливается)*.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Картина 1-я.

Сцена представляетъ комнату Нади. У задней стѣны, прямо, стоитъ горка съ серебромъ столовымъ и чайнымъ; сквозь стекол видны вызолоченные кубки, бокалы, чарки, стаканы, чайный дорогой приборъ; на горкѣ стоитъ серебряный самоваръ. У одной стѣны стоитъ комодъ; на немъ круглое зеркало въ серебряной рамѣ и разныя бездѣлушки; по другой стѣнѣ дверь въ спаленку Нади. Ближе къ аван-сценѣ большой сундукъ, накрытый ковромъ. Одна выходная дверь и два окна, по одному на каждой сторонѣ; на нихъ горшки съ цвѣтами. У одного окна, облокотясь на пальцы, въ задумчивости, сидитъ Надя. Лиза за столомъ гадаетъ на карты.

ЯВЛЕНІЕ I.

Надя и Лиза.

Лиза *(гадая на карты и открывая по одной).*

Любитъ, не любитъ, плюнетъ, поцѣлуетъ,—любитъ, не любитъ, плюнетъ, поцѣлуетъ,—любитъ... *(бросивъ карты и захлопавъ въ ладоши)* Любитъ, любитъ! Я такъ и знала, я такъ и думала! Ахъ, душка мой!..

Надя *(выходя изъ задумчивости, равнодушно).*

На кого это ты гадаешь?

Лиза.

Много будешь знать—скоро состаришься.

Надя.

Развѣ секретъ какой?

Лиза.

Ужасть какой секретъ... Не скажешь?

Надя.

Нѣтъ.

Лиза.

Ну слушай... Смотри же, чуръ *(грозитъ пальцемъ)*, ни гу-гу! Я познакомилась съ однимъ молодымъ кавалеромъ, изъ себя—про-

сто красавецъ писаный и даже притомъ военный... Ужасть какой интересный кавалеръ.

Надя.

Гдѣ-же ты съ нимъ познакомилась?

Лиза.

А вотъ, видишь, какъ это дѣло было: сижу это я разъ подъ окошечкомъ да гляжу на улицу, а маменьки-то въ комнатахъ не было—она на кухнѣ варенье варила; только, знаешь ты, сижу да смотрю,—скучно таково что-то мнѣ въ ту пору было. Вдругъ, смотрю—идетъ офицеръ и съ саблей; какъ только поровнялся съ моимъ окномъ, такъ сейчасъ глазами вотъ-такъ сдѣлалъ и улыбнулся; я ему тоже, знаешь, этакъ показала видъ; ну и теперь онъ каждый день мимо нашихъ оконъ ходитъ и все на меня смотритъ и улыбается, а глазами-то вотъ этакъ... вотъ такъ (*показываетъ*).

Надя.

Какъ это ты не боишься? Какая ты, Лизанька, смѣлая...

Лиза.

А чего мнѣ бояться-то? Что онъ съѣстъ чтоли меня черезъ окно-то? А ты про то подумай: военный вѣдь, какъ есть офицеръ и съ саблей; а ужъ какой изъ себя красавчикъ,—просто... (*дышетъ ручкой*).

Надя.

А разговоровъ у васъ съ нимъ не бываетъ?

Лиза.

Нѣтъ, разговоровъ не бываетъ—нельзя... Ну а ты какъ, съ Егоромъ-то видаешься?

Надя (*грустно*).

Видаться видаюсь, да что толку-то; въ разговорахъ только душу-то и отводимъ... А къ батюшкѣ и приступиться не знаемъ какъ.

Лиза.

А что?

Надя.

Да про Черенкова намеки даетъ.

Лиза (хохочетъ).

Ха, ха, ха! ну женихъ,—можно чести приписать!..

Надя.

Тише ты, кто-то идетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Прохоровна (вноситъ тарелку съ орѣхами и пряниками).

Прохоровна.

Вишь ты, хохотушка, заливается?.. На-те-ко вотъ, бѣлочки, погрызите орѣшки-то.

Лиза.

Благодаримъ покорно;—какъ и безъ сластей сладко жить, а погрызть можно (*беретъ нѣсколько орѣховъ и пряниковъ*).

Прохоровна.

Охъ, ты, дѣвка; вострая ты больно, смотри!..

Лиза.

Слыхала я это, бабушка, что востра-то, да что-же мнѣ дѣлать съ собой, коли у меня нравъ такой веселый?

Прохоровна.

Погоди, воструха, не все подъ матушкинымъ крылышкомъ жить будешь,—отдадутъ и замужъ.

Лиза.

Я, бабушка, замужъ не пойду, а пойду въ монастырь—игуменьей буду..

Прохоровна.

Охъ, егоза! тебя только послушай... Ужъ доподлинно тебѣ только монашенкой и быть, въ черной расѣ ходить,—по всему видно...

Лиза.

А то какъ-же, неужто замужъ идти? Еще какой попадетъ; навернется такой, какъ Черепковъ,—куда какъ весело! (*къ Надѣ*) Надя, да что ты все молчишь, точно нѣмая?

Надя.

Не по себѣ мнѣ что-то сегодня, точно вѣстъ горя какого жду; кабы съ батюшкой не случилось чего.

Прохоровна.

О, полно-ка прежде-то говорить.

Надя.

Право, такая тоска со мной, что дѣться не знаю куда.

Лиза.

Э, полно, не думай,—пройдетъ... Повинись съ Егоромъ батюшкѣ и проси, чтобы благословилъ.

Прохоровна.

Врядъ-ли, дѣвынька... Здается мнѣ, что не даромъ, не безпричинно сталъ Потапъ Степанычъ подарки всякіе драгоцѣнные возить,— на свадьбу онъ клонитъ... Охъ, хо, хо! И такую мы это кашу заварили, что хоть шабровъ расхлебывать зови...

Лиза.

Эхъ, кабы на мой характеръ—все бы по моему было! Не захотѣлъ-бы батюшка добромъ выдать, — уходомъ повѣнчались-бы; а была-бы женой того, кого люблю, а не то, такъ ни чьей!

Прохоровна.

Что ты, полу-умная, болтаешь! уходомъ,—эко слово брякнула!.. такія слова и говорить-то, такъ себѣ погибель!.. Чтобы это противу родительской власти да замужъ идти, а!.. Ахъ ты, дѣвка, дѣвка! Мужъ-то, вѣдь, не чехликъ—износилъ да бросилъ, и опять къ отцу пришелъ; съ нимъ вѣкъ жить, жизнь коротать, а какъ ты будешь жить-то съ нимъ, коли родитель не благословитъ тебя и не дастъ ничего?

Лиза.

Авось прожили-бы, по-міру не пошли... Сдѣлай и ты, Наденька, такъ,—чего смотрѣть-то?

Прохоровна.

Полно, полно ты, дѣвка! и Бога не гнѣви, и меня не смущай!.. Да при такомъ дѣлѣ мнѣ и головы не сносить...

Надя.

Ты вонъ какая смѣлая, Лизанька,—тебѣ все нипочемъ, а я не могу... Да и то сказать: ты живешь по своей волѣ, какъ захотѣла, а у насъ развѣ это можно? Я одного взгляда-то батюшкинаго пуще огня боюсь... (*слышенъ стукъ экипажа*).

Прохоровна.

Стойте-ко! Чу, должно быть, самъ пріѣхалъ; что-йто, какъ рано?.. *(смотритъ въ окно)*. Э, да это за тобой никакъ, Лизавета Ниловна.

Лиза.

Можетъ статься, что и за мной.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Степушка.

Степушка (*въ дверяхъ*).

Лизавета Ниловна, за вами пріѣхали.

Лиза.

Ладно; скажи, что сейчасъ, молъ, выходитъ. *(Степушка уходитъ. Лиза, одѣваясь)*: Надя, отпросись завтра къ намъ,—день же праздничный; у насъ повольнѣй вашего-то, а вось съ тобой и тоска пройдетъ.

Надя.

Ладно, Лизанька, попрошусь.

Лиза.

Пріѣзжай,—поболтаемъ. Я тебѣ много кое-чего разскажу... Ну, прощай! *(цѣлуются)*. Прощай, Фіена Прохоровна, не поминай лихомъ,—а добромъ-то нечѣмъ!...

Прохоровна.

Прощай, Лизавета Ниловна, не забывай сиротку-то мою. (*Тихо*). Да смотри, красавица, про разговоры-то наши, да про дѣла кому не промолвись.

Лиза.

Не таковская я, Фіена Прохоровна, чтобы изъ избы соръ выносить,—не бойся!

Прохоровна.

То-то, а то и мнѣ, старухѣ, достанется; а пуще всего ей-то, косаткѣ...

Лиза.

Говорю—не таковская я, не опасайся... Ну, прощайте! *(Уходитъ. Надя провожаетъ ее)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прохоровна (*одна*).

Славная-бы дѣвушка, да востра только не въ мѣру,—того и гляди все разболтаетъ; а моя-то съ проста-ума возьми, да все и разскажи; боюсь, кабы грѣха не нажить... Самъ-то узнаетъ—разразитъ меня совсѣмъ... Охъ, хо, хо, дѣвки, дѣвки! (*входитъ Надя и садится за пяльцы*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Надя и Прохоровна.

Надя.

Какая веселая эта Лиза... (*помолчавъ*): Что это, какъ грустно мнѣ сегодня? и сердце ноетъ, словно разорваться хочетъ...

Прохоровна.

Да ты, ластушка моя, больно думчива, это оттого съ тобой и дѣлается... Думать много—тоже, вѣдь, во вредъ...

Надя.

Это не отъ думъ. Я и ночи плохо сплю, и сны все такіе нехорошіе вижу...

Прохоровна.

Что-жъ сны? И сны тоже, что и думы, и дѣла людскія: одни отъ Бога посылаются, а другія лукавый наводитъ... Постой-ка,—вотъ, ужо, какъ спать ложиться будешь,—я тебя съ уголька умою...

Надя.

Нѣтъ, няня, отъ тоски моей никакая ворожба не поможетъ... (*помолчавъ*): Егорушку-бы кликнуть,—все-бы, можетъ, я съ нимъ поразговорилась маленько.

Прохоровна.

Какъ-бы самъ-то скоро не прибылъ.

Надя.

Нѣтъ, онъ сказалъ, что скоро не будетъ... Стукни, пусть придетъ.

Прохоровна (*вставая*).

Охъ, ужъ ты мнѣ, дѣвка!.. (*идетъ въ одинъ уголъ и три раза ударяетъ въ полъ ногою*). Боюсь я больно, какъ-бы кто изъ дворни

не подглядѣлъ за нимъ; народъ всѣ глазастый, какъ разъ Потапу Степанычу донесутъ.

Надя.

Кому подглядывать-то нужно? теперь-же ужъ смеркается и не замѣтятъ, какъ промелькнетъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Егоръ (*за дверью*).

Можно войти?

Прохоровна (*отворяя дверь*).

А ты тише, парень! чего горланишь-то, чтобы слышали что-ли? такъ я впередъ и пускать не стану.

Егоръ.

Не сумнѣвайтесь, Фіена Прохоровна, слышать некому: кто за воротами, кто на кухнѣ... Здравствуйте, Надежда Потаповна, какъ ваше здоровье-съ?

Надя.

Не по себѣ мнѣ, Егорушка: сосетъ мнѣ что-то сердце, такъ сосетъ, что я и разсказать не могу.

Прохоровна.

Ну вы покалякайте тутъ маленько, а я на кухню схожу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же безъ Прохоровны.

Егоръ (*обнимая Надю*).

Радость ты моя, жизнь моя!... (*молчитъ*) А я ужъ думалъ, что ты меня и не позовешь сегодня.

Надя.

Скучно мнѣ безъ тебя, Егорушка, ахъ какъ скучно!

Егоръ.

А мнѣ-то безъ тебя разъ веселье... Эхъ, Надежда! кабы ты знала да вѣдала, что вотъ тутъ-то у меня (*ударяетъ по груди*), ты о себѣ и говорить тогда не стала-бы...

Надя.

Разъ горе у тебя какое есть?

Егоръ.

Горе не горе, а побольше того.

Надя.

Что-же такое, скажи?

Егоръ.

Да что тебѣ говорить-то: ты и сама про то горе извѣстна... Я все про судьбу свою думаю — не надумаюсь... Не переносно мнѣ, твою ласку видючи, смотрѣть, какъ поведутъ тебя подъ вѣнецъ съ другимъ... Вотъ Потанъ Степанычъ мною и доволенъ, кажись, а доведись заикнуться ему, чтобъ онъ наше счастье составилъ, что онъ скажетъ?... У меня нѣтъ ни роду, ни племени, ни двора, ни кола—какъ есть бобыль... Эхъ, жизнь!...

Надя.

Погоди, Егорушка, убиваться, авось, Богъ дастъ, все уладится... Какъ только мнѣ батюшка скажетъ прямо, что за Черенкова меня выдать хочетъ, я ему въ ноги и во всемъ покаюсь. Можетъ быть и умолю его...

Егоръ.

Наврядъ... Онъ тоже крутъ, опять-же понимаетъ себя, какъ первый богатѣй въ городѣ и у всѣхъ въ почетѣ... А ужъ, кажись, какъ-бы мы зажили!

Надя.

Постой, повремени маленько.

Егоръ *(обнимая ее)*.

Лелѣялъ-бы я тебя, мою голубушку, и рядилъ-бы въ шолки да бархаты, какъ королева-бы ты ходила у меня, на удивленье да на зависть всѣмъ.

Надя.

Не изъ того я хлопочу, Егорушка! у меня и теперь нарядовъ всякихъ довольно есть, а ничего я не могу подѣлать съ своимъ сердцемъ—милѣй ты мнѣ всѣхъ на свѣтѣ, да и все тутъ! *(обнимаетъ его и цѣлуетъ)*.

Егоръ.

Эхъ, ты радость моя! Знаю я, что у тебя и теперь всего вдосталь, да не о томъ я рѣчь веду,—а хочу, чтобы ты была на-

рядней всѣхъ, такъ-же, какъ ты краше всѣхъ; хочу я, чтобъ тобою весь міръ любовался; пройдешь-ли ты, проѣдешь-ли, чтобъ каждый вслѣдъ тебѣ смотрѣлъ, да мнѣ завидовалъ... И жилабы ты въ радости и отъ всѣхъ въ почетѣ...

Надя.

Безъ тебя не надо мнѣ ни почета, ни богатства; а если-бы батюшка благословилъ насъ, такъ другаго счастья и не просила-бы.

Егоръ.

Что-же ты какъ-нибудь не закинешь ему словцо про это.

Надя.

Страшно какъ-то, Егорушка! съ духомъ собраться не могу... Да и то другой разъ думается, что рѣчи-то батюшкины про Черенкова, можетъ, только такъ, къ слову, приходятся, потому какъ онъ меня засваталъ...

Егоръ (*съ сомнѣніемъ*).

Не знаю... А впрочемъ, тебѣ виднѣй...

Надя.

Можетъ, я бы съ нимъ и поговорила, да не приходится одного-то его видѣть, — все либо у него кто есть, либо я не одна... (*Въ это время быстро вбѣгаетъ Прохоровна*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и Прохоровна.

Прохоровна (*въ испугѣ къ Егору*).

Батюшки!.. Бѣги!.. Самъ пріѣхалъ!.. (*слышенъ грохотъ экипажа*). Батюшки!.. (*Надя бѣжитъ къ окну; Егоръ бросается въ дверь, но тотчасъ-же возвращается*).

Егоръ (*въ волненіи*).

Вѣда! Потапъ Степанычъ у самой лѣстницы стоитъ; кажись, сюда пробирается... Спрячьте меня...

Прохоровна (*подбѣгая къ двери, запираетъ ее*).

Батюшки!.. Что намъ будетъ?!..

Егоръ (*подбѣгая къ окну*).

Въ окно!..

Надя (*схвативъ его за руку*).

Что ты?! Убьешься!.. (*Быстро озираясь*). Иди, лягъ подъ перину, я закрою!.. Чу, идетъ! Скорѣй, скорѣй!.. (*Всѣ быстро уходятъ въ боковую дверь*).

Чекановъ (*за сценой*).

Отоприте-ко, что вы тамъ припёрлись?

Прохоровна (*выходя*).

Охъ!.. Сейчасъ, батюшка! (*Оглядывается на дверь, дѣлаетъ руками знаки и отпираетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же и Чекановъ.

Чекановъ (*входя, осматриваетъ комнату*).

Что это вы взаперти сидите? воровъ чтоль боитесь? Ну, здравствуйте!

Прохоровна.

Здравствуйте, батюшка, Потапъ Степанычъ. (*Надя входитъ блѣдная и цѣлуетъ руку*).

Чекановъ (*къ дочери*).

Ты здорова-ли?—Что это тебя точно лихорадка бьетъ?

Надя.

Озябла что-то, батюшка.

Прохоровна.

Съ утра сегодня все жалуется, что моченьки ей нѣтъ.

Чекановъ (*Прохоровнѣ*).

Такъ ты-бы напоила ее чѣмъ-нибудь,—малиной что-ли, аль цвѣту липоваго настой...

Прохоровна.

Напою, батюшка, безпремѣнно напою. (*Въ сторону*) Матъ Пресвятая Богородица!..

Чекановъ.

Да въ постель уложи ее, укутай потеплѣй... А тамъ, что будетъ, такъ и лекаря можно. (*Къ дочери*) Теперь тебѣ хворать не должно́,—не время... Дѣла-то, вотъ, только меня все задерживаютъ—никакъ нельзя. Вотъ и теперь заѣхалъ только наказать Егору кое-

что, да въ биржу нужно;—можетъ, до полуночи тамъ проколобродимся. До тебя тоже дѣльце невеликое есть: слово сказать надо... Черенковъ тутъ мнѣ наказалъ передать...

Надя.

Батюшка!..

Чекановъ.

Что ты?

Надя.

Я не могу... батюшка!...

Чекановъ.

Чего не можешь?

Надя.

Послѣ, батюшка!..

Чекановъ.

Чего-жъ послѣ-то? Говори толкомъ!... Да что тебя какъ трясетъ?...

Надя.

Моченьки моей нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же и Степушка.

(*Входитъ Степушка*).

Чекановъ.

Ну, что-жъ, Егоръ-то?

Степушка.

Да они, должно быть, со двора отлучились,—по всему дому искалъ—нѣтъ-съ...

Чекановъ.

Какъ со двора? Кто-жъ его пускалъ? Этого не можетъ быть! Какъ онъ можетъ безъ спроса... Тамъ онъ гдѣ-нибудь: въ молодцовской, аль въ конторѣ...

Степушка.

Вездѣ бѣгалъ—не видать-съ.

Чекановъ.

О, чтобъ васъ лѣщій придавилъ,—прохвостъ!.. Подь, покличь по двору, да за воротами нѣтъ-ли?.. (*Степушка уходитъ*). А что, тутъ безъ меня лошадей не приводили?

Прохоровна.

Нѣтъ, Потапъ Степанычъ, не видать что-то было.

Чекановъ (*дочери*).

Я лошадей пару покупаю; нарочно велѣлъ привести—еще понравятся-ли. Говорятъ, добрые кони,—съ завода; по зимѣ на бѣгу первую призу взяли... Онѣ тебѣ пойдутъ!

Надя.

Благодарю васъ, батюшка; я отъ васъ и такъ всѣми награждена.

Чекановъ (*Прохоровнѣ*).

Подь-ка, покличь Егорку-то... гдѣ онъ тамъ застрялъ, пострѣлъ этакой; а мы съ ней, покамѣсть, потолкуемъ—дѣло есть.

Прохоровна.

Слушаю, батюшка, Потапъ Степанычъ.

Чекановъ.

Чтобъ тамъ внизу подождалъ меня, Егоръ-то.

Прохоровна.

Слушаю (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Чекановъ и Надя.

Чекановъ.

Я тебѣ давно хотѣлъ сказать, да вотъ все за дѣлами-то не могъ собраться, какъ должно... Черенкову, Калистрату Петровичу, ты больно по душѣ; сказываетъ онъ, пришлась; сватать хочетъ... Пойдемъ-но въ горенку, да потолкуемъ пока... (*уходитъ въ боковую дверь; Надя слѣдуетъ за нимъ въ большомъ волненіи. Дверь затворяютъ. Немного погодя, отворяется, въ тревогѣ, входитъ Прохоровна*).

Прохоровна.

Туда ушла!.. Охъ, бѣда неминучая!.. Найдетъ онъ его тамъ, да [illegible] на мѣстѣ и разразитъ!.. Охъ, пропала моя головушка! (*подходитъ къ двери и смотритъ въ щель*). Батюшки, смерть моя! [illegible] и сѣлъ... Охъ, учуетъ онъ его подъ периной-[illegible] мои подгибаются... Что намъ будетъ!.. (*въ отчаяніи отходитъ отъ двери, потомъ опять подходитъ и смотритъ въ щель*) Сидитъ!.. Охъ, хоть наѣхалъ-бы кто! (*въ тревогѣ отходитъ и снова подходитъ къ двери*). Все сердечушко изныло... Батюшки! [illegible] мой пришелъ... Помяни, Господи, царя Давыда и [illegible] его!.. Охъ, какъ-бы вызвать-то его оттуда?.. (*послѣ [illegible] нерѣшимости отворяетъ дверь*) Батюшка, Потапъ Степановичъ, не видалъ его, что-то.

Чекановъ (*за сценой*).

Да куда-жъ онъ къ лѣшему задѣвался? Какъ-же эфто онъ [illegible], кто ему на то дозволеніе далъ?.. Въ контору [illegible]?

Прохоровна.

Бѣгала, батюшка, и въ контору, да нѣтъ...

Чекановъ.

О, чтобъ ему провалиться! Ну, приди онъ только у меня!.. Лучше бъ онъ ко мнѣ и на глаза не ходилъ!.. (*выходитъ съ Надей*). Ну, дѣлать нечего; ждать-то мнѣ нельзя... Если кто ко мнѣ сегодня будетъ, такъ сказать, что я въ биржѣ; коли дѣло безотлагательное—пусть туда ѣдетъ, а коли можно обождать, такъ чтобы завтра въ обѣдню этакъ...

Прохоровна.

Слушаю.

Чекановъ (*указывая на Надю*).

Напой ты её чѣмъ-нибудь, да уложи, чтобъ пропотѣла,—вишь какъ бьетъ её...

Прохоровна.

Слушаю,—все будетъ исполнено.

Чекаповъ.

Ну, прощайте. (*Надя подходитъ и цѣлуетъ руку*). А ты помни, блажь-то изъ головы выкинь; я ужъ порѣшилъ съ нимъ и сваху велѣлъ засылать... (*уходитъ; Прохоровна провожаетъ его*).

Надя (*нѣсколько времени прислушивается*).

Уѣхалъ?.. Егорушка, выходи—уѣхалъ. (*уходитъ въ боковую дверь. Со свѣчею въ рукахъ возвращается Прохоровна*).

Прохоровна.

Ой, батюшки-свѣтъ! Вотъ натерпѣлась страховъ-то,—и теперь еще не опомнюсь!.. Ну-ко, пострѣлъ, выходи что-ли, что-ты еще!

Надя (*въ ужасѣ дрожа, выходитъ. Шепотомъ*).

Что съ нимъ? Спитъ?! Поди, взгляни... Онъ не дышетъ!.. (*тащитъ ее къ двери*). Поди... поди!..

Прохоровна (*выронивъ свѣчу*).

Полно, что-ты!? (*уходитъ; Надя остается на сценѣ и въ тревожномъ ожиданіи смотритъ въ боковую дверь*).

Надя.

Что?.. Живъ?.. А?..

Прохоровна (*въ дверяхъ*).

Батюшки!.. Задохся!..

Надя.

Задохся!.. (*съ воплемъ падаетъ*).

Занавѣсъ.

Картина 2-я.

Комната Нади. Ночь. Сцена остается нѣсколько времени пустой; потомъ входитъ Прохоровна съ фонаремъ и, осмотрѣвшись, манитъ изъ-за двери Парфена. Тотъ тихо входитъ съ веревками въ рукахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Прохоровна (*вполголоса*).

Охъ, иди-ка, родной, да потише только... (*выходитъ на авансцену*) Такъ ты, Парфенушка, говоришь, что все приготовилъ?

Парфенъ (*также вполголоса*).

Да чего-жъ мнѣ готовить-то? У бочки, значитъ, дно высадилъ я шабашъ!..

Прохоровна.

Экой грѣхъ какой, экой грѣхъ!.. Тамъ-то ты какже справишься, желанный?

Парфенъ.

Тамъ-то что, пустое дѣло;—со двора только-бы свезти; да ничего справимъ, значитъ. Стащу, то-ись, я его, да, значитъ, въ бочку; дно опять вставлю, и пошелъ;—какъ есть за водой поѣхалъ; а тамъ отъѣду подальше, гдѣ народъ не бываетъ,—ну и съ Богомъ!

Прохоровна.

Да ты, родной, пораньше поѣзжай, пока народъ спитъ.

Парфенъ.

Знамо, до свѣтовъ еще, пока народъ не проснулся—тутъ слободнѣй; заѣду, значитъ, поглубже, да и выпущу его изъ бочки-то; въ водѣ-то оно и не вприм̂ѣту будетъ...

Прохоровна (*оборотясь къ двери*).

Эхъ, молодецъ, молодецъ, головушка безталанная! Думано-ли, гадано-ли, что тутъ себѣ слезный конецъ найдешь; безъ исповѣди, безъ причастія растанешься съ своей душенькой грѣшной; что не попъ тебя отпѣвать будетъ, не въ гробъ тебя честно положатъ, не мотильная земля засыплетъ твои ясныя очи; а пойдешь ты, безталанный, съ камнемъ въ Волгу-матушку!.. (*плачетъ*).

Парфенъ.

Значитъ, на роду было написано...

Прохоровна.

Охъ, Парфенушка, сумлѣніе меня беретъ, что ты справишься-то.

Парфенъ.

Ужъ, коли, взялся, такъ будь благонадежна,—обработаю дѣло; только, значитъ, чтобъ ужъ и вы были въ аккуратѣ... Теперь, значитъ, половину получилъ, а другую, какъ вернусь—утресь.

Прохоровна.

Да ужъ ты на этотъ счетъ будь безъ сумлѣнія: ни за чѣмъ не постоимъ...

Парфенъ.

Знамо такъ,—послуга тоже не малая, потому какъ я въ отвѣтѣ тоже могу быть...

Прохоровна.

Охъ, родимый, кажись, по гробъ жизни не забудемъ тебя и оставлять не станемъ; только ты какъ не промолвись кому—не сгуби наши головы... Охъ, моя то недорога, да ее-то, голубушку кроткую, жаль...

Парфенъ.

Для-че-жъ я буду болтать объ эвдакомъ дѣлѣ? это тоже не подходяще—чай, не двухъ по третьему...

Прохоровна.

Ужъ убереги ты ее, кручинную... Рехнулась, совсѣмъ рехнулась, болѣзная: ничего не понимаетъ, что ей не говори; лежитъ вся, какъ въ огнѣ, мечется, бредитъ... Должно быть, огневица начинается...

Парфенъ.

Ишь ты, дѣло какое.

Прохоровна.

Охъ-хо-хо!.. Съ бочкой-то ты какъ-же, желанный?

Парфенъ.

Что-жъ съ бочкой? Скажу: дно выпало—съ дрогъ, молъ, упала... Расколоть ее можно...

Прохоровна.

Экой грѣхъ какой, эко горе!..

Парфенъ.

Да, дѣло не малое, боязное дѣло... Да Богъ милосливъ! Со двора-бы только... Одначе, покамѣстъ я-бъ его снесъ да упряталъ въ бочку-то...

Прохоровна.

На немъ и смертнаго савана-то нѣтъ; хоша въ холстъ его обернуть...

Наростъ.

[illegible], можно и въ холстъ: а потомъ я, значитъ, его перев-[illegible] (*Прохоровна [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Парфеніемъ уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ II.

(*Вбѣгаетъ [illegible] Надя, босая, въ ночной бѣлой блузѣ, съ распущенными волосами*).

Надя.

Гдѣ онъ? [illegible] мнѣ его!.. Егорушка!.. Онъ спитъ...

Прохоровна (*быстро подходя къ ней*).

Надюшка, [illegible], голубка моя! что ты? что съ тобой, желанная?

Надя (*отстраняя Прохоровну*).

Наступитъ страшный судъ... Ангелы протрубятъ въ небесахъ... Воскреснутъ мертвые... Онъ встанетъ... Онъ придетъ ко мнѣ...

Прохоровна (*обнимая ее*).

Парфенушка, батюшка, уноси ты его поскорѣй: вишь совсѣмъ рехнулася.

Наростъ (*за сценой*).

Сейчасъ справлю; веревкой только...

Надя (*вырываясь*).

Онъ спитъ... Грянетъ громъ, сверкнетъ молнія, опалитъ небеса и землю... онъ проснется... Тсъ!.. (*прислушивается; потомъ, указывая на небо, торжественно*). Чу!.. Слышите-ли? труба небесная трубитъ!.. (*останавливается въ этой позѣ*).

Прохоровна (*всплеснувъ руками*).

Господи, спаси насъ!..

Занавѣсъ.

Конецъ 2-го дѣйствія.

(Между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ проходитъ три недѣли).

ДѢЙСТВІЕ III.

Зало въ домѣ Чеканова, то-же, что въ первомъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

(*Надя, худая и блѣдная, сидитъ въ задумчивости, облокотясь о столъ*).

Надя (*тихо*).

Боже мой, какая тоска!.. Все сердце изболѣло, изныло, изорвалось!.. Ахъ, если-бы можно было забыть все,—все, что прошло!.. Если-бы можно было вынуть изъ головы память—лѣгче было-бы... Плакать—слезъ нѣтъ... Егорушка! желанный мой!.. (*помолчавъ*). Скорѣй-бы отпускалъ меня батюшка въ монастырь. Тамъ въ келѣйкѣ тихо... тихо... Я заперлась-бы и никто-бы меня не видалъ, и я никого не видала-бы... молилась-бы, просила-бы у Бога спокоя и его и своей душѣ... (*помолчавъ*). Зачѣмъ его нашли, зачѣмъ вынули, потревожили его? Ему тамъ хорошо было: онъ былъ тамъ одинъ—безъ людей. Волны надъ нимъ журчали и катились, рыбки плавали и играли, морская царевна пѣсни пѣла... тихо, славно тамъ... Если-бы не грѣхъ, я и сама тудаже-бы пошла; а то сердце отъ одной печали не зажило, а ужъ другая есть. Какъ избыть ее—ума не приложу... (*Задумывается*).

ЯВЛЕНІЕ II.

(*Входитъ Прохоровна и, качая головой, тихо подходитъ къ Надѣ*).

Прохоровна.

Сударка моя, полно, не кручинься!..

Надя (*вздрогнувъ*).

Ахъ, какъ ты испугала меня.

Прохоровна.

Изведешься, вѣдь, яхонтовая; опять захворать долго-ли!.. И то напугала какъ всѣхъ хворью-то своей. И батюшка-то твой, Потапъ Степанычъ, почитай отъ постели не отходилъ, самъ и лекарство давалъ и все себя попрекалъ. Онъ полагаетъ, что это тебѣ приключилось больше отъ его настоянія за Черенкова-то идти...

Надя.

Ахъ, если-бы онъ зналъ...

Прохоровна.

Ужъ и не говори!.. Ни жива, ни мертва, бывало, я сижу, какъ съ тобою бредъ пойдетъ. — Но, одначе, Богъ миловалъ. Хоть и проговаривалась, да непонятно таково, и все больше про страшный судъ поминала, даже страхъ возьметъ, бывало... Охъ, хо-хо! Одно горе сбыли, другое нажили. И правда, что бѣда бѣду родитъ. Вотъ теперь ворогъ-то, кровопивецъ-то всю кровь высосалъ, алчная душа, а все ему мало...

Надя.

Что еще?

Прохоровна.

Извѣстно что,—опять пришелъ. Вынь да выложь ему денегъ...

Надя.

Боже мой! Да гдѣ-же мнѣ ихъ набраться? — Я и такъ уже все продала, что было можно...

Прохоровна.

Да что-же ты съ нимъ, съ пьяной рожей, подѣлаешь? У него одинъ отвѣтъ: «теперь, говоритъ, судъ идетъ, такъ я сейчасъ могу это дѣло доказать, какъ оно было»...

Надя.

Что-же дѣлать, гдѣ-же взять денегъ? У меня нѣтъ больше...

Прохоровна.

Такой-то варваръ, такой-то аспидъ непрослыханный!.. Только и знаетъ: «докажу да докажу». И мои-то гроши, что на гробъ да на саванъ берегла,—и тѣ всѣ къ нему, къ аспиду, пошли!.. А сколь твоихъ денегъ да драгоцѣнностевъ лопнуло въ его анафемской утробѣ—и счету нѣтъ, а все ему мало; какъ пропьетъ, непутный, такъ опять подавай...

Надя *(съ отчаяніемъ).*

Когда-же все это кончится?..

Прохоровна *(качая головой).*

Охъ, бѣда наша неминучая. Ну, спроситъ Потапъ Степанычъ: брошки да браслеты-то,—какой отвѣтъ дашь ему? Охъ,

варваръ, варваръ! разорилъ совсѣмъ, и въ бѣду тянетъ, въ превеликую бѣду!..

Надя.

Ты говоришь, онъ опять пришелъ?

Прохоровна.

Тамъ, у крыльца, песъ немытый, дожидается.

Надя.

Позови его: я сама поговорю съ нимъ; спрошу, чего онъ хочетъ отъ меня?..

Прохоровна *(уходя)*.

Извѣстно, денегъ,—чего ему хотѣть-то, алчному, ненасытной утробѣ!..

Надя *(одна)*.

Что я могу дать ему, когда у меня ничего уже не осталось... Вотъ, такъ каждый день и мучусь, и плачу, и терзаюсь; когда-же конецъ этому придетъ? Какъ тутъ жить, когда за каждый часъ въ страхѣ находишься, что онъ докажетъ? Что будетъ тогда съ моей головушкой?.. Ахъ, Егорушка, Егорушка...

ЯВЛЕНІЕ III.

Надя и Парфенъ.

Парфенъ *(входитъ и, ухорски тряхнувъ головой, останавливается у дверей)*.

Надя.

Что нужно тебѣ, добрый человѣкъ?

Парфенъ.

Къ вамъ, значитъ...

Надя.

Зачѣмъ-же?

Парфенъ *(тряхнувъ головой)*.

Извѣстно зачѣмъ,—по своемъ дѣламъ.

Надя.

Послушай, вѣдь ты получилъ все, что обѣщали тебѣ... Ты получилъ больше, вдвое больше... Все, что было у меня, я все отдала...

Парфенъ.

Намъ эвто неизвѣстно...

Надя.

Я же говорю тебѣ, что я все, все отдала тебѣ; за что-же ты мучишь меня? Мнѣ больше негдѣ взять и нечего дать тебѣ... Боже мой! вѣдь я не виновата-же въ этомъ несчастіи...

Парфенъ.

Мы тоже эвтому дѣлу непричинны...

Надя.

Добрый человѣкъ, видитъ Богъ,—у меня больше ничего нѣтъ...

Парфенъ (*смѣясь*).

Хе, хе, хе... Ужъ и чудная-же ты, право... У твоего-то у родителя мало чтоль добра-то...

Надя (*съ ужасомъ*).

Чтожъ, ты хочешь, чтобъ я обокрала своего отца?!. Чтобъ я стала воровать у него?.. Я не могу,—вѣдь это грѣхъ!..

Парфенъ.

Я, значитъ, эвто къ тому, что съ насъ, слышно, нонѣ допросъ будутъ снимать, такъ какое, то-ись, мнѣ объясненіе дать...

Надя (*съ отчаяніемъ*).

Боже мой, что мнѣ дѣлать?—(*къ нему умоляющимъ голосомъ*). Сжалься-же надо мной, пожалѣй меня... Видитъ Богъ—я ничего не имѣю!.. Неужели-же ты захочешь принять грѣхъ на душу и заставишь меня красть?

Парфенъ (*ухмыляясь*).

А я такъ, значитъ, полагаю: эвто дѣльце, что съ покойникомъ-то обработали, погрѣшнѣй того будетъ...

Надя.

Да развѣ я его убила? Развѣ это возможно!.. (*зарыдавъ*). Сжалься, сжалься, не мучь меня, у меня и то вся душа измѣнила! Хлѣбъ я тебѣ сдѣлала? За что ты хочешь погубить меня?.. Ну, пожалѣй!

Парфенъ.

[illegible] Мы, значитъ, скажемъ, какъ было...

Надя *(съ ужасомъ)*.

Какъ?.. Неужели ты докажешь,—захочешь погубить меня?

Парфенъ.

А что-жъ такое?.. Намъ тоже не изъ-за-чего, выходитъ, васъ укрывать-то... Тоже, вѣдь, не маленькіе—понимаемъ...

Надя *(съ упрекомъ)*.

Ты—злой человѣкъ!..

Парфенъ.

Намъ эвто все единственно... А вотъ судъ, значитъ, наѣдетъ, тогда и разговоръ будетъ... Счастливо оставаться! (*хочетъ идти*).

Надя (*ломая руки*).

Онъ докажетъ... Постой, постой!..

Парфенъ (*въ пол-оборота*).

Чтожъ намъ стоять-то? Намъ тоже не слободно...

Надя.

Постой, я дамъ тебѣ денегъ... я достану... я украду у отца... (*съ отчаяніемъ*) Украду!.. (*быстро уходитъ въ дверь направо отъ зрителей*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Парфенъ и Прохоровна.

Прохоровна (*входя со слезами*).

Что ты, тиранъ, тиранишь её?.. Бога-то ты, видно, не боишься...

Парфенъ.

Мы-то Бога отлично понимаемъ, а вотъ ежели, теперича, на счетъ васъ, такъ эвто—точно, что быдто сумлительно...

Прохоровна.

Эхъ, ты, грѣховодникъ, грѣховодникъ!.. Стыдъ-то гдѣ въ тебѣ?—Что ты дѣвку-то изводишь!

Парфенъ.

А ты, значитъ, старый человѣкъ, не путайся, гдѣ тебя не требуется...

Прохоровна (*плача*).

Да вѣдь я, чай, не ты,—вотъ мнѣ! чай, Богъ есть.

Парфенъ.

И мы тоже не безъ хрестовъ ходимъ...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Надя (*выходитъ блѣдная*).

Надя (*подавая дрожащими руками пачку асигнацій*).

На... возьми... ступай... (*идетъ, пошатываясь, на авансцену и почти падаетъ на стулъ*).

Парѳенъ.

Вотъ теперь въ расчетѣ; теперь, значитъ, хоша расказни меня, такъ словомъ не докажу. Счастливо оставаться! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же безъ Парѳена.

Прохоровна (*по уходѣ его*).

Чтобъ тебѣ лопнуть, анаѳемѣ, безстыжей рожѣ!.. Пропьетъ, варваръ, и опять привезетъ,—и этому конца-краю никогда не будетъ...

Надя.

Что-же мнѣ дѣлать, какъ избавиться отъ моего врага?!

Прохоровна.

Какъ тутъ отъ него, разбойника, избавишься-то?..

Надя.

Нѣтъ, такъ жить нельзя!.. Я и то ужъ измучилась, а тутъ еще вотъ новый грѣхъ воровать у отца... (*въ отчаяніи*). Нѣтъ, лучше руки на себя наложить... лучше въ воду!..

Прохоровна.

Что-ты, Христосъ съ тобой, про какія страсти, про какой грѣхъ говоришь!

Надя.

Да, грѣхъ; но одинъ только, а за одинъ и отвѣтъ меньше!.. А такъ жить... нѣтъ, нѣтъ!.. въ воду лучше, или все разсказать батюшкѣ, разсказать чиновникамъ... Будь, что будетъ—одинъ конецъ!..

Прохоровна (*съ испугомъ*).

Полно, что ты, опомнись!.. Разсказать чиновникамъ! Да что тогда будетъ нашимъ-то головушкамъ?

Надя.

Все равно!.. И теперь мнѣ жизнь-то такъ сладка, что свѣту вольнаго не вижу, всѣ глаза проплакала...

Прохоровна.

А ты не терзайся... Вотъ родитель, Богъ дастъ, въ келью тебя отпуститъ, тогда этому тирану-то къ тебѣ и ходу не будетъ.

Надя.

Кажись, мнѣ ужъ и не дождаться этого...

(*Слышенъ стукъ колесъ*).

Прохоровна.

Чу, кто-то пріѣхалъ,—ужъ не чиновники-ли? а Потапа Степаныча-то и дома нѣтъ... Пойти-ко выйти (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Надя (*одна*).

Такъ, значитъ, мнѣ на роду моемъ написано,—чтобъ быть несчастной!.. Полюбила Егорушку—ему на погибель, а себѣ на печаль,—которой, кажись, и конца не будетъ... Развѣ вотъ въ обители?.. А найду-ли я покой въ кельѣ?.. О радостяхъ я и не думаю: они отъ Бога не суждены мнѣ; хоть только-бы душа моя перестала ныть и рваться... (*подумавъ*). Жаль мнѣ и батюшку покинуть... (*задумывается; входитъ Чекановъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Чекановъ и Надя.

Чекановъ.

Ну, здравствуй! Что ты тутъ одна? (*подходитъ къ ней; она цѣлуетъ у него руку*).

Надя.

Одна, батюшка.

Чекановъ.

Чтожъ такъ, одной-то, поди, скучно? Хоша-бы подругъ къ себѣ зазвала.

Надя.

И съ людьми мнѣ не веселѣе, батюшка.— Истомилась я, дожидаючись вашего благословенія на монастырское житье...

Чекановъ.

Да я все жду, что, можетъ, ты образумишься... За Черенкова, я ужъ сказывалъ, отдавать тебя раздумалъ,—найдутся женихи и безъ него. Начто-жъ тебѣ въ монастырь-то?

Надя.

Обѣтъ дала, батюшка; должна-жъ я его исполнить, чтобъ несчастія какого дому вашему не приключилось...

Чекановъ.

Такъ лучше въ какой нинаесть храмъ, аль монастырь вкладъ сдѣлай, а не то, такъ колоколъ отлить можно; все одно зачтется...

Надя.

Нѣтъ, батюшка, я въ монастырь желаніе имѣю.

Чекановъ.

Заладила... Ну, погоди хоть чуточку... Оправишься вотъ, тогда можно,—коли тебѣ капризъ такой есть,—и въ монастырѣ пожить съ годокъ, другой...

Надя.

Слушаю, батюшка.

ЯВЛЕНІЕ IX.

(*Степушка съ другимъ мальчикомъ вносятъ длинный конторскій столъ*).

Чекановъ (*къ мальчикамъ, указывая мѣсто на аван-сценѣ*).

Ставьте вотъ сюда, да чернильницу съ перомъ подайте; а Прохоровнѣ скажите, чтобы закуску готовила (*мальчики уходятъ*).

Чекановъ (*къ Надѣ*).

Чиновники сейчасъ будутъ... Егора-то нашли, утопилъ его кто-то... (*Надя нервно вздрагиваетъ*). Слѣдствіе зачинаютъ, такъ придутъ допросы отбирать...

Степушка (*входитъ съ чернильницей и ставитъ ее на столъ*).

Потапъ Степанычъ, тамъ чиновники пришли,—васъ спрашиваютъ (*Надя быстро встаетъ*).

Чекановъ.

А-а, пришли ужъ; ну веди ихъ (*къ Надѣ*). Иди отсюда. (*Надя уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

(*Входятъ: стряпчій и слѣдственный приставъ съ бумагами*).

Чекановъ.

Добро пожаловать.

Стряпчій.

Здравствуйте, многоуважаемый Потапъ Степанычъ!

Приставъ.

Извините, что мы обезпокоили...

Чекановъ.

Ничего, чтожъ такое—служба...

Стряпчій.

Мы, признаться, хотѣли было въ канцеляріи допросить, да тогда пришлось-бы потревожить вашихъ семейныхъ...

Чекановъ.

Да какъ это такъ его отыскали-то?

Приставъ (*раскладывая на столѣ бумаги*).

А изволите-ли видѣть какъ: съ фабрики Балабанова рабочіе рыбу бреднемъ ловили,—знаете тамъ, въ заводяхъ-то, около песковъ; ну-съ, и вытянули его, смотрятъ—трупъ, мертвое тѣло; въ холстъ обернутъ, веревкой окученъ и къ веревкѣ большой камень привязанъ... Однимъ словомъ-съ, всѣ признаки насильственной смерти... Ну-съ, разумѣется, сейчасъ-же дали знать мнѣ. Пріѣзжаю, гляжу—точно: мертвое тѣло. Я сейчасъ доктора,—а межъ тѣмъ развязали его, холстъ сняли, смотримъ. Спрашиваю,—народъ тутъ собрался,—не знаете-ли, молъ, кто это такой? Стали смотрѣть,—ну и признали,—рабочіе-же и признали. Да это, говорятъ, конторщикъ Потапа Степаныча, что безъвѣсти-то, пропалъ... Ужъ лица-то признать, конечно, трудно было, а по платью, да по волосамъ они. Тутъ я, знаете, и вспомнилъ, что у васъ дѣйствительно конторщикъ пропалъ... (*Стапушка вноситъ и ставитъ поднось съ водкой, виномъ и закуской и уходитъ*).

Чекановъ.

Удивленіе! Кому это понадобилась Егорова душа?

Стряпчій (*потирая руки и косясь на закуску*).

Лихому человѣку-съ, многоуважаемый, Потапъ Степанычъ,— лихому человѣку...

Чекановъ.

Что-жъ, его потрошили?

Приставъ.

Какже-съ, докторское вскрытіе было; и оно очень ясно опредѣлило, что смерть произошла, яко-бы, отъ утонутія въ водѣ.

Чекановъ.

Вѣчная ему память... Смиренный былъ парень, и супротивъ другихъ—много лучше.

Приставъ.

И такъ-какъ теперь явственно видно, что смерть произошла отъ утонутія, и принимая во вниманіе то обстоятельство дѣла, что онъ самъ не могъ завернуть себя въ холстъ, скрутить веревкой и привязать къ ней камень,—очевидно, что смертоубійство это было произведено насильственно, почему я и приступилъ къ разслѣдованію...

Чекановъ.

Ну, чтожъ,—открывается-ли что?

Приставъ.

Да какъ вамъ сказать... Положительнаго этакъ, разумѣется, нѣтъ ничего... но...

Чекановъ.

Что?

Стряпчій.

Подозрѣніе падаетъ... и не то, чтобы, знаете, прямое подозрѣніе, а такъ, косвенное...

Чекановъ.

На кого-же?

Приставъ (*оглядываясь, вполголоса*).

У васъ есть дворникъ Парфенъ?

Чекановъ.

Есть.

Приставъ.

Такъ вотъ-съ, изволите-ли видѣть, теперь что выходитъ. Стараясь напасть на слѣдъ убійцы и забрать его въ руки правосудія, я, между прочимъ, узналъ, что дворникъ вашъ, Парфенъ, съ нѣкотораго времени очень сильно началъ пьянствовать и у него въ рукахъ видали порядочныя деньги... Теперь за нимъ слѣдятъ; но пока еще ничего не открылось...

Чекановъ.

Такъ это вы его взяли въ подозрѣніе-то?

Приставъ.

Точно такъ-съ.

Чекановъ.

Ну, такъ это совсѣмъ пустое дѣло выходитъ,—вниманія не стоющее...

Приставъ.

Очень можетъ быть-съ, весьма возможно-съ...

Чекановъ.

Причемъ тутъ можетъ быть Парфешка? Егоръ человѣкъ былъ бѣдный, почесть—что гроша за душой не имѣлъ, покорыствоваться, значитъ, Парфену отъ него было нечѣмъ; а что онъ пьянствуетъ-то, такъ это всегда съ нимъ было. Онъ у меня не въ первóй живетъ: еще въ позапрошлый годъ я его за цьянство-то отъ себя прогналъ; прочухался, опять пришелъ, въ ногахъ валяется, возьми да возьми...

Приставъ.

Очень можетъ быть-съ! Я и говорю, что утвердительно сказать нельзя ничего (*косится на закуску*).

Чекановъ.

Пустое дѣло... Что, закусить-чтоль пора?

Стряпчій (*подходя къ закускѣ*).

Да, оно пожалуй, что пора—адмиральскій часъ насталъ...

Приставъ (*наливая рюмку*).

Закусимъ-те, Севастьянъ Макарычъ, да и къ дѣлу приступить надо.

Стряпчій.

Да, да... (*къ Чеканову*) Будьте здоровы! (*пьетъ*).

Чекановъ.

Кушайте.

Стряпчій (*подходя къ столу съ бумагами*).

Ну-съ, Маркелъ Петровичъ, съ кого-же мы начнемъ допросъ?

Приставъ.

Заявленіе Потапа Степаныча у насъ есть, отъ нихъ больше нечего и требовать: тамъ изложено все довольно обстоятельно; Надежду Потаповну-бы спросить...

Чекановъ.

Что-жъ она вамъ скажетъ? Гдѣ-жъ ей чего знать! Она сидитъ тамъ, въ своей горенкѣ, и не видитъ никого.

Приставъ.

Все-жъ, знаете, форма...

Чекановъ.

Что-жъ такое, что форма? Коли ничего не знаетъ, такъ чего-жъ и отвѣчать станетъ?.. Такъ и пишите.

Стряпчій.

Я тоже думаю, что ихъ напрасно нечего и тревожить... Напишемъ показаньице, а они тамъ, хоть у себя-же въ комнатѣ, подпишутъ.

Чекановъ.

При ней старуха есть, ее пожалуй, если хотите, спрашивайте; да, вѣдь, и она тоже скажетъ...

Приставъ.

Все-же, знаете...

Чекановъ.

По мнѣ, какъ хотите... (*кричитъ*) Степанъ! (*входитъ Степанъ*) подь въ Прохоровнѣ и скажи, чтобъ сюда шла сею-же минутой, къ допросу, мол, требуютъ.

Степушка.

Слушаю! (*уходитъ*).

Чекановъ.

Закусите, пока.

Приставъ (*наливая рюмку*).

Надо будетъ вотъ этого мальчика спросить.

Чекановъ.

Да мы всѣмъ домомъ одно показаніе можемъ дать, что ничего не знаемъ.

Стряпчій.

Эти показанія отбираются не для чего нибудь, а единственно только для соблюденія формы, какъ требуетъ предварительное дознаніе.

Чекановъ.

Ну, а коли форма, такъ и пишите, что, молъ, знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ.

Приставъ.

Ну, вотъ-съ, многоуважаемый, Потапъ Степанычъ,—не выяснитъ-ли намъ что-нибудь дворникъ?..

Чекановъ.

Нечего ему выяснять-то вамъ.

Приставъ.

Все-же, знаете, лично спросить надобно.

Чекановъ.

Спрашивайте.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и Прохоровна (*входитъ и низко кланяется*).

Приставъ.

Ты нянька что-ль?

Прохоровна (*кланяясь*).

Такъ точно, нянька, сударикъ...

Приставъ.

Подойди ближе (*Прохоровна дѣлаетъ нѣсколько шаговъ*).

Чекановъ.

Чего ты боишься-то,—подходи!

(*Прохоровна подходитъ къ столу*).

Приставъ.

Ты Егора Тихонова, конторщика, знала?

Прохоровна.

Какже, батюшка, не знать: въ одномъ домѣ жили,—хоша рѣдко, а все-же видались...

Приставъ.

Въ тотъ день, когда Потапъ Степанычъ его хватился и не нашелъ, ты его видѣла?

Прохоровна *(робѣя).*

Охъ, ужъ и не помню, родной, давно тоже было... Кажись, быдто не видала... Рѣдко тоже зачѣмъ выйдешь изъ свѣтелки-то.

Приставъ *(записавъ).*

Ну, а какъ онъ у васъ въ дому-то жилъ? Не ссорился-ли съ кѣмъ?

Прохоровна.

Про то не слыхала, и говорить напрасно не хочу... Да гдѣ, чай, ему ссоры заводить: парень смиренный былъ...

Приставъ.

Ну, а дворникъ, Парфенъ, въ тотъ день дома былъ?

Прохоровна *(смутясь).*

Охъ, сударики, ничего-то я не знаю... ничего...

Приставъ.

Какже это ты не знаешь?

Чекановъ.

А какъ ей знать-то? Она сидитъ себѣ, что ворона старая, ее и не спугнешь съ верху-то...

Прохоровна.

Точно-что рѣдко спускаюсь,—тоже старый человѣкъ...

Стряпчій *(пошептавшись съ приставомъ).*

Ну, стужай себѣ. *(Прохоровна, низко кланяясь, уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ-же безъ Прохоровны.

Приставъ.

Теперь я желалъ-бы спросить дворника, Потапъ Степанычъ!

Чекановъ.

Что-жъ, можно... Степанъ! (*тотъ входитъ*) Пошли Парфена, чтобъ къ допросу шелъ.

(*Степанъ уходитъ*).

Приставъ.

Надо будетъ выяснить то обстоятельство: дома-ли въ этотъ день былъ Парфенъ?

Чекановъ.

Дома, это вѣрно, потому, когда я пріѣхалъ, онъ дворъ подметалъ; я помню, — ругалъ еще его, — что онъ середы двора кучу мусора оставилъ...

Приставъ.

Вотъ это очень важно!...

Стрячій (*подходя къ столу и дѣлая знакъ приставу*).

Маркелъ Петровичъ, въ ожиданіи-то...

Приставъ.

Можно... (*пьютъ и закусываютъ. Входитъ Парфенъ, выпивши*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ-же и Парфенъ (*кланяясь на обѣ стороны*).

Приставъ.

Здорово, любезный! (*садясь на свое мѣсто*) Какъ тебя зовутъ?

Парфенъ.

Парфеномъ, ваше благородіе.

Приставъ.

А по-отцѣ?

Парфенъ.

Митревъ буду по-отцѣ.

Приставъ.

Сколько тебѣ лѣтъ?

Парфенъ.

Съ годомъ 30, ваше благородіе...

Приставъ.

Вѣры какой?

Парфенъ.

Нашей вѣры... церковной...

Приставъ.

Православной, значитъ?

Парфенъ.

Такъ точно... Безъ вѣры тоже нельзя...

Приставъ.

У исповѣди и причастія бываешь?

Парфенъ.

Въ Успленьевъ постъ, почитай, что кажинный годъ;—потому, какъ намъ о Великомъ-то не слободно: капель да навозъ одолѣваютъ, ваше благородіе...

Приставъ.

Подъ судомъ не былъ-ли?

Парфенъ.

Эвто я вамъ, ваше превосходительство, доложу, что хоша я подъ судомъ точно состоялъ, но одначе меня оставили подъ малымъ сумлѣніемъ...

Приставъ.

По какому дѣлу ты судился?

Парфенъ.

Быдто-бы, то-ись, въ кражѣ; а я, хоша присягу сейчасъ принять...

Приставъ.

Постой... А вотъ, говорятъ, что ты по кабакамъ часто гуляешь. Правда-ли это?

Парфенъ.

Какъ быть-то, ваше бла...орродіе, тоже вѣдь православный, безъ того нельзя...

Приставъ.

На какія-же средства ты такъ пьянствуешь, то есть откуда денегъ берешь?

Парфенъ.

Знамо дѣло, ваше бла...орродіе,—на свои гуляшь;—ну, извѣстно, когда и товарищи подчуютъ...

Приставъ.

Не на вопросъ отвѣчаешь, дуракъ!.. У тебя видѣли много денегъ,—и я спрашиваю: откуда ты ихъ берешь?

Парфенъ *(смутясь)*.

Каке-таке у насъ деньги!.. Извѣстно, жалованье... Опять-же и то сказать, ваше превосходительство: я живу все по купецкимъ домамъ,—хозяева не забываютъ; скопилъ, было, я, точно, малую малость, на переверть, значитъ, да и ту всю ужъ, теперича, прогулялъ... Вотъ эвти-то деньги, можетъ, у меня и видали...

Приставъ *(записавъ)*.

Въ тотъ день, съ котораго пропалъ конторщикъ, ты отлучался изъ дома?

Парфенъ.

Никакъ нѣтъ, ваше бла...орродіе! Мнѣ это очинно памятно, что я, значитъ, то-ись, ни на единую пядь никуда...

Приставъ.

Почему-же ты это такъ хорошо помнишь?

Парфенъ.

Какъ не помнить-то, ваше бла...орродіе! тверезый, значитъ, былъ, оттого отъ самаго и помню.

Приставъ.

А ты его въ тотъ день видѣлъ?

Парфенъ.

Какъ можно не видать: въ одномъ домѣ жили.

Приставъ.

Ну, а не видалъ-ли: не уходилъ-ли онъ со двора?

Парфенъ.

Уходить-то онъ уходилъ, передъ вечеромъ, такъ ужъ, какъ хозяину домой быть; а приходилъ-ли—того ужъ не могу сказать.

Приставъ.

Почему-же ты знаешь, что онъ уходилъ?

Парфенъ.

А потому я и знаю, ваше превосходительство, что я, значитъ, дворъ подметалъ; а онъ вышелъ изъ конторы въ шапкѣ, да и пошелъ за ворота...

Приставъ.

Въ которую-же сторону онъ повернулъ?

Парфенъ.

Изъ воротъ-то?

Приставъ.

Ну, да.

Парфенъ.

Изъ воротъ, кажись, быдто, онъ взялъ вправо...

(*Приставъ со стряпчимъ шепчутся*).

Стряпчій.

Еще чего не знаешь-ли?

Парфенъ.

Больше ничего не могу знать, ваше бла...орродіе...

Приставъ.

Ну, ступай.

Парфенъ (*кланяясь*).

Счастливо оставаться, ваше превосходительство!.. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ-же безъ Парфена.

Приставъ.

Плутъ мужикъ.

Стряпчій.

Да, кажется.

Чиновникъ.

А работникъ добрый! Одно вотъ въ немъ: запиваетъ не въ мѣру; вотъ и теперь ужъ угостился...

Приставъ (*подходя съ закускѣ*).

Да-съ. Потанъ Степанычъ, темное дѣло—смерть вашего конторщика, даже могу сказать—очень темное... (*ѣстъ*). Гдѣ искать преступника и разгадки этой, можно сказать, таинственности,—одинъ Богъ извѣстенъ...

Стряпчій (*наливая рюмку*).

Я полагаю, что дѣло это придется предать волѣ Божіей и, какъ кажется, что больше и спрашивать нечего: видимое дѣло, что никто ничего не знаетъ.

Приставъ.

Пожалуй, что такъ; а то уважаемаго хозяина только стѣсняемъ...

Стрячій *(собирая бумаги).*

И прекрасно!..

Приставъ *(взявъ фуражку).*

Дорогому хозяину мое почтеніе;—за угощеніе приношу мою благодарность.

Чекановъ.

Какое эвто угощеніе...

Стрячій *(наливая рюмку).*

На дорожку посошкомъ запастись не мѣшаетъ.

Чекановъ *(подходя къ столу и наливая).*

Кажись, и мнѣ взять посошекъ, да дойти до лавокъ,—посмотрѣть, что тамъ?.. Молодцы-то одни,—только не догляди...

Стрячій.

Вотъ и прекрасно: попути намъ съ вами... *(всѣ выпиваютъ по рюмкѣ и закусываютъ).*

Чекановъ *(взявъ шляпу).*

Ну, извините, а мнѣ идти надо...

Приставъ.

Сдѣлайте одолженіе... помилуйте!.. Коммерція тоже требуетъ надзора.

(Берутъ шапки).

Чекановъ.

Да, безъ того нельзя... *(Уходятъ. Изъ боковой двери выходитъ Надя, крайне взволнованная).*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Надя *(озираясь).*

Ушли!... Чтожъ онъ доказалъ или нѣтъ?.. Меня оставили, не заковали,—должно быть не доказалъ... Гдѣ-же няня?.. Куда она ушла?.. Боже мой! Они, видно, ее увели... Неужели онъ разсказалъ имъ?.. Господи, что со мной будетъ?.. Сейчасъ придутъ и за мной, и меня схватятъ... закуютъ и поведутъ въ тюрь-

му!.. Но, вѣдь, онъ взялъ деньги, не хотѣлъ говорить... Гдѣ-же няня?.. (*подходитъ къ двери и вполголоса кличетъ*): Няня! няня!.. (*отходя*). Нѣтъ ее, нѣтъ... Господи! что со мной будетъ?.. Ахъ, тошнехонько мнѣ!.. (*прислушивается; съ ужасомъ*): Чу, идутъ!.. Видно за мной!.. (*прижимается въ уголъ и закрываетъ лицо руками. Входитъ Прохоровна*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Надя и Прохоровна.

Прохоровна (*незамѣчая Нади*).

И куда это она забѣгла съ перепугу-то?

Надя (*открывъ лицо*).

Ахъ, это ты!.. Ты здѣсь... дома... тебя не взяли?..

Прохоровна.

Вонъ она гдѣ... А ужъ я-то напугалась, искамши тебя.

Надя (*подходя къ ней*).

Онъ не сказалъ?

Прохоровна.

Ни-ни!.. Будь безъ сумлѣнія. Я все, до единаго словечушка, слышала,—вотъ тутъ у дверей стояла.

Надя.

Чтожъ онъ говорилъ?

Прохоровна.

Видѣлъ, говоритъ, какъ онъ со двора пошелъ... Изъ воротъ направо, говоритъ, взялъ; а приходилъ-ли опосля того,—не видалъ...

Надя.

А ужъ сколько страху-то я приняла...

Прохоровна.

Ужъ и не говори!.. Меня тоже такъ всю и трясло, такъ и било: вотъ, думаю, бухнетъ... Одначе, нѣтъ...

Надя (*садясь*).

Какъ я устала... Когда конецъ-то всему этому придетъ? Вся душа моя изныла: на минуточку не знаю, что такое есть—спокой?

Прохоровна.

Теперь, можетъ, и вздохнемъ.

Надя.

Куда-же батюшка съ ними пошелъ?

Прохоровна.

Онъ до лавокъ только; скоро, чай, будетъ: столъ велѣлъ накрывать... Охъ, пойдти-ко сказать... Тебѣ не надо-ли чего?

Надя.

Нѣтъ, ступай; я посижу.

Прохоровна (*уходя*).

А, коли, что нужно будетъ,—ты кликни... Да не печаль ты себя-то, голубка: теперь Богъ милостивъ!.. (*выходитъ въ ту-же дверь. Надя сидитъ въ задумчивости. Входитъ Парфенъ пьяный*).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Надя и Парфенъ.

Парфенъ.

Еще здравствуйте!

Надя (*съ испугомъ*).

Ахъ, Боже мой, опять!... Что ты?

Парфенъ.

Къ тебѣ, значитъ... Спужалась чтоль?.. Не бойсь—свои.

Надя.

Что тебѣ нужно?

Парфенъ.

Я, то-ись, потому... какъ, теперича, отъ тебя много довольны... тоже, вѣдь, понимать можемъ... А какъ, прослышамши... я эвтого не могу...

Надя.

Что ты говоришь?

Парфенъ.

Я, то-ись, говорю, что, прослышамши, быдто, то-ись, ты въ монастырь...

Надя.

Что-же тебѣ до этого?

Парфенъ.

Мнѣ эвто дѣло не годится, потому—неподходяще...

Надя.

Я не понимаю, чего ты хочешь?

Парфенъ.

Я, то-ись, эвто къ тому, значитъ, веду... потому, какъ я тебя теперича полюбилъ, може, всего на свѣтѣ превыше, такъ, значитъ, и ты меня люби...

Надя (*съ ужасомъ*).

Какъ?.. Что ты говоришь?

Парфенъ.

А такъ, то-ись, значитъ, и говорю: что тебѣ сиротой-то маяться?.. Егоръ Тихонычъ-то теперь тю-тю!.. Вотъ ты, значитъ, меня и приласкай, потому какъ я тебя въ расположенье взялъ и съ тобой въ любвѣ состоять хочу...

Надя (*вскочивъ*).

Ты?!.

Парфенъ.

А что-жъ такое? Ты не оченно брезгай!.. Мы тебѣ тоже послужили... Безъ насъ, можетъ, гдѣ-бы теперича была?.. Ты эвто должна чувствовать,—аль нѣтъ?

Надя (*сжимая обѣими руками голову*).

Боже мой! что-же это такое? (*опускается на стулъ*).

Парфенъ (*подходитъ къ Надѣ и хочетъ обнять*).

Ты, значитъ, полюби только!..

Надя (*отскочивъ съ ужасомъ, задыхающимся голосомъ*).

Прочь!.. Змѣя!.. Гадъ!..

Парфенъ (*подбоченясь*).

Чтожъ ты кочевряжишься-то?.. Ты тоже не оченно, потому, значитъ,—только дыхну... одно, то-ись, слово дыхну,—и шабашъ!.. А покамѣсть Парфешка Митревъ живъ, тебѣ ни замужемъ не бывать, ни въ монастырь идти, потому мнѣ эвто не способно... Я съ тобой любовь водить хочу!.. (*[illegible]*).

Надя.

Прочь, тебѣ говорятъ!.. Душегубъ! Ты обобралъ меня, какъ воръ; ты заставилъ меня красть у отца деньги, и еще хочешь сдѣлать меня своей полюбовницей...

Парфенъ.

А что-жъ такое? Я тѣ говорю толкомъ и ты должна понимать: я сичасъ могу слѣдственному объяснить все... Коли на то пошло, и ты, значитъ, хошь ломаться надо мной, такъ я сичасъ на весь домъ объявлю!..

Надя (*постепенно слабѣя*).

Не я, а ты надо мной ломаешься! ты хочешь совсѣмъ погубить меня... Но развѣ въ тебѣ душа-то некрещеная? развѣ ты не боишься Бога? И за что ты губишь? Что я тебѣ сдѣлала? (*со слезами*). Ну, сжалься! (*опускается на колѣни*) Я на колѣняхъ умоляю: сжалься хоть надъ моимъ-то дѣвичествомъ!.. (*плачетъ*).

Парфенъ.

Намъ эвто не приходится, чтобъ вы, значитъ, на колѣняхъ... А твоя воля: не хошь, какъ хошь, а я объявлю... (*идетъ къ двери*).

Надя (*рыдая*).

Пожалѣй, сжалься! (*Парфенъ не останавливается*). Постой! Куда-же ты идешь? Тиранъ, мучитель!.. (*встаетъ, ломая руки*).

Парфенъ (*у двери*).

Сичасъ, значитъ, всей дворнѣ и хозяину объясню, что и какъ,—чтобъ мнѣ опосля въ отвѣтѣ не быть...

Надя (*съ отчаяніемъ*).

Господи! что онъ дѣлаетъ со мной?.. Погибла моя головушка! (*Парфенъ дѣлаетъ движеніе къ двери*). Постой-же! Дай мнѣ хоть съ мыслями-то собраться; дай придумать, какъ упросить тебя...

Парфенъ.

Вотъ тебѣ послѣднее мое слово,—слышь: до вечера я тѣ оставляю жисти—думай то-ли, сё-ли; а коли я тебя, теперича, возлюбилъ, такъ ты—либо моя полюбовница будешь, либо... сама знаешь... Счастливо оставаться!.. (*быстро уходитъ*).

Надя *(стоитъ нѣсколько времени, опустивъ голову, какъ-бы пораженная; потомъ вздрогнувъ и, всплеснувъ руками)*:

Господи! Этого еще не доставало! *(истерически рыдая, опускается и кладетъ головой на столъ).*

Конецъ 3-го дѣйствія.

(Между третьимъ и четвертымъ дѣйствіемъ проходитъ два мѣсяца).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Сцена представляетъ внутренность кабака. Прямо дверь и налѣво отъ зрителей дверь въ перегородку; русская печь; направо, недалеко отъ окна, въ глубинѣ сцены, шкафъ со штофами, полуштофами, бутылками и т. д. и т. п. На авансцену на нижней сторонѣ по столу; около него скамьи. За стойкой стоитъ цѣловальникъ въ жилетѣ сверхъ красной рубахи; у стола сидитъ обтрепанный и растрепанный гость. На стойкѣ горитъ свѣчка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гость *(умоляющимъ голосомъ).*

Григорь Спиридонычъ, а? сдѣлай такую божескую милость!..

Цѣловальникъ.

Не могу.

Гость.

Махочкую, Григорь Спиридонычъ!..

Цѣловальникъ.

Сказано—не могу.

Гость.

Ну, будь столь добръ... сдѣлъ-милость!..

Цѣловальникъ.

Экой ты несуразный!.. Русскимъ гебѣ діалектомъ сказываютъ, что нельзя...

Гость.

Ахъ, ты, Боже мой!.. Всю головушку разломило... Смерть... Сдѣлъ-милость... Заслужу!..

Цѣловальникъ (*плюетъ*).

Тьфу, ты, безотвязный! Чего-жъ ты клянчишь?.. За тобой и то 26 кепѣкъ...

Гость.

Да я тебѣ всѣ сполна предоставлю...

Цѣловальникъ.

Ну вотъ, когда предоставишь, тогда и проси.

Гость.

Ахъ, ты, Господи!.. Смерть моя... (*помолчавъ*) Григорь Спиридонычъ, будь отецъ родной!..

Цѣловальникъ.

Отстань лучше, пока я-те въ шею не проводилъ...

Гость.

Ну, только и человѣкъ-же, право, ей-Богу!... (*хотѣлъ-бы не хотя, ноги обѣ ногу, стаскиваетъ съ себя сапоги и подходитъ къ стойкѣ*) Ниа, вотъ, сдѣлъ-милость...

Цѣловальникъ (*взявъ сапоги*).

Ну, вотъ эвто другой расчетъ... А то, разсуди ты самъ... (*внимательно разсматриваетъ сапоги со всѣхъ сторонъ*) Полопались!..

Гость.

Новые, ей-Богу; всего два мѣсяца...

Цѣловальникъ.

Да гляди—дыры скоро будутъ... Вишь?..

Гость.

Боже ты мой!.. Не томи ты; сдѣлъ-милость!..

Цѣловальникъ.

Не помрешь; скоро-то бываетъ не споро.

Гость.

Душеньку всю изсосало!...

Цѣловальникъ (*ставитъ сапоги подъ стойку и достаетъ косушку водки*).

Гость.

Эвто за сапоги-то?!.

Цѣловальникъ.

А то за что-же?..

Гость.

Чтожъ-ты это, Григорь Спиридонычъ! Бога, чтоль, въ тебѣ нѣтъ? Вѣдь они, почитай, новые.

Ключальникъ (*убирая косушку и отдавая сапоги назадъ*).

А коли новые, такъ при нихъ и оставайся...

Гость.

Да ты, по-крайности, хошь полуштофъ...

Ключальникъ.

Жарко будетъ,—неровно обломаешься!..

Гость (*съ отчаяніемъ*).

Ахъ, ты, ну ужъ и человѣчище-же!.. Ну, давай!.. Кабы не такой случай, кажись, не въ жисть-бы!.. (*Ключальникъ снова прячетъ сапоги и подаетъ косушку. Гость пьетъ и закусываетъ. За сценой слышна пѣсня и гармоника; потомъ отворяется дверь и входятъ Парфенъ съ Иваномъ, хмѣльные; у Парфена суконный халатъ на накидку, шапка на бекрень, въ рукахъ гармоника. Первый куплетъ пѣсни они поютъ за сценой, второй на сценѣ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Парфенъ съ приспѣшникомъ (*Поютъ; Иванъ приплясываетъ*).

Какъ на крышѣ воробей
Про себя чирикалъ;
Изъ окошекъ, изъ дверей
Парень дѣвку кликалъ:
Выйди, дѣвка, выйди, свѣтъ!
Со мной разгулятьея:
Твоей мамы дома нѣтъ—
Некого бояться...

Парфенъ (*перебивая пѣсню, бросая на столъ гармонику и шапку*).

Здорово живешь, Григорь Спиридонычъ! Мы къ тебѣ, значитъ, въ гости...

Цѣловальникъ *(кланяясь).*

Добро пожаловать, Парфенъ Митричъ! Такимъ гостямъ мы завсегда рады...

Парфенъ.

Я къ тебѣ потому, знаешь, и ѣду, что ты мнѣ почетъ всякій воздаешь, и съ уваженіемъ...

Цѣловальникъ.

А кого-жъ намъ, Парфенъ Митричъ, и уважать, какъ не васъ? Что ни есть первый изъ первыхъ гость...

Парфенъ.

Знамо-дѣло, не впервой къ тебѣ пришелъ.

Цѣловальникъ.

Какъ-же эвто можно: мы отъ васъ очешно много довольны...

Парфенъ *(садясь).*

Ну, подчуй!

Цѣловальникъ.

Что вашей душѣ будетъ желательно?..

Парфенъ.

Перво-на-перво давай намъ полштофъ бальзаму; а тамъ, что помыслится...

(Цѣловальникъ подаетъ вино и стаканы. Первый гость допиваетъ косушку).

Парфенъ.

Ты и прикусить-то давай!..

Цѣловальникъ.

Лещика чтоль, аль капустки съ лучкомъ?

Парфенъ.

Давай леща, ставь и капусту; да садись съ нами...

Цѣловальникъ.

Очень благодаренъ! *(Приноситъ хлѣба, закуску и садится съ ними. Пьютъ).*

Гость *(показывая цѣловальнику пустую косушку).*

Григорь Спиридонычъ,—вся ужъ.

Цѣловальникъ.

Ну, и съ Богомъ, значитъ.

Гость.

Какъ-же эвто,—только и будетъ?

Цѣловальникъ.

А чего-жъ тебѣ еще?

Гость.

Да ты дай хошь еще одну косушку по-крайности...

Цѣловальникъ.

Уходи ты лучше добромъ,—вотъ я тѣ что скажу.

Гость.

Какъ-же эвто? Сапоги-то, чай, мои...

Цѣловальникъ (*сердито*).

Уходи, я тѣ говорю!

Гость.

Ну, сдѣлъ-милость, хошь стаканчикъ...

Цѣловальникъ (*вставая*).

Тьфу ты, окаянный! Уйдешь ты, аль нѣтъ?

Гость.

Эхой ты, прости Господи... Ну, стаканчикъ...

Цѣловальникъ.

Нѣтъ, съ тобой добромъ, я вижу, не раздѣлаешься... (*подходитъ, беретъ его за руку и тащитъ къ двери*) Ступай!

Гость (*упираясь*).

Да сапоги-то развѣ косушки твоей стоятъ?..

Цѣловальникъ.

Я тѣ накладу вотъ въ загривокъ, такъ ты и сапоги свои забудешь!..

Гость.

Да, что ты въ самъ-дѣлѣ, аль не хрещеный?..

Цѣловальникъ.

Ахъ, вы, окаянный народъ, чтобъ тѣ провалиться! Вотъ-же тебѣ... (*выпихиваетъ его вонъ. Царевна и Иванъ смѣются*).

Гость (*за сценой*).

Живодеръ!.. Кровопивецъ!..

Парфенъ.

Григорь Спиридонычъ, да садись ты,—выпей!

Цѣловальникъ *(возвращаясь за столъ)*.

Да вотъ привязался!..

Парфенъ (*поетъ, наливая стаканы*):

Сколько разъ я зарякался
Эвтой улицей ходить...—
Въ одну подлую влюбился,
Не могу ее забыть!..

Пей, ребята, угощайся, — сколько влѣзетъ; на всѣхъ хватитъ!.. (*Брячитъ деньгами; всѣ пьютъ*).

Иванъ.

У тебя коли́ не хватитъ!..

Парфенъ.

Еще останется... Брюхомъ всего вина отселева тоже не вынесешь.

Цѣловальникъ.

У насъ эвтого товару точно-что хватитъ...

Парфенъ (*наливая*).

Пей, ребята!.. (*поетъ*):

И она меня, каналья,
Сокрушила, молодца...

(Всѣ пьютъ).

Иванъ (*крякнувъ*).

Важно!...

Парфенъ.

Григорь Спиридонычъ, слышь!.. я, братъ, гуляю!..

Цѣловальникъ.

Что-жъ, доброе дѣло.

Парфенъ.

Право, ей-Богу!.. Что-жъ такое, — денегъ чтоль у меня нѣтъ?—Во!.. (*брячитъ*).

Цѣловальникъ.

Да мы, вѣдь, васъ знамъ.

Парфенъ.

Ну, и пей, значитъ!..

(*Наливаютъ и пьютъ; Парфенъ поетъ*):

Сколько разъ я зарякался
Эвтой улицей ходить!..

Григорь Спиридонычъ, какъ ты меня понимашь?

Цѣловальникъ.

Пре...отлично!..

Парфенъ.

Вотъ ты и понимай!..

Иванъ.

И что эвто, Парфенъ, я на тебя надивоваться не могу?..

Парфенъ.

Ты про што эвто?

Иванъ.

А про то, значитъ: откель эвто у тебя деньги берутся?..

Парфенъ.

Знамо, откель, — изъ кошеля... Григорь Спиридонычъ, давай-ко эвтаго-же!.. (*цѣловальникъ подаетъ новый полуштофъ; всѣ изъ него пьютъ впродолженіе всего послѣдующаго разговора и постепенно пьянѣютъ*).

Иванъ.

Нѣтъ, слышь ты, и вправду: — откель у тебя столькó дегъ?..

Парфенъ.

Меня слѣдственный тоже допрашивалъ: откель, говоритъ, деньги берешь на пьянствіе?—Свое, говорю, пропиваю, ваше бла... орродіе... Чай, я тоже не двухъ по третьему сказать-то...

Цѣловальникъ.

Можетъ, кладъ какой знаетъ...

Парфенъ.

Кладъ?! Что мнѣ кладъ? Кладъ мнѣ—тьфу! (*плюетъ*) и болѣ ничего...

Цѣловальникъ.

Можетъ, и свои есть...

Парфенъ.

Григорь Спиридонычъ! ты знашь, у кого я живу?

Цѣловальникъ.

Нетокмо, что я, а спроси ты малаго ребенка—кто таковъ есть Чекановъ, Потапъ Степанычъ,—и тотъ тебѣ скажетъ...

Парфенъ.

Н-ну, вотъ ты, значитъ, и понни...май!..

Иванъ.

Чтожъ, аль на хозяйски харчи гуляешь?

Парфенъ.

На хозяйски-ль, нѣтъ-ли, а деньги мнѣ все-одно—прахъ!.. (*вынимаетъ изъ кармана горсть мелочи и бросаетъ на полъ*). Вишь,—гляди!..

Иванъ.

Ну, что ты безобразишь-то? Что зря-то соришь, несуразный!..

Парфенъ.

А на что они мнѣ, деньги-то? — Дѣвокъ вашихъ я чтоль не видалъ? Такъ онѣ мнѣ—тьфу! Потому у меня въ полюбовницахъ-то, можетъ, купецка дочь состоитъ...

Иванъ.

Эко мелево... (*передразнивая*): ку-пецка дочь...

Парфенъ.

Вѣрно я тѣ говорю...

Иванъ.

Купецка-то дочь близко не пуститъ,—нетокма что...

Парфенъ (*выдернувъ изъ-за пояса платокъ*).

О, лѣшій!.. Эвто что?.. Вишь?

Иванъ.

Извѣстно, платокъ.

Парфенъ.

Ну, вотъ... а онъ, эвтотъ платокъ-то, дороже денегъ, може, стоитъ,—потому я съ нимъ всѣ могу...

Иванъ.

Какимъ-же эвто манеромъ?

Парсенъ.

А такимъ, значитъ: что хочу, то и ворочу съ эвтимъ самымъ плотникомъ.

Иванъ.

Ишь ты, молоть-то...

Парсенъ.

Э, черти!.. да хошь я тѣ штуку покажу, какой ты, може, въ жисти не видалъ?..

Иванъ.

Ну, покажи!

Парсенъ.

Хошь—хозяйска дочь здѣсь будетъ?

Иванъ.

А ты, мелево, зрячину-то не неси: — до хозяина дойдетъ, да онъ за одно эвто слово разсказнитъ...

Парсенъ.

Я тѣ спрашиваю: хошь, чтобъ хозяйска дочь здѣсь была?..

Иванъ.

Чего болтать-то?!.

Парсенъ.

Ахъ-ты, разписи мои картофели!.. Черти, пра, черти?.. Сказано, будетъ, такъ, значитъ, эвто вѣрно!.. (*бьетъ кулакомъ по столу*).

Цѣловальникъ.

Парфенъ Митричъ, вы, то-исъ, быдто маленько захмѣлѣли; не хотите-ли уснуть?

Парсенъ.

Григорь Спиридонычъ, ты знашь меня?

Цѣловальникъ.

Какъ васъ не знать...

Парсенъ.

Ну, значитъ, и молчи... А хозяйска дочь здѣсь будетъ... Слышь! Григорь Спиридонычъ, гдѣ твой мальчишка?

Цѣловальникъ.

Мальчишка дома.

Парсенъ.

Подавай его сюда!

Цѣловальникъ.

Эвто все можно—(*кричитъ за перегородку*): Гришутка, а Гришутка! подь-ко, пострѣлъ, сюда; чего тамъ застрялъ.

(Изъ-за перегородки выходитъ мальчикъ лѣтъ 12-ти).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Гриша.

Парфенъ.

Гришутка! ты знашь меня, кто я таковъ есть?

Гриша.

Извѣстно, знамъ.

Парфенъ.

А полтину хошь отъ меня получить?

Гриша (*улыбаясь*).

Коли дадите, такъ отчего-же.

Парфенъ.

Ну, слышь—полтина тебѣ будетъ... Напередъ говори: у кого я живу?

Гриша.

Извѣстно, у кого:—у купца у Чеканова.

Парфенъ.

А гдѣ-жъ эвтотъ самый домъ?

Гриша.

Вотъ отсель недалеча.

Парфенъ.

Ладно, парень. Теперь гляди сюда: вотъ тебѣ платокъ, вишь?.. Тутъ вотъ на немъ примѣточка есть... Вотъ, значитъ, теперича держи эвтотъ самый платокъ и иди съ нимъ въ тотъ самый домъ, гдѣ я проживательствую; спроси ты тамъ Фіону Прохоровну, нянькy, значитъ.

Гриша.

Знаю.

Парфенъ.

Ну, вотъ и дѣло, коли знаешь... Спроси ты, значитъ, ее и скажи, что отъ меня пришелъ; платокъ эвтотъ ей покажь,—

[illegible] нать его, и вели, чтобъ она предоставила тебя къ хозяйской дочери. Парфенъ Митричъ безпремѣнно, молъ, приказывалъ!..

Гриша.

Кабы не побили...

Парфенъ.

Я тѣ говорю, значитъ, небось: мизинцемъ никто не тронетъ. Ну, и какъ, то-есь, тебя къ ней, къ хозяйской дочери, предоставлять, ты покажь платокъ, чтобъ ей сумлѣнья не было, [illegible] она тутъ увидитъ; и скажи, что Парфенъ Митричъ приказывалъ, молъ, вамъ, чтобъ вы безпремѣнно къ нему шли... Слышь, чтобъ безпремѣнно! а то серчать, молъ, будетъ... И чтобъ, то-есь, живымъ манеромъ она ко мнѣ явилась, — и денегъ чтобъ несла, потому, скажи, я гуляю... Нну, вали!

Гриша.

Да я боюсь...

Парфенъ (*стукнувъ кулакомъ*).

Я тѣ говорю, маршъ!.. Нну, значитъ, и не разговаривай... Никто тебя не тронетъ... Нну живо, чтобъ одна нога здѣсь, другая тамъ. (*мальчикъ хочетъ идти*) Стой!.. Да ты смотри платокъ-то, окромѣ старухи да хозяйской дочери, никому не кажи...

Гриша.

Хорошо.

Парфенъ.

[illegible] слышь, чтобы не забыла...

Гриша.

[illegible] скажу (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же безъ Гриши.

Иванъ ([illegible]).

[illegible] Какъ же намъ съ тобой въ отвѣтѣ не [illegible] сторона

Парфенъ.

[illegible]

Цѣловальникъ.

Какъ-бы, значитъ, она родителю не пожаловалась...

Парфенъ.

Не-бойсь, не скажетъ, нетаковская... Да самого-то и дома нѣтъ: на пристани хлѣбъ грузитъ... Пей, ребята! (*пьютъ*). А она, ежели я, теперича, чего захочу, супротивничать мнѣ не можетъ.

Иванъ.

Отчего-жъ такъ?

Парфенъ.

А оттого, значитъ, какъ-же она, теперича, можетъ мнѣ супротивничать, когда она есть моя полюбовница...

Иванъ и Цѣловальникъ (*вмѣстѣ*).

Вре?.. Что ты!.. Какъ-же эвто?..

Парфенъ.

А такъ, значитъ! Може, я слово такое знаю... ну, и шабашъ!.. Откель-же, голова, у меня и деньги-то? Вотъ ты и чувствуй!..

Иванъ.

Вотъ диковина-то, ребята!

Парфенъ (*съ самохвальствомъ*).

А ты какъ объ эвтомъ полагалъ?

Цѣловальникъ.

Я точно-что маленько мекалъ на эвто и допрежде того, потому— вы тоже здѣсь разъ какъ-то промолвились...

Парфенъ.

Ну, вотъ, ты и молчи... (*пьютъ*). Вотъ, теперича, я ей послалъ платокъ, чтобъ сюда, значитъ, шла; и она, то-ись, не можетъ перечить... Только, слышь,—языкъ за зубами держать!..

Цѣловальникъ и Иванъ (*вмѣстѣ*).

Извѣстно!.. Не-бойсь!..

Цѣловальникъ.

Кто-жъ про эвдако дѣло болтать станетъ: оброни Богъ!..

Парфенъ.

Я, можетъ, исшо въ купцы выпишусь!..

Иванъ.

Дик—ковина!

Парѳенъ.

Самъ, можетъ, разведу торговлю разную.

Цѣловальникъ.

Въ добрый часъ! (*наливъ стаканы*) Пожалуйте!

Парѳенъ.

По ярмаркамъ буду ѣздить...

Цѣловальникъ.

Извѣстно, съ капиталомъ все можно.

Парѳенъ.

Я, можетъ, исшо на ней женюсь,—и самъ себѣ, то-исть, такія палаты заведу, что на удивленье!.. только-бы старый хрычъ околѣлъ... (*пьютъ*). Григорь Спиридонычъ, слышь,—у тебя наливка, что ни-есть лучшая, имѣется?

Цѣловальникъ.

Эвто все есть;—такая, то-исть, наливка, одно слово—сливки.

Парѳенъ.

Чтобъ купецкая была...

Цѣловальникъ.

Будьте благонадежны.

Парѳенъ.

Ну, робята, пей, чего осовѣли! (*всѣ пьютъ и замѣтно пьянѣютъ*).

Иванъ (*пьяный*).

Парѳенъ Митричъ!!... Я тебя такъ, то-исть, уважаю... то-исть, въ лучшемъ видѣ!!. Эвто такъ точно...

Парѳенъ (*облокотясь о столъ, поетъ*):

Сколько разъ я зарякался
Эвтой улицей ходить...—
Въ одну подлую влюбился,
Не могу ее забыть!..

(*Входитъ Гриша*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Гриша.

Парѳенъ (*переставая пѣть*).

Смахалъ?

Гриша (*отдавая платокъ*).

Духомъ.

Парѳенъ.

Ну, говори!..

Цѣловальникъ.

Видѣлъ, что-ли?

Гриша.

Видѣлъ. Фіона Прохоровна провела.

Парѳенъ.

Ну?..

Гриша.

Все, значитъ, какъ велѣли, сказалъ и платокъ давалъ... Сначала испужалась больно, когда я сказалъ, чтобъ она сюда-то, значитъ, — плакать зачала, а опосля того, одначе, подумала и сказала: хорошо, говоритъ, скажи, что сейчасъ буду.

Иванъ.

Дик...ковина!...

Гриша.

Спрашивала: много-ль народу въ кабакѣ?

Парѳенъ.

Ну?

Гриша.

Сказалъ, что Парѳенъ Митричъ, молъ, только съ своимъ пріятелемъ.

Парѳенъ (*покачиваясь, встаетъ и, доставъ изъ кармана горсть мѣдныхъ денегъ, отдаетъ Гришѣ*).

Мол-лодецъ!.. Нна... держи...

Гриша (*принимая*).

Благодаримъ покорно!

Цѣловальникъ.

Ну, ты теперича пшелъ спать, потому тебѣ здѣсь не мѣсто...

(*Гриша уходитъ за перегородку*).

Парѳенъ.

Слышь, ты, а?

Иванъ.

Дикко...ввина, ей-Богу!..

Парѳенъ.

Вотъ ты и поним...май, как...ковъ я есть!..

Цѣловальникъ.

Истинно говорю: и не прислыхивалъ про такое дѣло въ жисть свою!..

Парфенъ.

Григорь Спиридонычъ, слышь ты! а что, значитъ, за дѣвка, такъ я тебѣ скажу, что и не привидано!..

Цѣловальникъ.

Эвто что и говорить!..

Парфенъ.

А, то-ись, на счетъ смиренства какая...

Цѣловальникъ.

Знамо-дѣло, — не мужичка, вѣдь...

Парфенъ.

Вотъ ты и пон—нимай!.. *(наливаетъ стаканы; всѣ пьютъ)* Я, то-ись, безпремѣнно на ней женюсь...

Цѣловальникъ.

Тогда первый богатѣй въ городѣ будете.

Парфенъ.

Кабаки себѣ откуплю, лавки заведу, бархатами торговать стану... Вотъ оно, что значитъ слово-то!..

Цѣловальникъ.

Одно слово—удивленье!

Иванъ.

Како-жъ это слово?

Парфенъ.

Про-то мы знамъ, а тебѣ оно не въ пользу...

(Робко входитъ Надя, одѣтая просто, закутанная въ шаль, такъ что лица почти не видно,—и останавливается у двери).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Надя.

Парфенъ.

Григорь Спиридонычъ, вишь?.. гляди!.. *(указывая на Надю)* Что-жъ ты встала тамъ;—иди въ нашу кампанію...

Надя.

Что нужно тебѣ?.. Денегъ?

Цѣловальникъ.

Парфенъ Митричъ,—чтобъ, значитъ, они не сумлѣвались,—я пойду двери припру, чтобъ кто не ввернулся... (*хочетъ идти*).

Надя (*съ испугомъ*).

Какъ?.. Зачѣмъ двери запирать?.. Что вы хотите дѣлать со мной?

Цѣловальникъ.

Вы, то-исть, будьте безъ всякаго сумлѣнья; эвто я единственно для того, теперича, чтобъ, значитъ, кто чужой не ввернулся, да не запримѣтилъ васъ (*уходитъ*).

Парфенъ.

Вотъ што дѣло, то дѣло! (*подходя къ Надѣ*) Чтожъ ты столбомъ-то стоишь? (*беретъ ее за руку и ведетъ къ столу*).

Надя (*желая освободиться*).

Что нужно тебѣ? Зачѣмъ ты срамишь меня?

Парфенъ.

Вишь ты: я, теперича, загудялъ, вотъ и требовалъ, чтобъ ты, значитъ, при мнѣ была...

Надя (*въ сторону*).

Господи, что это за мученье!

Цѣловальникъ (*возвращаясь*).

Такъ-то, значитъ, дѣло чище будетъ...

Парфенъ.

Григорь Спиридонычъ, а ты дай-ко намъ, теперича, сладкой водки, да чтобъ въ лучшемъ видѣ была... Слышь!..

Цѣловальникъ (*идетъ за стойку*).

Эвто живымъ манеромъ...

(*Парфенъ садится на лавку и рядомъ указываетъ мѣсто Надѣ*).

Парфенъ.

А ты садись вотъ здѣсь, значитъ, да платокъ-то сыми... Аль канфузно?..

Надя.

Что ты позоришь меня?

Парфенъ.

Не-бойсь: они, значитъ, никому даже ни-ни!..

Надя (*подумавъ; въ сторону*).

Э, все равно—одинъ конецъ!... (*срываетъ платокъ, подходитъ къ столу и садится*).

Цѣловальникъ (*приноситъ вино и тарелку съ жемками*).

У насъ, значитъ, для эвдакихъ гостей, въ лучшемъ видѣ и закуска есть! (*Ставитъ передъ Надей*).

Парфенъ (*указывая на Надю*).

Григорь Спиридонычъ, какова, глянь... а?

Цѣловальникъ.

Одно слова—краля!..

Парфенъ (*Надѣ*).

Ну, значитъ, теперича, подчуй!..

Надя (*наливаетъ всѣмъ стаканы*).

Пейте!..

Парфенъ.

Что-жъ ты себѣ-то?

(*Надя наливаетъ*).

Парфенъ.

Слышь, Григорь Спиридонычъ, каковская она?..

Цѣловальникъ.

Одно слово—царь-дѣвица и больше ничего...

Иванъ (*принимая стаканъ*).

Дикков... (*икаетъ*).

(*Всѣ пьютъ. Надя незамѣтно свой стаканъ выливаетъ на полъ*).

Парфенъ (*обнимая одной рукой Надю, которая при этомъ вздрагиваетъ*).

Я свое дѣло пан...нимаю... Я ни единаго слова... Ты, значитъ, чувствуй!.. Григорь Спиридонычъ, наливай!..

Цѣловальникъ.

Я больше н-не...могу!...

Надя (*освобождаясь отъ руки Парфена, всторону*).

Напоить ихъ скорѣй!.. (*вслухъ*): Нѣтъ, давайте пить!.. (*всѣмъ наливаетъ*).

Парфенъ.

Слышь, Григорь Спиридонычъ!.. А?

Цѣловальникъ.

Для такой расприкрасной дам...мы... (*беретъ стаканъ и пьетъ*).

Парфенъ (*подавая стаканъ Ивану*).

Слышь, Ив...ванъ, выпей!... (*Тотъ мычитъ, хочетъ встать, но падаетъ на полъ и чрезъ минуту храпитъ; на него не обращаютъ вниманія. Надя опять выливаетъ свой стаканъ*).

Цѣловальникъ.

Парфенъ Митричъ! ты, знать, въ...ссор-рочкѣ родился?..

Парфенъ.

Я тѣ сказывалъ,—слов...во... такое знаю...

Цѣловальникъ.

Он...но... и прик...красно!.. (*опускаетъ голову на столъ*).

Парфенъ.

Я тѣ исшо не тó покажу!..

Цѣловальникъ.

И... будь столь добр...ръ...

Парфенъ.

Я тѣ покаж...жу... Ты, може, съ диву дашься...

Цѣловальникъ.

Пан...нимаю!..

Парфенъ.

М...могу, значитъ, купцомъ сдѣлаться,—потому все эвто въ нашихъ рукахъ...

Цѣловальникъ.

Очень, даже, прикрасно...

Парфенъ.

А ты какъ меня понимашь?..

Цѣловальникъ.

М...мы пан...нимамъ!..

Парфенъ *(облокотясь на столъ, запѣваетъ)*:

Сколько разъ я зарякался
Эвтой улицей ходить!..

Надя.

Что-жъ вы не пьете? *(наливаетъ)*.

Парфенъ.

Ну, подчуй!..

Цѣловальникъ.

Можна!.. *(пьютъ, потомъ опять опускаются головами на столъ)*.

Парфенъ *(совершенно пьяный запѣваетъ пѣсню)*:

Сколько разъ я зарякался...

(Дремлетъ).

Надя *(выйдя на аван-сцену)*.

Пьяны!.. Порѣшить съ ними!.. Убить ихъ тутъ!.. Пусть всѣ умрутъ, и тогда моего позора никто не узнаетъ и меня некому будетъ мучить... Убью,—а то разскажутъ!.. Тутъ гдѣ-то я видѣла топоръ? *(осматривается)* А, вонъ!..—Что я?!. Какой я страшный грѣхъ хочу взять на душу!.. Господи, прости мнѣ! Отведи отъ меня искушеніе!..

Парфенъ *(въ полу-снѣ поетъ)*:

Въ одну подлую влюбился...

Надя *(подходя къ нему и расталкивая)*.

Пить нужно, поднимись!

Парфенъ.

Подчуй!.. *(Она подаетъ ему стаканъ; онъ пьетъ и снова падаетъ головой на столъ)*.

Надя *(цѣловальнику)*.

Григорій Спиридонычъ, выпейте!

Цѣловальникъ *(едва выговаривая)*.

Для такой расприкрасной... *(пьетъ; потомъ идетъ за стойку, садится и сначала дремлетъ, а потомъ засыпаетъ. Парфенъ бормочетъ, потомъ тоже, облокотясь на столъ, засыпаетъ)*.

Надя (*нѣсколько времени стоитъ молча, потомъ осматривается*).

Спятъ!.. (*бросается къ топору*) Убить!.. (*беретъ топоръ*) Никто больше не будетъ терзать моей души!.. Убью моего злодѣя!.. (*подходитъ къ Парфену, задумывается и вздрагиваетъ*) Страшно! Ахъ, какъ страшно принять на душу человѣческую кровь!.. Нѣтъ, не могу!.. (*бросаетъ топоръ*) Смерть придетъ, стану помирать, всѣ грѣхи встанутъ предо мною и этотъ грѣхъ всѣхъ грѣховъ страшнѣе!.. За душой не ангелъ Божій прилетитъ, а бѣсъ!.. (*съ ужасомъ*) Черный, съ острыми крыльями!.. (*закрываетъ лицо руками*). Кровь будетъ взывать къ Богу, и терзать, и мучить меня еще больше, чѣмъ я мучусь теперь!.. Пусть живетъ!.. (*Пауза*) А онъ опять будетъ издѣваться надо мной? Опять будетъ мучить и позорить меня? Нѣтъ, я терпѣть дольше не могу!.. Убить!.. Всѣхъ, всѣхъ... (*озирается, снова беретъ топоръ, но опять бросаетъ*). Господи, что мнѣ дѣлать?.. Куда мнѣ дѣваться отъ этихъ искушеній?.. (*падаетъ на колѣни, со слезами*): Господи, прости мнѣ грѣхъ мой! Я не могу дольше выносить моихъ мученій; я слабая, не умѣю терпѣть... не могу прощать!.. (*рыдаетъ*) Я грѣшница... Я великая грѣшница... Убійца!.. (*Парфенъ во снѣ бормочетъ. Она быстро поднимается на ноги и, приложивъ къ губамъ палецъ, прислушивается; но тотъ скоро смолкаетъ*) Спятъ крѣпко!.. (*отрывистымъ, задыхающимся шепотомъ*) Запереть ихъ... и поджечь!.. Да, поджечь самую дверь... Они сгорятъ!.. Я убѣгу... Никто не узнаетъ,—теперь ночь... поздно,—всѣ спятъ!.. Скорѣй, скорѣй!.. (*осматривается, потомъ подходитъ къ печи; изъ подпечка выгребаетъ пукъ лучины, подходитъ къ свѣчѣ и зажигаетъ лучину*) Спалю!.. Сожгу!.. Всему конецъ!.. (*Уходитъ за дверь и плотно ее за собой затворяетъ. Черезъ минуту кабакъ загорается. Всѣ спятъ*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ V.

Комната въ домѣ Чеканова. Ночь. На одномъ столѣ горитъ свѣча. У окна сидитъ Прохоровна въ очкахъ и вяжетъ шерстяной чулокъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Прохоровна *(одна).*

И что это нейдетъ она?.. Мать Пресвятая Богородица! Ужъ не случилось-ли тамъ съ ней чего?.. Надоль—сколько времени зашла? Ну, самъ-то вернется, да спроситъ,—какой отвѣтъ дамъ?.. Ахъ, грѣхи, грѣхи!... Эка жизнь-то мучительская: за кажинную минуточку дрожи да мучься!.. Экой тиранъ, экой аспидъ накачался! А надъ ней-то, надъ голубкой, какъ надругался, какую власть взялъ... (*прислушивается*) Чу, идетъ кто-то! — Надо быть—она. (*Встаетъ, беретъ свѣчу и хочетъ идти къ двери*).

(*Тихо, какъ-бы въ забытьи, входитъ Надя, слабая, простоволосая, въ лѣтней мантильѣ стариннаго покроя; въ забытьи, нераздѣваясь, садится у стола, тупо смотритъ на одну точку—и вся, какъ будто, опускается*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Прохоровна и Надя.

Прохоровна.

Что это ты, мать моя, тамъ застряла? Ну, кабы самъ-то вернулся?.. На-тко, зашла да и сѣла!.. Кинула-бы ему, мучителю, въ харю-то, да и назадъ... (*пауза*) Не видалъ-ли кто тебя? не запримѣтилъ-ли?.. Да что ты молчишь? Онѣмѣла чтоль?

Надя *(въ забытьи).*

Правда это, или сонъ я такой видѣла? Какой страшный сонъ?.. (*Раздается набатъ. Въ окно ударяетъ красный свѣтъ зарева. При первыхъ звукахъ набата Надя вздрагиваетъ, встаетъ и выпрямляется во весь ростъ*).

Надя (*съ ужасомъ*).

Что это?.. Набатъ?..

Прохоровна.

Вспологъ-же и есть бьютъ... Мать Пресвятая Богородица!.. Да вонъ гдѣ горитъ! (*указываетъ на окно*) Вишь, зарево-то?!.

Надя (*молча опускается на стулъ*).

Прохоровна.

Ты не пужайся больно-то... Погоди, я сбѣгаю, посмотрю—гдѣ это? А надо быть, что близко!.. Охъ, батюшки свѣты! ноженьки мои подкосились... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Надя одна (*вставъ, съ отчаяніемъ*).

Такъ это правда?!. Я подожгла!.. Да, я помню, какъ подложила подъ дверь огонь, какъ загорѣлась рогожа, а я побѣгла... (*съ отчаяніемъ*). Ахъ, они сгорѣли!.. Что я сдѣлала?!. Боже мой!.. Что это?.. Зачѣмъ?.. Ахъ, какой грѣхъ!.. (*задыхаясь*). Смерть!.. Адъ!.. (*стоитъ въ оцѣпенѣніи, потомъ, оглядѣвъ себя, быстро шопотомъ*). Что-же это я дѣлаю?—Надо скорѣй раздѣться и спрятать! (*срываетъ съ себя мантилью*) А то придутъ сюда и догадаются... сейчасъ догадаются!.. (*подбѣгаетъ въ уголъ и съ лихорадочной дрожью запихиваетъ ее подъ стулъ, но сейчасъ-же вытаскиваетъ назадъ*). Нѣтъ, тутъ нельзя—найдутъ! (*въ тревогѣ мечется по сценѣ, но вдругъ останавливается*). Гдѣ платокъ? (*ощупывая голову и плечи*) Куда я его дѣвала? (*встряхиваетъ мантилью*) Гдѣ онъ?.. (*всплеснувъ руками*). Ахъ, вѣдь я его тамъ оставила!.. Тамъ забыла!.. Погибель моя!.. Его найдутъ, узнаютъ!.. Все откроется... (*въ ужасѣ, дрожа*). Закуютъ въ цѣпи!.. Тюрьма!.. Палачъ!.. Нѣтъ, онъ сгоритъ... вмѣстѣ съ ними... (*глядитъ въ окно*) Зарево!.. Ахъ, что я надѣлала?!. Душу свою загубила!.. Адъ ей приготовила!.. Ангелъ мой теперь плачетъ о погибшей душѣ моей, а бѣсъ ликуетъ... радуется!.. (*задумывается, потомъ подходитъ къ окну и глядитъ на зарево*). Горитъ!.. Какъ страшно!.. Чу, за мной идутъ!

(*Быстро входитъ Прохоровна*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Надя и Прохоровна.

Прохоровна.

Тотъ самый кабакъ горитъ... Люди, слышь, сгорѣли... И нашъто вороть ужъ не тамъ-ли?.. Мальчишечка, слышь, тоже сгорѣлъ... Какъ, говорятъ, кричалъ да метался-то...

Надя (*дрожа*).

Гдѣ?!.

Прохоровна.

Въ кабакѣ-то...

Надя (*опускаясь на стулъ*).

Господи! Что это?.. Что я сдѣлала?..

Прохоровна.

Что ты говоришь?

Надя.

Что мнѣ будетъ?.. Вѣдь, это я... Я подожгла! Черезъ меня сгорѣли!..

Прохоровна (*въ ужасѣ*).

Ты?!.

Надя.

Да, я... Нарочно подожгла дверь, чтобъ имъ нельзя было идти...

Прохоровна (*всплеснувъ руками*).

Что ты надѣлала, головушка безталанная?.. Извѣла, погуба людей!.. Да, нѣтъ! Ты плетешь: тамъ говорили, что ви-ни поджигателя...

Надя.

Меня видѣли?.. Бѣжать!.. (*быстро идетъ къ двери*).

Прохоровна (*останавливая ее*).

Что ты? Куда?

Надя.

За мной придутъ!.. Меня видѣли!..

Прохоровна.

Да кто тебя видѣлъ-то?..

Надя.

Я тамъ платокъ забыла... его нашли!

Прохоровна.

Чего найдти, когда подступиться къ дому нельзя...

Надя (*падая на стулъ*).

Господи!.. Что это?

Прохоровна (*плача*).

Куда ты свою душеньку приготовила!..

Надя.

Не видѣлъ ли кто скажи!.. не томи!

Прохоровна (*строго*).

Богъ... Онъ все видитъ!.. Что будетъ душѣ-то твоей?!.

Надя.

Смерть моя (*опускаетъ голову на руки, и потомъ вздрогнувъ*) Чу! Стучатъ!.. За мной пришли!.. Отопри имъ... отопри!..

Прохоровна (*плача, подходитъ къ ней*).

Молись о грѣхѣ своемъ...

Надя (*въ ужасѣ*).

Чу!.. Чу!.. Слышишь?.. Это за мной...

Прохоровна.

Полно, что съ тобой?..

Надя.

Чу!... Стонетъ!.. Плачетъ!..

Прохоровна.

Молись а ты, молись!

Надя.

Ахъ, стонетъ!.. стонетъ!

Прохоровна.

Молись скорѣй!

Надя (*вставая*).

Какъ молиться?!. Развѣ я смѣю?.. Развѣ могу молиться?.. Хорошо-бы умереть теперь... Развѣ руки наложить?.. Еще лишній грѣхъ принять на душу!.. Нѣтъ, нѣтъ!.. Будь, что будетъ... Пусть, Богъ и люди судятъ меня... Покаяться нужно во всемъ и Богу и людямъ!.. Судъ людской умепьшитъ вину мою передъ Богомъ!.. (*рѣшительно*) Пойдти и сказать... Чу, опять стучатъ!.. (*прислушиваясь*) Стучатъ... стучатъ!.. Это грѣхъ мой стучитъ!.. Меня зоветъ къ покаянію! Скорѣй... скорѣй!.. (*беретъ мантилью и хочетъ надѣть*).

Прохоровна (*подбѣгая къ ней, въ испугѣ*).

Что ты! Полно!.. Опомнись!..

Надя (*твердо*).

Пусти, не мѣшай!.. Мнѣ нужно покаяться.

Прохоровна.

Ты себя погубить хочешь?!

Надя.

Нѣтъ, не губить; – я хочу оправить, хоть немного, свою вину предъ людьми и передъ Богомъ!

Прохоровна *(въ отчаяніи обнимая Надю)*

Голубка ты моя сизая! Звѣздочка ты моя ясная!... Загубила ты свою душеньку!..

Надя.

Вотъ батюшки нѣтъ,—ему первому-бы покаяться надо... Родимый мой батюшка!.. Опозорила я твою сѣдую голову!.. Перенесетъ-ли? Переживетъ-ли?.. А матушка?... Она, чай, тамъ мучится за меня... (*падая на колѣни*) Матушка!.. Родимая моя матушка!.. Помолись за погибшую дочь свою!.. Помолись за ея преступную, грѣшную душу... Я здѣсь, на землѣ, приму мзду мою... Но *тамъ* будь ты... ты, моя ходатайница!.. Помолись!.. Проси отпустить мнѣ этотъ грѣхъ... (*встаетъ*) Пойдемъ скорѣй,—дольше я терпѣть не могу... Я тамъ-же, на пожарѣ, и покаюсь православнымъ... Не покидай батюшку... не оставляй его... Молитесь за меня... Не тужите,не плачьте: я должна терпѣть за бѣду мою... Ну, пойдемъ... (*хочетъ надѣть мантилью, но вдругъ останавливается*) Что я дѣлаю?!. Иду на покаяніе—и хочу надѣть то, что было на мнѣ, когда я совершала грѣхъ мой!.. (*съ отвращеніемъ бросаетъ мантилью*) Нѣтъ, прочь!.. прочь!..

(Слышенъ стукъ подъѣхавшаго экипажа).

Прохоровна *(съ отчаяніемъ).*

Ну, видно, Потапъ Степанычъ пріѣхалъ... Охъ, пропали наши головушки!..

Надя.

Батюшка пріѣхалъ?.. Вотъ я ему и покаюсь...

Прохоровна.

Полно, ты! не губи свою головку.. уходи ты скорѣе... (*тащитъ ее за руку*).

Надя.

Нѣтъ, нѣтъ,—оставь меня: я не скрою своего грѣха...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Чекановъ.

(Входитъ въ сопровожденіи брантмейстера и прикащика).

Чекановъ.

Перепужался до смерти...

Брантмейстеръ.

Будьте безъ сомнѣнія, Потапъ Степановичъ! Я у вашего забора двѣ трубы поставилъ; загорѣться не дадутъ...

Чекановъ.

Вѣтеръ-то сюда гонитъ (*къ прикащику*): Вода-то есть-ли у насъ?.. Гдѣ Парфенъ-то? Да молодцы всѣ-ли дома?.. Чего они не идутъ еще, пострѣлы!..

Прикащикъ.

Всѣ дома-съ; сію минуту придутъ-съ...

Чекановъ (*къ Надѣ*).

А ты чего тутъ? Что въ своей-то комнатѣ не сидишь? Безъ тебя пуще всего не управятся...

Надя.

Батюшка! Я...

Чекановъ.

Что еще?..

Надя.

Парфенъ... Вы, батюшка, про Парфена спрашивали?..

(Входятъ прикащики, одѣтые на скорую руку и испуганные).

Чекановъ. (*Надѣ*).

Тебѣ дѣла нѣтъ!.. Иди, говорю...

Надя.

Нѣтъ, батюшка, я должна вамъ сказать... Его ужъ нѣтъ въ живыхъ...

Чекановъ.

Кого нѣтъ въ живыхъ? Чего ты мелешь?..

Надя.

Парфена нѣтъ... Онъ сгорѣлъ тамъ... Я подожгла ихъ...

Чекановъ.

Что ты несешь, дура? Рехнулась что-ль?

Надя.

Нѣтъ, я правду говорю... Мой грѣхъ до меня дошелъ и таить не хочу—каюсь вамъ, батюшка: я ихъ тамъ загубила... Батюшка, я грѣшница, я преступница!.. (*падаетъ на колѣни*).

Чекановъ (*въ испугѣ*).

Что ты? Что съ тобой?.. Спятила ты чтоль, съ переполоху-то? Бредишь?..

Надя.

(*Остается въ прежнемъ положеніи*).

Нѣтъ, батюшка, я правду говорю...

Чекановъ (*Прохоровнѣ*).

Да что съ ней?.. Чтожъ ты молчишь? (*Прохоровна стоитъ въ крайнемъ смущеніи*) Господи!.. Чтожъ это такое?.. (*Надѣ*). Опомнись... Прилягъ... поди... Ты напугалась...

Надя (*поднимаясь*).

Нѣтъ, нѣтъ... Я знаю, что говорю. Всѣ слушайте мою вѣрную исповѣдь: я и въ смерти Егора Тихоныча грѣшна... (*къ отцу*) Онъ былъ у меня въ комнатѣ... подъ периной спрятанъ, когда вы его искали... Тамъ онъ задохся... Парфенъ свезъ его въ Волгу... а послѣ за то онъ измучилъ меня, надругался надо мной... полюбовницей сдѣлалъ!.. Я сожгла его...

Чекановъ (*дико смотритъ, долго молчитъ; потомъ, обратясь къ окружающимъ, растерянно*).

Что-жъ это такое, отцы родные?.. Что за напасть?.. Разумъ я что-ли потерялъ,—а?.. Аль она бредитъ?.. Да что-жъ вы молчите? (*озирается, потомъ схватываетъ себя за голову, съ отчаяніемъ*): Дочь...Душегубка!.. Полю-бов-ница!.. (*Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо руками*).

Надя (*бросаясь къ нему, умоляющимъ голосомъ*).

Батюшка, родимый мой!.. Простите!..

Чекановъ (*вскочивъ въ припадкѣ бѣшенства*).

Прочь, паскудная!.. Убью!.. (*отталкиваетъ ее*).

Надя.

Батюшка! не проклинайте меня...

Чекановъ (*Прохоровнѣ*).

Это все ты, старая вѣдьма, виновата!.. Ты, карга, не доносила да поблажала...

Прохоровна.

Батюшка, кормилецъ,—не убей...

Чекановъ.

Тебя расказнить мало... Тебя въ таръ-тарары...

Надя.

Батюшка, я одна во всемъ виновата! — я ваша погубительница, я опозорила вашу сѣдую голову, я осрамила ее...

Чекановъ *(дрожа).*

Возьмите ее... Уберите... Дальше, дальше отъ меня... А не то я самъ... самъ, своими руками... задушу ее... (*въ безсиліи, дрожа, опускается на стулъ, какъ-бы теряя сознаніе*).

Надя *(выпрямившись, говоритъ твердо, съ нѣкоторой торжественностію).*

Батюшка, я грѣшница!.. Я великая грѣшница!.. Пусть судятъ меня люди, пусть готовятъ мнѣ осужденіе—я готова принять его... Но меня ждетъ еще другой судъ, страшнѣе человѣческаго—судъ Божій... Не съ проклятіемъ вашимъ должна я предстать предъ нимъ. Не замолить мнѣ одной грѣхи мои... Не проклинайте-меня!.. (*Тихо и благоговѣйно опускается предъ нимъ на колѣни*).

Чекановъ *(вздрагиваетъ, лицо его подергивается; потомъ съ отчаяніемъ, схватившись за голову).*

Господи! До чего я дожилъ!.. (*Рыдаетъ. Надя остается въ прежней позѣ; Прохоровна плачетъ; остальные стоятъ, потупясь*).

Занавѣсъ.

Пав. Фелоновъ.

Канвою для «драматическихъ сценъ» г. Фелонова послужило событіе, дѣйствительно записанное въ нижегородской судебной хроникѣ прошлаго столѣтія, подъ названіемъ «*Убойная дѣла о купеческой дочери Осокиной*». Лѣтъ 20 тому на-

[illegible] попала въ руки г. Храмцовскаго книжка какого-то журнала екатерининскихъ временъ, безъ начала и конца, съ извлеченіемъ изъ подлиннаго уголовнаго дѣла объ Осокиной. Онъ разсказалъ исторію Осокиной на память, по этой книжкѣ, въ №№ 19 и 20 «Нижегородскаго Ярмарочнаго Листка» за 1864 г. По его разсказу, купецъ Осокинъ былъ въ прошломъ столѣтіи однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ жилъ на Панской улицѣ (около нынѣшнихъ пароходныхъ конторъ), въ собственномъ большомъ домѣ, имѣя красавицу дочь. Семейная драма, въ которой его дочери привелось играть такую ужасную роль, дѣйствительно, почти до мельчайшихъ подробностей, разыгралась именно въ томъ видѣ, какъ изображено авторомъ «Безъ вины виноватой». Преданіе, впрочемъ, говоритъ, что [illegible], когда на зарево сбѣжался народъ и сталъ тушить пожаръ, не повѣривъ, что въ огнѣ горятъ семь труповъ,—Осокина не имѣла силъ отойти отъ пылающей *Обжорки* (какъ назывался кабакъ, подожженный ею*), помѣшалась и тутъ же все разсказала собравшемуся міру. Начался судъ и кончился, разумѣется нескоро, приговоромъ къ кнуту и Сибири. Сидя въ острогѣ, въ ожиданіи исполненія приговора, замедлившагося болѣзненнымъ состояніемъ приговоренной, а можетъ быть и вслѣдствіе мнѣнія тогдашняго нижегородскаго губернатора Аршеневскаго, принимавшаго участіе въ ея судьбѣ,—Осокина приходила повременамъ въ себя. Въ 1767 году была въ Нижнемъ императрица Екатерина II, во время ея извѣстнаго путешествія по Волгѣ, и, узнавъ отъ Арщеневскаго объ Осокиной, пожелала ее видѣть. Осокина была приведена къ ней въ нижегородскій архіерейскій домъ, незадолго передъ тѣмъ (въ 1762 г.) отстроенный, гдѣ императрица останавливалась. Осокина на этотъ разъ была въ полномъ разсудкѣ. Екатерина велѣла снять съ нея кандалы и выйти всѣмъ, находившимся въ залѣ. Наединѣ, ободренная лаской императрицы, Осокина откровенно ей разсказала всю подноготную о себѣ... Человѣкъ въ Екатеринѣ II понялъ человѣка, женщина—женщину, и Осокина была освобождена отъ всякаго наказанія. По совѣту императрицы, она поступила въ Нижегородскій женскій Зачатіевскій монастырь (теперь упраздненный), гдѣ, вѣроятно, и умерла.

[illegible] 1876 года пьеса: «*Безъ вины виноватая*» была въ первый разъ поставлена на казанской сценѣ антрепренеромъ Медвѣдевымъ и прошла съ большимъ успѣхомъ, несмотря на слабыя силы исполнительницы главной роли, г-жи [illegible]

Примѣч. Ред.

*) [illegible] близъ нынѣшней Покровской дамбы, и еще [illegible] тѣмъ-же названіемъ.

ИНОРОДЦЫ ВЪ ССЫЛКѢ.

(ОЧЕРКИ СЪ НАТУРЫ).

I.
МИРЗА.

На улицахъ одного изъ глухихъ сѣверныхъ уѣздныхъ городовъ появился однажды оригинальный этапный поѣздъ. Посреди конвойныхъ торчали высокіе малахаи и остроконечныя шапки, которыя съ перваго-же раза обратили вниманіе жителей: лица эти были невиданныя здѣсь. Узкіе глаза, выдавшіяся скулы у одного, оливковый цвѣтъ лица южнаго типа, чорные какъ смоль волосы—у другаго; пестрые архалуки,—все это не могло не броситься въ глаза и не показаться страннымъ даже для сонныхъ и апатичныхъ, казалось, ничѣмъ не интересующихся обывателей глухаго города съ подлиповскими нравами. Съ перваго раза, да и послѣ, жители не замѣтили рѣзкой разницы между прибывшими, а разница эта была; хотя всѣ они были магометане и слыли подъ общемъ именемъ татаръ, однако всѣ они отличались рѣзко происхожденіемъ, типами и были съ различныхъ полюсовъ магометанскаго міра. Одинъ изъ нихъ, съ оливковымъ цвѣтомъ лица, былъ изъ туркестанскихъ владѣній; другой — въ лисьей острой татарской шапкѣ, съ худымъ лицомъ татарскаго типа, старикъ-мулла, изъ оренбургскаго края, и наконецъ третій—киргизъ Джатыкѣ изъ Адаевской орды, пожилой человѣкъ съ жиденькой сѣденькой бородкой, необыкновенно плотный и высокій. Все это были ссыльные азіаты, закинутые судьбой на далекій сѣверъ. Выпущенные изъ-подъ конвоя, они отправились по городу отыскивать квартиры и къ величайшему изумленію ихъ нигдѣ не пускали. Кто знаетъ предразсудки русскихъ людей относительно инородцевъ-татаръ, тотъ мо-

жетъ представить — до чего эти предразсудки и нетерпимость доходятъ въ глухихъ, невѣжественныхъ уголкахъ Россіи, гдѣ жители никогда не имѣли соприкосновенія съ инородцами. Мало того, что ихъ считаютъ „погаными“, но къ отвращенію здѣсь присоединяется еще страхъ. Обыватели рѣшительно боялись пустить инородцевъ, а самыя фигуры ихъ въ высокихъ шапкахъ, особенно виднаго и плотнаго Джатыкé въ скромномъ черномъ малахаѣ, смотрѣвшаго гигантомъ, казались имъ чѣмъ-то разбойничьимъ. Дѣти прыгали отъ нихъ въ разныя стороны, хозяйки остерегались, чтобы богатый бухарскій купецъ не укралъ у нихъ грошовый горшокъ; иные, хотя и рѣшились-бы пустить, да боялись, что опоганятъ квартиру, гдѣ стоитъ икона; другимъ грезилось, что самый домъ преобразится въ скотный дворъ, гдѣ будутъ рѣзать кобылъ и т. д. Иные изъ жителей однако имѣли столь смутныя этнографическія понятія, что не могли даже отличить національности, и какой-то мѣщанинъ, увидя на одномъ азіатцѣ золотомъ шитую чаплашку, рѣшилъ, что это „польскій архерей“. Долго проходили въ поискахъ квартиры инородцы, пока не пристроилъ ихъ у себя ссыльный еврей, впослѣдствіи отыскавшій имъ квартиры. Первое время на квартирѣ также не обходилось безъ затрудненій: хозяева не хотѣли брать бѣлье стирать, прятали посуду, изъявляли всевозможныя опасенія и притѣсняли инородцевъ, чѣмъ могли. Въ первое-же время хозяйкѣ почудилось, что уже жарятъ у нея кобылятину, и она умчалась, какъ стрѣла, изъ дому, зажавъ носъ, хотя татары просто ѣли вкусный пловъ съ бараниной. Не разъ раздавалась брань на проклятыхъ татаръ „кобылятниковъ“, хотя тѣ вели себя самымъ скромнымъ образомъ.

Двое изъ нихъ были совершенно люди тихіе и боязливые, мулла-же выказывалъ каждому даже особое почтеніе, низко кланяясь, прикладывая руки къ сердцу передъ каждымъ прохожимъ, — онъ оказался впослѣдствіи нѣсколько помѣшаннымъ; бухарецъ всего боялся; побойчѣе былъ киргизъ Джатыкé, хорошо знавшій русскихъ и бывшій волостнымъ начальникомъ. Двое изъ нихъ даже плохо знали по-русски, только Джатыкé говорилъ нѣсколько свободно, съ рѣзкимъ акцентомъ, напирая на *а*: „кончáлъ“, что при

его грозной фигурѣ наводило еще болѣе ужасу. Держалъ онъ себя также независимо, имѣя и получая порядочныя деньги. Много было казусовъ и непріятностей у инородцевъ, много разъ выгоняли ихъ съ квартиры, пока жители немного не пріучились къ нимъ. Тихую, замкнутую жизнь вели инородцы въ первое время, предаваясь своему горю. Изрѣдка можно было встрѣтить высокаго Джатыкѣ, пробирающагося скромно около заборовъ, въ верблюжьемъ халатѣ и высокомъ малахаѣ, прячущаго свою фигуру, хотя его фигура никакимъ образомъ не могла спрятаться; сколько онъ не присѣдалъ, а все казалось, что позади забора ѣдетъ человѣкъ верхомъ на лошади. Мѣстами, въ уединенномъ переулкѣ, пробирался бухарецъ, накрывъ на голову халатъ, или закрываясь длиннымъ рукавомъ. Чаще встрѣчался мулла, кланяющійся и присѣдающій передъ прохожими, или молящійся на церкви и простирающійся передъ священнымъ мѣстомъ. Мулла, какъ послѣ мы разскажемъ, былъ своихъ воззрѣній на религіи. Но какъ не скрывались инородцы, любопытный глазъ жителей всегда слѣдилъ за ихъ страннымъ поведеніемъ. То цѣлая куча любопытныхъ бабъ подсматриваетъ на ручьѣ, что дѣлаетъ, разостлавши красный платокъ передъ вечеромъ, бухарецъ (онъ совершалъ намазъ); то кто-нибудь приметъ выдвигающуюся изъ лѣсу, съ прогулки, фигуру Джатыкѣ за чорта; то дивуются на базарѣ надъ муллой, выдѣлывающимъ фетишистскіе пріемы. Все это приводило азіатцевъ къ безчисленнымъ приключеніямъ и забавнаго, и горькаго свойства, которыя могли быть переплетены въ самый причудливый разсказъ.

Я познакомился съ ними вдолгѣ, какъ они обжились уже въ городѣ, и мое вниманіе при первомъ-же знакомствѣ обратилъ на себя бухарскій купецъ Мирза (такъ его было имя) своей симпатичностью. Это была деликатная натура съ нѣжнымъ сердцемъ, личность впечатлительная, обворожавшая какой-то дѣтскою прямотою и прелестною наивностью неиспорченной натуры. Между тѣмъ, эта личность была до крайности пугливая. Съ нимъ еще продолжались безчисленные казусы, когда другіе уже обжились. Казусы эти давали поводъ много смѣяться надъ нимъ его русскимъ знакомымъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ приключеній.

Видя его грусть, ему посовѣтовали учиться русскому языку, и бухарецъ выписалъ татарско-русскій лексиконъ изъ Казани. Нѣсколько дней онъ былъ необыкновенно занятъ, онъ засыпалъ даже съ книгой въ объятіяхъ, какъ ребенокъ. Просыпаясь ночью, онъ опять начиналъ читать ее, пока дремота не брала своего. Въ одну ночь онъ проснулся—и драгоцѣнная книжка оказалась обгорѣлою. Это подало поводъ къ безчисленнымъ шуткамъ надъ чтецомъ. Подобные казусы намъ азіатскій другъ называлъ «кампозомъ», то есть канфузомъ.—„Ой, какой кампозъ былъ у меня вчера!“—восклицалъ онъ, закрываясь рукавомъ длиннаго суконнаго халата и краснѣя. Безъ этихъ кампозовъ не проходило дня. Приходитъ къ нему хозяинъ квартиры и просится ночевать, ибо въ квартирѣ у хозяина кто-то остановился. Внимательный Мирза конечно обязательно предлагаетъ свой диванъ. Но, уходя гулять вечеромъ, совершенно забылъ о хозяинѣ и вернулся только поздно ночью. Не найдя хозяина въ комнатѣ, онъ пожалѣлъ и рѣшилъ идти его отыскивать, полагая, что хозяинъ вѣрно улегся дома и терпитъ неудобства. Зажигаетъ свѣчку и идетъ въ хозяйскую квартиру; заглядываетъ въ комнату—нигдѣ нѣтъ; поднимается со свѣчкой на печку и о, ужасъ! къ величайшему «кампозу» видитъ спящую женщину. Это зрѣлище является столь неожиданнымъ для него, что онъ теряетъ свѣчку и мчится въ замѣшательствѣ домой, цѣлую ночь думая о послѣдствіяхъ этого приключенія. Онъ былъ необыкновенно стыдливъ и потому малѣйшее подозрѣніе приводило его въ величайшее смущеніе. Этимъ и пользовались его пріятели. Какъ-то онъ разъ вздумалъ устроить коммерческое предпріятіе и началъ пріобрѣтать старинныя серебряныя монеты; мѣнять ему эти деньги взялась какая-то зрѣлая деревенская поповская дѣвица. И вдругъ, къ ужасу бухарца, она оказалась Мессалиной. Постоянно являясь по дѣламъ размѣна денегъ, она приводила съ тѣхъ поръ въ величайшее смущеніе цѣломудреннаго бухарскаго Іосифа. Когда его встрѣчали на улицѣ съ женщиной, случайно его остановившей, онъ закрывался съ головою халатомъ, махалъ длинными рукавами и старался скрыться, какъ страусъ, въ самого себя, то есть подъ собственный капюшонъ. Намъ много приводилось шутить

надъ его боязнью женщинъ, и анекдоты все болѣе плодились о немъ. Мирза былъ женатъ и оставилъ жену въ Туркестанѣ, но онъ былъ до такой степени стыдливъ, что даже почему-то считалъ неприличнымъ противъ этикета упоминать, что у него есть дочь, и много стоило усилій преоборотъ въ немъ этотъ предразсудокъ. Неосторожно вырвавшееся слово или нечаянная двусмысленность, выраженная наивно, приводили его въ отчаяніе. Иногда, среди бесѣды въ дамскомъ обществѣ, онъ вскакивалъ, удалялся въ уголъ и даже не выходилъ, закрываясь руками и шепча: «Ой, какой я кампозъ сказалъ! ой кампозъ!» — и въ это время его прошибалъ потъ. «Совсѣмъ потъ сдѣлался!» — иногда пояснялъ онъ свое стѣсненное положеніе. Онъ былъ такъ чувствителенъ, что неосторожная шутка или насмѣшка доводила его до слезъ и нескоро это мы поняли, русскіе его знакомые и пріятели. Боязнь его подъ вліяніемъ шутокъ наконецъ начала въ немъ доходить до болѣзненности. Онъ началъ пугаться всего, опасаться всего, и его положеніе стало видимо мучительнымъ. Только тогда мы догадались о неумѣстности многихъ пріятельскихъ шутокъ. Впослѣдствіи обнаружилось—какая страшная драма разыгрывалась въ душѣ этого человѣка подъ видимой формой безконечныхъ забавныхъ приключеній съ нимъ.

Можно было-бы написать много забавнаго о пестрыхъ приключеніяхъ этого азіата, схожихъ съ приключеніями арабскаго Абу-Казема. Это былъ-бы веселый сказочный разсказъ съ разными уморительными случаями. Мы и пробовали, было, это сдѣлать, когда насъ отвлекла и заставила задуматься другая, болѣе серьезная сторона и драматичность положенія самого героя этихъ смѣшныхъ похожденій. Видя въ немъ постоянную грусть и тоску по родинѣ, я вздумалъ сойтись поближе и разузнать судьбу этого бѣднаго пугливаго бухарскаго человѣка, какимъ-то непостижимымъ образомъ попавшаго въ преступники и занесеннаго въ отдаленную сѣверную губернію. Онъ былъ до такой степени робокъ, что боялся даже что-либо сообщать о себѣ. Трудно было ожидать что-нибудь отъ такого робкаго и смирнаго человѣка.—Чего вы боитесь, Мирза? спросишь его иногда.—Ой-бай! Здѣсь все могутъ, сѣкиръ-башка могутъ!—За что-же? утѣшаешь его. Здѣсь не Бухара, а Россія,

головы не сѣкутъ. Чего-же вы боитесь, когда живете тихо?—Ой-бай! говорилъ только, качая головой, бѣдный бухарскій человѣкъ и прибавлялъ, какъ онъ вчера испугался пришедшаго къ нему полицейскаго солдата, какъ онъ долго шелъ безъ шапки по улицѣ, увидя вдали жену кого-то изъ чиновниковъ, и т. п. Пробовалъ я его разспрашивать о дѣлѣ, но онъ долго ничего не говорилъ, и только объявилъ по секрету, что его называли «Имамъ-Магди!» Кто называлъ и что это значитъ,—я сначала такъ и не могъ добиться.—Имамъ-Магди! крикнулъ я разъ, шутя, встрѣтивъ его за воротами, но мой азіатъ до того перепугался, что я думалъ, что съ нимъ сдѣлается обморокъ. Онъ долго указывалъ мнѣ жестами и мимикой, что могутъ услышать, и молилъ меня не называть его этимъ именемъ. Я сталъ больше приставать къ нему, чтобы онъ объяснилъ свое дѣло, такъ какъ мнѣ хотѣлось разъяснить «за что могли обвинить такого храбраго батыря (рыцаря, бойца)?» такъ какъ самое слово это могло составлять ужасный только контрастъ съ характеромъ моего азіатскаго друга. Вотъ что я узналъ о его біографіи. Бѣдный Мирза былъ купецъ изъ Сузака, Туркестанской области. До завоеванія еще русскими Туркестанскаго края онъ торговалъ на русской границѣ и жилъ въ Россіи; въ 1854 г. онъ имѣлъ домъ въ Петропавловскѣ, былъ со многими русскими отрядными начальниками. По завоеваніи русскими Туркестана, онъ продолжалъ торговлю, ходилъ съ караванами и торговалъ въ Акмолахъ. Въ Сузакѣ у него была жена и дѣти. Въ 1879 г. онъ шелъ съ караваномъ изъ Сузака въ Акмолу, какъ на дорогѣ былъ арестованъ по приказанію акмолинскаго начальника. Поводомъ къ аресту послужилъ донось на Мирзу одного изъ киргизъ алтай-сайдалинской волости, живетъ съ однимъ султаномъ этой волости. Донось этотъ состоялъ въ слѣдующемъ азіатскомъ вкусѣ. Въ иныхъ-тунгатарской волости живетъ человѣкъ, пришедшій изъ Мекки; онъ называетъ себя Имамъ-Магди (мусульманскій Мессія), именемъ Кязретъ-Али (зять Магомета) и Кязретъ-Калыа (его высочество, султанъ). Этотъ человѣкъ учитъ народъ и объщаетъ отгѣлить магометанъ: собралъ уже 1500 человѣкъ, имѣетъ

оружіе и *сорока-аршинный мечъ*; наконецъ, строитъ мечеть около Актау въ Аба-Тау.

— Ой, ой, какой вы опасный человѣкъ! смѣясь сказалъ я мирному Мирзѣ. Неужели вы называли себя Имамъ-Магды и имѣли такой огромный мечъ въ сорокъ аршинъ?—Лицо бѣднаго бухарца снова изобразило самый комическій ужасъ, который не допускалъ сомнѣній, какъ одна мысль объ этомъ была страшна для мирнаго и робкаго бухарскаго торговца.

— Что-же васъ спрашивали на слѣдствіи? продолжалъ я.

— Сначала спрашивалъ въ Акмолахъ судья М., производившій слѣдствіе, потомъ перевезли въ Омскъ, въ тюрьму, и тамъ спрашивалъ переводчикъ все о томъ-же, что доносилъ Така-киргизъ и султанъ Ибрагимъ. Спрашивали—называлъ-ли я себя Имамъ-Магды, имѣлъ-ли оружіе, зачѣмъ строилъ мечеть въ Аба-Тау?...

— Что-же вы?

— У меня было обчество, свидѣтелей много было за меня, и судья былъ за меня. Ой-бай! никогда я этого не говорилъ! Меня всѣ знали сколько лѣтъ въ Акмолахъ! Меня перевезли въ Омскъ, 8 мѣсяцевъ въ секретной держали, продолжалъ разсказывать Мирза. Здѣсь переводчикъ спрашивалъ; онъ меня давно зналъ и смѣялся, что меня въ этомъ обвиняютъ. Наконецъ выпустили на поруки къ киргизу около Омска. Я думалъ—совсѣмъ буду свободенъ, какъ черезъ пять мѣсяцевъ позвали и выслали сюда... О, Алла! я не знаю за что! Видитъ Богъ, я не знаю за что!...

Горе Мирзы было непритворно. Онъ отчаянно моталъ головою и тѣмъ болѣе меня подстрекалъ разузнать причину его несчастій. Я рѣшился, подобно слѣдователю, снять съ него самое подробное дознаніе обо всѣхъ мельчайшихъ его отношеніяхъ къ лицамъ, участвовавшимъ въ его дѣлѣ,—и только тогда кое-что мнѣ выяснилось.

— Какую же вы мечеть строили? спросилъ прежде всего я.

— Я домъ строилъ около Актау, въ Аба-Тау, зимовку для прохода каравановъ, въ складчинѣ съ другими 9-ю торговцами,—такъ у насъ зимовки всегда строятъ.

— Что-же, тѣхъ 9 человѣкъ не тронули?—Нѣтъ, тѣхъ 9 ничего, а меня одного спрашивали.—И оружія у васъ не нашли?—Ой-бай! Что вы говорите! воскликнулъ въ ужасѣ Мирза. И домъ смотрѣли и все смотрѣли, какой ружей, *кулмултуха* (пистолета) у меня даже въ дорогѣ не было!

— Ежели уликъ у васъ не было, да кто-же настаивалъ на вашей высылкѣ? спросилъ я.

— Така (киргизъ—доносчикъ), султанъ Ибрагимъ, уѣздный начальникъ Ф—въ! Они были противъ меня, противъ моего «обчества».

Что-же за причина этого была? И вотъ, по разсказу Мирзы, открылась давнишняя сѣть интригъ семейной и родовой вражды, которыми такъ обильна племенная жизнь степи. Оказалось, что бѣдный бухарскій торговецъ былъ жертвой этихъ интригъ, которыя трудно было разузнать слѣдователю, а самъ подсудимый, за незнаніемъ языка и подъ вліяніемъ страха, вѣроятно, не могъ объяснить ихъ.

Съ доносчикомъ Такой (имя киргиза) бухарецъ Мирза имѣлъ давно торговыя сношенія. Уже въ 1857 г. Така набралъ у него товару на 100 рублей, обѣщаясь разплатиться въ слѣдующій годъ. Мирза бралъ съ него даже росписки, хотя людямъ честнымъ въ степи принято довѣрять безъ всякихъ документовъ. Но Така славился недобросовѣстностью. Онъ былъ плутъ, тайный барантачъ и воръ. Въ своемъ обществѣ его не любили; однако это была личность умная, хитрая и пронырливая. Онъ постоянно дѣлился съ султаномъ и даже разъ, подъ протекціей султана, былъ волостнымъ правителемъ; но его смѣнили за мошенничество. Кромѣ неплатежа долговъ, появилась новая ссора Мирзы съ своимъ должникомъ. Какъ-то Така сказалъ Мирзѣ, «что онъ, женившись, совершенно обабился». Это уже была кровная обида, судя по тому, какъ высокомѣрно смотрятъ мусульмане на женщину. Произошла ругань и работники бухарскаго торговца поколотили оскорбителя-киргиза. Тотъ затаилъ свою ненависть до случая. Вражда все болѣе распалялась. Въ 1868 году Така опять добивается быть выбраннымъ волостнымъ правителемъ, но ему противодѣйствуютъ волостные правители двухъ сосѣднихъ

волостей, Мустафа и Кадчанъ,—оба они, по случайности, приходились родственниками Мирзѣ по женѣ. Султанъ Ибрагимъ ссорился тоже съ родственниками Мирзы за то, что одинъ изъ нихъ не выдалъ за него дочь. Наконецъ, противъ Мустафы былъ недоволенъ и уѣздный начальникъ Ф—въ поповоду земель, размежеванныхъ не въ угоду уѣздному начальнику. Всѣмъ этимъ воспользовались теперь Така и Ибрагимъ, чтобы разомъ убить враговъ своихъ ложнымъ доносомъ, и донесли на Мирзу и Мустафу; но Мустафу оставили, а Мирза явился жертвой. И султанъ Ибрагимъ, и уѣздный начальникъ закулиснымъ образомъ еще понасказали на Мирзу начальству, чтобы подтвердить свои подозрѣнія. Такимъ образомъ доносъ былъ только послѣднимъ фазисомъ давнишней домашней вражды, и интригу эту распутать передъ слѣдователемъ, конечно, было не бѣдному бухарцу, потерявшему голову и незнающему русскаго языка. Если не оказалось уликъ, то его опутали подозрѣніями и вынудили ссылку административную. Много перенесъ бѣдный Мирза, начиная съ своего ареста на дорогѣ. Розыскать его взялся тотъ-же доносчикъ Така, знавшій, что онъ идетъ съ караваномъ изъ Сузака. Выпросивъ у начальства 30 человѣкъ киргизовъ, этотъ обвинитель и исполнитель разомъ ареста, взялъ его за 500 верстъ отъ города, въ степи. Во всю дорогу старый врагъ его мстилъ ему, а киргизы били его нагайками, обобрали его лошадь, платье, и привезли въ рубищѣ въ Акмолы. Конечно, несчастному азіатцу было не до того, чтобы жаловаться. Не зная русскихъ законовъ, онъ перепугался и ждалъ только смерти. Такое-же положеніе его было и въ Омскѣ. Онъ разсказывалъ, что въ секретной острога онъ не смыкалъ очей, цѣлые дни не ѣлъ, боялся часоваго, боялся даже прислужника изъ арестантовъ; всякій день думалъ, что выведутъ его на казнь. Такъ онъ прожилъ, трепеща, 8 мѣсяцевъ, не зная ни языка, боясь о чемъ-бы то ни было спросить. Въ концѣ онъ рѣшилъ, что онъ будетъ жить цѣлую жизнь въ тюрьмѣ. Черезъ 8 мѣсяцевъ ему однако объявили, что онъ будетъ выпущенъ на поруки. Но вслѣдъ затѣмъ начались новыя мытарства, когда онъ былъ отправленъ въ ссылку по этапамъ: онъ боится взять арестантскую одежду, на дорогѣ у него обкрадываютъ конвоиры-инвалиды, въ заговорѣ съ арестантами, всѣ деньги и

онъ не смѣетъ пожаловаться. Онъ видитъ, какъ одинъ изъ конвоировъ-солдатъ воруетъ у спящаго арестанта халатъ, а потомъ унтеръ-офицеръ требуетъ отъ арестанта этого халата и бьетъ по щекамъ, — Мирза и тутъ боится объявить, что онъ видѣлъ покражу: думаетъ—и его сошлютъ, и конвой сошлютъ. Онъ только зажмуриваетъ глаза и плачетъ. Больше всего онъ трепещетъ по дорогѣ, чтобы его не заковали въ наручни, хотя и написано «безъ оковъ». Когда крикнутъ „въ заковкѣ!“, у него духъ замираетъ. На московско-нижегородской дорогѣ арестантамъ раздаютъ свиныя колбасы, и онъ ѣстъ изъ боязни, не смотря на отвращеніе и религіозный страхъ. О кормовыхъ думаетъ, что даютъ ихъ по винѣ: кому меньше, тотъ больше виноватъ. На этапѣ какой-то кривой дворянинъ командуетъ надъ нимъ: „садись ближе!“ и онъ думаетъ: „вѣрно розга дадутъ!“ Это было путешествіе подъ безпрерывнымъ размышленіемъ, „что дадутъ розга или сошлютъ?“ Все представлялось своеобразно въ головѣ азіатца, незнакомаго ни съ русской жизнью, ни съ этапными порядками. Такимъ явился и въ ссылку этотъ батырь, обмѣнявшійся за 40-аршинный мечъ. Онъ обо всемъ имѣетъ еще азіатскія и бухарскія представленія. Когда взявшій его къ себѣ на квартиру ссыльный отрепанный еврей ведетъ его къ исправнику и велитъ просить вспомоществованія, онъ думаетъ, что это первый другъ исправника, судя по тому, что въ Бухарѣ торговщики—первые друзья начальниковъ; онъ никакъ не можетъ себѣ объяснить того положенія, когда они съ первостатейнымъ аристократомъ, по его мнѣнію, оба очутились на кухнѣ. Когда призываютъ въ полицію для снятія подписки и спроса объ имени, бухарскій человѣкъ подозрѣваетъ, что его хотятъ посадить въ острогъ. Тихонько онъ складываетъ свое имущество въ курджумъ (мѣшокъ), молится Богу и ждетъ съ покорностью [illegible], ожидая своей участи. Когда говорятъ ему въ полиціи: — А, это вы [illegible], сейчасъ! и уходятъ,—онъ думаетъ: „вѣрно посадятъ на ночь въ полицію, а ужъ на утро въ острогъ“. И думаетъ [illegible] такъ [illegible], хотя и не чувствуя никакой вины за собой. Въ одно утро къ нему приходитъ полицейскій солдатъ [illegible] по случаю собственныхъ [illegible]. Азіатецъ [illegible] думая, что его посланъ

человѣкъ срубить ему голову и унести ее на блюдѣ. Точно также онъ трепещетъ, когда его вызываютъ зачѣмъ-то къ квартальному. Зная, что квартальный завѣдуетъ городскимъ благочиніемъ, онъ соображаетъ: „ночевалъ-ли онъ“, бухарскій человѣкъ, „сегодня дома и не надѣлалъ-ли какихъ-нибудь буйствъ?“ хотя самъ знаетъ хорошо, что ничего подобнаго не было.

Когда его вызываютъ въ полицію за полученіемъ вспомоществованія, онъ подозрѣваетъ, что его вѣрно хотятъ разстрѣлять за то, что онъ задолжалъ за квартиру. „Мысль помутилась, говоритъ онъ; думаю, за домъ разстрѣляютъ!“ Полицейскаго унтеръ-офицера уѣздной команды онъ считаетъ великимъ визиремъ, и когда тотъ приглашаетъ его къ себѣ на чай, бухарскій человѣкъ не смѣетъ ослушаться. Онъ пьетъ здѣсь насильно 6 чашекъ чаю, боясь отказаться, чтобы не приняли за нарушеніе этикета, и весь въ поту выскакиваетъ, какъ угорѣлый, насилу освободившись. Величайшія муки онъ испытываетъ въ гостяхъ у великаго визиря, пока кипитъ самоваръ, и освободившись говоритъ: „Ежели-бы освободили меня въ Туркестанъ, я не былъ-бы такъ радъ, какъ вырвавшись въ этотъ вечеръ домой!“

Таково было положеніе этого бѣднаго азіата въ ссылкѣ. Такъ онъ былъ запуганъ своими приключеніями. Безмолвно онъ выносилъ гоненія отъ хозяекъ. Разъ, послѣ того, какъ его какая-то пьяная русская глотка обругала на улицѣ „кобылятникомъ“, онъ пересталъ выходить днемъ и выходилъ уже гулять ночами. Въ лѣтнюю ночь его можно было видѣть гдѣ-нибудь на зеленой полянкѣ сидящимъ на карточкахъ и воображающимъ себя средь степи. Зимою, часто въ 30 градусный морозъ, онъ бродитъ въ своихъ ичегахъ и халатикѣ по огромнымъ сугробамъ и смотритъ тоскливо на бѣлую ледяную пустыню сѣвера, въ холодное сѣверное небо, усыпанное безучастными звѣздами. И вспоминается ему тогда родное бухарское небо, полное страстнаго мерцанія золотыхъ южныхъ звѣздъ, бархатныя темныя ночи съ ароматомъ апельсинныхъ рощъ, съ запахомъ розъ, съ нѣжнымъ рокотомъ южныхъ соловьевъ, со всею нѣгою и волшебною красотою юга,—и страшная тоска еще сильнѣе гложетъ его сердце....

— Неужели вамъ не холодно, бай-баче? спрашиваешь его, встрѣчая разгуливающимъ вечеромъ по морозу.

— Я сегодня совсѣмъ пьянъ! говоритъ онъ, смотря на меня помутившимися глазами. Я сегодня ничего не чувствую, *совсѣмъ пьянъ отъ горя*... говоритъ онъ мнѣ по обыкновенію восточной метафорой, грустно улыбаясь.

День ото дня, казалось, таяла эта южная натура подъ непривѣтнымъ сѣвернымъ небомъ.

Замѣчательно, что это была натура чуткая, впечатлительная, необыкновенно даровитая. Когда-то невозмутимая жизнь киргизскихъ степей и монотонная магометанская обстановка бухарской жизни не будила его ума. Но вотъ, во время своего печальнаго странствованія по Россіи, онъ столкнулся съ русскою жизнью, съ нѣкоторыми сторонами европеизма, и внезапно вспыхнула въ немъ вся любознательность живаго скрытаго ума. Видѣнная жизнь Россіи его заняла; онъ разспрашивалъ обо всемъ, онъ понялъ, что Средняя Азія,—это несчастная пустыня сравнительно съ тѣмъ, что ему встрѣчалось. Его занималъ и видѣнный телеграфъ, и желѣзныя дороги, и типографское дѣло; жадно слушалъ онъ разсказы о различныхъ странахъ и европейской жизни. Въ немъ пробудилась жгучая жажда учиться, жажда знанія, не смотря на то, что это былъ 40-лѣтній человѣкъ; но людей, которые-бы взялись его учить, не было. И вотъ онъ самоучкой учится русской грамотѣ. Сидя ночами, онъ записываетъ, къ чему прислушался днемъ, заноситъ научные термины, свѣдѣнія, какія попадались, думая ознакомить когда-нибудь съ этимъ своихъ родичей. Но и здѣсь томятъ его сомнѣнія: можетъ-ли онъ еще это дѣлать безнаказанно? Горько сознавая свое безсиліе, долго разбираетъ онъ иногда попавшуюся газету, употребляя усиліе понять что-нибудь; но разочарованный, недобившись толку, со вздохомъ положитъ ее опять. Не было предмета, на который бы онъ не обращалъ вниманія. Увидитъ высмоленную лодку и разспроситъ, чѣмъ смолятъ ее.—„А у насъ глупый азіатскій народъ и этого не умѣетъ!“ скажетъ онъ, качая головой. Чаще онъ свой народъ называлъ „бѣдничкомъ“. „Этотъ бѣдничекъ ничего не знаетъ, говорилъ онъ; онъ думаетъ, что онъ самый лучшій народъ“. Видно

было, какъ онъ становился ярымъ поклонникомъ западной цивилизаціи. Онъ разспрашивалъ о разныхъ школахъ, наукахъ, задумывался надъ судьбою своего народа, проклиная его варварство и невѣжество. Онъ иногда съ выразительнымъ юморомъ передавалъ, какъ бухарскіе аристократы проводятъ время, бросая гордо чашки и заигрывая съ батчами; смѣялся надъ тщеславіемъ бухарскихъ генераловъ и ихъ невѣжествомъ. Мысль о знакомствѣ съ Европой занимала его. Онъ фантазировалъ уже о европейскомъ образованіи въ Средней Азіи, проэктировалъ въ умѣ школы и жаловался только горько, что гордый „европейскій народъ“, какъ онъ называлъ насъ, не хочетъ учить „азіатской бѣднички“, онъ только смѣется надъ нимъ.

Тутъ только увидѣлъ я, какая живая воспріимчивость, какія способности таятся въ этой расѣ. Мнѣ было грустно за несчастную судьбу перваго изъ азіатскихъ прозелитовъ европейскаго знанія, какъ нарочно пробудившаго свѣтъ въ душѣ его въ горькую годину его безпомощности.

Скоро Мирзу перевели куда-то на югъ по растроенному здоровью, гдѣ онъ очутился еще болѣе одинокимъ.

Я слышалъ, что онъ хирѣлъ въ чахоткѣ.

II.

ИСКАКЪ-МУЛЛА.

Незавидна была судьба инородцевъ въ отдаленномъ русскомъ городѣ. Ссылалось ихъ не мало. Но между ними отличался особенно, я помню, своею типичностью одинъ,—это былъ старый Искакъ-Мулла изъ оренбургскихъ татаръ. Искакъ-Мулла былъ уже 15 лѣтъ въ ссылкѣ и переведенъ былъ въ нашъ городъ изъ другаго не менѣе дальняго мѣста.

Явился онъ къ намъ очень дряхлымъ, подслѣповатымъ и съ разстроенными умственными способностями.

Тѣ, кто знали его ранѣе, говорили, что онъ и прежде былъ нѣсколько страненъ. Явился онъ 15 лѣтъ тому назадъ въ ссылку, съ своими оригинальными религіозными воззрѣніями, въ подобной

нашему городокъ. Кто знаетъ магометанскую фанатичность воззрѣнія, тому бросалось въ глаза, что религіозность Муллы-Исхака была совершенной противуположностью своимъ магометанскимъ собратьямъ. Мало того, что онъ обладалъ полной вѣротерпимостью, но онъ питалъ уваженіе ко всѣмъ религіямъ. Онъ говорилъ, что можете вездѣ молиться — и въ киркѣ, и въ синагогѣ, и въ мечети, и въ православной церкви. Поэтому онъ всегда распростирался, проходя мимо русскихъ церквей, и молился на нихъ издали. Замѣчательно, что съ своей деистической философіей онъ усвоилъ совершенно христіанскія воззрѣнія и особенно любовь къ ближнему.

Все, что онъ ни получалъ, онъ раздавалъ бѣднымъ; иногда на него находилъ религіозный экстазъ и онъ дѣлалъ это на площади: убогій халатъ, сапоги, шапка, — все отдавалось встрѣчнымъ. Какъ ни старались внушить ему его уѣздные покровители мысль о собственности, ничего не удавалось. Этотъ магометанинъ, можно сказать, въ душѣ былъ христіаннѣйшимъ. Вѣроятно и прежде въ своихъ магометанскихъ проповѣдяхъ онъ началъ примѣшивать свою философію о равенствѣ всѣхъ религій и вносить христіанскія воззрѣнія, что возбудило противъ него гоненіе магометанскихъ фанатическихъ муллъ. По крайней мѣрѣ онъ сосланъ былъ по ихъ доносу. Ненавидя его за разномысліе и видя, что онъ колеблетъ магометанство, даже предпочитая ему религіи «невѣрныхъ», муллы однако не рѣшились прямо дѣйствовать, а имъ нуженъ былъ гражданскій предлогъ. Случай представился. Какъ человѣкъ безъ предразсудковъ, мулла допускалъ безъ лицемѣрія пользоваться нѣкоторыми запрещенными плодами пророка. Разъ изъ какой-то деревни онъ возвращался подъ хмѣлькомъ. Остановившись у одной мечети и увидя народъ, онъ сказалъ проповѣдь въ духѣ своего новаго вѣроученія. Муллы комментировали эту проповѣдь въ политическомъ смыслѣ и сдѣлали доносъ. Когда былъ взятъ мулла, онъ, какъ человѣкъ фанатизированный, принялъ это за мученичество, посланное на него Богомъ. Въ припадкахъ сумасшествія, открывшихся, какъ послѣдствіе экзальтаціи, онъ называлъ себя при слѣдствіи Богомъ, Магометомъ, царемъ и т. п. Все это конечно записывалось и послужило къ обвиненію. Его признали за фанатика вмѣсто того, чтобы признать помѣшаннымъ,

какимъ онъ и былъ, потому что въ острогѣ съ нимъ были даже припадки бѣшенства. Во время заключенія погруженный въ мистическое созерцаніе, какъ говорилъ онъ впослѣдствіи, онъ думалъ только о Богѣ и смерти. Когда въ острогѣ слышались насмѣшки надъ нимъ отъ солдатъ и арестантовъ, угрожавшихъ, что его разстрѣляютъ, Исхакъ-Мулла постоянно отвѣчалъ одно: «Ничего не боюсь, со мною Богъ!»

Это фаталистическое воззрѣніе на судьбу свою онъ сохранилъ и въ ссылкѣ. Разъ, разсказывали про него, онъ отправился съ знакомыми русскими въ поле и тѣ нечаянно заблудились въ сѣверномъ лѣсу. На утро они вернулись домой, но муллы не было. Пошли искать его и находятъ его на вторыя сутки безмолвно сидящимъ на одномъ мѣстѣ, среди глухаго лѣса.—Мулла! крикнули ему.—«Богъ!» отвѣчалъ онъ. Онъ терпѣливо дожидался, какъ объяснилъ, чего-бы ни было, не боясь ничего, ибо съ нимъ Богъ. Въ первое время ссылки мулла не былъ совершенно помѣшаннымъ, хотя подъ вліяніемъ религіозной маніи онъ могъ считаться страннымъ. Онъ былъ тихимъ, любящимъ, гуманнымъ.—«Всѣ люди—ангелы, говорилъ онъ на своемъ религіозномъ языкѣ;—всѣхъ надо любить.»—Неужели, мулла, нѣтъ злыхъ и грѣшныхъ по твоему? спрашивали его.—«Я одинъ грѣшный!» отвѣчалъ онъ съ смиреніемъ. Онъ сносилъ терпѣливо и съ совершеннымъ спокойствіемъ всѣ насмѣшки и преслѣдованія. Наловитъ онъ себѣ рыбки и варитъ на берегу въ котелкѣ, а мальчишки камни туда бросаютъ....

Любилъ онъ отдаваться пантеистическому созерцанію природы. Сидитъ на берегу и смотритъ въ струи; тихо журчитъ вода, а лицо его улыбается и онъ молится. Но и здѣсь нарушалось иногда его единственное утѣшеніе разными случайностями. Заберется онъ лѣтомъ среди цвѣтущей ржи и смотритъ на голубое ясное небо; тихо шумитъ около него вѣтеръ, качается колосистая рожь и такъ ему хорошо молиться; но вдругъ его обухомъ топора треснетъ русскій человѣкъ по шеѣ: «Куда ты, татаринъ, забрался?» Разъ онъ пришелъ на крестьянскую свадьбу въ деревню и пьянымъ мужикамъ что-то не понравилось, что онъ сказалъ; начали его бить, сильно его избили и онъ вернулся съ проломленной головой; но все время онъ сидѣлъ

на полу и только говорилъ: «покорно благодарю!» низко кланяясь. Онъ не сохранилъ объ этомъ происшествіи никакой злобы.

Бродилъ онъ также по городу и предлагалъ свои услуги, работая вездѣ даромъ. Послѣ ряда преслѣдованій, нѣкоторые русскіе люди увидѣли, что его можно однако эксплуатировать. Гдѣ его заставять дрова порубить, гдѣ воды принести, и не было лучше удовольствія для стараго Муллы-Исхака, какъ оказать безкорыстную услугу; придетъ онъ въ домъ, госпиталь, увидитъ тазъ, лаханку и сейчасъ вынесетъ и послѣ дѣтски смѣется, когда ему сдѣлаютъ упрекъ. Нашлись люди, которые выпрашивали у него деньги, собираемыя подаяніемъ, и платье, пользуясь странностями нищаго.

Въ городѣ сталъ онъ поэтому популярной личностью, даже его часто приглашали въ дома, кормили, угощали. И Исхакъ-Мулла скоро со всѣми перезнакомился и чувствовалъ себя вездѣ, какъ дома. Но русскій неразвитой человѣкъ не можетъ довольствоваться однимъ чистымъ чувствомъ филантропіи,—наслажденія оказаннымъ добромъ ему мало; ему нужно еще униженіе личности и потѣхи. Я помню, какъ одна простолюдинка только тогда стала благоволить къ нищему-Муллѣ, когда онъ поклонился въ ноги ея дѣтямъ, и разсказывала это съ истиннымъ удовольствіемъ и тщеславіемъ.

Тоже самое нравилось и въ благородной средѣ уѣздныхъ обывателей. Гдѣ онъ поцѣлуетъ ручку, гдѣ поклонится въ ноги, все это льстило уѣздному аристократу, которому не часты почести. Но и этого мало,—Мулла съ своими странностями представлялъ случай для веселой потѣхи, и вотъ—гдѣ ему посыплютъ на хлѣбъ перцу, гдѣ заставять ѣсть горчицу, гдѣ смѣшаютъ разной дряни и заставятъ выпить, напоятъ керосиномъ и посмѣются. Все это нравилось. Сдовамъ, изъ Муллы стали дѣлать шута. Какой-то либеральный баринъ взялъ его подъ видомъ покровительства къ себѣ и заставлялъ инородца выдѣлывать всевозможныя штуки для потѣхи. Исхакъ-Мулла сталъ шутомъ.

Странная эта страсть у русскаго человѣка и только въ русскихъ нравахъ. У насъ нравятся дураки, шуты, фигляры и любятъ ихъ дѣлать. Дѣлаютъ ихъ изъ дѣтей, бѣдныхъ, пользующихся благотворительностью, изъ подчиненныхъ, а также изъ инородцевъ.

Вотъ на чемъ основаны всѣ шутки и насмѣшки надъ татарами, жидами и проч. Въ этомъ упражняются и этнографы наши, и публицисты, и на этомъ основанны всѣ русскіе анекдоты. Эти шуты и дураки въ ходу у простонародья также, какъ и у барства; привычки эти проявляются даже въ образованныхъ слояхъ. Для потѣхи намъ нужна жертва и за смѣшною стороной намъ всегда застраняется страдательная роль личности. Это остатокъ грубости нравовъ, отсутствія у насъ гуманнаго развитія, слѣдъ грубыхъ и дикарскихъ потѣхъ, основанныхъ на мукахъ жертвы, слѣдъ крѣпостнаго права, самодурства и вѣковаго рабства. Подъ внѣшней формой барскихъ привычекъ, здѣсь скрываются холопскія чувства и наслажденія. У насъ еще не развилось, можетъ быть, европейскаго чувства щекотливости, когда всякое униженіе личности, какъ униженіе человѣческой природы и благороднаго чувства человѣческаго достоинства, вызываетъ только отвращеніе. Вотъ почему религіознаго Исхакъ-Муллу сдѣлали шутомъ въ русскомъ уѣздномъ городѣ и долго несъ эту роль безумный старикъ. Онъ выполнялъ ее съ тою-же угодливостью, какъ носилъ ранѣе дрова, воду и т. п. Но отъ него не требовали теперь работы, а требовали удовольствія.

Но бѣдный безумный шутъ Исхакъ-Мулла все-таки былъ человѣкъ, безуміе не мѣшало ему тосковать по родинѣ. Онъ становился хилъ, старъ, слабоуменъ, одинъ глазъ его постоянно гноился. Но желаніе возвратиться и умереть на родинѣ всѣ болѣе грызло его сердце. Когда померкалъ разсудокъ, чаще и чаще лепеталъ онъ: „Родина нада, бачка! Родина хочу!“ Его перевели по болѣзни въ другой городъ, болѣе южный, той-же сѣверной губерніи. Тогда онъ явился въ нашъ уѣздъ. Безъ сожалѣнія онъ оставилъ прежнихъ своихъ покровителей и явился къ намъ съ дѣтской улыбкой на старческомъ сморщенномъ лицѣ.—Зачѣмъ ты пріѣхалъ, Мулла? тамъ у тебя много было знакомыхъ! говорили ему.—„Родина захотѣлъ! Здѣсь все ближе, хоть на одинъ аршинъ ближе къ родина умереть! Такъ то, господа!“—объяснялъ онъ, почтительно приложивъ руку къ груди и пообыкновенію присѣдая.

Но старикъ не нашелъ въ новомъ городѣ такого обширнаго знакомства. На его странности смотрѣли здѣсь менѣе снисходи-

тельно, да и самъ старикъ началъ болѣе мѣшаться, хоть это помѣшательство было тихое и спокойное. Послѣднія искры ума исчезали. „Темно здѣсь!“ говорилъ онъ иногда, прикладывая руку къ головѣ. „Свѣтъ нѣтъ, разума нѣтъ; научи, батюшка,—твою рѣчь не понимаю“ и т. п. Иногда онъ лепеталъ: „Когда меня, господа, отпустятъ? У меня тамъ на родинѣ Маріамъ осталось! (имя жены).“ Когда онъ видѣлъ уѣзжающихъ, онъ говорилъ: „Всѣ уѣзжаютъ... Когда меня, господа, отпустятъ?“ И чѣмъ больше потухалъ умъ, тѣмъ безсильнѣе работала мысль, не будучи въ состояніи себѣ ничего объяснить; чѣмъ больше мракъ охватывалъ голову старика, тѣмъ жгучѣе и сильнѣе сосала его тоска... Оставалось только въ душѣ одно чувство безсильной, изнуряющей муки....

Но онъ оставался въ ссылкѣ вслѣдствіе страннаго недоразумѣнія. Много-ли, много-ли, кажись, этому человѣку нужно было? Всего то покой родной своей деревни. Но жизнь часто не дастъ и самаго малаго, кажись, самаго возможнаго.

Скоро Исхакъ-Мулла совершенно лишился послѣднихъ покровителей за отъѣздомъ ихъ. Его берегъ и ухаживалъ за нимъ еще деликатный и чувствительный Мирза; остальные инородцы относились къ нему менѣе человѣчно и даже грубо. Наконецъ, уѣхалъ и Мирза. Мулла остался теперь только подъ опекою и на рукахъ грубаго киргиза Джатыкé. Остается разсказать послѣдній драматическій эпизодъ съ нимъ.

Джатыкé, бывшій киргизскій волостной старшина, былъ суровый и грубый дикарь, позаимствовавшій изъ столкновеній съ русскими только чванство своимъ званіемъ и богатствомъ. Это отвратительное соединеніе грубости и іерархическаго высокомѣрія особенно высказывается рѣзко и отталкиваетъ въ киргизскихъ султанахъ и киргизскихъ правителяхъ. Они усвоиваютъ самое дурное изъ цивилизаціи—высокомѣріе. Джатыкé усвоилъ до того чиновныя замашки и даже русскую формалистику, что отъ какого-то оренбургскаго генерала началъ требовать канцелярской переписки съ нимъ, затѣялъ ссору и былъ высланъ за дерзость. Самъ онъ былъ грубое животное огромнаго роста и представитель одной животности. Взявши къ себѣ бѣднаго полоумнаго старика, онъ

сначала ему покровительствовалъ, а потомъ тотъ ему надоѣлъ. Въ тоже время этотъ старый адаевецъ въ своемъ огромномъ малахаѣ, съ скулистой физіономіей, оказался отчаяннымъ донъ-жуаномъ и развратникомъ. Мулла видимо мѣшалъ ему своимъ присутствіемъ. Сначала этотъ киргизъ началъ муштровать старика и особенно отучать его отъ усвоенныхъ христіанскихъ воззрѣній и привычекъ, требуя чтенія корана, исполненія магометанскихъ обычаевъ. Вѣрно такова уже судьба была у этаго безумнаго, что въ средѣ христіанскаго населенія его постоянно преслѣдовали за поползновеніе къ христіанству! Въ этомъ муштрованіи киргизъ запиралъ и билъ полоумнаго тайкомъ, а передъ другими выдавалъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать съ сумасшедшимъ. Старикъ дѣйствительно подъ конецъ потерялъ разсудокъ и всякое сознаніе, и говорилъ только, что его „шайтаны въ адъ тащатъ“. Наконецъ Джатыкé столкнулъ Муллу въ больницу, какъ сумашедшаго. Это и былъ послѣдній актъ драмы.

Онъ очутился въ больницѣ. Дикія насмѣшки и грубыя шутки окружаютъ его. Мушки его раздражаютъ, и чудится, что „ядовитыя змѣи“ опутали его горло; на немъ сумасшедшая рубашка, и рисуется ему въ больномъ воображеніи, что передъ нимъ адъ.

— Сумасшедшій! сумасшедшій! слышится кругомъ.

— „Сумасшедшій!“ повторяетъ безсознательно старикъ. Онъ сидитъ на полу на карточкахъ и также смотритъ тусклыми молящими глазами, и гноевидная слеза бѣжитъ изъ плачущаго глаза. Одно отчаяніе безумія и безнадежности осталось въ сердцѣ... а кругомъ смѣхъ. Это и была единственная эпитафія надъ нимъ.

Горька судьба была этого человѣка, какъ и его собратьевъ! Не даромъ ихъ называютъ „*вымирающими расами*“.

Н. Ядринцевъ.

III.

АХМЕТЬ*).

Зимой 1874 года случай забросилъ меня съ мужемъ въ одинъ изъ маленькихъ глухихъ городовъ нашего сѣвера. Мы нанимали

*) Разсказъ этотъ,—невымышленный—повозможности, переданъ словами своего живаго «подлинника». *Прим. Ред.*

квартиру у одной солдатки, а въ кухнѣ у нея былъ еще жилецъ, извѣстный всему городу подъ именемъ «черкеса». Помѣщеніе его, можно сказать, состояло изъ одной лавки; имущество заключалось въ слѣдующемъ: на лавкѣ постланъ былъ его войлокъ и лежала подушка; передъ лавкой на полу—небольшой холщевый коврикъ, напитый на конопу; надъ подушкой висѣло полотенце, а по стѣнѣ, надъ лавкой, навѣшанъ былъ цѣлый рядъ ситцевыхъ, холщевыхъ и, кожаныхъ мѣшечковъ. Изъ одного мѣшечка торчали нитки и иголки, изъ другаго гребень, далѣе слѣдовалъ кисетъ съ табакомъ и трубкой, которая впрочемъ рѣдко оставляла своего владѣльца, и т. д. Рядомъ съ мѣшками висѣла гладко остроганная палочка съ какими-то нѣтками; послѣ я узнала, что это—бирка, на которой владѣлецъ ея отмѣчаетъ число мышей, попавшихъ въ его мышеловку. Бѣднякъ изобрѣталъ себѣ интересы за неимѣніемъ дѣйствительныхъ. На стѣнѣ, подлѣ постели, стояла сальная свѣча, воткнутая въ четырех-угольную кость изъ говядины, въ серединѣ которой для этой цѣли была просверлена дырочка; рядомъ со свѣчей стояли: глиняная чашка для ѣды и маленькій берестяный бурачекъ, сшитый нитями, очевидно самодѣльный работы. Все остальное имущество помѣщалось подъ лавкой, въ деревянномъ ящикѣ изъ бакалейной лавки. Владѣлецъ этого угла былъ дѣйствительно черкесъ родомъ, старикъ, небольшаго роста, красивый, не смотря на сильно посѣдѣвшую бороду, всегда подстриженную; волосы на головѣ его были еще черные и слегка кудрявились; глаза блестѣли. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ на своей лавкѣ, подобравши ноги «калачикомъ» и покуривая трубку, или также по цѣлымъ часамъ ходилъ изъ угла въ уголъ, мѣрно шлепая своими до нельзя стоптанными туфлями. Я узнала, что это былъ сосланный, что вотъ уже 29 лѣтъ, какъ онъ въ ссылкѣ, что имя ему Ахметъ. По-русски онъ говорилъ плохо и не легко сходился съ новыми людьми—да и вообще русскіе люди были ему не по вкусу...

Между тѣмъ этотъ оригинальный житель крайняго юга на крайнемъ сѣверѣ интересовалъ меня; мнѣ хотѣлось съ нимъ разговориться, распросить его о его судьбѣ. Какъ-то разъ вечеромъ, я пришла въ кухню къ хозяйкѣ. Ахметъ сидѣлъ тутъ-же на своей

лись; на мое приглашеніе поговорить что-нибудь онъ отвѣчалъ: «О чемъ говорить съ женщинами? — Съ ними можно только шутить, а съ вами шутить негодится»... Такъ моя попытка и неудалась на первый разъ; но я продолжала наблюдать старика и замѣтила въ немъ такія черты характера, которыя не особенно часто встрѣчаются: какую-то постоянную заботу сохранить свою независимость, ревнивое обереганіе своихъ правъ; онъ съ трудомъ переносилъ даже добродушную шутку надъ своей особой, онъ умѣлъ отстаивать свой уголъ отъ постоянныхъ вторженій безпорядочности русскихъ хозяекъ, или покрайней мѣрѣ ему приходилось вести неустанную борьбу съ этими вторженіями. И ни о чемъ, кажется, онъ такъ не жалѣлъ, какъ о невозможности имѣть свою отдѣльную конурку. Ахметъ былъ усердный мусульманинъ, неуклонно совершалъ свои омовенія и намазы. Понятно, какъ мы, женщины, толкаясь цѣлый день въ кухнѣ, мѣшали ему. Чтобы хотя немного облегчить ему это неудобство, хозяйка кухни позволяла ему для молитвы уходить въ ея всегда почти пустую залу. Нерѣдко можно было застать его тамъ въ углу, на какомъ-то брошенномъ на полъ кафтанѣ, погруженнаго въ усердную молитву. Его вздохи, полувнятный шопотъ, колѣнопреклоненная фигура всегда говорили о чемъ то горькомъ, безотрадномъ, и производили самое грустное впечатлѣніе.

Иногда я заставала его за работой: онъ самъ пекъ себѣ хлѣбы и всегда бывалъ очень занятъ въ тѣ дни; приготовленіе начиналось обыкновенно съ вечера. Стоитъ, бывало, старикъ передъ столомъ и сѣетъ муку, полы худенькаго домашняго кафтана заворочены и подоткнуты за поясъ, рукава засучены, изъ-подъ кафтана видна коротенькая, сильно заношенная рубаха и такіе-же панталоны. Долго онъ сѣетъ, и на другой день уже весь поглощенъ заботой о хлѣбахъ. Мука впрочемъ у него идетъ не для хлѣбовъ только, она-же составляетъ и всѣ другія блюда: каждый день кладетъ онъ въ свой горшокъ немного муки, крошетъ туда луку; иногда, если есть, прибавляетъ картофелю, наливаетъ воды и кипятитъ; передъ ѣдой въ это горячее онъ кладетъ немного скоромнаго масла и перцу. Раза два въ мѣсяцъ Ахметъ дѣлалъ себѣ маленькій празд-

никъ:—покупалъ мясо. Купитъ баранины, нарѣжетъ ее маленькими кусочками, надѣнетъ ихъ на длинную заостренную лучинку и зажаритъ, повертывая надъ горячими угольями. Чѣмъ болѣе я наблюдала Ахмета, тѣмъ болѣе интересовалъ меня этотъ бѣднякъ,—нищій, по нашимъ понятіямъ, живущій одной болтушкой, и въ тоже время ревниво оберегающій свое человѣческое достоинство, обижающійся всякой шуткой, на которыя наши бѣдняки иногда даже сами напрашиваются—изъ желанія-ли угодить, или изъ какой-то приниженности, или Господь ихъ вѣдаетъ изъ-за чего еще!

Ахметъ очень боялся получить что-нибудь даромъ, изъ милости, хотя нужда заставляла и его, конечно, пользоваться подчасъ тѣмъ, что дадутъ: боялся онъ очень, что вслѣдъ за подачкой послѣдуетъ посягательство на его свободу, что на него посмотрятъ, какъ на человѣка, обязаннаго всѣмъ служить и всѣхъ слушать. Пользуясь угломъ въ кухнѣ, онъ старался заработать его, носилъ воду, дрова, выносилъ помои. Безпокоило его даже то обстоятельство, что хозяева кухни приглашали его постоянно пить чай, причемъ хозяйка не всегда удерживалась отъ желанія пошутить съ старикомъ:—«Ну, Ахметъ, скажетъ она бывало,—какъ шашлыкъ дѣлаемъ? Чищаемъ, рѣзаемъ, перцемъ сыпаемъ...»

По поводу этихъ шутокъ Ахметъ мнѣ говорилъ послѣ, когда мы съ нимъ сошлись: «*Я сердилъ!* Мнѣ не нужно чай, меня только не трогай! Мнѣ развѣ дорогъ чай? Что чай! Сейчасъ три стакана пилъ, а черезъ часъ онъ куда пошолъ?—Чай даетъ—и за это мнѣ хочетъ на голову дермо класть; я не хочу такъ, я неможно жить съ ней!» Вскипятившись, какъ малый ребенокъ, отъ шутокъ хозяйки, Ахметъ на другой день иногда и самъ скажетъ бывало: «Я шибко вчера сердилъ, какъ маленькій робята».

Дѣти на улицѣ тоже дразнили Ахмета:—«Твоя проклята вѣра! твоя проклята вѣра!» кричали они ему въ слѣдъ.

— Злющій старикъ! говорили про него большіе и усвоили ему репутацію «головорѣза». Не смотря на безупречную жизнь Ахмета въ ссылкѣ, начальникъ города, холодный, вялый, неподвижный, сырой и сопливый, какъ улитка, аттестовалъ его постоянно разбойникомъ, врожденнымъ кровопійцей. Ахметъ совреме-

немъ привыкъ къ нашей семьѣ, любилъ приходить къ намъ, поговорить о своей судьбѣ, о возможности получить свободу, о родинѣ... Мало по малу мы узнали всю его исторію.

Ахметъ былъ сосланъ за участіе въ одной разбойничьей шайкѣ, какихъ было въ то время немало на Кавказѣ; предварительно былъ «наказанъ» и 9 лѣтъ высидѣлъ въ арестантскихъ ротахъ.

«*На лиса волоса ничего не былъ*, мальчишка былъ, молоды года попалъ—Богъ попуталъ!» говорилъ Ахметъ. Послѣ 9 лѣтъ тюремнаго заключенія онъ былъ сосланъ въ Вологоду. Здѣсь сначала билъ камень на мостовой, получалъ 20 коп. въ день; ихъ доставало только на пищу, но не хватало на одежду и квартиру.

Жилъ онъ въ Вологдѣ вмѣстѣ съ другими сосланными черкесами въ одной избѣ; двое изъ нихъ были старики и получали пособіе, трое молодыхъ—не получали. Къ зимѣ работа прекратилась. «Грѣшить стали,—стали ходить по-міру по окрестнымъ деревнямъ» разказывалъ Ахметъ;—хорошо еще, что языка русскаго хорошо не знали; насъ ругаютъ, а мы ничего не понимаемъ. Въ одинъ домъ пришли разъ, какой-то баринъ съ балкона насъ увидалъ, спрашиваетъ: вы что?—Бѣдны люди, говоримъ, ѣсть ничего, денегъ пѣтъ, милостыню просимъ. Велѣлъ человѣку вести насъ къ себѣ. „Возьми за руки и веди по лѣстницѣ,“ приказалъ. Распросилъ, кто мы, откуда? Далъ 40 коп., пасхи, яицъ, сыру,—вашъ праздникъ тогда былъ. Жена его говоритъ: «ты далъ,—я отъ себя дамъ.» И та дала; говоритъ: «всякій разъ ходите ко мнѣ»... Послѣ того мы цѣлый мѣсяцъ обходили этотъ домъ. Разъ увидалъ баринъ изъ окна и крикнулъ: «отчего мимо прошли моего дома?» —*Стидно!* говоримъ; вы намъ такъ много давали, *я стыдилъ*. «Не стыдитесь» говоритъ.. Каждый разъ давалъ по двугривенному! Въ другомъ мѣстѣ подходимъ—горничная кричитъ: вы черкесы? Вы не подходите сюда! Нашъ не любитъ черкесовъ: его брата черкесы убили, третьяго дня съ почтой письмо пришло съ Кавказа. Не хочетъ, чтобы вы на глаза ему попадались!»—Не мы убили, говоримъ, мы 10 лѣтъ въ Россіи живемъ.»

Одежда на мнѣ долго была арестантская, мѣченая—куда въ ней пойдешь просить работы?... Да и что работать? кромѣ черной

работы:—дрова колоть, щебень бить,—ничего не знаю. Въ острогѣ былъ кашеваромъ для мусульманъ, былъ прачкой—кому нужно мое искусство?...» «Дожилъ до весны—въ маѣ убѣжалъ. Вышелъ по ярославской дорогѣ, пошелъ полями больше, дорогой боялся идти. Три раза попадался! Въ первый разъ пришелъ въ городъ,—рѣка... Нужно перебраться, а на мосту солдаты, часовые, боюсь—паспортъ спросятъ... Я въ лодку, хотѣлъ переѣхать, думалъ въ лодкѣ никого нѣтъ; только ступилъ, а подъ ногой зашевелилось и какъ медвѣдь изъ-подъ хворосту вылѣзъ человѣкъ рядомъ со мной, схватилъ меня за грудь. Я ему рубль: перевези на ту сторону!—Не беретъ; я—два, три, четыре... «Нѣтъ, ты воровать пришелъ!—закричалъ; весь берегъ поднялъ, со всѣхъ сторонъ бѣгутъ. Я вырвался, побѣжалъ!.. Онъ ударилъ меня по головѣ, сбилъ шапку... Посмотрѣлъ я—моя шапка улетѣла прямо въ воду. И вотъ—бросилъ я съ шеи мѣшокъ, чтобы не мѣшалъ, бѣгу...»

«Убѣжалъ! Впереди, смотрю—опять рѣка, съ камышемъ; я въ воду, думалъ—мелко, вошелъ по бороду. Стою въ камышѣ, народъ на берегу бѣгаетъ, ищетъ... *Вода меня совсѣмъ испортила, таки холодна!*» Слышу, говорятъ: «чортъ съ нимъ! дьяволъ его знаетъ, куда онъ пропалъ!..» Стало тише, а я на берегъ боюсь выйдти. Пошелъ вдоль берега, такъ что все до бороды въ водѣ иду. Стало мельче, да мельче, и вышелъ я. Дрожу отъ холода, темно. У меня въ карманѣ трутъ былъ крошечка, съ ноготь величины, осталась сухаго—я ударилъ, развелъ огонь, набралъ лѣсу, грѣюсь. За пазухой зеркальце было; посмотрѣлъ—совсѣмъ крови въ лицѣ нѣтъ, бѣлый, какъ полотно. Совсѣмъ испортилъ вода меня! За поясомъ котелъ былъ привязанъ, онъ остался цѣлъ, а то вся моя провизія и все платье осталось въ мѣшкѣ на берегу. Что дѣлать? Утромъ дорогой нашелъ барановъ, одного схватилъ, зарѣзалъ—изъ шкуры шапку сдѣлалъ—айда дальше!...»

«Много городовъ мой видалъ! Нижегородска губерня, Ярославска, Симбирска, Саратовска,—Казань не видалъ. Шелъ больше когда темно было, въ города не заходилъ. Въ одномъ большомъ городѣ былъ,—не знаю, что за городъ,—улица узкая, камнемъ мощена, съ одной стороны большая рѣка; дома большіе, внизу лавки, купцы съ

отнемъ въ лавкахъ сидятъ, играютъ въ шашки, а я иду середи улицы—боюсь спросить о дорогѣ; вышелъ за городъ, на заставѣ начали уже зорю отбивать; встрѣтился тутъ какой-то человѣкъ, спросилъ я: «гдѣ дорога—въ Саратовъ идти?» Онъ мнѣ показалъ. Хорошая дорога, гладкая, со столбами,—я не пошелъ, по пашнѣ пошелъ, боялся идти дорогой.»

«Много я горя видалъ! Много человѣкъ меня обижалъ—много тоже добра дѣлали. Три раза меня ловили. Разъ шелъ я, темно было... Городъ Царицынъ есть; я не зналъ, что городъ, думалъ—деревня; вошелъ, тутъ домъ и тутъ домъ; никакой промежутка нѣтъ, все дома. У меня хлѣба не былъ, надо было доставать.... Иду, глядь—передо мной два солдата, позади два!—Это ночной обходъ шелъ... Куда дѣваться? Шибко бѣжать не могу, усталъ. Офицеръ тутъ молодой, очень молодой офицеръ, спрашиваетъ: «Ты что за человѣкъ?» Говорю: изъ деревни иду; днемъ жарко, комары кусаютъ, потому ночью и иду.—«Почнортъ есть?»—Есть говорю, показываю ему на грудь, а на груди у меня спрятана была такая книжка—отъ пули спасаетъ, отъ шашки, отъ человѣка злаго спасаетъ—Богъ тому помогаетъ, у кого эта книжка есть. Офицеръ говоритъ: «Покажи пачпортъ.» Вынулъ я ему книжку, онъ говоритъ: «Какой это пачпортъ?»—хотѣлъ изорвать. Я сталъ просить, говорю: я Богу молюсь по этой книжкѣ. Вижу, поймали меня, плакать сталъ: изъ Вологды прошелъ до Царицына, тутъ возьмутъ—опять пошлютъ въ Вологду!...—Плакалъ я, очень плакалъ! Ноги цѣловалъ у офицера; разсказалъ ему—сколько меня мучили, какъ я на каторгѣ былъ, какъ молодой былъ, бороды не было, когда изъ дому взяли... Плакалъ... Глядь, и офицеръ плакалъ, когда меня слушалъ! Говоритъ мнѣ: «Не кричи, хуже—услышатъ тебя, здѣсь генералъ есть.» Потомъ говоритъ: «Есть у тебя деньги?» Я говорю: есть рубль.—«Давай, говоритъ, сюда!» Подалъ я рубль, посмотрѣлъ офицеръ его на свѣтъ, мѣсяцъ тогда взошелъ, видитъ—и въ самомъ дѣлѣ рубль; говоритъ солдатамъ: «обыщите его!» Обыскали, еще нашли у меня въ карманѣ 6 копѣекъ, и ихъ взяли. Офицеръ отдалъ рубль солдатамъ—водки-бы купили, и 6 копѣекъ мнѣ назадъ отдалъ,—говоритъ: «умретъ человѣкъ безъ хлѣба...» Показали мнѣ узенькій

проулочекъ, говорятъ: бѣги!—И тутъ сейчасъ поле и видно, а тамъ-не то, что здѣсь—лѣсу нѣтъ, поле чистое, какъ ладонь, все видно...»

«Все вспоминаю этого офицера и дома все вспоминалъ!»

«Вышелъ я въ поле, а ночь свѣтлая стала и все мѣсто открытое. Увидалъ бахчи, высокій такой амбаръ на нихъ стоитъ; сталъ подходить; бабы тутъ были съ ребятишками, кричатъ: «Не подходи! не подходи! иди дальше, кто тебя знаетъ, что ты за человѣкъ! Бродягъ тутъ много, не подходи!..»—Хлѣба просилъ, не даютъ, пить попросилъ и то не дали; нашелъ всторонѣ, въ ямѣ, арбузы зарытые, взялъ одинъ въ свой мѣшокъ и ушелъ. Долго шолъ, а кругомъ все верстъ на 50 видно, и казачій пикетъ тутъ недалеко есть; думаю—поймаютъ меня, нельзя днемъ идти, и нигдѣ ничего нѣтъ, спрятаться негдѣ. Долго шелъ; жарко ужъ стало, вижу—кучка сноповъ оставлена въ полѣ. Я снопы кругомъ разложилъ, самъ легъ въ середку, а солнце сверху меня палитъ, какъ огонь, жжетъ, рубаха мокрая отъ поту. Усталъ, лежу и сплю, да не крѣпко—жарко очень ужъ... Вдругъ, слышу что-то холодное на груди; я схватилъ рукой—змѣя! Испугался я, очень испугался; ударилъ ее о землю,—сѣрая такая змѣя, съ краснымъ брюхомъ—тотчасъ она въ снопъ уползла; смотрѣлъ я, смотрѣлъ кругомъ, нигдѣ не выползаетъ, палкой снопы пошевырялъ—нигдѣ ея нѣтъ.—„Нѣтъ, думаю, нельзя мнѣ тутъ жить, пусть лучше меня казакъ поймаетъ, чѣмъ отъ змѣи умирать. Бросилъ снопы...»

«Другой разъ чуть было я не умеръ отъ жажды: лежу въ полѣ, все съ себя снялъ, палку воткнулъ въ землю, на нее халатъ и рубаху повѣсилъ; лежу, голова подъ тѣнью, губы всѣ испортилъ, говорить ужъ не могу и двигаться не могу, хриплю только — и точно огонь во мнѣ горитъ, ничего не знаю, не думаю, а не сплю... Вижу—какой-то человѣкъ ко мнѣ наклонился и подаетъ мнѣ воды изъ стакана, къ самымъ губамъ мнѣ подноситъ; открылъ глаза,—никого нѣтъ! Долго лежалъ... А лежалъ я на пашнѣ, дорога отъ меня далеко,—вотъ какъ теперь отъ насъ улица; вижу—подводы ѣдутъ, женщины и мужчины; я поднялъ руку и помахалъ ихъ къ себѣ. А они кричатъ: „что ты за человѣкъ? Иди

сюда къ намъ!“ Я опять руку къ небу поднялъ и опять къ себѣ поманилъ,—хотѣлъ, чтобы ради Бога они ко мнѣ подошли; а они нейдутъ, кричатъ мнѣ, чтобы я шелъ. Я едва на колѣни приподнялся и какъ былъ безъ рубахи, такъ и поползъ къ нимъ. Подползъ, говорю: воды мнѣ дайте! Мужикъ велѣлъ женщинѣ меня напоить, далъ мнѣ сперва немного теплой воды, и сейчасъ же отнялъ чашку, говоритъ: „умрешь ты, не пей вдругъ!“ Потомъ велѣлъ женщинамъ достать холодной воды, со льдомъ у нихъ была, и этой мнѣ давалъ понемногу. Видѣлъ, что я сгорѣлъ весь, облилъ меня всего водой—одна женщина за одежой за моей сбѣгала, одѣли меня, а я самъ ужъ не могъ. Оживилъ меня мужикъ! Васильемъ его зовутъ... Много онъ мнѣ добра сдѣлалъ! Говоритъ онъ мнѣ: „мнѣ тебя на телегу нельзя взять,—я на пашню ѣду, а дальше ты идти не можешь; иди назадъ, въ нашу деревню, всего въ верстѣ будетъ, спроси тамъ женщину Марью—это моя сестра, скажи ей, что я тебѣ встрѣтился и велѣлъ ей тебя успокоить; она тебя ночевать пуститъ, а завтра ты дальше пойдешь.“ — Съ полверсты не прошолъ, у меня внутри опять такъ и загорѣлось. Встрѣтились мужики; ради Бога просилъ у нихъ воды,—отказали, говорятъ: сейчасъ въ деревню войдешь тамъ и напьешься. У самой деревни рѣчку маленькую я завидѣлъ; какъ завидѣлъ воду, такъ во всемъ, въ чемъ былъ, и полѣзъ въ нее, на самое дно припалъ, все искалъ—гдѣ похолоднѣе вода. Напился, иду въ деревню весь мокрый. Встрѣтились мужики, я шапку снялъ; спрашиваютъ: куда идешь? Одинъ мужикъ большой такой, съ черной бородой, говоритъ: иди въ третій домъ съ краю. Пришелъ, женщина на дворѣ убирается, спрашиваю: гдѣ мнѣ здѣсь Марью найти? Она говоритъ: „вотъ я—Марья!“ Я ей говорю: Меня твой братъ Василій къ тебѣ прислалъ... и разсказалъ ей, какъ онъ мнѣ добро сдѣлалъ. Марья меня хорошо приняла: постель мнѣ на дворъ вынесла, подушку положила, лежу я тутъ въ тѣни, простоквaши чашку принесла холодной. Хорошо мнѣ тутъ было. Скоро пришелъ мужикъ съ черной бородой—это былъ марьинъ мужъ; спрашиваетъ у меня пачпортъ. Я говорю—нѣтъ у меня почпорта!... Что скрывать? Силъ нѣтъ, никуда—не уйти! Мужикъ говоритъ: „Нельзя мнѣ

тебя держать, я старшина здѣсь, да и повыше меня начальство есть; ты, можетъ, разбойникъ какой...“ Осмотрѣлъ онъ меня—а у меня ножъ складной въ карманѣ былъ: хлѣбъ я имъ рѣзалъ и все, что мнѣ нужно было; нельзя мнѣ безъ него въ дорогѣ. Взялъ онъ у меня этотъ ножъ. Марья бранится: не бери, говоритъ, зачѣмъ берешь?—Оставили меня они у себя на ночь, въ избѣ постель постлали; у одной стѣны я на полу сплю, а у другой стѣны Марья съ мужемъ, на постели. Усталъ я, и постель была хорошая, скоро заснулъ и крѣпко. Слышу, ночью кто-то меня толкаетъ... Гляжу—Марья.—„Уходи, говоритъ, а то завтра мужъ-то тебя по начальству представитъ.“ А я говорю: „не пойду я, ноги меня не несутъ, усталъ, и дороги не знаю, и хлѣба у меня нѣтъ, и боюсь опять безъ воды умереть... И куда я безъ ножа пойду, мнѣ безъ него нельзя...“—Усталъ я ужъ очень... Марья пошла, у мужа изъ штановъ ножъ мой достала, воды мнѣ налила въ баклажку, травой крѣпко заткнула, чтобы не вылилась, и хлѣба въ мѣшокъ мнѣ положила. Говоритъ: „иди; я сама изъ деревни провожу.“ Такъ мы и пошли; она идетъ впереди, а я за ней. Показала она мнѣ куда идти.—„Тутъ, говоритъ, будетъ деревня—Казанская; въ ней вашъ народъ живетъ: изъ Казани татары тутъ переселились; они тебя, можетъ, пріютятъ...

«Пошелъ я,—вскорѣ и деревня показалась, и солнышко стало всходить. А я, какъ слѣдуетъ, и въ дорогѣ всегда Богу молился; умылся я тутъ, стою и молюсь... Вижу—идетъ ко мнѣ человѣкъ, высокій такой, бритый; вижу—татаринъ. Спрашиваетъ: «что ты тутъ дѣлаешь?»

«Видишь, говорю, что я дѣлаю.»

«Не видалъ-ли гдѣ, говоритъ, кнута? Я вчера кнутъ потерялъ». И сталъ ругаться. Я говорю: «на что мнѣ твой кнутъ? На, гляди! Кабы я его укралъ, при мнѣ-бы и былъ. Гдѣ, говорю, вашъ мулла живетъ?» Думаю мулла меня, можетъ, поддержитъ. Указалъ онъ мнѣ: «Поди, говоритъ, на дворъ, онъ теперь корову доитъ». Прихожу на дворъ; вижу—мулла стоитъ и держитъ корову за рога, а жена его корову доитъ. Не знай что: глупая, знать, у нихъ эта скотина была... Говорю муллѣ: «Вотъ я вашей вѣры,—черкесъ,

иду изъ Петербурга на родину»... (Нельзя ему правды сказать, боюсь!)—«Шамиль воевалъ, меня въ плѣнъ взяли, а теперь размѣнъ вышелъ, меня мѣняютъ на русскаго солдата.» Мулла послалъ меня въ домъ. Хорошій у него домъ былъ и двое ребятишекъ было. Угощали они меня, каши мнѣ дали сейчасъ-же; сутки у нихъ прожилъ. Обманулъ муллу, да нельзя—боялся, что поймаютъ!..»

«Черезъ Шамильскую землю шелъ,—тогда Шамиль еще воевалъ съ русскими.—У нихъ земля—камень одинъ и горы. Сутки идешь въ гору, а другія подъ гору, а тамъ опять въ гору. Ноги всѣ въ крови, кровь течетъ, сапоги изорвались,—платками ихъ завязывалъ. Рубаху съ себя снялъ, изорвалъ, ей ноги перевязалъ, иду въ однихъ штанахъ. Тутъ, вижу, въ одномъ мѣстѣ сѣно косятъ. Подошелъ поближе,—все русскіе! Думаю: какъ такъ? Бѣжалъ, бѣжалъ я отъ русскихъ людей, а опять къ русскимъ людямъ пришелъ!—Подхожу, говорю: «Здравствуйте, Богъ въ помочь!» Ну, они мнѣ отвѣчаютъ, спрашиваютъ: кто я такой? откуда? Говорю: вотъ, всю Россію почти исходилъ—называю губерніи, гдѣ проходилъ. Тутъ одинъ кричитъ: А, это моя родина была! Другой спрашиваетъ: А въ Рязани былъ? это моя земля была! Третій, четвертый, всѣ спрашиваютъ, вкругъ меня обступили... Каша у нихъ тутъ варилась—каши мнѣ дали; сижу я съ ними, разсказываю—гдѣ шелъ. Спрашиваю: какъ это они, русскіе люди, да тутъ живутъ? Солдаты это были,—перебѣжали къ Шамилю; Шамиль имъ землю далъ, они тутъ и живутъ; переженились на плѣнныхъ грузинкахъ. Въ той землѣ все воюютъ, много въ плѣнъ берутъ, а грузины-то, вѣдь, вашей вѣры... Отдохнулъ я тутъ у нихъ, а все къ себѣ пробираюсь... Наша земля хорошая, въ ней сорочинское пшено ростетъ, пшеница, фрукты всякіе!..»

«Я теперь, здѣсь, когда войду въ лавку,—вижу фрукты: изюмъ, черносливъ, финики, и думаю:—это все изъ нашей земли фрукты!.. У насъ много!..»

«Ходятъ у насъ хорошо—все шелковыя матеріи носятъ. Въ каждомъ домѣ червей такихъ держатъ, которые шелкъ дѣлаютъ.»

«Совсѣмъ почти на край земли пришелъ—дальше ужъ Персія будетъ. Прихожу въ свою деревню, смотрю—нѣтъ моего дома!.. Стоитъ на этомъ мѣстѣ другой домъ, на дворѣ у очага старуху вижу—не мать, чужая... И никого изъ своихъ не вижу. Подошелъ къ своему дому,—старикъ вышелъ, совсѣмъ согнувшись, на палку опирается.—Я спрашиваю: «здѣсь Ала-верды живетъ?»

— «Здѣсь», говоритъ... (а это отецъ мой и есть, его такъ зовутъ).

— «Развѣ ты меня не узналъ?»—Нѣтъ, говоритъ, я тебя не знаю, что ты за человѣкъ.

— «Я—говорю—твой сынъ, Ахметъ, что съ Абдулкомъ былъ взятъ, что сквозь строю гоняли—это я и есть!»

«Старикъ сдѣлался совсѣмъ какъ сухое дерево; разумъ у него совсѣмъ пропалъ:—какъ стоялъ, такъ и стоитъ!»

«Вотъ,—говорю—живъ я остался, выздоровѣлъ, у русскихъ 12 лѣтъ жилъ, теперь опять къ своимъ пришелъ»...

«Затрясся старикъ, заплакалъ... Долго тутъ плакали»...

«Сажаютъ меня у огня на дворѣ, а я говорю: Нѣтъ, въ домъ пойдемъ, я здѣсь боюсь сидѣть,—какъ-бы какой человѣкъ не увидалъ меня здѣсь. Въ домъ вошли, спрашиваю: гдѣ мать?»

— «Мать, говоритъ, умерла, а эта старуха—моя другая жена, я на ней женился, когда твоя мать умерла».—А братъ гдѣ? У меня братъ былъ—совсѣмъ еще мальчишка былъ, какъ я изъ дому ушелъ.»

— «Измаилъ—говоритъ—теперь въ краулъ пошелъ, у насъ теперь все краулы содержатъ на границѣ: Шамиль воюетъ съ русскими; скотъ нашъ угоняютъ и деревню разворяютъ.»

«Долго я въ этотъ вечеръ не сидѣлъ; покормили меня, постлали постель, я легъ и крѣпко заснулъ!..»

«Слышу—кто-то на грудь мнѣ легъ... Испугался, пробудился,смотрю—это Измаилъ!.. Пришелъ,—плачетъ у меня на груди!.. Совсѣмъ ужъ большой сталъ, женатый и двое дѣтей у него; онъ въ своемъ домѣ жилъ».

«Пятнадцать дней жилъ я дома. Всё боялся, что меня найдутъ; днемъ не ходилъ никуда. Съ боку дома пристрой былъ, все въ этомъ пристроѣ сидѣлъ».

«Говорю отцу: нельзя такъ жить, надо куда уйти, хуже будетъ, какъ меня въ русской землѣ поймаютъ: опять цѣпи надѣнутъ и поведутъ туда, откуда ушолъ... Надо въ Персію уйти... Стали меня собирать. Отецъ матеріи мнѣ купилъ,—одежу шить, какую у нихъ носятъ. Дома и шить боялись, въ другой деревнѣ сшили. Шесть лѣтъ я такъ прожилъ на границѣ: то въ Персіи, то въ русскихъ владѣніяхъ,—домой приходилъ. Въ это бродяжное время жилъ разъ у одного нашего *куньязя,—такій смышной, хороши человькъ былъ*. Онъ держитъ меня, какъ сына: «Ахмядъ, говорилъ онъ мнѣ, у меня четыре сына, ты пятый!»

— «Ты русскій обычай знаешь, ты много свѣта бывалъ! Признайся, ты былъ въ Россіи?» —Нѣтъ,—я ничего не знаю! *я таки бьдни человькъ*—«Врешь, каналья!» Въ другой разъ кричитъ: по русски: «Ахмядъ! гиси самоваръ!» Я такъ стою:

(Ахметъ опускаетъ глаза, показывая, какъ онъ стоялъ передъ княземъ).

«По Кавказу въ то время великій князь ѣздилъ. *Куньязь* нашъ провожалъ его, и я былъ вмѣстѣ. Мнѣ часто въ голову приходило—сказать, кто я... «*Ляжилъ-бы ногамъ великаго князя—онъ-бы меня простилъ!*»—Послѣ я сказалъ объ этомъ *куньязю*: «А, мошенникъ! Ну вотъ видишь!.. Это ты плохо сдѣлалъ, что не сказалъ.»—Жалѣлъ я, что глупо сдѣлалъ...»

«А то еще у Али жилъ. Онъ на контрабанду поѣхалъ, у купца денегъ занялъ 600 рублей. «Спортишь себя!»—говорю; не послушалъ, поѣхалъ... Сказалъ: «жди черезъ 30 дней»—Двадцать дней прошло, сижу я у огня, разговариваю съ его мальчишками — сыновьями, курю трубку, слышу — кто-то на дворъ въѣхалъ. Вышелъ, смотрю—стоитъ Али: морда вязана, руки вязаны,—весь изрубленъ! Ни товару, ни лошади; едва самъ успѣлъ убѣжать... *Здрась!* — *пакротъ* мой Али!»*) Приходилъ я разъ домой, и пошелъ назадъ въ Персію съ татариномъ. — Онъ

*) *Пакротъ*—банкротъ.

въ нашей деревнѣ жилъ; зналъ, что я тотъ самый Ахметъ, что съ Абдулкой—*лезгински человѣкъ* былъ взятъ, и зналъ, какъ моего отца зовутъ,—все зналъ. Шли мы вмѣстѣ, совсѣмъ стали подходить къ персидской границѣ, только сутки пройти—и тамъ... Татаринъ пошелъ къ начальству и объявилъ!.. Я въ кустахъ лежалъ, человѣкъ тридцать меня окружили, стрѣляли, ранили меня въ ногу, пуля съ одной стороны вошла, съ другой—подъ кожей остановилась, я ее ощупалъ и ножемъ самъ вырѣзалъ.»

«Вязали руки назадъ, садили въ телегу и повезли. Въ крѣпость привезли, лечили, выздоровѣлъ, военнымъ судомъ судили—опять 800 ударовъ дали. Въ госпиталѣ долго послѣ этого лежалъ, вылечили, опять въ Вологду повели... До Москвы въ кандалахъ шелъ... Гдѣ жилъ, у кого—не сказалъ. Зачѣмъ сказывать? *Таки хороши люди тягнуть будутъ*,—я ни окомъ не сказалъ! *Начальски человѣкъ* спрашивалъ: «у кого жилъ?»—Ни у кого не жилъ, шлялся, куда приду—тамъ ночую; кто хозяинъ—и не спрашивалъ. «Чѣмъ кормился?»—Милостыней.—«Гдѣ одежу взялъ?»—Подали подаяніе. Все хорошо отвѣчалъ, только въ одномъ грѣхъ сдѣлалъ: «Гдѣ *струментъ**) взялъ?»—Укралъ, говорю. А вовсе не укралъ, на деньги купилъ!—«Гдѣ укралъ?»—На Курѣ.—«Которое мѣсто? у кого укралъ?»—Шелъ дорогой: подъ деревомъ спитъ человѣкъ, на немъ былъ струментъ, я снялъ и взялъ... Вотъ, самъ на себя насказалъ, ничего этого не было; теперь чудно, что такую сказку сочинилъ!»

«Привели меня опять въ Вологду, а тамъ въ Яренскъ. Посадили въ камеру, три дня хлѣба не даютъ, денегъ не даютъ, голоденъ сталъ; говорю солдату: скажи начальски человѣкъ,—пусть мнѣ хлѣба даетъ, либо денегъ, либо фатеръ даваютъ!—Солдатъ вернулся, говоритъ: «бери мѣшокъ!»—Куда?—«Я тебя на фатеръ поведу.»—Онъ впереди идетъ, я назади, думаю: вотъ какъ здѣсь скоро фатеръ даютъ; какой здѣсь начальски человѣкъ добрый!—Гдѣ фатеръ, далеко?—«Въ самой серединѣ города, говоритъ солдатъ, на главной площади, каменныя хоромы.»—Подходимъ—пали,

*) Оружіе.

солдатъ съ ружьемъ у воротъ»... Вотъ твоя фатера»...—Здрась! куда попалъ Ахметъ! подумалъ я».

«На другой день начальски человѣкъ меня увидалъ, говоритъ:—«Экъ, старикъ! какъ тебѣ не стыдно? Въ бородѣ сѣдина, а ты *эдаки бродяжно* ходишь, кандалы носишь!» Я сердилъ... Я ему сказалъ: развѣ я теперь попалъ? Лиса волоса не былъ, мальчишка былъ, молоды года попалъ, Богъ попуталъ!.. Разъ себя человѣкъ спортилъ,—счастье всей жизни потерялъ! Бѣгаешь теперь—выходитъ нехорошо; живешь тихо, смирно—проку нѣтъ! Да, въ молоды годы пошалилъ, а теперь 29 лѣтъ живу тихо, спокойно, *какъ вашъ протопопъ*... Начальски человѣкъ этого не разбираетъ; онъ только пишетъ: «въ 1845 году попалъ, грабительства, убивства сдѣлалъ!..»

«Подумаю — сердце у меня подымается: 29 лѣтъ! хоть-бы одинъ день былъ свѣтлый!»

«Самъ себя возьмемъ, въ воду бросаемъ, грѣхъ будетъ!.. Жаль, что я не умѣю писать, я бы сейчасъ написалъ: «Начальски человѣкъ!» написалъ бы я—«молоды годы попалъ, 29 лѣтъ ничего не сдѣлалъ. Я не худой человѣкъ, за что меня держишь? Это стратъ!—сказалъ-бы ему.—Я ничего не боюсь, я храбрый человѣкъ: хочешь повѣсить—повѣсь! я смерти не боюсь! Я бы ему сказалъ: ты—на землѣ, а на небѣ Богъ! Или надъ тобой Бога нѣтъ?.. 29 лѣтъ ничего не сдѣлишь, за что держишь? Лучше надѣнь на мою шею веревку, повѣсь, чѣмъ такъ мучилъ!...»

Тяжело было слушать разсказы Ахмета, тяжело видѣть, когда на него нападали черные часы,—а они находили все чаще и чаще, потому что все чувствительнѣе становились обиды иновѣрцу по мѣрѣ того, какъ онъ старѣлся; все труднѣе переносилась тяжелая судьба... Но что я могла сдѣлать? чѣмъ могла помочь ему? Я придумала одно: написать ему прошеніе. Старикъ былъ внѣ себя отъ радости; онъ объявилъ мнѣ, что и самъ давно хотѣлъ написать прошеніе, но не имѣлъ денегъ.—«Нужно—говорилъ онъ—за это дать 25 копѣекъ, а гдѣ ихъ взять?»—Я употребила всѣ мое наличное краснорѣчіе, чтобы прошеніе вышло убѣдительнѣе; написала про Ахмета, что онъ 29 лѣтъ провелъ въ ссылкѣ, въ ссылкѣ состарѣлся и

не можетъ быть опасенъ уже по своей физической немощи; что онъ не имѣетъ больше силъ даже заработывать себѣ хлѣба, что выдаваемое пособіе крайне недостаточно*) и что онъ проситъ отпустить его къ родственникамъ, на рукахъ которыхъ онъ могъ-бы спокойно умереть... Закончила я прошеніе, какъ водится, фразой: «припадаю къ стопамъ Вашимъ и умоляю – воззрите милостивымъ окомъ Вашимъ на бѣднаго старца...» Когда я отправила прошеніе по почтѣ, Ахметъ въ тотъ-же день гдѣ-то досталъ 25 коп. и принесъ мнѣ.—Это зачѣмъ?—«За то, что вы писали прошеніе!»—Я, разумѣется, отказалась; Ахметъ конфузился, не хотѣлъ взять назадъ денегъ и все повторялъ: «я васъ обожаю»...—оказалось, онъ хотѣлъ сказать: я васъ обижаю... Едва прошеніе ушло, старикъ началъ ждать отвѣта, расчитывая дни. Пришла весна, началась капель, началъ снѣгъ сходить съ огородовъ и полей, изъ-подъ него вытаивали лопнувшіе горшки, головни, недогорѣвшія въ печахъ и выброшенныя въ снѣгъ, лапти, брошенные пѣшеходомъ на полдорогѣ къ селенью, потому что вконецъ размочалились,— Ахметъ все ждалъ... Разъ онъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: «Я этой весной хотѣлъ бѣжать на родину,—вы меня остановили. Если-бы вы не написали прошеніе, я бѣжалъ-бы... Теперь жду— не будетъ-ли милости, а сердце у меня горитъ!..»

Съ этой поры мнѣ стало еще тяжелѣе видѣть страданія старика: я стала думать, что частію и я виновница ихъ... Старикъ самъ, можетъ, лучше-бы съумѣлъ положить имъ конецъ, а я его отдалила...

А. П.....а.

*) Если не ошибаюсь—восемдесятъ копѣекъ въ мѣсяцъ.

ГОВОРЪ ПРИРОДЫ.

(ИЗЪ ЛѢТНИХЪ ПѢСЕНЪ).

«Съ природой одною я жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье».—
Гете.

II.

Кроетъ небо тучей черной,
Вѣтеръ яростно гудитъ,
Гнетъ и ломитъ лѣсъ нагорный,
Грозно листьями шумитъ;

Въ бѣлой пѣнѣ скрылись воды,
Бьетъ сердито валъ о валъ,
Рыболовъ отъ непогоды
Быстро мчится на привалъ.

Страшнымъ взрывомъ раздается
Оглушительный ударъ,
Крупный дождь рѣкою льется,
Блещетъ въ воздухѣ пожаръ...

Чу! Какъ въ вихрѣ, въ ревѣ грома
Грозный голосъ прозвучалъ:
„Кто покинулъ кровлю дома,—
Тотъ погибъ... на вѣкъ пропалъ!..

Въ тихій омутъ подъ водою,
Въ свой чертогъ я увлеку
И на днѣ отъ бурь сокрою,
Въ тину, въ зелень облеку"...

III.

Пронеслися тучи черныя,
Притихали вѣтры буйные,
Освѣтило солнце знойное
Небо чистое, лазурное...

Улеглась волна высокая
Въ гладь спокойную, зеркальную,
И шептала тишь глубокая
Рѣчью сладкой, музыкальною:

„Сядь скорѣй въ ладейку малую
И рукой своею смѣлою,
Ты разгладь мнѣ грудь усталую,
Что покрылась пѣной бѣлою...

И безпошлинно, безденежно
Вдоль по озеру спокойному
Понесу тебя я бережно
Ужъ къ тому-ли лѣсу темному...

Лѣсу темному, вѣтвистому,
Что стоитъ тамъ цѣпью длинною,
Дышитъ пѣсней голосистою,
Пѣсней звонкой, соловьиною"...

IV.

Хороши были рѣчи природы,
И противиться долго не могъ,

И, забывши всѣ бури, невзгоды,
Помѣстился въ убогій челнокъ—

И, понесся стрѣлою, мечтая,
Я туда, гдѣ высокій тростникъ
Будто въ дремѣ стоялъ, засыпая,
И усталой головкой поникъ;

Гдѣ деревья, отъ бури отдыхая,
Колебали зеленымъ крыломъ,
Гдѣ цвѣты, лепестки раскрывая,
Въ ароматѣ купались своемъ;

Гдѣ ручей синеватой струею
По блестящимъ камнямъ пробѣгалъ,
Обнимался съ волнистой травою
И прибрежный песокъ лобызалъ;

Гдѣ, огнями играя, свѣтили
Дождевыя росинки съ стеблей,
И изсохшіе листья поили
Животворною влагой своей....

IV.

И забылся я, слившись съ природой...
Вдругъ почудилось—будто тростникъ
Простоналъ мнѣ: „въ борьбѣ съ непогодой
Я къ землѣ головою поникъ...

Дай свободно вздохнуть—истомился!..
Не мѣшай мнѣ забыться, заснуть...
Онъ волненья мой станъ надломился,
Не могу я его разогнуть.

Пробираясь подъ тѣнью лѣсною,
Я прислушался въ рѣчи вѣтвей:
„Освѣжило насъ ливнемъ съ грозою,
И дыханье какъ будто вольнѣй“....

„Если хочешь вполнѣ насладиться
Лицезрѣньемъ земной красоты —
Кто мѣшаетъ надъ нами склониться?“
Прошептали любовно цвѣты.

„Мы дохнемъ ароматной волною,
Золотистый наверъ развернемъ
И блестящій красой не земною
Мы вѣнокъ тебѣ свѣжій совьемъ!..“

Петръ Поволжскій

СЦЕНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ГОРОДА КРАПИВИНСКА.

I.

„ФИЛАНТРОПИЧЕСКОЕ УТРО".

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Любовь Сергѣевна Солитерова, молодая полненькая, пикантная барынька, жена земскаго гласнаго.

Матрена, горничная Солитеровой, бойкая и хорошенькая дѣвушка.

Петръ, швейцаръ, отставной солдатъ, рябой, плѣшивый, короче—хрущъ.

Степанида Петровна Кикиморова, вдова, чиновница; въ старомодномъ манто, повязанная платкомъ.

Иванъ, сынъ ея, дитя на возрастѣ, смотритъ идіотомъ; въ полосатомъ халатѣ, подпоясанъ кушакомъ.

Перогрызскій, отставной чиновникъ изъ мелкотравчатыхъ, въ ветхомъ пальто, съ мѣховымъ воротникомъ, почти безъ шерсти.

Сегадѣльщикъ, отставной солдатъ, въ сѣромъ суконномъ халатѣ, подпоясанномъ полотенцемъ, въ колошахъ и съ сѣрой, безъ козырька, фуражкой въ рукахъ.

Толпа просителей обоего пола.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ Крапивинскѣ.

Пріемная, меблированная богато, но съ претензіей на простоту. Направо дверь въ переднюю, прямо и налѣво двери во внутреннія комнаты. На лѣвой сторонѣ аван-сцены столъ и кресло.

ЯВЛЕНІЕ I.

Матрена и Петръ.

Петръ (*подходя къ Матренѣ, которая сидитъ за столомъ и, разрѣзывая новую книжку, останавливается по временамъ на страницахъ*).

На вотъ, отдай барынѣ-то...

Матрена.

Это что?

Петръ.

Записка... Чего другаго-то... Отъ пріятеля, извѣстно... (*Матрена прячетъ записку въ карманъ*). А ужъ и вздуютъ-же его когда нибудь, какъ сидорову козу... Вчера баринъ чуть было его не пымалъ...

Матрена.

Неужто?

Петръ.

Вѣрно. Онъ ухомъ-то тугъ, да глазомъ-то востеръ, — видѣлъ кто-то изъ воротъ ночью шмыгнулъ... Малость—ну, и пропалъ-бы... Вотъ-бы баталія-то пошла!..

Матрена.

Узналъ онъ его?

Петръ.

Нѣтъ,—а то бы бѣда!.. На жулика подумалъ... И ужъ пѣлъ-же онъ мнѣ потомъ, пѣлъ,—и ротозѣй-то, говоритъ, и чучело ты, говоритъ, огородное, и гдѣ, говоритъ, у тебя глаза-то спрятаны,— все это онъ объяснилъ подробно... А ужъ расчешутъ-же насъ когда-нибудь, расчешутъ!.. Одно мнѣ любопытно: какую онъ казнь опредѣлитъ барынѣ?.. Охъ, я бы на его мѣстѣ, я бы зналъ, что тутъ сдѣлать! Одно только: жаль барыни, жаль,—а то бы я надумалъ ей науку...

Матрена.

А ты больно-то не завирайся: сейчасъ барыня выйдетъ.

Петръ.

Давно-бы пора! (*указывая на переднюю*) Просителей чортова прорва тамъ дожидается... Смаялся я съ этой забавой—какъ бишь она прозывается-то? рылотрёпія, что-ли?..

Матрена.

Ахъ ты, инвалидъ пропащій! Филантропія это называется.

Петръ.

Ну, все одинъ хрѣнъ! По моему оно даже далеко видиѣе будетъ... А другое-то слово... какъ бишь его?.. Только и помню, что „нуль“...

Матрена.

Популярность.

Петръ.

Такъ-такъ! И песъ ее знаетъ, что за мода такая: все заморскія слова на всяку нашу штуку пошли, особливо на собакъ: у барыни шавка—„Нигилистка,“ у Крысинскаго песъ—„Гарибальде“... Что-бы это такое значило, хоть-бы эта самая „Гарибальде?“...

Матрена.

Это шляпы такія носились.

Петръ.

Такъ... Заморская штука!.. Дѣло, чего проще, старое—шляпа,—а слово, подижь-ты, мудреное, новое и безпримѣнно иноязычное...

Матрена.

Оно французское. Всѣ благородныя слова—французскія.

Петръ.

Оно точно-что и встарину господскія собаки всегда по-заморскому прозывались; ну, а вонъ нынче-то и всѣ даже самыя настоящія русскія господскія забавы стали носить заморскую кличку. Это вотъ чудно!.. А лучше-ли онѣ отъ этого стали, занятнѣе-ли? Ни въ какомъ разѣ!.. А что хуже, далеко хуже,—это вѣрно!.. Вотъ хоть-бы теперь наша барыня въ эту самую рылотрёпію ударилась, какъ будто и ахти какая хитрая штука! Все таже матушка-старина, только безъ настоящаго господскаго смаку, безъ эптаго духу разудалаго!.. По новому надо... А что въ томъ? Нашему брату одна только назола, а имъ—хоть бы барынѣ-то нашей—вѣдь ужъ видно,—скука смертельная... А все-жъ тави, нехотя, а дѣлаютъ видъ будто забавляются... Забава,—чорта съ два!.. Вотъ ты посмотри, Матрена, посмотри сегодня, сколько она—эта забава,—хитра, и занятна... Грѣхъ одинъ!.. Нѣтъ я, кажется, не утерплю, когда-нибудь да ужъ выпою барынѣ все это.

Матрена.

Выпою!.. Туда-же съ свинымъ-то рыломъ да въ калашный рядъ... Больно смѣлъ!..

Петръ.

Эка смѣлость!.. Я вѣдь не ради чего, то-есть, чтобы на смѣхъ или въ досаду,—изъ жалости только... А-ли я ей не слуга? Слава

тебѣ, Господи! энтихъ записочекъ-то переносилъ ей, можетъ, вороха три... Чай, окромя одного добра и удовольствія, ничего отъ меня не видала... Можетъ, тоже шкурой своей лихача-то ея прикрывалъ... Чай, знаетъ! Что-же?—барыня добрая, уважительная, почему не услужить!.. Чай, я не впервой съ барами-то возжаюсь... Выдумывалъ штуки—были благодарны!..

Матрена.

Да, вотъ не спросились тебя господа, какъ себѣ пріятное развлеченіе доставить...

Петръ.

Сохрани Богъ—пріятное развлеченіе! Нѣтъ, вотъ именно спроси меня барыня, какъ эту самую рылотрёпію по настоящему устроить, по-старинному, такъ ужъ точно-что можно помереть со-смѣху... Дѣйствительно, при этакихъ средствахъ можно потѣху большую имѣть съ этими салопницами... Ну, а вотъ она предсѣдательшей-то будетъ, такъ тогда ужъ какъ-есть на настоящую господскую ногу можно-бы было повести энту самую охоту. Тамъ, говорятъ, въ эвтомъ земствѣ деньжищевъ—страсть!.. Не знаютъ куды и дѣвать... Точно-что нашей барынѣ будетъ раздолье!.. Я типерича такъ понимаю, что наша барыня даже во многомъ превосходитъ барина... И каждая даже тварь это чувствуетъ, потому всѣ къ ней и лѣзутъ...

Матрена.

Еще-бы! Коли умъ въ головѣ есть, да красота въ лицѣ,—вотъ ей и честь. А вотъ, примѣрно, у тебя: какъ въ головѣ-то мякина, а на лицѣ-то рябина, такъ и вышелъ ты хуже собачьяго сына!.. (*смѣется*).

Петръ.

Не въ умѣ сила, а въ лицѣ и корпусѣ—это такъ. Лицо и тѣло многое обозначаютъ. Просился, вонъ, я въ швейцары къ господамъ Комоловымъ—не приняли. Намъ, говорятъ, эвтакихъ хрущевъ не надо,—мы, дескать, гвардейцевъ ищемъ. (*Въ передней слышится звонокъ*) Эхъ, коммиссія!.. (*уходитъ*).

Матрена (*вслѣдъ*).

Конечно, гвардейцевъ... Это даже самый бонъ-тонъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Матрена и Любовь Сергѣевна.

Любовь Сергѣевна *(входя)*.

О какихъ это ты, Матрена, гвардейцахъ мечтаешь?..

Матрена *(вставая и дѣлая видъ будто убираетъ столъ)*.

Это мы, сударыня, съ Петромъ говорили. Разсказываетъ: гдѣ-то онъ въ швейцары просился, да не приняли, потому что гвардейцевъ ищутъ.

Любовь Сергѣевна.

А тебѣ нравятся гвардейцы?

Матрена.

Помилуйте, сударыня! какое-же сравненіе съ какимъ-нибудь Петромъ: онъ просто безобразитъ передникомъ. Онъ и слова-то сказать не умѣетъ; какже: филантропію называетъ рылотрёпіей—просто смѣхъ-съ!

Любовь Сергѣевна.

Ну, хорошо... Вотъ только попадемъ въ земство, тогда гвардейца заведемъ...

Матрена.

А великолѣпные есть, сударыня, мужчины изъ этого званія... Ахъ, чуть было не забыла: записка вамъ отъ Виктора Аполлоныча... *(подаетъ записку)*.

Любовь Сергѣевна.

Ахъ, пожалуйста, потише!..

Матрена.

Ничего-съ! Баринъ нашъ хотя и не очень, извините сударыня, красивы; но за то насчетъ слуха-то очень ужъ намъ способны-съ...

Любовь Сергѣевна.

Какая, однако, ты, Матрена, вѣтренная.

Матрена.

Что дѣлать, сударыня, въ полѣ на вѣтру родилась...

Любовь Сергѣевна *(пробѣгая письмо)*.

Матрена!..

Матрена.

Что угодно-съ?

Любовь Сергѣевна (*хочетъ что-то сказать, но потомъ снова углубляется въ чтеніе и, не отрывая глазъ, разсѣянно*).

Я хотѣла спросить:—отчего это у тебя имя такое противное?.. Матрена—ужасно какъ непріятно звучитъ...

Матрена.

Говорятъ, кумъ пьяный былъ: ему велѣли сказать попу Алену, а онъ Матрену бухнулъ,—вотъ и пошла я съ эстимъ имемъ по свѣту горе мыкать...

Любовь Сергѣевна.

Жаль, какой странный случай... Матрена!..

Матрена.

Что угодно?

Любовь Сергѣевна (*неотрываясь отъ письма*).

Гм... вчера... гм! Нѣтъ, ничего... я такъ...

Матрена.

Слушаю-съ. (*помолчавъ*) А если что насчетъ вчерашняго, сударыня, такъ не извольте безпокоиться...

Любовь Сергѣевна.

Онъ его видѣлъ? это правда?

Матрена.

Видѣли, но не узнали: за вора сочли-съ.

Любовь Сергѣевна.

Ну, хорошо... Ступай!..

Матрена.

Васъ, сударыня, просители дожидаются.

Любовь Сергѣевна.

Просители?.. Скажи Петру, чтобы впустилъ... только по одиночкѣ...

Матрена (*уходя*).

Слушаю-съ.

(*Любовь Сергѣевна прячетъ письмо и оправляется*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Любовь Сергѣевна, Степанида Петровна и Иванъ.

Степанида Петровна (*вводя за руку сына, низко кланяется*).

Я къ вамъ, матушка, Любовь Сергѣевна, съ покорнѣющей просьбой!..

Любовь Сергѣевна.

Позвольте узнать ваше званіе, имя и отчество?

Степанида Петровна.

Я—вдова, чиновница, Степанида Петровна Кикиморова.

Любовь Сергѣевна (*записывая въ книжку*).

Что-же вамъ угодно?

Степанида Петровна.

Да вотъ насчетъ сынишки. Нельзя-ли его въ сиротскую заведенію опредѣлить?.. Теперича, какъ вашъ супругъ состоитъ отъ земства попечителемъ этихъ самыхъ заведеній, такъ нельзя-ли черезъ ихъ высокородіе похлопотать, потому средствъ никакихъ къ пропитанію моего дѣтища не имѣю.

Любовь Сергѣевна.

Въ такомъ возрастѣ, кажется, нельзя его тамъ устроить.

Степанида Петровна.

Какой это возрастъ, что вы! Если онъ вамъ большимъ кажется, такъ это очень вы напрасно думаете. Онъ больше съ испугу вытянулся передъ вами, потому онъ страхъ какъ всякаго начальства опасается... на солдатъ насмотрѣлся... (*сыну*) Что ты вытянулся, олухъ! Пригнись маленько, чего испугался?—не съѣдятъ тебя, сокровища! (*Иванъ плачевно съеживается*) Вотъ, изволите видѣть, каковъ онъ есть въ натурѣ.

Любовь Сергѣевна.

Ахъ, пожалуйста, не мучьте его!.. Стой, мой милый, какъ тебѣ хочется...

(*Иванъ вопросительно смотритъ на мать*).

Степанида Петровна.

Ну, вытягивайся, вытягивайся, жердило ты окаянное!. Уродится-же этакое мотовило, никуда ты его, прохвоста, не пристроишь.

Вѣдь этакое божеское наказаніе, сударыня! Вѣрите-ли: все росъ дожжовикомъ, да вдругъ и вымахалъ... (*Сыну*) Колокольня ты ивановская, куда мнѣ теперича тебя пристроить.. Заѣлъ ты меня, столбъ ты верстовой, полосатый!..

Любовь Сергѣевна.

Да вы не тужите, я постараюсь быть вамъ полезной, насколько могу.

Степанида Петровна.

Будьте такъ милостивы, заставьте Бога молить...

Любовь Сергѣевна.

А вы просили предсѣдателя управы принять вашего сына въ сиротскій домъ?

Степанида Петровна.

Просила, матушка, просила,—всю управу просила, всѣмъ мужикамъ, прости Господи, униженно клапялась... И какіе это, сударыня, порядки стали: все мужикамъ благородный человѣкъ на поклонъ себя долженъ ставить... Прежде эти самыя дѣла губернаторъ справлялъ, тому и въ землю лбомъ стукнуть душа не зазритъ, а нынче?.. Вѣдь я сама надворная совѣтница,—можете посудить, какое униженіе человѣкъ испытываетъ, особливо какъ онъ въ благородныхъ чувствахъ воспитанъ. Хотя я теперь и въ бѣдности состою, а все-же, знаете, свое званіе помню, по русской пословицѣ: „на грошъ мушицы, да на рубь амбиціи.“

Любовь Сергѣевна.

Что-же, вамъ отказали?

Степанида Петровна.

Отказали, матушка, отказали... Какъ, говорятъ, его въ сиротскій домъ? Женить, говорятъ, его пора. Легко сказать женить! Да, вѣдь, то надо взять въ толкъ, кто за него пойдетъ, еслибы даже онъ и въ совершеннолѣтіе пришелъ...

Любовь Сергѣевна.

А онъ учился у васъ чему-нибудь?

Степанида Петровна.

Какже, какже!.. Много молитвъ знаетъ, стиховъ тоже.

Любовь Сергѣевна.

Да вы бы ремеслу его какому-нибудь поучили.

Степанида Петровна.

Не хочется благородное-то званіе марать. Онъ, признаться сказать, къ военному званію большую склонность имѣетъ: все на солдатъ смотритъ, маршируетъ, въ барабанъ бьетъ, а то возьметъ ухватъ и страсть, что дѣлаетъ! Этимъ онъ сейчасъ можетъ васъ потѣшить. *(сыну:)* Ну-ко, Ваня, скорымъ шагомъ—маршъ!..

(Иванъ быстро маршируетъ).

Любовь Сергѣевна *(въ ужасѣ).*

Нѣтъ, нѣтъ, не нужно, пожалуйста!.. Остановитесь, Ваня! Пожалуйста! Батюшки, куда вы?!.

Степанида Петровна *(добродушно ухмыляясь).*

Ничего, его не убудетъ: пускай васъ позабавитъ. Намъ онъ, признаться, ужъ надоѣлъ эвтими самыми артикулами. Ну, а кому вновѣ-то, такъ оно и точно-что занятно посмотрѣть. Другой разъ старушки у меня соберутся и, глядючи на него, такъ со-смѣху и катаются...

Любовь Сергѣевна (*въ отчаяніи*).

Ахъ, Господи, что-же это такое?!. (*строго*) Ваня, я вамъ говорю,—остановитесь!.

Степанида Петровна.

Нѣтъ, матушка, теперича ужъ его такъ, спроста, не остановишь: надо ему безпремѣнно командовать, а такъ никакъ нельзя,—вѣкъ проходитъ, а не остановится.

Любовь Сергѣевна.

Такъ вы ужъ сдѣлайте одолженіе, скомандуйте ему.

Степанида Петровна *(принимая позу командующаго офицера).*

Стой!. Налѣво кругомъ—маршъ!.

(Иванъ исполняетъ команду. Дверь изъ передней пріотворяется, оттуда разомъ показывается нѣсколько любопытныхъ носовъ и раздаются голоса):

— „Ну, баба!. командиръ!..“

— „Чего говорить, какъ есть майоръ!.“

— „Нѣтъ, посмотри, что малецъ-то дѣлаетъ; ишь какъ откалываетъ!. вона!..“

— „Ай, медвѣжонокъ!..“

— „Это что! Нѣтъ, вонъ обезьяну видѣли,—та пляшетъ!.. Вотъ на ту посмотрѣть далеко чуднѣе!..“

Любовь Сергѣевна.

Петръ, затворите двери!

(*Двери съ трудомъ затворяются; слышатся смѣшанные голоса*):

— «Погоди-же, погоди!..»

— «Дай посмотрѣть, что тамъ дѣлается»...

— «Пляшетъ!..»

— «Кто?»

— «Не разберешь: не то обезьяна, не то медвѣжонокъ»...

Степанида Петровна (*оканчивая команду*).

Стой!.. Оборотъ направо! Глаза налѣво!.

(*Иванъ занимаетъ прежнее положеніе*).

Любовь Сергѣевна.

Такъ вотъ вы бы и отдали его въ военную службу.

Степанида Петровна.

Конечно, Богъ-бы съ нимъ, какъ подростетъ. А вотъ до тѣхъ-то поръ кормить-то силушки моей нѣтъ, сами знаете—бѣдность... Мнѣ-бы вотъ только до совершеннолѣтія-то его дотянуть.

Любовь Сергѣевна.

Позвольте узнать: на Семиглазовой улицѣ домъ чиновницы Никиморовой—не вашъ-ли?

Степанида Петровна.

Мой, матушка, мой!.. (*плачевно*) Покойникъ Антонъ Никифорычъ, мужъ мой, еще при себѣ завелъ, да вотъ на поминовеніе души своей мнѣ и оставилъ.

Любовь Сергѣевна.

Что-же вы ужъ очень убиваетесь? Домъ у васъ съ виду такой хорошенькій и, кажется, помѣстительный; я думаю, отъ квартиръ получаете не мало, а, пожалуй, и еще кой-какое осталось наслѣдство?..

Степанида Петровна.

Боже сохрани, чтобы въ такомъ чинѣ и при такихъ понятіяхъ, будучи въ богатствѣ, стала я безпокоить добрыхъ людей! Копѣйки расколотой онъ мнѣ, матушка, не оставилъ, а все больше потому, что къ зеленому столу да вину склонность большую имѣлъ, не тѣмъ будь помянутъ, покойникъ, царство ему небесное! А если теперича домъ... такъ вы то возьмите въ расчетъ, что онъ у меня оцѣненъ, по злобѣ, въ три съ половиною тысячи рублей, а у другихъ и десятитысячные—въ какую-нибудь тысченку паршивую поставлены. И сколько мнѣ, теперича, разныхъ поборовъ приходится платить по дому—ужасти!.. А ремонтъ?!. Нынче, сами знаете, каждый гвоздикъ желѣзный ровно золотомъ кованъ. Весь-то доходъ отъ этого дому много-много что мнѣ одной пищу покроетъ, а двоимъ-то какъ прикажете жить? Особливо какъ, теперича, у него *(показываетъ на сына)* такая есть болѣзнь—ѣдунъ называется: жретъ, такъ вы не повѣрите, что такое!.. Нельзя-ли его, матушка-сударыня, хотя въ сумасшедшую заведенію опредѣлить на время, до совершеннолѣтія-то; потому, какъ теперича тамъ все на деликатномъ положеніи, притомъ-же для всякаго, по чину и званью, приспособлено приличное развлеченіе, а особливо, ежели взять въ расчетъ, что земство за проживаніе тамъ ни съ кого никакой платы не беретъ и сроковъ никакихъ не полагаетъ,—такъ оно, сами посудите, при моемъ сиротскомъ положеніи, для Ванюшки самое подходящее тамъ мѣсто.

Любовь Сергѣевна.

Для этого нужно свидѣтельство врачей.

Степанида Петровна.

Чего тутъ свидѣтельствовать! Это съ перваго раза видно. Спросите дьячка предтеченской церкви, Анучкина,—онъ Ванюшку училъ грамотѣ и такую въ немъ замѣтилъ тупость, что на рѣдкость. Вотъ сами извольте испытать—сейчасъ такую вамъ сморозитъ гиль, что вотъ такъ со-смѣху и покатитесь.

Любовь Сергѣевна.

Нѣтъ, я вовсе не желаю его тревожить; да и незачѣмъ...

Степанида Петровна.

Полноте, эка невидаль! безпокоить!.. Ну-ка, Ваня, который часъ?

Иванъ *(скороговоркой).*

Безъ малаго съ хвостикомъ, въ огородѣ съ мостикомъ; тамъ сѣрый котъ, на заборѣ у воротъ, суетъ кашу въ ротъ... пять-сотъ, шесть-сотъ!..

Степанида Петровна.

Слышите—какую гиль околесную несетъ... Теперича, ежели его не перебить, такъ онъ можетъ цѣлый часъ такимъ манеромъ молоть, и все слово къ слову, складно, только ужъ никакъ нельзя сообразить, что къ чему идетъ.

Любовь Сергѣевна.

Жаль, очень жаль. Не одинъ-ли онъ у васъ сынъ-то?

Степанида Петровна.

Единственный. А все, знаете, еще на Бога надѣюсь, потому пословица говоритъ: родись не уменъ, не пригожъ, а счастливъ. Кто знаетъ, какая ему еще планида выйдетъ—можетъ, Богъ дастъ, до губернаторовъ дослужится.

Любовь Сергѣевна.

Конечно, отчаяваться не слѣдуетъ. Безъ надеждъ жить нельзя.

Степанида Петровна.

Истинно, истинно, сударыня! Такъ ужъ позвольте мнѣ теперь имѣть надежду и на васъ, что вы утрете мои сиротскія слезы.

Любовь Сергѣевна.

Будьте увѣрены, я постараюсь сдѣлать для васъ все, что могу.

Степанида Петровна.

Покорнѣйше васъ благодарю. Этакъ я его завтра-же приведу въ заведенію-то. Только въ которую-же прикажете?

Любовь Сергѣевна.

Нѣтъ, нѣтъ!.. Какъ это можно! Сейчасъ я ничего не могу сдѣлать; но какъ только представится возможность, тогда я подумаю, какъ удобнѣе все это устроить. Понимаете?

Степанида Петровна.

Какъ не понимать. Да мнѣ-бы хотѣлось поскорѣе: вѣдь вы, матушка, повѣрить не можете, какъ онъ жретъ... просто даже страсти Господни!..

Любовь Сергѣевна.

Такъ вы-бы къ доктору обратились.

Степанида Петровна (*съ злой усмышкой*).

Гм!.. къ доктору! Коли его пять монаховъ отчитывали, да ничего не подѣлали, а тутъ докторъ!... Чего-то они могутъ, доктора-то ваши! (*возвышая голосъ*) Икону изъ монастыря поднимали, да не помогло! Сказываютъ: если, теперича, эта самая болѣзнь—ѣдунъ—только въ брюхѣ, али въ кишкахъ сидитъ, такъ выжить се еще можно, а коли она заберется въ сердце, такъ ужъ тутъ плохо дѣло! А у него, слышь, она уже на̀ сердце пала. Впрочемъ, я нисколько даже этому леченью не препятствую; вотъ какъ поступитъ въ заведенію-то, такъ Богъ съ нимъ—лечись!.. (*Помолчавъ*). Что-же, матушка, вы теперича мнѣ скажите?

Любовь Сергѣевна.

Теперь ступайте съ Богомъ домой, а тамъ, когда будетъ нужно, я дамъ вамъ знать.

Степанида Петровна.

Что-же вамъ безпокоиться; дѣловъ у меня большихъ нѣтъ,—этакъ я и сама черезъ денекъ у васъ понавѣдаюсь.

Любовь Сергѣевна (*съ большой тревогой*).

Нѣтъ, нѣтъ!. Ужъ я вамъ дамъ знать... Вы дожидайтесь...

Степанида Петровна.

Слушаю, матушка, слушаю. На томъ благодаримъ.

Любовь Сергѣевна.

Впрочемъ, если вы ужъ очень нуждаетесь, то я могу вамъ выдать единовременное пособіе изъ благотворительныхъ суммъ отъ прошлаго спектакля. Приходите въ четвергъ въ домъ дворянскаго собранія—тамъ будутъ производиться выдачи. Свидѣтельства о бѣдности отъ полиціи не берите,—выдадутъ по моему распоряженію, сколько я назначу.

Степанида Петровна.

Покорнѣйше васъ благодарю, матушка Любовь Сергѣевна!

Любовь Сергѣевна.

Нé за что. Мы считаемъ своимъ священнымъ долгомъ улучшать участь бѣдныхъ, насколько это отъ насъ зависитъ.

Степанида Петровна.

Много благодарны, много благодарны! А сколько-же, матушка, мнѣ пожалуете?

Любовь Сергѣевна.

Г'м!. Я думаю, рублей пять можно...

Степанида Петровна.

Не маловато-ли, покровительница вы наша!

Любовь Сергѣевна (*выражая нетерпѣніе*).

Ну, тамъ посмотрю: можетъ быть, если позволятъ суммы, назначу и десять...

Степанида Петровна.

Такъ ужъ не оставьте, матушка!

Любовь Сергѣевна.

Кстати, я вамъ могу устроить еще маленькій, особеннаго рода, доходецъ отъ вашего дому. Вы знаете, конечно, оператора Живорѣзова?

Степанида Петровна.

Кто его, матушка, не знаетъ! Сколько онъ, теперича, живыхъ людей перевелъ своимъ мастерствомъ.

Любовь Сергѣевна.

Дѣло не въ этомъ, а вотъ въ чемъ: онъ хочетъ попасть въ земскіе гласные отъ города; но чтобы участвовать въ городскомъ избирательномъ съѣздѣ, нужно имѣть недвижимое имущество цѣнностью не ниже трехъ тысячъ рублей, а такого у Живорѣзова нѣтъ. Но онъ могъ-бы попасть туда по довѣренности отъ кого-нибудь, напримѣръ, хоть отъ васъ... Вашъ домъ, вы говорите, оцѣненъ въ три съ половиной тысячи рублей, да?

Степанида Петровна.

Хотѣли даже въ четыре тысячи его поставить, да ужъ я пятисотку-то слезами оттянула.

Любовь Сергѣевна.

Такъ вотъ и отлично. Вы дадите ему довѣренность, а онъ вамъ за это, конечно, что-нибудь заплатитъ.

Степанида Петровна.

Нѣтъ, матушка! свой домъ я никакъ несогласна никому довѣрять. Я все сама. Знаете: свой глазъ.

Любовь Сергѣевна.

Да ему совсѣмъ никакого дѣла нѣтъ до вашего дому собственно, а онъ будетъ только представителемъ вашего недвижимаго имущества сперва на избирательномъ съѣздѣ, а потомъ въ земскомъ собраніи. Сами вы вѣдь не можете участвовать на выборахъ.

Степанида Петровна.

Какъ можно! Я все сама! Ну-ка, чужой человѣкъ, да что онъ? Представитель! Такъ представитъ, что послѣ и не схватишься. Вотъ, теперича, документы: планъ, купчая крѣпость, духовное завѣщаніе— и сколько тамъ всякихъ разныхъ бумагъ, все сама берегу пуще глазу; а чужой человѣкъ...

Любовь Сергѣевна.

Да вѣдь это все при васъ останется, все при васъ, увѣряю! Вы тутъ ничѣмъ не рискуете.

Степанида Петровна.

Гм!.. А сколько-же онъ дастъ?

Любовь Сергѣевна.

Я думаю, рублей пятнадцать дастъ.

Степанида Петровна.

Что это, Господи! Да вѣдь у меня не баня-же какая-нибудь; вѣдь домъ, сами изволите знать, двухъ-этажный, полукаменный...

Любовь Сергѣевна.

Да хоть-бы баня—ему все равно, лишь-бы оцѣнена была не ниже трехъ тысячъ рублей.

Степанида Петровна.

Однако-же! У меня вонъ какіе угодья: огородъ, два погреба, оба со льдомъ; а теперича возьмите: амбаръ, каретникъ...

Любовь Сергѣевна.

Все это такъ, только Живорѣзову-то рѣшительно все равно, сколько у васъ тамъ разныхъ клѣтушекъ.

Степанида Петровна.

Легко сказать—клѣтушекъ! Коли мнѣ давали за нихъ 5000 рублей, а я и усомъ не повела.

Любовь Сергѣевна.

Поймите: Живорѣзовъ дому у васъ не покупаетъ, а онъ будетъ только пользоваться вашимъ косвеннымъ правомъ на участіе въ земскихъ выборахъ; иначе вы своимъ правомъ представительства пользоваться не можете, понимаете—вы женщина, а не мужчина.

Степанида Петровна.

Извѣстное дѣло—женщина, а все-же на 15 рублей не кинусь! Пускай, я этого дѣла въ толкъ хорошенько невозьму, а все-же такъ полагаю, что эта самая комерція много дороже стоитъ при такомъ видномъ домѣ. Дѣйствительно, моимъ домомъ многіе любуются, и точно что его куда хошь: хоть на картину, хоть на театръ представляи.. Ну и въ земствѣ стыда отъ него никакого не будетъ, потому у меня все видныя лица квартируютъ: вотъ прокуроръ Микита Павлычъ три года стоялъ, старшій Агафонъ Степанычъ—пять лѣтъ, княгиня Юлія Кузьминишна—семь лѣтъ... Вотъ только Дарья Ивановна изъ простаго будто званья квартировала, да и то, всѣмъ извѣстно, почти-что вице-губернаторшей была и всей губерніей ворочала..

Любовь Сергѣевна.

Довольно, довольно! Ступайте!.. Меня ждутъ другіе просители. Вы рѣшительно не хотите понять, что я говорю.

Степанида Петровна.

Извините, матушка Любовь Сергѣвна, за мои глупыя слова. Вотъ я съ господиномъ Живорѣзовымъ переговорю, авось и [illegible]

Любовь Сергѣевна.

[illegible] „Коробочка“!

Степанида Петровна (*подобострастно улыбаясь*).

Сказали-бы ужъ прямо — „желѣзная подворотня“... Что дѣлать,—времена нынче, матушка, такія: все вздорожало, ни къ чему подступу нѣтъ, не то, что прежде. Всякій ежится, да коробится, а ужъ намъ-то и подавно смаху дѣлать не приходится. Вотъ, теперича, дѣло коснулось этихъ самыхъ довѣренностей,—ну, и боишься, чтобы не обчесться... Прощенья просимъ, матушка Любовь Сергѣвна, и душевно благодарствуемъ за ваше неоставленіе... (*Ивану*) Кланяйся, олухъ! (*Иванъ смотритъ на картину*) Ну, что же ты? (*Дергаетъ его за рукавъ*) Кланяйся!..

Иванъ.

Которому Богу-то?

Степанида Петровна.

Ахъ ты образина татерская! Барынѣ кланяйся!

Иванъ (*смотря на мать*).

Какъ? въ поясъ, али въ землю?

Любовь Сергѣевна (*перебивая*).

Съ Богомъ, съ Богомъ! Ступайте!..

(*Степанида Петровна уходитъ, кланяясь и увлекая за рукавъ Ивана*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Любовь Сергѣевна, Богадѣльщикъ и Перогрызскій.

(*Богадѣльщикъ и Перогрызскій врываются въ дверь одновременно, причемъ Перогрызскій не безъ достоинства пытается предвосхитить аудіенцію, а богадѣльщикъ не безъ успѣха вытѣсняетъ спиной своего соперника. Петръ помогаетъ кавалеру, ухватившись за полы пальто чиновника, и такимъ образомъ увлекаетъ его назадъ, въ переднюю*).

Богадѣльщикъ (*говоритъ отрывисто, громко, вообще съ бывшимъ въ старо-солдатскихъ нравахъ шикомъ*).

Здравія желаю, ваше превосходительство!

Любовь Сергѣевна.

Кто вы такой?

Богадѣльщикъ.

Отставной унтеръ-офицеръ раскатаевскаго полку Василій Сидоровъ Запѣваловъ, ваше превосходительство!

Любовь Сергѣевна (*записавъ*).

Какая ваша нынѣ профессія?

Богадѣльщикъ.

Не могимъ знать, ваше превосходительство!

Любовь Сергѣевна.

То-есть, чѣмъ вы занимаетесь?

Богадѣльщикъ.

Старымъ богадѣльщицамъ про войну сказки разсказываю, ваше превосходительство!

Любовь Сергѣевна.

Что-же вамъ нужно?

Богадѣльщикъ.

Награды, ваше превосходительство!

Любовь Сергѣевна.

Какой-же вамъ награды?

Богадѣльщикъ.

Денежной, ваше превосходительство!

Любовь Сергѣевна.

Вы-бы съ этой просьбой обратились къ воинскому начальству.

Богадѣльщикъ.

Никакъ эвто невозможно, потому какъ я теперь переведенъ въ земскіе батальоны, ваше превосходительство!

Любовь Сергѣевна.

Я васъ не понимаю.

Богадѣльщикъ.

Примѣрно сказать—въ земской богадѣльной ротѣ состою въ томъ-же унтеръ-офицерскомъ чинѣ. Служба наша по земству теперь совсѣмъ особая: съ боку на бокъ поворачивайся, — вотъ и все тутъ! Ужъ, кажется, какъ стараешься, ваше превосходительство, а никакого себѣ награжденья не получаешь...

Любовь Сергѣевна.

А!—понимаю. Вы призрѣваемый богадѣльнаго дома? Да?

Богадѣльщикъ.

Точно такъ, ваше превосходительство!

Любовь Сергѣевна.

Что-же, васъ дурно тамъ содержать?

Богадѣльщикъ.

Очень дурно. Другой разъ посылаютъ нашего брата картошку копать—мы нейдемъ, потому солдатъ не на то сотворенъ, чтобы картошку рыть; онъ долженъ кого ни на есть бить, а бить тутъ совсѣмъ некого. Если, примѣрно, своего-же брата по-уху съѣздить, такъ и за то винятъ. Ну, а теперь, что касаясь военныхъ уставовъ, такъ эти земскіе батальонные командиры никакого о нихъ понятія не имѣютъ,—примѣрно, чарки водки не подадутъ. Мнѣ ѣсть не надо, а водки подай! Первое—я человѣкъ военный и, значитъ, къ тому приспособленъ, а второе—уставъ, значитъ, законъ. Если мы, теперича, эти самые мундиры (*трясетъ полой халата*) продаемъ, то, сами изволите видѣть, нужда заставляетъ. И какія мы за это терпимъ притѣсненія отъ земскихъ командировъ—бѣда!.. Вотъ, заслышамши, что ваше сіятельство изволите надъ нами принимать команду,—мы въ такой приходимъ азартъ... (*оретъ*) Урр...а-а!..

Любовь Сергѣевна.

Благодарю васъ за довѣріе.

Богадѣльщикъ (*оретъ*).

Радъ стараться, ваше превосходительство!.. Урр-аа!..

Любовь Сергѣевна.

Прошу васъ не кричать такъ громко: у меня разстроены нервы.

Богадѣльщикъ.

Слушаю, ваше превосходительство!

Любовь Сергѣевна.

Жалѣю васъ, но улучшить ваше положеніе сейчасъ не могу. Впрочемъ, если вы очень нуждаетесь, то приходите въ четвергъ въ домъ дворянскаго собранія, тамъ вамъ дадутъ рубль.

Богадѣльщикъ.

Радъ стараться, ваше превосходительство! Только рубль я никакъ не возьму, потому вы изволите разнымъ салопницамъ рубля по три давать, а я кавалеръ. Я, можетъ, цѣлую сотню враговъ отечества побилъ, и если теперича за каждаго врага положить по пятаку, то—сами изволите видѣть—меньше пяти рублей мнѣ никакъ взять нельзя.

Любовь Сергѣевна.

Ну, хорошо, хорошо! Ступайте съ Богомъ—дадутъ и больше...

Богадѣльщикъ.

Счастливо оставаться! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Любовь Сергѣевна и Перогрызскій.

Перогрызскій (*говоритъ тихо, медленно, плавно и монотонно*).

Имѣю честь кланяться—отставной губернскій секретарь, сорокъ пять лѣтъ служившій въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ: уѣздномъ судѣ, полицейскомъ управленіи, консисторіи и многихъ другихъ,- Экзакустодіанъ Анемподистовичъ Перогрызскій... (*Любовь Сергѣевна записываетъ*) Много лѣтъ нахожусь въ отставкѣ, причиною чему была и есть внутренняя болѣзнь, которую я такъ понимаю, что это трясеніе селезенки, препятствующее мнѣ къ исполненію многихъ священныхъ обязанностей чиновника; хотя нѣкоторыя изъ нихъ я бы и теперь могъ исполнить, но не имѣю защитниковъ и покровителей, кои-бы вошли въ мое положеніе. По сей причинѣ, извѣстившись о вашихъ благодѣяніяхъ, достойныхъ доблестей Екатерины Великой, Марфы Посадницы и Маріи Египетской, потому какъ совмѣщаете въ себѣ чудеснымъ образомъ государственный умъ—первой, земское сердце—второй и сильную волю надъ человѣческими слабостями—третьей; а также обрадованный вѣстью о томъ, что Богу угодно было имѣть въ виду призваніе васъ къ великому служенію на утѣшеніе старцевъ и старицъ, бѣдныхъ, сирыхъ и убогихъ, въ соборѣ земскихъ и иноческихъ мужей и градоначальниковъ,—всепокорнѣйше прошу,—буде не те-

перь, то послѣ, когда вы достигнете предуказанной вамъ свыше высокой цѣли,— о назначеніи меня при губернской управѣ старшимъ архиваріусомъ, то есть хранителемъ тѣхъ дѣлъ, кои не требуютъ производства и лишь нуждаются въ отеческомъ попеченіи и заботливости касательно охраненія оныхъ отъ съѣденія мышами; или, если на то не будетъ вашего соизволенія или возможности, то нельзя-ли будетъ назначить меня старшимъ надзирателемъ того заведенія, гдѣ воспитываются богоспасаемыя старицы и старцы, въ родѣ того нахала, котораго вы имѣли случай видѣть передъ моимъ пришествіемъ и который выказалъ толикое, въ вашемъ даже присутствіи, поведеніе буйное и къ заслугамъ именитыхъ людей, посвятившихъ пользѣ отечества свои духовныя и тѣлесныя силы, не токмо что непочтительное, но даже зазорное и обидное.

Любовь Сергѣевна.

Мнѣ кажется, вамъ будетъ лучше, при вашей старости и разстроенномъ здоровьи, помѣститься въ томъ заведеніи, о которомъ говорите, не въ качествѣ надзирателя—съ этой должностью такъ много связано непріятностей,—а просто—призрѣваемаго.

Перогрызскій.

О, это было-бы для меня жестокимъ ударомъ судьбы! ибо и въ такомъ случаѣ долженъ-бы былъ подчиняться регламентамъ того дома, наравнѣ съ людьми самаго низкаго происхожденія.

Любовь Сергѣевна.

Я васъ понимаю и не буду настаивать на своемъ предложеніи. Очень сожалѣю, что теперь ничего сдѣлать для васъ не могу.

Перогрызскій.

Но я уже почту себѣ за великое счастіе, если вы только обѣщаете мнѣ свое высокое покровительство.

Любовь Сергѣевна.

Въ этомъ вы можете быть совершенно увѣрены.

Перогрызскій.

Сердечную вамъ за то я приношу благодарность. Этимъ вы, такъ сказать, завели мою пружину жизни.

Любовь Сергѣевна.

Впрочемъ, можетъ быть вы имѣете сейчасъ надобность въ единовременномъ пособіи?

Перегрызскій.

Величайшую. Я и къ управѣ обращался съ просьбою о пособіи, но она въ жестокости своего сердца моимъ настоятельнымъ нуждамъ не вняла.

Любовь Сергѣевна.

Почему-же?

Перегрызскій.

Указывала на моихъ дѣтей, которыя, имѣя, дескать, средства, обязаны меня призрѣть. Конечно, дѣти меня питаютъ, этого я не опровергаю, но развѣ кусокъ хлѣба исчерпываетъ всѣ потребности высоко-просвѣщеннаго человѣка? Вотъ эти возвышенныя движенія души для непросвѣщенной черни, изъ коей изошло земское управленіе, недосягаемы. Кусокъ хлѣба—и больше ничего! Низкія души и понятія!..

Любовь Сергѣевна.

Да, это ужасно! Приходите въ четвергъ въ домъ дворянскаго собранія, тамъ вы получите пособіе... Что-же касается вашей главной просьбы, то я вамъ еще разъ скажу: молитесь Богу и надѣйтесь!.

Перегрызскій.

Теплыя молитвы къ Создателю я возсылалъ и возсылаю о вашей фамиліи, покровительствующей людямъ, подвергшимся жестокимъ ударамъ рока. Можетъ быть, вы соблаговолите принять отъ меня въ честь вашу составленную мною оду... (*Подаетъ листокъ*).

Любовь Сергѣевна.

Благодарю васъ.

Перегрызскій.

За счастіе почту, коль скоро сіе стихосложеніе удостоится вниманія вашего высокаго ума. (*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Любовь Сергѣевна, Петръ и толпа просителей.

(Въ комнату врывается безобразная толпа, представляющая олицетвореніе голода, холода, бездомности и нищеты. Петръ протискивается въ толпу. Происходитъ сцена выпиранія. Раздаются смѣшанные голоса Петра съ одной стороны и толпы—съ другой).

Петръ.

Куда вы!... анафемы-прокляты! антихристы! паскуды! совы ночныя!.. Разговаривай еще—рыло сворочу!.

Голоса изъ толпы.

— Обожди маленько, кавалеръ!

— Полегче, кавалеръ!..

— Напирай, напирай—чего смотришь!.

— Съ утра ждемъ!..

— Самъ ты паскуда, карявая рожа!..

— Не у такихъ бывали!..

— Почище видывали!..

— Сама заѣду, такъ не вспомнишься!..

— Крупа несчастная!..

Любовь Сергѣевна (*сильно взволнованная*).

Приходите въ четвергъ въ домъ дворянскаго собранія, тамъ вамъ всѣмъ дадутъ по рублю, а теперь прошу васъ уходить съ Богомъ!..

Голоса изъ толпы.

— Благодаримъ покорно!

— Теперь нельзя-ли?

Любовь Сергѣевна.

Послѣ! послѣ!.

Голоса изъ толпы.

— Много-ли?..

— Слышь—по рублю на рыло.

— Когда?

— Въ четвергъ.

— Э-эхъ! только время потерялъ; шутка—двѣ обѣдни пропустилъ!..

Не слыхала, батюшка, что съ эвтой-то камеди сулятъ? Полтину или рупь?

Съ эвтой камеди, старуха, пятакъ—мѣди...

Жди другой— въ горбъ метлой!..

Съиграютъ третью— по шеѣ плетью!..

Петръ (*съ удвоенной энергіей*).

Проваливай, проваливай! Дадутъ всѣмъ! Слышали? по рублю на рыло! Гроша мѣднаго не стоите! Пошли вонъ! тетерева вы толстоухіе!. Ты чего? косогласый дьяволъ! Нѣтъ на васъ смерти-то, ефіопы вы подземные! (*Петръ одолѣваетъ и пріемная очищается. За дверью слышится постепенно ослабѣвающій шумъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Любовь Сергѣевна (*одна*).

Какая ужастная толпа!! Лишенія, несчастія, болѣзни, голодъ, ожесточеніе все тутъ!.. Даю слово, если только Мишель попадетъ въ предсѣдатели управы,—нищета не будетъ намъ мозолить глаза!..

Занавѣсъ.

II.

ПИКНИКЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сосѣ Павловичъ Свинорыловъ, мировой посредникъ, лѣтъ подъ сорокъ, краснощекій, толстоватый, средняго роста, сутуловатъ и грубоватъ на голосъ. Отпрыскъ древняго рода Свиньиныхъ.

Кукша Семеновичъ Свиноуховъ, жиденькій молодой человѣкъ. Другая вѣтвь Свиньиныхъ.

Касьянъ Созонтовичъ Тѣповъ.

Катерина Ивановна, его метресса, дебелая дама.

Елена Петровна Гусина, полная, красивая, отцвѣтающая дама.

Клинъ Ильичъ Балалайкинъ, миніатюрное существо, необыкновенно зоркое. Землевладѣлецъ и вдовецъ.

Султанъ-Кадыкъ Свиньинъ.

Михаилъ Михайловичъ Солитеровъ.

Любовь Сергѣевна Солитерова, его жена.

Викторъ Аполлоновичъ Изобрѣталовъ.

Крысинскій, полковникъ.

Горбатовъ, секретарь Солитерова.

Шавкинъ, **Мышкинъ** } молодые чиновники.

Стрикулистовъ, секретарь Свиньина.

Иванъ, лакей, малъ и слабосиленъ.

Толпа никаканцевъ, мужчинъ и женщинъ.

Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ Крапивинска, весной.

Сцена представляетъ поляну, окруженную высокимъ хвойнымъ лѣсомъ; уютный уголокъ въ сторонѣ отъ пикника. Ближе къ зрителямъ простая деревянная скамейка. Поляна обрамлена каймой густаго можжевельника въ полуростъ человѣка. По ту и другую сторону поляны, между кустарникомъ и лѣсомъ, свободное мѣсто, поросшее травой.

ЯВЛЕНІЕ I.

Свинорыловъ *(выходитъ изъ лѣсу съ двумя бутылками коньяку подъ мышкой).*

Нѣтъ, это чортъ знаетъ что! Выдумали какой-то очередной порядокъ... По моему: пить—такъ пить, когда охота придетъ, на то и пикникъ. Терпѣть не могу этихъ салонныхъ привычекъ! Это все Свиноуховъ, дьяволъ! Связался съ бабьёмъ.... Фіалкой закусываетъ... фокусы разные передъ ними выкидываетъ.... А мнѣ что? Терпѣть не могу этихъ бабъ! Все дѣло испортятъ. Говорилъ: поѣдемте одни. Нѣтъ, какъ можно, надо бабъ. И этотъ Балалайкинъ туда-же,—дуракъ! Ну-ка, Господи благослови! (*пьетъ изъ горлышка бутылки; крякаетъ отъ удовольствія*) Вотъ это будетъ пикникъ! А то—ни дать, ни взять—рекрутское присутствіе; дожидайся тамъ очередныхъ да и подставныхъ. Эхъ, чортъ! огурца не захватилъ.... Куда-бы это мнѣ подальше спрятать, чтобы не нашли? Вотъ здѣсь, отлично! (*прячетъ одну бутылку въ кусты справа отъ зрителей, въ глубинѣ сцены*). А эту надо въ другое мѣсто. Одну найдутъ, другая въ запасѣ будетъ. Вотъ здѣсь. (*прячетъ въ кусты съ лѣвой стороны, ближе къ аван-сценѣ*).

(*Голосъ Свиноухова за сценой*).

Соссъ Павловичъ!

Свинорыловъ.

Охъ, Господи! Это Свиноуховъ за мной гонится. Вотъ стерьва-то! Такъ я ему и откликнулся, дурака нашолъ.

(*Голосъ Свиноухова за сценой*).

Соссъ Павловичъ! гдѣ ты тамъ?

Свиборыловъ.

Умереть спокойно не дадутъ! (*ложится на траву у кустовъ, ближе къ аван-сцену*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Свиноуховъ (*входя*).

Ба! да вотъ онъ гдѣ! Ты что здѣсь дѣлаешь?

Свиборыловъ.

Мало-ли что я могу здѣсь дѣлать? Не обо всемъ-же вамъ докладывать. Будетъ съ васъ и того, что рюмки считаете..

Свиноуховъ.

Нѣтъ, ты недаромъ сюда забрался!

Свиборыловъ.

Можетъ быть. А тебѣ что за дѣло?

Свиноуховъ (*поглядывая по сторонамъ*).

А то и дѣло, что скандаловъ здѣсь не полагается.... Дамы.... Выдумалъ пить. На все своя пора.

Свиборыловъ.

А, да ну тебя къ чорту съ твоими дамами! Плевать мнѣ на нихъ. Только у васъ и свѣту въ окошкѣ,—что дамы! Есть интересы и удовольствія повыше этихъ....

Свиноуховъ (*продолжая смотрѣть по сторонамъ*).

О вкусахъ не спорятъ. Я говорю только, что пьянствовать сегодня не время.

Свиборыловъ.

Немного раскутишься съ вашимъ очереднымъ порядкомъ. Эхъ, дуй васъ горой! Лишили водки, такъ хоть, по крайности, дайте мнѣ свободу. Поди къ своимъ дамамъ, выкидывай тамъ передъ ними съ Балалайкинымъ разные фокусы, а я здѣсь наединѣ съ лѣсомъ побесѣдую, помечтаю хоть. Надоѣла мнѣ эта болтовня, да и душно тамъ, около этихъ барынь. Костеръ развели,—дымище! Стѣснительно тамъ у васъ.... А я вотъ здѣсь и полежу, и потянусь.... (*ложится на траву*) Ну и воздухъ совсѣмъ не тотъ... (*сладко вытягивается*) Какая, однако, это прекрасная вещь—природа! Не многіе ее понимаютъ.

Свиноухов (*заглядывая за куст*).

Знаю и твою-то природу.

Свинорылов (*тревожно следит за ним глазами, опершись на локоть*).

Да и я вашу-то природу тоже хорошо знаю. Псы вы, псы смердящие!

Свиноухов.

Сосед Павлыч! вѣдь это свинство! Укралъ двѣ бутылки коньяку!

Свинорылов.

Это кто тебѣ сказалъ?

Свиноухов.

Иванъ.

Свинорылов.

Вотъ я ему шишишку-то наверчу. Слопалъ кто-нибудь изъ васъ-то, да на меня показалъ. Благо есть на кого свалить-то.

Свиноухов (*наклоняется за кусть и вытаскиваетъ бутылку*).

Вотъ она гдѣ!

Свинорылов (*накидывается на Свиноухова*).

Нѣтъ, шалишь! (*выхватываетъ бутылку и убѣгаетъ*) Не видать тебѣ ее, какъ своихъ ушей свиныхъ!....

(*Свиноухов гонится за ним; скрываются оба въ лѣсу*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Касьянъ Созонтовичъ и Горбатовъ (*входятъ вмѣстѣ*).

Касьянъ Созонтовичъ.

Ну, признаюсь, барыня—шикъ, эта Любовь Сергѣевна. Куда противъ нея Елена Петровна! Хоть тоже и она Клеопатра въ нѣкоторомъ родѣ, ну а всѣ не то,—далеко до нея!

Горбатовъ.

А пріятно, знаете, имѣть этакую супругу.

Касьянъ Созонтовичъ.

Да. Но только и самому надо быть немножко Аполлономъ.

Горбатовъ.

Понятно. Вотъ Михаилу Михайловичъ, онъ очень ужъ, кажется, не на своемъ мѣстѣ состоитъ; по наружности-то весьма даже не Аполлонъ.

Касьянъ Созонтовичъ.

Уродъ.

Горбатовъ.

Несчастная наружность. Я ему очень многимъ обязанъ и искренно о немъ сожалѣю. Я иногда серьезно задумываюсь объ ихней судьбѣ.

Касьянъ Созонтовичъ.

Чего тутъ задумываться? Рога—вотъ неизбѣжная судьба Михаила Михайловича.

Горбатовъ.

Но Любовь Сергѣевна—особа очень нравственная-съ.

Касьянъ Созонтовичъ.

Только потому, что кругомъ—уроды.

Горбатовъ.

Не все-съ. Напримѣръ, Изобрѣталовъ... очень красивый мужчина.

Касьянъ Созонтовичъ.

Да, онъ не дуренъ, но фатъ; а она не глупа.

Горбатовъ.

Рѣдко, знаете, такъ бываетъ, чтобы при счастливой наружности былъ и большой умъ.

Касьянъ Созонтовичъ.

Рѣдко,—это правда.

Горбатовъ.

Вы вотъ надѣлены, кажется, и тѣмъ и другимъ. Вотъ вамъ бы попробовать..... Что, интересно-бы, вышло?

Касьянъ Созонтовичъ.

Да. Но мнѣ некогда. Я занятъ, постоянно занятъ. Ухаживать тутъ надо, а это не въ моихъ правилахъ..... У меня было три жены законныхъ и имѣю четвертую по естественному праву..... но я ни за кѣмъ не ухаживалъ.

Горбатовъ.

Ну, на этотъ разъ можно сдѣлать маленькую уступочку.

Касьянъ Созонтовичъ.

Да, мнѣ дѣйствительно жаль Любовь Сергѣевну..... Такое совершенство и такъ она несчастлива, рѣшительно одинока. Сознаю, что я обязанъ природой помочь ей, но право-же, мнѣ некогда. Да

наконецъ эта Катерина Ивановна—особа очень ревнивая. На ея самоотверженіе расчитывать нельзя, а воевать съ ней нелегко.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Свиноуховъ (*вбѣгая, запыхавшись*).

Вы, господа, не видали Сосса Павлыча? Онъ здѣсь не пробѣгалъ?

Касьянъ Созонтовичъ.

Нѣтъ.

Свиноуховъ.

Ахъ ты, Господи; спрятался.... Здѣсь гдѣ-нибудь притаился.... (*идетъ*).

Касьянъ Созонтовичъ.

Кукша Семенычъ! что вы, братецъ, какъ угорѣлый бѣгаете?

Свиноуховъ.

Да какъ-же, Касьянъ Созонтовичъ, вѣдь онъ, Соссъ Павловичъ, двѣ бутылки коньяку стянулъ.

Касьянъ Созонтовичъ.

Экая важность! Пусть его тянетъ наздоровье.

Свиноуховъ.

Какъ это можно, вѣдь онъ скандалъ устроитъ.

Касьянъ Созонтовичъ.

Такъ и слѣдуетъ. Пикникъ безъ скандала ужъ это послѣднее дѣло.

Свиноуховъ.

Хи, хи, хе! Ахъ вы, оригиналъ, Касьянъ Созонтовичъ! (*подсмѣиваясь*). Для насъ, мужчинъ, онъ, конечно, одно развлеченіе доставитъ; ну, а дамамъ какъ это покажется?

Касьянъ Созонтовичъ.

Если Соссъ Павлычъ позабавитъ насъ, такъ о дамахъ и толковать нечего; я ихъ знаю, изучилъ.....

ЯВЛЕНІЕ V.

Балалайкинъ (*бѣжитъ и останавливается передъ прочими, растопырясь*).

Господи, на что-же это похоже? Какой-же это у насъ будетъ [illegible]. Дамы желаютъ играть, бѣгать, рѣзвиться..... а мужчины,

изволите видѣть, какъ медвѣди, забрались въ берлогу, да и сосутъ свои лапы. Нашли развлеченіе! Касьянъ, это не по-товарищески! Ну, не сумѣешь дамъ занимать одинъ, такъ я бы тебѣ помогъ. Хоть бы въ чехарду что-ли поскакали немножко. Ты бы этакъ на четыре кости сталъ, а я бы черезъ тебя. Ты, будто, слонъ, а я муха. Это было-бы очень интересно. Меня всѣ дамы просятъ прыгать; но что-же я буду одинъ прыгать? Не сорока-же я, въ самомъ дѣлѣ, какая!

Касьянъ Созонтовичъ.

Нѣтъ, ты встань на четыре-то кости, а я черезъ тебя полечу. Это будетъ гораздо авантажнѣе.

(*Свиноуховъ и Горбатовъ хохочутъ*).

Балалайкинъ.

Ну вотъ вамъ и пикникъ! Назвали дамъ, а сами на попятную. Изволь я одинъ всѣхъ занимать. Это довольно странно.

Касьянъ Созонтовичъ.

Мало-ли тамъ мужчинъ.

Балалайкинъ.

Прошу покорно, нашли мужчинъ! Кто-же тамъ? Щавкинъ и и Мышкинъ забрались на сосну и дуются тамъ въ три листа, а не то такъ картинки скандальныя разсматриваютъ. Если вы здѣсь слышали ружейные выстрѣлы, такъ это Дробининъ лупитъ себя по лбу,—это онъ комаровъ давитъ отъ скуки. Соссъ Павлычъ скралъ двѣ бутылки коньяку и теперь навѣрно уже лыка не вяжетъ. Плевалъ-бы я вамъ и въ пикникъ-то! Вотъ сяду здѣсь (*быстро садится, ноги калачикомъ*) и не пойду туда, хоть рѣжь! (*Снимаетъ шляпу и отираетъ лицо платкомъ*) Уфъ! умаялся съ ними!

(*Монологъ неоднократно прерывается тройнымъ хохотомъ: разсыпающейся дробью Свиноухова, важнымъ и отрывистымъ хаханьемъ Касьяна Созонтовича и гусинымъ гоготаньемъ Горбатова*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Любовь Сергѣевна (*входя*).

Вотъ они гдѣ! У васъ здѣсь веселье, хохотъ на весь лѣсъ.

Балалайкинъ (*вскакивая*).

Ахъ, Любовь Сергѣвна! Милости прошу къ нашему шалашу.

Свиноуховъ (*уступая мѣсто на лавкѣ, около Касьяна Созонтовича*).

Не угодно-ли?

Любовь Сергѣевна.

Merci! (*садится*) Вечеръ-то, вечеръ какой благодатный!

Касьянъ Созонтовичъ.

Ароматъ!

Балалайкинъ.

Все дѣло въ обстановкѣ: лѣсъ, трава, кустарникъ, небо..... Удивительная поэзія! Я, знаете, Любовь Сергѣвна, часто думаю уединиться совсѣмъ. Построю себѣ хижину въ лѣсу гдѣ-нибудь, и всю жизнь, знаете, буду на зарѣ играть на флейтѣ.... Кругомъ птицы.... поютъ.... а я заливаюсь, а я заливаюсь, понимаете—соперничаю... съ самой природой. Не правда-ли, восхитительно?

(*Кое-кто сдержанно подсмѣивается*).

Любовь Сергѣевна.

Вотъ это странно! Всѣ васъ знаютъ за человѣка, который безъ общества минуты прожить не можетъ, и вдругъ—вы хотите сдѣлаться анахоретомъ.

Балалайкинъ.

Я, вѣдь, только такъ, дурачусь, Любовь Сергѣевна. Наружность одна. А въ душѣ-то бы вы у меня посмотрѣли.... У! морозъ!... Мизантропъ—одно слово—мизантропъ!

Касьянъ Созонтовичъ.

Празднословитъ—не вѣрьте.

Балалайкинъ.

Честное и благородное слово!

Любовь Сергѣевна.

Съ чего-же вы такъ обозлились на людей?

Балалайкинъ.

Обстановка такая. Съ утра до ночи у себя въ имѣніи все [illegible] на всѣхъ. Мужики послѣ освобожденія стали звѣри, пьяницы, прислуга—черти; кредиторы—собаки.

Касьянъ Созонтовичъ.

Въ этомъ есть и правда.

Балалайкинъ.

Ну, то-то и есть!.. Семейный очагъ мой разрушенъ...

Любовь Сергѣевна.

Ахъ да, вѣдь вы вдовецъ; я и забыла.

Балалайкинъ.

Какъ-же! Я и вексель и безпечемъ, а вѣдь это все миражъ, все это напускное,—стараюсь развлечь себя. Надоѣло. Брошу все. Уединюсь непремѣнно, когда-нибудь уединюсь. Ну, тогда прощай прежній Балалайкинъ! (*смѣхъ*) Шляпу, знаете, съ широкими полями заведу, плащъ этакій испанскій, отчаянный.... Закутаюсь въ него и стану, знаете, вдругъ такимъ задумчивымъ.... (*смѣхъ*) И буду бродить гдѣ-нибудь въ лѣсу, одиноко.... (*каждую изъ фразъ сопровождаетъ соотвѣтственнымъ тѣлодвиженіемъ, словомъ—представляетъ въ картинахъ*).

Любовь Сергѣевна.

Въ самомъ дѣлѣ, это, не нашутку, было-бы очень интересно.

Балалайкинъ.

У меня всегда такія странныя фантазіи! Многимъ онѣ кажутся забавными, а если поразобрать, такъ въ нихъ много смысла. Вы только вдумайтесь, Любовь Сергѣвна, въ мое положеніе, въ мою судьбу, и вы увидите, такъ сказать, дубъ среди долины ровныя въ могучей красотѣ.....

Любовь Сергѣевна.

Это нетрудно представить.

Балалайкинъ (*фантазируетъ*).

Собаку заведу.... умную.... чтобы все понимала.—„Ну что, скажу, собачка, какъ поживаешь?“ Поглажу ее, а она, знаете, сейчасъ хвостикомъ и такъ, и сякъ.... (*смѣхъ*) Руку станетъ лизать и такъ преданно.... Слеза на глазахъ у меня навернется—утру. Когда о людяхъ вспомню, буду саркастически улыбаться... Она меня пойметъ. Какъ жаль, что собаки не могутъ смѣяться... Жаль! (*смѣхъ*).

Касьянъ Созонтовичъ.

Балалайкинъ! замолчи пожалуйста! Этакую ерунду несетъ.

Любовь Сергѣевна.

Напрасно. Продолжайте, Климъ Ильичъ. Я сама тоже люблю очень мечтать.

Балалайкинъ.

Неужели? Любовь Сергѣевна, могъ-ли я этого ожидать! Только вы вошли въ мое положеніе, вы тронулись и, можетъ быть, раздѣляете мои фантазіи?....

Любовь Сергѣевна (*смѣясь*).

Отчасти.

Балалайкинъ.

Восторгъ! Хотите, я сейчасъ передъ вами здѣсь по всей полянѣ кубаремъ прокачусь?

Любовь Сергѣевна (*смѣется*).

Ахъ, нѣтъ! Мы другъ друга и такъ отлично можемъ понять.

Балалайкинъ.

Не могу. Натура у меня такая. Клокочетъ тутъ (*показывая на сердце*), такъ и клокочетъ! Вулканъ! Взрывъ нуженъ. Хотите, я передъ вами березу поставлю?

Любовь Сергѣевна.

Это еще что такое?

Балалайкинъ.

Ну, будто не знаете? Вотъ сейчасъ стану на голову и ноги кверху... Вотъ это березой и называется.

Любовь Сергѣевна.

Я знаю,—вы мастеръ развлекать. Подите-же, пожалуйста, займите дамъ. Онѣ безъ васъ просто умираютъ со скуки.

Балалайкинъ.

Да что-же я, Любовь Сергѣевна, одинъ-то съ ними сдѣлаю?

Любовь Сергѣевна.

Въ самомъ дѣлѣ, господа, что-же вы здѣсь даромъ сидите? Подите, подите всѣ. Будьте любезны.

Балалайкинъ.

Вы ихъ не урезоните. Это такой народъ. Я ихъ тоже уговаривалъ—не слушаютъ. Рыцарства въ нихъ нѣтъ, Любовь Сергѣевна, не такъ-ли?

Любовь Сергѣевна.

О да! Это совершенная правда!

Балалайкинъ.

А почему? Знаете-ли почему?

Любовь Сергѣевна.

Ужъ вѣкъ такой прозаическій.

Балалайкинъ.

Гораздо проще. Вспомните — вѣдь это все чиновники. У чиновника вѣдь нѣтъ души! Это вы знаете?

Любовь Сергѣевна.

Неужели?

Балалайкинъ.

Да, нѣтъ. У нихъ и сердца нѣтъ. Вмѣсто всего этого у нихъ кипа бумагъ: отчетовъ, циркуляровъ, инструкцій и уставовъ, а души и сердца нѣтъ.

Любовь Сергѣевна.

Вотъ какъ!

Балалайкинъ.

Да. Если чиновникъ признается въ любви—не вѣрьте; это у него только на языкѣ,—а въ сердцѣ, въ этотъ самый моментъ, онъ непремѣнно твердитъ какой-нибудь циркуляръ. Если-бы я былъ женщина, я просто, знаете, на нихъ-бы и не взглянулъ!

Горбатовъ.

Куда-же бы тогда стали дѣваться барышни?

Балалайкинъ.

Есть еще люди, не вывелись они совсѣмъ, хоть и немного ихъ.

Касьянъ Созонтовичъ.

Гдѣ-жъ они, эти люди?

Балалайкинъ.

У насъ, въ дворянствѣ, еще кой-что найдется этакое, возвышенное... Мы сильно упали, это правда, но не всѣ. У насъ, говорю, еще есть такіе, которые понимаютъ исторію, искусство, и многое такое, до чего нѣкоторымъ куликамъ далеко, какъ до Петрова дня.....

Касьянъ Созонтовичъ.

Я бы желалъ знать: кого вы разумѣете подъ куликами?

Балалайкинъ.

Многихъ. Разумѣется, и между нами, столбовыми, есть кулики, которые препираются съ семинаристами и мѣщанами о томъ, кто больше знаетъ циркуляровъ. Вотъ вы, Горбатовъ,—семинаристъ, вы на своемъ мѣстѣ, а вы, Свиноуховъ—ренегатъ, куликъ, чортъ знаетъ—что!

Свиноуховъ.

Ха, ха, ха! Уязвилъ!

Горбатовъ.

Го, го, го! Комплиментъ.

Касьянъ Созонтовичъ.

Шутъ ты гороховый, Балалайкинъ!

Балалайкинъ.

А ты, Касьянъ,—лошадиная голова!

Любовь Сергѣевна.

Климъ Ильичъ, вы въ самомъ дѣлѣ какъ будто разгорячились?

Балалайкинъ.

Ваша правда. Ей-Богу не могу смотрѣть на нихъ равнодушно. Я съ ними и кумъ, и сватъ, и братъ, а вотъ такъ руки и чешутся выкинуть имъ какой-нибудь скандалъ..... Только вотъ дамы и сдерживаютъ.

Касьянъ Созонтовичъ.

А мы тебя въ чижовку засадимъ.

Балалайкинъ.

А я вамъ гдѣ-нибудь въ торжественномъ случаѣ фракъ распорю, либо на цилиндръ клопа посажу. Впрочемъ, здѣсь съ ними связываться неловко. Они у насъ вошли въ силу, пожалуй засадятъ. Я знаете, рѣшился ѣхать въ Рысаковскую губернію..... Вотъ гдѣ нашему-то брату раздолье! Тамъ дворяне съ вѣсомъ и [illegible] отъ насъ въ трепетѣ. Ну и штуки-же съ ней тамъ уди[illegible]. Вотъ тамъ мнѣ будетъ пища, тамъ я потѣшусь.

Любовь Сергѣевна.

[illegible] не уѣзжайте. Безъ васъ здѣсь будетъ очень ужъ

Балалайкинъ.

Развѣ по этому!.. Безъ оппозиціи здѣсь будетъ еще хуже. Я это знаю и, пожалуй, готовъ собою пожертвовать. Такъ и быть,— останусь.

Касьянъ Созонтовичъ.

Свиньинъ, какъ только управится съ Таракановымъ, постарается тебя провести въ мировые судьи...

Балалайкинъ.

Я непрочь отъ этого, непрочь. Я покажу себя. Судьи изъ вашего брата—это алтынники. Для нихъ всё равно: что искъ о пятакѣ, что честь. Я всѣ эти алтынныя дѣла по-боку, такъ, зауряду какъ-нибудь, безъ разговоровъ—спущу; а вотъ есть скандальныя дѣльца.... вотъ я въ нихъ вопьюсь. Тутъ жизнь есть, страсти разыгрываются.... А тамъ что? алтынъ! Въ томъ-ли онъ карманѣ лежитъ, или въ другомъ—цѣна ему одна: алтынъ и всё тутъ! Нѣтъ, кажется, въ концѣ-концовъ я поступлю на сцену.... Буду играть не иначе, какъ въ классическихъ трагедіяхъ.... Понимаете, у меня тутъ *(показываетъ на сердце)* клокочетъ!

Касьянъ Созонтовичъ.

Ха, ха, ха! Вотъ гдѣ твое призваніе.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Шавкинъ *(вбѣгая)*.

Господа! дамы просятъ васъ играть какъ-то, бѣгать что-ли. Пожалуйста, идите. Насъ съ Мышкинымъ насильно стащили съ сосны.

Любовь Сергѣевна.

Ну, вотъ дождались. Какъ вамъ не стыдно! Подите-же! Климъ Ильичъ, покажите примѣръ этимъ юношамъ.

Балалайкинъ.

Извольте-съ *(повертывается и уходитъ. Горбатовъ и Свиноуховъ, лѣниво подымаясь, тоже уходятъ съ Шавкинымъ)*.

Касьянъ Созонтовичъ.

А я посижу: мнѣ доктора запретили бѣгать.

Любовь Сергѣевна.

А какъ вы думаете, Касьянъ Созонтовичъ, вѣдь Балалайкинъ много очень вѣрнаго подмѣтилъ въ васъ, чиновникахъ?

Касьянъ Созонтовичъ.

Бездушныхъ людей вездѣ много; но между нами, увѣряю, ихъ меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Балалайкины разные судятъ о насъ по наружности. Мы—должностные люди, народъ серьезный, это правда, —шутить чувствами не любимъ, да и некогда; мы фундаментальны— это главное. Если мы любимъ, такъ ужъ, значитъ, любимъ. Потомъ мы бьемъ наповѣрное, иначе нельзя: мы чувствуемъ свое достоинство, мы играть собой никому не позволимъ, мы—не Балалайкины, нѣтъ. Они могутъ сдѣлать въ одинъ вечеръ десять объясненій безъ всякой обдуманной и опредѣленной цѣли. Это народъ пустой, а мы...

Любовь Сергѣевна.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, пріятно любить основательнаго человѣка!

Касьянъ Созонтовичъ.

О, да! Если притомъ онъ недуренъ собой и настолько молодъ, что не утратилъ какихъ-нибудь очень важныхъ въ супружествѣ чувствъ.

Любовь Сергѣевна.

Само собой, ужъ это какъ водится.

Касьянъ Созонтовичъ.

Я всегда глубоко страдаю за тѣхъ женщинъ, умныхъ, серьезныхъ и прекрасныхъ, которыя по какимъ-то несчастнымъ обстоятельствамъ связали свою судьбу съ мужчинами, можетъ быть, и умными и богатыми, и важными, но лишенными такихъ даровъ, которые въ супружествѣ неоцѣненны. Я глубоко жалѣю ихъ!

Любовь Сергѣевна.

Это дѣлаетъ вамъ честь. Мужчины эгоисты, а вы, напротивъ, [illegible] симпатизируете.

Касьянъ Созонтовичъ.

[illegible]ѣрно Балалайкину, когда онъ говоритъ о своемъ вул[illegible] (*показываетъ на сердце*), а у него—грязная

Любовь Сергѣевна.

Ахъ, какая счастливица Катерина Ивановна!

Касьянъ Созонтовичъ.

Да, но она не умѣетъ меня цѣнить. Она смотритъ на вещи, какъ сказалъ какой-то замѣчательный писатель,—глазами сытой коровы.

Любовь Сергѣевна.

Не можетъ быть. Она такая милая и симпатичная дама.

Касьянъ Созонтовичъ.

Нѣтъ, вы ее не знаете. Это ужасное существо и притомъ страшно ревнивое.

Любовь Сергѣевна.

А вы знаете, Касьянъ Созонтовичъ: если ревнуютъ, значитъ—сильно любятъ.

Касьянъ Созонтовичъ.

Не радость, Любовь Сергѣевна, не радость—и любовь, и ревность. Въ своей нелѣпой заносчивости эта Катерина Ивановна воображаетъ, что не я ее, а она меня обязываетъ. Поэтому, къ чувству ревности у ней примѣшивается еще и наклонность къ выговорамъ. Вы представить не можете, какія обидныя она мнѣ говоритъ вещи. Къ вамъ, говоритъ, Касьянъ Созонтовичъ, можетъ быть привязана, будто-бы, женщина только крайне великодушная и непритязательная.... Какая иронія! Въ васъ, говоритъ, Касьянъ Созонтовичъ, ничего нѣтъ такого, чтобы женщину могло привести въ восторгъ. Какой сарказмъ! Это она прямо мнѣ говоритъ, въ глаза. Хорошо: я себѣ цѣну знаю, и меня трудно провести на мякинѣ. И я вамъ скажу откровенно и прямодушно: Катерина Ивановна это—мякина!

Любовь Сергѣевна.

Ну, молитесь Богу, что она васъ теперь не слышитъ...

Касьянъ Созонтовичъ.

Пусть услышитъ! Надо-же когда-нибудь со всѣмъ этимъ покончить. Я для нея—не въ коня овесъ. Я зарываю въ землю свои таланты. Это я сознаю и отвѣчаюсь.

Любовь Сергѣевна.

Я думала, что вы совершенно счастливы, и вдругъ, такая неожиданность! Приходится и васъ сожалѣть.

Касьянъ Созонтовичъ.

Я только думаю о другихъ, я другихъ жалѣю... Есть существа прекрасныя, совершенство въ своемъ родѣ, но.... одинокія. Можетъ быть ихъ тамъ окружаетъ толпа поклонниковъ, можетъ быть онѣ имѣютъ, такъ сказать, друга, но.... только не по существу, а по формѣ... Нравственно онѣ одиноки.

Любовь Сергѣевна.

Еще-бы! Жизнь такъ рѣдко сближаетъ родственныхъ душъ. Вотъ вы въ самомъ дѣлѣ могли-бы осчастливить какую угодно богатую натуру.

Касьянъ Созонтовичъ.

Знаю, Любовь Сергѣевна, знаю. Я бы могъ; да, могъ... Но кого осчастливить? вотъ вопросъ. Ихъ много, а вы знаете, какъ рѣдко встрѣтить женщину, которая-бы такъ быстро понимала меня, мои мысли и чувства, вотъ какъ вы.... Кстати о васъ. Вѣдь ваше положеніе, Любовь Сергѣевна, увѣряю васъ,—горькое положеніе..... Я отъ души васъ сожалѣю. Впрочемъ, это вы, я думаю, и сама хорошо понимаете.

Любовь Сергѣевна.

Я даже и не думала о своемъ положеніи. Оно мнѣ всегда казалось такимъ, какъ-бы вамъ сказать....

Касьянъ Созонтовичъ.

Будьте прямодушны, Любовь Сергѣвна. Впрочемъ, я проницателенъ. Я читаю все въ вашей душѣ, все, что тамъ таится. Облако сомнѣнія, это—шагъ къ счастію. Да, если-бы вы только знали....

(*Голосъ за сценой Катерины Ивановны*).

Касьянъ Созонтовичъ, гдѣ вы?

Касьянъ Созонтовичъ.

Какой ударъ! Меня зоветъ Катерина Ивановна.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Катерина Ивановна (*входя*).

А, вотъ вы гдѣ! Любовь Сергѣвну занимаете... Извините, Любовь Сергѣвна, если я прерву вашъ разговоръ; только на минуту. (*Беретъ Касьяна Созонтовича подъ руку и уводитъ его*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Елена Петровна *(входя и подсаживаясь къ Любови Сергѣевнѣ).*

А вы знаете, Любовь Сергѣвна, что это значитъ?

Любовь Сергѣевна.

Навѣрно—пылаетъ ревностію?

Елена Петровна.

Да еще какъ!

Любовь Сергѣевна.

А вѣдь она въ предчувствіяхъ не ошиблась.

Елена Петровна.

И вамъ не грѣхъ съ нимъ кокетничать?

Любовь Сергѣевна.

Да скучно что-то. Отчего не подурачиться. Увѣряю—это очень весело.

Елена Петровна.

Ну еще-бы! Ужъ я, слава Богу, пожила, знаю. Счастливица вы, Любовь Сергѣвна, вѣчно птичкой порхаете. А я, можете себѣ представить, опять беременна.... Этакое вѣдь наказаніе!

Любовь Сергѣевна.

Скажите. Это ужъ который у васъ?

Елена Петровна.

Да ужъ, право, и счетъ потеряла... Никакъ девятый.

Любовь Сергѣевна.

Непріятно. Съ большимъ семействомъ—большія хлопоты.

Елена Петровна.

Какія хлопоты! Были-бы деньги: все само-собою сдѣлается. И вынянчатъ, и выкормятъ, и выучатъ—все деньги. А вотъ выносить-то ихъ каково, болванятъ! Право, нѣтъ ничего хуже женской доли: таскайся съ ними, какъ Богъ-знаетъ съ кѣмъ, по рукамъ, по ногамъ связана. Состояніе духа отвратительное, нелѣпое. Пользоваться надо жизнью, а тутъ приходится смотрѣть, какъ другія ей наслаждаются. И какъ на-зло теперь жизнь такъ широко раскинулась: театры, суды, концерты, маскарады, земскія собранія, танцовальные клубы, публичныя лекціи, сеансы у Изобрѣталова, пикники.... Богъ знаетъ, чего нѣтъ, духъ захватываетъ. Тутъ понево-

лѣ задумаешься надъ женскимъ вопросомъ. Наши противники, какъ хотите, во многомъ правы. Я начинаю отчаяваться. Гдѣ-жъ намъ самимъ работать, если мы девять мѣсяцевъ въ году ни на что не бываемъ способны.

Любовь Сергѣевна.

Не всѣ такъ несчастны, какъ вы.

Елена Петровна.

Ну, кто-же составляетъ исключеніе? Кто-же? Больныя да аскеты.... Вотъ вы, напримѣръ, въ какой вы орденъ записались?

Любовь Сергѣевна.

Съ чего вы это взяли?

Елена Петровна.

Съ нѣкотораго времени вы очень ужъ мрачны сдѣлались и ко всему, рѣшительно ко всему, равнодушны. Вотъ только сегодня вы съ Касьяномъ Созонтовичемъ вѣтренничасте, да и то какъ будто со злости.

Любовь Сергѣевна.

Что дѣлать? Не всѣ могутъ такъ увлекаться жизнью, какъ вы.

Елена Петровна.

Вы хандрите, Любовь Сергѣевна, непростительно хандрите. Вамъ надобно лечиться. У насъ, женщинъ, всякое ничтожное разстройство всегда переходитъ на нервы и производитъ хандру.

Любовь Сергѣевна.

Я здорова совершенно.

Елена Петровна.

Ну, такъ очень просто: вы раздѣляете мой жребій. Поздравляю!

Любовь Сергѣевна.

Не думаю.

Елена Петровна.

Навѣрно. Впрочемъ, въ ваши годы хандра бываетъ и отъ того, что жизнь разбиваетъ наши мечты. Свыкнетесь съ своей судьбой—все пройдетъ. Я тоже мечтала и теперь иногда унесусь, Богъ знаетъ, куда... Какъ ни говорите, а природа зло надъ нами пошутила. Фантазіи уносятъ насъ въ заоблачный міръ, и мы гораздо выше поднимаемся туда, гораздо выше мужчинъ. Они просто

четвероногіе, а мы птицы. Каково же спуститься съ этой высоты на землю только потому, что мы женщины. Судьба проснется—рудьба женщины. Я такъ думаю, не знаю какъ вы. Но я свыклась съ этой мыслью и уже не хандрю. Ловлю жизнь за что только можно уцѣпиться, и, право, весело живется. Если и стоскуется иногда, такъ просто отъ нездоровья, вотъ какъ теперь. Впрочемъ, я всегда утѣшаюсь тѣмъ, что вотъ, молъ, —отдамъ долгъ природѣ и опять буду жить полной жизнью. Да и о чемъ-же намъ убиваться, въ самомъ дѣлѣ, о чемъ? Ну, если мы не можемъ, —стало быть правы. Кто меня бѣситъ, такъ это мужчины. Ахъ, Господи, что за народъ! О старикахъ что говорить, а ни посмотрите на молодыхъ: ни чувства, ни ума, ни фантазіи, ничего въ нихъ нѣтъ. Я ихъ терплю только какъ необходимость, не больше. Вотъ только одинъ Изобрѣталовъ и похожъ на человѣка.

Любовь Сергѣевна.

Отчего вы съ нимъ не сойдетесь покороче?

Елена Петровна.

Съ Изобрѣталовымъ?

Любовь Сергѣевна.

Да.

Елена Петровна.

Это невозможно. Онъ влюбленъ въ васъ до безумія. Мнѣ, право, жаль его, какъ онъ, бѣдный, страдаетъ.

Любовь Сергѣевна.

Неужели?

Елена Петровна.

Ну, полноте скромничать! Я ужъ не знаю, что вы такое въ самомъ дѣлѣ: методисткой хотите быть, или просто любите терзать мужчинъ..... довольны своей судьбой. Ну, да это не мое дѣло. А у меня есть до васъ просьба. Знаете-ли, устройте-ка любительскій спектакль.... Что-нибудь такое, хоть «Доходное мѣсто.» А? Ну, пожалуйста!

Любовь Сергѣевна.

Не хочется, право.

Елена Петровна.

Что за вздоръ! Непремѣнно, непремѣнно устроимъ! Изобрѣталовъ будетъ играть. У него талантъ, но онъ только при васъ одушевляется. У него тогда все естественно выходитъ, и слезы, и все, все, понимаете... Ну, пожалуйста!

Любовь Сергѣевна.

Мнѣ, право, все равно, какъ хотите.

Елена Петровна.

Съ благотворительной цѣлью, это само собой. И потомъ «Доходное мѣсто»..... Вы понимаете? будемъ карать зло.

Любовь Сергѣевна.

Ахъ, да мнѣ все равно, если только ужъ вамъ такъ хочется....

Елена Петровна.

А вы помните, какъ былъ хорошъ Изобрѣталовъ въ роли Жадова? Просто—прелесть! Помните, какъ онъ говорилъ эти слова (*невозможности трагически, съ выпученными глазами*): брать, брать, брать, брать!..... Ну, что за роскошь! Такъ вы согласны?

Любовь Сергѣевна.

Да, да.

Елена Петровна.

Ахъ, какъ я вамъ благодарна! Какъ я рада! Я ужасно люблю играть.

ЯВЛЕНІЕ X.

(*Входитъ Свинорыловъ и медленно подвигается къ къ авансцену, внимательно всматриваясь за кусты*).

Елена Петровна.

Сосонъ Павловичъ! что вы ходите, какъ будто вчерашній день потеряли?

Свинорыловъ.

Ничего, ничего, я такъ; я вонъ смотрю—какіе славные тамъ цвѣточки: вонъ фіалки, вонъ незабудки.

Елена Петровна.

Вотъ какъ! Я и не подозрѣвала въ васъ такихъ идиллическихъ наклонностей.

Свиноруловъ.

Какъ можно-съ! У меня большія наклонности.

Елена Петровна.

Сосъ Павловичъ, хотите участвовать въ любительскомъ спектаклѣ?

Свиноруловъ.

Сдѣлайте одолженіе.

Елена Петровна.

Не хотите-ли взять роль Фигаро?

Свиноруловъ.

Отчего-же нѣтъ, извольте-съ.

Елена Петровна.

А не то, такъ Отелло или Гамлета?

Свиноруловъ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

Елена Петровна.

Вотъ это мнѣ нравится: ни отчего не отказывается. (*Тихо*) Онъ что-то ужъ очень красный, должно быть успѣлъ клюкнуть. (*Продолжаетъ шептать на ухо Любови Сергѣевнѣ*).

Свиноруловъ (*подойдя къ авант-сценѣ*).

Тутъ этотъ дьяволъ, Свиноуховъ, такъ и шныряетъ, такъ и шныряетъ. Хоть у него уши и долги, а руки коротки! Я тоже за своимъ добромъ дозоромъ хожу. Захватилъ-бы теперь съ собой, да эти сороки, чортъ бы ихъ побралъ мѣшаютъ. (*направляется въ лѣсъ*).

Елена Петровна.

Сосъ Павловичъ, куда-же вы? Что-же вы съ нами-то не побесѣдовали?

Свиноруловъ.

Здѣсь мѣстность, что говорить, превосходная, не такъ (*показываетъ на лѣсъ*) есть мѣста еще того великолѣпнѣе. (*Къ публикѣ*) Досугъ мнѣ тутъ съ ними тары-то бары разводить, нѣтъ на нихъ заботы-то (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Касьянъ Созонтовичъ.

Ну, Господь развязалъ меня съ этой несчастной Катериной Ивановной.

Елена Петровна.

Какъ не поссорились-ли вы?

Касьянъ Созонтовичъ.

Нѣтъ, я серьезнѣе. Представьте, люди собрались наслаждаться природой, веселиться, кто какъ хочетъ, немножко поразвлечься отъ дѣлъ, а она вдругъ трактуетъ мнѣ чуть не цѣлый часъ о томъ, что рыбу покупать у Смяткина дешевле, чѣмъ у Калинова, а потомъ по какой-то логикѣ, только ей одной извѣстной, стала мнѣ трубить о томъ, что мужчины неблагодарны, измѣнчивы, вѣтренны, и пошла, и пошла, и все въ этомъ родѣ.... Наконецъ, я подъ благовиднымъ предлогомъ отретировался и очень счастливъ, что могу съ вами здѣсь, mesdames, отдохнуть душой (*садится*).

Елена Петровна.

Ахъ, вы мученикъ, Кассьянъ Созонтовичъ! Мнѣ жаль васъ. Я пойду займу Катерину Ивановну и спасу васъ отъ новыхъ нападеній... Нужно-же вамъ, въ самомъ дѣлѣ, хоть немножко подышать свободой.

Касьянъ Созонтовичъ.

Вы мнѣ, Елена Петровна, этимъ окажете громадную услугу (*жметъ ей руку*).

Елена Петровна.

Ну, вотъ видите-ли, я не ошиблась... (*Уходитъ, что-то другое шепнувъ Любови Сергѣевнѣ*).

Касьянъ Созонтовичъ.

Многіе удивляются, Любовь Сергѣевна, моей проницательности, многіе мнѣ предлагали важный постъ: но я отказался. Я [illegible]. Я многое вижу такое, чего другіе не видятъ:

[illegible]

ЯВЛЕНІЕ XII.

(Съ лѣвой стороны, изъ лѣсу, подползаетъ къ кустамъ Свиноуховъ и, вытянувъ шею, внимательно слушаетъ).

Свиноуховъ (*тихо*).

Катерина Ивановна просила наблюдать, что здѣсь произойдетъ. Я, впрочемъ, и самъ интересуюсь.... Касьянка ухаживаетъ.... Какъ это ему идетъ, какъ коровѣ сѣдло.

Касьянъ Созонтовичъ.

Если я говорю, что ваше положеніе—горькое положеніе, то, значитъ, это вѣрно: я никогда не ошибаюсь. Я все вижу и понимаю, можетъ статься больше, чѣмъ вы сами. Мнѣ одно высокопоставленное лице сказало, что у меня орлиный глазъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

(Съ правой стороны, изъ лѣсу, подползаетъ къ кустамъ полковникъ Крысинскій, притаившись въ травѣ).

Крысинскій (*тихо*).

На свѣтѣ я люблю только двѣ вещи: деньги и чужія тайны. Спасибо Катеринѣ Ивановнѣ—здѣсь, кажется, въ самомъ дѣлѣ будетъ пожива.

Любовь Сергѣевна.

Представьте, а мнѣ казалось, что я очень довольна своимъ положеніемъ.

Касьянъ Созонтовичъ.

Воображаю:—кругомъ уроды!

Любовь Сергѣевна.

Полноте,—все такіе милые люди.

Касьянъ Созонтовичъ.

Ни ума, ни красоты!

Любовь Сергѣевна.

Я не требовательна: немножко того, немножко другаго, и я довольна.

Касьянъ Созонтовичъ.

Любовь Сергѣевна, я горд, но прямодушенъ. Хотите-ли, чтобы я сказалъ все, что думаю?

Любовь Сергѣевна.

Непремѣнно!

(*Свиноухов сильно вытягивает шею. Крысинский крѣпко настораживает ухо*).

Касьянъ Созонтовичъ.

Какъ честный человѣкъ, я считаю себя обязаннымъ.... (*пауза*).

Любовь Сергѣевна.

Кому и чѣмъ?

Касьянъ Созонтовичъ.

Обязаннымъ... помочь вамъ.

Любовь Сергѣевна.

Мнѣ? Въ чемъ-же это и чѣмъ?

Касьянъ Созонтовичъ.

Если позволите: своей дружбой въ вашемъ одиночествѣ.

Любовь Сергѣевна.

Ахъ, очень вамъ благодарна. У меня, кромѣ мужа, друзей совсѣмъ нѣтъ.

Касьянъ Созонтовичъ.

Я этого ожидалъ. (*Пауза*).

Свиноуховъ. (*Тихо*).

Очень, очень интересно!.. Это что? (*ощупавъ что-то въ травѣ и нагнувъ голову*) Бутылка! Вотъ сюрпризъ! Разомъ двухъ зайцевъ словилъ: Кассьянку и Сосску. (*Ставитъ бутылку стоймя на землю, придерживая ее за горлышко рукой*).

Касьянъ Созонтовичъ.

Я даже, если хотите знать, питаю къ вамъ чувства болѣе, чѣмъ дружбы.... чувства самой жгучей любви.

Любовь Сергѣевна.

Пощадите, Кассьянъ Созонтовичъ!

Касьянъ Созонтовичъ.

Кого?

Любовь Сергѣевна.

Мишеля и Катерину Ивановну.

Касьянъ Созонтовичъ.

Михайло Михайловичъ не стоитъ васъ; Катерина Ивановна — меня, а мы другъ друга стоимъ.

Любовь Сергѣевна.

Ужъ это что говорить: мы съ вами премилая парочка.

Касьянъ Созонтовичъ.

И по уму, и по красотѣ.

Любовь Сергѣевна.

О, да!

Касьянъ Созонтовичъ.

Любовь Сергѣвна! Я все вижу. Вы колеблетесь? Я понимаю: трудный шагъ... Скажите мнѣ, могу-ли я, покрайней мѣрѣ, надѣяться?

Любовь Сергѣевна.

Согласитесь, Касьянъ Созонтовичъ, что сразу отвѣтить на это нелегко.

Касьянъ Созонтовичъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, тутъ дѣло касается цѣлой жизни. Но вы мнѣ дадите слово подумать, пораспросить свою душу, свои чувства, не правда-ли?

Любовь Сергѣевна.

Разумѣется. Мало того: намъ непремѣнно нужно объ этомъ напередъ посовѣтоваться: мнѣ съ Мишелемъ, а вамъ съ Катериной Ивановной....

Касьянъ Созонтовичъ (*какъ облитый цѣлымъ ушатомъ холодной воды, устремивъ неподвижно глаза въ землю и глупо разводя руками*).

Это.... Это.... Любовь Сергѣвна.... называется...

Любовь Сергѣевна.

Благоразуміемъ и осмотрительностію (*смѣется*). А вы какъ думаете, Касьянъ Созонтовичъ?

(*Касьянъ Созонтовичъ какъ будто что-то соображаетъ*).

Свищоуховъ (*тихо*).

Ну, будь я на мѣстѣ Касьяна, такъ я бы, кажется, треснулъ ее этой бутылкой.... Какова насмѣшка! (*потрясаетъ бутылкой*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Свиноруловъ (*изъ лѣсу, какъ тигръ, въ два прыжка, накидывается на Свиноухова*).

Грабятъ!! Караулъ!!!..

Любовь Сергѣевна (*испуганно вскакиваетъ*).

Батюшки! Что это такое? (*увидавъ Свиноухова и Свиноруловa, быстро убѣгаетъ въ лѣсъ*).

Касьянъ Созонтовичъ (*обводитъ глазами поляну*).

Ничего не понимаю, хоть убей!

(*Крысинскій подымается изъ-за кустовъ и смотритъ черезъ сцену*).

Свиноруловъ.

Гдѣ бутылка? Отдай бутылку! Моя бутылка!

Свиноуховъ.

Да чортъ съ тобой, бери ты ее, только меня отпусти. Задушилъ, ей-Богу, задушилъ.—Соссъ Павлычъ, Бога-ради слѣзь!

Свиноруловъ (*осѣдлавъ Свиноухова*).

Врешь! (*схватываетъ бутылку*) Вотъ она—грошъ дана!.... (*откупориваетъ бутылку. Свиноуховъ все время старается высвободиться*).

Касьянъ Созонтовичъ.

Что такое?!.... Не понимаю, хоть тресни!....

Крысинскій.

Да какъ не понимаете? Посмотрите вонъ туда (*показываетъ рукой*).

Касьянъ Созонтовичъ (*протирая глаза*).

Генрихъ Карлычъ! Вы откуда? Будто, изъ земли выросли.....

(*Крысинскій, не слушая его, смотритъ черезъ голову на Свиноухова и Свиноруловa*).

Да гдѣ-же Любовь Сергѣвна? Или это сонъ? Генрихъ Карлычъ, да гдѣ-же Любовь Сергѣвна?

Крысинскій.

Никакой Любови Сергѣвны здѣсь нѣтъ.

Касьянъ Созонтовичъ (*тихо*).

Стало быть онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ....Откуда-же онъ вынырнулъ? Но этотъ шумъ?.. Кого-то грабили.... (*громко*) Ничего не понимаю, ничего..... Столпотвореніе какое-то.....

Крысинскій.

Да вы проснитесь напередъ.

Касьянъ Созонтовичъ (*про себя*).

А-га! проснитесь! Стало быть я просто дремалъ, мнѣ приснилось....Да, это былъ сонъ, отвратительный сонъ.... (*Напряженно хлопаетъ глазами, поднявъ голову*) Генрихъ Карловичъ, я точно здѣсь немножко дремалъ.... но я проснулся, давно проснулся.... а все-таки ничего не понимаю.... Честное слово!—не понимаю.

Крысинскій.

Да вы встаньте и посмотрите вонъ туда (*показываетъ рукой. Касьянъ Созонтовичъ встаетъ и смотритъ на Свинорылова и Свиноухова*).

Свинорыловъ (*обозрѣвая сцену*).

Ба! Касьянъ Сезонтовичъ! За ваше здоровье! (*киваетъ головой и пьетъ черезъ горлышко*) А! Генрихъ Карловичъ! За ваше здоровье (*еще отпиваетъ, кивнувъ головой*) Кто тамъ еще? Гдѣ-же Любовь Сергѣевна?

Касьянъ Созонтовичъ (*про себя*).

Стало быть она была здѣсь? Это не сонъ.... Всѣ видѣли.... О, я несчастный!

Свинорыловъ.

Убѣжала! Ну, все равно... За ея здоровье! (*еще отпиваетъ*).

Свиноуховъ.

Господи, да помогите-же мнѣ избавиться отъ Сосса Павлыча. (*Пытается высвободиться*).

Свинорыловъ (*сохраняя за собой положеніе всадника, повременамъ вскрикиваетъ*):

Шалишь! Арабской породы! Только уши длинны. Ишь ты—брыкается! А ты—рысцей. Огневая! (*повременамъ глотаетъ изъ бутылки*).

Касьянъ Созонтовичъ (*про себя*).

Впрочемъ, за этимъ скандаломъ, можетъ и замнется мой-то.... (*громко*) Кукша Семенычъ! да вы пощекотите Сосса-то Павлыча подъ мышками,—онъ сейчасъ и соскочитъ.

Свиноуховъ.

Не могу.

Крысинскій.

Вы бы, Касьянъ Созонтовичъ, взяли его за-шиворотъ да и стащили-бы,—вотъ и все.

Касьянъ Созонтовичъ.

Суньтесь-ка сами, такъ онъ треснетъ васъ бутылкой-то. (*Заложивъ руки въ карманы*) Кукша Семенычъ, да вы прыгните хорошенько, такъ онъ и слетитъ, Соссъ-то Павлычъ, право. Попробуйте-ка.

Свинорыловъ.

Да не могу-съ.

Крысинскій.

Ну, полноте, Соссъ Павлычъ, чудотворъ вы этакой! Бросьте это, наплюйте! оставьте Кукшу Семеныча!

Свинорыловъ.

Извольте, братцы! готовъ. Только споемте напередъ (*запѣваетъ*): „Солнце на закатѣ, время на утратѣ.... Сѣли дѣвки на лужокъ, гдѣ муравка и цвѣтокъ". (*При послѣднихъ словахъ въ тактъ пѣсни подпрыгиваетъ*).

Свиноуховъ.

Ой, батюшки! Совсѣмъ смерть приходитъ! Караулъ!!!

Свинорыловъ (*вскакиваетъ*).

Ха, ха, ха! Вотъ это будетъ пикникъ.

(*Свинорыловъ и Крысинскій хохочутъ, Свиноуховъ съ трудомъ подымается, Касьянъ Созонтовичъ стоитъ въ прежней позѣ, какъ-бы что-то обдумывая*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Балалайкинъ (*вбѣгая*).

Что такое? Что сдѣлалось, господа? Что за гвалтъ? Кто? кого? за что? что это значитъ? Касьянъ Созонтовичъ, будь другъ, объясни: въ чемъ дѣло?

Касьянъ Созонтовичъ.

Нуте-ка, къ чорту! Отвяжитесь, пожалуйста!

Балалайкинъ.

Генрихъ Карлычъ, хоть вы растолкуйте, что тутъ было? Али всѣ ужъ здѣсь очумѣли?

Крысинскій.

Да ничего особеннаго; просто Соссъ Павлычъ намялъ бока Кукшѣ Семенычу,—ну и только.

Балалайкинъ.

Ха, ха, ха! Вотъ люблю! Ай, Соссъ Павлычъ, молодчина! Значитъ, скандалъ устроилъ? Люблю. Кукшѣ Семенычу слѣдуетъ, онъ—ренегатъ. Ахъ, чортъ возьми, этакъ и я не утерплю: что-нибудь да выкину.

Свиморыловъ.

(Ходитъ по сценѣ впередъ и обратно, обнявъ обѣими руками на груди бутылку и потому нѣсколько сгорбившись. Говоритъ во все время, пока остается на сценѣ, не останавливаясь и ни къ кому въ особенности не обращаясь).

Ну, намялъ бока, что-жъ такое? Впередъ умнѣе будетъ. У всякаго барона—своя фантазія; всякій веселится по своему. Я другимъ не мѣшаю и мнѣ не мѣшайте. Захотѣлъ выпить, выпью. Меня не тронь: бока намну..... Всѣмъ намну, мнѣ все одно.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Входитъ Свингинъ, а за нимъ толпа мужчинъ и женщинъ. Крысинскій вмѣшивается въ толпу.

Свингинъ.

Здѣсь шумъ-съ, нарушеніе тишины и спокойствія-съ! Кто звалъ о помощи и почему-съ?

Свиморыловъ.

Слышалъ звонъ, да не знаетъ—откуда онъ.

Балалайкинъ.

Соссъ Павлычъ намялъ бока Кукшѣ Семенычу. Вотъ, смотрите (*показываетъ на Свиноухова*),—какой онъ убитый стоитъ: сейчасъ заплачетъ.

Свиньинъ.

Соссъ Павловичъ! это не хорошо-съ.... Умный человѣкъ-съ... Не хорошо-съ.

Свинорыловъ.

Дураковъ надо учить. Не задѣвай меня—и я не трону. Вздую еще не такъ.

Свиньинъ.

Что это у васъ за бутылка-съ?

Свинорыловъ.

Это—коньякъ. Хотѣли отнять, да руки коротки.

Свиньинъ.

Отдайте коньякъ Кукшѣ Семенычу!

Свинорыловъ.

Пусть попробуетъ—возьметъ самъ. Я ему покажу — каковъ на этой бутылкѣ этикетъ.

Свиньинъ (*къ лакею*).

Иванъ, возьми бутылку у Сосса Павловича.

Иванъ.

Не смѣю-съ,—убьютъ-съ.

Свиньинъ.

Тебѣ говорятъ, дуракъ, возьми!

(Иванъ робко выдѣляется изъ толпы и осторожно нѣсколько шаговъ подвигается къ Свинорылову).

Свинорыловъ.

Ворона! не лѣзь, тресну. Чисто сдѣлаю! (*Иванъ ретируется*).

Свиньинъ.

Соссъ Павловичъ, поѣзжайте домой-съ.

Свинорыловъ.

Съ какой радости я поѣду? Пикникъ, слава тебѣ Господи, только что начинается. Я еще повеселюсь.

Крысинскій.

Ваше удовольствіе такое, что въ пикникѣ не нуждаетесь. Пейте дома, сколько душѣ угодно.

Свинорыловъ.

Какъ можно. Все лучше на вольномъ-то воздухѣ. Опять-же здѣсь общество... Какое сравненіе!

Селитеровъ.

Зачѣмъ-же вы, Соссъ Павловичъ, бока-то намяли Кукшѣ Семенычу?

Свиноруловъ.

Не лѣзь, не тронь чужое.

Свиноуховъ.

Соссъ Павловичъ, грѣха вы не боитесь! Коньякъ-то купленъ не для васъ однихъ, да притомъ-же вы его взяли отъ всѣхъ насъ тайно..... Не много, не мало, а двѣ бутылки..... Да наконецъ, вы должны были понять, что я хлопоталъ не о напиткѣ, а старался, чтобы все было прилично.... Я боялся за васъ, Соссъ Павловичъ, и.... не ошибся къ несчастію.

Свиноруловъ.

Да ты что за птица? Вздумалъ командовать!..

Свиноуховъ.

Я распорядитель.

Свиноруловъ.

Распорядитель? Мы этакихъ распорядителей-то.... *(дѣлаетъ энергическое движеніе ногой)*. Знаешь?.. Д-д-уракъ!

Свиноуховъ.

Я знаю, вы на все способны.

Свиноруловъ.

Распорядитель! А это что? *(показываетъ указ. палецъ, сложенный въ видѣ воронки, и говоритъ потомъ тономъ пояснения)*. Ухо свиное... Видѣлъ?

Свиноуховъ.

На этакія-то оправданья вы мастеръ.

Свиноруловъ.

Разговаривай побольше, такъ я тебѣ еще что-нибудь покажу.

Свиньинъ.

Что-же мы, господа, будемъ дѣлать съ Соссъ Павловичемъ?

Селитеровъ.

Самое лучшее—оставить его въ покоѣ.

Свиноруловъ.

Умно сказано. Меня не тронь—и я не трону. Онъ накинулся на бутылку, а я на него,—вотъ и все тутъ. Вотъ и Касьянъ Со-

зонтовичъ видѣлъ.... Онъ еще тогда на счетъ любви проходился... Объяснялся, значитъ.

Свиньинъ.

Кто это на счетъ любви-съ?

Свинорыловъ.

Касьянъ Созонтовичъ.

Свиньинъ.

Скандалъ-съ.

Катерина Ивановна (*съ видомъ грозной Немезиды выдвигается изъ толпы*).

Касьянъ Созонтычъ, вы въ любви объяснялись? Какъ это мило? И кто могъ подумать? Такъ вотъ вы зачѣмъ на пикники-то ѣздите? Кто-жъ эта счастливица? Позвольте узнать. Вѣдь это тайной теперь остаться не можетъ,—узнаемъ!

Касьянъ Созонтовичъ.

Нуте-ка, Катерина Ивановна, отвяжитесь Бога-ради!

Катерина Ивановна.

Отвяжитесь! Каково!? Сдѣлайте одолженіе, Касьянъ Созонтовичъ,—я не назойлива, нѣтъ; я смирное, слабое существо, робкое созданіе, я отвяжусь.... Хо, хо, хо!... какъ это съ вашей стороны деликатно!... Я принимала въ васъ участіе, жалѣючи васъ, какъ человѣка одинокаго. Конечно, нынче трудно ожидать отъ мужчинъ благодарности; но я, право, имѣла глупость думать, что вамъ нетрудно было-бы понять, какъ иногда люди великодушно собой жертвуютъ. Вы очень много думаете о себѣ, Касьянъ Созонтычъ! Это я вамъ всегда говорила, и вотъ теперь скажу при всѣхъ: очень много думаете.

Толпа (*апплодируетъ съ криками*).

Браво! Ай да Катерина Ивановна!

Ораторъ, что говоритъ!

Касьянъ Созонтовичъ.

Катерина Ивановна, матушка, замолчите на минутку, Христа [illegible]

Катерина Ивановна.

[illegible], никогда не замолчу! Это довольно смѣшно. Въ та[illegible] вѣтренность! Вѣдь вамъ ужъ пятьдесятъ пять

лѣтъ, стыдитесь, Касьянъ Созонтычъ! Ну, и что-же вы получили? Навѣрно носъ? Кайтесь!—все равно, узнаемъ.

Касьянъ Созонтовичъ.

Катерина Ивановна, есть-ли у васъ крестъ-то?

Катерина Ивановна.

Вы на себя оглянитесь, Касьянъ Созонтычъ, у васъ есть-ли? (*къ Свинорылову*). Соссъ Павлычъ, скажите пожалуйста, вѣдь онъ носъ получилъ? да?

Свинорыловъ.

Не мое дѣло. Вонъ Свиноуховъ подслушивалъ: онъ знаетъ.

Свиноуховъ.

Что за подлость, Соссъ Павлычъ.... Я на такія низости неспособенъ.

Свинорыловъ (*показывая уголъ пальто, извѣстнымъ образомъ сложенный*).

Видѣлъ?

Свиноуховъ.

Согласитесь, господа, что наконецъ всякое терпѣніе можетъ лопнуть... Послѣ этого честь всякаго въ опасности.

Свинорыловъ.

Боится потерять, чего у него нѣтъ.... А ты береги, что имѣешь.... Рожу свою, напримѣръ. Она-же у тебя притомъ въ двухъ экземплярахъ.....

Свиноуховъ.

Кончите-же, господа, какъ-нибудь со всѣмъ этимъ.... Это ужъ черезъ-чуръ.....

Касьянъ Созонтовичъ.

Да, пожалуйста, господа!

Свиньинъ.

Не знаю, что дѣлать-съ! Растерялся совсѣмъ-съ. Если-бы здѣсь была полиція-съ....

Катерина Ивановна.

Нѣтъ, зачѣмъ баловать. Пусть Касьянъ Созонтовичъ очиститъ свою совѣсть публичнымъ покаяніемъ.... тогда мы и кончимъ. Касьянъ Созонтовичъ, разсказывайте—мы всѣ васъ слушаемъ. Ахъ, Господи, какъ это смѣшно! ха, ха, ха!... Ну, что-же она? Разсказы-

вайте, ловелась вы этакій.... старый! Пусть надъ вами всѣ смѣются..... ха, ха, ха!... Надъ вашей глупостью.... ха, ха, ха!...

Толпа.

— Браво!...
— Прекрасно!...
— Казнь!...
— Покаяніе!...
— Ха, ха, ха!...

Изобрѣталовъ (*выдвигаясь изъ толпы и обращаясь къ ней съ видомъ человѣка, глубоко взволнованнаго*).

Милостивые государи и государыни! Есть факты, которые по своей грубости въ глазахъ развитыхъ людей кажутся возмутительными вездѣ, гдѣ-бы они не случились. Они могутъ быть терпимы только въ такомъ обществѣ, которое еще не освободилось отъ варварскихъ традицій. (*Пауза*) Затѣмъ, есть чувства, есть особенныя струны въ душѣ человѣка, до такой степени нѣжныя и воспріимчивыя къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, что всякое, даже самое слабое неосторожное прикосновеніе къ нимъ сторонняго человѣка можетъ возбуждать ужасный диссонансъ. Я говорю о сердцѣ человѣка, и въ особенности о его лучшихъ чувствахъ, называть которыя я, впрочемъ, не буду: языкъ не выработалъ еще достойныхъ словъ, но я не сомнѣваюсь, что благородное общество меня понимаетъ.

Толпа.

— Понимаемъ, понимаемъ!
— Продолжайте, продолжайте!

Изобрѣталовъ.

Сердце человѣка—это небесная арфа, изъ которой можетъ извлекать дивную гармонію только одинъ неподражаемый въ искусствѣ виртуозъ—природа. (*Пауза и смѣшливые*). Здѣсь-же мы присутствуемъ при одномъ изъ грустныхъ эпизодовъ нашей общественной жизни: грубаго вторженія во святая святыхъ человѣческаго сердца. Кто не лишенъ нравственнаго слуха, тотъ слышалъ здѣсь уже не диссонансъ, а вопль, цѣлую бурю звуковъ той незримой тайн-

ственной арфы..... Я не буду осуждать слово, вырвавшееся изъ сердца, ближе всѣхъ заинтересованнаго въ этой грустной исторіи....

Толпа.

— Какой тонкій намекъ на такую толстую вещь, какъ Катерина Ивановна....

— Господа, тише!

— Слушайте, слушайте!

Изобрѣталовъ.

Я протестую только противъ того шума, который вышелъ изъ пустяковъ; противъ тѣхъ данныхъ, на которыя обратило вниманіе наше общество; тѣхъ данныхъ, которыя обязаны воображенію, ненормально напряженному подъ вліяніемъ извѣстнаго физическаго возбудителя.... Самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать,—это немедленно уйти отсюда, предоставивъ Сосса Павловича самому себѣ... (*отклоняется и примыкаетъ къ толпѣ*).

Свиноруловъ (*двигаясь быстрѣе*).

Дурацкій бубенъ! Шкура барабанная!

Толпа (*апплодируя*).

— Браво!...

— Превосходно!...

— Какой огонь!

— Вотъ—это рѣчь, признаюсь!

— Браво! браво! браво! Ура!

Свиноруловъ (*стараясь осилить голосъ толпы*).

Барабанъ! Бубенъ! Чепуха! Шкура барабанная.... свиная....

Свиньинъ.

Monsieur Изобрѣталовъ! вашу руку! (*жметъ ему руку*) Благодарю! Господа, идемъ-съ!

Балалайкинъ (*вскрикиваетъ*).

Allons enfants de la patrie (*Мгновенно вскакиваетъ на плечи Свиньина и держитъ его за уши, оттопырівъ ихъ*). Господи, я управляю всѣми владѣніями Висаріона Ларіоновича Султанъ-Кадыкъ-Свиньина!!! Впередъ! безъ страха и сомнѣнья!!....

(*Толпа выражаетъ подавленный восторгъ*).

Свинынъ (*описывая полукругъ по сцен*ѣ).

Климъ Ильичъ, это не хорошо-съ! Я этого не потерплю-съ!... Прошу оставить вашъ постъ-съ....

Балалайкинъ.

Сію минуту, генералъ!.... До перваго дерева. (*Толпѣ*) За мной,

Tas des cochons!

Tarchons, marchons!!!

(*Свинынъ скрывается въ лѣсу. Нѣкоторые въ толпѣ хохочутъ, поджавши животики; другіе-же выражаютъ негодованіе*).

Голоса.

Онъ оскорбилъ все общество, всѣхъ!

— И онъ за это поплатится.

— Нѣтъ, это ужъ черезъ-чуръ! Такъ не шутятъ.

Какова дерзость: tas des cochons!... свиное стадо!.. А самъ-то онъ кто?..

Свинорылевъ (*кричитъ вслѣдъ толпѣ*).

Свинопасъ! (*оставшись одинъ на сценѣ*). Совершенная правда!.. Ни дать, ни взять—свиное стадо! Хоть-бы одинъ поросенокъ какой-нибудь отсталъ.. всѣ врутъ! (*Шавкинъ и Мышкинъ, помирая со смѣху, вбѣгаютъ на сцену*) Легки на поминѣ: цѣлыхъ два?

Шавкинъ.

Ну, вы, Соссъ Павловичъ, удрали штуку, а Балалайкинъ еще того лучше!.. Ха, ха, ха! Уморилъ!.. Ахъ ты, Господи!.. Ха, ха, ха!..

Мышкинъ (*кружась по сцен*ѣ).

Ха, ха, ха!.. Отпустите душу на покаянье!.. Ха, ха, ха!... Умру, ей-Богу, умру!... Ха, ха, ха!.. Ну, и скандалъ!.. (*протирая глаза*) На славу!..

Шавкинъ.

Вотъ такъ пикникъ!.. Ха, ха, ха!...

Мышкинъ.

Комическая опера... Ха, ха, ха!...

Свиноруловъ.

Ну, будетъ вамъ, ребята! Давайте треснемъ коньячку.

Шавкинъ *(успокаиваясь)*.

Съ большимъ аппетитомъ! (*беретъ бутылку*) Ну, удружилъ Соссъ Павлычъ, повеселилъ... Ха, ха, ха!.. (*пьетъ*).

Мышкинъ (*принимая бутылку*).

Тяпну и я съ этого переполоху. Просто думалъ лопну отъ надсады..... (*пьетъ*). Даже въ животѣ съ этой тряски все перепуталось.

Свиноруловъ (*беретъ бутылку*).

Ну-ка, теперь я. Ого, пусто. Обработали чисто.

Шавкинъ и Мышкинъ (*вмѣстѣ*).

Охулки на руку не положимъ.

Свиноруловъ.

Знатные ребята! Ну, на нашъ пай будетъ. Пойдемте—у меня еще есть запасъ. (*Уходятъ*).

Занавѣсъ.

Егоръ Красноперовъ.

ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ.

* * *

Собравшись большой вереницей,
На югъ далекій, весной,
Летятъ перелетныя птицы,
Простившись съ родной стороной...

* * *

Подъ ними лѣса вѣковые,
Равнины и цѣпи болотъ,
Вверху—небеса голубые
И группы мигающихъ звѣздъ...

* * *

Туда-же, въ тотъ край отдаленный,
По дикой дорогѣ лѣсной,
Уносится путникъ невольный,
Разставшись съ любимой семьей...

* * *

Вотъ лѣто проходитъ и птицы,
Прощально взмахнувши крыломъ,
Какъ прежде, летятъ вереницей—
Съ роднымъ повидаться гнѣздомъ...

* * *

А путникъ? За ними подняться,
Конечно, и онъ былъ не прочь,
Да трудно... За птицей гоняться
Безъ крыльевъ не всякому вмочь!...

Петръ Поволжскій.

ДОМА И ВЪ ВОЛЬНИЦѢ.

Передо мной—холодный мракъ могилы,
Передъ тобой—объятія любви.
Некрасовъ.

— Машенька, а Машенька! Опять ее нѣтъ, опять она ушла. И куда это она, Господи, Боже мой, шляется? Какой я несчастный! Только-бы мнѣ выздоровѣть, я бы ей показалъ, ужъ я ее проучилъ-бы... Знала-бы она, какъ.... Кахи, кахи, кахи, закашлялся Иванъ Ивановичъ и долго, болѣзненно, мучительно кашлялъ, надрывая грудь себѣ, и глухой кашель точно вылеталъ изъ пустой бочки. Въ то время скрипнула дверь и вошла жена Ивана Ивановича Злобина, Марья Ивановна, или просто Машенька.

— Гдѣ ты была? удушливо спросилъ Злобинъ. «А ты и не спишь?» спросила Машенька.

— Тебѣ говорятъ, гдѣ ты была?

— А я думала, что ты спишь; думаю, сбѣгаю въ лавочку и куплю Сашѣ пряникъ; вотъ и купила, и принесла. Ребенокъ и безъ того совсѣмъ стосковался.

— Поди, ты больше Саши тоскуешь, Машенька, съ больнымъ мужемъ... Грѣхъ тебѣ, Машенька! Ты думаешь, мнѣ легко все тебя тутъ держать на привязи, да вѣдь Богъ не безъ милостей, выздоровѣю, стану снова трудиться, добуду денегъ, тебя опять наряжать стану, снова съ тобой заживемъ по прежнему. Потерпи немножко: красные дни снова настанутъ.

Машенька упорно молчала.

— А знаешь, Машенька, что мнѣ пришло въ голову?—«А что?»—Какой-то новый дохтуръ изъ Петербурха пріѣхалъ; ужъ очень его одобряли въ больницѣ; ты туда сходила-бы къ нему и попросила его ко мнѣ, можетъ онъ вылечитъ меня скорѣе.

— Такъ чтожъ? Я пойду, попрошу его. Вотъ что—ты напиши ему записку, а я отнесу, можетъ быть дома не застану, такъ оставлю.

Иванъ Ивановичъ Злобинъ отыскалъ у себя кусочекъ чистой почтовой бумажки, досталъ стальное перо, сѣлъ кое-какъ у столика и написалъ записку слѣдующаго содержанія: «Иванъ Ивановъ Злобинъ, больной съ іюня мѣсяца кашлемъ и язвенной болѣзнью, желаетъ посовѣтоваться о скорѣйшемъ выздоровленіи и о способѣ къ излеченію съ докторомъ N. N., котораго и проситъ пожаловать въ свободное для него время. Адресъ: такой-то.»

Машенька схватила записку и, наскоро одѣвшись, быстро побѣжала къ доктору. Злобинъ остался одинъ и при немъ лишь двухъ-лѣтній Саша его.

— И зачѣмъ это человѣкъ хвораетъ? сталъ вслухъ разсуждать Злобинъ.—И долго-ли мнѣ еще мучиться, или ужъ мнѣ и не выздоровѣть? Что-то ужъ очень грудь ломитъ. И гдѣ то я могъ такъ простудиться? Все-бы ничего, ну похворалъ человѣкъ и баста, выздоровѣлъ,—опять за дѣло взялся; а то вотъ другой годъ кахи, да кахи, — совсѣмъ одолѣлъ проклятый кашель. Добро-бы я старикъ какой, а то вѣдь мнѣ всего-то 25-й годъ пошелъ съ Зимняго Николы, всего-то три года, какъ я женатъ. И пожить-то не успѣлъ. И что за напасть на меня? Чѣмъ я Господа Бога своего прогнѣвалъ? Ахъ! Грѣхи-то наши, грѣхи... А какъ я раззорился-то? Въ три года не оправиться. Легко сказать, все прожито, все ушло на леченіе, да на лекарства, да на всякія эти зельтерскія воды—и все толку нѣтъ. Одежу всю позаложилъ, скоро нечѣмъ будетъ жить. Бѣдная Машенька! Оно конечно, ей что? Знаю, что она меня любитъ, да какой съ меня прокъ. Все сама да сама. Прежде, какъ достатокъ былъ, прислугу держалъ, а теперь что? Все-же она должна за мной присмотрѣть да позаботиться. Кому-же больше: на то она мнѣ жена... Ну буду здоровъ, награжу всячески и обновъ всякихъ накуплю.

— Какъ я ее любилъ-то, да и она какъ любила меня... Ну здоровъ былъ, деньги были, жили весело, въ достаткѣ, хорошо было. Оно конечно, ей наскучило возиться со мной, съ больнымъ-то, все-же не то, что здоровый, хоть и мужъ, да и ребенокъ у нея

на рукахъ; а все же она должна помнить, что въ законѣ живемъ и баста. Избави Богъ, какъ-нибудь она того.... вздумаетъ.... Нѣтъ, не посмѣетъ....

Между тѣмъ Марья Ивановна спѣшила къ доктору и подорогѣ ее волновало очень серьезное раздумье. «Замаялась я съ нимъ. Легко сказать, другой годъ, какъ я не знаю покою ни днемъ, ни ночью. Только и отдохнула я, какъ онъ лежалъ въ больницѣ. И зачѣмъ онъ оттуда вышелъ? Раздражительный какой сталъ, просто ужасъ. Все подозрѣваетъ меня и мучится... Житье наше женское: самъ болѣнъ, жить нечѣмъ, все распродали и не смѣй ни съ кѣмъ видѣться, ни съ кѣмъ слова сказать, никуда не смѣй сходить... А какъ онъ умретъ? Куда я дѣнусь съ ребенкомъ? Вѣдь Василій Петровичъ женатъ... И ума не приложу, что мнѣ дѣлать, и посовѣтоваться не съ кѣмъ. Василій Петровичъ все шутитъ, все успокоиваетъ... Вотъ если-бы Василій Петровичъ не былъ женатъ, а Иванъ Ивановичъ все равно долго не проживетъ, тогда хорошо было-бы, зажила-бы я снова. О, Господи! Вѣдь я еще такъ молода да и не уродъ какой... А Иванъ Ивановичъ какой злой сталъ, точно собака на сѣнѣ, прости Господи!»

Марья Ивановна очутилась у дверей квартиры врача, позвонила; узнала, что врача нѣтъ дома, отдала записку, очень просила, чтобы докторъ пожалуйста пришелъ, и поторопилась возвратиться домой. На обратномъ пути Марья Ивановна задумалась еще грустнѣе. «А жалко мнѣ Ивана Ивановича. Жили мы съ нимъ очень хорошо; не жалѣлъ онъ для меня ничего, баловалъ всѣмъ, угождалъ, ласкалъ всегда... Какъ-бы новый докторъ уговорилъ его возвратиться въ больницу, можетъ онъ тамъ выздоровѣлъ-бы. Какой онъ худой сталъ и сила въ немъ, какъ въ маломъ ребенкѣ... Знать, не быть ему здоровымъ. Должно быть нѣтъ ему вѣку...» Марья Ивановна возвратилась домой.

— Это ты, Машенька?—«Я»—Что такъ долго? Не заходила-ли куда?—«Куда-бы я захаживать стала. Докторъ, поди, не близко живетъ.»

— А что-же онъ сказалъ?—«Дома не было, записку оставила, обѣщали прислать.»

— А онъ далеко живетъ? «Нѣтъ, недалеко».

— Такъ чего-же такъ долго ходила? съ сердцемъ спросилъ Иванъ Ивановичъ и сильно закашлялъ.—Куда-нибудь по дорогѣ завернула? задыхаясь отъ кашля, саркастически допытывалъ Иванъ Ивановичъ.

— Никуда я не завертывала, да и некуда, обиженно проговорила Марья Ивановна.

— И тебѣ не грѣхъ, Машенька, огорчать меня больного? удушливо произнесъ Злобинъ.

— Чѣмъ-же я тебя огорчаю, скажи ты мнѣ пожалуйста. Мало что-ли, я за тобой смотрю? И днемъ, и ночью покою не знаю.... По цѣлымъ днямъ ничего не ѣмъ, инда ноги подкашиваются, платье свое все пораспродала, не во-что перемѣниться; все для тебя, все тебя лелѣючи; а ты еще съ попреками! Стыдился-бы право, да и здоровью твоему это не въ прокъ: ты спокойнѣе былъ-бы, скорѣе-бы выздоровѣлъ.

— Знаемъ мы васъ съ сладкими рѣчами, а на умѣ у тебя совсѣмъ не то. Только-бы мнѣ выздоровѣть, я научу тебя какъ, значитъ, должна ты уважать законнаго супруга. Да и теперь не позволю тебѣ надо мной потѣшаться....

Злобинъ сильно закашлялся.

— Бога ты побойся, Иванъ Ивановичъ. Съ чего ты взялъ, чего ты выдумалъ и что это у тебя все думы какія подозрительныя?

— Молчи, не смѣй перечить,—задыхаясь отъ гнѣва и кашля, прохрипѣлъ Злобинъ.

Въ это время раздался незнакомый шумъ шаговъ; дверь отворилась и вошелъ докторъ въ тяжелой енотовой шубѣ и теплыхъ валеныхъ колошахъ.

Суровая зима. Трескучіе морозы, разъ зарядивши, не переставали. Начавшись еще осенью, зима такъ дружно пошла, что большинство бѣдныхъ людей не успѣли хорошенько оглянуться, какъ ихъ застигла чуть не врасплохъ и сильная стужа, и метель, наметавшая сугробы снѣга чуть не вровень съ домами. Узенькія тропинки, ведущія въ убогія жилища бѣдныхъ мѣщанъ въ отдаленной части города, совсѣмъ занесло. Врачу стоило не ма-

лаго труда отыскать бѣдное жилье своего новаго паціента. Войдя въ дверь, онъ спросилъ, гдѣ живетъ Злобинъ. Ему сказали: «тамъ, на задахъ.» Дѣйствительно, на заднемъ дворѣ стояла небольшая избушка, куда даже не было тропинки и пришлось просто пробираться по снѣгу въ бродъ. Добравшись до избушки, врачу необходимо было сильно нагнуться, чтобы войти чрезъ низенькія двери въ крошечную комнату. Врачъ своей головой подпиралъ потолокъ. Едва можно было повернуться,—такъ тѣсно было тутъ, у русской печи. Эта русская печь и служила точкой опоры для того, чтобы раздѣлить небольшое пространство на три части или комнаты, изъ коихъ одна служила кухней, другая—залой, а третья—спальной. Названія эти, конечно, далеко не соотвѣтствовали сущности, ни по формѣ, ни по содержанію. Въ спальнѣ, на деревянной кровати, вятской работы лежалъ больной мѣщанинъ Иванъ Ивановъ Злобинъ. Обстановка самая убогая. Въ залѣ, въ углу, небольшой столикъ, покрытый полинялой, истертой бумажной скатертью, два-три деревянныхъ стула и на двухъ окнахъ, обледенѣлыхъ сверху до низу,—стояли два горшка геранiи. Тутъ вертѣлся испуганный карапузикъ, смотрѣвшій удивленно во всѣ глаза на новаго гостя. Въ изодранной рубашенкѣ, въ валеныхъ сапожкахъ, но съ красными руками и носомъ отъ холода. Казалось, что вотъ онъ сейчасъ зареветъ благимъ матомъ. Въ рукѣ у него кусокъ чернаго хлѣба. Сама Марья Ивановна представляла молодую здоровую бабенку, довольно округленную, русско-татарскаго типа, съ черными игривыми глазками, съ вздернутымъ носомъ, съ алыми губками, окаймлявшими небольшой ротъ. На ней было поношенное измятое платье, когда-то сшитое по модѣ, съ разными претензіями, но потерявшими современное значеніе. Донашивалось послѣднее. Кое-какъ причесанная, она прикрыта была старенькимъ, сѣренькимъ, поношенымъ, шерстянымъ платочкомъ. Она не была красива, но смуглый цвѣтъ лица и скромное, застѣнчивое выраженіе глазъ—придавало ей какой-то привлекательный оттѣнокъ. Подъ грустнымъ выраженіемъ ея физіономіи, свято отражавшемъ страдальческое настроеніе ея наболѣвшей души, струился цѣлый родникъ стремленій и желаній наслажденія, любви, взаим-

лился въ какую-нибудь пропасть, а вышелъ оттуда, такъ точно снова народился: свѣтъ мнѣ вдвое милѣй, краше прежняго.

— Что вы, что вы, что вы? Врачи у васъ тамъ люди хорошіе.

— Слова нѣтъ, врачи очень хорошіе люди. Я вотъ лежалъ въ хирургическомъ отдѣленіи; тамъ дохтуръ очень хорошій, добрый и внимательный, ну и только. Ну, а все остальное тамъ изъ рукъ вонъ плохо.

— Ну какъ: вѣдь кормятъ тамъ теперь хорошо?

— То-есть просто гадость: ѣсть ничего нельзя.

— Какъ такъ! Чай вы тамъ пили?

— Пилъ да свой. Больничный чай,—это такая гадость, такая мерзость, что и сказать нельзя; одна муть, теплая грязная водичка... Для чего его тамъ даютъ? Точно на смѣхъ. На цѣлую палату щепотку чаю и по 2 кусочка сахару на человѣка. Это на утро и вечеръ. Много-ли тутъ корысти. Все равно, что ничего. Чѣмъ такой чай, лучше его совсѣмъ-бы не надо. А посмотрѣли-бы вы, какъ жадно больные-то пьютъ эту бурду, потому русскому человѣку нельзя безъ чаю. Ты ему ѣсть не давай, а чай для него дороже всего, всякихъ этихъ лекарствъ,—всего, всего! Со мной рядомъ лежалъ мужичокъ; ему тамъ прописывали и приносили всякія лекарства: онъ всѣ ихъ выливалъ за окно, или въ тазъ, а чай раза три, четыре въ день выпрашивалъ то у меня, то у другаго; только имъ и пробивался.

— А пища тамъ хорошая?—спросилъ врачъ.

— Скверная. Какая тамъ пища? Супъ—одни помои, а жаркое—кусокъ сухой говядины; даютъ и котлеты, да это что? Какія-то онѣ твердыя, сухія, не прожаренныя на маслѣ, а на водѣ; жуешь, жуешь ее, инда челюсти заболятъ, едва проглотишь. На какой-то машинкѣ, говорятъ, дѣлаютъ. Нѣтъ, не хороши. Щи, точно, иногда бываютъ сносные—и вся тутъ... Какая это пища? Молока съ трудомъ выпросишь, а коли выпьешь, брюхо пучитъ, въ животѣ боль...

Въ это время врачъ, осматривая всю убогую обстановку, печальное выраженіе лица Марьи Ивановны, ея нищенское платье, сразу понялъ, какъ тягостно ея положеніе, и что ей пріятнѣе было-бы однакоже облегчить тяжкое бремя, снова сдавъ безнадежно

больного мужа въ больницу. Для облегченія ея сердечныхъ мукъ, ей, казалось, необходима была извѣстная доля свободы.... Предугадывая это, врачъ обратился къ больному снова съ убѣждающимъ тономъ:

— За то тамъ уходъ хорошій, въ больницѣ-то!

— То-есть никакого. Только когда дохтуръ осматриваетъ больныхъ, такъ тутъ всѣ налицо. Обѣгаетъ палаты дохтуръ, остановится, гдѣ по важнѣе больной, на иного мелькомъ взглянетъ да и скажетъ: «продолжайте тоже самое»—съ тѣмъ и ушелъ. Какъ дохтуръ ушелъ, фершалъ точно сквозь землю провалится... Кабы не сторожъ, некому было-бы перевязку сдѣлать. Сторожа сами перевязки дѣлаютъ,—статочное ли это дѣло?.. Ночью хоть околѣвай, тебѣ никто напиться не подастъ...

— А надзирательница?

— Надзирательница,—та больше за чистотой да за порядкомъ; все-же онѣ барыни, не ихнее, значитъ, дѣло ночью за больными присматривать. Нашему брату совсѣмъ невыгодно лечиться въ больницѣ: шесть рублей въ мѣсяцъ отдай, сахаръ и чай свой, а захотѣлъ чего, опять покупай, да еще украдкой, да сторожу заплати за то, что онъ сходитъ купитъ, фершалу дай, ну и прочее такое....

— Позвольте, перебилъ его врачъ; но на дому лечиться, вѣдь, вамъ это дорого будетъ стоить. Вотъ хоть сейчасъ: сколько надо будетъ потратить на лекарство, а у васъ едва-ли есть средства на что лекарства купить.

— Вы мнѣ скажите, что будетъ стоить леченіе, а на лекарства я найду.

— Я съ васъ за леченіе ничего не возьму!

— Мнѣ этого не надо. Хоть мы и простые люди, а понимаемъ, что всякій трудъ чего-нибудь да стоитъ и я не желаю, чтобъ вы меня даромъ лечили. Я вамъ за каждый визитъ буду платить 2 рубля. Вотъ, а на первый разъ извольте получить три.

— При этомъ движеніи врачъ сконфузился: онъ не хотѣлъ и не имѣлъ въ виду этого обращенія.

— Вы эти деньги употребите на лекарства, а выздоровѣете, поправитесь, станете трудиться, тогда со мной расплатитесь; теперь-же я у васъ не возьму ничего, не хочу.

— Нѣтъ, дохтуръ, я иначе не желаю и лечиться, какъ за плату сейчасъ-же.

— Я не отказываюсь, сказалъ врачъ, но только не сейчасъ, и два рубля за визитъ слишкомъ дорого. Я готовъ лечить васъ безъ всякой платы, но если вы непремѣнно требуете отъ меня, чтобы я съ васъ бралъ деньги, то я больше рубля съ васъ за визитъ не возьму. Согласны?

— Согласенъ, сказалъ больной, и вотъ вамъ впередъ за три визита.

— Послушайте, сказалъ врачъ, а все-таки было-бы лучше вамъ поступить въ больницу. Отчего у васъ такой сиплый голосъ?

— Это ничего. У меня горло не болитъ. А это мы съ женой немножко поругались, такъ голосъ оборвался... А горло у меня не болитъ.

— Вотъ потому и лучше было-бы вамъ лечиться въ больницѣ: тамъ не съ кѣмъ будетъ ругаться, ссориться, а для вашего здоровья это очень вредно.

— Конечно, лучше было-бы...—вмѣшалась Марья Ивановна.

— Ты молчи, Машенька, сердито остановилъ ее Злобинъ. Не твое дѣло. Нѣтъ, дохтуръ, не лучше. На кого я ее оставлю съ ребенкомъ? Знаете, какой теперь народъ. Что будетъ, пусть будетъ, а я въ больницу не вернусь. Хочу дома лечиться.

— Ну, ладно! Такъ пришлите за мной, когда нужно будетъ, сказалъ врачъ и вышелъ.

— А тебѣ, Машенька, чего такъ хочется скорѣе меня сбыть съ рукъ въ больницу-то? Чтобъ самой вольготнѣе было?.. Надоѣлъ я тебѣ.....

— Я въ аптеку сбѣгаю, Иванъ Ивановичъ, сказала Марья Ивановна, чтобы отвлечь вниманіе больного отъ мучившаго его подозрѣнія.

— Иди!—сказалъ Злобинъ. Марья Ивановна быстро одѣлась и побѣжала. Злобинъ остался одинъ съ тяжелой думой, безъ всякой

надежды, безъ утѣшительнаго слова. «Значитъ, мое здоровье плохо, очень плохо; значитъ мнѣ ужъ не выздоровѣть. Былъ я здоровъ, былъ у меня и достатокъ; — служилъ я, работалъ и жена любила. Теперь-же я, — нищій, больной, скоро помру... А я такъ мало жилъ, такъ мало, такъ мало... Неужто и смерть пришла?... Что-же будетъ съ женой-то? Ей нуженъ мужъ здоровый и съ достаткомъ, а я что? Ахъ, Машенька, Машенька!.... И Злобинъ горько заплакалъ....

В. Португаловъ.

Самара, 12 декабря 1875 г.

* * *

Я жить хочу, а смерть глаза мои смежаетъ....
Я жить хочу! Кипучей жизни полна душа моя...
Мой умъ кипитъ работой...
Иронія и смѣхъ дрожатъ въ груди,
Немолчно сердце бьетъ тревогу,
Полно проклятья и любви!

Я жить хочу!... Пусть тѣло слабо,
Пусть смерть идетъ неслышною стопой,—
Я жить хочу, хоть мигъ еще единый,
Стремясь къ тебѣ душой своей ревнивой,
Тревожный міръ страстей и сусты!
Еще хоть разъ хочу борьбой упиться,
Еще хоть разъ хочу съ тобой страдать,
Задуматься мучительною думой
И мыслью въ даль столѣтій проникать...

Когда-жъ ударитъ молотъ неизбѣжный,
Я не хочу, чтобъ стонъ раздался изъ груди
И обезсиленный, раздавленный и жалкій
Упалъ я, утомясь, на жизненномъ пути...
Нѣтъ! я хочу сознательно въ часъ смерти
Грядущему свой духъ съ надеждой завѣщать,
Побѣдный крикъ издать въ минуту смертной боли,
Откликнуться на жизнь своимъ всѣмъ существомъ,—
И самый актъ ничтожества и смерти
Да будетъ жизни торжествомъ!

N. N.

КРЕЩЕНСКІЙ БОЙ НА КАБАНѢ*).

(Изъ характеристики казанскихъ нравовъ начала тридцатыхъ годовъ).

I.

Накапунѣ крещенскаго сочельника, въ столовомъ покоѣ богатаго купца Севастьяна Дормидонтовича Поскопева, часовъ въ 6 морознаго вечера, на столѣ весело шумѣлъ пузатый свѣтло-вычищенный самоваръ, обдавая клубами горячаго пара до одышки разъѣвшуюся хозяйку, напоминающую фигурой своей одну изъ семи тучныхъ египетскихъ коровъ. Двѣ сальныя свѣчи, вставленныя въ высокіе и тяжелые мѣдные подсвѣчники, освѣщали столъ и комнату, бросая въ ея углы и на потолокъ дрожащія, неправильныя тѣни.

На столѣ, вокругъ самовара, симетрично были разставлены: росписной сливочникъ съ диковинными топленными сливками, два фарфоровые росписанные золотомъ стакана съ ручками и двѣ фарфоровыя чашки, громадныхъ размѣровъ. На одной изъ нихъ, бо́льшей по объему, золотыми буквами было написано: „каво люблю, таво дарю“; на чашкѣ, поменьше,—золотая надпись гласила: „ѳъ денъ анделa“. На стаканахъ, тоже весьма почтенной емкости, были изображены летающіе не то амуры, не то пчелы. На большихъ росписанныхъ тарелкахъ грудами были навалены пшеничныя здобныя булки, крендели и лепешки.

Убранство комнаты соотвѣтствовало купеческимъ требованіямъ того времени, изъ котораго мы беремъ нашъ разсказъ. Въ переднемъ углу, оклеенномъ пестрыми шпалерами, стоялъ огромный кіотъ съ образами въ серебряныхъ, золоченыхъ и фольговыхъ ризахъ; передъ нимъ ярко горѣла большая неугасимая лампада; неподалеку отъ кіота висѣла въ деревянной рамѣ картина Страшнаго суда. По стѣнамъ комнаты тянулись тяжелые дубовые стулья, съ кожа-

*) Кабанъ—большое озеро въ Казани.

ими жесткими подушками, и огромный неуклюжій диванъ; въ простѣнкѣ, между оконъ, висѣло небольшое зеркало, отличавшееся способностью уродовать всякую физіономію; по противуположной стѣнѣ стоялъ огромный шкафъ съ посудой столовой и чайной. Украшеніе комнаты составляли картины всѣхъ форматовъ. Въ срединѣ, большая, изображала какого-то толстаго генерала съ косыми глазами, сидящаго на огромной лошади, у которой между ногъ стояли цѣлые полки солдатъ; по правую сторону генерала висѣла аркадская пастушка въ компаніи собаки, похожей на овцу, и овцы, похожей на собаку. Подъ картиной было слѣдующее четверостишіе:

Я- бѣдная пастушка...
Мой міръ—лишь этотъ лугъ;
Собачка мнѣ—подружка,
Барашекъ—милый другъ...

По лѣвую сторону косоглазаго генерала какая-то барышня, съ невыразимой улыбкой, нюхала красный цвѣтокъ съ желтыми листьями; дальше шли портреты: Меньшикова, Суворова и двухъ архіереевъ.

Хозяйка сидѣла на диванѣ и, отдуваясь, безпрестанно косила свои, жиромъ заплывшіе, очи на дверь, ведущую въ парадный пріемный покой, изъ котораго доносились мужскіе голоса. Наконецъ эта дверь отворилась и вошелъ хозяинъ въ сопровожденіи двоихъ гостей.

— Чай готовъ? спросилъ онъ.

— Перепрѣлъ ужъ, поди;—апатично отвѣтила супруга.

— Ну,—разливай, коли-то

Хозяйка стала разливать чорный, какъ деготь, чай, а хозяинъ и гости усѣлись по-домашнему вокругъ стола. Севастьяну Дормидонтычу было лѣтъ 48; онъ былъ высокъ и толстъ, съ рыжей окладистой бородой, въ длиннополомъ сюртукѣ; по всему объемистому животу его была распущена серебряная цѣпочка отъ огромныхъ, луковицеобразныхъ часовъ. Съ виду онъ былъ солиденъ и важенъ, и выглядѣлъ вполнѣ главой своей семьи,—ему все безпрекословно покорялось и услуживало. Даже теперь, при гостяхъ, супруга, раз-

ливъ чай, прежде собственноручно подала „*самому*“ купель „ѳъ денъ ангела,“ а потомъ уже предложила стаканы гостямъ.

— Вотъ и сливки—предложила было она, подвигая сливочникъ; но „*самъ*“ протестовалъ:

— Эфто не по нашей части,—сказалъ онъ.—Ты дай-ко намъ сливокъ-то отъ бѣшеной коровы.

— Да вѣдь завтра сочельникъ, Севастьянъ Дормидонтычъ! заикнулась было супруга.

— Такъ завтра-же, а седни-то что?.. Подавай,—не тебѣ ужъ, бабѣ, церковны-ти уставы уставлять... Степанида Савельевна достала изъ шкафа бутылку съ ромомъ и, молча, поставила на столъ. Чаепитіе началось.

— И что эфто Федоръ такъ долго тамъ валандается?... Неужъ, не пуститъ?—какъ-бы про себя проговорилъ Севастьянъ Дормидонтычъ, подливая рому.

— Да вы развѣ послали куда его?—опять осмѣлилась вступить въ рѣчь хозяйка, видя доброе расположеніе супруга.

— Слышь, въ бурсу—къ лехтору къ ихнему... Добрыню чтобъ сюда.

— Развѣ вы, Степанида Савельевна, не изволили слышать, что Исмангуловы съ Астрахани супротивъ Добрыни бойца вызвали?—спросилъ одинъ изъ гостей, съ быстрыми масляными глазками и козлиной бородкой, подвигая опорожненный стаканъ.

— Не слыхала про то.

— Какже-съ, помилуйте; позавчера еще прибылъ... За сто рублевъ вывезли; харчи и проѣздъ опять-же ихніе,—воодушевясь, началъ разсказывать гость. Видно было, что обстоятельство это сильно его интересовало.

— Седни я его самолично видѣлъ-съ,—продолжалъ онъ,—Исмангуловы зазвали меня въ лавку и онъ тамъ былъ... Стра-а-шилище!.. Росту—во! гость всталъ и поднялъ руку, какъ только могъ, высоко;—плечи-во!—гость отмѣрилъ сажень. А силища, что у лошади, диковинная: кулачищемъ по три кирпича заразъ разшибаетъ...

— А ты покажь ей—сказалъ Севастьянъ Дормидонтычъ, разглаживая бороду.

Гость торопливо откинулъ полу сюртука, досталъ изъ кармана шароваръ кошель, распустилъ его и, вынувъ надвое переломленный четвертакъ, подалъ хозяйкѣ.

— Вотъ-съ, извольте полюбопытствовать,—при мнѣ-съ разломилъ... Взялъ эфто ручищами-то да трахъ! словно щепочку,—только хрустнулъ;—я такъ съ диву и дался!

Хозяинъ и другой гость съ удивленіемъ качали головами, хотя уже не первый разъ слышали это; хозяйка апатично разсматривала сломанный четвертакъ, а словоохотливый очевидецъ продолжалъ:

— Когда, теперича, значитъ, онъ сломалъ, Исмануловъ, старшій то, и отдалъ его мнѣ; на, говоритъ, покажь Севастьяну Дормидонтычу, да скажи, говоритъ, что Добрынѣ онъ „башка кунчать, теперича, будетъ". Опослѣ-завтра чтобъ безпремѣнно, говоритъ, на бой были, сирѣчь—въ Хрещенье;—мы, говоритъ, и его выпустимъ.

— А русскій онъ будетъ? спросила хозяйка.

— Какъ эфто можно-съ! Развѣ русскій супротивъ своихъ пойдетъ? Татаринъ тоже, съ Астрахани, Абдрахманомъ прозывается...

— „Башка кончать"—съ усмѣшкой произнесъ хозяинъ.—Больно исшо рано бахвалиться-то стали... Добрыня-то исшо, можетъ, не такихъ видалъ.... Негматулка-то, ломовой, тоже силенъ, что быкъ, а все не супротивъ Добрыни... далеко.

— Эфто что говорить...

— Да какже... Аль опять Васька Котовъ,—тоже вонъ подковы, какъ крендели, ломать,—а на Добрыню-то сунулся—что вышло?...

— Какъ?! Развѣ у нихъ схватка была?—въ одинъ голосъ спросили заинтересованные гости.

— А то какъ-же... О прошлую исшо зиму у Подтекина въ трахтирѣ...

— Въ первой слышимъ... Какъ-же эфто у нихъ произошло?

— А такъ оно и произошло: Котовъ-то кутилъ тамъ въ трахтирѣ-то,—дѣло было праздничное. На Кабанѣ въ тотъ день бой былъ на рѣдкость!... Добрыню мы тогда подъ полѣнницей привезли...

— Такъ я, вѣдь, тогда былъ... Сколь смѣху было, какъ его изъ подъ полѣнницы-то вытаскивали...

— Ну, вотъ это въ тотъ самый разъ и произошло... Когда Добрыня татарву-то всю расшугалъ,—а они у насъ, окаянные, въ тѣ поры семерыхъ чуть не на смерть зашибли; еле-еле отдышались парни-то...

— Помню, помню... Ну, да и имъ досталось-же: Добрыня-то тогда всю Татарскую изъ конца въ конецъ прошолъ... Въ щели салмоѣды, что тараканы въ морозъ, попрятались; изъ-за забора развѣ гдѣ норовятъ полѣномъ, либо кирпичемъ...

— Злющіе,—что говорить!.. Вотъ когда онъ вернулся, я ему трёпницу и далъ на разгулъ, значитъ; онъ съ ней къ Подтекину... Пьетъ-то онъ мало, а болѣе того поѣсть охотникъ: въ бурсѣ-то тощо вѣдь кормятъ. Вотъ сидитъ это, знаешь, да хлѣбаетъ тамъ чего-то, и Котовъ тутъ же, въ трахтирѣ,—бурлитъ, задираетъ всякаго, и къ нему подлетѣлъ — въ одной рукѣ бутылка съ водкой, въ другой—стаканъ. Кто, говоритъ, ты таковъ?

— Бурсакъ, говоритъ...

— А Котовъ-то его не зналъ, значитъ?

— Слыхать слыхалъ, а съ лица не зналъ. Добрыня-то объявился, когда Котовъ еще въ Москвѣ былъ....

— А—а! бурсакъ, говоритъ, кутёхлёбъ значитъ.—Хошь водки?—Нѣтъ, не хочу. А тотъ сейчасъ въ амбицію:—какую, говоритъ, ты имѣешь полную праву, ежели я тебѣ приказываю?.. Ты знаешь—кто я таковъ есть?

— Нѣтъ, говоритъ.—Я Котовъ; помни эфто слово и перечить не моги—пей!.. Налилъ онъ ему стаканища огромный и поставилъ на столъ; а столъ-то, надо сказать, былъ дубовый, здоровенный такой—страсть!... Добрыня видитъ, что добромъ отъ него не отдѣлаешься: взялъ столъ за ножку одной рукой, да вмѣстѣ со стаканомъ и приподнесъ его Котову-то: выпей, говоритъ, ты напередъ!... Тотъ было заартачился, полѣзъ на него; а онъ его столомъ-то въ уголъ приперъ, да и давай давить... Такъ они столъ-то въ щепы расщепали, а Котову-то онъ совсѣмъ было и духъ выпустилъ! Съ тѣхъ-то поръ вотъ онъ и опознался Добрыню, и силой хвастаться бросилъ....

— Исшо какъ живъ остался?....

— Такъ вотъ оно какъ!... А тоже самъ подковы гнетъ...

Въ это время въ прихожей раздалось сморканье и шмыганье ногъ о половикъ.

— Чу, пришолъ, надо быть—встрепенулся хозяинъ и крикнулъ: Ѳедоръ, вы чтоль это?

— Мы, тятенька-съ — послышался отвѣтъ, и вслѣдъ за тѣмъ въ комнату вошли на „цыпочкахъ:“ — Ѳедоръ, сынъ Севастьяна Дормидонтыча, такой-же рыжебородый малый, лѣтъ 25-ти, съ плутоватой физіономіей, и другой—геркулесъ по росту и сложенію, лѣтъ повидимому подъ 30-ть.

Достаточно было-бы одного бѣглаго взгляда на этого богатыря, чтобы безошибочно признать въ немъ бурсака. Синій суконный сюртукъ, съ узкими продырившимися на локтяхъ рукавами, застегнутый до самаго горла, плотно охватывалъ его могучую высокую грудь и крутыя широкія плечи, къ которымъ были привѣшены длинныя мускулистыя руки. Короткіе нанковые брюки, обтянутые на колѣняхъ, не прикрывали красныхъ голенищъ огромныхъ сапоговъ; коротко остриженные волосы, отъ роду не знавшіе никакой смазки, торчали на огромной его головѣ въ разныя стороны, напоминая собой щетину кабана. Но не смотря на всю угловатость его фигуры, въ немъ было много и симпатичнаго: на смугломъ красивомъ лицѣ его отражалась бездна энергіи и въ тоже время доброты; въ быстромъ крутомъ поворотѣ головы чувствовалась несокрушимая сила и неустрашимость, а въ черныхъ сверкающихъ глазахъ свѣтилось достаточно ума и желѣзной воли.—Общее впечатлѣніе это еще болѣе усиливалось орлинымъ носомъ.

Вошедшій остановился у дверей и, держа обѣими руками теплую шапку, почти въ поясъ поклонился хозяину и хозяйкѣ, а потомъ и гостямъ, каждому на особицу.

— Ну, Добрынюшка, здорово!.. Слышалъ-ли? — спросилъ хозяинъ.

— Слышалъ, Севастьянъ Дормидонтычъ!—Ѳедоръ Севастьянычъ по дорогѣ сказывали—страшной октавой прогудѣлъ богатырь.

— Да ты чего стоишь-то? Бери стулъ да садись къ столу чай пить.

— Премного благодаренъ.

Бурсакъ подвинулъ стулъ и сѣлъ на самый его краешекъ, не выпуская шапки.

— А ослобонилъ-же тебя лехторъ-то?...

— До девяти часовъ уволили. Они къ вамъ въ благорасположеніи...

— Ну, слышь, Добрыня, въ Хрещенье бой будетъ—страсть!.. Астраханецъ биться будетъ,—смотри не оконфузь....

— По первоначалу надо будетъ посмотрѣть на него, какъ онъ бьется и изъ себя каковъ?—скромно сказалъ бурсакъ.

— Изъ себя—машина, слышь... Спиридонъ Петровичъ, разскажи ему—обратился хозяинъ къ очевидцу.

Повторился тотъ-же разсказъ. Бурсакъ слушалъ внимательно и напряженно; и только когда ужъ былъ предъявленъ ему сломанный четвертакъ—на губахъ его мелькнула улыбка.

— Силенъ надо быть,—сказалъ онъ;—но только все-же это не очень еще страшно...

— Молодецъ, Добрыня, не робѣй?..—встрепенулся довольный хозяинъ.

— Четвертакъ сломать не такъ, чтобы очень мудрено; бывало я рублевики ламывалъ;—продолжалъ бурсакъ, опустивъ глаза.

— Врешь! неужли?—воскликнулъ хозяинъ и полѣзъ за кошелькомъ.

— Вѣрно-слово говорю, Севастьянъ Дормидонтычъ.

— Коль изломишь—вотъ тѣ трёшница—сказалъ Посконевъ, подавая серебряный рублевикъ.

И только что успѣлъ онъ это сказать, какъ въ рукахъ бурсака рублевикъ хрустнулъ, и онъ молча и невозмутимо спокойно положилъ на столъ двѣ его половинки. Когда Севастьянъ Дормидонтычъ увидалъ, во что превратился въ страшныхъ рукахъ бурсака серебряный рубль — его точно что отбросило отъ стола; онъ вскочилъ и завертѣлся на одномъ мѣстѣ.

— Лѣшій!.. Чортъ!.. Озолочу!..—оралъ онъ во все горло и наконецъ раскатился оглушительнымъ хохотомъ.

Гости-же съ вытянутыми физіономіями переводили свои изумленные взгляды съ обломковъ монеты на бурсака и обратно, и разводя руками, хлопали себя по бердамъ. Даже у Степаниды Савельевны запылившіе глаза стали какъ будто шире; а сынъ ея, вытаращивъ глаза и розинявъ ротъ, щипалъ свою бородку, издавая какіе-то захлебывающіеся звуки.

— Покажь ты мнѣ лапищи-то свои,—изъ чего они у тебя сдѣланы?— успокоившись, спросилъ хозяинъ и сталъ разсматривать руки богатыря. Оказалось, что изъ-подъ ногтей большихъ пальцевъ богатыря выступило нѣсколько капель крови.

— Однако сказались-же... А-ахъ, ну, уважилъ,—то-ись вотъ какъ, кажись, въ смертный часъ помнить буду!.. Видали-ль?—обратился хозяинъ къ гостямъ.

— Отъ роду въ первой... То-ись даже вотъ,—доселѣ въ себя прійдти не можемъ...

— Спиридонъ Петровичъ! возьми ты эфту самую манету и отдай ее завтра Исмангулову, да отъ моего имени скажи ему, чтобъ онъ своего-то силача свезъ-бы, до грѣха, обратно въ Астрахань.. Ха, ха, ха... И ей-Богу!...

Севастьянъ Дормидонтычъ былъ въ чрезвычайно пріятномъ расположеніи духа.

— Степанида! обратился онъ къ женѣ,—покамѣсть дай-то мы выпьемъ, вели закуску намъ въ залу подать... Ну, и ты, Добрыня, перво на перво держи трёшницу,—да такъ и знай, вотъ тебѣ мое вѣрное слово:—коли ты въ Хрещенье, эфтаго самаго Барахмана при всемъ честномъ народѣ мнѣ отшлифуешь въ лучшемъ видѣ,—прошенье подавай къ намъ въ приходъ, въ дьяконы... Самъ хлопотать стану; къ архіерею самъ поѣду и невѣсту тебѣ найду съ приданымъ, а не-то—такъ, самъ положу ей... Вѣрно мое слово, помни!..

— Премного намъ благодаренъ, Севастьянъ Дормидонтычъ, отвѣтилъ радостно бурсакъ и, вставъ со стула, поклонился въ поясъ.

II.

Василій Никитичъ Добрынинъ былъ сынъ бѣднаго сельскаго дьячка, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ. Когда Васѣ

исполнилось 14 лѣтъ, отецъ привезъ его въ городъ и отдалъ въ бурсу. Извернувшись кое-какъ при этомъ, онъ купилъ ему новый затрапезный халатъ, двѣ пары лаптей, надѣлилъ его казной въ количествѣ двухъ гривенъ, — 21 коп. на ассигнаціи, — и сказалъ: «ну, сынъ, учись тутъ, какъ знаешь, а на мою помощь больше не разсчитывай, — взять мнѣ не откуда; у меня еще на хлѣбахъ-то, окромя тебя, пять ртовъ осталось, кормить ихъ надо,—а ты самъ себѣ добывай.»

И вотъ, 14-лѣтній мальчикъ, привыкшій къ тихой безхитростной сельской жизни, оставшись одинъ въ многолюдномъ городѣ, въ средѣ такихъ-же бурсаковъ-халатниковъ, почувствовалъ себя одинокимъ, какъ въ дремучемъ лѣсу.—Сначала онъ поплакалъ о матери, о родномъ гнѣздѣ, погрустилъ о своемъ другѣ—савраскѣ, отцовской клячѣ, о рѣкѣ, въ которой купался и ловилъ такихъ крупныхъ язей, о родной колокольнѣ, на которой часто звонивалъ и зорилъ галочьи гнѣзда; но бурсацкая закваска скоро коснулась и его—и сталъ онъ истымъ бурсакомъ. Много съѣлъ онъ березовой каши за разныя non-bene и nesciens;—но какъ ни старался, какъ не пыхтѣлъ надъ трудной бурсацкой наукой, — мудреная наука, какъ заколдованный кладъ, не давалась ему. Скверно бурсаковъ содержали и учили, еще хуже кормили, но несмотря на все это, богатырская натура Добрынина развивалась и крѣпла. Въ 16 лѣтъ онъ былъ уже настоящимъ спартанцемъ, съ презрѣніемъ относившимся къ физической боли, которую ему часто приходилось испытывать подъ ударами свистящихъ лозъ.

«Будучи въ наукѣ не радивъ», и просиживая въ каждомъ классѣ, вмѣсто положенныхъ 2 лѣтъ, по 4 года, онъ только на двадцать-второмъ году достигъ старшаго класса училища. Но такъ какъ педагоги лѣтами учениковъ не только не стѣснялись, а напротивъ чѣмъ старше былъ ученикъ, тѣмъ усерднѣе его сѣкли, то понятно, что Добрынину въ старшемъ классѣ пришлось горше всѣхъ: его если не сѣкли, то морили голодомъ и держали въ смрадномъ подвалѣ — жилищѣ крысъ, носившемъ названіе карцера, изъ котораго выпускали для того, чтобы снова сѣчь. Наконецъ пробрало бурсака

и онъ рѣшилъ больше подъ розги не ложиться. Сдержать слово—случай долго ждать не заставилъ. На другой-же день, во время греческаго класса, инспекторъ—злой монахъ, спросилъ его какіе-то глаголы, которыхъ онъ, разумѣется, не зналъ.

— Къ доскѣ, дубина!.. Розогъ!—приказалъ инспекторъ.

Два авдитора явились съ длинными пучками лозъ.

— Раздѣвайся!—приказалъ инспекторъ,—«На воздусѣхъ его». Бурсакъ стоялъ, не шевелясь.

— Что-жъ ты, оселъ, не раздѣваешься, а? крикнулъ отецъ Мартеміанъ.

— Не стану я раздѣваться,—угрюмо отвѣтилъ бурсакъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— А?.. Что ты сказалъ?.. переспросилъ монахъ, подступая.

— Недамся я сѣчь, отвѣтилъ Добрынинъ, и такъ сверкнулъ на инспектора глазами, что у того за спиной мурашки заходили.

— Возьмите-ко его, разложите, да съ примочкой!*)—шипящимъ отъ злобы голосомъ приказалъ инспекторъ ученикамъ.

Зная силу товарища, и несмѣя, въ тоже время, ослушаться приказанія разгнѣваннаго патрона, человѣкъ 10 здоровыхъ учениковъ схватили Добрынина, чтобы повалить на полъ, но онъ только тряхнулъ своими львиными членами и тѣ, какъ спѣлые орѣхи съ орѣшника, покатились на полъ.

— Вяжите его, разбойника! кричалъ удивленный и струсившій инспекторъ, пятясь за кафедру.

— Лучше никто не подступайся! дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ богатырь. И ученики дѣйствительно боялись подступить. Инспекторъ отъ злобы до крови кусалъ губы...

Чѣмъ-бы окончилась эта сцена—неизвѣстно, но классный звонокъ прервалъ ее. Инспекторъ, какъ-бы обрадовавшись, быстро ушелъ изъ класса, злобно грозясь на виновнаго.

Исторія эта Добрынину пройдти даромъ конечно не могла. Ученый училищный ареопагъ порѣшилъ его исключить, отмѣтивъ въ поведеніи: «неудобоносимъ»; но инспекторъ этимъ удовольство-

*) Примочкой называлась соленая вода, которою спрыскивали высѣченное мѣсто посдѣ каждыхъ 25 ударовъ.

ваться не могъ; ему, во что-бы то ни стало, хотѣлось непокорному питомцу въ придачу задать такую баню, чтобъ онъ до новыхъ вѣниковъ помнилъ; хотѣлось «спустить съ него шкуру» такъ, чтобъ новая выросла не ближе, какъ черезъ годъ.

Злой и невѣжественный о. Мартеміанъ свое желаніе въ исполненіе привелъ-бы, вѣроятно, вполнѣ, то-есть сначала натѣшился-бы надъ Добрынинымъ, сколько захотѣлось душѣ, и если-бъ тотъ подъ розгами-же или въ больницѣ не умеръ (что и случалось), исключилъ-бы его съ поведеніемъ «весьма неудобоносимъ», что бѣдному бурсаку долженствовало прекратить всѣ пути къ полученію какого-бы то ни было мѣста. Но къ счастію его, въ это время пріѣхалъ въ городъ отецъ «съ метриками» и, узнавъ, какая судьба ожидаетъ его сына, бросился къ инспектору. Бѣдный старикъ со слезами на колѣняхъ умаливалъ снизойти къ молодости и глупости сына, пожалѣть и его отцовскую старость, снизойти къ его крайней бѣдности,—все было напрасно: озлобленный монахъ не хотѣлъ ничего слушать и выгналъ старика вонъ. Вышелъ старикъ на крыльцо, сѣлъ и заплакалъ. Одинъ изъ семинарскихъ сторожей, увидя плачущаго и узнавъ о его горѣ, посовѣтовалъ ему еще разъ сходить къ отцу инспектору, но только не съ пустыми руками.

— А всего лучше: снеси ты ему четверть, либо полведра ерофеичу; до него онъ падокъ до страсти,—заключилъ сторожъ.

Дѣлать было нечего,—бѣднякъ собралъ свои послѣдніе гроши, продалъ единственное суконное полукафтанье, которое при немъ было, прихватилъ и изъ церковныхъ денегъ, что секретарю да повытчику консисторскимъ предназначались, купилъ полведра ерофеичу, полфунта чаю, да серебряный рублевикъ приложилъ и пошелъ снова ходатайствовать за сына. Отецъ Мартеміанъ, увидя просителя столь обремененнаго, принялъ его гораздо мягче,—и, поломавшись только для виду, благосклонно соизволилъ принять дары, однако съ тѣмъ условіемъ, что сына онъ, такъ и быть, не исключитъ, а высѣчь его все-таки подобаетъ, «что послужитъ и ему въ назиданіе и другимъ въ примѣръ». Обрадованный старикъ земнымъ поклономъ поблагодарилъ благодѣтеля и поспѣшилъ обрадовать сына.

Но каково-же было смущеніе его и какова печаль, когда сынъ рѣшительно объявилъ ему, что сѣчь не дастся.

— Онъ съ меня, чер....рый, чай, и то не менѣе сотни шкуръ спустилъ,—будетъ ужь, сурово отвѣтилъ сынъ.

— Что ты, Васинька, дѣлаешь? О своемъ ты счастьи не радѣешь, отца старика не хочешь пожалѣть, куда я тебя дѣну исключеннаго-то?

И старикъ снова заплакалъ и сталъ уговаривать сына, дать себя высѣчь.

— Ну, батюшка, для тебя только... тебя жалѣючи, соглашаюсь.—Пусть деруть!..

И на другой-же день, при полномъ собраніи учениковъ всѣхъ классовъ, Василій Добрынинъ спокойно легъ подъ розги, и съ истинно спартанскимъ мужествомъ, молча, вынесъ полтораста ударовъ.

Это была послѣдняя экзекуція, перенесенная имъ. Онъ перешелъ въ семинарію, а тамъ уже не сѣкли. Ставши семинаристомъ, Василій Никитичъ носилъ все тотъ-же затрапезный халатъ и не видѣлъ никакой возможности смѣнить его на казинетовый сюртукъ,—идеалъ своихъ мечтаній; но случай да необыкновенная его сила помогли ему и въ этомъ. Разъ въ воскресенье, идя отъ обѣдни, онъ былъ остановленъ раздавшимся позади его крикомъ, шумомъ, аханьемъ и оханьемъ. Оглянувшись, онъ увидѣлъ разсвирѣпѣвшаго воронаго коня, летѣвшаго, закусивъ удила, по улицѣ: отъ саней летѣли щепки, одна оглобля была надломлена. Въ саняхъ сидѣла блѣдная, какъ «осенній листъ», барыня и повидимому каждую секунду ожидала смерти; изъ-подъ саней были видны руки кучера, обмотанныя возжами. Народъ глядѣлъ и ахалъ, а конь, какъ буря, несся впередъ. Сбѣжавшіеся извощики, народъ въ этомъ дѣлѣ опытный и нетрусливый, — поставили поперегъ улицы свои санишки, а сами встали передъ ними и стали махать руками и кнутами на летѣвшаго на нихъ рысака. Тутъ-же всталъ и Добрынинъ. Конь, видя поставленное ему препятствіе, нѣсколько укротилъ свой бѣгъ, но все-таки несся прямо и, подлетѣвъ къ вставшимъ ему на дорогѣ, взвился на дыбы и хотѣлъ повернуть въ

проулокъ; но въ этотъ самый моментъ бурсакъ бросился на него, обѣими руками вцѣпился въ загривокъ и рванулъ что было силы. Вороной красавецъ захрапѣлъ и грянулся о земь. Изъ собравшейся толпы тотчасъ-же подскочили нѣсколько человѣкъ и вынули еле живую отъ страха барыню; потомъ, приподнявъ сани, освободили измятаго и изувѣченнаго кучера. Въ продолженіи всей этой сцены, длившейся минутъ пять, у Добрынина шла борьба съ рысакомъ: разгоряченный конь, грянувшись на землю, сталъ биться и порываться встать, но сильныя руки бурсака ему не позволяли этаго сдѣлать. Потомъ подскочили извощики и, накинувъ ему на шею петлю, крѣпко затянули ее, такъ что побѣжденный конь долженъ былъ смириться. Василій Никитичъ, видя, что надобности въ немъ больше непредвидится, пошелъ было своей дорогой, но его остановилъ глядѣвшій на эту сцену купецъ.

— Постой-ко, молодецъ, погоди,—сказалъ онъ, подходя. Добрынинъ остановился.

— Кто ты таковъ будешь, молодецъ?

— Семинаристъ.

— Ну, и молодчина-же! Надо-ль, коня повалилъ... Пойдемъ-ко, чайку попьемъ,—у меня дѣльце до тебя будетъ...

Купецъ этотъ былъ Севастьянъ Дормидонтовичъ Посконевъ, страстный любитель кулачныхъ боевъ и главнокомандующій русскими боевыми силами. Онъ нѣкоторыхъ, лучшихъ бойцовъ держалъ даже на жалованьи, другимъ дѣлалъ подарки, на бой не рѣдко выкатывалъ боченки съ водкой и пивомъ, возами вывозилъ калачи, и къ нему стекались молодцы со всѣхъ концовъ города и пробовали свои силы «съ татарвой». Но не дремала и противная сторона. Богатые татарскіе купцы тоже не жалѣли денегъ и плохонькаго чаю, подбирали дюжихъ и ловкихъ молодцовъ, которые всегда дружно и съ остервенѣніемъ дрались съ русскими. Нерѣдко случалось, что если сторона русскихъ собиралась особенно многочисленна,—вся Татарская слобода поднималась отъ мала до велика и выходила на Кабанъ, постоять за свою татарскую славу. Но не смотря на все это, въ продолженіи двухъ послѣднихъ зимъ, къ величайшей досадѣ національнаго чувства, обѣ стороны не

могли рѣшить: которая изъ нихъ сильнѣе. Сегодня русскіе побьютъ татаръ, завтра татары доконаютъ и прогонятъ русскихъ. Видя все это, разрывалось патріотическое сердце у Севастьяна Дормидонтовича, и сталъ онъ искать бойца, который представлялъ-бы собою несокрушимую каменную стѣну. Счастье помогло ему: онъ наткнулся на Добрынина и уговорилъ его выходить на бои; и чтобы закрѣпостить, какъ сказать, бурсака за собою, онъ сшилъ ему суконную пару и теплую съ мѣховымъ воротникомъ бекешу. Такимъ образомъ Василій Никитичъ сразу изъ отрепаннаго хаватника дѣлался франтомъ, какимъ онъ себя даже и во снѣ не видывалъ, какъ же было устоять противъ соблазна, тѣмъ болѣе, что обѣды у Севастьяна Дормидонтыча подавались такіе, какихъ раньше бурсакъ и не нюхивалъ. На слѣдующій-же бой Посконевъ пріѣхалъ съ новымъ бойцомъ и... помнятъ этотъ день татары. Въ человѣкъ своихъ молодцовъ на саняхъ свезли они съ мѣста боя, такъ что тѣ еле-еле отдышались...

Съ тѣхъ поръ и прозвали Василія Никитича Добрынина «Добрыней Никитичемъ», и стали татары бояться его пуще огня. Какъ только завидятъ, бывало, что онъ идетъ «въ стѣнѣ», такъ и заорутъ:

— Ай ай, шайтанъ!.. Добрыня!.. Шайтанъ!—и безъ оглядки бросятся назадъ.

Чтобы не пугать татаръ до времени, сталъ Севастьянъ Дормидонтычъ выводить «Добрыню» на бой или подъ рогожкой, или въ бочкѣ, или подъ возомъ дровъ: подвезутъ къ татарамъ близко, да за русской стѣной и выпустятъ. — Пойдетъ свалка, татары съ испугу и переполоху, съ криками: «шайтанъ, Добрыня»! кинутся назадъ и передніе мнутъ заднихъ, а русскіе ихъ бьютъ и еще больше увеличиваютъ ихъ смятеніе. А Добрынинъ бывало стоитъ себѣ [illegible], даже и руки не подниметъ. Достаточно было одного появленія, чтобы напугать татаръ, и русскимъ безъ труда [illegible] надъ ними побѣду. Такъ шло цѣлую зиму; постоянные [illegible] разгромы русскихъ въ Татарской слободѣ—сильно рас[illegible] самолюбіе татарскихъ купцовъ и они стали вызывать [illegible] Добрыни бойца, обѣщая ему большую награду; но въ

средѣ казанскихъ татаръ такого не оказалось. Наконецъ дошелъ до купцовъ слухъ, что въ Астрахани есть татаринъ, замѣчательный силачъ и непобѣдимый боецъ. Дождались другой зимы и братья Исмангуловы въ компаніи съ другими богатыми татарами выписали силача въ Казань.

Екнуло сердце у Посконева, когда онъ услыхалъ, какою силой обладалъ астраханецъ, и въ душѣ далъ обѣтъ, отлить въ приходскую церковь, гдѣ онъ былъ старостой, колоколъ въ 5 пудовъ,— если только «Добрынѣ» Богъ поможетъ татарина преодолѣть, — а самого «Добрыню взять къ себѣ дьякономъ.

Несказанно обрадовался бурсакъ, узнавъ отъ Севастьяна Дормидонтыча о его намѣреніи. Теперь ему, Добрынину, представлялась возможность покинуть ненавистную бурсу и быть самостоятельнымъ лицомъ. Съ радостнымъ сердечнымъ трепетомъ онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ крещенскаго боя, чтобъ схватиться съ татарами и завоевать себѣ свободу и дьяконское мѣсто.

III.

Еле-еле брезжилось морозное крещенское утро... Холодный, рѣжущій сѣверный вѣтеръ вьюжилъ по улицамъ снѣгъ, воздвигая поперегъ ихъ снѣжныя баррикады. Не благовѣстили еще и къ ранней обѣднѣ, а въ нѣкоторыхъ домахъ уже свѣтились огоньки...

Въ бурсѣ тоже пробуждалась жизнь и начинались приготовленія и сборы къ обѣднѣ. Василій Никитичъ давно уже проснулся, и при тускломъ свѣтѣ коптящаго маслянаго ночника пришивалъ оторвавшуюся пуговицу къ своему новому сюртуку.

Облетѣвшая бурсу вѣсть о предстоящемъ поединкѣ товарища съ татариномъ и обѣщаніе Посконева, въ случаѣ побѣды, сильно волновало умы бурсаковъ.

— Счастье тебѣ, Василій Никитичъ, право... говорилъ Добрынину его сосѣдъ по койкѣ, роясь въ своемъ сундучкѣ.

— Незнай еще, что будетъ, Андрюша,—можетъ татаринъ-то меня осрамитъ; тогда все пропало.

— Полно ты.... гдѣ-жъ такую силу еще найдти, какъ у тебя?..

— Одной силой тутъ, пожалуй-что, ничего не возмешь; онъ, можетъ, ловокъ, какъ бѣсъ, —а у меня ловкости этой совсѣмъ нѣтъ, да и бить-то я боюсь.

— Чего-жъ бояться-то?

— Какъ чего?—не ровенъ часъ—зашибить можно человѣка...

— Это какъ разъ.

— Тото-же и есть... А онъ, если въ немъ силы-то не такъ чтобы очень, бить-то тебя бояться не станетъ...

— А хорошо такую, какъ у тебя, силу имѣть....

— Хорошо-то, хорошо, да и страшно.

— Будь только остороженъ... А за то вонъ тебя сила-то и одѣла, и поила, и кормила, и деньги у тебя бывали,—а тенерь вонъ за нее-же и мѣсто даютъ...

Ударили къ обѣднѣ.

— Чу!...

Бурсаки заторопились одѣваться и потомъ, во главѣ со старшимъ, попарно пошли въ церковь.

Послѣ позднихъ обѣденъ Добрынинъ долженъ былъ явиться къ Севастьяну Дормидонтычу для того, чтобы, закусивъ у него праздничнаго пирога, вмѣстѣ отправиться на Кабанъ. Посконевъ волновался и ждалъ боя едва-ли не съ большимъ трепетомъ и нетерпѣніемъ, чѣмъ самые бойцы, и потому, какъ только кончилась обѣдня, онъ тотчасъ-же поторопился домой, надѣясь бойца застать уже у себя.

— Что Добрыня здѣсь? былъ первый его вопросъ домашнимъ.

— Нѣтъ, не бывалъ еще, тятинька-съ, отвѣтилъ сынъ, тоже съ нетерпѣніемъ ждавшій диковиннаго поединка.

— У нихъ, надо быть, не отошла еще; монахи вѣдь служатъ-то,—по чину все...

Онъ прошелъ въ столовый покой, гдѣ уже у Степаниды Савельевны давно пыхтѣлъ самоваръ, а купель «въ день андела» только и ждала прихода хозяина.

Пьетъ Севастьянъ Дормидонтычъ чай, а самъ все прислушивается—не отворится-ли дверь, не раздастся-ли въ черной при-

хожей знакомое ему шмыганье сапоговъ о соломенный коврикъ. Но все было тихо,—«Добрыня» не являлся...

Послѣ чая тотчасъ-же стали накрывать къ обѣду, хотя и было только еще 11 часовъ.

— Чтожъ эфто Добрыня-то? Неужъ надуетъ? начинаетъ сомнѣваться купецъ, выпивая передъ обѣдомъ рюмку настойки.

— Я-жь, вѣдь, ему толковалъ-сказывалъ, чтобъ обѣдать сюда приходилъ...

— У нихъ, тятенька-съ, изъ бурсы не всегда ослобождаютъ до обѣда-то, — такъ и Добрыня Никитичъ сказывалъ, успокоивалъ сынъ.

— Ну, можетъ статься, вездѣ свои порядки, согласился отецъ, и велѣлъ подавать обѣдъ.

Послѣ плотнаго и пеимовѣрно-жирнаго обѣда, Севастьянъ Дормидонтовичъ пошелъ прикорнуть, строго-настрого наказавъ сыну—разбудить себя въ часъ.

— И чтобъ лошадь была ужь заложена къ эфтому случаю,— въ большія сани вели заложить гнѣдка; а коли «Добрыня» придетъ, такъ чтобъ меня ждалъ,—а одинъ-бы ни подъ какимъ видомъ не уходилъ; скажи!—приказывалъ онъ, позѣвывая во весь ротъ, и почесывая спину.

Въ назначенный часъ сынъ растолкалъ отца и сообщилъ ему, что «Добрыня» еще не бывалъ.

— Ахъ, чтобъ его лѣшій придавилъ! воскликнулъ Посконевъ, протирая глаза.—Что это онъ со мной дѣлаетъ!.. Лошадь готова?

— Заложена.

— Подь, спроси у матери—поѣдетъ чтоль она на бой-то?— Коли что, такъ скажи, чтобъ живымъ манеромъ одѣвалась.

Севастьянъ Дормидонтычъ выпилъ полграфина холоднаго квасу, наскоро умылся, одѣлся и съ шапкой въ рукахъ вошелъ въ столовую, гдѣ Степанида Савельевна ждала его, утопая въ широчайшемъ лисьемъ салопѣ и укутанная ковровой шалью.

— Ты, Федоръ, бери извощика и живымъ манеромъ лупи къ Трифонову; скажи ему, чтобъ въ мой счетъ отпустилъ онъ два ведра водки, недорогой чтобъ, на Кабанъ, молъ, бойцамъ; — да куши десятка четыре калачей на закуску... Заверни ужь кстати и

въ бурсу: коли лѣшакъ-то тамъ, такъ гони его, — тятенька гнѣвается, молъ, скажи.

Отдавъ приказаніе сыну, Посконевъ съ супругою уѣхалъ.

На Кабанѣ между тѣмъ давно уже собрались оба враждующіе стана. Татары толпились на отлогомъ берегу, у церкви Четырехъ-Евангелистовъ, русскіе—на этомъ. Но не смотря на то, что бойцы обоихъ лагерей, кромѣ героевъ дня, всѣ были въ сборѣ, бой не начинался,—одни ждали Исмангуловыхъ съ астраханцемъ, другіе своего патрона съ «Добрыней.» Суровый морозъ, при тонкомъ рѣжущемъ вѣтрѣ, знобилъ лица бойцовъ, и морозныя иглы проникали до тѣла сквозь ихъ худые полушубки. Шибко озябшіе, стараясь согрѣться, подпрыгивали на мѣстѣ, махая руками, или немилосердо тузили другъ друга по бокамъ. Распространившаяся по городу вѣсть о богатырѣ-астраханцѣ и росказни о его диковинной силѣ, дѣлавшія его какимъ-то миѳическимъ героемъ, привлекли на Кабанъ многихъ охотниковъ до зрѣлищъ, подобныхъ предстоящему. И къ тому и другому стану то и дѣло подъѣзжали сани, въ которыхъ сидѣли дородные купцы съ супругами; даже татарскія жены, побуждаемыя патріотическимъ желаніемъ упиться славою своей побѣды, съѣзжались сюда въ крытыхъ возкахъ, съ маленькими стеклянными окошечками... Наконецъ, пріѣхалъ и Посконевъ.—Бойцы молча низко откланивались своему патрону.

— А гдѣ-жь «Добрыня»? спросилъ Севастьянъ Дормидонтычъ, вылѣзая изъ саней.

— Да не бывалъ еще. Мы полагали, что онъ съ вами подъѣдетъ.

— Вотъ грѣхъ-то... А Исмангуловы здѣсь?

— Тоже не видать еще...

— А астраханскій-то?

— Нѣтъ и его.

— Ну, эфто еще ладно... Кто нибудь живымъ манеромъ вали на «ломякѣ» въ бурсу и тащи его, чортова сына,—приказалъ Посконевъ, давая двѣ гривны на извощика.

Онъ сильно обезпокоился отсутствіемъ бурсака, и сталъ въ волненіи расхаживать по берегу, изрѣдка подходя то къ тѣмъ, то къ другимъ санямъ, въ которыхъ сидѣли знакомые.

— Добрыни нѣтъ!—оповѣщалъ онъ всѣхъ.

Но вотъ татарскій станъ заволновался,—то Исмануловы пріѣхали съ бойцемъ-астраханцемъ.

Едва остановились ихъ сани, какъ вся татарская толпа окружила ихъ, съ любопытствомъ разсматривая своего героя.

— Салà-малекомъ! Салà-малекомъ! раздавалось со всѣхъ сторонъ татарское привѣтствіе, и мѣстные бойцы подобострастно, обѣими руками пожимали могучую руку астраханца. Подростки—татарчата, отъ полноты чувствъ, въ телячьемъ восторгѣ, хлопая въ ладоши, скакали и прыгали около богатыря. Наконецъ, собравшись въ кучку человѣкъ въ 15, они спустились на Кабанъ и, похлопывая рукавицами, стали задорно вызывать на бой:

— Кач-мà мàленьки! Кач-мà мàленьки, кач-мà!—раздавались ихъ рѣзкіе голоса, все больше приближаясь къ русскому стану.

— Вонъ онъ, вонъ онъ, гляди—загудѣли голоса на русскомъ берегу. Всѣ встрепенулись и повернули головы на противоположную сторону, гдѣ въ сопровожденіи шумной татарской толпы къ самому краю берега подошелъ «изъ-за моря» выписанный боецъ, и съ видомъ знатока сталъ осматривать мѣсто боя.

Это былъ смуглый дѣтина лѣтъ 40. Въ черной бородѣ его кое-гдѣ серебромъ отливалъ сѣдой волосъ; на широкія плечи была накинута татарская баранья шуба, на головѣ на бекрень надѣта высокая баранья шапка, изъ-подъ которой выглядывала золотая тюбетейка; на рукахъ были надѣты огромныя рукавицы изъ бѣлой кожи, доходящія почти до локтя;—вообще онъ былъ одѣтъ франтомъ и, казалось, щеголялъ собой. Между малорослыми казался колоссомъ.

— Эка махина, ребята.

— Настояще, какъ звѣрь,—ишь бѣлками-то какъ ворочаетъ!—говорили русскіе бойцы, осмѣлившіеся подойдти поближе, чтобъ разсмотрѣть силача.

— Кач-ма́ маленьки, кач-ма́! все назойливѣе и рѣзче выкрикивали по срединѣ Кабана татарчата - задиры.

— Эхъ, Добрыни нѣтъ; съ досадой говорилъ Посконевъ, разсматривая бойца.

— Что-жь, Севастьянъ Дормидонтычъ, можно, чай, помаленьку начать—для шутки ради? спросили братья Рѣзаковы, первые, послѣ Добрыни, силачи и бойцы.

— А какъ тутъ начнемъ, коли нѣтъ его, прохвоста! съ сердцемъ отозвался Посконевъ.

— Да покамѣсть вотъ ребята пошалятъ,—такъ до стѣны-то когда еще дойдетъ,—къ тѣмъ порамъ, можетъ, и подъѣдетъ.

— Извѣстно, начинать-бы; вступился и Балабурда—кузнецъ, обладавшій желѣзными мускулами. — Рѣзаковы пускай вдвоемъ на «страханца» ударятъ,—я подъ себя Сабитку возьму, Илья рыжій, да Романъ - суконщикъ на Искака съ Губайдулкой пойдутъ, а тамъ что́,—ровняшки остаются—«стѣна»; ну, стѣной и пойдемъ...

— А Абдрахимку-то—ломяка ты забылъ? напомнили Балабурдѣ еще одного татарскаго силача.

— Что-жь, Абдрахимка?.. На Абдрахимку—Трофима мясника съ Юлымъ можно пустить: въ стѣнѣ-то не страшно...

Распредѣливъ, такимъ образомъ, и своихъ, и татарскихъ лучшихъ бойцевъ, Балабурда взялъ рукавицы въ зубы и сталъ крѣпко опоясываться; всѣ послѣдовали его примѣру.

— Ну, ребята, выходи! - обратился къ подросткамъ Степанъ Вьюнъ, юркій и ловкій малый, хотя и безсильный, вѣчно ходившій «съ фонарями» подъ глазами.

Русскіе подростки, отъ 14 до 17 лѣтъ, скучились и спустились на ледъ.

— Кач-ма́, маленьки! привѣствовали татарчата.

— Кач-ма́! отвѣтили русскіе, подходя все ближе.

Татары, завидя русскихъ ребятъ, спустившихся на Кабанъ, заволновались и стали строиться въ порядокъ,—«стѣной.»

Всегда каждый бой начинался непремѣнно съ подростковъ, которыхъ высылала та или другая сторона, объявляя этимъ вызовъ, бросая, какъ сказать, боевую перчатку противному лагерю.

Если и съ другой стороны появлялись такіе-же подростки—задиры, то это означало, что перчатка поднята и бой близокъ.

Заволновался и русскій станъ.

Братья Рѣзаковы стали торопливо строить «стѣну», распредѣляя лучшихъ бойцевъ въ разные пункты. Самую середину они оставили себѣ,—они должны были схватиться съ астраханцемъ.

— Съ мѣстовъ не ебивайся!.. Кто гдѣ поставленъ, тутъ и стой! отдали они послѣднее приказаніе и повели «стѣну» на ледъ...

Двинулась и татарская стѣна, заволновались и зрители обоихъ береговъ и двинулись ближе къ Кабану. А Абдрахманъ-астраханецъ «въ стѣнѣ» не пошелъ, остался на берегу и все также спокойно смотрѣлъ, словно и не думалъ принять участіе въ бою.

— Кач-ма́, кач-ма́! раздавалось по серединѣ Кабана и наконецъ двѣ маленькія шайки задиръ сошлись и схватились. Обѣ «стѣны» двинулись дальше впередъ.

Севастьянъ Дормидонтычъ съ замирающимъ сердцемъ слѣдилъ за ихъ движеніемъ... Но въ это время, какъ угорѣлый, словно на пожаръ, прискакалъ его сынъ, съ другимъ посланнымъ.

Они привезли и боченокъ съ водкой, и калачи, а Добрыни съ ними не было.

— Гдѣ-жъ Добрыня? заревѣлъ Посконевъ на сына.

— Его, тятенька-съ, инспекторъ сегодня не ослобонилъ; онъ тамъ провинность какую-то передъ нимъ сдѣлалъ, отвѣтилъ сынъ.

— О, чтобъ васъ черти придушили! во все горло заоралъ купецъ, поднявъ кулаки.—Безъ ножа вы меня рѣжите, аспиды... Онъ подбѣжалъ къ своимъ санямъ, высадилъ жену и, наказавъ ей держаться около сына, стрѣлой погналъ въ бурсу освобождать бойца...

Между тѣмъ на Кабанѣ къ маленькимъ бойцамъ пристало уже по нѣскольку взрослыхъ и бой разгорался... Наконецъ вся татарская арава съ страшнымъ крикомъ: «кач-ма́!» съ остервенѣніемъ ринулась впередъ. Русскіе ихъ встрѣтили тѣмъ-же и завязалась изступленная, дикая свалка... Татары, чувствуя за собою

силу, дрались съ ожесточеніемъ, но не уступали имъ и русскіе:— направо и налѣво косили братья Рѣзаковы, крѣпко стоя въ серединѣ, и не подаваясь назадъ ни на вершокъ; ловко крошилъ и Балабурда-кузнецъ; сунулся было на него Сабитка, да такъ и покатился подъ его кулачищемъ желѣзнымъ; не плохо работали и Илья-рыжій, и Романъ-суконщикъ; а Степанъ-Вьюнъ, словно бѣшеный, такъ и метался, такъ и лѣзъ подъ кулаки... Не выдержали татары—дрогнули и стали подаваться назадъ,—а этого только и нужно.

— Бей ихъ! гаркнули братья Рѣзаковы и первые врѣзались въ середину, а за ними полѣзли: и Балабурда, и Романъ-суконщикъ, и всѣ другіе. Татары смѣшались и стали быстро отступать, едва выдерживая натискъ, и стараясь держаться въ порядкѣ...

Абдрахманъ, до сихъ поръ спокойно стоявшій на пригоркѣ, увидя смятеніе въ своихъ рядахъ, быстро сбросилъ съ себя шубу, по самые глаза нахлобучилъ свою баранью шапку, ударилъ огромными бѣлыми рукавицами и стремглавъ бросился на помощь своимъ. Братья Рѣзаковы глазомъ моргнуть не успѣли, какъ богатырь былъ уже передъ ними. Хлопнувъ еще разъ своими рукавицами, онъ ударилъ на нихъ, но они разступились и боецъ врѣзался въ русскую стѣну... Татары пріободрились и снова дружно стали напирать. Отъ Абдрахмана-же во всѣ стороны разлетались русскіе бойцы: подвернулся ему Илья-рыжій и полетѣлъ кувыркомъ; снова встрѣтились Рѣзаковы и дружно ударили на него вмѣстѣ съ Балабурдой, но тоже безъ успѣха: черезъ минуту братья летѣли въ разныя стороны, а Балабурда давно уже катался въ снѣгу, оглушенный ударомъ въ голову. Дрогнули русскіе, завидя лучшихъ бойцевъ своихъ сбитыми, и бросились бѣжать... Абдрахманъ въ погоню не погнался— онъ считалъ для себя это унизительнымъ,—и тихо, съ сознаніемъ собственной силы, вернулся на холмъ; черезъ минуту вернулась и вся татарская стѣна, прогнавъ русскихъ до берега. Такимъ образомъ въ первой схваткѣ русскіе потерпѣли полное пораженіе и на своемъ берегу съ озлобленіемъ принялись лечить свои раны. Кто снѣгомъ останавливалъ лившуюся изъ расплюснутаго носа кровь, кто мѣднымъ пятакомъ растиралъ огромный кровавый подтекъ подъ

глазомъ, кто табакомъ присыпалъ разсѣченную губу, кто ощупывалъ свои бока, сомнѣваясь въ цѣлости реберъ, кто правилъ вывихнутую руку... Оглушенный Балабурда сидѣлъ на снѣгу и мутными глазами безсмысленно смотрѣлъ въ одну точку. Ему поднесли стаканъ водки, онъ выпилъ и оправился.

— Эка силища! наконецъ проговорилъ онъ.

— Какъ это онъ тебя?—тотчасъ-же подступили съ вопросами любопытные изъ зрителей.

— Да какъ,—кулачищемъ въ голову грянулъ. Я думалъ, что онъ изъ меня и духъ выбьетъ: какъ шаркнулъ, такъ изъ глазъ даже искры полетѣли, а въ ушахъ и до сихъ поръ еще звонъ идетъ...

— Кач-мà, мàленьки, кач-мà! опять раздались между тѣмъ голоса отъ татарскаго лагеря.

— Нѣтъ, безъ „Добрыни" и начинать нечего — зашибетъ совсѣмъ, окаянный! отвѣтилъ на этотъ вызовъ Балабурда.

— Ѣдутъ! ѣдутъ! Добрыню везутъ раздались въ толпѣ радостные голоса,—и всѣ бросились на берегъ. Поднялся и Балабурда.

— Дѣйствительно, у самаго моста съ храпомъ остановился разгоряченный конь и изъ саней вышли Посконевъ и Добрыня.

Я говорилъ уже, что Василія Никитича обыкновенно на бой привозили спрятаннымъ или въ бочку, или въ возъ сѣна, или подъ полѣнницей дровъ; но на этотъ разъ прятать его было незачѣмъ, такъ какъ татарскій боецъ исключительно для него былъ выписанъ.

Бойцы въ запуски, на перерывъ одинъ передъ другимъ, стали разсказывать Посконеву и Добрынину о результатахъ бывшей схватки и о диковинной силѣ астраханца.

— Рѣзаковы съ Балабурдой втроемъ на него ударили, да такъ всѣ трое и покатились.

— Я еще о сю пору очухаться не могу,—подтвердилъ Балабурда.

— Кач-мà, мàленьки, кач-мà! раздавались между тѣмъ съ середины Кабана задорные голоса татарчатъ.

— Эй-эй, молодцы, растабарывать нечего, — выпейте-ко по стаканьчику, да и выходи. Подноси, Федоръ!—отдалъ приказъ Посконевъ своему сыну.

[illegible] стали подходить къ боченку съ

[illegible], поворачивайся! покрикивалъ Севастьянъ [illegible] отъ нетерпѣнія шапку. — Ну, Добры- [illegible]. Уважь, — не оставлю, говорилъ онъ бурсаку, [illegible] веревкой.

[illegible] стѣну! крикнулъ Василій Никитичъ, и сталъ [illegible].

[illegible] встали на правомъ концѣ, Балабурда да Романъ- [illegible] на лѣвый, а Илья-рыжій да Трофимъ-мясникъ [illegible], въ серединѣ; — быстро, какъ опытный полково- [illegible] распоряженія бурсакъ.

[illegible], Добрыня Никитичъ, около тебя встать надо: оченно [illegible] охота сорвать со „страхапца“ — по- [illegible].

[illegible], пусть Трофимъ съ Ильей на лѣвый конецъ

[illegible] концы на указанныхъ пунктахъ и въ дружномъ [illegible], двинулись на Кабанъ. Татары тотчасъ-же двинули [illegible] впередъ, но, завидя въ русскихъ рядахъ Добры- [illegible] и тотчасъ дали знать объ этомъ Абдрахману, [illegible] на пригоркѣ.

[illegible] что противникъ идетъ въ стѣнѣ, Абдрахманъ, [illegible] пуку, снова нахлобучилъ свою барапью шапку и, [illegible], подошелъ къ стѣнѣ и всталъ въ началѣ [illegible]. Добрынинъ замѣтивъ этотъ маневръ, перемѣнилъ [illegible] въ правое крыло своей стѣны, такъ что [illegible] другъ противъ друга. Стѣны дружно и медленно [illegible] другую. Абдрахманъ и Добрынинъ съ любопыт- [illegible] другъ друга, сходясь лицомъ къ лицу, грудь [illegible] между стѣнами оставалось разстоянія не болѣе [illegible] другъ Абдрахманъ, хлопнувъ своими огром- [illegible] въ два львиныхъ прыжка, разомъ очутился въ [illegible] стѣны, и въ тотъ-же моментъ татары съ [illegible] на русскихъ. Все смѣшалось, такъ что Доб-

рынинъ мигнуть не успѣлъ, какъ астраханецъ былъ уже далеко отдѣленъ отъ него цѣлой татарской стѣной, и направо, и налѣво валилъ русскихъ бойцовъ. То здѣсь, то тамъ мелькнетъ его сѣрая баранья шапка, то здѣсь, то тамъ мелькнетъ его бѣлая рукавица, а русскіе бойцы, какъ малыя дѣти, разлетаются отъ него въ разныя стороны. Вотъ бѣлыя рукавицы его сплошь покрылись русской кровью, а онъ все бьетъ и бьетъ и все болѣе увеличиваетъ смятеніе въ русскихъ рядахъ. Ругань, стоны, крикъ, удары, звѣрскія, окровавленныя, искаженныя злобою и изступленіемъ лица бойцовъ—все смѣшалось въ одну страшную и дикую картину боя. Добрынинъ, преслѣдуя обманомъ ушедшаго соперника, валилъ татаръ десятками, кругомъ его стоялъ страшный гвалтъ и стонъ, трещали скулы, ребра, груди, спины; за нимъ — катались по снѣгу изувѣченные татарскіе бойцы.

Посконевъ, глядя съ моста, какъ работалъ бурсакъ, отъ полноты чувствъ захлебывающимся шепотомъ повторялъ:

— Добрынюшка! Озолочу, родной озолочу! Когда-же бурсакъ, разгорѣвшись, однимъ взмахомъ повалилъ чуть не полстѣны, патріотическій восторгъ Посконева дошелъ до того, что онъ съ какимъ-то дикимъ визгомъ бросился на своего сына и сталъ его, что было мочи, дубасить кулаками въ спину, приговаривая:

— Дьяволъ!.. Чортъ!.. Озолочу!!..

А между тѣмъ все гуще и гуще обливались кровью бѣлыя рукавицы Абдрахмана и все ближе подходилъ къ нему Добрыня...

Вотъ они въ двухъ шагахъ одинъ отъ другаго...

Абдрахманъ, увидя такъ близко своего страшнаго соперника, круто повернулъ и, какъ буря, ударилъ на него. Разомъ поднялись два страшныхъ кулака и одновременно раздались два удара. Что-то хрястнуло, словно переломилось. Добрынинъ шага на три отлетѣлъ назадъ и едва удержался на ногахъ—ударъ пришелся ему въ грудь; Абдрахманъ-же, ударъ которому пришелся по плечу, сначала упалъ на одно колѣно, а потомъ съ воплемъ: „ай-ай, Алла!... Алла!... Аптралъ!“ совсѣмъ опустился на снѣгъ. Добрынинъ раздробилъ ему ключицу и плечевую кость...

[illegible] своего Геркулеса сбитымъ, бросились бѣжать; [illegible] преслѣдовали до самой Татарской слободы и вернулись [illegible]...

Такъ окончился въ Крещенье 1832 года бой на Кабанѣ, послѣ [illegible] Добрынинъ былъ полиціей обязанъ подпиской больше ни[illegible] не драться. Для него, впрочемъ, это было теперь все равно, [illegible] что Севастьянъ Дормидонтычъ сдержалъ свое слово: скоро [illegible] ему невѣсту и выхлопоталъ мѣсто діакона въ своей приходской церкви. Но недолго Василій Никитичъ потрясалъ своды приходскаго храма своимъ ужаснымъ, нечеловѣческимъ басомъ,— черезъ годъ онъ былъ взятъ въ соборъ протодіакономъ.

Пав. Фелоновъ.

ЛѢСЪ СѢВЕРА.

Лѣсъ сѣвера, задумчивый и грустный!
У ногъ твоихъ безмолвно я лежалъ,
И слышалъ я, какъ шумъ однообразный
Мнѣ мертвый сонъ на очи навѣвалъ.
А вкругъ меня блуждающія тѣни
Носились неслышною стопой,
И вѣяло, средь мховъ, прохладою могилы
И мертвою, загробной тишиной...

Н. Я.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ПО НИЖЕГОРОДСКОМУ ПОВОЛЖЬЮ.

I.

ПОСКРЕБЫШКИ ДРЕВЛЯГО БЛАГОЧЕСТІЯ.

«Неслись по сельщинѣ и деревеньщинѣ недобрыя вѣсти: Никонъ старую вѣру рушитъ!... И задумались православные и въ Москвѣ, и на Волгѣ, и на Сѣверѣ, и въ Сибири».

П. И. Мельниковъ.
«Историч. очерки поповщины» I, 7.

Кто живалъ въ Нижнемъ, того вѣроятно не разъ манило за Волгу, къ этой синѣющей дали, раскинувшейся за красавицей-рѣкой, на которую даже привычный нижегородскій житель всегда смотритъ любовно съ высоты нагорнаго гребня, съ своего любимаго «Откоса», почему-то еще называющагося «англійскимъ садомъ», тогда какъ онъ не имѣетъ ничего общаго ни съ системой англійскихъ садовъ, съ ихъ извилистыми аллеями, ни съ французскими прямыми аллеями, а потому представляетъ, съ *такой* точки зрѣнія, скорѣе «смѣсь французскаго съ нижегородскимъ».

Заволжская даль, съ высоты нижегородскаго Откоса, такъ хороша, что сколько ни смотришь на нее, все точно въ первый разъ любуешься; можно каждый день ходить на Откосъ, и все-таки каждый день подмѣтитъ на всей открывающейся передъ глазами картинѣ какую-нибудь новую, незамѣченную наканунѣ подробность.

Но заволжская даль хороша не только съ высоты Откоса, не только съ такого «прекраснаго далека», но и вблизи, когда попадешь въ самое ея нутро, и поражаетъ она своимъ контрастомъ съ нагорнымъ берегомъ Волги, которая, какъ извѣстно, разрѣзываетъ нижегородское Поволжье на двѣ половины: нагорную, или Горы, и луговую, или Заволжье.

Горы, по удачному сравненію Андрея Печерскаго, представляютъ видъ «окаменѣлыхъ волнъ бурнаго моря: горки, пригорки, бугры, холмы, взволоки грядами и кряжами тянутся межъ доловъ, роговъ, овраговъ и суходоловъ; рѣки и рѣчки колесятъ во всѣ стороны, пробираясь межъ угорій и на каждомъ изгибѣ встрѣчая возвышенность».

Подъемъ нижегородскихъ возвышенностей доходитъ въ Горахъ надъ уровнемъ Волги до 400 футовъ, или почти до 60 саженъ. Не то за Волгой: тамъ стелется равнина, только слегка всхолмленная; по этой равнинѣ тихо бѣгутъ рѣчки съ пріятными, мягкими для слуха названіями Везломы, Линды, Узолы—въ обрамленныхъ густымъ краснымъ кустарникомъ берегахъ; потоками стремятся мрачныя, черныя воды Керженца и питающая свою остроносую стерлядь Ветлуга—по дремучимъ лѣсамъ, еще пока не такъ вырубленнымъ, какъ лѣса въ Горахъ.

Какъ разнится природа въ Горахъ отъ Заволжья, такъ разнятся и люди тамъ и здѣсь: люди въ Горахъ—«каменные, желѣзные», по народной поговоркѣ; за Волгой — мягкіе, душевные, но не менѣе твердые. Въ Горахъ къ русскому элементу сильно подмѣшался финскій. Безъ таракановъ, да безъ грязи въ избѣ и во дворѣ—въ Горахъ и житье не въ житье; за Волгой — чисто-русское населеніе и живетъ здѣсь самый горькій бѣдняга въ чистой избѣ, въ которой не только полы, но и стѣны моются, находя, что жить можно и безъ таракановъ. Въ Горахъ земля хоть и не очень балуетъ земледѣльца, но все-таки кое-гдѣ цѣлыми полосами одна даетъ ему возможность кормиться; за Волгой безъ промысла съ одной землей ничего не подѣлаешь: своимъ хлѣбомъ и до Рождества не прокормишься: поѣзжай на базаръ, за покупнымъ—яранскимъ... Не даромъ здѣсь въ ходу такія пословицы, какъ напр.: «у него въ амбарѣ и мыши перевелись», или: «стали дѣла наши справляться—стала земля отъ сѣмянъ оставаться».

Подальше отъ Волги, къ костромской губерніи, Заволжье теряетъ уже свой *заволжскій* характеръ: сначала пойдутъ точно будто Горы, а потомъ уже броситься въ глаза настоящая лѣсная вологодщина.

Но люди въ Заволжьи разнятся отъ людей съ Горъ не только своимъ экономическимъ бытомъ, выработавшимся подъ вліяніемъ природныхъ условій, но и религіознымъ складомъ мыслей. Въ Заволжьи—«что ни мужикъ—то вѣра, что ни баби—то уставъ»; здѣсь изстари образовалось настоящее депо «древляго благочестія», развитіе котораго въ Горахъ представляется лишь отпрысками, ростками, болѣе или менѣе сильными. За то въ Горахъ давно уже возможно было нѣкоторое развитіе подходящихъ къ раціоналистическимъ ученій (богородсковскіе молокане), тогда какъ подобныя ученія за Волгой составляютъ лишь признаки новѣйшаго времени, еще рѣзко не обозначившіеся, бродящіе.

Лѣса, покрывшіе заволжье сплошнымъ кряжемъ между рѣками Унжей и Вяткой, разсказываетъ авторъ «Въ лѣсахъ,» такъ талантливо рисующій весь складъ жизни нижегородскаго Заволжья, тянулись далеко на сѣверъ, соединяясь съ устюжскими и вычегодскими дебрями. Въ старые годы эти лѣсныя пространства были заселены только по южнымъ окраинамъ, по *раменямъ*, вдоль лѣваго берега Волги, да отчасти по берегамъ ея притоковъ: Линды, Керженца, Ветлуги, Кокшаги. По этимъ рѣкамъ только изрѣдка стояли деревушки, въ которыхъ жилъ русскій людъ, не зная ни церквей, ни поповъ: дѣтей крестили здѣсь бабы-повитухи, свадьбы - самокрутки вѣнчали въ лѣсу, «вкругъ ракитова куста», хоронились заволжане зря, гдѣ ни попало.... «Жили въ лѣсу, молились пенью, вѣнчались вкругъ ели, а черти имъ пѣли»—констатировала ихъ бытъ болѣе «культурная» Москва. По временамъ наѣзжалъ сюда изъ Хлынова (Вятки) какой - нибудь попъ - самоставленникъ, который, бывало, «за пару лаптей на родной матери обвѣнчаетъ.» Москвы съ ея властями въ Заволжьи и знать не хотѣли. Съ XVII вѣка сюда стали появляться новые колонизаторы—остатки вольницы смутнаго времени и всѣ недовольные тогдашними порядками, потерпѣвшіе отъ нихъ или ожидавшіе себѣ бѣды отъ нихъ. Тогда и пословица сложилась: «нечѣмъ платить долгу—дай пойду за Волгу.» Во второй половинѣ того-же столѣтія Заволжье переполнилось бѣжавшими отъ никоновыхъ «новшествъ» старообрядцами, которые здѣсь такъ крѣпко осѣли, что и теперь

составляютъ характерную физіономію нижегородскаго (семеновскаго) Заволжья: ни «питиримово разоренье,» ни разоренье 1853 года («мельниково разоренье») не выкурили духа древляго благочестія за Волгой.... Выкуритъ его только будущее развитіе массъ народныхъ: грознѣе Питирима, грознѣе скитскаго прогрома 1853 года та доля религіозной свободы, которая коснулась міра старообрядства въ наше время, и чаще и чаще слышится теперь плачъ уцѣлѣвшихъ «столповъ вѣры правой» на «оскудѣніе древляго благочестія».... Школа со временемъ довершитъ дѣло внѣшнихъ мѣропріятій, и если религіозная свобода, не способствуя нивеллированію религіозныхъ вѣрованій, и породитъ по всей вѣроятности новыя и новыя секты, то царству буквы и обряда, сильнымъ еще въ старообрядствѣ, пришолъ неизбѣжный конецъ и жалобы на «оскудѣніе древляго благочестія» на этотъ разъ составляютъ не обычную воркотню старины на новое, а такъ сказать «дѣйствительное констатированіе совершающагося факта.»

Бывалъ я въ Заволжьи не одинъ разъ. Но то интересовало меня здѣсь валеное производство, то—щепное, то—лѣсное, и все это заслоняло собою наблюденіе религіозной стороны дѣятельности заводскаго населенія. Отправляясь за Волгу нынѣшнимъ (1875) лѣтомъ, для продолженія своего знакомства съ экономическимъ бытомъ края, вздумалъ я посмотрѣть самъ на эти живые остатки старины, окунуться чуть-чуть не въ XVI столѣтіе, побывать у «людей древляго благочестія», потолковать съ ними о ихъ былomъ красномъ житьѣ-бытьѣ, до разоренья 1853 года, посмотрѣть на теперешнее «оскудѣніе.» *) Но незнакомому человѣку трудно разговориться съ истымъ старообрядцемъ по душѣ: какъ онъ теперь ни откровененъ, зная, что прошли старыя времена преслѣдо-

*) Желаніе мое особенно разогрѣлось тѣмъ обстоятельствомъ, что именно передъ поѣздкой «проглотилъ» я мастерскіе разсказы Андрея Печерскаго «Въ лѣсахъ», тогда только-что вышедшіе отдѣльнымъ изданіемъ. Разсказы такъ живо написаны, такъ вѣрны, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительности, что мнѣ захотѣлось повѣрить ихъ въ тѣхъ отношеніяхъ (скитскихъ), которыя мнѣ всего менѣе были извѣстны. Если съ помощію моего разсказа читатель заинтересуется заволжскимъ бытомъ до того, что прочитаетъ «Въ лѣсахъ» — я буду вполнѣ удовлетворенъ. Я смотрю на свои замѣтки—какъ на рекламу разсказовъ Андрея Печерскаго.

ваній и огульнаго разгрома, но все-таки еще нѣсколько опасливъ, держится на-сторожѣ: безъ рекомендательнаго письма, безъ протекціи въ бесѣдѣ съ старообрядцемъ успѣешь развѣ немногимъ болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, въ погонѣ за карьерой. Если это нужно сказать о старообрядцѣ вообще, то затрудненіе еще усиливается при перспективѣ бесѣдъ въ глуши, съ женщинами, а въ глушь, въ скиты, къ женщинамъ, да еще къ старымъ, и подмывало меня забраться. Въ это время случилось мнѣ увидаться съ П. И. Мельниковымъ; я его попросилъ о рекомендательныхъ письмахъ, но онъ мнѣ помочь въ этомъ не могъ, сказавши, что всѣ личныя знакомства его со скитскимъ міромъ относятся къ 1853 году, съ тѣхъ поръ вѣроятно многіе изъ его знакомыхъ примерли, пришлось-бы слѣдовательно писать «циркулярно», что въ данномъ случаѣ было-бы конечно неудобно. Вспомнилъ я о двоихъ знакомыхъ мнѣ старообрядцахъ, о старообрядствѣ которыхъ совершенно забылъ, такъ какъ до того времени оно совершенно заслонялось другими интересами нашего знакомства, и обратился за «грамотками» къ нимъ. Одинъ изъ нихъ, житель Городца, съумѣвшаго отстоять свою извѣстную часовню (за Волгой, въ безпоповщинѣ, такъ и говорятъ: «онъ-де по городецкой часовнѣ») даже во время гоненія сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, отвѣтилъ мнѣ, что въ настоящее время у него никого уже знакомыхъ въ скитахъ нѣтъ, за то другой — Ларивонъ Семенычъ изъ деревни Касаткиной въ Мещорѣ*) — не только вызвался снабдить меня письмами вообще, но даже письмомъ къ «матушкѣ» Ма-

*) Имя моего знакомаго и деревни—вымышленныя. *Мещора*—дѣйствительно существующее названіе околодка, состоящаго изъ 10—12 деревень. Нижегородское заволжье вообще богато отдѣльными прозвищами цѣлыхъ мѣстностей: *Чисть, Чиста*—селенія по почтовому тракту отъ с. Бора (противъ Нижняго) до с. Слободского; *Починки*—отъ с. Слободского до г. Семенова; *Кантауровье*—селенія около с. Кантаурова; *Красная Рамень*—двѣ приволжскія волости; *Капустинъ Уголъ* и *Гнилой Уголъ*—селенія между Кантауровьемъ и Красной Раменью; смотря отъ с. Кантаурова объ эти мѣстности носятъ еще одно общее названіе *За-болота*; *Заузолье*—селенія между рѣкой Узолой и Кантауровьемъ; *Хохлома*—селенія около с. Хохломы; *Лыковщина*—селенія около с. Лыкова или Лыковщины, столицей Лыковщины считается однако не село этого названія, а деревня Хахалы; *Монастырщина*—селенія около деревни Шалдежа; далѣе, на сѣверъ, въ костромской уже губерніи, идетъ *Уренщина*, съ селомъ Уренемъ въ центрѣ; *Черная Рамень*—мѣстность около г. Семенова, влѣво отъ него, считая отъ Нижняго; *Колыноramенье*—мѣстность въ Красной Рамени и т. д. и т. д.

нефѣ*), бывшей уже въ «большомъ образѣ» въ знаменитомъ шарпанскомъ скиту во время разоренья 1853 года и доживающей теперь свой вѣкъ въ Семеновѣ, которая оказалась довольно близкой родственницей Ларивона Семеныча, женатаго на воспитанницѣ шарпанскаго скита, погромъ котораго засталъ ее по седьмому году. Касаткина лежитъ немного въ сторонѣ отъ почтовой дороги, по которой мнѣ путь лежалъ, но я заѣхалъ къ Ларивону Семенычу, во-первыхъ, за обѣщаннымъ имъ письмомъ къ матушкѣ Манефѣ, а во-вторыхъ, за добрымъ его словомъ; такъ-какъ никогда не отказывался отъ бесѣды съ нимъ.

Деревня Касаткина—типъ заволжской деревни: песочку въ ней вдоволь; дворовъ всего съ десятокъ; избы крыты тесомъ, внутри чисто, свѣтло, у крыльца — осколокъ большого гранитнаго камня; противъ нѣкоторыхъ избъ, кромѣ амбаровъ—лѣтнія келейки и вальяныя заведенія, подъ пригоркомъ—рѣчёнка; выйдешь за околицу—передъ носомъ торчатъ, верстахъ на 2-3 кругомъ, другія такія-же маленькія деревушки: за Волгой либо сплошь на 30-50 верстъ жилья нѣтъ—лѣсъ, да болота, либо тѣсно другъ къ другу жмутся деревни; народу въ нихъ немного, за то деревень, починковъ, выселковъ—видимо-невидимо.... Въ Горахъ, на-оборотъ, поселенія относительно рѣдки, но за то многолюдны: не въ диковину села съ пятитысячнымъ населеніемъ, а съ 1000-мъ—сплошь и рядомъ.

Всѣхъ краше въ Касаткиной изба Ларивона Семеныча. Ее даже избой назвать нельзя, также какъ и городскими купеческими хоромами. Это типъ жилья зажиточнаго заволжскаго «хозяина»: деревянный пятистѣнный срубъ, съ мезониномъ (свѣтелкой), на каменномъ фундаментѣ съ жильемъ, обшитъ тесомъ; крыша крашена красной краской, рѣзные ставни—зеленой; конекъ украшенъ вычурной рѣзьбой костромской «галки», стѣны въ комнатахъ оклеены шпалерами, въ корридорѣ сундукъ съ книгами, и старопечатными и новѣйшими; около дома—садъ, передъ домомъ полисадникъ, огороженный рѣзнымъ, вычурно-раскрашеннымъ красной, синей и желтой красками забор-

*) Имя тоже вымышленное, какъ и большинство именъ *живыхъ* лицъ, о которыхъ буду говорить ниже.

чикомъ. По всему видно, что Ларивонъ Семенычъ «въ тысячникахъ». И дѣйствительно, на него круглый годъ слишкомъ 200 человѣкъ въ окрестныхъ деревняхъ работаютъ. Но всего важнѣе то, что ни на кого такъ работать не въ охоту, какъ на Ларивона Семеныча. Добрая слава о немъ по всей валеной окрýгѣ ходитъ: никого-то онъ не прижметъ, никого не обидитъ, а еще самъ, при случаѣ, кому слѣдуетъ поможетъ.... Во всемъ семеновскомъ Заволжьи я знаю только двоихъ «хозяевъ», не похожихъ на общій типъ заволжскаго «тысячника»: того, кого я называю Ларивономъ Семенычемъ, да еще одного коромысленника-хозяина въ Красной Рамени.... А вообще-то отъ заволжскаго тысячника туго приходится работающему на него народу*).....

— Ну вотъ вы и въ наши палестины пожаловали, встрѣтилъ меня Ларивонъ Семенычъ..... Милости просимъ..... Любушка! Самоварчикъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ своей хозяйкѣ Любови Кирилловнѣ, привѣтливой миловидной женщинѣ лѣтъ подъ-сорокъ.

— А я вамъ и письмецо изготовилъ къ матушкѣ Манефѣ, и еще кое къ кому. Съ этими самыми письмами они васъ безъ сумлѣнія встрѣтятъ.... Пуганыя вѣдь вороны-то: куста боятся.

---

*) Организація заволжскаго промысла, заключающагося въ трехъ его главнѣйшихъ видахъ—валеномъ, щепномъ и кузнечномъ—въ общихъ чертахъ слѣдующая: «тысячникъ», т. е. человѣкъ въ тысячахъ (въ сотняхъ тысячъ, а тѣмъ болѣе въ милліонахъ, хозяевъ за Волгой не водится), раздастъ матеріалъ (шерсть, дерево, желѣзо) на руки рабочимъ своей и сосѣднихъ деревень и получаетъ отъ нихъ готовыя издѣлія, за которыя расплачивается, за вычетомъ стоимости матеріала, извѣстная часть котораго полагается на «угаръ»—большею частью по произвольной цѣнѣ, частью деньгами, частью-же, иногда львиной, припасами — мукой, солью (тоже по «своей» цѣнѣ). При этомъ практикуется та «форма кредита», которая держитъ рабочаго въ постоянной кабалѣ у хозяина иногда до того «благодѣтельствующаго» своего кліента, что уплачивающаго за него всѣ его повинности. Въ утѣшеніе рабочихъ остается развѣ одно, что почти въ такой-же зависимости находятся и хозяева ихъ—отъ нижегородскихъ купцовъ, сбывающихъ заволжскія издѣлія въ Нижнемъ и на нижегородской ярмаркѣ, на ирбитской ярмаркѣ, въ Сибири, въ Украйну, въ Петербургъ, и даже посредствомъ петербургскихъ конторъ (щепной товаръ)—въ Берлинъ, Лондонъ и особенно въ Парижъ, такъ какъ французская провинція сильно требуетъ заволжскія росписныя блюда и чашки.—Валеное производство за Волгой держится также не крупными заведеніями, а кустарной работой на крупнаго хозяина: у самаго состоятельнаго хозяина, въ его собственномъ заведеніи, работаетъ много-много человѣкъ 15—20; остальные рабочіе заняты у себя на дому, по сосѣднимъ деревнямъ; каждый дѣлаетъ свое дѣло изъ хозяйскаго матеріала: кто *сбиваетъ*, кто *катаетъ*, кто *стираетъ* сапогъ; *красится* и *отдѣлывается* товаръ большею частью у самого хозяина. Купцы, торгующіе валенымъ товаромъ въ нижнемъ, имѣютъ дѣло только съ хозяевами и считаютъ ихъ заведенія своими, говоря: «на насъ работаютъ столько-то заведеній за Волгой», или даже: «у насъ за Волгой столько-то заведеній»,—это значитъ они имѣютъ дѣла съ столькими-то хозяевами.

Скоро появилась Любовь Кирилловна, неся на большомъ подносѣ два стакана чаю, сливочникъ съ густыми сливками и тарелочки съ крупной клубникой изъ собственнаго сада. Поставивъ все это на столъ, Любовь Кирилловна скромно подсѣла на диванъ и слѣдила за выпиваемыми нами въ разговорѣ стаканами чаю, чтобы ихъ снова наполнить.

— Вы когда полагаете посѣтить матушку Манефу? спросилъ меня Ларивонъ Семенычъ.

Сегодня четвергъ.... Завтра буду я въ Зубовѣ, значитъ и въ комаровскомъ скиту.... Послѣ завтра — въ Хохломѣ, ночую въ Фундриковѣ, заѣду въ улангерскій скитъ, потомъ проѣзду въ Перешаль, въ Богомленье.... Къ воскресенью въ Семеновѣ буду — высчитываю я.

— Ну и прекрасно-съ: въ понедѣльникъ встрѣтитесь съ Любовь Кирилловной, которая тамъ съ сестрицей Анфисой Кирилловной будетъ.... Анфиса-то Кирилловна тоже у матушки въ Шарпанѣ обучалась.... Теперь они въ замужствѣ на Бору.... Завтра къ намъ гостить пріѣдутъ, а къ воскресенье съ Любовь Кирилловной въ Семеновъ къ матушкѣ Манефѣ выѣдутъ....

— Въ нашей сторонѣ все больше по тайному священству, говорилъ Ларивонъ Семенычъ за третьимъ стаканомъ чаю.... Я, признаться сказать, въ настоящее время колеблюсь: очень ужъ сумнительно съ нашимъ тайнымъ священствомъ. Не знаю еще на чемъ порѣшу.

— А духовныхъ христіанъ за Волгой мало? спросилъ я между прочимъ.

— Немного. По нашимъ мѣстамъ вотъ только человѣка 2-3, изъ бывшихъ поморцевъ.... Въ Нижнемъ купца Тѣстова не знаете-ли?—Куда-то на югъ ѣздилъ, оттуда пріѣхалъ духовнымъ христіаниномъ.... Домашніе его такъ поврежденнымъ считаютъ.... Вотъ подальше, за Семеновомъ, ихъ въ послѣдніе 10 лѣтъ довольно стало.... А у насъ, поближе-то къ Волгѣ, все церковники — только требы лѣтъ по 20-ти не справляютъ.... А то еще у насъ расплодились ровно какъ будто.... индиферентисты, такъ это одно безобразіе. То и дѣло сходятся, да расходятся: женится на одной, потомъ жена

не понравится -- другую подавай.... Знаешь, Любушка, Ефима изъ Болотной? Такъ тотъ,—обращаясь снова ко мнѣ, продолжалъ Ларивонъ Семенычъ,—разошолся съ женой, женился на другой, а потомъ—опять на первой.... А бываетъ и такъ: кто и изъ нашихъ, пріемлющихъ тайное священство, не дождется попа изъ Москвы, пойдетъ къ никоніанскому священнику. Тотъ ночью и повѣнчаетъ, по нашему — посолонь и безъ «Исаія ликуй» (ну, извѣстно, и цѣна другая), выдастъ свидѣтельство, а въ книгу не запишетъ.... Придетъ случай — скажетъ по ошибкѣ, по запамятованью не внесъ — и вся недолга!

— Скиты нынѣ, говорилъ Ларивонъ Семенычъ, когда рѣчь зашла о скитахъ,—еле-еле дышутъ. Прежняго богатства, когда жили на распашку, когда случалось, многія старицы и слезой іерусалимской*) не брезговали — и помину нѣтъ. Бываютъ, точно, и теперь вклады, да рѣдко большіе-то живутъ. Недавно вотъ по завѣщанію казанскаго купца Борисова, имъ 10,000 р. досталось—да это рѣдко, говорю. Больше все теперь скиты-то кое какъ своими работишками пробавляются, да малостями отъ здѣшнихъ, московскихъ и казанскихъ христолюбцевъ....

Взошла луна, на землю легла ночная прохлада послѣ знойнаго дня, и напутствуемый пожеланіями Ларивона Семеныча и Любови Кирилловны, я двинулся въ путь. Тихо было, хорошо. По сторонамъ узкаго проселка трещали кузнечики въ овсахъ, усѣянныхъ желтыми цвѣточками полевой рѣдьки, кое-гдѣ раздавался пронзительный крикъ изъ гнѣздъ волжскихъ мартыновъ (чаекъ), устраивающихъ свое семейство въ поляхъ, подальше отъ рѣки.... Скоро послышался и гулъ паровой мельницы-крупчатки въ Неклюдовѣ, а вмѣстѣ съ нимъ крики безчисленнаго множества разведенныхъ управляющимъ мельницей на озерѣ домашнихъ утокъ, доставляющихъ удовольствіе не столько своему хозяину, сколько остроумнымъ нижегородскимъ охотникамъ, ходящимъ по улицамъ города съ туго набитой охотничьей сумой.

Подъ язвицами, верстахъ въ 50-ти отъ Нижняго заволжская равнина уже сбивается на довольно крупныя возвышенности, но за то

*) Водка—на скитскомъ жаргонѣ.

заволжскій характеръ поддерживается все чаще и чаще попадающимися гранитными валунами, осколками финляндскихъ глыбъ.... Народъ толкуетъ, что то не камни, а послѣдніе русскіе богатыри, побившіе силу татарскую и похвалявшіеся побить силу небесную, за то и обращенные въ камни*).

У села Пафнутова, прославившагося словеснымъ состязаніемъ извѣстнаго нижегородскаго архіепископа Питирима съ тогдашними керженскими расколоучителями, состязаніемъ, въ которомъ однако между словесными аргументами, играла убѣдительную роль и висѣлица, свернулъ я съ большаго почтоваго тракта, и перелѣсками, на деревни Поляну и Ронжино, сталъ подвигаться къ комаровскому скиту. По мѣрѣ приближенія къ нему лѣсъ все густѣетъ и постепенно переходитъ въ плотную почти непроницаемую чащу, обрывающуюся наконецъ почти у самой ограды скита.

При первомъ взглядѣ на городьбу, окружающую скитъ, на обширные сараи его, на скитскія кельи, кое-гдѣ соединенныя крытыми переходами и обращенныя лицомъ къ прелестной луговинѣ, покрытой ярко-зеленой травой, сейчасъ замѣтишь, что это ни деревня, ни село, ни выселокъ, ни монастырь, а *скитъ*, или лучше сказать—по теперешнему его виду, сравнительно съ прежнимъ—поскребышки-остатки былого привольнаго широкаго мѣста «спасенья» людей древляго благочестія.

Вотъ что разсказываетъ авторъ „Въ лѣсахъ“ о внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ знаменитыхъ заволжскихъ керженскихъ и

*) Нижегородскій статистическій комитетъ въ 1868 году снаряжалъ маленькую экспедицію для изслѣдованія границъ распространенія обозначенныхъ на картѣ Мурчиссона, эратическихъ камней за Волгой, въ цѣляхъ практическихъ—эксплуатаціи камня, какъ строительнаго матеріала—но безуспѣшно. При постройкѣ, въ пятидесятыхъ годахъ нижегородско-московскаго шоссе, на него еще доставлялся заволжскій гранитъ гужомъ, зимой (сплавомъ его вывести отсюда неудобно); по теперешнимъ-же цѣнамъ провоза заволжскіе «богатыри» можно спокойно лежать за Волгой: провозъ ихъ въ Нижній не окупилъ-бы ихъ назначенія, а потому ихъ тревожитъ одно мѣстное населеніе, разбивая и складывая ихъ въ кучи, при распашкѣ полей. Попадающіеся крупные экземпляры, точно обдѣланные искусственной рукой, почти правильной четырехъ-угольной формы, употребляются на деревенскія крыльца передъ избами. Самый большой валъ камней замѣчается подвигаясь къ границамъ костромской губерніи, около селъ Перевоза и Богоявленья и вообще по берегамъ рѣкъ Узолы, Кезы, Липды и въ верховьяхъ Керженца.

чернораменскихъ скитовъ въ пору ихъ образованія, процвѣтанія, до разоренья 1853 года. По скитскимъ преданіямъ, начало старообрядческихъ поселеній въ заволжскихъ лѣсахъ повелось чудеснымъ образомъ. Во время „соловецкаго сидѣнья", когда царскій воевода Мещериновъ обложилъ возмутившихся въ монастырѣ Зосимы и Савватія*) старообрядцевъ и не выпускалъ оттуда никого, древній старецъ инокъ-схимникъ Арсеній дни и ночи проводилъ на молитвѣ передъ иконой казанской Богородицы, прежде—комнатной царя Алексѣя Михайловича, которая была имъ пожалована въ Соловки еще до патріаршества Никона. Наканунѣ взятія монастыря царскою ратью, истомился Арсеній, стоя на молитвѣ, и задремалъ. Во снѣ слышитъ онъ голосъ: „Гряди за мною ничто-же сумнися, и гдѣ я остановлюсь, тамо поставь обитель и пока икона моя будетъ въ той обители, древлее благочестіе будетъ въ ней процвѣтать"..... Икона поднялась кверху и исчезла. Проснулся инокъ—иконы нѣтъ на мѣстѣ.... Взявши монастырь, побѣдители перевезли „соловецкихъ сидѣльцевъ" на матерую землю, въ кандалахъ, въ томъ числѣ и Арсенія. Но ему удалось бѣжать. Только что вступилъ онъ въ лѣсную чащу, какъ увидалъ, что икона, передъ которой онъ молился, „грядетъ поверхъ лѣса на воздусѣхъ." Идетъ за ней Арсеній, передъ нимъ деревья разступаются, сохнутъ передъ нимъ непроходимыя болота, рѣки дорогу даютъ.... Стала наконецъ икона въ лѣсахъ чернораменскихъ, на урочищѣ Шарпанѣ. И поставилъ тутъ Арсеній первый скитъ.... Шарпанскій скитъ существовалъ 170 лѣтъ и окончательно разоренъ въ 1853 году. Теперь отъ него нѣтъ и слѣдовъ, если не считать оставшихся въ лѣсу могилъ, заросшихъ кустарникомъ и небольшими деревцами. Этотъ скитъ, въ которомъ въ послѣднее время жило болѣе 100 келейницъ, считался однимъ изъ самыхъ богатыхъ и строгихъ скитовъ. Съ помощью лицъ, разорявшихъ это „богомольное пристанище", знавшихъ очень хорошо содержаніе пророчества о процвѣтаніи древляго благочестія въ скиту, не трудно было и исполнится пророчеству: икона казанской Богородицы въ 1853 году была передана въ мужской керженскій единовѣрческій монастырь.

*) Преданія о Зосимѣ и Савватіѣ очень живы въ нижегородскомъ Поволжьи, и живутъ, напр., въ наговорахъ на пчелъ («Ниж. Сборникъ», т. V, стр. 259—262.).

Съ легкой руки соловецкаго инока скиты стали расти въ заволжскихъ лѣсахъ, какъ грибы, и вскорѣ—считаться въ лѣсахъ черноременскихъ, керженскихъ и рымскихъ (неправильно называемыхъ брынскими) не десятками, а сотнями.

На первыхъ порахъ заволжскіе скиты были учрежденіями чисто-религіозными и служили убѣжищемъ „нехотѣвшимъ новины никоновы пріяти.“ Но мало-по-малу, съ ослабленіемъ религіознаго фанатизма, скиты теряли свой чисто-религіозный характеръ и превращались въ рабочія общины, съ артельнымъ устройствомъ хозяйства. Удержались однако до послѣдняго разоренья одни женскіе скиты, въ которыхъ твердо сохранялись старыя преданія и строгая дисциплина. Мужскихъ-же скитовъ къ 1853 году не осталось ни одного, вслѣдствіе внутренняго неустройства ихъ. Въ видѣ остатковъ отъ прежнихъ мужскихъ скитовъ живали только, по деревнямъ, одинокіе «старцы,» или толкались на богомольяхъ «шатуны,» тѣ, про которыхъ всякія зазорныя «разговорки» идутъ, тѣ, про которыхъ говорятъ въ народѣ, что «спереди—блаженъ мужъ, а сзади—вскую шаташася,» или: «есть деньги—такъ съ свайку; нѣтъ денегъ—такъ въ схиму,» или: «молока не хлебнетъ въ пятницу, а молочницѣ и въ великую субботу не спуститъ....» Охотниковъ до строгаго пустыннаго житья въ лѣсныхъ землянкахъ-кельяхъ было и до 1853 года немного.

Головою скитскаго общежитія была «матушка игуменья.» Труды ея по управленію общиною раздѣляли слѣдующія лица: «уставщица»—по часовенной службѣ и по всему, что касалось религіозной части; «казначея»—по хозяйственному распорядку, исключая съѣстныхъ заботъ, которыя вѣдала «мать келарь»; кромѣ того по личнымъ дѣламъ «матушки игуменьи,» которой дозволялось, по скитскимъ уставамъ, имѣть частную собственность, «ходило въ ключахъ» особое должностное лицо—«мать ключница,» которая вела также всю обительскую переписку. Изъ этихъ лицъ и еще нѣсколькихъ старшихъ «матерей» составлялся обительскій совѣтъ—«соборъ;» «соборныя матери» рѣшали важнѣйшія дѣла, касавшіяся всей обители. Всѣ эти должности были выборными, исключая долж-

ности «матери ключницы,» на которую избиралась черница или даже «бѣличка» самой игуменьей, ея единоличной властью.

Въ скитской дѣятельности на первомъ планѣ стояло хозяйство, которое, особенно въ послѣднее время, шло впереди духовныхъ подвиговъ. Но и послѣдніе конечно не забывались, такъ какъ ими въ извѣстной части публики скиты преимущественно держались: богатые «христолюбцы,» нагрѣшивъ вдоволь, только и надѣялись на то, что «святыя обители» усердно ихъ грѣхи замолятъ, а такъ какъ даромъ на свѣтѣ ничего не дѣлается, то и отваливали на моленья крупные куши, и чѣмъ грѣхи тяжелѣе, тѣмъ, значитъ, и даянія увѣсистѣе должны быть.*)

Кромѣ домашняго скитскаго моленья существовало и отхожее: постоянно въ Москвѣ, въ Нижнемъ, въ Казани и въ другихъ городахъ живали скитскія «каноннцы» или «читалки,» — большею частью молоденькія ловкія бѣлички, которыя были обязаны «стоять негасимую свѣчу», т. е. «денно-нощно» читать «псалтырь» по покойникамъ «на мѣстѣ ихъ преставленія,» и учить дѣтей грамотѣ въ домахъ скитскихъ благодѣтелей. Отправлялись также особыя «сборщицы» съ книжками, ежегодно къ пасхѣ привозившія въ скиты деньги, припасы и все, что ни соберутъ. Все, что добывала обитель, путемъ-ли даяній или собственной работы, все шло на пользу общую: на себя работать никто не смѣлъ. Келейныя работы состояли изъ

*) «Живетъ христолюбецъ, вѣкъ свой рабочихъ на пятаки, покупателей на рубли обсчитываетъ, говоритъ Андрей Печерскій. Случится къ казнѣ подъѣхать, и казну не помилуетъ, съумѣетъ и съ нея золотую щетинку сорвать. Плачутся на христолюбца обиженные, а ему и дѣла мало, сколачиваетъ денежку на черный день, подъ конецъ жизни сотнями тысячъ начнетъ ворочать, да разика два обанкрутится, по гривнѣ за рубль заплатитъ и наживетъ милліонъ.... Приблизится смертный часъ, толстосумъ сробѣетъ, проситъ, молитъ наслѣдниковъ: «устройте душу мою грѣшную, не быть-бы сй во тьмѣ кромѣшной, не кипѣть-бы мнѣ въ смолѣ горячей, не мутиться-бы въ жупелѣ огненномъ». И начнутъ поминать христолюбца наслѣдники: сгромоздятъ колокольню въ 7 ярусовъ, вылютъ въ тысячу пудовъ колоколъ, чтобы до третіяго небеси слышно было, пока тотъ колоколъ будетъ вызванивать изъ ада душу христолюбца-мошенника. Ризъ нашьютъ дородаровыхъ съ жемчугами, да съ дорогими каменьями, такихъ, что попу не въ моготу и носить ихъ, да и страшно — поручь одна какая-нибудь впятеро дороже всего коповскаго достоянья. Сотни рублей платятъ наслѣдники христолюбца голосистому протодьякону, чтобы такую «вѣчную память» съоралъ по тятенькѣ, отъ какой-бы и во адѣ всѣмъ чертямъ стало тошнехонько. И вызвонятъ, и выревутъ такимъ способомъ душу изъ вѣчныя муки.... Раскольникамъ такъ спасать родителей не доводится — колокола, ризы и громогласные протодьяконы у нихъ возбраняются. Какъ-же, чѣмъ-же имъ, сердечнымъ, спасать душу тятенькину?.... Ну и спасаютъ ее отъ муки вѣчныя икрой, да балыками, жертвуютъ всѣмъ, что есть на потребу бездоннаго иноческаго стомаха»..... («Въ лѣсахъ», I, 345).

пряжи льна и шерсти, тканья новинъ, пестряди, сукна, шелковыхъ полосокъ, производства лѣстовокъ, вышиванья по канвѣ шелками, шерстями, синелью, золотошвейнаго мастерства, переписки разныхъ тетрадокъ духовнаго содержанія, иконописи и т. п.

Скитскія постройки имѣли совершенно особый видъ и стояли большею частью въ глухомъ лѣсу, чисто-содержимомъ, точно паркъ. Пашни вокругъ никакой: земледѣліемъ кромѣ сѣнокоса никто здѣсь не занимался. Внутри скита-ни—улицы, ни проулка, ни односторонки, ни курмыша. Жилыя строенія и разныя службы расположены были кругомъ обширнаго двора—чистаго, зеленаго луга, посерединѣ котораго обыкновенно возвышалась обширная деревянная часовня, типомъ которой можетъ служить уцѣлѣвшая до сихъ поръ городецкая часовня. Строенія стояли задами наружу, лицомъ — ко двору, какъ табунъ лошадей въ минуту нападенія на него стаи волковъ.

Скитъ состоялъ изъ нѣсколькихъ „обителей", стоявшихъ отдѣльно; между ними строились избенки непринадлежавшихъ къ обители „сиротъ" или болѣе или менѣе богатые дома мірянъ, большею частью богатыхъ купеческихъ вдовъ, которымъ полюбилось скитское житье, но не на столько, чтобы, вовсе отказавшись отъ мірскихъ соблазновъ, принять иноческій чинъ. Живали въ такихъ домахъ и молоденькія дочки, отданныя благочестивыми родителями ума-разума добывать у наставительныхъ «матушекъ». Живали въ скитахъ, подъ строжайшимъ надзоромъ, и непокорныя дочери, чѣмъ-нибудь навлекшія на себя гнѣвъ родительскій.... Случалось, что „матушки„ такъ запугаютъ воображеніе отданныхъ на исправленіе дѣвушекъ, что тѣ и «большой образъ» принимали; случалось, что, изстрадавшись въ когтяхъ особенно усердной наставницы, иная зачахнетъ и помретъ; случалось—молодая кровь не вытерпитъ и дѣвушка проведетъ бдительныхъ „матерей", да бѣжитъ и во всѣ тяжкія пустится.... Случалось, что, слушая разсказы „матерей" о духовныхъ подвигахъ однимъ ухомъ, а разсказы на скитскихъ посидѣнкахъ какого-нибудь молодого купеческаго сынка, скитскаго гостя, или красиваго парня изъ ближайшей деревни, о прелестяхъ міра—другимъ и черничка, не говоря уже о бѣлицахъ, свадьбу „уходомъ" съ нимъ

сыграетъ*).... Всего довольно было въ скитахъ, гдѣ думали и строгія „матери“ также, какъ и масоны, что „не согрѣшишь—не умолишь, не грѣша—не помолишься“..... Не даромъ пѣлись про скиты пѣсенки въ родѣ слѣдующей:

Ой вы, матери-келейницы, сухопарыя сидидомницы!
Къ вамъ старикъ во дворъ, а и гдѣ вы?—„Въ часовнѣ часы читаемъ“.
Ой вы, матери-келейницы, сухопарыя сидидомницы!
Къ вамъ молодчикъ во дворъ, а и гдѣ вы?—„По кельямъ лежимъ“.

Пять-шесть большихъ бревенчатыхъ избъ на высокихъ подклѣтяхъ ставились вплотную другъ къ дружкѣ, или соединялись крытыми тесовыми сѣнями-переходами. Такое строеніе называлось «стаей»; каждая стая заключала въ себѣ 5—6, иногда и 10 теплыхъ, сухихъ, чистыхъ горенокъ, съ перегородками столярной отчетливой работы. Двѣ-три и болѣе стай, съ погребами, житницами, конюшнями, сараями и примыкавшими къ строеньямъ огородами и кладбищами, обносились изгородью и составляли одну общину—«обитель». Нѣсколько такихъ обителей составляли—«скитъ».

Въ скиту бывало большей частью по одной часовнѣ, саженъ по 15 въ длину, по 6—7 въ вышину, строенныхъ бревенчатымъ четырехъ-угольникомъ, не обшитымъ тесомъ, съ окнами въ 2—3 ряда, подъ громадною, крутою, въ два ската, тесовою крышею, на которой возвышался большой восьмиконечный крестъ. Вмѣсто запрещенныхъ въ скитахъ колоколовъ, стояли «била» и «клепала», повѣшенныя на столбахъ доски, въ которыя колотили деревянными молотками.

---

*) Свадьбы «уходомъ» или «уводомъ», свадьбы «самокрутки», почти неизвѣстныя въ Горахъ, рѣдкія въ близкихъ къ Волгѣ мѣстахъ нижегородскаго Поволжья, за Волгой, подъ Семеновомъ, очень обыкновенны и состоятъ въ томъ, что, въ случаѣ несогласія родителей на бракъ слюбившейся на зимнихъ посидѣнкахъ (посидѣнокъ съ парнями въ Горахъ почти вовсе не знаютъ) четы, она вѣнчается тихонько отъ нихъ, потомъ является на поклонъ къ родителямъ, которые, натѣшившись вдоволь плетью надъ самовольными, наконецъ прощаютъ ихъ. Въ послѣднее время впрочемъ, при увеличивающихся съ каждымъ годомъ тратахъ на свадебные пиры, сами родители поощряютъ свадьбы уходомъ, т. е. даютъ негласное или безмолвное согласіе на нихъ и затѣмъ кобенятся, тѣшатся плетью для одного «контенонсу». Обстоятельное описаніе самокрутокъ можно найти въ «Нижегородскомъ Сборникѣ», въ III томѣ изданія.

Каждая обитель управлялась игуменьею съ ея соборными старицами. Въ случаѣ дѣлъ особой важности, составлялся совѣтъ изъ всѣхъ обителей скита. Иногда, для обсужденія вопросовъ чисто религіозныхъ и политическихъ (въ смыслѣ обсужденія даннаго образа дѣйствій въ данныхъ обстоятельствахъ), вопросовъ общихъ, касавшихся всего старообрядческаго міра, какъ напр., по вопросу объ исканіи архіерейства, съѣзжались въ одинъ какой-нибудь скитъ игумены и мудрыя старицы всѣхъ заволжскихъ скитовъ.

. . . . . .

Въ настоящее время въ нижегородскомъ Заволжьи всего четыре скита: *комаровскій*, *оленевскій*, *чернухинскій* и *улангержій*.

Комаровскій скитъ, основанный—вскорѣ послѣ соловецкаго погрома и основанія старцемъ Арсеніемъ шарпанскаго скита,—богатымъ торжковскимъ выходцемъ по прозвищу *Комаръ*, состоялъ прежде десятковъ изъ четырехъ обителей, 2000 населенія. Слава комаровскаго скита, начавшаяся въ годъ образованія въ Москвѣ рогожскаго и преображенскаго кладбищъ (1771), когда въ скитъ пришли Игнатій Потемкинъ, Манефа Старая и извѣстный по всему старообрядству писатель Іона Курносый, написавшій въ комаровскомъ скиту большую часть своихъ сочиненій,—теперь представляетъ только слабый намекъ на свое болѣе привольное житье.

На чистомъ прелестномъ лугу, о которомъ я уже упоминалъ, стоятъ кучей нѣсколько высокихъ березъ, разросшихся на мѣстѣ стоявшей до 1853 года часовни. Одинъ край луга занятъ обширными сараями, почти пустыми, куда теперь складывается одно сѣно; другой — скитскими постройками: чистенькими домиками съ полисадничками; нѣкоторые изъ этихъ домиковъ стоятъ отдѣльно, другіе соединены крытыми переходами и выдаются въ лугъ уступами; остальные края луга окружены упирающимся въ него густымъ чистымъ лѣсомъ.

Я въѣхалъ на лугъ, не встрѣченный обычнымъ собачьимъ лаемъ*), вылѣзъ изъ своей таратайки и остановился въ нерѣшимости: скитъ казался вымершимъ.

*) Собакъ держать въ скитахъ не запрещено уставами, но просто—не въ обычаѣ.

Вскорѣ однако показалась вышедшая изъ проулка между двумя кельями женщина лѣтъ 45, съ сильно щурившимися умными глазами на замѣчательно красивомъ и энергическомъ лицѣ; голова ея была покрыта темнымъ платкомъ на старообрядческій манеръ, старообрядческій темно-синій сарафанъ украшенъ былъ во всю длину, по обыкновенію, стальными круглыми пуговками; обуви на ней не было вовсе.

— Кого вамъ? спросила она меня.

— Да мнѣ-бы съ Ульяной Гавриловной повидаться...

Оказалось, что я остановился именно противъ кельи Ульяны Гавриловны.

— Замокъ вонъ на двери у ней...

Изъ того-же проулка показалась молодая дѣвушка, ведшая рядомъ со стожкомъ сѣна, плывшемъ, какъ говорится на «собственномъ иждивеніи», на буксирѣ, причаленномъ къ хомуту лошади, которую вела къ сѣнницѣ другая дѣвушка.

— Катерина! крикнула первой моя собесѣдница... Сбѣгайко на огородъ къ Ульянѣ Гавриловнѣ, нѣтъ-ли ее тамъ?.. Скажи ей, пріѣзжій-молъ ее спрашиваетъ.

Катерина оставила свою товарку и побѣжала, сверкая голыми пятками, а красивая женщина, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разспросовъ, плавно пошла своими босыми ногами по лугу, по направленію къ лѣсу.

Нѣсколько минутъ спустя, запыхавшись, подбѣжала ко мнѣ Ульяна Гавриловна, а посланная за ней дѣвушка бѣгомъ пустилась черезъ лугъ къ сѣнницѣ, куда и скрылась.

— Вы кто такіе будете? спросила меня Ульяна Гавриловна, все еще не отдышавшись.

Я сказался и подалъ ей письмо.

Пробѣжавши нѣсколько строкъ, она вся просіяла и бойко затараторила.

— Ахъ, родной вы мой! Да пожалуйте ко мнѣ въ келейку. Лошадокъ-то отпустите.... У меня и самоварчикъ про васъ живымъ манеромъ поспѣетъ... Да вы-бы переночевали у насъ, спокой вамъ будетъ.... А самоварчикъ-то у меня у одной водится: грѣшнымъ

дѣломъ—балуюсь; матери наши не одобряютъ, ну, да вѣдь я—мірской человѣкъ, еще въ иночествѣ не угодила.... Пожалуйте, посмотрите на наше житье-бытье.... Приволье у насъ тутъ: умирать не надо!...

И Ульяна Гавриловна, сильно жестикулируя своими крутыми бедрами, подбѣжала, говоря свой речитативъ скороговоркой, къ двери и, остановившись у нея, пропустила меня въ сѣни.

За темными, прохладными сѣнями, поднявшись на двѣ ступеньки,—чистая горенка, раздѣленная переборкой, отъ печи къ лицевымъ окнамъ, на двѣ неравныя половины.... Не стану впрочемъ далѣе прибавлять къ описанію скитскаго житья-бытья слово чистый, такъ-какъ его безпрестанно нужно будетъ повторять.... Налѣво отъ входа, въ углу,—конечно божница со всѣми ея принадлежностями. Стѣны оклеены незатѣйливыми обоями и увѣшаны фотографическими карточками—портретами въ самодѣльныхъ рамочкахъ—и лубочными картинками духовнаго содержанія. На окнахъ цвѣты. На полу, холщевые широкіе половики. Полати выкрашены синей масляной краской; деревянные приступки на изразцовой печи—тоже. Лавки покрыты бѣлымъ холстомъ. На столѣ—вязаный столешникъ. Вторая, меньшая, половина кельи, за переборкой, тоже съ половиками, цвѣтами, фотографическими карточками и рѣзными крашенными шкапиками по стѣнамъ для посуды и принадлежностей работы: шерстями, шелками и т. п.

— Ну вотъ и самоварчикъ согрѣла, родной вы мой.... Вотъ сейчасъ чайку заварю, сахарку, крендельковъ, лепешечекъ—ужъ не обезсудьте: черственьки маленько—подамъ; сейчасъ, сейчасъ! суетилась Ульяна Гавриловна, а крутыя бедра такъ и ходили ходенемъ, переваливая станъ то въ ту, то въ другую сторону.

Ульянѣ Гавриловнѣ уже пятый десятокъ пошолъ, но она такъ моложава на видъ, что ей и тридцать дать въ пору. Особенно молоды ея большіе голубые, даже изъ-синя, глаза. Все лицо ея крайне добродушно и миловидно, и было-бы даже и вовсе красиво, если-бы не надшіе оттопырившаяся верхняя губа, да не слишкомъ выдвинувшіеся впередъ большіе сѣрые зубы передней части верхней челюсти. Дородностью Ульяна Гавриловна такъ ужъ вовсе не обижена:

плечи, что у волжскаго крючника, руки бѣлыя, пухлыя, съ глубокими ямками вмѣсто костей на сгибахъ пальцевъ, а ужъ бедра— хотъ верхомъ на каждое садись!...

Ульяна Гавриловна въ скиту съ малолѣтства; сиротой была отдана въ скитъ дальними родственниками и съ 9—10 лѣтъ находилась въ услуженіи у богатой петербургской купчихи-вдовы, проживавшей до разоренья 1853 года въ Комаровѣ въ собственномъ, полномъ какъ чаша, домѣ. Такъ-какъ при разореніи скитовъ изъ нихъ выселялись въ мѣста своей приписки всѣ жившія въ нихъ постороннія, не приписанныя къ ближайшему селенію лица, то въ числѣ ихъ должна была оставить комаровскій скитъ и благодѣтельница Ульяны Гавриловны. Ей почему-то было однако дозволено переселиться не въ Петербургъ, а въ г. Семеновъ (верстахъ въ 25 отъ комаровскаго скита), но тамъ ее сильно склоняли къ принятію единовѣрія, особенно тогдашній семеновскій исправникъ, оставившій по себѣ очень недобрую память своимъ излишнимъ рвеніемъ и спеціальными „издѣвательствами“, никакой надобностью не оправдываемыми, а она крѣпко держалась старины, и наконецъ, не стерпѣвши назойливыхъ „миссіонерскихъ“ преслѣдованій исправника, переселилась въ Петербургъ. Ульяна Гавриловна была все время при ней, вплоть до ея смерти, вслѣдъ за которой переселилась на старое попелище, въ Комарово, дорогое ей по воспоминаніямъ и дѣтства, и первой молодости, и бытовымъ традиціямъ. Теперешній домикъ Ульяны Гавриловны построенъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ ея благодѣтельницы, и даже изъ того-же самаго стараго лѣсу. Ульяна Гавриловна приписана къ Комарову, маленькой деревушкѣ, состоящей всего изъ 7—8 дворовъ, расположенныхъ по ту сторону рѣчки Курачки.

— И-и-и! И всего-то было! разсказывала мнѣ Ульяна Гавриловна за чаемъ про разоренье.... Такъ лютовалъ Григорій Васильичъ, исправникомъ у насъ, значитъ, на ту пору былъ, что ни Боже мой! И наметки-то наши, значитъ—клобуки, платочки такія у насъ инокини носятъ, съ головъ старицъ срывалъ, да ногати топталъ, и трубку-то закуривалъ у лампадъ, и такія-то всякія безчинства дѣлывалъ, что и вспомнить и разсказывать-то нехорошо. Вотъ

генералъ Алябьевъ пріѣзжалъ, ну—и Павелъ Иванычъ тоже, что-же дѣлать! — твори волю пославшаго—что имъ приказано было, то и соблюдали: образа это отбирали, отдавали приказанія сносить кельи, часовни, про которыя имъ прописано было въ бумагѣ, выселяли это народъ изъ скитовъ, а безобразія, нечего таить, никакого не чинили.... А ужъ Григорій Васильичъ!... Тошно и вспоминать-то, говорю....

— А кто у васъ обителью-то правилъ во время разоренья? спросилъ я.

— Матушка Маргарита; Маргарита, умильный мой. Строгая была старица и божественнымъ ученіемъ осчастливлена была, царство ей небесное: вотъ ужъ видно десятый годъ пошолъ, какъ преставилась.... А потомъ у насъ игуменьей матушка Анфиса была, такъ та вотъ только съ годъ какъ побывшилась.... Теперь у насъ за игуменью Анна Семеновна, изъ Шанчура она*), у нее тамъ богатые сродники живутъ; лѣтъ съ 12, какъ она сюда приписалась, ну, всей обителью и правитъ замѣсто игуменьи, а настоящей игуменьи у насъ нѣтъ. Не тѣ ужъ видно времена приспѣли. Старушки-то разумныя подобрались—примерли, а которыя и бродятъ еще, такъ немощны обителью-то править. Да и всего-то черницъ у насъ немного... Анна Семенова тоже не въ иночествѣ еще....

Потомъ пошла у насъ бесѣда про теперешніе скитскіе порядки, про стоянье на негасимой, про тайное священство.... Но не желая злоупотреблять довѣрчивостью Ульяны Гавриловны, полагаю, что всего благоразумнѣе съ моей стороны поставить здѣсь точки .....

Комаровскій скитъ теперь состоитъ всего изъ трехъ обителей: *манефиной*, въ которой живетъ Ульяна Гавриловна, *игнатиевой* (за рѣчкой), которой правитъ также за игуменью мать Маргарита, и *кроединой* (тоже за рѣчкой), которую и обителью назвать нельзя: въ ней всего 3—4 старухи, одиноко доживающія

*) *Шанчуромъ* (также *Шанчурою*) называютъ народъ и устами крупныхъ воротниковъ и лысковскихъ торговцевъ, заштатный городъ яранскаго уѣзда вятской губерніи *Царевосанчурскъ*, пріятельный и солидный центръ въ хлѣбной торговлѣ, очень хорошо извѣстный въ реальномъ мірѣ камско-волжскаго района и конечно неизвѣстный нашей интеллигенціи, какъ доказала, кажется въ 1868 году, «Москва», въ одной изъ своихъ передовыхъ статей.

свой вѣкъ, безъ всякихъ признаковъ общежитія. Общежитіе и въ первыхъ двухъ обителяхъ ведется нынче далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ прежде: большинство скитницъ живетъ своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ; въ общей трапезѣ сходятся немногія и только почти одна молитва осталась общею.

Послѣ чаю Ульяна Гавриловна повела меня въ келарню, неподалеку отъ входа въ которую стоитъ било, гдѣ насъ встрѣтила мать-келарь Ксенофонта. Теперешняя келарня помѣщается въ бывшей игуменьиной кельѣ, соединенной темными переходами съ моленной. Моленная—маленькая, оклеенная обоями, съ часами на стѣнѣ, съ образами на полкахъ и на всей противоположной входу стѣнѣ, имѣющей такимъ образомъ видъ иконостаса, съ тяжелымъ запахомъ ладона и воску и съ опущенными на окнахъ бѣлыми сторками.

Когда матушка Ксенофонта добродушно объясняла мнѣ свои келарскія обязанности, значительно упрощенныя теперешнимъ почти полнымъ отсутствіемъ общежитія въ скитахъ, подчивала меня прелестнымъ скитскимъ ржанымъ хлѣбомъ, показывала въ моленной иконы, сотворивъ передъ ними предварительно уставное «метаніе» (земные поклоны), разсказывала о прежнемъ благолѣпіи скитской часовенной службы,—вошла въ моленную встрѣтившая меня, при въѣздѣ въ скитъ, красивая женщина съ прищуренными глазами, которая оказалась самой Анной Семеновной. Вскорѣ пришолъ и клюнувшій не мало, по случаю праздничнаго дня, староста деревни Комаровой въ большихъ смазныхъ сапогахъ и красной кумачной рубахѣ, и присталъ ко мнѣ: кто я такой? Свое приставанье онъ легально мотивировалъ тѣмъ, что ему, какъ представителю мѣстной власти, необходимо знать это.

— Вотъ года съ два изъ Нижняго каторжные изъ острогу убѣжали, такъ намъ и приказано, значитъ, слѣдить....

— Да вѣдь они давно уже пойманы, подзадривалъ я начальническое рвеніе власти.

— Оно точно, что пойманы, одначе намъ.... неупустить... неупустительно слѣдить наказано.

Я, конечно, ничего не имѣлъ противъ такого главнаго требованія и представилъ мѣстной власти удостовѣряющій мою личность документъ, который она только повертѣла, такъ-какъ оказалась безграмотной, и затѣмъ, совершенно успокоившись сознаніемъ исполненнаго служебнаго долга, стала изъявлять жестами нѣкоторыя фовіальныя поползновенія, при обращеніяхъ своихъ къ моимъ спутницамъ, кромѣ матушки Ксенофонты, которая, по своей очевидной ветхости, не могла представить иллюзій даже передъ пьяными глазами мѣстной власти.

Рядомъ съ моленной стоитъ „манефина могила“ — земляная насыпь, покрытая поросшею на ней травкой въ видѣ дерна, окруженная деревянной ветхой оградой, въ которой ростутъ большія деревья. Подъ насыпью лежитъ тѣло Манефы, по прозванью Старой (имя Манефы въ скитахъ вообще также популярно, какъ у нѣмцевъ фамилія Миллеръ)—первой игуменьи комаровскаго скита, давшей и названіе манефиной обители, въ которой, какъ сказано, живетъ Ульяна Гавриловна.

Отъ манефиной могилы прошли мы къ мѣсту бывшей до 1853 года часовни, часто поросшемъ высокими березами, которыя, утверждали мои спутницы, здѣсь никто не садилъ—сами выросли.

Походивъ по прелестному лѣсу, окаймляющему скитъ, съ замѣчательно изящной, какъ говорятъ, природной аллеей, шириной въ добрую улицу, поросшей, какъ и лугъ передъ манефиной обителью, ярко зеленой травой, полюбовавшись на скитскій прудъ, чистый и гладкій, какъ зеркало, отражающій растующую по тремъ сторонамъ его зелень густыхъ высокихъ кустовъ, опускающихъ вершинки своихъ вѣтвей въ воду, побывавъ и у іониной ели у гробницы Іоны Курносаго*), я сталъ прощаться съ моими новыми знакомыми.

— На предки милости просимъ къ намъ.... Мѣста у насъ привольныя, говорили онѣ.

*) Іона Курносый, какъ сказано выше, очень уважаемый писатель поповщинскаго толка, жилъ и скончался въ Комаровѣ. Набожные люди древляго благочестія ходятъ на іонину могилу для поклоненія, поютъ здѣсь «канонъ за единоумершаго» и грызутъ стволъ іониной ели—отъ зубной боли.

— Такія привольныя, такія хорошія, что подъ старость, если доживу до нея, построю себѣ келейку, да у васъ и поселюсь. Ужъ примите, пожалуста! отвѣчалъ я совершенно серьезно.

— Милости просимъ, милости просимъ!....

Ночь уже стала опускаться на землю. Я сѣлъ въ таратайку и запрыгалъ по ужасной душу-вытрясающей лѣсной дорогѣ по направленію къ Зубову, изъ котораго мнѣ нужно было пробраться къ Хохломѣ.... Но дорога мнѣ душу не вытрясла—она была полна новыхъ впечатлѣній....

Дня черезъ два, побывавъ между прочимъ въ осиновскомъ женскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, бывшемъ скиту, нѣтовщинскомъ, принявшемъ единовѣріе по настоянію игуменьи Трифины, лѣтъ 25 тому назадъ, вслѣдъ за переходомъ въ единовѣріе своихъ богатыхъ «благодѣтелей», почему изъ 100 слишкомъ скитницъ осталось въ монастырѣ всего человѣкъ 12, да и тѣ чуть не убили Трифину (теперь въ монастырѣ болѣе 100 человѣкъ); проѣхавъ въ *уланерскій скитъ* на рѣчкѣ Козлецѣ, въ которомъ осталось всего 5—6 старухъ, такихъ древнихъ, что и говорить-то съ ними трудно (мать Августу, съ которой я видѣлся 1871 году, когда ей было уже слишкомъ 90 лѣтъ, я уже не засталъ: она померла), я попалъ наконецъ въ г. Семеновъ или въ *Семеново*, какъ называетъ его народъ, помня его еще селомъ.

Матушка Манефа, къ которой у меня было письмо отъ Ларивона Семеныча и у которой я уже засталъ Любовь Кирилловну съ сестрой,—старушка лѣтъ 80, но еще довольно бодрая, разговорчивая и крайне добродушная: въ ея простодушныхъ, безъ всякой желчи и упрековъ разсказахъ о шарпанскомъ разореньи она вся была какъ на ладони.

Шарпанскій скитъ считался однимъ изъ самыхъ строгихъ по жизни скитовъ, и разоренъ былъ въ 1853 году до основанія, такъ какъ около него вблизи не было спокона вѣку никакой деревни, къ которой-бы населеніе скита могло-бы приписаться: скитницы были разосланы по мѣстамъ своей приписки, постройки снесены,

и теперь на мѣстѣ славнаго скита, основаннаго Арсеніемъ, остались однѣ погребныя и печныя ямы, кустарникъ, да могилы, окруженныя густымъ лѣсомъ.

— Пріѣхалъ это Павелъ Иванычъ ночью, разсказывала матушка Манефа, прямо въ моленную — она у насъ за часовню была,— тутъ на ту пору двѣ старички ночевали.... Что страху-то натерпѣлись!... Ну, Павелъ Иванычъ это забралъ иконы и сейчасъ уѣхалъ..... Признаться, улыбаясь добавила разсказчица, если-бы на ту пору матери сейчасъ провѣдали — бунтъ-бы подняли... А то спохватились тогда, когда Павла-то Иваныча ужъ и слѣдъ простылъ.... Икону «казанскую» отправили спервоначалу въ Нижній, а потомъ ужъ — на Керженецъ.... Тогда насъ всего человѣкъ 50 въ Шарпанѣ было.... Когда зорили скитъ-отъ,— а зорили ровно-бы эдакъ сухимъ пожаромъ,—тогда тоже Павелъ Иванычъ пріѣзжалъ съ годъ эдакъ спустя, указъ это читалъ, склонялъ къ принятію единовѣрія.... Ну, однако, никто не принялъ, съ гордостью добавила старушка.... Такъ всѣхъ и разослали кого куда....

У матушки Манефы познакомился я съ лѣстовочникомъ Исаіей Лукичемъ, съ которымъ условился съѣздить на другой день на софонтіеву могилу*), въ лѣсу, верстахъ въ пяти отъ Семенова, у деревни Дѣяновой.

— Промыселъ нашъ не-ахти какой, разсказывалъ мнѣ дорогой къ софонтіевой могилѣ Исаія Лукичъ. Пожалуй, что одной лѣстовкой и не проживешь**). Вотъ мы и занимаемся охотой. Оно

*) Софонтій, извѣстный въ исторіи расколоучитель, вышелъ въ Заволжье изъ Соловковъ. Здѣсь, на мѣстѣ теперешней своей могилы, онъ основалъ обитель и сталъ во главѣ такъ-называемаго «софонтіева согласу», не признававшаго богоборныя письма Аввакума о троицѣ и спорившаго съ сосѣдними онуфріанами; софонтіева обитель была, уже по смерти своего основателя, разорена Питиримомъ, въ числѣ 77 скитовъ, когда раскольниковъ жгли на кострахъ въ Пафнутовѣ, а голова Александра-дьякона пала подъ сѣкирой палача въ Нижнемъ, на Нижнемъ Базарѣ. Отъ питиримова разоренья бѣжали на литовскій рубежъ въ Керженецъ до 40,000 старообрядцевъ, не считая женщинъ.

**) Лѣстовки—старообрядческія четки, цѣною отъ 3 к. до 3 р. и дороже, всѣ имѣютъ одинаковый видъ, кромѣ *поморской*, которая пошире; для православныхъ монастырей работаютъ лѣстовку *саровскую* и не называютъ ее лѣстовкой, такъ какъ она не имѣетъ ея раздѣленій, а *четками*, съ шариками, нашивающимися десятками. Вотъ описаніе лѣстовки, заимствуемое мною изъ печатнаго «Сказанія о лѣстовкѣ»: «Лѣстовка имѣетъ всего 4 лапостка, въ коихъ исповѣдуется 4 евангеліе

точно, что и охота эта—тоже одна пустая прокламацыя, а вмѣстѣ съ лѣстовкой—ничего; жить можно.... Ну-съ, сударь мой, бьемъ мы по осенямъ рябка, тетерева, утку вплоть до декабря мѣсяца, — тогда въ Москву пойдетъ ужъ сибирскій рябокъ—намъ съ нимъ не совладать! Вкусомъ онъ не лучше нашего, да только покрупнѣе, да больно много его идетъ, и цѣну потому онъ сильно сшибаетъ. Вотъ вологодскій—такъ тотъ, оно и крупнѣе нашего, да вкусомъ не хорошъ, потому что его въ Москвѣ супротивъ нашего не любятъ..... Мы не только бьемъ дичь сами, а и покупаемъ ее, набираемъ, значитъ, по мѣстамъ: и въ Ковернинѣ, и подъ Нижнимъ-Воскресеньемъ,*) ну и возимъ ее почесть что каждую недѣлю въ Москву, вмѣстѣ съ лѣстовками. Тамъ продаемъ купцамъ, въ охотномъ ряду, съ надмѣтомъ: даемъ 110 паръ, получаемъ разсчетъ за 100. Такимъ манеромъ тысячъ съ 50 въ Москву справимъ.... Всего насъ этимъ рябкомъ человѣкъ съ 8 занимается.

Отъ повертки направо, считая отъ Семенова, тропинка въ лѣсу такъ съузилась, что ѣхать дальше уже нельзя было, тѣмъ болѣе, что возница нашъ не ручался за бревенчатый мостокъ, саженъ въ 20 длиною, перекинутый черезъ топкое мѣсто у рѣчки Несочной, и мы пошли къ Софонтію пѣшкомъ.

— А вотъ повыше Семенова, разсказывалъ Исаія Лукичъ, за Питиримихой—полоса такая въ полѣ, тутъ, говорятъ, Питиримъ спасался еще до дней славы своей,—такъ тамъ все *поголовно* живутъ: иконъ не почитаютъ, креста не признаютъ, Богу не молятся, ни крещенья, ни вѣнчанія, ни погребенія не справляютъ... Завелись они тутъ лѣтъ съ семь тому назадъ.

— Значитъ, въ родѣ духовныхъ христіанъ.... Замѣтилъ я.

листа; обшивка около лапостковъ—евангельское ученіе; между лапостковъ 7 передвижекъ, въ знакъ седьми церковныхъ таинствъ; гдѣ связана лѣстовка—по 3 ступеньки на сторонѣ, и втѣстовкѣ еще 3 великія, всего 9, то означаетъ 9 чиновъ ангельскихъ, и 9 мѣсячное ношеніе во утробѣ превѣчнаго младенца Пресвятою Богородицею; 2 связки — простое мѣсто, земля; затѣмъ 12 бабачковъ означаетъ 12 апостоловъ съ Господемъ по землѣ ходили, 33 бабочковъ—33 недѣль и 2 дни Пресвятая Богородица во чревѣ Христа носила; 33 бабачка—33 года Господь по землѣ ходилъ, а 17 бабачковъ—17 пророчествъ о Христе было».

*) Ковернино—село макарьевскаго уѣзда костромской губерніи; Нижнее Воскресенье—село Воскресенское на Ветлугѣ, макарьевскаго уѣзда нижегородской губерніи, называемое народомъ Нижнимъ-Воскресеньемъ въ отличіе отъ бывшаго села Верхняго-Воскресенскаго, теперешняго города Ветлуги костромской губерніи.

— Кто ихъ знаетъ.... Ровно будто такъ... Только тѣ народъ хорошій и на божественномъ чтеніи крѣпко стоятъ... А эти... одно слово: немоленые!...

Судя по разсказу Исаіи Лукича, немоленые вѣроятно нѣчто въ родѣ *немоляковъ*, *немолвяковъ*, извѣстныхъ въ другихъ мѣстахъ, составляющихъ уже новѣйшій типъ религіозныхъ вѣрованій народа, наряду съ штундистами.

Скоро дошли мы до лѣсной полянки, огороженной невысокимъ частоколомъ; посреди ея, въ видѣ большаго сруба, который иногда ставится надъ колодцами, съ двускатной крышей, съ покачнувшимся восьмиконечнымъ крестомъ на конькѣ, стоитъ часовня. Мы вошли въ нее. Исаія Лукичъ сотворилъ «семипоклонный началъ.» Налѣво отъ входа—огороженная могила Софонтія, «честного старца» съ большимъ восьмиконечнымъ крестомъ; передъ могилой расшатавшійся аналой, покрытый домотканкой; на полу нѣсколько подручниковъ—подушечекъ изъ кусковъ разнаго ситца, употребляемыхъ при земныхъ поклонахъ—метаніяхъ; на стѣнѣ, противоположной входу, длинная полка съ десятками двумя старыхъ почернѣвшихъ образовъ; по стѣнамъ кое-гдѣ надписи углемъ и мѣломъ, большею частью духовнаго содержанія, или различныя отмѣтки съ числами, въ родѣ тѣхъ, которыя можно во множествѣ видѣть въ Германіи, на развалинахъ рыцарскихъ замковъ.

Вправо и влѣво отъ софонтіевой часовни стоятъ подъ сѣнью деревьевъ еще нѣсколько могилъ въ видѣ маленькихъ полуразрушенныхъ амбарчиковъ или въ видѣ свѣжихъ насыпей, покрытыхъ дерномъ, такъ-какъ и теперь иногда здѣсь хоронятся люди древляго благочестія.

Тихо, хорошо у Софонтія. Только комаръ свою пѣсню поетъ, пчела изъ сосѣдней борти прожужжитъ, да аляповато шлепнется о вашу щеку слѣпень..... А лѣтъ 30 тому назадъ здѣсь иногда бывали шумныя гулянки, особенно въ Духовъ-день, когда, по случаю богомолья, здѣсь и палатки съ виномъ и орѣхами появлялись, и изъ ружей палили, да часто другъ друга подстрѣливали.... Софонтіева могила, въ настоящее время, служитъ и мѣстомъ бо-

гомолья, и мѣстомъ прогулки для окрестныхъ жителей деревень и города.

Вечеромъ того-же дня, растянувшись на диванѣ съ неизбѣжной перекладиной по серединѣ, въ прохладной и очень чистой комнатѣ почтоваго двора, гдѣ я останавливался, началъ было я читать только въ этотъ пріѣздъ мой въ Семеновъ добытый мною порядочный варіантъ «Китежскаго лѣтописца» или китежскую «лѣпость» (лѣтопись), какъ мнѣ его однажды назвала одна старочка въ Люндѣ у самаго озера Свѣтлояра, на днѣ котораго нерушимо стоитъ великій городъ Китежъ,—какъ вдругъ принеслись ко мнѣ изъ окна сосѣдняго дома звуки рояля и скрипки, на которыхъ очень хорошо розыгрывались: пѣсня Вани изъ «Жизни за царя», «Am wunderschönsten Monat Mai» и, разумѣется, неизбѣжная элегія Эрнста.... «Китежскій лѣтописецъ» отправился спокойно лежать на полу, а я пустился въ размышленія о гнетущей жизни уѣзднаго городка, о томъ, какъ хорошо-бы было, если-бы вся уѣздная «интеллигенція», вмѣсто картъ и всевозможныхъ сорока-травчатыхъ, составляла-бы если ужъ не умственные центрики, то хоть-бы музыкальные кружки.... Но скоро «интеллигенція» заслонилась передо-мной тѣмъ громаднымъ сплошнымъ слоемъ, который такъ охотно упрекаютъ въ пьянствѣ, лѣни и всяческихъ скотскихъ инстинктахъ.... Что ему остается, чувствуя непреодолимую человѣческую потребность къ высшимъ наслажденіямъ мысли, какъ не пуститься въ религіозныя размышленія, доводящія его порой до непролазной чепухи?.... Но и эта чепуха, какъ-бы она безсмысленна съ виду ни была,—все таки результатъ высшихъ человѣческихъ потребностей, только доморощенно направленныхъ....

Проживъ въ Семеновѣ три дня и заѣхавъ въ *чернухинскій* скитъ (австрійскаго священства), гдѣ я засталъ только двухъ дѣвочекъ лѣтъ по 13-ти, отъ которыхъ ничего не могъ добиться, а матери—всего ихъ 4-5—кто отдыхалъ, кого дома не было, пріѣхалъ я къ вечеру въ *оленевскій* скитъ, густо населенный въ оное время и

относительно многолюдный и теперь, такъ какъ здѣсь до сотни скитницъ. Скитъ разбросанъ по селенію; только изрѣдка лѣпятся чисто-скитскія постройки вмѣстѣ. Но все-таки, по старой памяти, скитъ дѣлится на обители: андронову, анфисину, пальцеву, деворину, нифонтову, никанорину, богоявленкину и т. п. Общежитія въ оленевскомъ скиту нѣтъ никакого, нѣтъ даже общей келарни и пирожной. Моленнъ въ скиту семь. Въ моленную андроновой обители отобранныя у нея въ 1853 году иконы были возвращены бывшимъ нижегородскимъ губернаторомъ покойнымъ А. Н. Муравьевымъ, который вообще оставилъ по себѣ добрую память въ скитахъ*). Держится скитъ своими работами, да кое-какими нижегородскими, казанскими и московскими даяніями, которыя однако съ каждымъ годомъ все скуднѣе становятся.

— Какое ужъ наше житье, говорила мнѣ одна оленевская старица... Прежде, при Григорьѣ Васильичѣ, плохо было отъ властей... Крутыя они были, всякое посрамленье дѣлывали! Не только наметку бывало сдернетъ и за волосы трепать бывало звѣрь этотъ зачнетъ, а на него глядя и всякій сотскій норовитъ какъ-бы всякую пакость сдѣлать, да еще начальство свое перехитритъ, а нонѣ отъ оскудѣнія благочестія больно намъ плохо приходится: адаманты-то, да столпы наши переводиться начинаютъ.... Что ужъ и говорить!... Извѣстно, въ пѣсенкѣ правда поется:

Кто въ монастырѣ не живалъ,
Тотъ и нужи не видалъ....

И на мою просьбу старушка запѣла разбитымъ голосомъ:

---

*) Изъ множества сохранившихся въ скитахъ разсказовъ—и даже, кажется, легендъ—про А. Н. Муравьева приведу одинъ, слышанный мною въ Нижнемъ отъ Л. И. З—вой. Въ числѣ выселенныхъ изъ комаровскаго скита, въ Семеновѣ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ жила мать Олимпіада (въ міру—Ольга Алексѣевна, изъ очень уважаемаго въ Нижнемъ стариннаго купеческаго рода Пестовыхъ), пользовавшаяся большимъ уваженіемъ въ своемъ кругу за умъ, строгую жизнь и начитанность. Бывши въ Семеновѣ на ревизіи, А. Н. Муравьевъ заѣхалъ къ ней переодѣтый. Въ бесѣдѣ мать Олимпіада между прочимъ жаловалась на притѣсненія мѣстныхъ властей, на то, что они не позволяютъ ей съѣздить въ Нижній, повидаться съ родными. А. Н. Муравьевъ сказалъ ей: «поѣзжайте, матушка, а въ Семеновѣ скажите, что къ губернатору ѣдете». Потомъ уже узнала мать Олимпіада, кто былъ ея посѣтитель. Такимъ-же уваженіемъ въ средѣ нижегородскихъ старообрядцевъ пользовался и покойный нижегородскій епископъ Іаковъ.—Л. И. З—ва—сама изъ рода Пестовыхъ—воспитанница матери Олимпіады, и провела часть своего дѣтства подъ ея руководствомъ въ комаровскомъ скиту.

..... и нужи не видалъ.
Щи и кашу поставляютъ,
За велико почитаютъ.
То добрый и обѣдъ—
Пирожка кусокъ дадутъ;
То подумаешь и тутъ,
Когда его съѣсть.
Разъ въ недѣлю испекутъ,
По кусочку раздадутъ,
Какъ будто просвиру...

«Reime dich, oder ich fresse dich!» сказалъ-бы нѣмецъ... Но на голодный желудокъ, пожалуй, лучше пѣсенку и не сложишь.

Кстати, приведу здѣсь нѣсколько пѣсенъ («стиховъ» —по-скитски), которыя пѣлись въ скитскихъ келарняхъ, куда по вечерамъ собирались на посидѣнки молодыя скитницы, подъ надзоромъ какой-нибудь строгой старицы, которая, какъ и всегда случается, чего-нибудь не доглядывала, и поются теперь, гдѣ попало—на лугу, въ кельяхъ, въ долгій зимній вечеръ, когда сойдутся вмѣстѣ поработать нѣсколько бѣлицъ помоложе. Стихи эти, красиво и четко переписанные въ тетрадки, бывали, по содержанію своему, духовные, историческіе и даже «обще-армейскіе», какъ говорится. Послѣдніе не долюбливались строгими матерями и пѣвались потайкомъ.... Мнѣ подарили одну такую тетрадку, изъ которой и привожу нѣсколько стиховъ, какъ кажется, нигдѣ не напечатанныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ поражаютъ особенной простотой и поэтической трогательностью.

Стихъ безъ заглавія.

У насъ въ Москвѣ не здорово:
Въ большой колоколъ звонятъ
Заунывно, заунывно и печально.
Государь-царь на царицу прогнѣвался.
Высылаетъ царь царицу
Изъ Москвы вонъ.

И въ тотъ-ли въ монастырь во покровской.
Какъ возговоритъ царица Евдокія:
„Гдѣ мои конюхи молодые?
Вы закладывайте коней вороныехъ,
Вы поѣзжайте Москвою и спѣшите,
Вы московскихъ людей не смѣшите.
Что и можетъ государь-царь умилится,
Не прикажетъ-ли назадъ мнѣ воротиться.“
Выѣзжала государыня изъ Москвы вонъ
И молилася московскимъ чюдотворцамъ:
„Что и мнѣ-ли въ Москвѣ ужъ больше не бывати,
Вы простите, московскіе обыватели,
Что и мнѣ-ли васъ не видати.
Ты прости, прости, моя грановитая палата,
Что и мнѣ-ли въ тебѣ не живати.“
Пріѣзжала государыня во Суздаль,
Что и въ тотъ-ли въ монастырь во покровской.
И встрѣчаетъ государыню игуменья съ сестрами:
Ты поди, поди, царица Евдокія,
У меня про тебя келинка готова,
Что готовы тебѣ рабы и рабыни.»
Скидовали съ государыни свѣтное платье,
Надѣвали на царицу черное платье,
Черное платье печальное....
Да и вскорѣ государыню постригли,
Нарекли ей имя: Евфросинья....
А послѣ государь-царь умилился:
Онъ поѣхалъ въ монастырь во покровской,
Чтобъ царица воротилась.
Пріѣзжалъ государь-царь во Суздаль,
Въ тотъ-ли монастырь во покровской,
И стрѣчаетъ его игуменья съ сестрами:
„Я прошу тебя, государя, воротиться,
Что твоя-то-ли царица постриглась,
Нарекли ей имя Евфросинья.“

Что и тутъ-ли государь-царь заплакалъ,
И поѣхалъ въ Москву онъ печальный.

Стихъ о печали.

Трудно мнѣ, трудно во печалѣхъ жити,
Къ томужъ и нужно всечастно тужити.
Куды не пойду, печаль мя снѣдаетъ,
Сердце уязвляетъ.
Пойду-ли въ лѣсы—тамъ мнѣ запрещаютъ,
Лютые звѣри взоромъ устрашаютъ.
Хотятъ злосчастну въ конецъ погубити,
Чтобы въ свѣтѣ не жити.
Пойду-ль на горы, и горы стремятся
Покрыть землею, въ мгновеніе спѣшатся.
Чтобъ не видѣть печальна на свѣтѣ,
То у нихъ въ совѣтѣ.
Пойду-ль на море, и тамъ не безъѣдно:
Морскіе вѣтры дышатъ весьма вредно,
Хотятъ въ пучинѣ безъ дна потопити,
Чтобъ больше не жити.
Пойду-ль въ пустыню, тамо изгоняютъ,
Безсчастной, во оной быти запрещаютъ,
Не хотятъ видѣть злосчастну въ покоѣ.
О счастье прелое! Идти куды ужь не знаю.
Развѣ въ народѣ жити, разсуждаю:
И тутъ злы люди сѣти сплетаютъ,
Умертвить желаютъ.
Воззрю на небо—весьма ужасаюсь:
Нага я предъ Богомъ дѣлами являюсь.
Однакожь я мыслю всегда пребывати
Въ божьей благодати.
Ты, Боже—Творче, утоли печали!
Дабы всѣ люди и звѣри молчали.
Хотя-бы спокойно дали мнѣ умрѣти,
Чтобы не скорбѣти.

Горестны слезы лью предъ Тобою,
Всещедрый Боже!—утверди судьбою,
Чтобъ мнѣ печали избыть сея злыя,
Получить благія.

Стихъ о умиленіи.

Что за чюдо и превратность!
Перемѣну зрю въ глазахъ.
Прощай міра вся пріятность,
Не хощу я зрѣть на васъ.
Утѣхъ вашихъ удаляюсь,
Я въ пустыни хощу жить,
Моимъ духомъ восхищаюсь,
Чтобы вѣкъ Богу служить.
Вмѣсто прелести и страсти
Зрю я темные лѣса,
И минутной вмѣсто сласти
Умъ вперяю въ небеса.
Вмѣсто музыки и пѣсней,
Меня птички веселятъ;
Мнѣ то лучше и прелестнѣй—
Ими духъ мой восхищать.
Гдѣ журканье водъ текущихъ,
Утѣшаюсь я всегда,
И всѣхъ прелестей влекущихъ
Ужь не помню никогда.
Поля злачные, долины
Начинаю любовать,
Мнѣ пріятны они, милы—
Духъ и сердце веселять.
Мысли чистыя имѣю,
Созерцаю тѣ мѣста,
И съ восторгомъ сказать смѣю:
Тишина, покой наста!

Міра суетна не зрится,
И нѣтъ прелести въ глазахъ,
Но лишь духъ мой веселится,
Умъ летаетъ въ небесахъ.
Предметъ лестный удалился,
Коимъ духъ мой колебалъ,
И изъ сердца истрезвился,
Отдаленъ на вѣки сталъ.
Хоть травитъ меня и часто,—
Я считаю то мечтой,
Называю повсечасно
Безуспѣшной пустотой.
Когда презрѣлъ міръ утѣхи,
На что въ сердце то вселять,
И оставилъ игры, смѣхи,
Такъ къ чему и умъ плѣнять?
Когда міру поругался,
И всѣ прелести попралъ,
И подъ власть Отца отдался,
Жизнь пустынную избралъ,
Гдѣ невмѣстна ужь забава,
И вся лестная мѣста,
И вся пышность, и вся слава
Мнѣ все зрится суетой.
Я блаженъ теперь считаюсь,
Что мой духъ достигъ въ покой,
Чѣмъ предъ всѣми утѣшаюсь,
Мой духъ, въ радости воспой!
Воспой духомъ, воспой гласомъ,
Воспой всю милость Его,
Ударь въ гусли громкимъ звукомъ,
Прославь Бога своего.
Что избавилъ тя напасти
И житейскія мечты,
Удаливъ тебя отъ страсти

Горестны слезы лью предъ Тобою,
Всещедрый Боже!—утверди судьбою,
Чтобъ мнѣ печали избыть сея злыя,
Получить благія.

Стихъ о умиленіи.

Что за чюдо и превратность!
Перемѣну зрю въ глазахъ.
Прощай міра вся пріятность,
Не хощу я зрѣть на васъ.
Утѣхъ вашихъ удаляюсь,
Я въ пустыни хощу жить,
Моимъ духомъ восхищаюсь,
Чтобы вѣкъ Богу служить.
Вмѣсто прелести и страсти
Зрю я темные лѣса,
И минутной вмѣсто сласти
Умъ вперяю въ небеса.
Вмѣсто музыки и пѣсней,
Меня птички веселятъ;
Мнѣ то лучше и прелестнѣй—
Ими духъ мой восхищать.
Гдѣ журканье водъ текущихъ,
Утѣшаюсь я всегда,
И всѣхъ прелестей влекущихъ
Ужь не помню никогда.
Поля злачные, долины
Начинаю любовать,
Мнѣ пріятны они, милы—
Духъ и сердце веселятъ.
Мысли чистыя имѣю,
Созерцаю тѣ мѣста,
И съ восторгомъ сказать смѣю:
Тишина, покой наста!

Міра суетна не зрится,
И нѣтъ прелести въ глазахъ,
Но лишь духъ мой веселится,
Умъ летаетъ въ небесахъ.
Предметъ лестный удалился,
Коимъ духъ мой колебалъ,
И изъ сердца встрезвился,
Отдаленъ на вѣки сталъ.
Хоть травитъ меня и часто,—
Я считаю то мечтой,
Называю новосчасно
Безуспѣшной пустотой.
Когда презрѣлъ міръ утѣхи,
На что въ сердце то вселять,
И оставилъ игры, смѣхи,
Такъ къ чему и умъ плѣнять?
Когда міру поругался,
И всѣ прелести попралъ,
И подъ власть Отца отдался,
Жизнь пустынную избралъ,
Гдѣ невмѣстна ужь забава,
И вся лестная мѣста,
И вся пышность, и вся слава
Мнѣ все зрится суетой.
Я блаженъ теперь считаюсь,
Что мой духъ достигъ въ покой,
Чѣмъ предъ всѣми утѣшаюсь,
Мой духъ, въ радости воспой!
Воспой духомъ, воспой гласомъ,
Воспой всю милость Его,
Ударь въ гусли громкимъ звукомъ,
Прославь Бога своего.
Что избавилъ тя напасти
И житейскія мечты,
Удаливъ тебя отъ страсти

Во прелестѣхъ жити, законъ не хранити;
Тѣмъ она доводитъ въ превѣчную муку.
Юность моя, юность, младое ты время!
Къ Богу ты лѣнива, ко грѣху радива.
Ты меня отводишь съ деснаго на шуе,
По тебѣ мнѣ жити—Бога прогнѣвити.
Въ томъ-бы не постигла смутная кончина.
Юность! Возбудися, въ себѣ ощутися.
Въ разумъ приходила, слезно говорила,
Изъ внутрь восклицала, умильно вѣщая:
Кто добра не хочетъ, кто туда желаетъ?
Развѣ злой соперникъ, добру ненавистникъ
Я-бы весьма рада—сила моя мала.
Сижу на борзомъ конѣ—и той необузданъ,
Смирить коня нечѣмъ—въ рукахъ вожжей нѣту.
По гòрамъ, по кòлмамъ прямо конь стрекаетъ,
Меня разбиваетъ, умъ мой потребляетъ.
Внѣ ума бываю, творю что—незнаю.
Вижу я погибель, страхомъ вся объята,
Незнаю, какъ быти, чѣмъ коня смирити.
Когда умирится и мнѣ покорится,
Возьму въ руки вожжи, буду направляти
По пути смиренну и душеполезну,—
Бога прославляти, законъ сохраняти.
Боже ты мой, Боже, Творче мой небесный!
Сошолъ еси съ неба грѣшныя спасати.
Призри мя смиренна, грѣхомъ потлаченна,
Пріими мя, Боже, заблуждшаго сына,
Отъ наемникъ хуждша, всякой твари гнусна!
Всели мя, Боже, во дворѣхъ небесныхъ,
Во Твоемъ Едемѣ, въ послѣдней хлѣвинѣ.
На Тебя взирати—радость получати.
Но не хотя малу утѣху смотряти,
Грѣшныя спасати, меня не забуди.
Приведня помилуешь, то будетъ не дивно,

Чистаго спасеши—и сіе не чюдно:
Тіи суть достойни Твоея милости;
Чюдо сіе дивно, всѣхъ чюдесъ дивнѣе—
Грѣшна мя помилуеши, скверна мя очистиши
Сему чюдятся и ангели святіи.
Слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ, Творче,
Слава Тебѣ, Царю, и азъ тя благодарю!

Стихъ безъ заглавія.

Куды агница дѣвалась,
Я которую люблю?
Какъ она со мной разсталась,
Скуку безъ нея терплю.
Вы лѣса, луга и рѣки,
Рцыте вашему Творцу:
Не видали-ли овечки,
Гдѣ овечку я сыщу.
Я лишусь страны любезны,
Стану агницу искать,
Испущать буду гласѣ и слезы,
Къ себѣ буду ее звать.
Ахѣ, ты, агница найдися!
Пастырь ищетъ тебя твой,
Потому ты возвратися,
Что шолъ съ неба за тобой.
Гласу агница не внемлетъ,
Отъ него бѣжитъ все въ даль,
Онъ и трудъ великъ подъемлетъ,
Коль сердечно ея жаль.
Онъ вездѣ ищетъ, скитаясь,
Съ воплемъ агницу зоветъ,
Дань блаженства обѣщаетъ,
Что котораго здѣсь нѣтъ.
И стези твои направлю,
За собой идти велитъ,

И тѣхъ вѣчно не оставлю,
Что подъ бременемъ тѣхъ нѣтъ.
Вдругъ слова сіи коснулись
Въ сердце агницы тоя,
Тутъ въ ней чувства всѣ проснулись:
Что такое слышу я?
Ище чее слова въ пустыни
Возмущаютъ весь духъ мой?
Какъ зоветъ меня, другиня,
Прелюбезный пастырь мой?
Любезный пастырь мой!
Коль пріятенъ призовъ твой.
Со благими со овечки
Ты мене совокупи *).

Изъ Семенова углубился я въ лѣсныя пустыни Керженца, по которымъ приходилось иногда дѣлать переѣзды, въ одну пряжку, верстъ по 50, по совершенно безлюднымъ пространствамъ, не видя по цѣлымъ днямъ ни одного живаго существа, кромѣ ямщика, лошадей, безчисленнаго множества слѣпней, комаровъ, лѣсныхъ чорныхъ бабочекъ, да изрѣдка—лѣсной птицы, или чорнаго, какъ сажа, смолокура; или, подъ вечеръ, поближе къ жилью,-одинокой лошади съ подвѣшеннымъ подъ шею кутазомъ, съ глухимъ мѣднымъ звукомъ.

Въ этихъ лѣсныхъ Керженскихъ пустыняхъ, которыя по лѣсной дорогѣ представляютъ непроходимую чащу, безъ селеній, безъ полянокъ, безъ кулигъ, но на нѣсколько верстъ внутрь, по обѣимъ сторонамъ, достаточно уже истреблены огнемъ и топоромъ, (такъ что одинъ изъ мѣстныхъ лѣсничихъ, на вопросъ Нижегородскаго управленія государственными имуществами о преобладающей породѣ

*) Подобныхъ приведеннымъ мною стихамъ — множество; но съ паденіемъ скитской жизни они начинаютъ забываться, такъ что современемъ вѣроятно сдѣлаются предметомъ антикварныхъ разысканій... если мы, «культурный элементъ», не спохватимся теперь-же записать и сохранить ихъ. Стоитъ хорошенько вникнуть въ высокій смыслъ подобныхъ, повидимому — впрочемъ, стоитъ переложить ихъ на истинно-понимаемые культурные мотивы, и тогда ясно будетъ, что «изувѣрный міръ старообрядства» заключаетъ въ себѣ и еще нѣчто, кромѣ внѣшности, обряда, изъ котораго еще быть можетъ долго придется культурному элементу черпать, какъ изъ народныхъ представленій вообще.

лѣсовъ, на Керженцѣ съ полнымъ знаніемъ дѣла и откровенностью отвѣтилъ, что „преобладающая порода лѣсовъ на Керженцѣ — пни“), свернувъ въ лѣсу въ сторону—въ Керженскій единовѣрческій мужской монастырь, гдѣ мнѣ хотѣлось повидаться съ бывшимъ игуменомъ Тарасіемъ, радушнымъ гостепріимнымъ старикомъ, лѣтъ 90 съ лишкомъ, который живетъ теперь здѣсь на покоѣ *)—провелъ я дня три и, наконецъ, выѣхавъ изъ лѣса на поляну, идущую уже вплоть до Волги, верстъ на 10 по прямому направленію, увидалъ передъ собою высокій волжскій берегъ съ чуть-чуть бѣлѣющими на немъ постройками Нижняго, берегъ, который по очертаніямъ своимъ (отъ поворотовъ Волги) представляетъ видъ громаднаго острова или видъ Столовой горы.

Величава показалась мнѣ открывшаяся передъ глазами приволжская равнина, широкая Волга съ ея пароходами и баржами, высокій требень Горъ; но не умалили они въ моемъ свѣжемъ воспоминаніи вѣянья дремучаго лѣса, прелести извилистаго, съ темно-коричневою, почти чорною, по чистою и прозрачною водою Керженца, съ густо заросшими величавыми соснами и непроходимымъ кустарникомъ, у подножья ихъ, берегами его, съ обрывистыми кручами песчаныхъ и глинистыхъ глыбъ надъ водою, прелести этого лѣснаго царя заволжья, этой

..... рѣки быстрой,
Омутистой, зовутъ—Керженцомъ....

Взобравшись по георгіевскому съѣзду на самый гребень нижегородской горы, снова окинулъ я взглядомъ всю синюю заволжскую даль, которую только-что пришлось искрестить по нѣсколькимъ на-

*) До 1812 года въ Комаровскомъ скиту была и мужская обитель, человѣкъ въ 40, которые жили очень бѣдно. Въ зиму 1812—1813 годовъ гостившіе въ Комаровѣ, въ числѣ 30 семей, Московскіе купцы, свезшіе сюда и все свое имущество (дворяне жили въ Нижнемъ, куда переселился и Карамзинъ) стали совѣтовать мужской обители перебраться на новыя мѣста, и не только совѣтовали словесно, но предоставили для этого, болѣе привольнаго, новаго житья и матеріальныя средства. Тарасій, тогда еще молодой человѣкъ, пошолъ на Керженецъ и выбралъ на самомъ берегу такую глушь, которая и до сихъ поръ глушью стоитъ. Здѣсь построилъ Тарасій съ товарищемъ своимъ Антипіемъ, да еще съ 30 человѣками братіи (остальные ушли изъ Комарова на Урень) первыя кельи. Керженскій мужской скитъ держался до 1850 года, когда, наконецъ, вслѣдствіе различныхъ впѣшнихъ вліяній, принялъ единовѣріе, и съ тѣхъ поръ называется Керженскимъ мужскимъ единовѣрческимъ благовѣщенскимъ монастыремъ. Сюда была, какъ уже сказано, отдана шарпанская икона Казанской Богородицы, которая и понастоящее время здѣсь находится.

правленіямъ, посмотрѣть вблизи, вплоть на разнообразную жизнь ея населенія. И невольно подумалъ я: что значитъ могучая великая сила крестьянская, когда при всемъ ея тяжкомъ трудѣ «около холодной земли», при всей тяготѣ работы струной надъ шерстью, топоромъ въ лѣсу, молотомъ на наковальнѣ, тесломъ надъ ложкой, все-таки съумѣла она создать, на свой аршинъ, тотъ складъ жизни, который наши англоманы топорщатся перенять за моремъ,—съ крѣпкими историческими традиціями, съ извѣстными строгими правилами, съ принципіальными *хорошо* и *дурно*, съ которыми можно не соглашаться, но непризнавать трезваго вліянія которыхъ на *средняго* человѣка невозможно, и которыя ужь во всякомъ случаѣ почтеннѣе, чѣмъ режимъ на тему «всякій молодецъ на свой образецъ», съ припѣвомъ «тру-ла-ла, тру-ла-ла», въ нашемъ «образованномъ обществѣ», хватившемъ «цивилизаціи» и оторвавшемся отъ собственныхъ народныхъ устоевъ; въ которомъ сегодня хорошо одно, а завтра—другое, въ которомъ въ данномъ случаѣ хорошо такъ, а въ другомъ данномъ—эдакъ.... Съумѣла эта крестьянская сила изъ скита создать, кромѣ экономически-соціальной единицы, еще воспитательное учрежденіе для женщины, развивающее ее, правда, въ извѣстномъ направленіи, съ которымъ также можно не соглашаться, но которое все-таки дѣйствовало благотворно, давая въ женщинѣ народу то, что соотвѣтствовало его идеалу—домовитой, трудолюбивой, искусной въ домашнихъ работахъ и не только грамотной, но и начитанной хозяйки, и такимъ образомъ было ужь во всякомъ случаѣ жизненнѣе того направленія, которое давали нашимъ «образованнымъ» матерямъ «институты благородныхъ дѣвицъ»..... Съумѣла она сохранить свои «принципы», не смотря на весь гнетъ произвола мѣстной безграмотной власти, знавшей одинъ законъ—свою личную волю, оффиціально ревновавшей о православіи, а въ дѣйствительности заинтересованной въ богатствѣ скитовъ, которымъ кормилась, какъ откупами.... Съумѣла эта крестьянская сила найдти время для высшихъ человѣческихъ мечтаній, для религіозныхъ думъ, для попытокъ «искалія истины», и никакія препятствія не могли вышибить изъ нея этого неудержимаго стремленія человѣка: сохраняя бережно старое, стать завтра выше, чѣмъ сегодня..... Если не желательно *но-*

очерять все безъ разбору въ жизни массъ, то ужь никакъ нельзя *фыркать* на эту жизнь.....

30 Іюля 1875 г.
Нижній-Новгородъ.

III.

ВЪ ЖАРАХЪ И ВЪ ЛЫКОВЩИНѢ.

«По инымъ мѣстамъ таково стало безлѣсно, что ни прута, ни лѣсинки, ни барабанной палки; такая голь, что кнутовища всегдѣ вырѣзать,—наранишку нечѣмъ посѣчь».

Андрей Печерскій. («На горахъ», I, 9).

I.

ВЪ ЖАРАХЪ*).

Въ концѣ февраля 1875 года выѣхалъ я изъ Нижняго въ Жары, куда уже давно собирался къ знакомому мнѣ лѣсопромышленнику Дмитрію Иваповичу, обѣщавшему познакомить меня на мѣстѣ съ подробностями своего лѣснаго промысла.

День былъ ясный, морозный. Дорога въ Жары идетъ берегомъ Волги, на Мышьяковку, Сормово, съ его многострадальной механической фабрикой, Копосово, Высоково, Большое и Малое Козино и г. Балахну; всѣ эти поселенія въ старину лежали при самой Волгѣ, отошедшей отъ нихъ въ настоящее время на нѣсколько верстъ къ сѣверо-востоку, къ луговой сторонѣ, что ясно доказывается линіей возвышенности, на которой лежатъ названные пункты, имѣющей совершенно правильное очертаніе рѣчнаго берега**).

*) Общее названіе мѣстности, лежащей между вершиловской и бурцовской волостями балахнинскаго уѣзда.

**) Этотъ, такъ-называемый *законъ Бэра* (постепенное отступленіе рѣкъ къ востоку) въ Нижегородскомъ Поволжьи особенно сильно наблюдается еще подъ Безводнымъ, Работками и подъ Лысковомъ, и составляетъ иногда предметъ гражданскаго иска, такъ какъ земли переходятъ съ одного берега на другой и потому, числившись лѣтъ 200—300 тому назадъ за одними владѣльцами, теперь числятся за другими.

Въ право отъ дороги бѣлѣла безлюдная снѣжная пустыня скованной морозомъ Волги, безъ дорогъ, почти безъ тропокъ, такъ какъ гужевое движеніе по Волгѣ начинается только отъ Нижняго внизъ, а здѣсь рѣка черезъ чуръ открыта со всѣхъ сторонъ, не защищенная отъ вѣтровъ высокимъ нагорнымъ берегомъ, начинающимся только отъ устья Оки, и потому даже въ тихія малоснѣжныя зимы, когда иногда прокладывается рѣчная дорога между Нижнимъ и Балахной, она все таки передувается, заносится снѣгомъ. Здѣсь дорога прокладывается только ненадолго, великимъ постомъ, когда пойдутъ съ Низу обозы съ овчиной, когда начинаетъ «рушиться» береговая дорога.

Конецъ февраля, когда я выѣхалъ изъ Нижняго, приходился на первую недѣлю великаго поста; поэтому на встрѣчу мнѣ то и дѣло попадались артели рабочихъ, преимущественно плотниковъ и столяровъ-пуреханъ, изъ балахнинскаго уѣзда и пограничныхъ съ нимъ мѣстностей костромской и владимирской губерній, ходившія домой, «въ побывку», на масляницу. Съ своими неразлучными топорами, въ плохой одежонкѣ, бодро шли они опять на работу, наперекоръ морозному встрѣчному низовому вѣтру, прохватывавшему меня на-сквозь, не смотря на то, что мнѣ онъ былъ попутный,—и только повременамъ, когда вѣтеръ особенно порывисто усиливался и даже вздымалъ кверху бѣлой пылью слежавшійся отъ мороза снѣгъ, они поворачивали къ нему спину и шли такимъ образомъ нѣсколько времени задомъ,—какъ иногда, отдыхая, всходишь на гору,—подставляя сиверковатому баловнику ту часть тѣла, которая въ теченіи всей дороги находилась въ привилегированномъ положеніи. Столяры шли большею частью изъ пуреховской волости балахнинскаго уѣзда, плотники—изъ мордвиновской волости, владимірской губерніи,—такъ-называемые «якунди»*); попадались изрѣдка и настоящіе «галки»—плотники изъ галичскаго уѣзда костромской губерніи. Встрѣчавшіеся длинными вере-

*) *Якунди* называются и жители, и вся мѣстность владимірской губерніи, лежащая у границъ ея съ нижегородской и составляющая мордвиновскую волость. Названіе это происходитъ отъ бывшаго здѣсь въ старину, извѣстнаго еще въ XVI столѣтіи, большаго села Якушева, на мѣстѣ котораго въ настоящее время стоитъ одинъ погостъ, т. е. церковь съ домами духовенства.

ницами обозы то и дѣло заграждали и безъ того не слишкомъ широкій путь. Обозныя тощія лошаденки побрякивали подвѣшенными подъ шеями бубеньчиками-глухарями и неистово мотали мохнатыми головами, фыркая на встрѣчный вѣтеръ, еще болѣе затруднявшій ихъ тягу. Прикрывшись чѣмъ попало (не то что возчики по профессіи, въ путинѣ отъ Нижняго внизъ, перевозящіе «купецкій» товаръ за Казань, въ ихъ теплыхъ полушубкахъ и тулупахъ, на здоровыхъ рослыхъ «конях»), лежали на возахъ мужики, сосредоточенно и съ покорностью невзгодамъ пути выставлявшіе по временамъ на волю изъ подъ промерзшей рогожи объиндевѣвшія сосульки своихъ бородъ...

— Откуда? крикнулъ я одной высунувшейся бородѣ съ сосульками.

Вѣтеръ разнесъ въ неопредѣленные звуки посланный мнѣ отвѣтъ.

— Изъ какихъ мѣстъ? снова крикнулъ я другой бородѣ, когда мой возница осадилъ своихъ лошадей, въ хвостѣ обоза, чтобы не завязнуть въ боковыхъ сугробахъ съузившейся дороги.

— Съ Парфентьева.

— Грибовники что-ли?, спросилъ я, припомнивъ затерявшійся въ лѣсной глуши посадъ Парфентьевъ, описанный въ очеркахъ С. В. Максимова.

— Съ грибами! былъ отвѣтъ.

Отъ везшаго меня ямщика узналъ я, что въ это время дѣйствительно почти все обозное движеніе держится здѣсь на грибахъ, идущихъ въ Нижній частью изъ балахнинскаго уѣзда, частью изъ вологодской губерніи, но преимущественно изъ Костромской—изъ ея грибнаго депо — посада Парфентьева. Изъ Нижняго-же грибъ расползается уже по всѣмъ мѣстамъ его великопостнаго потребленія, снабжаемымъ грибомъ уже нижегородскими руками.

На выѣздѣ изъ Большаго Козина, въ лѣво отъ дороги, увидалъ я громадный ледяной крестъ на пруду, очень изящной работы: это лѣтъ съ пять тому назадъ, какъ объяснилъ мнѣ тотъ-же ямщикъ, мѣстные художники—скульпторы завели обычай ставить такой крестъ къ Крещенью, на мѣстной „Іордани“; крестъ остается до тѣхъ поръ, пока не испарится подъ весеннимъ солнышкомъ.

Смѣнивъ лошадей въ широко раскинувшейся во всѣ стороны Балахнѣ, сталъ я подъѣжать уже къ Вершилову, свернувъ съ большой почтовой дороги, когда совсѣмъ стемнѣло, а свѣту еще не давалъ только-что народившійся мѣсяцъ, неожиданно передъ моими глазами вынырнувшій изъ-за сосноваго бора яркимъ тоненькимъ серпомъ на темномъ небесномъ фонѣ. Случилось то, что обыкновенно случается, когда днемъ дуетъ сильный вѣтеръ и передуваетъ всѣ дороги, когда ѣдешь проселкомъ, да еще съ послѣдней станціи дадутъ ямщика, лѣтъ 10 не ѣзжавшаго туда, куда именно вамъ нужно добраться: мы стали плутать.

— Эхъ, пропади ты пропадомъ!—выругался ямщикъ, когда мы утянулись въ околицу какой-то занесенной снѣгомъ деревнюшки.

— Что? Пріѣхали? спросилъ я, ёжась отъ холоду.

— Какo пріѣхали? Ровно бydто не туда лѣшій принесъ....

Ямщикъ слѣзъ съ облучка, громко шурча топорщившимся отъ морозу, заплатаннымъ хитономъ своимъ, и проскрипѣвъ воротцами околицы, сталъ стучаться кнутомъ у окна первой съ краю избенки. Сонный бабій голосъ объяснилъ, что мы заѣхали въ Максимовку, верстъ семь въ право отъ Вершилова.

Неистово ругаясь и съ досады опшаривъ кнутомъ ни въ чемъ неповинныхъ лошадей, ямщикъ увѣренно погналъ дальше, заручившись указаніемъ: ѣхать вдоль улицы, взять за околицей на лѣво, къ гумнамъ, своротить на мельницу, потомъ оставить въ правой рукѣ ветлу, а тамъ за полемъ вплоть—и Вершилово.

— Не попросить-ли провожатаго? робко замѣтилъ я, когда еще мы мчались улицей, силясь вообразить, какъ это мы повернемъ въ гумнамъ, оставимъ ветлу въ правой рукѣ и т. д.....

— На-что?

Я успокоился, припомнивъ свои прежнія нерѣдкія плутанья, тѣмъ болѣе, что еще съ наступленіемъ сумерекъ мятель стихла и, на этотъ разъ, и грядущую мельницу, и ветлу разглядѣть можно было.

Выскочивши изъ саней „съ ловкостью почти-военнаго человѣка“, вызванною во мнѣ прошибшимъ меня морозомъ, я сталъ стучаться въ сѣнную дверь вершиловскаго волостнаго правленія,

ощупавши ее въ охватившемъ меня со всѣхъ сторонъ ночномъ мракѣ. Вскорѣ за дверью послышался скрипъ другой двери, въ щеляхъ мелькнулъ огонекъ и передо мною предсталъ старикъ — сторожъ волостного правленія съ фонаремъ въ рукѣ, „бросавшимъ свѣта на столько, сколько нужно было, чтобы разглядѣть непроницаемый мракъ“.

Я вошолъ въ обширную палату, имѣющую усвоенный палатамъ волостныхъ правленій видъ: чорный отъ грязи полъ, такія-же стѣны, гигантская цилиндрическая печь, мало нагрѣвающая комнату, но жарящая своей поверхностью такъ, что близко къ ней и подойдти мудрено, что однако, конечно, не мѣшало сторожу примостить на холодномъ полу постель — дырявый чапанъ съ какимъ-то сальнымъ подобіемъ подушки — къ пеклообразному цилиндру именно изголовьемъ; обширный столъ съ неизбѣжнымъ оловяннымъ чернильнымъ и песочнымъ приборомъ, покрытый чорной клеенкой, усыпанной пескомъ такъ обильно, какъ не усыпаются въ губернскихъ городахъ дорожки городскаго сада; клочки исписанной бумаги на полу, развѣшанныя по стѣнамъ расписанія повинностей, списки сельскихъ обществъ, похвальный листъ земства волостному старшинѣ за энергическія дѣйствія при тушеніи пожара въ деревнѣ Мордохлыстиной, стѣнные часы съ гвоздемъ-двутесомъ вмѣсто гирьки; жосткій диванъ съ непремѣнной перекладиной посерединѣ; керосиновая лампочка съ закоптѣлымъ стекломъ и двѣ сальныя свѣчи, заправленныя въ неизбѣжные мѣдные подсвѣчники на широкомъ блюдцѣ, какъ основаніи, и наконецъ такой-же неизбѣжный волостной писарь, выростающій передь проѣзжимъ (видно — по казенной надобности, если волостное правленіе потревожено) изъ другой половины правленія, имъ занимаемой съ семействомъ, бывшій въ оное время чиновникъ, тотчасъ узнаваемый, несмотря на демократизацію его лица, наложенную густо отросшей бородой.... О присутствіи въ диванѣ клоповъ, о рѣзвящихся по столу, по лавкамъ, по стѣнамъ прусакахъ и степенно ворачающихъ длинными усами чорныхъ тараканахъ нечего, конечно, и распространяться.

Волостной писарь встрѣтилъ меня очень деликатно, назвавъ даже, въ вопросительномъ тонѣ, мою фамилью: оказалось, что на-

канунѣ пріѣзжалъ въ правленіе Дмитрій Ивановичъ, знакомый съ писаремъ, какъ съ мѣстною властью, и говорилъ, что поджидаетъ меня къ себѣ.

Въ ожиданіи наряда лошадей, мы разговорились. Я узналъ, что ѣхать далѣе мнѣ нужно гусемъ, что волостной старшина—изъ сосѣдней деревни, и ночуетъ дома, что изъ волости уходитъ работать на-сторону человѣкъ до 400 (каменьщики), что лѣтомъ въ самомъ Вершиловѣ остается дома всего около 8 домохозяевъ, а то все—бабы, дѣвки, ребята, да старики, что промысловъ, кромѣ отхожаго—каменнаго, да «около земли» (никуда негодной, впрочемъ) никакихъ нѣтъ, и т. д.

Торопясь къ ночевкѣ и потому не удовлетворяя далѣе своей любознательности, я тотчасъ облекся въ шубу, грѣвшуюся неподалеку отъ цилиндра—пекла, какъ только по звуку колокольчика можно было догадаться, что лошади впряжены, и часа черезъ полтора былъ на мѣстѣ.

Не смотря на позднюю пору, въ жильѣ Дмитрія Ивановича улеглись спать только его маленькія дѣти. Анфиса Львовна живо распарила мое прозябшее бренное тѣло «китайской травой» и упитала его судачкомъ, икоркой, груздочками, балычкомъ и даже спѣговымъ поросенкомъ подъ хрѣномъ, не смотря на великій постъ, оставшимся отъ масляницы и поданнымъ мнѣ только ради моего «путнаго» положенія; но Дмитрій Ивановичъ и себѣ его «разрѣшилъ», за что Анфиса Львовна на него сильно поворчала.

Скрашенная поросенкомъ и рюмочкой-другой перцовки, да рябиновой, бесѣда наша шла очень оживленно: начатая обычными разспросами про путь, она перешла на рубку лѣса и уже далеко за полночь утонулъ я въ засасывающемъ пуховикѣ, горою взбитомъ для меня гостепріимной хозяйкой.

На утро всталъ я свѣжій, бодрый и такой-же веселый, какъ весель былъ, залитый яркимъ солнцемъ, февральскій морозный, но тихій, безвѣтряный день.

Дмитрій Иваповичъ—человѣкъ пришлый въ Жарахъ. Родомъ онъ изъ калужской губерніи, по гильдіи приписанъ къ городу Фридрихсгаму. Маленькій, коренастый, юркій и умный—онъ типъ пред-

прiимчиваго русскаго пiонера, уживающагося въ лѣсной пустынѣ также легко, какъ и американскiй пiонеръ, но только оставляющаго на мѣстѣ своей дѣятельности не города съ газетами и типографiями, а голые пеньки срубленнаго немилосердно лѣса.

Купилъ Дмитрiй Ивановичъ у одного жаровскаго магната, готовящаго свое потомство, для будущаго служенiя отечеству, въ Дрезденѣ, цѣлую полосу матераго лѣсу, десятинъ въ 500, на срубъ, на 12 лѣтъ, за 17,500 р. и дорубаетъ онъ уже послѣдни вѣковой пустоши.... Другая ея половина «порушена» уже лѣтъ 8 тому назадъ другимъ пiонеромъ, котораго и слѣдъ давно простылъ, и который также одни пни, вмѣсто американскихъ газетъ, послѣ себя оставилъ.

Жилье Дмитрiя Ивановича — маленькiй бревенчатый, крѣпко сколоченный домикъ, состоящiй изъ трехъ чистыхъ горенокъ, оклеенныхъ обоями, — на одной половинѣ, и стряпущей и работницкой — на другой, да сарай съ конюшней и земляной погребъ съ колодяземъ на дворѣ.. Построено оно только на время рубки и ожидаетъ слома, для продажи на свозъ, по окончанiи операцiи. Стоитъ жилье на «чищобѣ» — расчищенной въ лѣсу, для опаски, на случай лѣснаго пожара, полянкѣ, отъ которой идутъ въ разныя стороны лѣсныя тропы.

Мы сѣли въ легкiя городецкiя санки, запряженныя коренастой, какъ и самъ хозяинъ, вяткой, и поѣхали на рубку. Лѣсъ — весь изрѣзанъ тропами съ безпрестанными поворотами съ нихъ, представляющими самый прихотливый лабиринтъ, въ которомъ непривычный человѣкъ на первыхъ-же шагахъ съ толку собьется и ни за что не выбьется, развѣ цѣлиной снѣжной пойдетъ,—«какъ галки летаютъ»; да и то безъ «матки» (компаса) пожалуй вовсе не туда угодитъ, куда нужно, если и не завязнетъ въ снѣговыхъ сугробахъ.... Но опытная рука Дмитрiя Ивановича правила лошадью безъ ошибки, и отъѣхавъ версты съ полторы отъ жилья, по нетронутому еще лѣсу, стали мы уже различать доносившiйся къ намъ характерный, какой-то поэтически-жалобный, обрывистый стукъ топора, роняющаго дерево. Скоро доѣхали мы до полянки съ взъерошеннымъ людскими и конскими ногами и вообще лѣсной работой снѣгомъ. Какъ разъ къ нашему появленью повалилась съ шумомъ и свистомъ неустояв-

шая и 5 минутъ подъ двумя сильными топорами вѣковая сосна, поднявъ цѣлое облако снѣжной пыли.

Рубка лѣса начинается съ осени, по окончаніи уборки хлѣба, и продолжается всю зиму, «пока сокъ въ корню», вплоть до пасхи, точнѣе—вплоть до той поры, когда уже ѣзду никакого въ лѣсъ не станетъ.

Съ начала своей выработки Дмитрій Ивановичъ валилъ строевой лѣсъ и самъ строилъ изъ него баржи на Югу; послѣдняя баржа построена имъ въ 1871 году; теперь большею частью идетъ рубка одного дровянаго лѣса, выработка тесу и досокъ, копаней и напурковъ, такъ какъ строеваго лѣса уже почти вовсе нѣтъ во всей дачѣ. Сбывается этотъ лѣсной товаръ Дмитріемъ Ивановичемъ на юговской и опалихинской пристаняхъ*), на Волгѣ. Работа у Дмитрія Ивановича идетъ, какъ у частнаго хозяина, наймомъ. Лѣсъ рушится и пилится въ лѣсу-же. У другихъ хозяевъ пилка производится на берегу, что несравненно тяжелѣе для рабочихъ, хотя они и укрываются отъ вѣтра большими щитами: все-же въ лѣсу потеплѣе. Всего работаютъ у Дмитрія Ивановича до 200 человѣкъ: среднимъ числомъ въ день, зимой, бываетъ въ лѣсу рабочихъ до 100 человѣкъ. Плата за пилку—посажонная; самыя дорогія цѣны бываютъ лѣтомъ, когда впрочемъ пилка почти прекращается, — до 60 к. за сажень; самая дешовая, зимой—30 к.; средними зимними цѣнами слѣдуетъ признать 40 к. «Пила» состоитъ изъ 2, много — 3 человѣкъ; въ послѣднемъ случаѣ одинъ изъ тройки, по-очередно, колетъ, остальные двое пилятъ. Дмитрій Ивановичъ знаетъ, относительно разсчетовъ, одну «пилу», да сажень; сколько на брата за-

*) Юговская пристань—при деревнѣ Югѣ, на Волгѣ, при впаденіи въ нее рѣчки Крутца; опалихинская—при деревнѣ Опалихѣ, лежащей на рр. Югѣ и Опалихѣ, почти у самаго устья Юга, впивающагося въ Волгу. На юговской пристани, или какъ обыкновенно говорятъ—«на Югу» постройкой баржъ въ настоящее время занимается почти исключительно одинъ В. И. Дегтяревъ, юговской крестьянинъ-пароходчикъ; всего въ зиму 1874—1875 гг. построено было на Югу 5 баржъ изъ унженскаго лѣса, и матеріаловъ (тесу, копаней), доставленныхъ дачей Дмитрія Ивановича. Судостроеніемъ на Югу занимаются изстари: строили росшивы, коноводки, подчалки къ нимъ. Паръ надѣлалъ большихъ хлопотъ строителямъ: для постройки баржъ и пароходныхъ корпусовъ нужно было прибѣгать къ чертежамъ. Теперь привыкли и строятъ по «русскому чертежу», какъ говорилъ мнѣ В. И. Дегтяревъ, т. е., набивши руку; строятъ и баржи, и корпуса пароходовъ — вовсе безъ чертежа. На юговской пристани грузятъ: пилы, дрова, тесъ, подтоварникъ, уголь и т. п. лѣсные матеріалы. Самая высшая цѣна дровянаго лѣса здѣсь—17 р. за кубикъ.

работка приходится ужъ сама «пила» разсчитываетъ, распредѣляя получку отъ хозяина по-ровну; иногда «пила», состоя и изъ тройки, принимаетъ малолѣтняго, который въ такомъ случаѣ получаетъ изъ заработной платы менѣе взрослыхъ.

Рабочіе—изъ ближайшихъ деревень, верстъ изъ за 5—6 и потому въ лѣсу не живутъ, какъ за Волгой, въ «зимницахъ», а попабашивши, уходятъ ночевать домой. Питаются рабочіе самой суровой пищей, приносимой на день изъ дому: только одной прѣсной пшеничной лепешкой—«колобомъ», да водой или квасомъ. Рабочіе не раздѣляются по спеціальностямъ, а поперемѣнно—то рубятъ, то пилятъ; вся разница между рубщиками и пильщиками состоитъ только въ томъ, что первыми бываютъ большею частью тѣ, у которыхъ есть лошади, на которыхъ они и возкой лѣса занимаются, а вторые—большею частью безлошадные. На плохомъ лѣсу (низенькомъ, рѣдкомъ, суковатомъ) и заработокъ плохой: въ мѣсяцъ на «пилу» придется всего отъ 30 до 40 саженъ, т. е. считая мѣсяцъ въ 23—24 дня (т. е. за исключеніемъ праздничныхъ дней) и кладя по 40 к. за сажень, «пила» сработаетъ всего на 16 р., т. е. если даже она состоитъ всего изъ 2 рабочихъ—по 8 р. на брата. На хорошемъ лѣсу (чистомъ, не суковатомъ—на обдѣлку суковатаго дерева времени уходитъ столько-же, сколько на три дерева чистаго лѣса), добрая «пила» напилитъ сажени 4 въ день (выдаются и такіе пильщики—впрочемъ на рѣдкость, — которые «обрядятъ» и 5 саженъ); такъ что не диво заработать на брата и по 1 р. въ день.

Возка лѣса начинается съ установки зимняго пути. Работаютъ возчики (они-же и рубщики) «съ пятерика»; каждый возчикъ работаетъ на одной, много на двухъ лошадяхъ, въ разнопряжку. Рядятся возчики осенью и получаютъ задатку по 1 р. на пятерикъ. На возку лѣса до пристани цѣна бываетъ разная, смотря по цѣнѣ на овесъ: если овесъ стоитъ 2 р. 50 к. за четверть, плата за вывозку пятерика до пристани—6 р.; по мѣрѣ возрастанія цѣнъ на овесъ, возрастаетъ и цѣна вывозки, доходя до 7 р. Одна лошадь всего одинъ разъ въ день отработаетъ, а въ зиму вывезетъ

отъ 8 до 9 пятериковъ. На пятерикъ нужно скормить, примѣрно, четверть овса.

Пильщиковъ „продольныхъ“ у Дмитрія Ивановича немного; они пилятъ тесъ, доски, и получаютъ плату „съ рѣза“, т. е. за проходъ дерева пилой вдоль; съ рѣза приходится, приблизительно, около 1 копейки, и менѣе, за аршинъ, на „нилу“, если лѣсъ тонкій; если-же лѣсъ длинный и пилится на толстыя доски, то за аршинъ приходится нѣсколько болѣе 1 копейки, такъ что въ недѣлю на брата придется заработка до 2 р. 25 к.

Изъ строеваго лѣса, еще остающагося въ дачѣ, за вырубкою того, который уже пошолъ на постройку баржъ, разработывается теперь только тотъ, который идетъ на крестьянскія постройки. Длина такого лѣса обыкновенно 6 саженъ, кромѣ вершинки; толщина—5 вершковъ на всѣхъ 6—ти саженяхъ; изъ этого-же дерева, т. е. изъ его вершинки, выходитъ два малыхъ бревешка—на сѣни, на баню; на обыкновенную крестьянскую избу (на 9-ти аршинахъ) идетъ всего 2 такихъ бревна; стоитъ такое дерево—1 р., съ рубкой и возкой самого покупателя.

Тесъ кровельный бываетъ 14 и 15 аршинъ длины, шириною отъ $3^1/_2$ до 5 вершковъ; счетъ идетъ досками, около 25 коп. за доску; его берется на крестьянскую избу всего 2 доски, изъ которыхъ каждая рѣжется на двое: у разрѣза—конёкъ; впрочемъ крестьяне мало покупаютъ тесу: большею частью они сами его пилятъ изъ купленнаго въ лѣсу дерева.

Копани (длинное дерево въ $4^1/_2$ и 5 аршинъ, съ однимъ корнемъ, послужившее и гербомъ балахнинскаго уѣзда) идутъ на одни суда (на морскомъ жаргонѣ—„кокоры“). Копани продаются по-штучно. Вырубить и вытесать копань стоитъ отъ 30 до 50 коп.; хорошій мастеръ сдѣлаетъ 3—4 копани въ день; въ общей сложности рабочій выработаетъ 1 р. въ день; возка производится на берегъ по-штучно; со штуки возчикъ получаетъ отъ 60 до 80 к. Накурокъ—(таже-копань, только съ короткимъ деревомъ) срубить и вытесать „на большую“, т. е. не на-чисто (это уже дѣло плотниковъ—при самой постройкѣ судна) стоитъ 25 к. со штуки; въ день хорошій рабочій надѣлаетъ 5—6 штукъ и заработаетъ отъ 1 р. до 1 р. 50 к. Возка накурковъ

обходится отъ 25 до 30 к. за штуку; на возъ накладываютъ 3—4 накурка; на возъ укладывается одна копань, такъ какъ въ ней вѣсу около 30 пудовъ.

Возка длиннаго лѣса идетъ на другихъ условіяхъ, чѣмъ возка дровъ, копаней и накурковъ. Возка круглаго одноконнаго лѣса производится, за дерево, толщиною отъ 4½ до 5 вершковъ, около 10 к. за сажень, слѣдовательно за дерево, среднимъ числомъ въ 7 саженъ, стоитъ 70 к.; за возку лѣса еще болѣе длиннаго, толстаго, парами и тройками—еще дороже: за парное дерево—3 р., за троечное 4 р., такъ-что на каждую лошадь падаетъ около 1 р. 50 к. Дорогая, сравнительно, плата за парное и троечное дерево зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что у окрестнаго населенія вообще мало лошадей.

Цѣны на берегу (на Югу, на опалихинской пристани, которая ближе къ лѣсу, цѣны ниже): дрова отъ 14 до 17 р. за пятерикъ (еще въ 1868 году стояла на нихъ цѣна 12 р.); копань — отъ 4 до 5 р. за штуку; накурокъ—отъ 1 р. до 1 р. 50 к.; длинный лѣсъ: „одноконка“—около 2 р., самый длинный—10 р., мачтовой—15 р. за дерево. Въ послѣднее время Дмитрій Ивановичъ поставилъ „Дружинѣ,“ на строившіяся въ Нижнемъ, для каспійскаго плаванія, шкуны, всего 11 мачтовыхъ деревьевъ, по 14 саженъ длиною.

Праздники большею частью справляются рабочими исправно, кромѣ гражданскихъ. На Новый годъ всегда работаютъ; на рождественскіе праздники полагается всего два дня, но за то всего строже соблюдаются храмовые деревенскіе праздники. Особенно продолжительное (три дня) гулянье бываетъ на „зимняго Николу“ (6 Декабря); на „лѣтняго Николу“ не работаютъ. но и не гуляютъ, т. е. не бражничаютъ. Недавно земство отняло одинъ рабочій день у лѣсопромышленниковъ, перенесши въ Пурехѣ и Вершиловѣ базарный день съ воскресенья на четвергъ, который былъ прежде рабочимъ, а теперь сталъ гулевымъ, т. е. земство именно, если можно такъ выразиться, направило свое мѣропріятіе противъ своего мѣропріятія.

Изъ здѣшняго лѣса на Югу плотовъ не вяжутъ, такъ какъ ужжали въ Нижнемъ все таки свой лѣсъ продадутъ дешевле.

Караула въ дачѣ Дмитрія Ивановича, да и вообще въ Жарахъ нѣтъ вовсе, такъ какъ тайныя порубки здѣсь не въ обычаѣ:

сучки дозволяется брать кому угодно безъ всякой за нихъ платы, а если иной годъ и случится самовольная порубка хорошаго лѣса рублей на 50, разсуждаютъ собственники, то все таки караула не стоитъ заводить—дороже обойдется.

— Скоро лѣса-то, по здѣшней мѣстности,—да и унженскіе,—подбираются; всѣ будутъ поочищены, говорилъ мнѣ Дмитрій Ивановичъ, и тогда здѣсь бѣда настанетъ по крестьянству: зѣмли въ Жарахъ, да и по всему уѣзду, извѣстно—какія! Песокъ чистый, безъ всякой фальши; заработковъ, кромѣ лѣсныхъ, никакихъ; подъ Пурехомъ только на каменныя работы по разнымъ мѣстамъ ходятъ, да вотъ еще въ Головинѣ развѣ—и то теперь, благо еще лѣсъ есть—гроба, да кадки мастерятъ.... Волкомъ тогда взвоютъ! И на топливо, на сугрѣвъ избы не хватко будетъ... Развѣ однимъ бабамъ еще житье будетъ: ягоды у насъ видимо-невидимо. По палямъ,—который значитъ горѣлый лѣсъ—не ростутъ, а по вырубямъ—этой дикой малины, да земляники, клюквы, бруснички—страсть что родится. Человѣкъ до 200 бабья приходитъ; иная, справная, въ день два лукошка насбираетъ, копеекъ на 50 въ Городцѣ на базарѣ продастъ. Грибовъ вотъ тоже довольно, особливо этаго бѣлаго гриба, да волжанки; рыжиковъ поменѣй; вотъ еще березовика—челыша, по нашему—вдосталь.... Да, теперь и ронить дерево можно, и корье снимать;—изъ деревни Проймы только этимъ брезгуютъ: грѣхъ, говорятъ, съ живаго дерева кожу драть; а какъ лѣса-то порушатся—хоть съ голоду помирай!...

— Да вѣдь современемъ, Дмитрій Ивановичъ, лѣса-то опять выростутъ, нерѣшительно замѣтилъ я, припоминая толки въ земскихъ собраніяхъ о раціональномъ лѣсоводствѣ.

— А кто ихъ, сударь вы мой, ростить-то станетъ? Лѣсъ, вѣдь, что малый ребенокъ, такого-же уходу требуетъ, коли не больше... А я такъ полагаю, что пока дѣти, да внуки нашихъ помѣщиковъ (объ отцахъ-то и говорить нечего—рукой только махни!) соберутся лѣсъ-отъ разводить, его остаточки и по кустикамъ на топливо сами-же распродадутъ. А нашъ-то братъ только вѣдь знаетъ—рушить: заплатилъ денежки кровныя, срониль, выручилъ капиталъ, да и за-щеку!...

II.

въ лыковщинѣ.

Лыковщиной зовется въ Нижегородскомъ Заволжьи цѣлая мѣстность Семеновскаго уѣзда, лежащая въ среднемъ теченіи р. Керженца, въ лѣсномъ углу, и состоящая изъ десятка съ небольшимъ деревень: Хахалъ, Хомутовой, Двухдѣльной, Ухтыжа, Желниной, Феофанихи, Макарихи, Телки, Великуши, Сутыря, и др. Во всей мѣстности одно только село—Лыково; столицей-же Лыковщины считается деревня Хахалы, раскинувшаяся у самаго обрыва лѣваго берега Керженца. Здѣсь и волостное правленіе, и станъ лѣсничаго, и рядчики на лѣсную работу, словомъ—центръ всего лѣснаго угла.

Населеніе въ Лыковщинѣ не то православное, не то раскольническое: отъ православія не отстаетъ, и къ расколу не пристаетъ: въ церковь ходить далеко—работу упустишь, а отъ церкви совсѣмъ отшатнуться—ровно будто и грѣхъ! Кромѣ кое-какого земледѣлія по лѣтамъ, здѣсь одна работа—лѣсная; своимъ хлѣбомъ здѣсь всего мѣсяца два кормятся: хлѣбъ покупаютъ въ Семеновѣ, Воскресенскомъ и частью въ Лысковѣ; своихъ базаровъ въ Лыковщинѣ нѣтъ. Лѣсная работа состоитъ не въ какихъ нибудь издѣліяхъ—ложкахъ, плошкахъ, да чашкахъ, а въ самомъ первобытномъ ея типѣ—рубкѣ, да сгонкѣ лѣса.

Лѣсная вырубка въ Хахалахъ разнится отъ жарской тѣмъ, что лѣса здѣсь не частные, а больше казенные; и крупные лѣсопромышленники не заѣзжій народъ, а своя братья—мужики побогаче, которые и рядятъ своихъ-же хахальскихъ и окрестныхъ работниковъ, по осенямъ. Работа начинается съ установки зимы: кто поближе къ мѣсту рубки, тотъ изъ дому на работу ходитъ, кто подальше—соединяются артелями по 8—10 человѣкъ. Артель и «лѣсуетъ» въ «зимницахъ»—большомъ, уходящемъ основаніемъ своимъ въ землю, срубѣ безъ оконъ, съ плоской крышей, въ которой находится отверстіе для входа по лѣстницѣ въ зимницу, съ ея незатѣйливымъ убранствомъ: нѣсколькими переметными скамьями, котелкомъ, да припасами въ углу. Крута жизнь въ зимницѣ: днемъ въ ней темно, холодно и пусто, ночью—также темно, но

потеплѣй, да зато ужь такъ густо отъ испареній спящихъ лѣсниковъ и развѣшанной для просушки одежи и обуви, что хоть топоръ повѣсь. Топится зимница по черному. Изъ зимницы по воскресеньямъ вся артель или часть ея домой уѣзжаетъ, за провизіей—хлѣбомъ, капустой, пшеномъ, иногда говядиной, которую забираетъ на недѣлю, проводимую на работѣ сплошь, отъ утренней зари до темени.

Для рубки лѣса отводятся управленіемъ государственныхъ имуществъ кварталы, которые сдаются съ торговъ, частями, «дѣлянками», для того, чтобы оставались въ кварталѣ нарѣзанными полосы лѣса на сѣмя. За дѣлянку платится въ казну рублей отъ 70 до 200; изъ дѣлянки выходитъ до 1000 деревьевъ разнаго размѣра. Ронятъ лѣсъ большею частью на лѣвомъ берегу Керженца, изъ казенныхъ дачъ; на правомъ берегу—больше помѣщичьи дачи (г. г. Бологовскихъ, Кораблевыхъ), которыя не на руку даже тысячникамъ хахальскимъ, такъ какъ продаются слишкомъ крупными участками, и стоятъ по этому пока большею частью нетронутыми: развѣ только иногда огонь пройдетъ по нимъ, вмѣсто топора, и хуже топора набѣдокуритъ. Сами помѣщики выработкой лѣса не занимаются.

Дѣлянки рѣжутся большею частью величиной отъ 1 до 5 десятинъ. На торгахъ съемщики даютъ только залоги, а оцѣнка вырубленнаго лѣса производится уже весной, на берегу: строевой, также какъ и дровяной лѣсъ цѣнится, смотря по разстоянію отъ берега, отъ 2 р. 50 к. до 5 р.

По мѣрѣ вырубки лѣса его отвозятъ на пристань. Такихъ пристаней, въ районѣ лыковской рубки, пять: въ *Лещовѣ*—версты 3 выше Хахалъ, *въ Рубежномъ*—около Керженскаго монастыря, верстахъ въ 6 ниже Хахалъ, *въ Лыковѣ*, въ урочищѣ *Потопай* и въ урочищѣ *Заводи*, у рѣчки Черной. Конечная лѣсная пристань, на которой бываетъ главная продажа лѣса—*Керженская*, на устьѣ Керженца, вливающагося въ Волгу у «Стараго Макарья"—повыше уѣзднаго города Нижегородской губерніи Макарьева.

Изъ рабочихъ—кто рубитъ лѣсъ, тотъ и возитъ его, и въ плоты вяжетъ, и на устье гонитъ. Плата рабочему, съ лошадью (дере-

во повалить, отъ сучьевъ очистить и на ближайшую къ рубкѣ пристань свезти), колеблется между 40, 60 и 90 к. съ дерева, смотря по разстоянію. Плата съ пятерика доходитъ до 10 р. Порубленный лѣсъ свозится на берегъ, гдѣ валится сначала въ кучи, потомъ кладется на „повары“—длинныя бревна, параллельно рѣкѣ спускающіяся уступами, по которымъ скатываютъ лѣсъ съ берега на ледъ.

Вяжутся деревья въ плоты, конечно, до половодья: вода ихъ потомъ сама поднимаетъ. Тѣ-же рабочіе, которые сронили, свезли и связали лѣсъ въ плоты, занимаются и сгонкой плотовъ къ устью. „Тройники“ и „пятерики“ (3 и 5-ти саженныя деревья) вяжутся обыкновенно въ 2 ряда; тонкій лѣсъ—„заборникъ“—вяжется въ 3 ряда; дровяной—въ 3 и даже 4 ряда. Плата рабочимъ при сгонкѣ лѣса понедѣльная: отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к.; размѣръ ея зависитъ отъ той или другой ловкости и старательности рабочаго.

Сплавъ всего нарубленнаго лѣса дѣлается разомъ. Для управленія всѣмъ сплавомъ выбирается одинъ „набольшій“, которому безпрекословно обязанъ повиноваться каждый участникъ сплава. Это изстари заведенный обычай. Всего сплавной караванъ состоитъ человѣкъ изъ полутораста. Подъ Хахалами, вотъ уже девятый годъ, каждую весну выбирается набольшимъ крестьянинъ Михаилъ Дементьевичъ Сидышовъ. Хозяева лѣса находятся тутъ-же и повинуются набольшему наравнѣ со всякимъ рядовымъ рабочимъ: пошлетъ, по надобности, набольшій хозяина лѣса въ воду погорло — лѣзь безъ разговоровъ, потому что при сплавѣ опасности не оберешься,— тутъ всякое лыко въ строку. Безъ такой строгой дисциплины сплавъ былъ-бы даже невозможенъ. На основаніи ея, чей-бы плотъ ни засѣлъ—общая бѣда: всѣ слушайся приказа набольшаго, выручай дружнымъ общимъ натискомъ. И даже при такомъ устройствѣ сплава не обходится безъ бѣдствій: плоты нерѣдко разбиваются о „кочи“ на быстрыхъ мѣстахъ, а такой быстрины, какъ на Керженцѣ, да еще въ водополье—поискать. Кочей*) на Керженцѣ называется намывина—и подъ водой, и высовывающаяся изъ нея, въ видѣ острововъ,— нѣчто въ родѣ того, что на Волгѣ мелями, перекатами зовется; но

*) Въ Сибири *кочами* (въ мужескомъ родѣ: *коча*, уменьшительное: *кочетокъ*) называется довольно большое судно съ мачтой и палубой.

дно Керженца каменистое, а потому и кочи, по своему составу, опаснѣе волжскихъ перекатовъ и мелей. Зазѣвается набольшій, или просто съ быстриной ничего не подѣлаешь—налетитъ плотъ на кочу—большею частью тутъ ему и голову сложить: разобьется плотъ по бревешку и расплывется по весенней водѣ; забьетъ его въ мелкія рѣчки, либо обсохетъ онъ на сушѣ въ нѣсколько дней: вода въ Керженцѣ и прибываетъ, и убываетъ живо... Заведена объ очисткѣ кочъ на Керженцѣ и оффиціальная переписка, но выдетъ-ли что нибудь изъ нея, какъ и изъ дѣла объ очисткѣ Волги—неизвѣстно. Всего, самыхъ крупныхъ кочъ на Керженцѣ до 17.

На устьѣ бываетъ главная продажа керженскаго лѣса; лѣсная ярмарка продолжается здѣсь всего недѣли двѣ, въ концѣ апрѣля и началѣ мая. Иногда запродается лѣсъ (большею частью лысковскимъ скупщикамъ, съ горъ) и на какой нибудь изъ верховыхъ керженскихъ пристаней: лысковцы пріѣзжаютъ смотрѣть лѣсъ еще на берегу, до водополья, передъ самымъ сплавомъ. На низовьяхъ Керженца рубятъ и сплавляютъ лѣсъ моршанскіе и варнавинскіе купцы, которые имѣютъ здѣсь собственныя дачи.

Цѣны на керженскій лѣсъ устанавливаются лѣсной ярмаркой на устьѣ и зависятъ, какъ отъ предшествовавшаго урожая хлѣбовъ, такъ и отъ числа покупателей: дерево обыкновенной мѣры (саженъ въ 6) стоитъ на устьѣ большею частью 1 рубль, заборникъ—50 к., дровяной лѣсъ—рублей по 12 за пятерикъ. Пилится дровяной лѣсъ на дрова и укладывается въ пятерики уже не лыковскими рабочими, а другими—съ Горъ, приходящими исключительно для этой цѣли на лѣсную ярмарку и рядящимися уже у покупщиковъ лѣса

Расходится керженскій лѣсъ, главнымъ образомъ, около Лыскова и доходитъ до Василя. Дальше Василя онъ рѣдко идетъ: тамъ онъ уже встрѣчается съ ветлужскимъ.

Рубится въ Лыковщинѣ сосна и ель. Березы здѣсь почти вовсе нѣтъ. Вѣковой, исполинскій, «кондовый» лѣсъ только у стариковъ на памяти; теперь дерево саженъ въ 12 вышины уже рѣдко попадается. Выработки копаней, накурковъ и т. п. на Керженцѣ нѣтъ: одинъ толькой строевой и дровяной лѣсъ рубится. Въ Зарѣчьи, на правомъ берегу Керженца, противъ Лыковщины, въ помѣщичьихъ

дачахъ, какъ сказано, рубятъ лѣсъ мало; за то тамъ много смолы курятъ.

Изъ крупнаго звѣрья въ Лыковщинѣ водятся въ изобилiи волки и медвѣди; послѣдніе сильно лакомятся съ бортей, которыхъ особенно много на правомъ берегу Керженца; попадаются и лоси, а изрѣдка и олени; молодого лося населеніе считаетъ отдѣльнымъ видомъ, называя его «буйломъ,» потому что на немъ рога поменьше и ростомъ онъ не съ настоящаго матерого лося. Ходитъ лось стадами, случается головъ по 20; олень попадается тоже стадами, но не болѣе 10 головъ въ стадѣ; тѣхъ и другихъ большею частью видятъ въ мартѣ, во время ихъ случки. Охота на лосей и оленей на Керженцѣ запрещена.

Всего по Керженцу подъ лѣсомъ до 300,000 десятинъ, принадлежащихъ казнѣ и частнымъ лицамъ; но казенныхъ лѣсовъ больше — слишкомъ 200,000 десятинъ. (Въ первомъ семеновскомъ лѣсничествѣ 28,000 дес., во второмъ — 180,000). Доходъ отъ вырубки казенныхъ лѣсовъ съ каждымъ годомъ возростаетъ: всего лѣтъ 5—6 тому назадъ казна получала доходу съ керженскихъ лѣсовъ до 9000 р.; теперь этотъ доходъ возросъ тысячъ до 30, что объясняютъ новой системой оцѣнки лѣса—по срубѣ его.

Артельнаго устройства покупки дачъ и вырубки ихъ нѣтъ: намекомъ на такую артель была система работы, существовавшая до 1869 года, когда лѣсъ въ казенныхъ дачахъ рубился „съ топора“ (по 3 р. за топоръ), но и при этомъ всетаки одно лицо, побогаче, брало билетъ въ казнѣ и отъ себя рядило рабочихъ-топоровъ. Теперь рубка иначе, какъ покупкой съ торговъ „дѣлянокъ“ и наймомъ рабочихъ, не производится.

Лыковщина—край лѣсной, глухой: дальше Нижняго лыковщинскій лѣсникъ не бываетъ*)—и то рѣдко, развѣ кто изъ волостнаго на-

*) Въ лѣсу, возвращаясь въ Нижній изъ Хахалъ, я провелъ весь день (переѣздъ здѣсь на 50 верстахъ—въ одну пряжку) съ ямщикомъ, молодымъ смышленымъ парнемъ, который мнѣ всю дорогу—большой частью приходилось ѣхать шагомъ, по глубокому песку—разсказывалъ всякіе случаи съ искателями кладовъ; за его разсказы я его отдаривалъ разсказами «изъ цивилизаціи» — про желѣзныя дороги, про пароходы: оказалось, что парень, какъ и всѣ почти жители Лыковщины, дальше своихъ лѣсовъ нигдѣ небывалъ; про нижегородскую ярмарку даже кое-что только по писаніямъ знаетъ. Когда мы выѣхали къ ночи изъ лѣсу и оставалось всего съ версту до Ильинскаго, гдѣ мнѣ нужно было смѣнить лошадей (отъ Иль-

чальства. Повѣрій о кладахъ и всяческихъ диковинахъ, здѣсь не оберешься. Отъѣхавши отъ Хахалъ по направленію къ Ильинскому, къ Волгѣ, въ лѣсу, въ получасѣ ѣзды (верстовыхъ столбовъ здѣсь нѣтъ: „вёрсты баба клюкой мѣрила, да и то обмѣрилась“) видны печины, ямы, такъ называемыя „Горѣлыя кельи;“ ходитъ въ народѣ слухъ, что здѣсь когда-то мужской скитъ стоялъ и кладовъ здѣсь много. По Керженцу, верстъ 5 ниже Хахалъ, около омута, лежитъ озеро Ватага, на рѣчкѣ Шумлѣ—тутъ разбойники жили, и хахальскіе мужики до сихъ поръ здѣсь кладовъ ищутъ.... ничего не нашли пока; разъ кобыла только „объявилась“—обругались мужики, а кобыла-то и провались въ землю; рыли, рыли ее, матушку, на томъ мѣстѣ, гдѣ кобылу видѣли — такъ ни съ чѣмъ и ушли. Ниже Хахалъ-же озеро есть Едикѣево, въ немъ лодка съ золотомъ, говорятъ, погружена: искали-искали ее—корму гнилую нашли, а золота нѣтъ, какъ нѣтъ.... И заговорамъ на исканіе кладовъ многіе понаучились, да толку и отъ заговоровъ нѣтъ....

И все думается въ той глухой сторонѣ о кладахъ, когда нѣтъ возможности думать о чемъ нибудь лучшемъ....

А. Гацискій.

6 Августа 1875 г.
Нижній-Новгородъ.

зинскаго до Волги по прямому направленію верстъ съ 10, даже меньше) и раздался крикъ залетѣвшаго волжскаго картына (чайки) парень сильно удивился крику незнакомой птицы—онъ о ней и понятія не имѣлъ.

РОДНАЯ ГЛУШЬ.

(НА МЁШЕ*).

Куда ни посмотришь—все поле да поле,
Ни впадинъ глубокихъ, ни горъ,
Душистыя травы—и груди приволье,
И глазу, и мысли просторъ!..

* * *

По склону равнины, зимою волнистой,
Скрываясь въ нависшихъ кустахъ,
Струится, блистая, потокъ серебристый,
Теряясь въ зеленыхъ лугахъ...

* * *

И слышенъ у корня нависшаго тала
Таинственный лепетъ струи:
«Скорѣй погружайтеся тѣломъ усталымъ
Въ прохладныя воды мои»!..

* * *

И ясное небо, и звуки природы,
И легкій туманъ отъ земли,
Стога, и озерныя тихія воды,
И чащи лѣсныя вдали...

* * *

Тамъ вѣтви деревьевъ, привѣтно кивая,
Колеблютъ, чуть слышно, листы,
Слухъ нѣжною, дружеской рѣчью лаская:
«Унасъ такъ тѣнисты кусты

* * *

И воздухъ такъ чуденъ... Укройся отъ зноя
И полною грудью вздохни,

---

*) Мёша—небольшая рѣка, протекающая по Казанской губ. и впадающая въ Каму. Она течетъ по долинѣ, славящейся красивыми видами. Особенно хороша эта долина у «Борисова ключа», верстахъ въ 50 отъ Казани, гдѣ съ холма мчится нѣсколько источниковъ шумными каскадами.

И мигомъ—одною минутой покоя—
Всѣ прежнія силы верни!..»

* * *

Тамъ птицы, расправивши крылья, летаютъ
Свободной и рѣзвой толпой,
И вольныя, звонкія пѣсни слагаютъ
Про край свой родной, дорогой...

* * *

Забудешься въ грезахъ... Но голосъ природы
Все кличетъ, немолчно зоветъ:
«Ловите минуты хорошей погоды!—
Дождливая осень придетъ,

* * *

И горько заплачетъ угрюмое небо,
Слезами всю землю зальетъ,
Поля обнажатся отъ зрѣлаго хлѣба,
И вольная пѣсня замретъ...

* * *

Вдыхайте-жъ живительный воздухъ струями
Въ дремучей лѣсной глубинѣ,
И грѣйтесь подъ теплыми солнца лучами,
И нѣжьтесь въ прохладной волнѣ...

* * *

Не бойтесь привѣта и ласки вы знойной,
И жгучихъ объятій моихъ,
И жизни спокойной, и негги невольной,
И дремлющихъ мыслей своихъ:

* * *

Я крѣпостью, силой снабжу небывалой
Застывшіе члены и умъ,
И духъ вашъ, въ борьбѣ истомленный, усталый,
Воспрянетъ для жизненныхъ думъ!..

П. Поволжскій.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ

ОТЪ

НОВОЧЕРКАССКА ДО КАЗАНИ.

Въ Новочеркасскъ я пріѣхалъ поздно вечеромъ, 5 августа. Сна-
ла извощикъ повезъ меня въ большую гору подлѣ бульвара, про-
дившаго по серединѣ темной и пустынной улицы; единственная
ша, встрѣченная нами, былъ какой-то офицеръ. Миновавъ пло-
дь и въѣхавъ на Платовскій проспектъ, я замѣтилъ болѣе огней
людей, но все-таки могъ видѣть только силуэты собора, памят-
ка Платову и тріумфальной арки; подробности же нужно было
авить до завтра. Извощикъ провезъ меня въ гостинницу Шав-
ва, на Платовскомъ проспектѣ; номеръ стоилъ 50 к., убранство
наты странное: такъ напримѣръ, къ чему-то было двѣ кровати;
а постель была покрыта кускомъ ситца взамѣнъ лѣтняго одѣя-
Номеръ мой отдѣлялся отъ сосѣдняго только перегородкой, не
тигавшей до потолка, за которой въ этотъ вечеръ помѣщались
е молодыхъ людей разнаго пола, пѣвшихъ пѣсни и спрашивав-
хъ много вина. Но это неудобство было не единственное: въ ком-
ту мою проникалъ изъ корридора удушливый запахъ.—„Николка!
ышался въ корридорѣ крикъ старшаго полового,—притворяй! Ду-
ще претъ!» —Мы, жильцы гостинницы г. Шаврова, затворялись, за-
ивались, закутывались въ своихъ постеляхъ, чтобъ спрятаться
ъ удушливой атмосферы, но напрасно. Я попробовалъ отворить
ю, но тотчасъ же заперъ его одной рукой, другой зажалъ носъ.
тавалось одно: какъ можно поменьше оставаться въ гостинницѣ
акъ можно больше пребывать гдѣ-нибудь внѣ ея.

На другой день я отправился въ городъ отыскивать редактора
ихъ Областныхъ Вѣдомостей, къ которому имѣлъ реко-

мендательное письмо; отыскиваніе его квартиры познакомило меня и съ городомъ. Новочеркасскъ слишкомъ казачій городъ, смотритъ по казенному; на немъ не лежитъ печати свободнаго творчества самой жизни, какая замѣчается въ городахъ не административныхъ. Самая главная улица—„Платовскій проспектъ"—широка не по городу; широкая мостовая всегда посыпана мусоромъ и пескомъ, который сметать, повидимому, нѣтъ средствъ; широкіе, какъ на Невскомъ, тротуары безлюдны, торговой жизни въ городѣ нѣтъ, и въ жаркій полдень Новочеркасскъ походитъ на какую-то большую столицу, раскопанную изъ подъ земли и начинающую заселяться. Деревья растутъ въ городѣ только по приказанію начальства: по нѣкоторымъ улицамъ тянутся бульвары, и въ центрѣ города разведенъ съ большимъ трудомъ большой публичный садъ, по общему мнѣнію—чудо юго-восточной степной Россіи, потому что вся земля подъ садъ, на нѣсколько футовъ, была навезена изъ отдаленнаго мѣста. Въ Крыму зелень частныхъ садовъ вылазитъ наружу изъ за перегородокъ; кипарисы стоятъ впереди зданій, плющъ и виноградъ плетутся вокругъ подъѣздовъ, оконъ и балконовъ, по фасаду домовъ; здѣсь же на улицахъ видна только казенная зелень, а домовладѣльческая прячется за заборы. Картину довершаютъ памятники военнаго величія Дона: двое тріумфальныхъ воротъ и монументъ графу Платову. Три памятника для такого безжизненнаго города—это не мало.

Одни ворота находятся въ центрѣ города, тѣ еще ничего; но другія, въ концѣ Платовской улицы, вздымающіяся посреди маленькихъ деревянныхъ казачьихъ лачугъ, давятъ ихъ своей каменной массой, подобно камню, положенному на луговую траву. Постановка фигуры Платова мнѣ показалась утрированной и напоминающей Палечена на сценѣ; впрочемъ, можетъ быть, такъ показалось только мнѣ, какъ сѣверному человѣку; на болѣе же подвижнаго южанина фигура Платова, можетъ быть, и не производитъ такого дерзкаго впечатлѣнія.

Ѳ. К. Траянинъ, редакторъ оффиціальной части Донск. Обл. Вѣдомостей, принялъ меня въ редакціи. Г. Траянинъ занимается этнографіей края; по общему свидѣтельству, когда онъ завѣдывалъ неоффиціальнымъ отдѣломъ Областныхъ Вѣдомостей, это было

самое цвѣтущее ихъ время. Г. Траилинъ издаетъ ежегодно Донской Календарь, который съ успѣхомъ расходится въ Войскѣ; изъ мелкихъ брошюрокъ, изданныхъ имъ, я обратилъ вниманіе на маленькую исторію Донскаго войска, составленную имъ для народнаго чтенія. Эта крошечная брошюрка, цѣною въ нѣсколько копѣекъ, представляетъ уединенное явленіе въ донской печати. Вмѣсто серьезныхъ монографій по мѣстной исторіи и историческихъ учебниковъ,—для народа, для школъ, для юношества, для взрослыхъ—всего одна маленькая брошюрка.... Такъ какъ г. Траилинъ былъ мой первый знакомый въ Новочеркасскѣ, онъ невольно сталъ моимъ руководителемъ въ знакомствѣ съ городомъ.—«Что-же вамъ показать у насъ? задалъ онъ вопросъ мнѣ и въ тоже время себѣ, потому что, дѣйствительно, въ нашихъ провинціальныхъ городахъ показывать бываетъ нечего. Гдѣ нѣтъ мѣстной умственной жизни, мѣстной литературы, мѣстнаго искусства, тамъ нѣтъ и остатковъ замѣчательной старины и памятниковъ народной жизни. У насъ вся умственная жизнь сосредоточена въ двухъ центрахъ, и иностранный путешественникъ, желающій видѣть произведенія русскаго ума, можетъ не ѣздить, далѣе Петербурга, вглубь Россіи; въ провинціи онъ можетъ наблюдать только народную жизнь.

Я охотно пошелъ въ публичную библіотеку, куда меня пригласилъ г. Траилинъ. Публичная библіотека помѣщается въ особомъ домѣ, на Платовой улицѣ, и занимаетъ двѣ залы; въ каждой залѣ, какъ водится, посрединѣ столъ, по стѣнамъ шкафы съ книгами; въ первой залѣ читаютъ толстые журналы, во второй—газеты; мы застали въ газетной большое общество офицеровъ. За входъ платится 5 к. За конторкой, по большей части, сидитъ дѣвица. Я сидѣлъ въ новочеркасской библіотекѣ подъ особымъ впечатлѣніемъ, какого не испытаешь въ другихъ библіотекахъ: оно было то-же, которое я испытывалъ нѣкогда въ библіотекѣ другаго казачьяго города—въ Уральскѣ, но тамъ оно еще было сильнѣе: тамъ все заставляло чувствовать, что я нахожусь въ *областной* библіотекѣ; обстановка, украшенія на стѣнахъ, портреты и фотографіи показывали мнѣ, что я нахожусь ни-гдѣ, какъ на Уралѣ. Казачій офицеръ, который мнѣ показывалъ библіотеку, вовсе не былъ библіотекарь, а

мендательное письмо; отыскиваніе его квартиры познакомило мен и съ городомъ. Новочеркасскъ слишкомъ казачій городъ, смотритъ по казенному; на немъ не лежитъ печати свободнаго творчества самой жизни, какая замѣчается въ городахъ не административныхъ. Сама главная улица—„Платовскій проспектъ“—широка не по городу; ши рокая мостовая всегда посыпана мусоромъ и пескомъ, который сме тать, повидимому, нѣтъ средствъ; широкіе, какъ на Невскомъ, тро туары безлюдны, торговой жизни въ городѣ нѣтъ, и въ жаркій пол день Новочеркасскъ походитъ на какую-то большую столицу, раско панную изъ подъ земли и начинающую заселяться. Деревья растут въ городѣ только по приказанію начальства: по нѣкоторымъ ули цамъ тянутся бульвары и въ центрѣ города разведенъ съ большим трудомъ большой публичный садъ, по общему мнѣнію—чудо юговос точной степной Россіи, потому что вся земля подъ садъ, на нѣ сколько футовъ, была навезена изъ отдаленнаго мѣста. Въ Крым зелень частоколъ садовъ вылазитъ наружу изъ за перегородокъ; ки парисы стоятъ впереди зданій, плющъ и виноградъ плетутся вокруг подъѣздовъ, оконъ и балконовъ, по фасаду домовъ; здѣсь же на ули цахъ видна только казенная зелень, а домовладѣльческая прячется за заборы. Картину довершаютъ памятники военнаго величія. Дома двое тріумфальныхъ воротъ и монументъ графу Платову. Три памят ника для такого безжизненнаго города—это не мало.

Одни ворота находятся въ центрѣ города, тѣ еще ничего; но другія, на концѣ Платовской улицы, вздымающіяся посреди маленькихъ деревянныхъ казачьихъ лачугъ, давятъ ихъ своей каменной массой, подобно камню, положенному на луговую траву. Постанов ка фигуры Платова мнѣ показалась утрированной и напоминающей Палечека на сценѣ; впрочемъ, можетъ быть, такъ показалось только мнѣ, какъ сѣверному человѣку; на болѣе же подвижнаго южанина фигура Платова, можетъ быть, и не производитъ такого дерущаго впечатлѣнія.

Ѳ. К. Траилинъ, редакторъ оффиціальной части Донск. Обл. Вѣдомостей, принялъ меня въ редакціи. Г. Траилинъ занимается этнографіей края; по общему свидѣтельству, когда онъ завѣды валъ неоффиціальнымъ отдѣломъ Областныхъ Вѣдомостей, это было

самое цвѣтущее ихъ время. Г. Траилинъ издаетъ ежегодно Донской Календарь, который съ успѣхомъ расходится въ Войскѣ; изъ мелкихъ брошюрокъ, изданныхъ имъ, я обратилъ вниманіе на маленькую исторію Донскаго войска, составленную имъ для народнаго чтенія. Эта крошечная брошюрка, цѣною въ нѣсколько копѣекъ, представляетъ уединенное явленіе въ донской печати. Вмѣсто серьезныхъ монографій по мѣстной исторіи и историческихъ учебниковъ,—для народа, для школъ, для юношества, для взрослыхъ—всего одна маленькая брошюрка.... Такъ какъ г. Траилинъ былъ мой первый знакомый въ Новочеркасскѣ, онъ невольно сталъ моимъ руководителемъ въ знакомствѣ съ городомъ.—«Что-же вамъ показать у насъ? задалъ онъ вопросъ мнѣ и въ тоже время себѣ, потому что, дѣйствительно, въ нашихъ провинціальныхъ городахъ показывать бываетъ нечего. Гдѣ нѣтъ мѣстной умственной жизни, мѣстной литературы, мѣстнаго искусства, тамъ нѣтъ и остатковъ замѣчательной старины и памятниковъ народной жизни. У насъ вся умственная жизнь сосредоточена въ двухъ центрахъ, и иностранный путешественникъ, желающій видѣть произведенія русскаго ума, можетъ не ѣздить, далѣе Петербурга, вглубь Россіи; въ провинціи онъ можетъ наблюдать только народную жизнь.

Я охотно пошелъ въ публичную библіотеку, куда меня пригласилъ г. Траилинъ. Публичная библіотека помѣщается въ особомъ домѣ, на Платовой улицѣ, и занимаетъ двѣ залы; въ каждой залѣ, какъ водится, посрединѣ столъ, по стѣнамъ шкафы съ книгами; въ первой залѣ читаютъ толстые журналы, во второй—газеты; мы застали въ газетной большое общество офицеровъ. За входъ платится 5 к. За конторкой, по большей части, сидитъ дѣвица. Я сидѣлъ въ новочеркасской библіотекѣ подъ особымъ впечатлѣніемъ, какого не испытаешь въ другихъ библіотекахъ: оно было то-же, которое я испытывалъ нѣкогда въ библіотекѣ другаго казачьяго города—въ Уральскѣ, но тамъ оно еще было сильнѣе: тамъ все заставляло чувствовать, что я нахожусь въ *областной* библіотекѣ; обстановка, украшенія на стѣнахъ, портреты и фотографіи показывали мнѣ, что я нахожусь ни-гдѣ, какъ на Уралѣ. Казачій офицеръ, который мнѣ показывалъ библіотеку, вовсе не былъ библіотекарь, а

нуждѣ былъ бы остановиться на 25 номерахъ, вмѣсто 50-ти; убытокъ, который онъ несетъ добровольно на газетѣ, покрывается доходами типографіи. «Донская Газета» имѣетъ около 600 подписчиковъ, большинство которыхъ находится по станицамъ; корреспонденціи—преимущественно изъ станицъ и хуторовъ; встрѣчаются изъ Ростова, Таганрога, иногда изъ Пятигорска, Москвы, разъ даже изъ Карльсбада. Отдѣлъ этотъ туго развивается, и редакція жалуется, что пріобрѣтеніе корреспондентовъ соединено съ большимъ трудомъ. Въ каждомъ номерѣ есть передовая, преимущественно по мѣстнымъ вопросамъ, бываетъ фельетонъ, часто этнографическіе расказы и иногда беллетристика; есть стихи, частью лирическіе, но рѣдко появляются, и потому не роняютъ серёзный тонъ газеты. Политическій отдѣлъ недопускается программой; прежде въ видѣ передовыхъ появлялись иногда политическія обозрѣнія, но были запрещены; телеграммъ изъ Петербурга нѣтъ. Мѣстные вопросы края, разработкѣ которыхъ предана газета, совершенно особенны, почему для человѣка, слѣдящаго за развитіемъ областной жизни въ государствѣ, «Донская Газета» представляетъ живой интересъ. Военная спеціализація края на всѣ русскіе вопросы, перенесенные на донскую почву, кладетъ особый отпечатокъ; вопросъ городской, женскій, о земскихъ учрежденіяхъ, объ общинѣ, о деревенскомъ самоуправленіи, о землевладѣніи—все это требуетъ на Дону другихъ соображеній, потому что встрѣчаетъ другія, чѣмъ въ остальной Имперіи, препятствія или другія благопріятныя обстоятельства. Возьмемъ для примѣра городской вопросъ; на Дону существуетъ одинъ только городъ—Новочеркасскъ; онъ населенъ частью казаками, частью лицами изъ другихъ областей; первые составляли въ городѣ три станицы и несли военную повинность, какъ и жители другихъ станицъ; по новому городскому положенію, они должны быть привлечены къ городскимъ платежамъ, между тѣмъ казаки эквивалентъ имъ видятъ уже въ воинской повинности. На возраженіе: если не хотите платить, то выселяйтесь изъ города, они припоминаютъ, что они явились сюда не по своей охотѣ, а были пригнаны насильно; они были заселены здѣсь по капризу Платова, при чемъ

мѣры противъ упрямыхъ употреблялись далеко не мягкія. Дѣйствительно выселеніе казаковъ изъ Новочеркасска было-бы несправедливостью; притомъ вышло бы что то неестественное, еслибъ Новочеркасскъ, главный городъ Области, превратился въ городъ, составленный исключительно изъ пришлаго, не-казачьяго населенія. Нужно замѣтить еще, что исключеніе казачьяго сословія изъ городского управленія было бы несправедливо и потому еще, что до настоящаго времени общественныя учрежденія въ городѣ созидались на счетъ цѣлой Области; такъ, на счетъ всего Войска построенъ водопроводъ, на счетъ Войска устроенъ общественный садъ, надъ которымъ работало до 2000 человѣкъ; даже пожарная команда содержится въ настоящее время на счетъ цѣлаго Войска. Въ виду этихъ обстоятельствъ введеніе городового управленія на Дону пріостановилось.

Или другой примѣръ: женскій вопросъ. Опять тотъ же военный бытъ ставитъ мѣстную женщину совершенно въ особое положеніе, чѣмъ въ какомъ она находится въ остальной Россіи. Казакъ уходитъ на нѣсколько лѣтъ на службу, — въ Финляндію, Польшу или на Кавказъ, — оставляя хозяйство на попеченіе своей жены, которая поневолѣ привыкаетъ ко всѣмъ полевымъ работамъ: жнетъ, сѣетъ, иногда коситъ, и заправляетъ всѣмъ домомъ. Кругъ профессій донской женщины также великъ, какъ у дикарей, а самое число профессій, пожалуй, еще болѣе. Положеніе женщины въ Уральскомъ войскѣ совсѣмъ другое. Если кругъ профессій донской женщины далеко шире, чѣмъ у обыкновенной русской крестьянки, то у уральской онъ гораздо уже; дончихи и уралки — это два полюса на скалѣ женскаго труда въ Россіи. Другое положеніе уральской женщины объясняется другой системой отбыванія воинской повинности у уральцевъ; здѣсь оно организовано было до послѣдняго времени въ видѣ наемки, вслѣдствіе чего не каждый казакъ уходилъ въ отрядъ, или, какъ выражаются донцы — «въ поле,» а только часть, экономическими своими обстоятельствами принужденная наниматься; другая, болѣе значительная, часть оставалась постоянно дома, и потому уральская женщина въ большинствѣ случаевъ не имѣла нужды приниматься за мужской трудъ.

Кромѣ разработки мѣстныхъ вопросовъ (особенно много дѣльныхъ замѣтокъ было помѣщено въ Д. Газетѣ о станичномъ самоуправленіи: много было открыто темнаго о станичныхъ начальникахъ и ихъ злоупотребленіяхъ), Газета оказываетъ много мелкихъ услугъ обществу, особенно городскому: городская полиція держится постоянно на-чику, городское благоустройство и санитарныя условія города во многихъ отношеніяхъ улучшены, благодаря указаніямъ Газеты; Газета часто оказываетъ услуги самой администраціи края, наводя ее на слѣдъ злоупотребленій или невыполненія закона второстепенными агентами; такъ напр., благодаря указанію Газеты, несостоялись незаконные выборы въ коммерческомъ судѣ и по распоряженію атамана были сдѣланы новые выборы.

Газета цензируется чиновникомъ, назначаемымъ атаманомъ; въ Январѣ 1874 года этотъ порядокъ былъ отмѣненъ и велено было посылать газетныя статьи для просмотра въ Москву къ тамошнему цензору; правильный выходъ номеровъ, послѣ 11-го №, вышедшаго 25 Января, прекратился; въ теченіи нѣкотораго времени, въ мѣсяцъ выходилъ только одинъ номеръ; въ виду такой проволочки, подчиненіе газеты московской цензурѣ было отмѣнено и газета снова стала выходить подъ мѣстной цензурой. Хорошо—что издатель имѣлъ свою собственную типографію; но если бъ газета издавалась въ чужой типографіи, если-бъ еще на газетѣ числились долги типографіи (а долгъ «Донской газеты» своей типографіи, какъ выше сказано, очень великъ, и нейтрализуется только тѣмъ, что издатель газеты и типографщикъ—одно лицо) вѣроятно, переносъ цензуры въ Москву принудилъ бы издателя прекратить свое изданіе.

Кто пишетъ въ Газетѣ? На этотъ вопросъ, къ моему удивленію, мнѣ отвѣтили: урядники, станичные писаря, учители станичныхъ школъ; кромѣ самого г. Карасева, бывшаго студента Харьковскаго университета, нѣтъ никого изъ университетски-образованныхъ, кто бы принималъ хотя слабое участіе въ газетѣ. А между тѣмъ въ Донскомъ войскѣ 60 стипендій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и по мѣстнымъ условіямъ всѣ кончившіе курсъ непремѣнно возвращаются въ Войско; слѣдовательно, число универ-

ситантовъ должно быть значительно въ Войскѣ. Почему же эти образованные люди не принимаютъ никакого участія въ разработкѣ мѣстныхъ вопросовъ, въ движеніи мѣстной мысли, въ изданіи брошюръ для народнаго чтенія, въ разработкѣ историческихъ памятниковъ? По выходѣ изъ университета, донцы или поступаютъ на службу и ограничиваются служебной дѣятельностью, или устраиваютъ какое нибудь частное заведеніе,—училище, пансіонъ и т. п. и принимаются обдѣлывать свои денежныя дѣла. Безжизненное состояніе донскаго общества поражаетъ наблюдателя: нѣтъ никакихъ Обществъ въ области, нѣтъ общества изслѣдователей старины и современнаго экономическаго быта въ краѣ, нѣтъ общества грамотности, нѣтъ общества, имѣющаго цѣлью развитіе промышленности въ области...

Гдѣ причины этого положенія? Во первыхъ онѣ, можетъ быть, лежатъ въ условіяхъ высшаго образованія на Дону: чтобы получить его, донецъ отправляется вонъ изъ своей области и попадаетъ въ среду харьковскихъ или московскихъ студентовъ, общія стремленія которыхъ увлекаютъ и донцевъ, отрываютъ ихъ вниманіе отъ интересовъ мѣстныхъ, и заставляютъ забывать послѣдніе. Донская область нуждается не только въ поддержаніи связи между мѣстной средой и ея учащейся молодежью; она нуждается еще въ самомъ зарожденіи такой связи, потому что до сихъ поръ, кромѣ связи родства, землевладѣнія, экономическихъ выгодъ, другой не образовалось. Но породить эту связь, основанную на стремленіи быть полезнымъ своему краю, не можетъ университетъ, находящійся внѣ области. Ея не пораждаютъ университеты даже и въ отношеніи тѣхъ областей, посреди которыхъ они поставлены; такъ напримѣръ, разсматривая взаимныя отношенія казанскаго университета къ мѣстному обществу, мы не замѣчаемъ между ними органической связи. Мѣстное населеніе не видитъ въ университетѣ областнаго учрежденія, оно не учавствуетъ въ его жизни; при упадкѣ его, оно не можетъ поддержать его, при процвѣтаніи—университетъ не составляетъ гордости своего края, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ Финляндіи и даже въ Остзейскомъ краѣ; соревнованіе между областями посредствомъ университетовъ не мыслимо при те-

перешнемъ положеніи ихъ, когда жители области видятъ въ университетѣ не мѣстное святилище, а просто пансіонъ, гдѣ можно доставить сыну условный знакъ, обезпечивающій каррьеру въ жизни. Разумѣется, что при такихъ отношеніяхъ между университетомъ и областью — первый будетъ создавать только спеціально подготовленныхъ чиновниковъ, но не людей съ жаждой общественной дѣятельности. Если это такъ въ отношеніи студентовъ, слушающихъ въ университетахъ, лежащихъ внутри своей области, то это еще болѣе справедливо относится къ студентамъ—донцамъ, отправляющимся за высшимъ образованіемъ изъ своего края въ другую область, гдѣ среда, окружающая университетъ, вовсе не похожа на ту среду, которая окружала бы его, еслибъ онъ находился въ Новочеркасскѣ.

Другая причина, вѣроятно, кроется въ той военной спеціализаціи мѣстнаго быта, которая на всѣ явленія мѣстной жизни кладетъ свою печать. Ремесло казака—военная служба. Сельское хозяйство, воспитаніе дѣтей, все, что связываетъ общество съ землей, оставлено на руки женщинъ (для которыхъ нѣтъ вовсе школъ), промышленность получаетъ видъ только подспорья къ военному ремеслу; грамотность и образованіе требуется лишь насколько это нужно для военнаго ремесла.

Нѣтъ науки, нѣтъ беллетристики и поэзіи, нѣтъ свободнаго творчества. Геній донской,—геній войны, разрушенія; традиціи Дона—не мирныя, его герои — не общественные дѣятели, не устроители внутренняго благоденствія, а Платовы, Баклановы—герои военныхъ полей Западной Европы или Кавказа. Общественная организація его—орудіе не для преуспѣнія области, это организація полка, военной дружины. Патріотизмъ, обнаруживаемый старыми чиновниками—не территоріаленъ; это просто привязанность къ тѣмъ особенностямъ мѣстнаго общественнаго быта, которыя дѣлали положеніе ихъ комфортабельнымъ, и которыя нельзя назвать неотдѣлимыми отъ территоріи: они могутъ быть отмѣнены, но народная жизнь останется въ области и вмѣнитъ въ обязанность своимъ образованнымъ людямъ питать другія чувства. Можно сказать,—до настоящаго времени народная жизнь на Дону течетъ уродливо: всѣ культурныя силы края

заключаются въ силахъ женщины, а мужчина только гость въ краѣ, уничтожающій скопленія своей жены. До сей поры интересы народной массы на Дону останавливались на конской сбруѣ, сѣдельномъ приборѣ, желѣзныхъ пряжкахъ (этотъ конюшенный интересъ отражается даже на мѣстной журналистикѣ: и въ «Донской Газетѣ» можно иногда видѣть передовыя о томъ, откуда ремонтировать полки лошадьми). При этомъ, само собою разумѣется, что отъ народной жизни не могли быть предъявлены серьёзныя требованія къ мѣстной интеллигенціи, и послѣдняя погружалась въ свою личную жизнь и личный комфортъ. Въ настоящее время, впрочемъ, общія культурныя черты начинаютъ болѣе окрашивать донскую жизнь; онѣ выражаются и въ тѣхъ немногочисленныхъ корреспонденціяхъ, которыя появляются въ «Донской Газетѣ» изъ станицъ и хуторовъ. Нельзя непризнать въ этомъ литературномъ движеніи хуторянскихъ учителей, писарей и урядниковъ разсвѣта новой жизни на Дону; нельзя также пройти не замѣчая страннаго явленія, что это начало общественной жизни полагается такими мелкими дѣятелями, а не университантами, не людьми начиненными высшей наукой; это еще разъ показываетъ, какъ далека наша университетская наука отъ пониманія жизни, какихъ она создаетъ «общественныхъ дѣятелей» — нечувствующихъ требованій времени и повсюду допускающихъ обгонять себя сельскимъ учителямъ и писарямъ; съ высоты своего многоученаго величія они могутъ подсмѣиваться надъ ошибками и промахами этихъ маленькихъ писателей, но мало опытный наблюдатель—и тотъ усмотритъ, на которой сторонѣ живая сила, которая несомнѣнно оставляетъ уже мертвые шкапы съ книгами безъ употребленія.

Изъ Новочеркасска я вернулся въ Ростовъ, гдѣ долженъ былъ сѣсть на пароходъ, совершающій рейсы по Дону. На пристани стоялъ пароходъ «Есаулъ»; вскорѣ маленькая палуба парохода такъ наполнилась пассажирами, что не было прохода между ними: съ нами ѣхало 180 человѣкъ бурлаковъ, преимущественно хохловъ, занимавшихся сплавомъ лѣса изъ Калача внизъ по Дону. Пароходъ тронулся и мы начали прилаживаться къ тому обществу, въ кото-

ромъ внезапно очутились На полу расположились бурлаки, между которыми и я расположился съ своимъ чемоданомъ; на лавкѣ помѣстилось избранное общество: дама, другая дама, мыловаръ изъ Каменской станицы, отставной казачій офицеръ, два донскихъ рядовыхъ казака, торгующій армянинъ, ѣхавшій въ Цымлу на ярмарку, какой-то старецъ съ Аѳонской горы—въ большихъ очкахъ и съ Библіей въ рукахъ. Первымъ дѣломъ простого народа было развернуть листы бумаги и тряпицы и достать оттуда соленую рыбу. Она была вонючая. Начался разговоръ по поводу этого:

— До Калача, надо полагать не довезёшь ее,—сказалъ одинъ—ишь, какъ въ носъ пхается.

— А ты эту музыку не разводи; знай ѣшь!.. А то съ души сопретъ. Слышь, что капитанъ сказалъ нашимъ на кормѣ? говоритъ: не ѣшьте, робята, много этой тухлятины; въ прошлую путину двое здакъ-то обожравшись умерли.

Одна группа ихтіофаговъ помѣстилась между мною и мыловаромъ, который велъ оживленный разговоръ съ дамой и по временамъ огрызался на мужиковъ, которые были по большой части пьяны. Къ первоначальной группѣ стали подсаживаться другіе мужики, какъ мухи, слетающіяся на запахъ. Стало тѣсно въ проходѣ; длинный мужикъ Петро, сидѣвшій спиной къ дамѣ, не сдержалъ своего туловища въ равновѣсіи—очень былъ грузенъ—и покачнувшись назадъ, задѣлъ затылкомъ за колѣни дамы.

— Чего винъ толкается? сказалъ онъ, полуобратившись назадъ и потерявъ способность различать направленіе внѣшнихъ впечатлѣній.

Это положило конецъ терпѣнію мыловара и онъ пошелъ жаловаться къ боцману; хохлы пришли въ движеніе: они начали усовѣщевать Петро, зачѣмъ онъ изобидѣлъ барыню, и совѣтывали просить ее, чтобъ она не сердилась. Явился боцманъ, бойкій хохолъ, схватилъ пожитки хохловъ и перекидалъ ихъ на корму.—«Покажите-жь намъ другое мѣсто, если мы сѣли не ладно»,—говорили, ни сколько не сердясь, хохлы, подбирая разбросанные пожитки.

— На кормѣ ваше мѣсто, отвѣчалъ боцманъ.

— А вотъ вы эту-жь свиту еще не бросили, г. боцманъ, говорилъ Петро, обращая вниманіе боцмана на лежавшую на палубѣ свиту. — Это-жь наша же свита; и её надо взять.

И взявъ свиту подъ мышку, Петро замкнулъ шествіе своихъ товарищей на корму.

Мыловаръ снова усѣлся возлѣ своей дамы и продолжалъ любезничать:

— Я очень, очень радъ за васъ, что вы хоть два года, а все таки были въ гимназіи, а не все время прожили въ эпархіальномъ училищѣ.

Дама оказалась дочерью сельскаго священника, близъ Саратова, и была замужемъ за конторщикомъ какого-то общества, желѣзнодорожнаго или пароходнаго, въ Ростовѣ на Дону. Вскорѣ я познакомился съ мыловаромъ, это былъ мужчина довольно рослый и здоровый, онъ часто доставалъ изъ своего сакъ-вояжа бутылку съ виномъ и тянулъ изъ нея черезъ горлышко; эти возліянія разливали румянецъ по его лицу; какъ послѣдствія той же причины, на вѣкахъ и щекахъ и на шеѣ у него были видны наплывы тѣла, точно оно было вязкое, какъ изъ мыла. Я успѣлъ записать отъ мыловара нѣсколько свѣдѣній о мыловареніи на Дону. Онъ варитъ мыло только для мытья бѣлья и головы; личное мыло здѣсь на окраинѣ варить не выгодно: нужно рѣзать его на печатки, дѣлать коробки, этикеты, все это выгодно только въ какомъ нибудь центрѣ, вродѣ Казани. Донъ пользуется своимъ головнымъ мыломъ, — частью съ заводовъ, находящихся по станицамъ, частью съ заводовъ Ростова, Таганрога и др. Казанскаго мыла употребляется здѣсь не болѣе $^1/_{10}$ всей потребляемой массы. Каждый такой маленькій заводъ сбываетъ мыло на пространствѣ 200 верстъ вокругъ себя. Кромѣ сала, въ составъ этаго мыла входятъ: сода, канифоль, пальма, кокосъ. Сода идетъ заграничная, каустическая, стоитъ 3 руб. 40 коп. пудъ. Мыловареніе, по словамъ мыловара, очень выгодное занятіе, особенно если закупка производится гуртомъ: пудъ мыла продается 4 руб. слѣдовательно, три пуда 12 р.; чтобъ произвести эти три пуда мыла требуется пудъ сала—4 руб., пудъ конифоли—2 рубля, 2 пуда щелока, по 60 коп. пудъ—1 руб. 20 коп., всего 7 руб. 20 коп. Вся эта

масса составитъ 4 пуда; одинъ пудъ щелока полагается на угаръ, слѣдовательно получается три пуда мыла; итакъ вмѣсто затраченныхъ 7 руб. 20 коп. мыловаръ получаетъ 12 руб. Мыловаръ оказался страшный любитель своего дѣла; онъ говорилъ мнѣ, что онъ способенъ отъ всякихъ удовольствій отказаться, чтобъ только можно было ему варить мыло; я повѣрилъ этому, потому что онъ съ такимъ увлеченіемъ разсказывалъ мнѣ о своемъ производствѣ, что забылъ свою хорошенькую сосѣдку. Не мало ему стоило обученіе своему ремеслу; онъ учился въ Москвѣ у какого-то француза парфюмера. Трудно подумать, чтобъ это грязное и вонючее производство имѣло своихъ крестоносцевъ, а между тѣмъ, вѣроятно, оно доставляетъ имъ самыя чистѣйшія радости! Наблюдая мыловара, мнѣ приходило въ голову: сколько страсти расходуется въ мірѣ на то, чтобы двигать промышленность, въ видѣ подобныхъ неизвѣстныхъ мелкихъ дѣятелей.

— Отчего вы не женаты? спросилъ я.

— Зачѣмъ бы я женился,—отвѣчалъ мыловаръ—нищихъ плодить? Нужно прежде хорошій капиталецъ составить, да потомъ ужь думать о потомствѣ. Мотаюсь и такъ... Конечно, борютъ мя страсти! Больше въ мыловареніи забываюсь, а не то такъ спиртуозными напитками заглушаю; наконецъ, деньгами откупаюсь.

Въ Цымлѣ мыловаръ оставилъ пароходъ, сказавъ своей сосѣдкѣ, что онъ заботу о ея спокойствіи поручаетъ мнѣ. Вмѣсто него сѣли на пароходъ три казачьихъ мальчика, одѣтыхъ въ казакины одинаковой формы,—это были ученики нижнечирской школы. Дончиха, усаживая своихъ дѣтей, дѣлала имъ наставленія, чтобъ они не обвалились въ воду, и обратилась ко мнѣ съ просьбою—послѣдить за дѣтьми. Однако мальчуганы сухо отклонили мое покровительство; они все шептались между собою, нехотя отвѣчали на мои вопросы о ихней школѣ и вели себя, какъ недовѣрчивые звѣрки: на ночь они не хотѣли разложить свои мѣшки попросторнѣе, чтобъ можно было уютнѣе улечься, и провели ночь, согнувшись калачикомъ; они боялись палубной публики, думали, что ихъ обворуютъ; поэтому все теплое платье напялили на себя и спали, обнявши свои мѣшки руками. Чуждыя отношенія между нами и казачатами

еще рѣзче выступили по одному случаю. Одинъ изъ пассажировъ, валявшихся на полу, пробудившись утромъ, жаловался, что ему не спалось:—«Блохи, тѣснота, а тутъ еще эти поросята возились!» замѣтилъ онъ.

— Ты самъ свинья, неотесанный мужикъ! выругался казаченокъ, который былъ постарше лѣтами. Товарищи его тоже начали тявкать, какъ собачата.

— «Я не зналъ, что я обижу васъ, баринокъ», отвѣчалъ крестьянинъ. Эти слова напомнили мнѣ извѣстный анекдотъ о попугаѣ: «извините, баринъ, я думалъ, что вы птица!»

Можно сказать,—пока мы плыли, передъ нами прошла вся донская исторія въ картинахъ: миновали «старый Черкасскъ», откуда войсковую столицу на нынѣшнее мѣсто перевелъ атаманъ Платовъ, какъ говорятъ, съ цѣлью уединить казачество отъ еврейскаго вліянія, которое могло придти съ судоходствомъ, а отчасти съ цѣлью приблизить столицу къ собственному имѣнью; проплыли знаменитую виноградниками Цымлу, Раздоры, Зимовейскую станицу, нынѣ Потеминскую (вмѣсто Потемкинскую)—родину Пугачева,—жителей которой и теперь сосѣди-казаки дразнятъ: пу-гу! пу-гу! Всего мы тащились трое сутки; плаванье это было курьезно: Донъ пересѣченъ перекатами, и намъ очень часто приходилось «давить раковъ», т. е. шаркать дномъ парохода по дну рѣки. Раза два, на такихъ перекатахъ, пассажировъ III класса ссаживали на берегъ и они шли версты двѣ пѣшкомъ; но и это не облегчало парохода на столько, чтобъ онъ безъ труда могъ перевалить черезъ перекатъ. Нѣкоторые перекаты имѣли всего три четверти глубины; когда мы приближались къ такому мѣсту, съ берега въ воду входилъ, такъ называемый, «перекатный» сторожъ; этотъ сторожъ, уже заблаговременно развѣдавши и заучивши дно, становился на самомъ глубокомъ мѣстѣ переката, нащупывалъ его палкой, и попоясъ въ водѣ шелъ вверхъ по рѣкѣ, показывая дорогу; пароходъ тащился медленно за его спиной. При всемъ томъ онъ часто «тыкался» въ дно и останавливался; начиналась перебранка; капитанъ бранилъ перекатнаго, бранилъ боцмана, тѣ огрызались. Наконецъ спускали въ воду «сошило», большое заостренное бревно, загоняли его вы-

ше переката, втыкали острѣмъ въ дно и, наматывая на воротъ привязанный къ сошилу канатъ, пароходъ перекарабкивался наконецъ черезъ перекатъ. Несмотря на эти неудобства, публика была весела, и преграды къ плаванію только подавали поводъ къ шуткамъ. Однако въ памяти у меня осталась не веселая картина: былъ вечеръ—послѣ дождя; старикъ, повидимому рыбакъ, нанявшійся въ перекатные, стоялъ опершись на палку, въ водѣ; пароходъ тянули мимо его посредствомъ сошила.—«Скажу, чтобы тебя смѣнили; какой ты перекатный, дна не знаешь!» кричалъ капитанъ. Старикъ молчалъ.—Да онъ перемерзъ совсѣмъ, замѣтилъ кто-то изъ пассажировъ. Сѣдой старикъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и посинѣлъ....

На четвертый день утромъ мы были наконецъ въ Калачѣ. Здѣсь мы помѣстились на станціи желѣзной дороги, гдѣ есть двѣ залы—мужская и женская, въ которыхъ можно спать и имѣть отъ сторожа самоваръ за 15 коп., но буфета нѣтъ. Калачъ состоитъ изъ небольшаго ряда деревянныхъ домовъ; есть маленькій рынокъ и одна гостинница. Я отправился туда, чтобъ съѣсть что нибудь. Половой сбѣгалъ справиться на кухню и объявилъ мнѣ, вернувшись, что у нихъ ничего нѣтъ на кухнѣ.

— Какъ такъ? спрашиваю.

— Поваръ запьянствовалъ.

— Такъ какъ «давленье раковъ» задержало насъ на рѣкѣ нѣсколько часовъ лишнихъ, то мы опоздали къ поѣзду, который отходитъ изъ Калача въ Царицынъ разъ въ день, утромъ, и должны были ждать въ Калачѣ до слѣдующаго утра. Я и донской офицеръ помѣстились въ мужской половинѣ, гдѣ также заняли мѣсто донской торговый казакъ и армянинъ съ своей матерью и бабушкой. Въ женской половинѣ расположились двѣ дамы, ѣхавшія съ нами на палубѣ, и донская казачка, возвращавшаяся домой, изъ Нижнечирской станицы въ Урюпинскую.

Армянки тоже было зашли сначала въ женскую половину, но имъ не понравились русскія дамы и онѣ предпочли быть въ обществѣ мужчинъ.

Вечеромъ я провожалъ своихъ дамъ на рынокъ, гдѣ онѣ купили себѣ арбузъ и дыню, и, вернувшись, долженъ былъ зайдти въ ихъ комнату, чтобъ положить арбузъ, который я несъ съ базара.

— Mercі! поблагодарила меня та дама, съ которой я познакомился уже въ Калачѣ. Не хотите-ли выпить съ нами водки? У насъ есть.

— Я нецью.

— Какъ же вы сконфузили насъ,—не сконфузившись, бойко замѣтили мнѣ дамы.

— Если-бы я это знала, не предложила бы.

Когда я вернулся въ мужскую залу, армянскихъ дамъ уже не было: донской торговый казакъ вытѣснилъ ихъ въ женскую половину. Я засталъ только разговоръ съ нимъ донскаго офицера:

— Смѣлой рукой вы поступили.

— Для чего-же иначе существуютъ двѣ залы? И имъ стѣснительно было-бы, и намъ.

Послѣ оказалось, что гонитель женскаго пола имѣлъ привычку на станціяхъ раздѣваться на ночлегъ, какъ дома, даже чулки снялъ.

Чтобы читатель могъ не сбиваясь слѣдить за моимъ маршрутомъ, нужно сказать, что Донъ соединенъ съ Волгой двумя желѣзными дорогами; на Дону они начинаются одна у Калача, другая у Качалинской станицы (послѣдняя выше по Дону), и обѣ упираются въ Волгу въ одномъ пунктѣ, именно въ Царицынѣ.

На другой день утромъ мы сѣли въ вагонъ. Въ Царицынѣ я не оставался долго; только переѣхалъ на извозчикѣ съ вокзала одной желѣзной дороги на вокзалъ другой—Грязецарицынской: я хотѣлъ ѣхать въ Качалинскую станицу,—посмотрѣть какъ живутъ донцы въ своихъ станицахъ. Я вовсе не ожидалъ того чувства, какимъ былъ охваченъ при въѣздѣ въ Царицынъ: точно я, послѣ долгаго пребыванія на чужбинѣ, снова увидѣлъ свой русскій міръ. Незнаю, почему это чувство особенно выступило, когда я проѣзжалъ на извозчикѣ мимо домика на бургѣ, предъ которымъ на крыльцѣ сидѣла женщина съ ребенкомъ. До такой степени былъ особенный тотъ міръ, посреди котораго я передъ тѣмъ вращался. Донской міръ до того узокъ, до того обособленъ, что попавъ въ него, только интересомъ

новизны удерживаешься отъ непріятнаго чувства одиночества. Выходъ изъ этаго міра въ русскій походитъ на выходъ изъ какого—нибудь Китая: чувствуешь, что опять попалъ въ русское широкое море. Гостепріимство, съ которымъ бываетъ встрѣченъ путешественникъ на Дону, только временно замаскировываетъ отталкивающій тонъ мѣстной жизни; поздно или рано, какія—нибудь откровенныя дѣти разомъ обнажатъ глубь, отдѣляющую васъ отъ этаго сословно—областного міра. Вырвавшись изъ него на обыкновенный русскій, чувствуешь, что совершилъ переходъ отъ не-нормальнаго къ нормальному; здѣсь—есть задатки ко всестороннему развитію общества, тамъ—общество, подобно выженной солнцемъ степи, лишено плодородной силы; кажется, ни геній науки, ни геній искусства въ немъ не возможенъ.

Прощанье мое съ этой областью—сословіемъ было однако не надолго; по грязецарицынской желѣзной дорогѣ я въ тотъ же день ѣхалъ въ Качалинскую станицу, которая всего станція отъ Царицына. Въ вагонѣ я нашелъ изъ своихъ старыхъ знакомыхъ только донскаго офицера и урюпинскую дончиху; обѣ дамы, которымъ я служилъ съ такимъ усердіемъ, остались въ Царицынѣ.

— Что это, какія странныя барыни были эти? спрашивала дончиха, обращаясь ко мнѣ и донскому офицеру, сидѣвшему рядомъ сомной.—Все меня поили чаемъ, я имъ даю деньги,—не взяли. Одна говоритъ: какъ-бы мнѣ хотѣлось поплясать!—Что-жь говорю, коли охота.—Да нѣтъ, говоритъ, поплясала бы, да горе у меня большое!—Какая-то, будто, кажется необыкновенная! Кто онѣ?.

— Жены конторщиковъ на желѣзной дорогѣ, отвѣтилъ я.

— Я полагаю, это—искательницы приключеній, сказалъ донской офицеръ.

Офицеръ этотъ, какъ я узналъ его подъ конецъ, оказался добродушнымъ человѣкомъ; съ виду его никакъ нельзя было принять за донца; я думалъ сначала, что это интендантскій чиновникъ: очень онъ высматривалъ по штатскому. Говорилъ онъ не бойко и не громко. Въ немъ отражался типъ верховыхъ казаковъ, которые сильно отличаются отъ низовыхъ.

Дончиха оказалась старой дѣвицей. Давно мнѣ хотѣлось видѣть поближе дончиху,—эту самую замѣчательную русскую женщину.

Очередная служба казаковъ ставитъ донскую женщину въ положеніе, въ какомъ не находится женщина ни въ одной области Россіи. Если казакъ одиночка, весь домъ остается на попеченіи жены: дончиха пашетъ, жнетъ, коситъ, нанимаетъ работника, разсчитываетъ его, ѣздитъ въ лѣсъ за дровами, сама «въ ходъ ходитъ», т. е. ходитъ въ Дубовку съ возами; въ «ходку» дончиха отправляется вмѣстѣ съ артелью; навалитъ воза она попроситъ мужиковъ, своихъ артельщиковъ, а за то постережетъ быковъ. Многія бабы умѣютъ шить башмаки; вообще мало профессій, которыми бы не занималась дончиха. Трудолюбіе ея вошло въ поговорку: говорятъ, нѣтъ на Дону ни одной старухи прямой, все кривыя на одинъ бокъ—отъ коромысла. Къ этой умѣлости ваяться за всякое дѣло присоединяется еще умѣнье завѣдывать хозяйствомъ, котораго нѣтъ у русской крестьянки. Когда я разговорился на пароходѣ «Есаулъ» съ однимъ кохломъ бурлакомъ объ этомъ предметѣ, онъ мнѣ сказалъ слѣдующее: «Наши бабы—ни кто; не то, что дончихи. Нашей бабѣ нельзя ничего поручить. У меня есть баба и два парня, одному 16 лѣтъ. Я плачу 8 руб. въ лѣто сосѣду за то, чтобъ смотрѣлъ за моимъ хозяйствомъ; чтобъ посылалъ дѣтей на работу, а то они будутъ лежать, спать, не зная, что дѣлать нужно. Разъ я задумалъ остаться въ лѣто дома, не пошелъ въ бурлаки: дай, узнаю, есть-ли разница, что самъ хозяйничаю, или сторонній человѣкъ. Ну и увидѣлъ, что свой глазъ ужь совсѣмъ не то; меньше прогулу, хозяйство спорѣе, да и принанялъ участокъ земли, когда увидѣлъ, что выгодно войдется; а ужь сосѣдъ никогда бы этаго не сдѣлалъ. А дончихато все это сама понимаетъ сдѣлать, лучше еще мужа.»

Объ этомъ хозяйственномъ геніи дончихи разсказывалъ мнѣ одинъ царицынскій прикащикъ, съ которымъ я послѣ плылъ на пароходѣ изъ Царицына въ Саратовъ. Я спросилъ его: гдѣ бьютъ больше жену,—на Дону или въ Россіи?—По нашему кирсановскому народу глядя, отвѣчалъ прикащикъ (онъ былъ уроженецъ Кирсанова), женщина здѣсь больше въ уваженіи. Безъ жены казакъ ничего ни продастъ, ни купитъ, потому что она больше его въ хозяйствѣ смыслитъ.

Пріѣдешь на хуторъ (прикащикъ постоянно ѣздилъ на Донъ для закупки шерсти и овчинъ), — казакъ спрашиваетъ: почемъ берете шерсть?—Потомъ-то.—Да нѣтъ, старухи нѣтъ, нельзя продать-то. И ни за что не уломаешь его продать безъ жены».

Случаи безпомощности донскихъ мужчинъ въ хозяйствѣ, вѣроятно, часты; они мнѣ бросились въ глаза, хотя я очень мало наблюдалъ донскую жизнь. Въ примѣръ привожу разсказъ дончихи, съ которой я плылъ на пароходѣ по Дону и потомъ сидѣлъ въ вагонѣ отъ Царицыни до Качалинской станицы. — Живу съ дѣдомъ и бабой, разсказывала она мнѣ, — сестра вышла замужъ, да неудачно. Думала, вотъ за мужемъ будетъ спокой, а вышло не такъ. Мужъ работать совсѣмъ не умѣетъ, работникъ — хоть работай, хоть нѣтъ, онъ ничего не скажетъ. Службу царскую служить умѣетъ хорошо, а работа ему не далась. Самъ работаетъ хорошо, до поту умается, а все надо указать. Все сама заправляетъ хозяйствомъ.»

На Качалинской станціи желѣзной дороги я разстался съ донскимъ офицеромъ и дончихой; я долженъ былъ тутъ остаться. На простыхъ дрогахъ повезли меня въ станицу, которая расположена въ верстѣ отъ станціи. Качалинская станица замѣчательна въ историческомъ отношеніи тѣмъ, что, по преданію, здѣсь жилъ Ермакъ, завоеватель Сибири. На чемъ основано преданіе, которое я слышалъ въ Новочеркасскѣ, не знаю: въ Качалинской станицѣ, къ кому я обращался съ вопросомъ объ этомъ, отзывались незнаніемъ, но сообщили мнѣ, что и сама станица-то теперь не на старомъ мѣстѣ; прежде она находилась на одномъ изъ донскихъ острововъ. Качалинская станица состоитъ изъ трехъ большихъ улицъ, построенныхъ на рыхломъ песчаникѣ съ конкреціями; въ станицѣ каменная церковь, базаръ, много лавокъ, есть каменные дома. Меня привезли къ торговому казаку, который имѣетъ двухъэтажный каменный домъ, лавку и питейное заведеніе. Комната, въ которой меня помѣстили, находилась во второмъ этажѣ. Она была чисто убрана и очень напоминала казачьи дома по Иртышу.

Въ переднемъ углу—иконы, у которыхъ висѣлъ плетешекъ изъ колосьевъ пшеницы, на стѣнахъ гравюры, тоже религіознаго содержанія: видъ Соловецкаго монастыря; картина, изображающая судъ

ь Спасителемъ, и пр. Комната меблирована стульями и столами, рытыми скатертями. На окнахъ цвѣты.

На другой день было превосходное утро; напившись чаю, я лелъ на высокое крыльцо, выходившее на большой казачій дворъ; разбрелись: кто уѣхалъ на бахчу, кто ушелъ въ лавку; дома были ько дѣти и я началъ наблюдать ихъ. Тутъ было два мальчика, нъ чужой, другой изъ нашего дома, и дѣвочка, сестра послѣдо; всѣ они были не свыше 7 лѣтъ. Былъ превосходный случай ѣть, какъ начинается казачья жизнь и какъ складываются на заея отношенія половъ.

Мальчики идутъ въ уголъ двора, отыскивая мѣсто для игры; очка издали слѣдуетъ за ними. Маленькій братъ ея требуетъ, бъ она не ходила. Дѣвочка остановилась, но когда мальчики по- далѣе, и она опять двинулась за ними.

— Машка! говоритъ братъ, — принимая угрожающее положеніе, должна съ дѣвками возиться! Не ходи съ нами! Уйди!

Дѣвочка не двигается съ мѣста.

— Чтобъ ты сдохла! кричитъ мальчишка и бьетъ сестру дѣтимъ кнутикомъ.

Дѣвочка начинаетъ плакать, мальчики удаляются въ другой нъ; оправившись отъ слезъ, дѣвочка опять идетъ по слѣдамъ ьчиковъ, догоняетъ ихъ, и снова повторяются—сначала угроза, омъ хлестанье кнутомъ, за которымъ опять слезы. Я наблюдалъ ей до тѣхъ поръ, пока они не скрылись за угломъ какого-то ара.

Такимъ образомъ я былъ свидѣтелемъ того, какъ начинается нь дончихи; а за обѣдомъ видѣлъ, какъ она кончается. Женаі сыновья со снохами уже пообѣдали, меня пригласили за столъ стѣ съ старикомъ; за обѣдомъ торговый казакъ началъ мнѣ разсказывать какъ онъ служилъ въ Финляндіи и Петербургѣ, еще при ераторѣ Александрѣ I, съ которымъ и выѣхалъ въ Таганрогъ. аживаться я сталъ, разсказывалъ онъ, только когда ужь совсѣмъ шелся домой и вышелъ въ отставку. Этотъ домъ у меня уже на

четвертомъ мѣстѣ; безъ меня жена моя три дома прожила; плохая у меня она была.»

— «Ни одного не прожила, что ты брешишь, — съ нѣкоторой энергіей возразила старуха, сидѣвшая съ лѣвой стороны старика.— Не проживала я, а наживала дома!»

Старуха положила ложку и встала.

— Куда-ты? остановилъ ее старикъ.

— Ѣшьте, а я отдохну. Сопрѣла, пойду въ коморку.

И она ушла изъ избы въ домъ, который стоялъ на другой сторонѣ двора.

— Вотъ у меня бѣда, — обратился ко мнѣ старикъ. Старуха рехнулась ума.

— Въ чемъ же это видно? спросилъ я.

— Обижаться стала. Въ Москву, что-ли, лечить везти... Заговаривается... умомъ трошки помѣшалась.

Однако часа черезъ два старики сидѣли дружно передъ своей крошечной лавкой, и оба перетирали тряпкой запылившіяся деревянныя ложки.

На мои разспросы о пользованіи землей въ Качалинской станицѣ, мнѣ отвѣчали: земля у цѣлой станицы недѣленая; кто сколько захватилъ, столькимъ и владѣетъ; богатые захватили много и лучшія мѣста, а бѣднымъ—нѣтъ. Сѣнокосъ ежегодно дѣлятъ; для этаго станичники раздѣлены на десятки; сначала «оттрясаютъ» (бросаютъ жеребій) десятки: какой въ какую часть займища; потомъ десятокъ дѣлитъ свой участокъ уже между собой,—сначала размѣриваютъ саженью, дѣлятъ на паи и бросаютъ жеребей. Бахчу распахиваютъ артелью, соединяясь по нѣскольку хозяевъ; съобща нанимаютъ бахчевника, которому платятъ по 10 коп. съ сажени и харчуютъ его. Лѣсъ, растущій по балкамъ, раздѣленъ на 18 раздѣловъ; ежегодно одинъ раздѣлъ высѣкается, такъ что черезъ 18 лѣтъ опять первый высѣкаютъ. При высѣкѣ раздѣлъ дѣлится на паи, которые дѣлятъ по жеребью. Эти порядки общиннаго пользованія не вездѣ одинаковы по Войску; интересныя свѣдѣнія, собираемыя оффиціально, печатаются въ «Донскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» и представляютъ прекрасный матеріалъ для изучающаго общинное

емлевладѣніе. Желательно, чтобъ и земства Имперіи послѣдовали римѣру войсковаго начальства и предприняли рядъ подобныхъ изслѣдованій.

Вернувшись въ Царицынъ, я отправился на пароходѣ въ Сарапвъ. На пароходѣ вмѣстѣ со мной на палубѣ сидѣлъ крестьянинъ зъ деревни, „Новосызранки“ Сызранскаго уѣзда. Онъ долго жилъ ь Ростовѣ на Дону, нанявшись завѣдывать пашней къ одному купцу, мѣвшему земельный участокъ подъ Ростовомъ Семейство этого рестьянина состояло изъ жены и пріёмыша, который былъ повиимому преданъ имъ, какъ настоящій сынъ. Крестьянинъ былъ выокаго роста, широкоплечъ; небольшая курчавая борода его была уже бдая. Теперь онъ оставилъ свою службу и пробирался куда-нибудь осѣвернѣе. Прежде онъ былъ землепашцемъ въ Симбирской гуерніи, но, постарѣвъ, оставилъ земледѣліе и сдѣлался пасѣчникомъ; нятіе это ему полюбилось, онъ и теперь вспоминалъ о немъ съ соалѣніемъ. Когда пчеловодство сдѣлалось невыгодно въ Симбирской уберніи, онъ долженъ былъ кинуть свою пасѣку, и искать себѣ наное мѣсто. Югъ не понравился моему сосѣду; не понравились и охлы:—„Слишкомъ громко кричатъ“. Подумаешь, что бранятся ежду собою; а они просто разговариваютъ,—необтесанный народъ. е то наши русскіе; тѣ говорятъ прилично, тихимъ манеромъ, какъ лѣдуетъ, разсудительно“. Сызранецъ, прежде чѣмъ отправиться на гъ, забиралъ свѣдѣнія о Сибири, и ему очень понравился Алтай, этому что тамъ есть пчеловодство. Самыя точныя свѣдѣнія о Сибири ъ получилъ отъ одного сибиряка, старика, возвращавшагося на одину изъ Кіева съ богомолья.

— Скажи, дѣдушка,—спрашивалъ его сызранецъ—ты ходилъ въ іевъ, тебѣ хвастать будто не приходится, скажи правду: что такое отъ вашъ Сибирь?

— «Скажу тебѣ правду,—отвѣчалъ ему сибирякъ:—никому не ѣрь, если кто тебѣ будетъ хвалить его. Названъ онъ Сибирь,—онъ есть Сибирь. Гдѣ нарожденные живутъ, тамъ еще ничего; а гдѣ предѣленные, эдакіе-то—что за проступки сосланы—того и гляди, лову оторвутъ, ужь природу свою оставить не могутъ. Ну, а лѣса

тамъ, правда, дремучіе, проходу нѣтъ; руфты*) никакой. Земли пашй сколько хошь; травы коси — сколько хошь; скота держи — сколько хошь! Дрянь — маленькій, сѣренькій слѣпень — мучитъ такъ, что не пролѣзешь. Пчелъ много.»

Передавая этотъ разсказъ, сызранецъ вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: правда-ли, что въ Алтаѣ есть дикая пчела? Когда я подтвердилъ это, сызранецъ продолжалъ:

— Вотъ и этотъ сибирячекъ тоже говоритъ, что у нихъ дикая пчела есть. Говоритъ, мы весь медъ вырѣзываемъ. — Переведете здавъ-то, говорю ему: — У насъ, говоритъ, не переведешь, въ лѣсу ее много, сколя можно собрать.

Вслѣдствіе этого обстоятельства Алтай казался сызранцу какой то обѣтованной землей, святымъ краемъ. Надо знать, какое этическое значеніе имѣетъ въ нашемъ народѣ пчеловодство: — „Чисто и честно нужно ходить около пасѣки“, говорилъ мнѣ сызранецъ. Чистая полотняная рубаха и полотняные штаны — всегда висятъ въ пасѣкѣ; ситцевую при входѣ снимаютъ долой. «Если съ тобой войдетъ въ пасѣку товарищъ, который блудитъ, пчела кусаетъ его, лице у него опухнетъ. Она вѣдь тотъ же ангелъ, только не говоритъ. Грѣхъ, что воскъ идетъ на полы для натирки, или богатый человѣкъ сидитъ при восковой свѣчкѣ: воскъ долженъ идти только въ церковь.»

19 августа я пріѣхалъ въ Саратовъ. На берегу меня встрѣтилъ носильщикъ и сталъ усиленно просить нанять его нести вещи; я уступилъ и послѣдовалъ за нимъ. Носильщикъ привелъ меня въ небольшой деревянный домъ, стоявшій на берегу, и объявилъ, что здѣсь есть номеръ, который отдается въ наемъ. Меня встрѣтила хозяйка, пожилая, полная женщина, и пригласила войдти. Я прошелъ прямо и, перешагнувъ черезъ отворенную дверь, вступилъ въ большую комнату, въ углахъ которой были разбросаны чемоданы и платье.

— Нѣтъ, не туда вошли. Вотъ здѣсь пожалуйте, приглашала меня хозяйка, отворивъ дверь въ перегородкѣ.

Я долженъ былъ войдти, куда меня посылали, и очутился въ крошечной комнаткѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ досчатыми

*) Фрукты?

городками: она ходила 30 коп. въ сутки; сосѣднюю большую нату занимали вятскіе сгоньщики, т. е. прикащики купцовъ—лѣсорговцевъ. Въ моей комнатѣ вся мебель состояла изъ нсокрашной кровати и стола, больше не было ничего. Притомъ, столъ былъ настоящій столъ, а горизонтальный треугольникъ, прибченный къ стѣнамъ зданія; ножекъ у него не было. Комната на такой величины, что кровать занимала въ ней больше повины пространства. Я думалъ, что я попалъ въ одинъ изъ тѣхъ ртоновъ, гдѣ совершаются обиранья, обкрадыванья и даже убійа, чѣмъ такъ легендаренъ Саратовъ. Но взглянувъ въ окно, я ялъ, что мои предположенія неосновательны: мѣсто это было нь бойкое и многолюдное. Въ окно видно Волгу, съ плоскимъ ганнымъ берегомъ на той сторонѣ. Пристани, купальни, выканныя бочки, мелочныя лавочки покрывали здѣшній берегъ и али его пестрымъ; народъ сновалъ по берегу въ разныхъ навленіяхъ и оживлялъ картину.

Саратовъ, по своей внѣшности, смотритъ областнымъ центмъ: множество каменныхъ зданій, хорошія гостинницы, фонтаны, газины, окна которыхъ представляютъ пестрыя выставки; рынъ, въ своемъ родѣ,—«саратовское брюхо»: яблоки образуютъ сь золотистые холмы, а арбузы тянутся зеленой грядой Корьеровъ черезъ всю площадь. Вывѣски надъ библіотеками, типографіями и редакціей «Справочнаго Листка» даютъ городу видъ ственнаго центра. Бросается въ глаза обиліе слесарныхъ заведній и мѣстъ для увеселенія. Первое обстоятельство частью приписывается проведенію желѣзной дороги, частью—тому, что въ пощичьихъ хозяйствахъ усиливается употребленіе машинъ. Мѣстмъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ здѣсь даже основанъ надъ земледѣльческихъ орудій. Для увеселеній существуютъ два ркзала»: большія, деревянныя, неуклюжія, увѣшанныя фонаріми постройки въ саду. Кромѣ того, публика гуляетъ въ «Липъ,» какъ называется садъ изъ липъ, окружающій соборъ; эта изость святыни отъ мѣста для гуляній характерна для Саратова. атровъ два: одинъ—зимній, каменный, въ которомъ тогда давала едставленія труппа Купріянова, другой—лѣтній, въ саду Серве;

послѣдній прошлымъ лѣтомъ сгорѣлъ, когда въ немъ давала представленія извѣстная въ Повложьи трупа Медвѣдева. Кромѣ того, есть еще зимній садъ; онъ помѣщается въ зданіи на Нѣмецкой улицѣ; днемъ въ него входятъ безплатно, вечеромъ платятъ 50 коп.; въ саду есть концертная зала. Я потому распространился объ этихъ заведеніяхъ, что они обрисовываютъ городъ, слывущій за «трактирный, гульливый». Этотъ гульливый элементъ преслѣдовалъ меня въ теченіи двухъ дней, проведенныхъ въ городѣ, во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ.

Сидя въ своемъ чуланѣ, съ поэтическимъ видомъ въ окно, я слышу разговоръ черезъ перегородку:

— Эй, Николай!—кто-то, кричитъ въ окно, по направленію къ пристанямъ: Вонъ, на сходняхъ-то,—замѣчаешь, аль нѣтъ—въ красномъ платьѣ-то?

— Перестань орать, нехорошо.

— Зачѣмъ онъ скрывается? продолжаетъ первый голосъ: Я не люблю этого, я побью Николку, ей-Богу, побью! Знаю все, знаю, куда и къ кому онъ ходитъ, отъ меня не скроешься. Вотъ-те моя голова, что онъ съ той бабенкой сойдется.... Вотъ, смотри, куда Николка пойдетъ.

— Оставь, не твое дѣло.

— Не люблю, когда это скрываются. Ну, сказалъ, что иду молъ амуры строить.... А то: за письмомъ на почту, либо—про пароходъ спрашивать. Къ чему это! Вѣдь никто не откуситъ и никто ему не запретитъ.

— А ты что, духовный отецъ что-ли?

— Да нѣтъ, молодому человѣку безсовѣстно, подло секретничать. Честный человѣкъ на откровенность долженъ жить.

— Къ чему нагло-то жить? Къ чему говорить-то всѣмъ? Молодой человѣкъ долженъ скромность наблюдать, а не то что разсказывать всѣмъ. Это подлость, необразованность одна.

— Что вы разсказываете, Сергѣй Трофимычъ! Поймите, что не всякій онучку жуетъ. И я знаю маленько.

Наслушавшись такихъ разговоровъ изъ-за перегородки, отправляюсь въ гостинницу Гудкова обѣдать и сажусь за столъ. Вхо-

ъ два почтенныхъ господина, также спрашиваютъ себѣ обѣдъ
адятся не далеко отъ меня; имъ подаютъ супъ въ общей мискѣ.
одитъ еще одинъ высокій красивый мужчина, съ утомленнымъ
омъ, подходитъ къ одному изъ моихъ сосѣдей и спрашиваетъ:

— Можно подлѣ васъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Новый гость садится, спрашиваетъ себѣ пива у проходящаго
мо полового и заговариваетъ съ своимъ сосѣдомъ, какъ-бы съ
овѣкомъ уже нѣсколько знакомымъ:

— Позвольте васъ спросить, — обращается онъ къ нему,—
ъ тутъ можно позвать полового?

— А вотъ колокольчикъ. Возьмите и позвоните.

— Придетъ?

— Придетъ.

— Это хорошо. А то, знаете, это неприлично—кричать. Вы
ласны, что неприлично?.. Я другой день куска въ роту не имѣлъ.

— Отчего-же?

— Прислуга здѣсь, видите, какая авантажная...

— Не даютъ?

— Нѣтъ, не то... крикнуть совѣстно: вѣдь это будетъ невѣж-
о, не такъ-ли?

Звонитъ; приходитъ половой; незнакомецъ встаетъ съ мѣс-
отводитъ его въ уголъ и говоритъ что-то шопотомъ; слышны
ько изрѣдка фразы полового:

— Цѣлую порцію, если угодно, подамъ.... полпорціи у насъ
подаютъ... полпорціи—нельзя, а если угодно—закажите цѣлую.

Незнакомецъ возвращается на свое мѣсто, садится подлѣ
его сосѣда и беретъ лежащій подлѣ него листокъ объявленій съ
унками сельско-хозяйственныхъ машинъ.

— Позвольте-съ!

— Сдѣлайте одолженіе.

— Что это?.. Газета?

— Нѣтъ, объявленіе.

Держитъ незнакомецъ объявленіе вверхъ ногами.

— На иностранномъ языкѣ?

— Нѣтъ, по-русски.

— А, карикатуры!—рѣшаетъ онъ, и вдругъ обращается къ сосѣду съ вопросомъ: У васъ супъ горячій?

— Горячій.

— Обжечься можно?

— Не въ такой степени. Ѣсть можно.

— Вы говорите, что обжечься нельзя? А ложечку попробовать можно?

— Отчего-же-съ!..

Сосѣди переглядываются между собой.

— Но это, можетъ быть, нагло вамъ покажется? — предупредительно спрашиваетъ незнакомецъ.

— Отчего-же.... Попробуйте.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте вашу ложку. А онъ не горячій? Обжечься нельзя?..

Сосѣдъ подаетъ ему ложку, онъ подтягиваетъ къ себѣ тарелку и начинаетъ «пробовать».

Владѣлецъ супа, сидя передъ пустымъ мѣстомъ, чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи.

— И другую можно?

— Сколько угодно...

Въ это время другой сосѣдъ спѣшитъ на выручку товарища и предлагаетъ голодному собесѣднику цѣлую миску супу.

— Нѣтъ, вашего супу намъ не надо. Нашъ супъ лучше. Вашъ-то горячій, можно обжечься,—приговариваетъ незнакомецъ и продолжаетъ уписывать изъ тарелки.

Въ Саратовѣ я посѣтилъ редакцію «Справочнаго Листка»; по внѣшней обстановкѣ уже видно, что есть разница между нимъ и «Донской Газетой». Редакція занимаетъ двѣ просторныя комнаты; въ первой помѣщается контора, во второй — редакторъ. «Саратовскій Листокъ» основанъ г. Флоровымъ, который теперь издаетъ Самарскій Справочный Листокъ*) и имѣетъ въ Самарѣ свою типографію, теперь же составляетъ собственность г. Попова, отставного чи-

*) Недавно онъ померъ, и его «Листокъ» и типографія сдаются теперь въ аренду. *Прим. ред.*

вника, бывшаго полицмейстера г. Саратова и землевладѣльца. настоящее время редакторомъ газеты состоитъ бывшій директоръ назіи—Авдій Ив. Соколовъ. Газета издается 13-й годъ; она имѣетъ оло 1200 подписчиковъ, изъ которыхъ около 700 городскихъ. Внѣ ратовской губерніи газета почти не расходится; отъ объявленій зета, по слухамъ, имѣетъ въ годъ отъ 12 до 15 тысячъ руб. дода. Издатель въ такой степени смотритъ на газету, какъ на екулятивное дѣло, что не допускаетъ печатанія лишнихъ экземпляъ противъ подписки, такъ что когда я хотѣлъ купить себѣ слѣдній номеръ, мнѣ отказали за неимѣніемъ лишнихъ. Въ горомнѣ говорили, что нынѣшній редакторъ сначала себѣ выхлопоталаво издавать особую газету, но г. Поцовъ предложилъ ему вмѣсто го сдѣлаться редакторомъ его газеты, на выгодныхъ условіяхъ; кимъ образомъ, жалованье редактора есть—отступное. Если это авда, то нельзя не пожалѣть, что г. Соколовъ поступилъ такимъ разомъ: если-бъ онъ основалъ свою газету, она пошла бы гоздо лучше, въ литературномъ отношеніи, чѣмъ идетъ теперь Саратовскій Листокъ», находясь въ спекулятивныхъ клещахъ. Въ истокѣ передовыхъ нѣтъ; ихъ замѣняетъ хроника—исключительно родская, которая иногда пишется тономъ передовой статьи; за мъ слѣдуютъ корреспонденціи; иногда помѣщаются беллетристиские разсказы; разсказы г. Коровина (напр. о Калышлеѣ) состали-бы украшеніе столичной газеты. Этимъ кончается оригинальое содержаніе газеты; далѣе идутъ перепечатки изъ другихъ гаъ: новости изъ Имперіи и иностранныя. Издатель, получая отъ веты такой доходъ, не позаботился до сихъ поръ доставить своъ подписчикамъ хоть такого удобства, чтобъ газета имѣла свои леграммы изъ Петербурга, какъ по внѣшнимъ извѣстіямъ, такъ по государственнымъ. Мѣстная администрація нерѣдко польется газетой, помѣщая въ ней сообщенія и присылая въ редакю цѣлыя статьи. Изъ этого можно заключить, что неофиціалья пресса составляетъ не только потребность мѣстнаго общества, можетъ оказывать услуги и мѣстной администраціи.....

Провинціальныя газеты можно кассифицировать на два рода: еты областныя и газеты городскія. Къ первымъ относится «Дон-

ская газета», «Кіевскій Телеграфъ» (во время участія тринадцати), теперешняя «Сибирь» и покойная «Камско-Волжская Газета»; ко второй категоріи можно отнести: Саратовскій Справочный Листокъ, Астраханскій, Самарскій, Нижегородскій справочные листки, Казанскій Биржевой Листокъ, Одесскій Вѣстникъ и пр. Городской листокъ обыкновенно издается для нуждъ городскаго купечества; у него бываетъ городскихъ подписчиковъ болѣе, чѣмъ иногородныхъ; только въ случаѣ, когда городъ имѣетъ торговое значеніе, простирающееся на большое пространство, такая газета имѣетъ большое распространеніе внѣ города; такъ напр.: «Казанскій Биржевой Листокъ» имѣетъ болѣе иногородныхъ, чѣмъ городскихъ подписчиковъ, Одесскій Вѣстникъ выписывается во всѣхъ городахъ Южнаго Края и даже въ Ставрополѣ. Городской листокъ издается въ видахъ спекуляціи; издателемъ его бываетъ человѣкъ богатый, съ литературой общаго ничего не имѣющій, нерѣдко—круглый невѣжда; газета организуется такъ: нанимается редакторъ, который или самъ пишетъ передовыя, или нанимаетъ литератора. Областная газета издается обыкновенно какимъ-нибудь мѣстнымъ патріотомъ, по большей части—въ убытокъ себѣ, редактируется обыкновенно самимъ издателемъ; дѣло ведется не для спекуляціи, а въ видахъ развитія умственной жизни въ краѣ. Городской листокъ на половину состоитъ изъ объявленій; затѣмъ, изъ остальной половины половина составлена изъ перепечатокъ; остатокъ газеты наполняется корреспонденціями, фельетономъ о гуляньяхъ и театрѣ, и въ нѣкоторыхъ — передовыми; впрочемъ, правильныя передовыя встрѣчаются только въ совершенно организовавшихся городскихъ газетахъ: Одесскомъ и Новороссійскомъ вѣстникахъ и въ Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ. Передовыя въ городскихъ листкахъ отзываются наемщиной: наемный писатель, пишущій передовыя, также задумывается, о какомъ бы общественномъ вопросѣ поговорить, какъ затрудняются присяжные фельетонисты; первый день въ недѣлѣ у него посвященъ школьному вопросу, второй—ссуднымъ товариществамъ, третій—женскому вопросу и т. д.; наконецъ, источникъ предметовъ для передовыхъ изсякаетъ вмѣстѣ съ вопросомъ объ ассенизаціи, и послѣ этого наемный передовщикъ думаетъ: позволительно снова начать о школахъ, ссудныхъ товари-

ществахъ и т. д. Наемщикъ этотъ по большей части чиновникъ, заесенный изъ Петербурга въ провинцію на службу; край онъ мало наетъ, дѣтство и юность въ немъ не проводилъ, привязанности къ ему не образовалъ,—и дѣйствуетъ онъ по указкѣ, находящейся въ рукахъ петербургской журналистики. Мѣстныя черты, которыя должны принимать общіе русскіе вопросы, преломляясь въ мѣстной средѣ, не замѣтны въ его статьяхъ, и газета имѣетъ блѣдный характеръ; олучается тотъ же «Сынъ Отечества», только издаваемый въ Сарановѣ или Одессѣ, и только съ тою разницею, что здѣсь больше новостей изъ мѣстной городской жизни.

Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ областная газета. Она издается мѣстнымъ патріотомъ, или выроспимъ въ краѣ, или, во всякомъ случаѣ, знающимъ, любящимъ его и стремящимся поднять его въ культурномъ отношеніи. Газета соединяетъ, стягиваетъ вокругъ себя живыя умственныя силы края; связь между редакціей и сотрудниками основана не на деньгахъ, а связь нравственная. Газета не преслѣдуетъ спекулятивныхъ цѣлей, объявленіямъ отводится возможности менѣе мѣста и на нихъ редакція смотритъ, какъ на налогъ на богатыхъ въ пользу бѣдныхъ, интересы которыхъ газета представляетъ (защищая ихъ экономическіе интересы въ передовыхъ и оставляя чтеніе бѣднымъ читателямъ); статьи въ областной газетѣ пишутся изъ чистыхъ побужденій—улучшить мѣстную жизнь; поэтому цѣнка статей въ редакціи—не по внѣшнимъ качествамъ, не по совершенству стиля, а по содержанію, по задушевности статьи. Если редакція городскаго листка стремится къ совершенству,—это совершенство заключается въ томъ, чтобъ газета не заключала въ себѣ ничего курьёзнаго, ученическаго, «провинціальнаго;» стиль является новымъ, обработаннымъ; беллетристика, стихи, какъ не-серьезные, изгоняются, и газета становится полной копіей съ petite-presse Петербурга. Областная газета не придерживается казенщины: совершенство ея заключается не въ изгнаніи беллетристики и стиховъ, а въ улучшеніи ихъ. Областная газета стремится быть органомъ интеллигенціи края, а не печатаной справкой для торговыхъ конторъ; она представляетъ собою общественное явленіе, она есть умственная работа края, несмотря на то, что ея сотрудники страдаютъ не-

выдержанностью стиля; редакція такой газеты старается не о томъ, чтобы газета имѣла прежде всего дѣловой характеръ, а чтобъ она была полнымъ выраженіемъ честныхъ желаній, скрывающихся въ краѣ; она старается, чтобы всѣ честныя стремленія были заявлены, ни одно не осталось въ краѣ подъ спудомъ; а ловко или неловко они изложены—это для нея дѣло второстепенное; отсюда этотъ часто лирическій, восторженный тонъ, который многими принимается за слишкомъ смѣлый, тогда какъ онъ, собственно, дѣтски-невиненъ; отсюда эта неряховатость въ слогѣ и „безтактность“ въ веденіи дѣла, въ которой упрекаетъ провинціальную литературу петербургская журналистика. Присяжныхъ писакъ передовыхъ и фельетоновъ здѣсь нѣтъ; появленіе передовыхъ статей обусловливается ходомъ общественной жизни и движеніемъ умовъ въ области; тѣхъ мученій, какія испытываетъ передовщикъ въ городскомъ листкѣ, здѣсь нѣтъ: во первыхъ, передовыя пишутся не однимъ писателемъ, во-вторыхъ, писатель областной газеты смотритъ на свое дѣло, какъ на средство къ пробужденію умственныхъ силъ своего края, и потому горячее субъективное отношеніе его къ областной жизни дѣлаетъ его богатымъ мыслями, наблюденіями и поводами къ писанію. Изъ всякихъ путей къ проведенію своихъ мыслей, редакція областной газеты удерживаетъ въ своей программѣ всѣ формы изложенія, въ томъ числѣ беллетристическій разсказъ, фельетонъ и стихи, потому что въ этихъ послѣднихъ формахъ часто можно бываетъ удобнѣе проводить серьезныя идеи, чѣмъ въ иной формѣ изложенія. Въ то время, какъ городской листокъ имѣетъ въ виду одностороннюю цѣль - отвѣтить на спросъ торгово-промышленнаго класса, областная газета ставитъ областные вопросы и разработываетъ ихъ. Областная газета есть мѣстная литература и есть часть всеобщей русской литературы; это ростки провинціальной умственной жизни; изученіе ея имѣетъ общественное значеніе. Городскіе листки также почти мало имѣютъ права на названіе литературы, какъ меню въ ресторанѣ или счетъ въ магазинѣ. Областныя газеты—это «толстые журналы» провинціи.

Конечно, сдѣланная мною классификація не вездѣ можетъ быть приложена вполнѣ; иногда городской листокъ помѣщаетъ бел-

тристику, стихи, и разныя литературныя попытки; но такія газеты стремятся принять выставленный мною выше типъ, представителемъ котораго можно принять Одесскій Вѣстникъ. Саратовскій Справочный Листокъ уже приближается къ этому типу,—онъ допускаетъ беллетристику, но уже изгналъ стихи. Астраханскій Справочный Листокъ принимаетъ въ послѣднее время видъ подобный Саратовскому, но еще года два назадъ онъ изобиловалъ стихами и литературными курьезами; Азовскій Вѣстникъ и въ настоящее время еще находится на той ступени, на которой находился года два назадъ Астраханскій Листокъ.

Изъ Саратова я отправился въ Аткарскій уѣздъ, гдѣ у меня есть пріятель, молодой помѣщикъ, имѣющій 100 десятинъ земли, бывшій петербургскій студентъ; земля его находится близъ р. Медвѣдицы. Я прожилъ здѣсь двѣ недѣли, до 6 сентября; природа здѣсь была уже въ осеннемъ состояніи; поля убраны, хлѣбъ стоялъ въ копнахъ, только чиганаки*) представляли слѣды той силы, съ которой развивалась здѣсь растительность во время лѣта. Дубовые пожелтѣвшіе листья и цѣлыя вѣтки валялись по дорогамъ. Цвѣтовъ почти не было; гдѣ-гдѣ попадется цвѣтокъ лѣсной герани, донника или клевера. По высотѣ стеблей травъ можно было судить о томъ, сколько тутъ было густоты, тѣни и соку; но теперь все обрѣдѣло, помято скотомъ, побито утренниками; тропинки пробиты въ травѣ по всѣмъ направленіямъ; то и дѣло попадаются мѣста, гдѣ вывалялся скотъ. Особенно сильно оттѣнялъ эту картину лопухъ: его высокіе кусты и широкіе листья показывали—до какой роскоши здѣсь доходила растительность; но листья его были оборваны и прихвачены морозомъ, вѣтви обломаны и висѣли; нѣкоторые листья, побурѣвшіе отъ мороза, скорчились въ безобразный комокъ, но тутъ же еще торчалъ цѣлый листъ, во всей красѣ, и своимъ контрастомъ напоминалъ о недавномъ прошломъ.

Мой пріятель, какъ малоземельный помѣщикъ, принужденъ самъ приниматься за плугъ; я засталъ его голову—занятой пла-

*) Чиганакомъ здѣсь называется болотистая мѣстность на рѣчномъ лугу, поросшая лѣсомъ.

нами о будущемъ устройствѣ своего маленькаго хозяйства; у него не было еще ни плуга, ни сѣялокъ, о которыхъ онъ мечталъ; пока— онъ занятъ былъ приспособленіемъ своего сельскаго жилища къ зимѣ: уконопачивалъ и обмазывалъ домъ, ходилъ въ лѣсъ рубить дрова, и т. п.

Помѣщики Аткарскаго уѣзда, гдѣ живетъ мой пріятель, могутъ быть раздѣлены на три группы: крупныхъ, среднихъ и мелкихъ. Крупные: Шуваловъ, Голицынъ, Шаховской—абсентіируютъ; средніе—Юрьевичъ, Благовской, Тенишевъ и пр. называются «крупными» вслѣдствіе отсутствія дѣйствительно крупныхъ. Они даютъ направленіе помѣщичьему хозяйству въ уѣздѣ и руководятъ общественнымъ мнѣніемъ. Затѣмъ, слѣдуютъ мелкіе помѣщики, владѣльцы отъ 100 до 40 десятинъ; число ихъ незначительно, значенія въ уѣздѣ и въ земскомъ собраніи они не имѣютъ никакого; еще менѣе имѣетъ значенія въ послѣднемъ крестьянство. Отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ нельзя назвать удовлетворительными: пользуясь тѣмъ, что крестьяне поставлены въ безвыходное положеніе недостаточнымъ надѣломъ и запрещеніемъ выселяться на государственныя земли, помѣщики подняли цѣны на земли, сдаваемыя крестьянамъ въ аренду, до 12 руб. сер.*) На этомъ повышеніе, повидимому, не остановится: помѣщики, потирая руки, предсказываютъ, что оно поднимется скоро до 14 руб. Между арендаторами и землевладѣльцами образуется раздраженіе: въ уѣздѣ есть помѣщикъ, который смотритъ на крестьянина, какъ на личнаго врага; онъ напр. нанимаетъ нѣмцевъ-рабочихъ за болѣе дорогую плату, въ убытокъ себѣ, чтобъ только досадить крестьянамъ; крестьяне мстятъ ему поджогами, вслѣдствіе чего помѣщикъ принужденъ ежегодно тратить до 3000 руб. на страхованіе своего имущества. Крестьяне малосемейные и небогатые хотятъ бросать хозяйство и идти въ батраки. Цѣны на хлѣбъ, послѣ реформы 19 февраля, возросли небольше, какъ на треть,—цѣпа на землю вдвое или втрое. Ясно, что крестьянинъ долженъ больше отдавать изъ кармана, чѣмъ пріобрѣтать. Такимъ образомъ помѣщичій капиталъ возрастаетъ, а крестьянскій быстро падаетъ, и крестьянская реформа теряетъ свое

*) Въ Симбирской губерніи они доходятъ до 20 руб.

кономическое значеніе. Земская Управа имѣетъ характеръ домашне-помѣщичій; земскій банкъ также.

Общество въ Аткарскѣ раздѣлено на сословія; клуба нѣтъ. Помѣщики живутъ особнякомъ, купцы тоже. Есть библіотека, но нѣстомъ сбора, столкновеній помѣщиковъ служитъ не она, а гостинница г. Гладышева. Ни одного человѣка не могли мнѣ назвать по имени, который-бы занятъ былъ интересами всего населенія края; школы, устроенныя земствомъ, больницы и пр. свидѣтельствуютъ, что земство подражаетъ другимъ земствамъ и устраиваетъ ихъ по чувству приличія. Библіотека устроена хлопотами г. Мезенкампфа, мироваго судьи, который имѣлъ сначала собственную библіотеку и давалъ книги помѣщикамъ по 15 руб. въ годъ. Потомъ онъ предложилъ устроить общественную библіотеку и нѣсколько помѣщиковъ явилось въ качествѣ учредителей. Библіотека имѣетъ видъ не земской общей библіотеки, а помѣщичьей. Читальной залы нѣтъ, книги и газеты берутся на домъ. Я разспрашивалъ, кто распоряжается библіотекой. Мнѣ отвѣчали: члены—учредители. Кто они? Мнѣ не могли ихъ назвать. Какъ попасть въ число членовъ-учредителей, буде другихъ средствъ войти въ составъ распорядителей нѣтъ—никто не могъ ничего сказать мнѣ. Нѣтъ ни одного общества въ Россіи, гдѣ-бы члены-учредители пользовались такими широкими правами; обыкновенно вездѣ общественное имущество управляется избираемымъ комитетомъ, только въ Аткарскѣ члены-учредители захватили въ свои руки пожизненное управленіе библіотекой, которое вѣроятно намѣрены сдѣлать наслѣдственнымъ. Составъ библіотеки легкій; серьёзныхъ книгъ нѣтъ и серьёзное чтеніе не входу. Статьи, напр. Михайловскаго въ «Отеч. Зап.», вовсе не читаются; въ этомъ журналѣ были прочитаны только: статья графа Толстого и статья объ американскомъ медикѣ Троллѣ. Послѣднее одинъ господинъ объяснялъ мнѣ тѣмъ, что единственная вещь, которой интересуются помѣщики въ ряду наукъ, медицина; медики держатся въ земствѣ только ради помѣщиковъ и потому послѣднимъ было интересно прочесть маскиль на собственныхъ слугъ.

Что «Дѣло» читаютъ, я самъ былъ свидѣтелемъ. Когда я заходилъ въ библіотеку, при мнѣ влетѣлъ въ нее какой-то киргизскій джигитъ, въ киргизскомъ малахаѣ, въ засаленныхъ шараварахъ, съ нагайкой въ рукѣ и съ киргизскимъ букетомъ отъ платья; подошедши къ библіотекарю съ развязностью, несвойственною киргизу, онъ спросилъ: получена-ли новая книжка «Дѣла»? Я сначала было порадовался за прогрессъ нашихъ киргизовъ, которые начинаютъ читать журналы, но оказалось, что это былъ представитель не прогресса киргизъ, а регрессо-русской культуры. Это былъ, какъ мнѣ сказали, русскій помѣщикъ съ нѣмецкой фамиліей, который свое время проводитъ въ киргизскихъ аулахъ, сидитъ поджавши ноги, знаетъ киргизскую генеалогію родовъ, ѣстъ пальцами и ѣздитъ всегда—на городскомъ-ли извозчикѣ, въ почтовой-ли тележкѣ—съ нагайкой въ рукѣ.

Въ своей деревенской глуши мы съ пріятелемъ въ теченіи двухъ недѣль не видѣли газетъ и не знали, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Насъ интересовали не герцеговинцы, а разные сельскіе случаи; напримѣръ мы спорили о томъ—безъ причины или имѣлъ основаніе крестьянинъ Алексѣй дать оплеуху своей женѣ. или о томъ, какъ у сосѣдняго богатаго помѣщика прошли имянины, причемъ садъ освѣщался бенгальскимъ огнемъ, народу съ балкона бросали пряники и когда онъ толпился подъ балкономъ, его обливали шампанскимъ.

Пріятель мой началъ уже, какъ я замѣтилъ, получать деревенскій отпечатокъ на своихъ мнѣніяхъ. Онъ перешолъ относительно многихъ предметовъ на крестьянскую точку зрѣнія, — и враждебно относился къ городскому. Кузнецъ - мѣщанинъ, жившій въ деревнѣ, и ямщики, на которихъ уже легла корка городскаго вліянія, были постоянными предметами его осужденія. По его словамъ, ямщики вносили въ чистоту деревенскихъ нравовъ порчу городской жизни. Ямщики начинали щеголять въ палевыхъ рубашкахъ и, глядя на нихъ, начала распространяться въ деревнѣ мода на палевый цвѣтъ, который въ городѣ носитъ будто-бы исключительно проституція; деревенскія бабы, глядя на франтовъ-ямщиковъ, стали также покупать палевые плат-

ии. Ямщики стали вносить въ деревенскую жизнь и болѣе коренныя реформы; они внесли «женскую эмансипацію». Въ примѣръ этого, какъ различно воспитаніе крестьянской женщины отъ городской, мой пріятель приводилъ разницу въ протестѣ той и другой противъ измѣны любовника, изображаемомъ въ пѣсняхъ. Вотъ начало деревенской пѣсни:

Въ Саратовѣ дождичекъ,
Во Покровскомъ туманъ,
А на меня, на дѣвицу,
Грусть да печаль!
Третій день тоскую—
Забылъ милъ меня.
Онъ забыть-то, не забылъ,
Ину полюбилъ,
Такую разлучницу—
Чѣмъ лучше меня?
Брови по черпѣе,
Лицомъ по бѣлѣе,
Походочка лучше,
Дружку помилѣе.

Пѣсня кончается словами:

Голосомъ кричу—
Голосу не слышно,
Платочкомъ машу—
Платочка не видно...
Милый мой, прощай!

А вотъ городская пѣсня:

Приглянулся мнѣ, дѣвчопкѣ,
Удалъ добрый молодецъ,
Чернобровый, клуглолицый,
Изъ Саратова купецъ.
Подарилъ атласну шубку,
Съ руки перстень золотой,
Милъ, какъ голубь за голубкой,
Милъ ухаживалъ за мной;

Напѣвалъ мнѣ милый въ уши,
Какъ осенній (?) соловей,
Что и быть тебѣ, Катюша,
Вѣковѣчною моей.
Я повѣрила такъ спросту
Добра молодца рѣчамъ!
Но не долго шли денечки:
Разлюбезный былъ женатъ,
Укатился внизъ по Волгѣ
Въ свою родину назадъ.
Онъ оставилъ кругомъ чужую,
Стыдно къ людямъ подойти!
Перестаньте вы бранить;
Вы скажите, научите:
Мнѣ-ли милаго забыть!
Ужъ ты мать моя родная,
Отдай замужъ поскорѣй!

У насъ существуетъ литература по женскому вопросу, но о положеніи крестьянки и родѣ труда ея у насъ никто до сихъ поръ не собиралъ свѣдѣній, между тѣмъ трудъ и положеніе ея не вездѣ одинаково въ Россіи. Прежде всего слѣдуетъ отличить женщину изъ страны, въ которой нѣтъ никакихъ промысловъ, кромѣ земледѣлія, отъ женщины изъ страны, въ которой почти вовсе нѣтъ земледѣлія. Въ послѣднихъ странахъ, напримѣръ въ Бѣломорьѣ (Архангельской губ.) и въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ, женщина бѣлоручка; бѣломорская семья содержится на рыбный промыселъ, который лежитъ исключительно на отцѣ семейства; женѣ бѣломорца остается только уходъ за домомъ и тканье; такъ какъ у ней сравнительно съ земледѣльческой женщиной остается большой досугъ вслѣдствіе отсутствія полевыхъ работъ, то бѣломорская женщина тратитъ его на увеличеніе комфорта: она чаще моетъ бѣлье, еженедѣльно моетъ полы и стѣны въ избѣ; бѣломорская женщина, имѣя болѣе досуга на тканье, не ограничивается тканьемъ одного холста, но ткетъ пе-

тряди, клѣтчатыя ткани, изъ которыхъ шьются рубахи, ткетъ пестрыя ткани себѣ на юбки, головные клѣтчатые платки и носовые платки для мужей.

Въ подобномъ положеніи находится и уральская казачка, гдѣ также семья содержится преимущественно на рыболовный промыселъ. Если въ сѣверной части Уральскаго войска и существуетъ земледѣліе въ видѣ подспорья къ рыбному промыслу, то-все таки полевыя работы совершаются посредствомъ найма пришлыхъ крестьянъ. Во время уборки хлѣба войско наводняется косцами и косчихами изъ Симбирской и Самарской губерній. Уральская женщина не только брезгуетъ полевыми работами, ее не увидишь и въ услуженіи. Противъ праздности женщинъ, особенно дѣвицъ, раздаются голоса въ самомъ войскѣ. «Какія-бы не существовали цѣны на жизненныя потребности первой необходимости,—пишетъ М. К., авторъ статьи: «Нѣсколько словъ о земледѣліи въ Уральскомъ войскѣ» Уральск. Войск. Вѣдомости, 1872 года, № 44),—какъ-бы высоки не были цѣны на трудъ прислуги, никогда вы не найдете здѣсь казачки ни въ кухаркахъ, ни въ нянькахъ, ни въ кормилицахъ, словомъ ни на какомъ мѣстѣ служанки. Весьма нерѣдко изъ оффиціальныхъ источниковъ видно, что казачка вдова, примѣрно лѣтъ 45, мать 2-хъ, 3-хъ дѣвицъ лѣтъ 18 до 25, считается несчастною сиротою и мѣстный начальникъ, въ виду ея обыденной жизни, ходатайствуетъ передъ войсковымъ начальствомъ о выдачѣ ей денежнаго пособія изъ суммы на бѣдныхъ. И эти 6-8 здоровеннѣйшихъ рукъ, пребывая въ праздности, побираются около родственниковъ и нерѣдко просятъ *по ночамъ* милостыню. Родственники сквозь пальцы смотрятъ на ихъ нищенство; но тѣже люди враждебно отнесутся къ той, которая посвятитъ свои силы труду служанки, чтобъ избавиться отъ необходимости просить милостыню». У уральской женщины, какъ и у бѣломорки, много досуга, можетъ быть еще больше, потому что она не ткетъ. Она знаетъ только уходъ за скотомъ и огородомъ. Какъ послѣдствіе большаго досуга женщинъ, является чистота въ жилищахъ и цвѣты на окнахъ, а также интеллектуальныя занятія; между уралками много начетчицъ.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится женщина въ странѣ, гдѣ нѣтъ другаго промысла, кромѣ земледѣлія. Здѣсь женщина дѣлитъ съ мужчиной всѣ его полевыя работы. Какъ на типъ этого положенія, я могу указать напр. на Никольскій уѣздъ Вологодской губерніи, который я знаю; въ такомъ-же вѣроятно положеніи женскій трудъ и въ сѣверныхъ уѣздахъ Вятской и Костромской губерній. Здѣсь женщина жнетъ, *коситъ*, сѣетъ и иногда даже пашетъ. Въ Поволжьи подъ этотъ типъ подходитъ женщина чувашка. Лаптевъ въ своемъ описаніи Казанской губерніи (Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Казанская губернія, стр. 215) говоритъ, что бѣдныя татарки изъ полевыхъ работъ участвуютъ только въ жнитвѣ хлѣба и сгребаніи сѣна, между тѣмъ какъ чувашки постоянно, а русская женщина весьма часто пашутъ и боронятъ. Внутри категоріи земледѣльческой женщины встрѣчается разница; такъ напр. въ Никольскомъ уѣздѣ женщина не только жнетъ, но и коситъ; тоже самое я записалъ отъ одного татарина о татарской женщинѣ Пензенской губ. (дер. Аллагузова)[1]) въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи[2]), въ Балахнинскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи[3])—женщины только жнутъ и ходятъ наниматься жать въ другія хозяйства, но не косятъ, тогда какъ мужчины косятъ, но не жнутъ.

У женщины въ земледѣльческой области досуга нѣтъ, поэтому ни въ платьѣ, ни въ жилищѣ, ни въ посудѣ у нея нѣтъ особенной чистоты; въ Никольскомъ уѣздѣ напр. полъ въ крестьянской избѣ

[1]) Въ дер. Аллагузовой женщины жнутъ и косятъ; молотятъ мужчины. Татары этой деревни уходятъ на заработки на грушевскія каменноугольныя копи, и заработываютъ до осени до 100 руб.

[2]) Въ Аткарскомъ уѣздѣ женщина *не коситъ*, но жнетъ, гребетъ и копнитъ сѣно, мажетъ избу, ухаживаетъ за скотомъ, за приплодомъ, за птицей, огородомъ, шьетъ платье и варитъ пищу, ткетъ холстъ изъ конопли, вяжетъ изъ бумаги чулки и перчатки, ткетъ сукманъ на сарафаны, которые носятъ въ будни. Клѣтчатыя и полосатыя ткани пополамъ съ бумагой самотканныя здѣсь неизвѣстны; ихъ ткутъ нѣмки-колонистки и продаютъ русскимъ подъ именемъ саржинки. Женщины въ Аткарскомъ уѣздѣ нанимаются жать хлѣбъ, убирать подсолнухъ и пр., мужчины-же здѣсь не жнутъ. Плата женщинѣ 40 коп. въ день; позагонно въ день приходится до 1 руб. сер. Дѣвицы и бабы заработываютъ здѣсь въ осень до 30 р.

[3]) Въ Балахнинскомъ уѣздѣ женщины жнутъ (мужчины не жнутъ); убираютъ хлѣбъ мужчины, женщины и дѣти; молотятъ и мужчины и женщины; но большою частью мужчины. Сѣно и гречу, а также и хлѣбъ, когда плохой родится, косятъ преимущественно мужчины. Женщины пашущіе встрѣчаются и здѣсь, но какъ очень рѣдкое исключеніе, навозъ на пашню возятъ дѣти, отчего въ навозную пору пустѣютъ школы.

моется два раза въ годъ; бѣлье моется рѣдко и безъ мыла; обѣдъ необыкновенно простъ: уха изъ вонючей трески, щи, состоящіе изъ воды и овсяной крупы, вареные грибы и брусника съ толокномъ— вотъ и весь меню никольскаго крестьянина. Если гдѣ женщина болѣе является рабой мужа, такъ это здѣсь; между тѣмъ и бѣломорка и уралка являются уважаемыми совѣтницами мужа. Репутація бѣломорки установилась въ этомъ отношеніи на столько, что занесена въ христоматію («Отечествовѣдѣніе» Д. Семенова). Эту разницу можно приписать тому, что тамъ, гдѣ нѣтъ земледѣлія, трудъ женскій сильно спеціализируется отъ мужскаго; гдѣ женщина является мастерицей стряпать, прясть и ткать, гдѣ она становится незамѣнимой по особенностямъ своего труда, въ мужѣ воспитывается уваженіе къ ней, а также благодарность за комфортъ, которымъ она его окружаетъ. Въ земледѣльческой-же области и мужъ и жена поставлены къ одному труду, притомъ физическому; запросъ силъ отъ нихъ одинаковъ, но предложеніе не одинаково: физическія силы женщины слабѣе, и мужъ пріучается смотрѣть на себя, какъ на господина. Онъ не чувствуетъ своей зависимости отъ жены—все, что ему дѣлаетъ жена— стираетъ бѣлье, варитъ пищу—все это онъ можетъ и самъ сдѣлать также хорошо и часто дѣлаетъ во время отхожихъ промысловъ.

Кромѣ этого общаго обращенія женщины къ мужскому труду, здѣсь часто встрѣчаются отдѣльные случаи высшей степени умужеподобленія. Очень часты здѣсь случаи, когда женщина сама пашетъ; это обыкновенно бываетъ съ вдовами; въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи есть вдовы, получающія надѣлъ, пашущія его сами и платящія за себя подати наравнѣ съ мужиками; встрѣчаются даже дѣвицы—одиночки, получающія надѣлъ и платящія за себя подати. Кромѣ того здѣсь попадаются женщины, которыя обстоятельствами своей жизни принуждены были вполнѣ перейдти къ мужскому труду; такія женщины исполняютъ всѣ мужскія работы, нанимаются на мужскія работы, и за женскія не берутся вовсе, одѣваются въ мужское платье, курятъ трубку и вообще усвоиваютъ мужскіе нравы; такія женщины называются въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи *полумужичьями*. Онѣ встрѣчаются и въ Нижегородской губерніи. Такія превращенія образуются обыкновенно по желанію родителей; во время

дѣтства такой личности семья нуждается въ мальчикѣ, между тѣмъ въ семьѣ родятся все дѣвочки, тогда одну изъ нихъ назначаютъ къ мужскимъ работамъ; такую дѣвочку одѣваютъ мальчикомъ; въ играхъ она участвуетъ съ мальчиками, а не дѣвочками; самое имя ея умужеподобляется, такъ напр. Елизавета превращается въ Елисейку. Встрѣчается впрочемъ явленіе и обратное; въ семьяхъ, гдѣ нѣтъ дѣвицъ, а все парни, одинъ изъ послѣднихъ пріучается къ женскимъ работамъ; этотъ обычай существуетъ въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губ, гдѣ можно встрѣтить на посидѣнкахъ парня, сидящаго съ прялкой, такой парень прядетъ, ткетъ холстъ и обшиваетъ семью, какъ дѣвушка.

Самые крупные случаи экономической вирилэсценціи представляютъ—женщина въ Донскомъ войскѣ, о которой мы выше подробно писали, и женщина села Кимры, которое извѣстно производствомъ сапоговъ. Всѣ полевыя работы лежатъ здѣсь на женщинѣ: она пашетъ, жнетъ, убираетъ хлѣбъ, а въ зимнее время даже занимается возкой дровъ; мужчина во всѣ время года занимается исключительно шитьемъ сапоговъ, и только во время сѣнокоса съ Петрова до Ильина для или до Перваго-Спаса мужчины оставляютъ свои занятія, присоединяются къ своимъ женамъ, помогаютъ имъ косить сѣно и потомъ снова садятся за сапогъ.

Въ области кустарной промышленности трудъ женскій становится сложнѣе; здѣсь часто женщина помогаетъ мужчинѣ въ производствѣ, за которыми въ другихъ мѣстахъ женщину увидѣть нельзя. Такъ напр. гдѣ населеніе занято шитьемъ сапоговъ, на женщинахъ лежитъ тачанье голенищъ; въ селѣ Павловѣ женщины «глянчатъ» (шлифуютъ) и «чернятъ» желѣзныя издѣлія.

Есть женскіе отхожіе промыслы. Съ сѣвера на югъ въ степи идутъ женщены — жницы; онѣ расходятся въ заволжской степи (по Самарской губерніи). Другой отхожій промыселъ существуетъ на югѣ Поволжья—это обмазываніе избъ глиной и дѣланіе кизяка; употребленіе послѣдняго распространено къ югу отъ Самары; женщины, занимающіяся этимъ, соединяются въ артели и расходятся на востокъ, въ Бугурусланскій уѣздъ и въ Уральское войско; производство это грязное, потому что кизякъ (дрова) дѣлаются изъ навоза, который предварительно смачивается водой и утаптывается ногами.

Какъ противуположное этому по чистотѣ производство есть ружевное, которое также составляетъ спеціальность женщинъ. о существуетъ: въ городѣ Балахнѣ Нижегородской губерніи, нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Царевококшайскаго, Чистопольскаго, модемьянскаго и Ядринскаго уѣздовъ Казанской губерніи, въ ободѣ Кукаркѣ Вятской губерніи, въ селахъ Петровскомъ, Ивакѣ и Поповомъ Челябинскаго уѣзда, въ Уянской волости и Тирлякскомъ заводѣ Верхнеуральскаго уѣзда и въ станицѣ ндравинской Троицкаго уѣзда Оренбургской губерніи, Лайской Верхнесалдинской волостяхъ Верхотурскаго уѣзда Пермской гуніи, въ городѣ Калязинѣ Тверской губерніи и въ городѣ Вогдѣ. Въ pandant къ кружевному слѣдуетъ упомянуть и рогожй промыселъ (Костромской и Нижегородской губ.), тоже составющій достояніе женщинъ.

Другой случай исключительно женскаго производства представъ тканье красной пестряди или александрійки въ Шуйскомъ дѣ; всѣ работы по этому производству исполняются женщинами; сами разматываютъ бумагу, сами снуютъ и ткутъ; не было еще мѣра, чтобъ мужчина сѣлъ за станокъ ткать александрійку. Заательно, что въ обѣихъ случаяхъ надъ женщиной-работницей вышается женщина-эксплуататоръ; всѣ описывающіе кружевной мыселъ рисуютъ положеніе кружевницъ незавиднымъ, не смотря то, что кружева продаются въ столицахъ по хорошей цѣнѣ; баши достаются въ руки скупщицъ. Еще въ лучшемъ, чѣмъ скупцы кружевъ, стоятъ заводчицы Шуйскаго уѣзда, которыя достаютъ работу ткачихамъ александрійки. Заводчицы покупаютъ красо бумагу, сдаютъ ткачихамъ и потомъ сами сбываютъ пестрядь ярмаркахъ; нѣкоторыя заводчицы имѣютъ у себя по 30—40 ткаъ, производятъ александрійки на 7000 руб. и ѣздятъ на нижеодскую и ростовскую ярмарки.*)

Можетъ быть этотъ краткій сводъ извѣстій о женскомъ трудѣ восточной половинѣ Россіи послужитъ поводомъ къ собиранію ьнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Въ Поволжьѣ теперь

*) Статистич. Временникъ Россійск. Имперіи вып. 3, 1871 года: «Матеріалы изученія кустарной промышленности и ручнаго труда въ Россіи».

немало разсѣяно по селамъ учительницъ, которыя могли-бы доставить интересныя свѣдѣнія, сводъ которыхъ далъ-бы впослѣдствіи полную картину женскаго труда въ Поволжьи. Въ настоящее время все вниманіе образованныхъ женщинъ въ Поволжьи отвлечено вопросомъ о высшемъ образованіи; не мало дѣвушекъ изъ Поволжья отправилось искать его въ Петербургъ. Но вопросъ о положеніи крестьянки, о ея трудѣ, о ея образованіи не вызвалъ пока въ Поволжьи никакой дѣятельности. Между тѣмъ въ области существуетъ много женщинъ, ищущихъ примѣненія своихъ знаній къ общественному дѣлу, но не питающихъ ни способности къ докторскому занятію, ни наклонности устраивать свое личное благосостояніе посредствомъ докторскаго диплома, и остающихся безъ дѣла. Они могли бы много сдѣлать для края, если-бъ организовались въ общество, которое поставило-бы себѣ цѣлью: во-первыхъ, изслѣдованіе положенія крестьянской женщины въ краѣ, во-вторыхъ, организованіе въ краѣ образовательныхъ средствъ для сельской женщины.

Въ Саратовѣ я сѣлъ на пароходъ «Александръ II». Сосѣдями на этотъ разъ были у меня два мастера-слесаря, возвращавшіеся на родину изъ Баку, гдѣ они служили въ заведеніи для починки желѣзныхъ вещей на пароходахъ. Одинъ изъ нихъ былъ родомъ изъ дер. Бурнаковой, изъ-подъ Нижняго, и прежде служилъ на сормовской фабрикѣ. Фабрика эта находится въ 12 верстахъ отъ Нижняго и занималась выдѣлкой желѣза изъ старой ломи; заводъ этотъ упалъ во время аренды его Окуневымъ; въ немъ было 5000 рабочихъ. Онъ производилъ также вагоны, пароходныя машины, рельсы. Желѣзо на заводъ поставляли скупщики ломи, тѣ самые торговцы, которые развозятъ мелочь по деревнямъ: пареную грушу, избойну, сѣмена, тесемки и пр., они-же собираютъ тряпье и ломь, а также скупаютъ обрѣзки на желѣзныхъ заводахъ. Отъ мелкихъ скупщиковъ желѣзо поступаетъ въ руки болѣе крупныхъ, а отсюда на заводъ. Сормовскій заводъ не покупалъ сыраго желѣза; всѣ его произведенія были сдѣланы изъ того желѣза, которое онъ самъ выдѣлывалъ изъ ломи;

ıдѣланное изъ ломи желѣзо оставалось у него еще въ излишкѣ и водъ продавалъ его въ сырьѣ. Послѣ паденія завода, рабочіе раз-рились и разсѣялись; между прочимъ въ Баку было до 15 сормовцевъ,) больше всего ихъ ушло въ Николаевъ. Теперь, когда заводъ ова хотятъ поставить на ноги, сормовскіе рабочіе начинаютъ со-раться съ разныхъ концовъ на родину. Къ моимъ сосѣдямъ часто ıходилъ побесѣдовать машинистъ того парохода, на которомъ ı ѣхали. Разговоры сосѣдей шли о пароходахъ, паровикахъ, эксцен-никахъ, золотникахъ, вакуометрѣ, парометрѣ и т. п. Я много услы-ıлъ исторій о пароходномъ мірѣ, представляющемъ отдѣльный пографическій міръ; онъ состоитъ изъ машинистовъ, масленщиковъ, чегаровъ, половыхъ, буфетчиковъ, поваровъ и пр. Онъ сочиняетъ ои пѣсни, которыя и разноситъ по Волгѣ. Главный очагъ этой этической дѣятельности Саратовъ; здѣсь существуетъ пѣсня такъ зывается «саратовская»; собственно это одинъ только мотивъ, подъ торый поются разныя издѣлія саратовской музы о пароходной министраціи, о проститутках и пр. Топъ пѣсенъ—сатирически-абрёзный; часто вставляются въ нее импровизаціи; пѣвецъ поетъ томъ, что видитъ передъ собой; идетъ напр. чрезъ слободы Астра-ни, поетъ о слободахъ:

Прощай, прощай Теребиловка,
Прощай Спасски-ворота!

Пользуясь правомъ включить въ пѣсню безконечное число рывковъ о поволжской разгульной жизни, пѣвецъ можетъ пѣть а часа непрерывно, пока не пройдетъ напримѣръ весь базаръ городъ и всѣ его слободы. Есть въ пѣснѣ отрывокъ, извѣстный дъ названіемъ «Бугрихи», потому что начинается:

Ты Бугриха, ты Бугриха!

«Саратовская» слышна только по Волгѣ; ее можно слышать . Баку и Ленкоранѣ; въ Астрахани и Саратовѣ это популяр-йшая пѣсня; въ Симбирскѣ ея уже не слыхать.

Въ Казани мое вниманіе было привлечено ея татарскимъ на-леніемъ. Татарскій базаръ, татарскія мечети, татарская типо-

графія*), кружокъ оріенталистовъ**) — все это особенности, которыя не встрѣчаются въ другихъ городахъ Поволжья. Я посѣтилъ учительскую семинарію для крещеныхъ татаръ, находящуюся подъ начальствомъ Ник. Ив. Ильминскаго, и элементарную школу крещеныхъ татаръ на Арскомъ полѣ, которою заправляетъ татаринъ о. Василій. Въ учительской семинаріи находится 120 учениковъ; директоръ показалъ намъ классы, дортуары и церковь; послѣдняя въ видахъ строгаго оправославленія учащихся, сдѣлана вполнѣ русской; мѣстнаго въ ней ничего нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ портретовъ святыхъ: Стефана пермскаго, держащаго въ рукѣ пермскій алфавитъ (по изслѣдованію г. Шестакова), и казанскихъ святителей Варсонофія и Гурія. Въ татарской церкви при элементарной татарской школѣ, которою управляетъ о. Василій, допущено болѣе татарщины; тамъ виднѣются татарскія надписи на стѣнныхъ картинахъ и на царскихъ вратахъ; на раскрытомъ евангеліи въ рукахъ Спасителя написано: «Буганъ жиргя гарь турю халыкларга барыбъ евангеліены тангатыбъ джурёгёзъ», т. е. «идите въ разныя земли и проповѣдуйте евангеліе». Въ этихъ двухъ учебныхъ учрежденіяхъ заключаются результаты общественной дѣятельности только въ отношеніи крещеныхъ татаръ; но притомъ, кажется, предполагается, что европейская мысль, усвоенная крещеными татарами, перейдетъ и къ мусульманамъ, благодаря единству языка. Для XIX столѣтія этотъ путь слишкомъ медленный; казанскій мусульманскій міръ имѣетъ 3000 школъ, въ которыхъ муллы ведутъ фанатическую проповѣдь противъ европейской науки. Казанскіе мусульмане къ европеизму относятся совершенно также, какъ наши старовѣры поповщинской секты. Для мусульманскихъ школъ казанскаго учебнаго округа учреждена инспекція отъ министерства народнаго просвѣщенія; мѣсто инспектора занимаетъ въ настоящее время оріенталистъ, извѣстный путешественникъ по Алтаю и Сибири, Васил. Вас. Радловъ. Имъ изданы до настоя-

*) Татарскій шрифтъ находится въ типографіяхъ: университетской и г-жи Коковиной; кромѣ того есть восточная литографія г. Яхьина.

**) Готвальдъ, Золотницкій, Ильминскій, Саблуковъ, Маловъ,—редакторъ миссіонерскаго сборника, Остроумовъ—секретарь общества св. Гурія и Холмогоровъ

щаго времени: 1) Грамматика русскаго языка, ч. 1-я: этимологія; 2) Учебная книга географіи, вып. 1-й: наша планетная система; 3) Начальная геометрія, ч. 1-я: планиметрія; 4) Первая книга для чтенія; 5) Разсказы о животныхъ, растеніяхъ и минералахъ.

Это все учебники, предназначаемые для мусульманской учительской семинаріи въ Уфѣ. Частныхъ-же изданій европейскаго характера для татаръ въ Казани вовсе нѣтъ; единственное изданіе этого рода, вышедшее за послѣднее время,—Татарскій календарь, составленный Каюмомъ Насыровымъ. Между тѣмъ, говорятъ, что сама масса татарскаго народа вовсе не враждебна къ европейской наукѣ; въ средѣ ея есть личности, желающія учиться и учащіеся тайкомъ, но ихъ преслѣдуютъ муллы. Я самъ имѣлъ двухъ учениковъ изъ простыхъ татаръ-крестьянъ и они оба съ увлеченіемъ слушали мои разсказы о вселенной или изъ исторіи Европы. Одинъ изъ нихъ даже просилъ меня составить для него записки. Конечно, если-бъ изъ подобныхъ людей составилась наконецъ въ татарскомъ обществѣ партія, сочувствующая европеизму, это была-бы сила, которая одна собственно только и можетъ уничтожить узкій клерикальный духъ въ татарскомъ населеніи и вмѣсто него водворить другой исламъ, болѣе доступный культурѣ и наукѣ. Это послѣднее обстоятельство указываетъ, мнѣ кажется, какимъ образомъ, если когда-нибудь старовѣрческо-мусульманская броня будетъ прошиблена, это будетъ сдѣлано. Вопросъ сводится къ тому, какъ доставить опору этимъ гонимымъ, этимъ жаждующимъ европеизма единицамъ. Опора эта заключается только въ мѣстномъ русскомъ обществѣ. Если послѣднее начнетъ жить дѣйствительно умственной жизнью, если мѣстная журналистика начнетъ разработывать мѣстные вопросы, если наконецъ мѣстная жизнь окажется такой плодотворной, что въ Казани явится мѣстная биллетристика, словомъ—если въ мѣстномъ обществѣ будетъ вызваны къ жизни его творческія силы, это общество своимъ теченіемъ непремѣнно увлечетъ съ собою связанное съ нимъ многочисленными экономическими нитями татарское общество. Кто найдетъ эти отдѣльныя личности изъ татаръ, порывающіяся къ европейской наукѣ, кто соберетъ ихъ въ борьбѣ съ мусульманскимъ клерикализмомъ, какъ не мѣстное русское общество,

съ которымъ никакое другое мѣстное учрежденіе не въ состояніи сравниться по количеству агентовъ. Но для этого нужно, чтобъ общество само жило полной европейской жизнью.

Водили меня въ Казани посмотрѣть вновь послѣ пожара отстроенный и расширенный театръ; прежде въ театрѣ были особыя ложи для татаръ съ занавѣсками, нынѣ онѣ уничтожены. Думаетъ-ли театральная дирекція, что татары будутъ ѣздить и въ открытыя ложи,*) или она равнодушно смотритъ на вопросъ: будутъ или не будутъ они ѣздить. Театръ безъ сомнѣнія былъ всегда однимъ изъ средствъ привлеченія татаръ къ европейскимъ идеямъ.

Казанскій театръ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ значенія; Казань становится центромъ Поволжья и въ театральномъ отношеніи; казанская труппа на лѣто отправляется внизъ по Волгѣ до Астрахани и къ зимѣ возвращается. Съ нынѣшняго года въ Казани будетъ и опера. Впрочемъ актеры родятся не въ самой Казани, она только притягиваетъ къ себѣ таланты; славой этой пользуется другой поволжскій городъ, Нижній; отсюда вышли: Стрепетова, Савина, Немировы и Піунова-Шмидгофъ. Это можетъ быть потому, что въ Нижнемъ очень стары театральныя традиціи. Начало нижегородскому театру положено еще въ прошломъ столѣтіи кн. Шаховскимъ. Впослѣдствіи долго нижегородскій театръ во время ярморки поддерживался на значительной степени совершенства извѣстнымъ актеромъ Живокини. Музыка также давно находила любителей въ Нижнемъ; здѣсь прежде устраивалъ концерты извѣстный музыкальный критикъ Улыбышевъ. Все это въ совокупности не могло остаться безъ слѣда и на настоящее время. И теперь Нижній извѣстенъ за свою музыкальность. Говорятъ обиліе нотъ, которыя ежегодно выписывалъ Нижній, обратило на себя вниманіе Рубинштейна и онъ предложилъ основать тамъ отдѣленіе консерваторіи.

Въ редакцію «Нижегородскаго Биржеваго Листка» мнѣ не удалось зайдти. Но въ двадцати номерахъ, которыя я просмот-

*) Простонародье изъ татаръ,—но только мужчины—не стѣсняясь ходятъ въ театръ, въ райкѣ и въ галлереяхъ всегда можно встрѣтить ихъ нѣсколько; но татарскія женщины повидимому лишены удовольствій быть въ оперѣ или на драматическихъ представленіяхъ, благодаря отсутствію закрытыхъ ложъ. *Прим. Ред.*

рѣлъ, я не нашелъ ничего, кромѣ двухъ или трехъ серьезныхъ замѣтокъ; остальное все занято биржевыми извѣстіями, пересыпаемыми очень часто балаганнымъ поясничаньемъ, подъ названіемъ «Биржевой Досугъ.»

Григорій Потанинъ.

ВѢРНОМУ ДРУГУ.

(ИЗЪ ГАВЛИЧКА, СЪ ЧЕШСКАГО).

Обреченный на изгнанье,
Я давно людьми покинутъ.
День за днями силы гибнутъ,
Часъ отъ часу чувства стынутъ.
Но нашелся благодѣтель:
Всякій день ко мнѣ, съ любовью,
Сталъ ходить онъ и справляться:
Каково мое здоровье?
Иногда въ безсонной ночи
Сердце муки надорвали,
А на утро слышишь голосъ:
«Каково вы почивали?»
Не могу ни запереться
Отъ него, ни отвязаться,—
Онъ съ мольбой стучится въ двери:
Приказали-де справляться....
Этотъ другъ ни въ лѣсъ, ни въ горы
Не даетъ мнѣ отлучиться....
Ахъ, боюсь, что даже съ горя
Онъ не дастъ мнѣ утопиться!

Овидій съ Томи.

Тоской измученный, усталый и унылый,
Желая излечить свою больную грудь,
Я издалека шелъ къ тебѣ, мой край родимый,
Чтобъ на поляхъ твоихъ свободнѣе вздохнуть.

* * *

Несчастье и борьба меня лишили силы,
Я голоденъ и нищъ пришелъ къ тебѣ теперь:
Дай мнѣ пріютъ, пріютъ и отдыхъ, край мой милый,
Твой блудный сынъ стучится робко въ дверь.

* * *

Но тщетно я прошелъ родимое селенье,
Напрасно крова я для странника просилъ;
Я пить хотѣлъ, но въ часъ ужасной жажды
Къ устамъ воды никто не подносилъ.

* * *

Любовью грудь моя въ года тѣ билась страстно,
Но не нашелъ любви своей отвѣта я...
И даже у тебя я встрѣтилъ взоръ безстрастный,
Мой гордый другъ, желанная моя.

* * *

И съ вѣрой твердою пошелъ я на распутье,
Гдѣ громкимъ голосомъ народу возвѣщалъ:
«Друзья, принесъ я вамъ надежду и спасенье!»
Но голосъ мой въ пустынѣ замиралъ.

* * *

Неузнанный никѣмъ въ землѣ моей родимой,
Я въ дальній путь изгнанія пошелъ.
Но все-же край благословилъ свой милый
И имя прошепталъ страны своей любимой,
Въ которой голосъ мой отвѣта не нашелъ.

Провинціальный поэтъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КАЗАНСКАГО СТУДЕНТА.

Читатель, который не особенно интересуется исторіей нашего азованія, едва-ли найдетъ для себя какой-нибудь интересъ въ длагаемыхъ «воспоминаніяхъ»: они написаны безъ претензій на ературныя достоинства и если чѣмъ могутъ оправдывать свое вленіе въ печати, то единственно въ качествѣ «матеріаловъ» для ущаго историка внутренней жизни гимназій и университета въ емъ краѣ. Если кому-нибудь изъ современнаго молодаго поко-ія,—лежавшаго въ люлькѣ въ то время, какъ авторъ этихъ вос-инаній поступалъ въ гимназію, и поступавшаго въ гимназію въ время, какъ онъ выходилъ изъ университета,—предлагаемыя «за-ки» помогутъ—

.....посравнить
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій—

совершенно удовлетворитъ намѣреніямъ автора, который ра-лагаетъ однимъ только средствомъ придать интересъ своему сказу—ручательствомъ за его неприкрашенную правдивость. Если немъ не встрѣчается собственныхъ именъ дѣйствующихъ лицъ не указано самое мѣсто дѣйствія, изъ этого не слѣдуетъ заклю-ть, что эти лица и ихъ дѣйствія вымышлены или украшены фан-ей. Наконецъ,—на упрекъ въ неполнотѣ второй части «воспо-наній», сравнительно съ первой, можетъ быть, слѣдуетъ читате-напомнить два слова: время и мѣсто....

I.

ДОРЕФОРМЕННАЯ ГИМНАЗІЯ.

Дождливое сентябрское утро 1853 года непривѣтливо смотрѣ-на мои первые сборы въ гимназію. У воротъ ждалъ извощикъ,

отецъ одѣвался въ кабинетѣ, а я слонялся по комнатѣ съ книжками въ рукахъ, въ новенькомъ мундирчикѣ съ краснымъ воротникомъ. Но на этотъ разъ красный воротникъ терялъ всю свою прелесть и, кажется, только увеличивалъ томившія меня чувства неловкости и ожиданія.... Сердце замирало, мысли упирались въ томительную неизвѣстность будущаго, подобравшагося такъ близко... Тѣмъ не менѣе, я чувствовалъ торжественность минуты, важность предстоящаго мнѣ вступленія въ жизнь, — своего рода общественную—и до нѣкоторой степени даже былъ ионированъ тѣмъ обстоятельствомъ, что моя нянька,—та самая нянька, которая нянчила меня со дня рожденія,—въ такую торжественную минуту моей жизни моетъ полъ, подоткнувши подолъ и отчаянно шлепая мокрой тряпкой и босыми ногами...

Между тѣмъ какъ отецъ одѣвался неторопясь, мать торопясь на кухнѣ изготовить, въ видѣ послѣдняго сюрприза, горячую лепешку на сковородѣ, и эта лепешка почему-то особенно ясно осталась въ моей памяти; можетъ быть потому, что горячіе куски ее становились въ горлѣ, а мысль о масляныхъ рукахъ очень некстати увеличивала мое смущеніе.

Наконецъ всѣ задержки кончились. Мы молимся, прощаемся, какъ-будто я ѣду куда-нибудь далеко и не вернусь сегодня-же къ обѣду домой; нянька въ десятый разъ повторяетъ мнѣ, чтобы я «хорошенько твердилъ урки»; осенній вѣтеръ сурово охватываетъ насъ на крыльцѣ и, едва раздалось рѣшительное слово: «въ гимназію!»—пролетка затрещала.

Черезъ полчаса я очутился въ квартирѣ директора и, въ ожиданіи его выхода, стоялъ, затаивъ дыханіе.... Если не ошибаюсь, въ это время меня больше всего занималъ вопросъ: «боится-ли мой отецъ директора также, какъ и я, или—дѣйствительно, — съ полнымъ спокойствіемъ ходитъ по залѣ, вынимаетъ пестрый платокъ, табакерку и нюхаетъ?».

Во всякомъ случаѣ, директоръ представлялся мнѣ существомъ, какъ въ церкви читаютъ:—«ему-же убо страхъ, страхъ»... Черезъ нѣсколько минутъ это существо показалось въ дверяхъ. Если-бы судить по его лицу, то можно-бы было подумать, что онъ вышелъ

непреклонной рѣшимостью надавать мнѣ оплеухъ и оттаскать ня за волосы: до такой степени видъ его былъ привѣтливъ. Одна- отецъ—ничего себѣ, не робѣетъ и, какъ-будто это совсѣмъ обык- венное дѣло, заявляетъ директору, что онъ привелъ сына, чтобы тдать» его въ гимназію. Директоръ бросилъ на меня орлиный оръ, хрипло забасилъ и такъ мало обращалъ на меня вниманія, о чрезъ нѣкоторое время началъ мнѣ доставлять даже развлеченіе умя вещами: орденомъ на шеѣ и множествомъ прыщей на кра- юмъ лицѣ. То и другое представляло для меня новость, наводив- ую меня на размышленія, вродѣ слѣдующихъ: «а что, если-бы у ня былъ отецъ директоръ, т. е. человѣкъ съ прыщами на лицѣ орденомъ на шеѣ? (эти два понятія оставались у меня на много тъ въ неразрывной ассоціаціи). Я былъ-бы очень несчастный маль- къ: каково имѣть такого страшнаго отца?... А у директора то- сынъ есть; онъ говоритъ, что его Ваня будетъ теперь моимъ варищемъ... Какъ будто это возможно! Развѣ его Ваня пойдетъ рать въ бабки съ мальчишками или кататься на салазкахъ по ицѣ?»...

Между тѣмъ, какъ я занятъ былъ подобными размышленіями, ректоръ велъ съ отцомъ педагогическій разговоръ, и вдругъ, же- я подтвердить какую-то свою мысль, обратился ко мнѣ съ вопро- мъ: «а ну-ко, братецъ, что такое звательный падежъ?»—Я выта- щилъ на него глаза и молчалъ.—«Ну, когда ты кого-нибудь зо- нешь, какъ ты говоришь?»—«Эй! эй, ты! поди сюда!» крикнулъ я ответъ, съ полной увѣренностью, и не мало былъ удивленъ, убѣ- вшись, что отъ меня ожидали чего-то совсѣмъ другаго. Отецъ лъ даже нѣсколько сконфуженъ моимъ отвѣтомъ, но не преминулъ меня заступиться, сказавъ, что я готовился только въ первый ассъ.

Наконецъ меня сдали инспектору, толстота котораго, обличав- ая добродушіе, подѣйствовала на меня благопріятно. Я попалъ въ ассъ рисованія. «Но что это за рисованіе?—казалось мнѣ: я умѣю исовать и лошадокъ, и птичекъ, рисую даже «человѣчковъ», а меня заставляютъ водить какія-то черточки и при этомъ требуютъ, обы я не только не высовывалъ языка въ ту сторону, куда веду

рукой, но и голову держалъ прямо, и тетрадку не переворачивалъ какъ мнѣ удобнѣе,—однимъ словомъ, ставятъ меня въ самое неловкое положеніе». Въ классѣ рисованія было однако довольно весело и шумно: за спиной учителю дѣлали гримасы и «наставляли носы»,—какъ объяснилъ мнѣ мой сосѣдъ новый для меня жестъ руками, казавшійся мнѣ, впрочемъ, ни мало неостроумнымъ,—а учитель, въ свою очередь, считалъ, повидимому, долгомъ — каждому ученику, въ которому онъ заглядывалъ въ тетрадку, дать щелчокъ по лбу ногтемъ указательнаго пальца, натянутаго въ видѣ пружины посредствомъ большаго. Такимъ образомъ проходилъ часъ во взаимной перестрѣлкѣ между учителемъ и учениками. Это меня не удовлетворило. Богъ знаетъ, чѣмъ объяснить это психологически, но мнѣ непремѣнно хотѣлось, чтобы кого-нибудь наказали: «это было-бы интересно посмотрѣть; а то — щелчки! Что за невидаль!» — Разумѣется, я никому не повѣрилъ своего затаеннаго желанія, но помню, что вернулся домой съ смутнымъ недовольствомъ: мнѣ казалось, что я такъ мало видѣлъ интереснаго въ гимназіи, что рѣшительно и разсказать нечего.

Вечеромъ пришлось готовить урокъ изъ ариѳметики. Въ гимназіи, какъ я узналъ, только еще начали сложеніе, а я зналъ—или думалъ, что знаю—всѣ „четыре дѣйствія“, и потому находился въ убѣжденіи, что ариѳметика будетъ для меня сущіе пустяки. Но увы! велико было мое разочарованіе, когда по справкѣ оказалось, что на завтра задано выучить изъ книжки о какой-то „единицѣ мѣры“, и во всей страницѣ урока я не нашелъ для себя ни одной понятной строки! Между тѣмъ, товарищи уже предупреждали меня, что учитель ариѳметики строгъ неимовѣрно. Какъ проявляется строгость въ гимназіи—я не зналъ, потому что учился все дома, у матери, да у старшаго брата—семинариста, но чувствовалъ страхъ и трепетъ. Напрасно братъ возился со мной цѣлый часъ, запершись въ отдѣльной комнатѣ и убѣдительно толкуя что-то такое объ аршинѣ, о сажени, о фунтѣ и т. д.—я былъ способенъ только заливаться слезами и отчаяннымъ голосомъ повторять: „не понимаю, не понимаю, ничего не понимаю!“—Кстати признаться, что такъ, до конца курса, я и остался ничего непонимающимъ—ни въ ариѳметикѣ, ни въ геоме-

, ни въ алгебрѣ, и—Боже мой! сколько я душевныхъ мукъ пе-
ъ изъ-за этихъ предметовъ, изъ которыхъ только ариѳметика
впослѣдствіи и понадобилось въ жизни. Но буду говорить по-
ядку.

Дождался я, наконецъ, и урока строгаго учителя ариѳметики.
видомъ волка, входящаго въ овчарню, только безъ волчьей опаски
глядки, маленькая фигурка во фракѣ, съ „журналомъ“ подъ
шкой взобралась на каѳедру и, опершись на нее одной рукой,
боко задумалась,—какъ будто создавая программу предстоявшихъ
ъ нравственныхъ и физическихъ истязаній. Въ классѣ была
твая тишина, прерываемая только громкимъ кашлемъ учителя,
орый при этомъ страшно багровѣлъ и дико ворочалъ глазами,—
держанными тяжкими вздохами учениковъ. На первый разъ эта
быкновенная обстановка меня заинтересовала: я испытывалъ нѣчто
дѣ тѣхъ чувствъ, которыя стѣсняютъ грудь зрителей испанскаго
ка въ тотъ моментъ, какъ быкъ выходитъ на арену и готовится
ринуть въ бой съ окружающей его толпой тореадоровъ. Мертвая
шина длится минуту, двѣ, три, наконецъ любопытство или про-
дѣтская натура заставляютъ меня повернуть голову,—направо,
ѣво, пошевелить плечами; еще немного — и я осмѣлился - бы
лтать ногой и заговорить съ сосѣдомъ, но сидѣвшій рядомъ това-
ъ изъ „старыхъ“, т. е. оставшихся на другой годъ въ томъ-же
ссѣ, рѣшился на подвигъ самоотверженія: стараясь не шевелить
пусомъ и не поворачивая головы, онъ ткнулъ меня пальцемъ
ногу и едва-едва слышно прошепталъ: „не шевелись, а то спро-
ь!“ Перспектива быть спрошеннымъ снова сковала мои члены,
снова превратился въ какого-то зайчика, неподвижно сидящаго
ъ разинутой пастью удава, — какихъ я видалъ на картинкѣ.
онецъ, учитель поднялся съ мѣста и, держа въ пальцахъ ще-
ку табаку (вѣрный признакъ, что расположеніе духа его приня-
о мирный характеръ), — направился къ „первой партѣ“, т. е.
столу, за которымъ сидѣли лучшіе ученики. Переходя отъ одного
другому, онъ бралъ у каждаго тетрадь, на которой написано
е заданное сложеніе, молча провѣрялъ его глазами и бросалъ
тно на столъ. Но со второй скамейки обстоятельства перемѣни-

лись: въ сложеніяхъ оказывались ошибки и тетради начали порхать изъ рукъ учителя то въ лицо ученику, то на полъ, то съ трескомъ рвались пополамъ, наконецъ—потокъ прорвался,—и руки учителя заходили по щекамъ и по волосамъ учениковъ, ноги затопали, языкъ заругался, и въ довершеніе спектакля я имѣлъ удовольствіе видѣть совершенно новый родъ наказанія: учитель, вѣроятно, экономизируя время, бралъ за волосы или за уши двухъ, рядомъ сидѣвшихъ, учениковъ и, раскачавъ ихъ сколько требуется, сстукивалъ ихъ головами. У несчастныхъ мальчиковъ выступали слезы отъ невыносимой боли такого удара, но рѣдко раздавался сдавленный крикъ или стонъ: учитель любилъ тишину и крикомъ его можно было привести только въ ярость. Были и такіе ученики, которые, уподобляясь древнимъ спартанцамъ, заставляли себя улыбаться въ спину учителю и удовлетворялись тѣмъ, что грозили ему кулакомъ—разумѣется, подъ столомъ.

Что касается до меня лично, я никогда не былъ битъ этимъ господиномъ, не смотря на то, что втеченіе всѣхъ семи лѣтъ, и слѣдовательно нѣсколькихъ сотъ часовъ, проведенныхъ подъ его недружелюбнымъ взоромъ, я, кажется, ни разу не зналъ урока, покрайней мѣрѣ ни разу не понималъ его. Объясняется это очень просто и въ тоже время довольно характеристично: во-первыхъ, отецъ мой былъ учителемъ въ той-же самой гимназіи (и я настолько счастливъ, что могу по совѣсти сказать: — учителемъ, любимымъ учениками); во-вторыхъ, я обладалъ такой хорошей памятью, что, при помощи ея и товарищей, успѣвалъ заучивать наизусть цѣлые ряды формулъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, и такимъ образомъ имѣлъ видъ нѣчто знающаго. Можетъ быть, при нынѣшней системѣ преподаванія подобный обманъ невозможенъ, но въ наше время пониманію вообще мало требовалось, такъ-какъ въ преподаваніи вполнѣ царила система: «отъ сихъ—до сихъ». Хорошо-ли объяснялъ нашъ учитель ариѳметики, геометріи и алгебры, объ этомъ я ничего не могу сказать, такъ-какъ и при самомъ лучшемъ объясненіи, для меня, никогда не понимавшаго даже такихъ простыхъ вещей, какъ пропорціи, помянутые предметы навсегда оставались темной водой во облацѣхъ. Помню только, что, разъ объ-

снивъ слѣдующій урокъ и спросивъ «первыхъ», т. е. лучшихъ учениковъ,—поняли-ли они?—учитель почти никогда не снисходилъ до повторенія. Вслѣдствіе этого, настоящими учителями математики для меня были понятливыхъ, но все еще сколько-нибудь понимавшихъ товарищей, были эти лучшіе ученики. Бывало, въ большую перемѣну или до начала классовъ около нихъ собиралась цѣлая толпа, пристававшая къ нимъ съ просьбой—«показать на доскѣ» урокъ, и такимъ образомъ, благодаря ихъ терпѣнію (иногда приходилось «показывать» раза три сряду), благодаря возможности останавливать такого неоффиціальнаго учителя вопросами и откровенно высказывать ему свои недоумѣнія, не боясь обнаружить незнаніе прежде пройденнаго,—изученіе математики кое-какъ подвигалось и въ нашей гимназіи, а товарищи-репетиторы поступили впослѣдствіи на математическій факультетъ.

Но возвращусь еще разъ къ учителю оффиціальному. Это былъ человѣкъ еще не старый, почти молодой, воспитанникъ казанскаго университета, и несмотря на это—(таково, должно быть, время было)— необычайная раздражительность и желчность дѣлали его субъектомъ скорѣе умѣстнымъ въ больницѣ, чѣмъ въ классѣ (онъ и жизнь свою кончилъ самоубійствомъ, какъ говорятъ, въ припадкѣ умопомѣшательства, вскорѣ послѣ моего выхода изъ гимназіи). Случалось,—и такихъ случаевъ память моя сохраняетъ немало,—что, замѣтивъ улыбку (только улыбку!) на лицѣ какого-нибудь ученика, онъ бросалъ мѣлъ объ полъ, какими-то звѣриными шагами пробирался между столами къ «виновному», буквально вытаскивалъ его на средину класса за волосы или за уши и здѣсь начиналъ расправу, приходя въ какое-то неистовство. Одинъ разъ онъ едва не оторвалъ ухо ученику 3-го класса, вырвавъ у него предварительно нѣсколько клочковъ волосъ; одному первокласснику обломалъ объ голову толстую деревянную линейку и затѣмъ продолжалъ наносить удары, перевернувъ ее ребромъ; сшибалъ ученика съ ногъ ударами руки и въ остервенѣніи топталъ несчастнаго мальчика ногами.... У меня и теперь, черезъ 20 лѣтъ, замираетъ духъ, когда я воспоминаю объ этихъ сценахъ.... И никому изъ насъ въ голову не приходило жаловаться,—да и кому? Директоръ

самъ, случалось, являясь въ классъ въ нетрезвомъ видѣ, начиналъ такую кулачную расправу, что одинъ разъ оборвалъ всѣ пуговицы на мундирѣ ученика, возя его по полу, какъ какаго-нибудь щенка. Понятно, что и одного такого случая достаточно, чтобы задушить въ зародышѣ самую мысль о жалобѣ директору. Вообще-же говоря, мы относились къ подобнымъ педагогическимъ мѣрамъ съ необычайной апатіей, какъ какіе-нибудь подданные хивинскаго хана къ жестокостямъ своего владыки. Сколько не припоминаю, — ни одного протеста, ни одного слова даже между товарищами, похожаго на протестъ, и это вплоть до окончанія курса, до 1860 года. Въ старшихъ классахъ, начиная съ пятаго, учителя переставали драться, но ругались по прежнему: «свинья, болванъ, дуракъ, оселъ»—были въ ходу даже въ послѣднемъ классѣ, почти предъ самымъ переходомъ нашимъ изъ гимназіи въ университетъ. Замѣчательно, что и другой учитель математики, съ которымъ первый впослѣдствіи раздѣлилъ преподаваніе, былъ сходнаго съ нимъ нрава, несмотря на то, что былъ совсѣмъ молодой человѣкъ и даже литераторъ: въ шестидесятыхъ годахъ онъ что-то такое писалъ въ журналѣ «Свѣточъ.» Правда, какъ преподаватель старшихъ классовъ, онъ не дрался, но такъ умѣлъ донимать словами и «единицами,» что мы тяготились имъ едва-ли не больше, чѣмъ его товарищемъ по кафедрѣ. Какъ это ни покажется невѣроятнымъ, но это дѣйствительно такъ было и объясняется тѣмъ, что этотъ молодой учитель имѣлъ претензію требовать отъ учащихся отчетливаго знанія, придираясь къ каждому слову ученика; требовалъ онъ, дѣйствительно, невозможнаго при нашей подготовкѣ въ низшихъ классахъ и совершенной умственной неразвитости; если не ошибаюсь, даже само наше начальство было имъ недовольно, такъ-какъ множествомъ дурныхъ отмѣтокъ онъ «бросалъ тѣнь» на гимназію. У такого-то строгаго и требовательнаго учителя случился разъ со мной слѣдующій казусъ: въ шестомъ классѣ проходили мы логариѳмы и чуть-ли не полгода вертѣлись на приложеніи ихъ къ вычисленію процентовъ. Предметъ былъ наконецъ до такой степени изъѣзженъ взадъ и впередъ, вдоль и поперегъ, что даже и я къ концу началъ какъ-будто немного понимать, въ чемъ

ло и какъ за него взяться; но вотъ бѣда:—въ логариѳмахъ то дѣло требуется прибѣгать къ ариѳметическимъ дѣйствіямъ надъ слами, а я успѣлъ забыть таблицу умноженія (все запоминалъ, къ писать алгебраическія формулы, а съ цифрами—давно не приилось дѣло имѣть).—Положимъ, выучить ее не Богъ знаетъ кой трудъ, да при людяхъ какъ-то совѣстно было шести-классниу приниматься за таблицу умноженія, а главное—сколько ни учи, напрасно: какъ вызоветъ учитель къ доскѣ, такъ въ головѣ отъ страху перепутается, хуже чѣмъ на экзаменѣ, и никакъ ьзя поручиться, что память не измѣнитъ въ самую рѣшительую минуту. Бывало, какъ вызовутъ изъ алгебры—не то-что таблу умноженія, а спросите: сколько у тебя пальцевъ?—и я гозъ былъ встать въ тупикъ, благодаря несчастной способности ей натуры приходить въ неудержимое волненіе отъ страха (читель изъ предъидущаго уже знаетъ, что надъ развитіемъ въ насъ кой способности наша гимназическая педагогика очень усердно дилась). Въ такихъ обстоятельствахъ я запасся маленькой петной табличкой и, спрятавъ ее въ рукавъ, довольно бодро выъ къ доскѣ. Увы, не смотря на все мое искусство въ различныхъ уловкахъ, на этотъ разъ я попался...

— «На колѣни! тутъ-же, у доски, на колѣни! Ну, живо!..» вотъ я, ученикъ шестаго класса, одинъ изъ лучшихъ учениковъ, когда почти неподвергавшійся наказаніямъ даже въ нисшихъ ссахъ, стою на колѣняхъ, красный какъ ракъ, униженный и озоренный, а жестокій педагогъ, сидя на кафедрѣ, смотритъ на ня съ какимъ-то злорадствомъ, язвитъ меня насмѣшками и домаетъ жалкими словами... Признаюсь, это одно изъ такихъ воспоминаній, отъ которыхъ на душѣ становится скверно...

Но я забѣжалъ слишкомъ далеко впередъ, хотя переходъ отрваго класса къ шестому, какъ видитъ читатель, по существу ка оказывается почти незамѣтнымъ. Между тѣмъ, какъ учителя матики подавляли наши способности, наводя на учащихся паческій страхъ, учитель русскаго языка сбивалъ насъ съ толку ей удивительной безалаберностью. Повидимому, этотъ самъ былъ еникомъ собственной лѣни. Придетъ онъ, бывало, въ классъ,

опустить голову на руки, закроетъ глаза и сидить въ такомъ положеніи минутъ пятьдесятъ, а можетъ быть и больше. Одинъ разъ онъ окончательно заснулъ такимъ образомъ и кажется даже захрапѣлъ. Въ этихъ случаяхъ мы безъ всякихъ приказаній старались сохранять въ классѣ величайшую тишину, изъ боязни напомнить учителю, что онъ въ классѣ, и тѣмъ привлечь его къ исполненію своихъ учительскихъ обязанностей. Выспавшись или вздремнувши достаточно, учитель начиналъ насъ спрашивать басни Крылова, причемъ все вниманіе было обращено исключительно на дикцію, какъ-будто дѣло происходило въ театральномъ училищѣ. Этимъ, кажется, учитель старался угодить директору, который былъ большой охотникъ до хорошаго чтенія стиховъ и басенъ. Удостоившійся за такое чтеніе отмѣтки 5 почти постоянно приглашался въ 12-мъ часу въ столовую директора—завтракать, что считалось великой честью, и тамъ долженъ былъ декламировать передъ директоромъ свой урокъ. На бѣду, эта честь одно время выпадала мнѣ очень часто; говорю—«на бѣду,» потому что, благодаря этимъ завтракамъ, у меня пропадала лучшая часть класснаго времени—«большая перемѣна:» вмѣсто того, чтобы поиграть въ это время съ товарищами, приходилось стоять вофрунтъ предъ его великолѣпіемъ съ орденомъ на шеѣ и съ прыщами на лицѣ, приходилось чуть не давиться его поварскими соусами, которые подъ взорами начальства казались вдвойнѣ отвратительными для моего демократическаго вкуса.

Кромѣ чтенія басенъ изъ русскаго языка, мы въ первомъ классѣ занимались еще склоненіями и спряженіями; но эту часть своихъ занятій нашъ учитель, никогда ничего не объяснявшій, кажется, не терпѣлъ также, какъ и мы сами. Да и скучно-же, дѣйствительно, цѣлый часъ слушать такія вещи, какъ мѣрное болтанье языкомъ: я говорю, ты говоришь, онъ говоритъ, мы говоримъ, вы говорите, они говорятъ. Прошедшее: я говорилъ, ты говорилъ и т. д. и т. д. За то лѣнивый педагогъ былъ мастеръ выдумывать себѣ развлеченія: на нѣкоторыхъ учениковъ почему-то онъ смотрѣлъ, какъ на своихъ шутовъ. Вызоветъ мальчика къ доскѣ и начинаетъ надъ нимъ потѣшаться, придумывая ему разныя клички,

едразнивая его манеру. Меня онъ почему-то провалъ «прока-
нымъ» (хотя и лицо и все тѣло у меня были совершенно чисты),
дного моего товарища - заику окрестилъ «искаженнымъ,» по-
у, вѣроятно, что лицо его искажалось, когда онъ начиналъ го-
ить. Изъ удовольствія составить звучную риѳму, юмористъ-
гель вызывалъ обыкновенно меня и помянутаго товарища вмѣстѣ.

— «Ну-ко вы, искаженный и прокаженный, къ доскѣ! Скло-
, искаженный! Поправь прокаженный!» и т. д. и т. д.

Подобныя шутки очень забавляли учителя и нравились классу,
ь-какъ надъ нами, а слѣдовательно и надъ товарищами, позво-
ось смѣяться вмѣстѣ съ учителемъ вслухъ и вволю. Не скажу,
ы нравились эти шутки мнѣ и въ особенности несчастному
кѣ, который страдалъ къ тому-же природной конфузливостью.
адало и мое самолюбіе, страдало отъ глупаго положенія жертвы
ѣльныхъ насмѣшекъ и страдало отъ сознанія, что учитель во
несправедливъ, какъ учитель: въ русскомъ языкѣ, не какъ въ
ѳметикѣ, я сознавалъ себя однимъ изъ лучшихъ учениковъ, но
акимъ-то непонятнымъ для меня причинамъ учитель меня «пре-
ировалъ» и что всего обиднѣе—эти преслѣдованія начались послѣ
должительнаго періода особаго благоволенія къ моей особѣ. Слу-
ось это такимъ образомъ: разъ, вечеромъ, довольно вскорѣ послѣ
го вступленія въ гимназію, учитель русскаго языка является въ
ти къ моему отцу (раньше онъ не бывалъ у насъ въ домѣ). Съ
ой, преисполненной гостепріимства и радушія къ такому дорогому
тю, я выхожу въ гостинную съ подносомъ въ рукахъ и подношу
ему учителю стаканъ чаю.

— «А, этотъ мальчикъ у васъ живетъ?» спросилъ учитель.—
о мой сынъ» отвѣчалъ отецъ, ласково посмотрѣлъ на мое доволь-
лицо.—Нужно было видѣть, какая перемѣна произошла въ пе-
тѣ: помню только, что онъ въ чемъ-то извинялся, выразивъ ка-
то сожалѣнія, и я ушелъ изъ гостинной очень довольный непо-
нымъ эффектомъ своего появленія. Съ этихъ поръ въ классѣ
го учителя я былъ всегда отличенъ, расхваленъ, на меня сыпа-
ь хорошія отмѣтки, мнѣ была предоставлена честь подавать
сный журналъ и т. д.,—однимъ словомъ, я сдѣлался «любимцемъ»

учителя, отъ котораго раньше мнѣ подчасъ доставалось наравнѣ съ другими. И вдругъ, не помню чрезъ сколько времени, изъ любимцевъ я превратился въ гонимаго. Напрасно я усердно училъ уроки, писалъ по цѣлымъ часамъ склоненія и спряженія; напрасно, вечеромъ, молясь Богу на колѣняхъ, распростирался ницъ, усердно взывая: «Господи, помоги мнѣ изъ русскаго языка!» — Ничто не помогало,—тѣже насмѣшки, тоже издѣванье, тѣже плохія отмѣтки... Еще хуже пошло дѣло, когда я перешелъ во второй классъ и для знанія урока стало требоваться, кромѣ памяти, еще и пониманіе, такъ какъ дѣло шло о предложеніи и его частяхъ. Объясненій мы никакихъ не слыхали, а по грамматикѣ, хошь убей, не научимся различать дополнительныя отъ опредѣлительныхъ и т. п. Какимъ образомъ мы справились съ грамматикой на экзаменѣ—я до сихъ поръ не знаю, ручаюсь только въ одномъ, что синтаксическаго разбора мы не знали; кажется помогало намъ на экзаменѣ то обстоятельство, что и сами наши экзаменаторы сильно хромали по этой части и потому любили проходиться по частямъ рѣчи. Не помню, какимъ образомъ, но долго спустя, я узналъ разгадку неровныхъ отношеній ко мнѣ русскаго учителя: это былъ человѣкъ, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, кажется благодаря любви къ картамъ, и потому неоплатный должникъ направо и налѣво. Въ тотъ вечеръ, съ котораго началось его ко мнѣ благоволеніе, онъ приходилъ къ отцу занимать денегъ и получилъ ихъ; а когда пришелъ срокъ уплаты... кажется, дальше объяснять нечего: съ этихъ поръ начался для меня длинный періодъ гоненій, стоившихъ мнѣ цѣлаго года горячихъ, слезныхъ, но безплодныхъ молитвъ. Таково, впрочемъ, было мое незлобіе, что когда учитель этотъ, оставляя свою должность, вздумалъ сказать намъ патетическую прощальную рѣчь, я совершенно растаялъ и даже прослезился. Это обстоятельство нельзя однако приписать моей особенной чувствительности, такъ-какъ не меня одного, а цѣлый классъ и даже всѣ классы, въ которыхъ преподавалъ этотъ безалаберный человѣкъ, ему удалось до крайности растрогать своими прощальными рѣчами; но завершилось все это новымъ курьёзомъ, заставившимъ какъ сперва негодовать, а потомъ смѣяться. „Если хотите, господа, имѣть отъ меня что-нибудь на

память, заключилъ учитель свою прощальную рѣчь, то завтра принесите мнѣ по листку почтовой бумаги и я каждому напишу что нибудь.“ Въ этой сантиментальной выходкѣ мы нашли окончательное подтвержденіе искренности словъ нашего учителя и готовы были идти за него въ огонь и въ воду.

На другой день во всѣхъ классахъ каждымъ ученикомъ принесено было по листочку самой лучшей почтовой бумаги; соревнованіе было страшное: одинъ хвалился бумагой съ виньетками, другой съ кружевами, третій необыкновеннымъ узоромъ; я чуть не плакалъ отъ горя, что у моихъ родителей не было въ заводѣ такихъ чудесъ и я принесъ бумагу самую простую, неимѣвшую никакихъ шансовъ обратить на себя особенное вниманіе учителя; а между тѣмъ мнѣ казалось, что я люблю и цѣню его больше всѣхъ...

....«за что?—не знаю самъ»,—можно прибавить.:.

Въ нашъ классъ учитель явился уже съ цѣлой пачкой почтовой бумаги, въ вершокъ толщиной, — какъ теперь вижу эту пачку, къ которой тотчасъ-же присоединились и наши приношенія. Затѣмъ учитель еще разъ наскоро съ нами простился, ушолъ... и пропалъ вмѣстѣ съ бумагой! Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему зачѣмъ-то понадобилось зайдти въ гимназію, мы его поймали въ корридорѣ и вмѣстѣ съ нимъ посмѣялись надъ нимъ и надъ собой, но въ сувенирахъ отъ него уже болѣе не нуждались.

При всемъ этомъ, я увѣренъ, что учитель этотъ былъ дѣйствительно добрый и любящій человѣкъ,—иначе не удалось-бы ему возбудить въ дѣтяхъ такой энтузіазмъ на прощаньи. По всей вѣроятности и его шутки надъ нами, не отличаясь педагогическимъ такомъ, были однако совсѣмъ не такого характера, какъ шутки другаго учителя, о которомъ я намѣренъ теперь сказать нѣсколько словъ. Этотъ господинъ въ то время былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, кажется, недавно еще оставившій студенческую скамейку. Судя по его послѣдующей карьерѣ, онъ былъ на хорошемъ счету и дѣйствительно, еще бывши учителемъ гимназіи, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, написалъ и защитилъ диссертацію на магистра. Не слыхать было, чтобы онъ мѣтилъ на университетскую кафедру, а потому я предполагаю, что ученая степень была ему нужна для успѣшнѣйшаго

движенія впередъ на административно-педагогическомъ поприщѣ. Сколько мнѣ извѣстно, въ частной жизни этотъ педагогъ отличался веселостью, остроуміемъ, необыкновенной, говорятъ, способностью комически передразнивать своихъ знакомыхъ въ пріятельскомъ кругу, однимъ словомъ — оказывался „добрымъ малымъ“. Совсѣмъ другое въ классѣ — по крайней мѣрѣ въ то время, о которомъ я пишу, т. е. лѣтъ двадцать назадъ. Онъ преподавалъ у насъ исторію; тогда въ третьемъ классѣ начинали проходить этотъ предметъ по краткому учебнику Устрялова и дальше этого учебника нашъ молодой педагогъ не дѣлалъ ни шагу. Все преподаваніе заключалось въ слѣдующемъ: посмотрѣвъ въ краткаго Устрялова, учитель разскажетъ бывало намъ слѣдующій урокъ, разскажетъ такъ коротко и сухо, что я даже не увѣренъ теперь — дѣйствительно-ли онъ разсказывалъ, или можетъ быть только читалъ по книжкѣ съ цѣлью „отмѣтить“, т. е. зачеркнуть тамъ и здѣсь по нѣсколько строкъ, а въ концѣ поставить крестъ, означающій: „до сихъ“; затѣмъ по порядку спрашивался урокъ у пяти-шести лучшихъ учениковъ, причемъ требовалось отвѣчать почти слово въ слово по книгѣ, а потомъ начиналось нѣчто вродѣ охоты на плохихъ учениковъ; плохими-же у этого учителя считались всѣ ученики въ классѣ, неумѣвшіе или нехотѣвшіе вызубрить по книжкѣ слово въ слово страницы двѣ-три и „отбарабанить“ ихъ передъ учителемъ по-дьячковски. Я принадлежалъ къ числу „хорошихъ“ учениковъ по классу исторіи и потому не могу хорошенько судить о томъ, какое впечатлѣніе производила на „плохихъ“ слѣдующая замѣчательная педагогическая система будущаго магистра: „Такой-то, восклицаетъ онъ, посмотрѣвъ въ журналъ,— отвѣчай!“ — Такой-то встаетъ, бросая еще одинъ отчаянный взглядъ въ книжку, и начинаетъ дьячковскимъ тономъ, неложимъ хоть о Лжедмитріи: „Въ началѣ Борисова царствованія въ Литвѣ явился человѣкъ ума быстраго, мечтательнаго, души безпредѣльно дерзкой, готовый на всякое отчаянное предпріятіе. То былъ бѣглый монахъ Чудова монастыря и едвали не жидъ....“

Вдругъ память измѣняетъ и хоть убейте—нѣтъ силъ вспомнить, какое дальше стоитъ слово у Устрялова. Ученикъ прокашливается, кряхтитъ, дѣлая видъ, что поперхнулось, кровь ударяетъ ему въ

лову отъ страха и досады на глупую память, а учитель уже смотритъ на несчастнаго своими пронзительными сѣрыми глазами, смотритъ такъ строго и насмѣшливо, а не то, чтобы подсказать, этого отъ него не ждите, не ждите и отъ товарищей, изъ которыхъ каждый чувствуетъ на себѣ стальной взглядъ учительскихъ сѣрыхъ глазъ съ трепетомъ ждетъ своей очереди... — „И едвали не жидъ... и едвали не жидъ“...—повторяетъ ученикъ и окончательно умолкаетъ. Учитель ждетъ еще одну томительную минуту, потомъ отрывисто скажетъ обычное: «на колѣни!»—и уже ищетъ глазами слѣдующую жертву. Повторяется таже исторія съ другимъ ученикомъ: опять ученикъ заминается, теряется и умолкаетъ, опять раздается съ кафедры лаконическое: «на колѣни!» и машина катится дальше тѣмъ-же порядкомъ. Къ концу каждаго класса собиралась такимъ образомъ у подножія кафедры педагога цѣлая толпа колѣно-преклоненныхъ, человѣкъ въ 10—15 и болѣе. Но этимъ нашъ педагогъ не удовлетворялся: вскорѣ онъ придумалъ завести между учениками такъ называемыхъ «старшихъ», на обязанности которыхъ было—спрашивать урокъ у своихъ товарищей и ставить имъ отмѣтки. Послѣ этого, всѣ получившіе неудовлетворительную отмѣтку обязаны были еще до прихода въ классъ учителя становиться на колѣни и учитель такимъ образомъ входилъ въ классъ, какъ въ церковь во время молебна съ колѣнопреклоненіемъ. Повидимому, это доставляло ему удовольствіе, такъ какъ почти каждый классъ онъ посвящалъ нѣсколько времени на разныя шуточки и сарказмы, обращаемые къ стоящимъ на колѣняхъ. Способъ повѣрки ученическихъ знаній посредствомъ «старшихъ» былъ усвоенъ, впрочемъ, въ то время многими учителями и повелъ къ тому, что развилъ между гимназистами грандіознѣйшее взяточничество: за хорошую отмѣтку платили «старшему», смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе щедро: начиная отъ стальнаго пера или какого-нибудь красиваго ярлыка съ бутылки, до хорошенькой картинки, карандаша, ручки, гребенки, ножичка и т. д. до денегъ дѣло не доходило. Чѣмъ большему риску подвергалъ себя старшій», ставя хорошую отмѣтку незнающему урока, тѣмъ дороже и это платилось; но къ чести «старшихъ» слѣдуетъ прибавить, что случаевъ притѣсненія или вымогательства съ ихъ стороны никогда не

было. Они брали только «за рискъ», такъ-какъ учителя имѣли обыкновеніе провѣрять своихъ намѣстниковъ и, въ случаѣ обнаруженія пристрастія или слишкомъ большаго снисхожденія, отнимали у «старшаго» это почетное званіе, доставлявшее къ тому-же «безгрѣшные доходы». Само-собою разумѣется, что эти «взятки» существовали между учениками открыто; мало того,—«старшіе» хвалились ими другъ передъ другомъ, завидовали другъ другу и торговались, какъ жиды, съ своими кліентами. Каждый день до начала класса, отъ 8 до 9 часовъ, въ классѣ происходили такія сцены: пять-шесть лучшихъ учениковъ (которые, по заведенному у насъ порядку, сидѣли всегда вмѣстѣ на скамейкѣ, ближайшей къ учителю) расходятся по заднимъ партамъ и, вооружившись книжкой, начинаютъ «прослушивать» своихъ кліентовъ. Прослушавши урокъ, «старшій» объявляетъ товарищу, какую онъ ему долженъ поставить отмѣтку, для чего у каждаго старшаго имѣлся свой «журналъ»—въ видѣ альбомчика въ восьмушку. Затѣмъ начиналась торговля: «Мнѣ-то два? восклицаетъ недовольный; — да побойся ты Бога: я училъ-училъ, всю ноченьку зубрилъ, вотъ-же ей-Богу!»—Больше нельзя.— «Ну, слушай, ужь поставь троичку, голубчикъ, ну, пожалуста, сдѣлай такую милость! Я вотъ тебѣ картинки принесъ.»—Вынимаются изъ сумки штукъ пять-шесть картинокъ, частію вырѣзанныхъ изъ иллюстрацій, частію слѣпленныхъ съ конфетокъ или рисованныхъ старшимъ братомъ, и т. п.—«Ну ужь, картинки! Самыя-то худыя отобралъ... Другіе лучше тебя учатъ, да не такія картинки достаютъ... А ты, лучше, давай вотъ карандашъ, да эту картинку».—Эхъ ты, безстыжій! Такъ чортъ съ тобой, ставь двойку, ужь заодно на колѣняхъ-то стоять...—«Ну смотри, не покайся: въ геометрію простоишь само-собой, да потомъ сейчасъ въ исторію стоять. Мнѣ-что!...» и т. д. Таково должно быть было время, что даже дѣти умѣли брать взятки и хотя немного стыдились этого, но не настолько, чтобы подобный порокъ былъ для нихъ немыслимъ. Такимъ-то образомъ, благодаря раздѣленію своихъ обязанностей съ лучшими учениками, наши учителя ежедневно успѣвали выставлять отмѣтки всѣмъ гимназистамъ; но такъ-какъ о повтореніи, о разсказахъ, о распросахъ прежде пройденнаго, а тѣмъ болѣе о какихъ-нибудь пособіяхъ для наглядnаго обученія кромѣ

рафическихъ картъ и, разумѣется, физическаго кабинета,—и ину не было, то мы забывали пройденное еще скорѣе, чѣмъ вывали. Замѣчательно въ своемъ родѣ, что во время моего ученья гимназіи, съ 1853 по 1860 годъ, не являлось у насъ ни разу на подавательской кафедрѣ ни одной личности, которая была-бы двѣстникомъ того возрожденія, тѣхъ новыхъ идей, наканунѣ кохъ была тогда Россія; ни одного учителя, который по крайней ѣ далъ-бы намъ понять и почувствовать, что можно съ охотой ться, что обученіе заключается не въ одномъ только прослушіи уроковъ и задаваніи по книжкѣ «отъ сихъ—до сихъ». Были ісъ «добрые» учителя, такихъ было даже больше, чѣмъ «злыхъ» и рогихъ», но ихъ педагогическіе пріемы были ничѣмъ не лучше льныхъ, и главное—они нисколько не умѣли вселить къ себѣ женіе и дѣлались жертвой безконечныхъ продѣлокъ со стороны никовъ. Въ этомъ отношеніи особенно памятенъ новый нашъ тель исторіи, замѣнившій строгаго педагога. Въ его классѣ поянно происходило вавилонское столпотвореніе, среди котораго учиь иногда до такой степени терялся, что бралъ книжку и начиъ читать про себя, оставивъ всякія занятія съ учениками Иногда, ідя изъ терпѣнія, онъ убѣгалъ изъ класса и возвращался въ сожденіи инспектора въ качествѣ охранной стражи. Ему не валось нетолько разсказывать намъ что-нибудь изъ исторіи, но ѣе и спрашивать уроки.

— «Такой-то,—разсказывайте!» —Разсказывать? Что прикаже- Лаврентій Егорычъ?*)—«Ну, ну, безъ шутокъ, извольте разскаать.» —Да чтобы вамъ такое разсказать?... Вотъ жили старикъ со рухой, начинаетъ ученикъ...—«Безъ шутокъ, я вамъ говорю!»— читъ учитель, а иногда въ тоже время и самъ невольно улыбнется.

— Подскажите, Лаврентій Егорычъ, не знаю, какъ начать.

— «Ну-съ, ну-съ...»

Ученикъ дѣлаетъ серьезную мину, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ пился наконецъ серьезно отвѣчать, и начинаетъ:

Ну-съ, такъ ѣдетъ нашъ Иванъ
За кольцомъ на океанъ...

*) Имя вымышленное,—я не помню, какъ звали этого добряка.

— «А вотъ я вамъ единицу поставлю, перебиваетъ учитель.— Ступайте на мѣсто.»

— Да помилуйте, Лаврентій Егорычъ, вѣдь вы-же сами подсказали мнѣ: «ну-съ»; я васъ спрашивалъ: какъ начать, а вы говорите: «ну-съ.» Это съ вашей стороны несправедливо—за что-же мнѣ единицу?..

Въ такомъ родѣ шли занятія исторіей послѣ перехода отъ насъ въ казанскую гимназію молодаго, но строгаго педагога. Добродушіе Лаврентія Егорыча было такъ велико, что какъ-бы мы ему ни досадили въ классѣ, лишь только пробилъ звонокъ, онъ все забывалъ и охотно, бывало, принималъ наше предложеніе пробѣжать съ нимъ въ перегонышки по корридору до его квартиры. Догнать его намъ никогда не удавалось, такъ какъ Лаврентій Егорычъ при необыкновенно высокомъ ростѣ обладалъ чисто журавлиными ногами. Эти ноги его и спасали: пока мы добѣжимъ по корридору до дверей его квартиры, онъ успѣетъ уже захлопнуть за собой дверь и повернуть ключъ; иначе мы, вѣроятно, не давали-бы ему покою и дома. Постоявъ нѣсколько минутъ у запертой двери, мы дожидались обыкновенно музыки: Лаврентій Егорычъ былъ такой страстный любитель віолончели, что едва успѣвалъ добѣжать до своей квартиры—садился играть: погрузившись въ міръ звуковъ, онъ, вѣроятно забывалъ всѣ свои страданія въ классѣ. Повидимому—это былъ одинъ изъ тѣхъ идеалистовъ сороковыхъ годовъ, типы которыхъ любилъ описывать Тургеневъ.

На его мѣсто поступилъ къ намъ пожилой и «опытный» учитель, которому и удалось привести до нѣкоторой степени въ порядокъ преподаваніе исторіи въ нашей гимназіи. Но новаго онъ ничего не внесъ въ преподаваніе, если не считать чтеній изъ Карамзина и подробнаго Устрялова: подъ эти чтенія, въ которыхъ проходило полкласса, мы отлично дремали. По всеобщей-же исторіи такъ-таки кромѣ учебниковъ Смарагдова да Зуева, мы во весь курсъ ничего не видали и ни о чемъ не слыхали.

Но говоря о преподавателяхъ исторіи въ нашей гимназіи, я не могу не вспомнить одинъ случай, оставившій во мнѣ и моихъ товарищахъ глубокое впечатлѣніе. Мы были еще въ третьемъ

ссѣ, когда разъ, по болѣзни нашего учителя, приглашенъ былъ
ѣнить его учитель «института» г. О—въ, пріобрѣвшій себѣ
слѣдствіи почтенную извѣстность своими учебниками по все-
цей исторіи, и еще послѣ—весьма незавидную извѣстность го-
еля народнаго просвѣщенія. На счастье г. О—ва, ему пришлось
ъ разсказывать о войнѣ 1812 года,—тема въ высшей степени
агодарная—и однако, я увѣренъ, она пропала-бы даромъ, если
не случайная болѣзнь нашего учителя: по всей вѣроятности,
ь ограничился-бы простой отмѣткой «отъ сихъ—до сихъ» и о
мъ годѣ мы знали-бы не болѣе того, сколько сказано въ «крат-
ъ Устряловѣ». Иначе поступилъ г. О.; онъ весь классъ посвя-
ъ разсказу и разсказывалъ мастерски.

Какъ теперь вижу его разгорѣвшіеся отъ волненія лицо и
ва, слышу его растроганный голосъ, которымъ онъ владѣлъ, какъ
ерь. Но мы, разумѣется, не замѣчали театральности въ его
емахъ: для насъ все сходило за чистую монету; сердца наши
ѣли патріотическимъ жаромъ, глаза наполнялись слезами уми-
нія и восторга, кулаки невольно сжимались на «враговъ оте-
ства» — французовъ, съ которыми въ то время война была въ
самомъ разгарѣ. Впечатлѣніе было такъ глубоко, что единст-
ный разъ во всѣ семь лѣтъ мы съ неудовольствіемъ прослу-
ли звонокъ, возвѣстившій окончаніе класса. Къ сожалѣнію, г.
испортилъ все впечатлѣніе, благодаря нѣкоторому педагогичес-
му недоразумѣнію: не помню хорошенько, чѣмъ именно я по-
ъ ему поводъ подумать, будто я невнимательно сидѣлъ или
ке шалилъ въ классѣ, только на меня г. О. пожаловался ди-
стору и его классъ стоилъ мнѣ немало слезъ и огорченія. Могу
ако поручиться въ томъ, что г. О. совершенно ошибался: вѣ-
тнѣе всего, что за шалость онъ принялъ какое-нибудь неволь-
е движеніе съ моей стороны, сдѣланное въ порывѣ патріоти-
ескаго энтузіазма, возбужденнаго его же разсказомъ. Вспоминаю
ь этомъ случаѣ для того, чтобы показать на примѣрѣ—какъ
огда несовмѣстима съ живымъ, увлекательнымъ преподаваніемъ
мертвящая дисциплина, по которой ученикъ въ классѣ долженъ
ржать себя, какъ солдатъ во фронтѣ; приходится въ самомъ ув-

леченіи учениковъ преподаваніемъ видѣть признаки шалости и невниманія.

Чтобы поскорѣе покончить съ гимназіей, общій характеръ которой, полагаю, нѣсколько выяснился изъ предыдущаго, скажу еще объ одномъ только учителѣ—латинскаго языка. Это былъ тоже молодой человѣкъ, полякъ, подававшій намъ своими странностями поводъ къ самымъ нелѣпымъ догадкамъ и предположеніямъ, Богъ знаетъ откуда возникавшимъ и на чемъ основаннымъ. Нужно замѣтить, что этотъ педагогъ имѣлъ странную привычку щипать учениковъ въ щеку, въ руку или въ ухо, до синяковъ. Дѣлалъ онъ это не въ видѣ наказанія, а, такъ сказать, любя, или вѣрнѣе—изъ озорства, съ цѣлью испытать нашу способность переносить боль. Бывало, подойдетъ къ ученику, какъ будто затѣмъ, чтобы слѣдить за его переводомъ, и вдругъ, слышишь, вопьется своими пальцами въ тѣло, какъ клещъ, а самъ продолжаетъ слѣдить за переводомъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Чѣмъ терпѣливѣе субъектъ попадется въ его клещи, тѣмъ онъ сильнѣе ихъ сжимаетъ и отпуститъ только тогда, когда ученикъ закричитъ отъ боли. Мы, нельзя сказать, чтобы не любили эту шутку и другъ передъ другомъ старались щеголять спартанской стойкостью.

Эта-то странная особенность учителя и подала, вѣроятно, поводъ сложить про него легенду, будто онъ имѣетъ страсть сѣчь учениковъ; а такъ какъ у насъ въ гимназіи розги почти не были въ употребленіи (во всѣ семь лѣтъ моего пребыванія въ ней, я помню только одинъ или два случая сѣченія), то гимназисты увѣряли другъ друга—и многіе вѣрили этому,—что учитель латинскаго языка нарочно зазываетъ къ себѣ учениковъ на квартиру и тамъ уговариваетъ ихъ позволить себя высѣчь; увѣряли даже, что за такое позволеніе онъ предлагалъ денежную плату. До такихъ нелѣпостей доходила наша фантазія! И такіе разсказы, нужно замѣтить, ходили не только въ низшихъ классахъ, но даже въ шестомъ и седьмомъ. Мы подозрѣвали также, почему-то, что этотъ учитель принадлежалъ къ іезуитскому ордену, вообще склонны были видѣть въ немъ что-то таинственное и необыкновенное. Этому способствовала и внѣшность учителя: это былъ человѣкъ низенькаго роста, съ огромной головой,

оворилъ онъ въ носъ, постоянно щурилъ глаза отъ сильной близо-укости (мы впрочемъ убѣждены были, что онъ только притворяет-ı близорукимъ, чтобы удобнѣе ловить насъ на шалостяхъ) и про-зносилъ слова съ сильнымъ польскимъ акцентомъ. «Глупая голо-ı!» была его любимая поговорка и постоянная брань. Ходили про его также разсказы, что его трудно вывести изъ терпѣнія, но что ли онъ разъ разгорячится, то можетъ въ запальчивости убить. то послѣднее предположеніе не лишено было правдоподобія: раз-орячившись разъ на кого-то въ классѣ, нашъ предполагаемый іезу-гъ пришелъ въ такую ярость, что безъ всякой осторожности уда-илъ ученика по головѣ огромнымъ желѣзнымъ ключемъ, вершка ь $2^1/_2$ длиной. Къ счастью ударъ не имѣлъ особенно вредныхъ ослѣдствій и дѣло не вышло за стѣны того класса, въ которомъ роисходило. Этотъ господинъ былъ единственный изъ учителей, съ оторымъ мнѣ пришлось встрѣтиться послѣ, во время студенчества, эта встрѣча, о которой я скажу въ своемъ мѣстѣ, не только не азъяснила мнѣ его личность, но еще болѣе спутала мои о ней редставленія.

Мнѣ остается еще въ заключеніе сказать вообще о нашихъ ıаніяхъ и развитіи, съ которыми мы оставили гимназію. Это мож-о-бы сдѣлать въ двухъ словахъ, сказавши, что мы ничего не зна-и и были совершенно не развиты. Но въ видѣ поясненія, при-оединю къ этому справедливому замѣчанію нѣкоторыя подробно-ги. Самыми «развивающими», въ извѣстномъ смыслѣ, предметами, зъ числа преподаваемыхъ въ гимназіи, безъ сомнѣнія, можно на-вать исторію вообще и исторію русской словесности въ особенно-ти. О преподаваніи исторіи я уже говорилъ, и здѣсь повторять ска-аннаго не буду; а относительно словесности я долженъ повторить ще разъ, что кромѣ такъ-называемаго «министерскаго» учебника о этому предмету мы ничего не знали. Учитель словесности, моло-ой человѣкъ, но до крайности сонливый, и лѣнивый, и молчаливый, уквально никогда и ничего не разсказывалъ намъ и не читалъ: весь лассъ его проходилъ въ прослушиваніи заданнаго по книжкѣ уро-а; раза два въ годъ онъ задавалъ намъ сочиненія на избитыя те-ы о временахъ года, о восходѣ солнца и т. п.

Хотя на его рукахъ находилась очень порядочная гимназическая библіотека, однако мы о самомъ ея существованіи узнали только мѣсяца за два—за три до окончанія курса и то лишь, благодаря новому директору, который вздумалъ было устроить у насъ «литературную бѣсѣду», для подготовки къ которой учитель и принесъ намъ Пушкина. Я былъ назначенъ «оппонентомъ» на литературной бесѣдѣ, а предметомъ диспута былъ разборъ поэмы Пушкина «Мѣдный Всадникъ», приготовленный другимъ ученикомъ. Новый и безпредѣльный источникъ наслажденій открылся мнѣ, благодаря этимъ «бесѣдамъ» (къ сожалѣнію, почему-то ихъ состоялось только двѣ). Я открылъ, мнѣ казалось, въ душѣ своей цѣлую сѣть критико-полемическихъ жилокъ и съ жаромъ принялся за «изученіе» Мѣднаго Всадника, съ цѣлью разбить въ пухъ и прахъ своего противника на диспутѣ: въ этомъ противникѣ я открывалъ съ злорадствомъ совершенное отсутствіе поэтическаго чутья, а въ себѣ, напротивъ, вмѣрялъ почувствовалъ, какъ мнѣ казалось, совершенно опредѣленное призваніе къ литературѣ. Уже и раньше, впрочемъ, я много тратилъ времени на обдумываніе и сочиненіе стиховъ и романовъ, но стихи мнѣ совсѣмъ не давались, а романъ не шолъ потому, что дальше картины деревенскаго сада съ террасой, рѣчкой и прудомъ воображеніе мое отказывалось идти, не смотря на всѣ понуканія. Описавши садъ и посадивъ на террасу героиню и героя, я чувствовалъ, что теперь они должны начать разговоръ, но о чемъ они должны разговаривать и какъ должны говорить герой и героиня романа—я не могъ придумать, и съ великимъ огорченіемъ сообщалъ, бывало, сестрѣ,—скептической свидѣтельницѣ моихъ безплодныхъ усилій,—что если-бы не «разговоры», то я могъ-бы написать такую повѣсть, такую прелестную повѣсть, что ее можно-бы было послать въ газету, кажется «Русскій Листокъ» издаваемую Мельниковымъ, и тамъ-бы ее непремѣнно напечатали, такъ какъ Мельниковъ, въ своемъ объявленіи, рѣшительно приглашалъ всѣхъ и каждаго, преимущественно провинціаловъ, доставлять ему статьи. Эта мысль жестоко соблазняла меня и я безчисленное множество разъ, съ замираніемъ сердца, перечитывалъ объявленіе объ изданіи газеты г. Мельникова и мечталъ о томъ, какъ я сдѣлаюсь литераторомъ, вродѣ

ргенева, который сразу плѣнилъ меня послѣ того, какъ я разъ
читалъ одну изъ его мелкихъ повѣстей.

Благодаря «литературной бесѣдѣ» моя страсть къ писатель-
у неожиданно получила правильный и здоровый исходъ: указать
ценить поэтическія прелести «Мѣднаго Всадника»—это прин-
ъ мнѣ совершенно по вкусу; я такъ вчитался въ прекрасную по-
, что ходилъ какъ одурѣлый. Особенно поражала меня картина
одненія, со статуей Петра на первомъ планѣ. Вмѣсто возраже-
своему оппоненту, я написалъ самостоятельный разборъ произ-
енія Пушкина, безъ сомнѣнія крайне дѣтскій по содержанію, но
нъ искренній и горячій. Это воспоминаніе,—едвали не единствен-
свѣтлое воспоминаніе о гимназіи,—даетъ мнѣ теперь поводъ
ѣтить, что, судя по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія оставили въ насъ
назистыхъ «литературныя бесѣды», устройство ихъ въ гимна-
къ было-бы полезно и въ наше время. Если поэтическія впечат-
нія классическихъ произведеній литетатуры признать вообще по-
нымъ средствомъ воспитанія, то едва ли не лучшее средство сдѣ-
ъ ихъ болѣе прочными и глубокими въ дѣтяхъ—доставивъ имъ
можность въ «литературной бесѣдѣ», т. е. въ живой рѣчи съ
ическимъ характеромъ, необходимымъ для поддержанія инте-
а этихъ «бесѣдъ»—оцѣнивать и выяснять эти впечатлѣнія подъ
оводствомъ хорошаго учителя. Едва ли достигается эта цѣль обыч-
ъ чтеніемъ классическихъ произведеній въ классѣ учителемъ съ
личными», какъ говорится, «комментаріями»: сухой комментарій
сѣмъ не то, что «литературная бесѣда», если она дѣйствительно
вая, непринужденная бесѣда, а не комедія, устроенная по про-
ммѣ, формально исполняемой. А было-бы уже слишкомъ обидно,
и невѣроятно, думать, что въ теперешней гимназической моло-
и, въ мальчикахъ 15-16 лѣтъ, не найдется настолько литератур-
о чутья, чтобы не было возможности устроить между ними испол-
ния интереса и жизни литературныя чтенія и бесѣды попо-
у прочитаннаго. Читаютъ-же они что-нибудь, кромѣ учебниковъ
ревнихъ классиковъ, а слѣдовательно и толкуютъ о прочитан-
мъ между собой, съ своими родными и знакомыми; стоитъ толь-
искусно эксплуатировать это чтеніе въ видахъ развитія литера-

турнаго вкуса и критической способности. А лучшими средствами къ этому, по моему мнѣнію, были-бы слѣдующія: 1) совершенное отсутствіе обязательности учавствовать или присутствовать на литературныхъ бесѣдахъ; 2) соединеніе на литературныхъ бесѣдахъ воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и 3) допущеніе на эти бесѣды родителей и другихъ родственниковъ покрайнѣй мѣрѣ тѣхъ учениковъ и учениць, которые изъявляютъ желаніе принимать участіе въ диспутѣ. Я убѣжденъ,—да, полагаю, и всѣ согласятся съ этимъ, что учащаяся молодежь встрѣтила-бы съ восторгомъ заявленіе, напримѣръ, такого рода: — «Съ разрѣщенія г. попечителя учебнаго округа, такого-то числа, въ залѣ императорской первой гимназіи, подъ руководствомъ преподавателя русской словесности такого-то, имѣютъ быть литературное чтеніе и бесѣда, по слѣдующей программѣ: ученикъ 8 класса такой-то прочитаетъ приготовленную имъ рѣчь, подъ заглавіемъ: «Жизнь Гавріила Романовича Державина и его значеніе въ исторіи русской литературы.» Оппонентами лектору изъявили желаніе быть: ученики первой гимназіи такіе-то, ученики второй гимназіи такіе-то, воспитанники духовной семинаріи такіе-то и воспитанница женской гимназіи такая-то. Родители и родственники учениковъ симъ приглашаются почтить бесѣду своимъ посѣщеніемъ. Предъ открытіемъ бесѣды хоръ учениковъ и учениць исполнитъ народный гимнъ; въ антрактѣ воспитанница Родіоновскаго института такая-то пропоетъ арію изъ Жизни за царя: «Не о томъ скорблю, подруженьки» и воспитанникъ 1 гимназіи такой-то исполнитъ на віолончели «Пѣсню безъ словъ» Мендельсона. Начало въ $7^1/_2$ часовъ.»

. . . . . .

Безъ сомнѣнія, нѣкоторыхъ читателей или читательницъ шокировало мое предположеніе о возможности участія въ „бесѣдахъ“— учащихся женскаго пола; но вмѣсто всякихъ возраженій на эту неумѣстную щепетильность я попрошу отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ: когда та или другая гимназія или институтъ устраиваютъ съ надлежащаго разрѣшенія свой балъ (на что затрачиваются иногда и казенныя суммы), — считается-ли невозможнымъ присутствіе на этомъ балѣ учащейся молодежи другихъ учебныхъ заведеній *безъ*

личія пола? А если ни начальство, ни родители не находятъ ни-
о невозможнаго и страннаго въ томъ, что дѣвочка-гимназистка или
ститутка лѣтъ 15-ти порхаетъ по паркету съ гимназистомъ лѣтъ
, и въ томъ, что въ это время они совершенно свободны вести
ія имъ угодно „бесѣды", то отъ чего-же участіе ученицы въ
тературной бесѣдѣ" представляется чѣмъ-то несообразнымъ?
значитъ-ли это—косвенно признавать, что учащаяся молодежь
нскаго пола гораздо болѣе на „своемъ мѣстѣ", когда она пор-
ётъ по паркету, чѣмъ участвуя въ серьезномъ занятіи, съ педа-
гическимъ характеромъ и цѣлями? Мнѣ кажется, что противни-
къ участія ученицъ въ предполагаемыхъ литературныхъ бесѣдахъ
тъ другаго выхода, какъ сознаться въ томъ, что они совершенно
послѣдовательны. Но оставимъ этотъ вопросъ, который и безъ того
елъ меня слишкомъ въ сторону.

Не смотря на совершенную пассивность учителя словесности,
юрый, если можно такъ выразиться, прилагалъ къ педагогиче-
ому дѣлу только пару своихъ ушей, охота къ литературнымъ за-
гіямъ распространена была во всемъ нашемъ классѣ. Откуда она
намъ проникла или какъ возникла—трудно опредѣлить: какъ-бы
ни было, въ шестомъ и седьмомъ классѣ у насъ было основано
сколько періодическихъ изданій и болѣе половины класса превра-
лось въ редакторовъ и сотрудниковъ. Редакторы отчаянно поле-
зировали другъ съ другомъ, сотрудники писалъ стихи и „отрывки
ь повѣстей". Припоминая этотъ фактъ, а съ другой стороны зная,
о гимназія наша въ то время была совсѣмъ еще не затронута уже
чавшимся въ Россіи движеніемъ умовъ и сердецъ, по неволѣ начи-
ешь представлять себѣ „духъ времени" въ видѣ какой-то заразы,
сящейся въ воздухѣ и проникающей вмѣстѣ съ нимъ въ самые
купоренные уголки жизни. Я уже говорилъ, что изъ нашихъ учи-
лей, большинство которыхъ были люди молодые, ни одинъ не яв-
лся въ то время проводникомъ новаго духа времени въ нашу гим-
зію, и о томъ, что въ русской жизни повѣяло свѣжестью, мы
имѣли ни малѣйшаго понятія. Мы слишкомъ были заняты своими
машними гимназическими дѣлами, а также „обожаніемъ" различ-
ихъ барышень, или знакомыхъ, или даже просто встрѣчавшихся

намъ на улицѣ, на гуляньѣ и въ церкви,—чтобы интересоваться такими вещами, какъ заключеніе мира, возвѣщеніе крестьянской реформы и тому подобное.

Не говоря уже о какихъ-нибудь запрещенныхъ сочиненіяхъ, даже и русскіе домашніе журналы не удостоивались нашего вниманія. Мы читали Вѣчнаго Жида, Таинственнаго Монаха, Юрія Милославскаго — и были убѣждены, что лучше этого ничего на свѣтѣ быть не можетъ. Безъ сомнѣнія, съ такимъ-же интересомъ прочитали-бы мы Жуковскаго, Пушкина и Гоголя,—но гдѣ ихъ достать? Общественныя библіотеки въ то время были еще не въ модѣ, о существованіи гимназической мы едва подозрѣвали и не считали себя вправѣ ею пользоваться; романы-же, вродѣ Вѣчнаго Жида и Юрія Милославскаго, не такъ трудно достать, они были болѣе распространены въ тѣхъ слояхъ общества, изъ которыхъ мы вышли: мелкаго чиновничества, духовенства и отчасти купечества. О серьезномъ чтеніи уже нечего и говорить: серьезная статья представлялась намъ чѣмъ-то вродѣ учебника, который можно учить, а не читать, ктому-же на каждой строкѣ непонятныя слова. Гдѣ-жь тутъ читать серьезныя статьи, когда, встрѣтивъ даже такое модное въ то время слово какъ «эмансипація», я уже по окончаніи курса въ гимназіи не понялъ его и просилъ себѣ объяснить. Не смотря на пресловутое раздѣленіе русскаго общества съ начала 60-хъ годовъ на „отцевъ“ и „дѣтей“, какъ на два противуположные лагеря, до этого раздѣленія было, кажется, гораздо меньше общенія между старшимъ и младшимъ поколѣніемъ, чѣмъ въ наше время. Дѣти были слишкомъ дѣтьми, чтобы между ними и отцами могло найдтись что-нибудь общее въ интересахъ. По крайней мѣрѣ таковъ былъ нашъ курсъ въ гимназіи, но—дѣйствительно, это былъ, такъ сказать, послѣдній дореформенный курсъ. Мой отецъ и кружокъ его товарищей, какъ теперь уже я понялъ, съ увлеченіемъ встрѣтили начавшееся въ концѣ пятидесятыхъ годовъ общественное движеніе: очень часто, запершись въ кабинетѣ, за стаканомъ пунша они проводили вечера въ чтеніи какихъ-то газетъ или рукописныхъ сочиненій, нѣсколько манившихъ меня своей таинственностью, но показавшихся мнѣ совершенно неинтересными, когда разъ, посредствомъ украденнаго ключа,

ъ къ отцу въ столъ и посмотрѣлъ эти диковинки. Часто
траивались у насъ въ домѣ семейныя чтенія вслухъ: читали
кіе Очерки", причемъ отецъ хохоталъ бывало до слезъ и
ъ боку, но и эти чтенія не привлекали меня: я искренно
, что они вытѣснили чтенія разсказовъ Марлинскаго, кото-
прежніе годы я бывало заслушивался до такой степени,
всюду мерещились привидѣнія, опасности и разные ужасы.
тогдашній вкусъ эти повѣсти были не въ примѣръ завлека-
„смѣшныхъ" разсказовъ Щедрина.

ова была степень развитія, до которой я достигъ ко вре-
ичанія курса въ гимназіи. Не скажу, чтобы я представ-
ключеніе; напротивъ, потому я и рѣшаюсь занимать собой
читателей, что имѣю основанія считать себя типическимъ
ителемъ своего класса. Тѣмъ не менѣе къ концу курса къ
оникло какими-то таинственными путями и охватило насъ
желаніе идти въ университетъ. Можно положительно ут-
, что практическія соображенія о карьерѣ были тутъ рѣ-
о непричемъ: насъ манила въ университетъ смутная на-
стрѣтить тамъ... я крайне затрудняюсь опредѣлить словами
льное *нѣчто*, манившее насъ, какъ свѣтлый призракъ, въ
тетъ. Это были тѣ неясные инстинкты, изъ которыхъ раз-
и впослѣдствіи жажда знанія и свѣта, любовь къ наукѣ;
и отголоски, выражаясь стариннымъ языкомъ — врожденныхъ
требностей истины, добра и красоты. Гимназія не развила
этихъ потребностей, не сдѣлала ихъ сколько-нибудь соз-
ми, но и за то спасибо, что она покрайней мѣрѣ не пода-
ъ. Впрочемъ, едва-ли какое-либо учебное заведеніе, даже
ѣренномъ стремленіи къ подобному подавленію лучшихъ
говъ человѣческой природы, въ состояніи было-бы достичь
ли, если такъ-называемый «духъ времени» не будетъ ему
овать; и наоборотъ: какъ-бы ни была приспособлясма
ческая система къ развитію въ молодомъ поколѣніи иде-
стремленій, ея усилія въ 99 случаяхъ изъ сотни будутъ
на «горохъ къ стѣнѣ», если въ самой общественной

жизни въ данное время царитъ духъ меркантилизма, наживы, узкой практичности...

Къ счастію, въ наше время этотъ духъ «въ авантажѣ не обрѣтался» и мы не были имъ заражены. Не знаю, чѣмъ именно товарищи мои натолкнуты были на мысль объ университетѣ и чѣмъ они руководствовались при выборѣ факультетовъ (кажется всѣ, кромѣ меня, пошли на медицинскій), моя-же твердая рѣшимость идти на историко-филологическій факультетъ сложилась очень просто и довольно оригинально. Съ одной стороны, находя себя совершенно неспособнымъ къ математикѣ, а съ другой — представляя юридическій факультетъ чѣмъ-то вродѣ канцеляріи, въ которой изучаютъ законы и формы дѣлопроизводства, я втайнѣ былъ убѣжденъ, что историко-филологическій факультетъ есть прямая и непосредственная ступень въ званіе писателя. Напрасно убѣждалъ меня отецъ идти на юридическій факультетъ, резонно представляя мнѣ, что съ тѣми свѣдѣніями, какія я вынесу съ историко-филологическаго, въ жизни некуда будетъ дѣваться, кромѣ какъ идти въ учителя,—къ чему я вовсе не былъ склоненъ; за неимѣніемъ равносильныхъ резоновъ, я готовъ былъ удариться въ слезы, но твердо стоялъ за филологическій факультетъ, твердя одно, что къ нему влечетъ меня «призваніе». Скоро одно обстоятельство еще болѣе укрѣпило во мнѣ горячую любовь къ историко-филологическому факультету: какъ-то разъ, по болѣзни учителя словесности, явился занять его классъ нашъ толстякъ-инспекторъ. Мы неособенно любили такіе казусы, такъ-какъ инспекторъ въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе приносить въ классъ духовный журналъ «Воскресное Чтеніе» и читалъ намъ проповѣди. Но «духъ времени» уже бралъ свое: вмѣсто «Воскреснаго Чтенія» у инспектора въ рукахъ была какая-то новая книжка въ свѣтло-зеленой оболочкѣ.

Съ этой книжкой, какъ я замѣчалъ, онъ давно уже началъ носиться. Положивъ эту книжку передъ собой, съ тѣмъ довольнымъ видомъ, съ какимъ, кошка кладетъ предъ собой пойманную птичку, собираясь ей на свободѣ позавтракать, инспекторъ обратился къ намъ съ рѣчью: напомнилъ намъ о предстоящемъ окончаніи курса,

упрекалъ насъ въ томъ, что мы держимъ себя какъ мальчишки (не задолго передъ тѣмъ онъ поставилъ весь нашъ седьмой классъ на колѣни за драку во время перемѣны), что мы ничего серьезнаго не читаемъ и ничѣмъ серьезнымъ не интересуемся, однимъ словомъ— упрекалъ насъ въ томъ, въ чемъ скорѣе слѣдовало-бы упрекать тѣ семь лѣтъ гимназической педагогики, которые сдѣлали насъ такими, каковы мы были. Но дѣло не въ этомъ.

— «Слыхали-ли вы что-нибудь о Бѣлинскомъ?» спросилъ насъ въ заключеніе инспекторъ. — Мы отвѣчали, что нѣтъ, и это была совершеннѣйшая правда.

— „Такъ слушайте, я вамъ почитаю изъ его статьи о Пушкинѣ.“—Онъ началъ читать, а мы принялись за свои обычныя занятія: одинъ развернулъ подъ партой недочитанный романъ, другіе начали играть въ „щелчки“, третьи въ „ремешокъ“ и т. д. Едвали не я одинъ,—какъ увидитъ читатель далѣе—благодаря затаенной мечтѣ сдѣлаться литераторомъ, рѣшился слушать. Сначала казалось скучно, впору хоть бросить, многое не понятно, но вотъ мало по малу я начинаю чувствовать какъ въ душѣ пробуждаются какія-то невѣдомыя ощущенія, точно свѣтъ какой-то начинаетъ раскрываться передъ умственными очами, точно какія-то откровенія проникаютъ въ душу и наполняютъ ее восторгомъ. Я не видѣлъ, какъ пролетѣлъ классъ и второй разъ въ семь лѣтъ пожалѣлъ, когда пробилъ звонокъ. Когда-же я сообщилъ послѣ класса свои впечатлѣнія товарищамъ, большинство отозвалось тѣмъ, что не слушали, а нѣкоторые заподозрили меня въ желаніи порисоваться: „туда-же, дескать, хочетъ сдѣлать видъ, что что-то понимаетъ“. Такъ я и прекратилъ разговоръ на первомъ-же словѣ, но въ душѣ у меня съ этихъ поръ поселилось имя Бѣлинскаго, какъ нѣчто священное, вызывающее на поклоненіе. Въ скоромъ времени я узналъ отъ кого-то, что Бѣлинскій былъ на историко-филологическомъ факультетѣ, и почувствовалъ, что мое „призваніе“ идти по этому факультету получило новую и непоколебимую точку опоры. При всемъ этомъ, привычка думать, что серьезныя сочиненія „не при мнѣ писаны“ и что читать ихъ изъ интереса, безъ принужденія — нѣчто для насъ, гимназистовъ, совсѣмъ немыслимое, была такъ сильна, что мнѣ и въ голову не

приходило достать сочиненія Бѣлинскаго и прочитать ихъ. Такое чтеніе я представлялъ себѣ въ перспективѣ, какъ одно изъ будущихъ университетскихъ занятій, о которыхъ у меня были, впрочемъ, самыя неопредѣленныя представленія или, вѣрнѣе будетъ сказать, вовсе не было ни какихъ представленій. Уже по окончаніи курса, приготовляясь къ отправленію въ Казань для поступленія въ университетъ, я рѣшился спросить старшаго брата: задаютъ-ли и спрашиваютъ-ли въ университетѣ уроки? и тутъ въ первый разъ получилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о формахъ университетскаго преподаванія. Между тѣмъ наступило время окончательныхъ экзаменовъ. Что сказать о нихъ? Какъ теперь, когда гимназисты, оканчивающіе курсъ все-таки нѣчто знаютъ, такъ и въ наше время, когда, оканчивая курсъ, выходили почти ровно ничего незнающими, приготовленіе къ экзаменамъ было временемъ подвиговъ, почти неуступающихъ по своей тяжести подвижничеству древнихъ египетскихъ пустынниковъ. Начать съ того, что мы спали по 2 и по 3 часа въ сутки; при этомъ, разумѣется, терялся аппетитъ, выпивалось огромное количество крѣпкаго чаю и кофе, въ головѣ стоялъ какой-то туманъ, въ которомъ дѣйствительность почти не отличалась отъ сновидѣній, и наоборотъ: во снѣ продолжалась таже лихорадочная дѣятельность мозга, какъ на яву: громоздились вычисленія, прыгали цыфры и буквы, мѣшались собственныя имена, прочитывались цѣлыя страницы изъ учебниковъ. Къ концу экзаменовъ мы ходили, какъ тѣни, а на меня такъ сильно подѣйствовала эта вопіющая ненормальность образа жизни, что тотчасъ послѣ экзамена пришлось идти къ доктору: открылся сильный кашель, началась боль въ груди, постоянная усталость и слабость, такъ что я не мало самъ надъ собою умилялся, воображая себя жертвой чахотки. Умерѣть отъ экзаменовъ—это представлялось мнѣ столже трогательнымъ, какъ умерѣть отъ любви, тѣмъ болѣе, что на самомъ дѣлѣ мысль о смерти была очень далека отъ меня. Вспоминая теперь это время, съ одной стороны возмущаешься тѣмъ вопіющимъ насиліемъ надъ природой, которое дѣлалось единственно ради того, чтобы кое-какъ набить голову безобразнѣйшей кучей отрывочныхъ полузнаній, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ-же

вытряхнуть ихъ вонъ, какъ никуда ненужный болѣе хламъ, послѣ полученія аттестата, а съ другой стороны—готовъ видѣть въ этихъ усиліяхъ и хорошую сторону: въ самомъ дѣлѣ, ради чего поднимались эти невѣроятные труды, проводились безсонныя ночи, истощались силы, надрывалось здоровье? Ради желанія поступить въ университетъ, а «университетъ», по тогдашнимъ нашимъ представленіямъ, былъ девизомъ чего-то высокаго, священнаго, рисовался въ воображеніи истиннымъ храмомъ науки. И кажется, чѣмъ меньше мы были зрѣлыми для поступленія въ университетъ, тѣмъ больше были способны его идеализировать. Мечтая объ университетѣ, я представлялъ себѣ въ будущемъ всевозможныя лишенія: воображая себя въ Казани сидящимъ гдѣ-нибудь въ мансардѣ подъ крышей, при тускломъ свѣтѣ сальнаго огарка, составляющимъ прослушанную лекцію, я былъ увѣренъ, что съ удовольствіемъ отвыкусь и отъ чаю, и отъ бѣлаго хлѣба, если придется, лишь-бы только быть «студентомъ». Все это въ воображеніи казалось такъ легко, даже пріятно, но къ счастію или къ несчастію мнѣ не привелось испытать всю прелесть подобныхъ лишеній ради науки. Да и мечты мои о лишеніяхъ скоро прекратились, такъ-какъ я узналъ, что родители имѣютъ въ виду ассигновать на мое содержаніе въ Казани рублей 10 и даже болѣе въ мѣсяцъ, пока я получу стипендію. Просить-же у нихъ на свое содержаніе мнѣ не приходило въ голову: я надѣялся пробиться уроками и такая самостоятельность меня тоже сильно прельщала. Между тѣмъ я проводилъ послѣдній вакатъ въ деревнѣ. Какое блаженство, проснувшись утромъ, вспомнить, что окончательно раздѣлался съ гимназіей, что миновала опасность стоять на колѣняхъ, не придется дрожать подъ строгимъ взглядомъ учителя, не нужно учить уроки, можно забыть, забыть всѣ эти формулы, биномы, законы паденія тѣлъ и т. д. и т. д. Какой отрадой разливается по всему существу это пріятное сознаніе! А сколько будущее сулитъ новаго, прекраснаго, совершенно непохожаго на оставшееся позади. По мѣрѣ того, какъ уходило въ даль страшное время экзаменовъ, я набирался силъ, забывалъ о своей «чахоткѣ,» полнѣлъ и разцвѣталъ. Одно только въ глубинѣ души смущало меня: до студенчества остается какихъ-нибудь два-

три мѣсяца, а расположенія къ серьёзному чтенію во мнѣ не является. Пробовалъ я и присаживать себя насильно: одинъ разъ, помню, долго читалъ статью г. Ржевскаго въ Русскомъ Вѣстникѣ: «О мѣрахъ къ развитію пролетаріата въ Россіи», другой разъ изъ того-же журнала какую-то статью о ипотечномъ кредитѣ, но полумистическая надежда, что пониманіе снизойдетъ на меня самособой, по мѣрѣ того, какъ я буду читать, не оправдалась, и изъ своихъ первыхъ опытовъ «серьезнаго чтенія» я немного вынесъ для себя утѣшительнаго; а направить и указать было некому. Отецъ не могъ относиться ко мнѣ иначе, какъ къ ребенку, и, вѣроятно, ему въ голову не приходило, что меня смущаетъ сознаніе моей неспособности къ серьезному чтенію, которое я считалъ какъ-бы аттрибутомъ предстоящаго мнѣ студенчества. Да и въ самомъ дѣлѣ, я былъ совершенный ребенокъ: игра въ мячъ, въ горѣлки, въ «прятышки», запусканіе «московокъ» и т. п. все это также всецѣло занимало меня предъ отправленіемъ въ университетъ, какъ и въ то время, когда я поступалъ въ гимназію. Но самымъ блистательнымъ образомъ обнаружилась моя «незрѣлость», когда наконецъ подошло время отправляться въ Казань. Куда дѣвались всѣ мои соображенія о «самостоятельности»—меня охватилъ какой-то ужасъ, точно мнѣ предстояло летѣть на воздушномъ шарѣ. — «Какъ хотите, объявилъ я разъ дома за обѣдомъ, а я одинъ не поѣду!» Надо мной начали подсмѣиваться, предлагали отпустить со мной няньку, отъ чего я втайнѣ былъ вовсе не прочь, а между тѣмъ въ совѣтѣ «старшихъ» уже давно было рѣшено, что меня повезетъ въ Казань старшій братъ.

Не зная этого, я долженъ былъ, скрѣпя сердце, рѣшительно обнаружить свою несостоятельность—«да что я буду дѣлать одинъ въ чужомъ городѣ? вопіялъ я въ отчаяніи, — куда я дѣнусь? Я и извощика не съумѣю нанять. Такъ, вотъ, сложу на берегу вещи да и буду сидѣть, пока надо мной кто-нибудь не сжалится»! И я былъ искренно огорченъ и жестоко озабоченъ перспективой той самой «самостоятельной» жизни, о которой, не дальше какъ мѣсяцъ, мечталъ съ такой самоувѣренностью. И кто-бы могъ подумать тогда, глядя на этого мальчика, который непрочь былъ

ать въ университетъ въ сопровожденіи няньки, что не прой-ъ и двухъ лѣтъ, какъ онъ будетъ ораторствовать на студен-ческихъ сходкахъ, участвовать въ депутаціяхъ, и даже считаться пятельнымъ» между товарищами въ университетѣ? Между тѣмъ чилось именно такъ.

II.

ПЕРВОКУРСНИКИ.

21 іюля 1860 года самолетскій пароходъ привезъ меня къ ка-ской пристани, а татаринъ на шарабанѣ доставилъ въ такъ ываемые „Карюкинскіе номера“ противъ Владимірской церкви— то среднее между постоялымъ дворомъ и гостинницей — гдѣ за копѣекъ въ сутки можно было имѣть комнату съ досчатыми егородками, досчатой кроватью безъ тюфяка и маленькимъ сто-ъ такой-же плотничной работы. Едва-ли не большая часть пріѣ-авшихъ въ Казань для поступленія въ университетъ прошли езъ это чистилище, въ которомъ въ настоящее время помѣщаются, ется, казармы. Видъ на Казань изъ оконъ номера представлялъ тину возникавшихъ изъ пепла развалинъ: слѣды большаго пожара мая 1859 года были въ то время еще свѣжи въ забулачной ти города.

Наскоро одѣвшись, я тотчасъ-же, въ сопровожденіи брата, равился въ университетъ разузнать: кому и какъ подавать про-ніе. По мѣрѣ приближенія къ университету сердце во мнѣ зами-о. Не знаю, съ какими чувствами теперешняя молодежь подхо-ъ къ университету въ первый разъ въ жизни,—въ наше время лонность къ идеализаціи и отчасти, пожалуй, сантиментализму ла такъ велика, что зданіе университета въ глазахъ новичка-дента долго казалось какимъ-то священнымъ храмомъ, внушаю-мъ невольное желаніе снять шапку и съ благоговѣніемъ прислу-ваться къ торжественному гулу шаговъ, разносимому эхомъ по нымъ корридорамъ. Университетскій дворъ, съ своей оригиналь-ї обстановкой—ротондой анатомическаго театра, башней обсерва-

торіи, флюгерами надъ физическимъ кабинетомъ, съ памятникомъ Державину и величественной лѣстницей, ведущей со двора въ главное зданіе—представлялся чѣмъ-то вродѣ древней площади въ Аѳинахъ и, казалось, ждалъ, чтобы какой-нибудь Сократъ собралъ здѣсь вокругъ себя толпу учениковъ, жадно прислушивающихся къ каждому слову учителя.... И такіе Сократы дѣйствительно были въ наше время между профессорами.... До какой степени обожаніе къ университету было въ то время распространено между молодежью, показываетъ слѣдующій фактъ или, по крайней мѣрѣ, разсказъ, ходившій въ то время между студентами: студентъ Ш—ій, имѣвшій репутацію завзятаго энтузіаста, одинъ изъ тѣхъ людей, — судя по разсказамъ, — которые, кажется, родятся проповѣдниками, былъ по какому-то поводу исключенъ изъ университета, долженъ былъ отправиться на родину, въ Пермскую губернію, и здѣсь, скитаясь по Уралу въ качествѣ домашняго учителя, пробылъ нѣсколько лѣтъ; потомъ, въ качествѣ гувернера при дѣтяхъ какого-то милліонера очутился въ Парижѣ и наконецъ, послѣ долгой разлуки, снова вернулся проѣздомъ въ Казань и увидѣлъ университетъ.... Разсказываютъ, что въ этотъ моментъ онъ упалъ на колѣни посреди Воскресенской улицы, снялъ шапку и вознесъ предъ парадным крыльцомъ университета нѣчто вродѣ молитвы. Нѣкоторые говорили, будто онъ нѣсколько помѣшался, другіе приписывали этотъ поступокъ желанію порисоваться, третьи—вѣрили его искренности, во всякомъ случаѣ—хотя-бы даже разсказъ этотъ былъ совсѣмъ невѣренъ (я не берусь за него ручаться)—достаточно того, что онъ ходилъ между студентами, чтобы признать въ немъ своего рода „знаменіе времени.“ Что несомнѣнно, такъ это огромное вліяніе, которымъ пользовался Ш—ій на Уралѣ между молодежью: не одинъ десятокъ молодыхъ людей, преимущественно семинаристовъ, подъ обаяніемъ его проповѣди, начиналъ готовиться въ университетъ, преодолѣвая всѣ препятствія, и очень многіе чуть не пѣшкомъ являлись въ то время въ Казань изъ Перми, Екатеринбурга, съ уральскихъ заводовъ—въ полной увѣренности, что здѣсь ихъ встрѣтитъ радушная семья товарищей, которая не дастъ имъ умереть съ голоду и поможетъ пробраться въ университетъ.

Но буду продолжать разсказъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. Университетскія сѣни, съ своими статуями великихъ людей и героевъ, окончательно сразили меня, когда я переступилъ впервые порогъ университета: точно я попалъ на тотъ свѣтъ, въ Дантовъ рай, и на душу повѣяло ослѣпляющимъ величіемъ окружившихъ меня безсмертныхъ представителей генія и героизма... Но нѣсколько робкихъ шаговъ далѣе — и я въ канцеляріи со всей ея обычной ultra-прозаической обстановкой. Письмоводитель посмотрѣлъ мои бумаги и показалъ форму прошенія къ ректору. „Только на врядъ-ли васъ примутъ—добавилъ онъ;—лѣта вамъ не вышли: пятнадцать съ половиной, а нужно шестнадцать. Попытайтесь однако“...

Это извѣстіе легло тяжолымъ камнемъ на мою душу...—„Не примутъ! Не примутъ! Какъ это онъ легко говоритъ... Но что я долженъ дѣлать тогда? — Ѣхать назадъ и поступить куда-нибудь въ писцы?—Нѣтъ, лучше кажется умереть, чѣмъ такая перспектива! И развѣ я виноватъ, что меня приняли въ гимназію на полгода раньше установленныхъ лѣтъ.“ Нѣсколько разъ въ день ходилъ я въ квартиру ректора, должность котораго въ то время исправлялъ профессоръ К—овъ, и все не заставалъ его. Наконецъ, уже послѣ обѣда, мнѣ удалось захватить этого почтеннаго и добрѣйшаго старика вставшимъ отъ сна, въ халатѣ, съ заспанными глазами.—„Не могу-съ“ былъ отвѣтъ;—не могу-съ, вотъ правила—и онъ показалъ печатную брошюрку, возвращая мнѣ прошеніе назадъ. Лицо его, безъ сомнѣнія, какъ всегда, сіяло добротой и на этотъ разъ еще болѣе обыкновеннаго, потому что, услыхавъ это рѣшительное „не могу“, я изобразилъ изъ себя статую отчаянія; но мнѣ, подъ вліяніемъ огорченія, этотъ рѣдкій добрякъ, показался безсердечнымъ, сухимъ старикомъ, жестокимъ, достойнымъ ужаса. Возвратясь къ себѣ въ номеръ, я предался совершенному унынію; братъ тоже не зналъ, что дѣлать... Вдругъ насъ осѣнила счастливая мысль обратиться за совѣтомъ и протекціей къ инспектору округа Чашникову, который, во время своихъ частыхъ ревезій, успѣлъ пріобрѣсти во всѣхъ гимназіяхъ (между дѣтьми по крайней мѣрѣ) репутацію добрѣйшаго человѣка, способнаго близко принять къ сердцу положеніе каждаго изъ молодежи, ввѣренной его высшему надзору. „Ду-

шенька, миленькій, голубчикъ, дитя мое"—это были обычныя названія, съ которыми любилъ обращаться къ дѣтямъ старикъ - «генералъ«—(въ то время статскіе «генералы» были въ рѣдкость по министерству просвѣщенія), напоминавшій своей наружностью и манерами Суворова, и нельзя сказать, чтобы намъ, гимназистамъ, было жестко спать на этой мягкой постилкѣ: мы любили этого ревизора, не боялись его и всегда отвѣчали при немъ отлично — благодаря очень простому обстоятельству: «генералъ» имѣлъ обыкновеніе подсказывать гимназистамъ слово за словомъ, такъ что оставалось только повторять за нимъ и выслушивать похвалы и поощренія.

— «Ну, душенька, обращается бывало Чашниковъ къ гимназисту,—прочитай мнѣ псаломъ «Живый въ помощи Вышняго,»—чудный. божественный псаломъ, который блаженныя памяти императоръ Александръ Благословенный всегда носилъ при себѣ въ боковомъ карманѣ»....

— Живый въ помощи Вышняго... начинаетъ гимназистъ.

— Прекрасно, превосходно, прерываетъ Чашниковъ.—Дальше, дитя мое: «въ кровѣ Бога небеснаго!»

— Въ кровѣ Бога небеснаго,—повторяетъ ученикъ и не успѣетъ остановиться—Чашниковъ уже диктуетъ дальше, то воздѣвая руки, то поднимая глаза къ небесамъ, и не забывая прибавлять: «прекрасно, чудесно, превосходно!» Въ заключеніе онъ благодаритъ законоучителя, жметъ руку директору, летаетъ по классу съ живостью дитяти и разсыпаетъ вокругъ себя довольство и какое-то благорасположеніе.

Къ этому-то добродушному сановнику мы и рѣшили обратиться въ своемъ затруднительномъ положеніи. Чашниковъ принялъ насъ съ своими обычными странностями: пока мы дожидались его въ залѣ, онъ нѣсколько разъ то подойдетъ къ двери, пріотворитъ ее, заглянетъ въ щелку, то опять быстро захлопнетъ дверь и протомитъ еще минутъ пять, опять выглянетъ и опять спрячется и т. д. Наконецъ, онъ вышелъ своей суетливой походкой, разсыпался въ извиненіяхъ, что заставилъ долго ждать, изобразилъ въ своемъ голосѣ и лицѣ самое горячее сочувствіе постигшей меня бѣдѣ и посовѣтывалъ подать прошеніе попечителю—

князю Вяземскому, повторяя въ десятый разъ, что это добрѣйшій, прекраснѣйшій человѣкъ, который, видя горячее желаніе молодаго человѣка попасть въ университетъ, навѣрное сдѣлаетъ все возможное. Очарованный добротой окружнаго инспектора и оживленный надеждами, я вернулся въ свой номеръ,—съ нетерпѣніемъ ждать слѣдующаго дня. Часовъ въ 12 утра братъ довелъ меня до дверей канцеляріи попечителя и куда-то ушолъ; мнѣ оставалось только взойти, потребовать, чтобы обо мнѣ доложили, и подать прошеніе; но—позади меня стояли 7 лѣтъ дореформенной гимназіи и держали меня за фалды моего все еще гимназическаго вицъ-мундира съ краснымъ воротникомъ. Какъ это ни странно покажется—я долженъ признаться, что у меня не хватало духу предстать предъ попечителя и еще вдобавокъ «князя,» заговорить съ нимъ съ глазу на глазъ, просить его... Постоявъ у дверей, я вернулся назадъ и прошелся по Воскресенской, надѣясь оправиться; опять простоялъ у дверей,—и опять не нашелъ въ себѣ рѣшимости взойдти и подать прошеніе. Я терся около крыльца и воротъ, а мимо меня одинъ за другимъ входили и уходили просители. Солнце пекло меня невыносимо, мучила жажда и усталость, тревожила мысль, что братъ, вѣроятно, меня ждетъ, что проходящіе начинаютъ замѣчать мое странное дежурство на улицѣ съ прошеніемъ въ рукахъ и дивятся, что это значитъ; самолюбіе страдало жестоко, а привычный страхъ передъ такой высокой особой, какъ попечитель, которая бывало не только на гимназистовъ, но и на самого директора, инспектора и учителей наводила трепетъ—этотъ страхъ такъ глубоко сидѣлъ во мнѣ, что по всей вѣроятности я такъ и ушелъ-бы отъ попечительскаго крыльца домой, простоявъ съ 12 до 3-хъ подъ іюльскимъ солнцемъ, если-бы надо мной не сжалился какой-то учитель, успѣвшій мимо меня раза два пройти въ канцелярію и обратно. «Да что вы тутъ все стоите—кого ожидаете?» спросилъ онъ меня съ улыбочкой, глубоко уязвившей мое самолюбіе. Не помню ужъ, чѣмъ я постарался объяснить свое положеніе добровольнаго привратника, знаю только, что, благодаря этому учителю, я очутился въ пріемной попечителя и стоялъ здѣсь, буквально задыхаясь отъ волненія. Это было въ той самой ком-

натѣ, которая и теперь обречена быть свидѣтельницей еще сильнѣйшихъ волненій, страховъ, ожиданій, радостей и отчаянія — въ комнатѣ, гдѣ производятся теперь по середамъ и пятницамъ экзамены на званіе учителей и учительницъ. Съ тою только разницею—сказать къ слову, — что теперь въ ней задыхаются не отъ однихъ душевныхъ волненій, но еще вдобавокъ отъ духоты и тѣсноты.

Очень скоро дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась и я увидѣлъ на порогѣ полную, высокую, представительную фигуру попечителя. Въ его наружности не было ничего оффиціальнаго: длинные, вьющіеся волосы спадали ему на лобъ чорными съ просѣдью прядями, придавая видъ какой-то поэтической безпечности, неформенный черный сюртукъ, небрежно повязанный галстукъ, какая-то аристократическая небрежность, простота самая естественная, говорившая сама за себя—все это имѣло способность сразу производить на посѣтителя необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Вскинувъ на меня глазами и съ необыкновенной ловкостью приставивъ къ глазу лорнетку - одноглазку, «князь» — (такъ всѣ звали попечителя) взялъ у меня изъ рукъ прошеніе, быстро пробѣжалъ его глазами и тотчасъ-же, въ двухъ словахъ, рѣшилъ мою судьбу: «Подайте прошеніе въ вольные слушатели, сказалъ онъ, а когда вамъ исполнится 17 лѣтъ, мы васъ зачислимъ въ студенты». Сказавши эти слова онъ быстро повернулся и скрылся за дверями своего кабинета. Радость моя была безмѣрна, точно тяжолый камень отвалилъ отъ сердца и, кажется, я не шелъ, а летѣлъ къ брату съ извѣстіемъ, что двери университета для меня открыты.

Между тѣмъ до лекцій оставалось еще больше мѣсяца, и это время я предполагалъ посвятить на свою подготовку къ университетскому курсу (объ экзаменѣ у меня не было заботы, такъ какъ мой гимназическій аттестатъ замѣнялъ его). Въ чемъ должны заключаться эти приготовленія я не давалъ себѣ яснаго отчета, но жизнь сама рѣшала этотъ вопросъ по своему и рѣшала именно такъ, какъ слѣдовало. Я сознавалъ только одно: что мнѣ не достаетъ знаній для того, чтобы быть способнымъ къ слушанію университетскаго курса; но въ еще большей степени не доставало

мнѣ того развитія, которое не пріобрѣтается изъ книжекъ. До 15 съ половиной лѣтъ я не видалъ другой жизни, другихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые окружали меня въ замкнутомъ семейномъ кругу и въ средѣ товарищей-гимназистовъ. Вслѣдствіе этого я былъ въ одно и тоже время и дѣтски-довѣрчивъ и по дѣтски-дикъ и боязливъ; единственнымъ моимъ руководителемъ въ практической жизни, открывавшейся предо мной со всѣми своими мелочами, былъ какой-то инстинктъ, управлявшій моими симпатіями и антипатіями тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше было способности къ разсудочному анализу. Этотъ инстинктъ подсказывалъ мнѣ ясно, что безъ тутора, попечителя, старшаго товарища, которому-бы я могъ во всемъ довѣриться и со всѣмъ обращаться, какъ къ самому близкому человѣку, — я рѣшительно не могу жить, не могу ступить шагу. Но гдѣ искать такого человѣка? Тотъ-же инстинктъ говорилъ мнѣ еще яснѣе, что никакъ не между студентами, напротивъ именно противъ студентовъ, противъ ихъ среды, въ которую я и боялся, и страстно хотѣлъ окунуться, какъ непривыкшій къ водѣ купальщикъ, въ перѣшительности стоящій на подмосткахъ купальни, — мнѣ и нужна была какая-нибудь опора. Тотъ-же инстинктъ, наконецъ, и указывалъ мнѣ постоянно—на кого я могу опереться, на кого положиться изъ тѣхъ людей, съ которыми жизнь очень скоро привела меня въ столкновеніе.

Первые дни по пріѣздѣ въ Казань, я нетерпѣливо желалъ видѣть какого-нибудь студента, но они были въ разъѣздѣ и на улицахъ почти не встрѣчались. Скоро однако мое желаніе исполнилось. Мнѣ предстояло доставить одному своему товарищу по гимназіи, который раньше меня уѣхалъ въ Казань, посылку отъ его родныхъ. На посылкѣ значилось, что объ адресѣ его можно узнать «у швейцара университета Козловскаго». Побывавъ такимъ образомъ въ каморкѣ этого ветерана,—передъ глазами котораго и до сихъ поръ съ незапамятныхъ временъ проходятъ одно за другимъ студенческія поколѣнія, какъ предъ какимъ-то незыблемымъ, вѣковѣчнымъ дубомъ,—я попалъ въ студенческую квартиру... Боже мой, какое неприглядное впечатлѣніе произвела на меня холостая студенческая обстановка! Оказалось, что мой товарищъ

пріютился вмѣстѣ съ какимъ-то медикомъ старшихъ курсовъ—типическимъ представителемъ дореформеннаго студенчества. Двѣ кровати со скомканными одѣялами, съ грязноватыми подушками, кое-какъ брошенными, на окнѣ пустыя бутылки и огарокъ въ засаленномъ подсвѣчникѣ, на столѣ разсыпанный табакъ, разбросанныя гильзы и необходимая принадлежность обстановки медика-студента—человѣческій черепъ, на полу соръ, на стульяхъ и на полкахъ въ безпорядкѣ разбросанныя книги и тетради, духота, тѣснота, и среди всего этого фигура «студента» съ длинными волосами, въ одномъ бѣльѣ и въ халатѣ—вотъ въ какомъ видѣ предстало передо-мной въ первый разъ студенчество, въ лицѣ одного изъ своихъ представителей.

Передавъ посылку товарищу, который въ этой новой обстановкѣ, и уже съ синимъ воротникомъ вмѣсто краснаго, тоже показался мнѣ какимъ-то чужимъ, я почувствовалъ сильнѣйшее желаніе поскорѣе бѣжать прочь и сидѣлъ, какъ на угольяхъ.—Кури, братъ, вонъ на столѣ табакъ, подчивалъ товарищъ съ какимъ-то новымъ непривычно-развязнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ и манерѣ;—кури: здѣсь никто не запрещаетъ. Теперь—шабашъ! Отошла лафа нашему Егоркѣ!» (подъ именемъ «Егорки» у насъ въ гимназіи былъ извѣстенъ инспекторъ, вѣчно, какъ водится, воевавшій съ съ нами изъ-за куренья).—Разговоръ не клеился и мой инстинктъ уже шепталъ мнѣ на ухо: «отнынѣ вы больше не товарищи съ этимъ новоиспеченнымъ медикомъ», съ которымъ, бывало, столько счастливыхъ часовъ проводили вмѣстѣ, то готовясь вмѣстѣ къ экзамену, то играя вмѣстѣ въ «чушки» или въ шашки, до которыхъ онъ, въ качествѣ сына лавочника, имѣлъ такую охоту, съ которымъ, бывало, въ запуски бѣгали по праздникамъ къ архіерейской службѣ—слушать знаменитаго протодіакона и до слезъ захлебывались отъ восторга, когда въ концѣ евангелія онъ приводилъ въ нервный трепетъ всю соборную публику...

— Это лекціи? спросилъ я, увидавъ на столѣ литографированную тетрадь и намѣреваясь съ благоговѣніемъ заглянуть въ нее, какъ въ источникъ самой мудрости.

— Нѣтъ, братъ, это такая штука,— почище лекціи будетъ: это—Бюхнеръ: «Матерія и Сила». Слыхалъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Это что-же такое?—

А вотъ заходи какъ-нибудь другой разъ—я тебѣ дамъ почитать, такъ самъ увидишь.

И въ короткихъ словахъ онъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Старый студентъ съ длинными волосами, оторвавшись отъ книги, которую читалъ все время, искоса посмотрѣлъ на меня своими пронзительными и, казалось, насмѣшливыми глазами. Мнѣ стало какъ-то неловко и даже страшно; я поспѣшилъ уйдти и уже не бывалъ больше у этого товарища.

— Ты читалъ,—спросилъ я брата, только-что возвратясь изъ этой экспедиціи въ «студенческую» квартиру;—ты читалъ Бюхнера: «Матерія и Сила»?

— Нѣтъ; но я знаю,—отвѣчалъ онъ, и не совѣтывалъ-бы тебѣ читать. Не сладишь ты съ этимъ. Только напрасно это совѣтывать,—не послушаешь.

Я однакоже былъ вполнѣ расположенъ послушать.

Въ тотъ-же день мы искали квартиру и я очень затруднялъ брата условіемъ найдти мнѣ такую, гдѣ-бы по крайней мѣрѣ въ посты, если уже не по средамъ и пятницамъ, не заставляли есть скоромную пищу. Братъ улыбался на это, но, твердо держась своего любимаго педагогическаго принципа—невмѣшательства въ дѣло развитія, усердно искалъ, чего нельзя было найдти при тѣхъ средствахъ, какія имѣлись для моего содержанія въ Казани. Въ забулачной части города, въ купеческихъ домахъ—намъ рѣшительно объявляли, что студента ни за какія деньги не возьмутъ на квартиру, потому что студенты—народъ безпокойный, а въ тѣхъ улицахъ, гдѣ обыкновенно живутъ студенты, въ такъ-называемыхъ студенческихъ скитахъ—я не соглашался жить ни за какія блага въ мірѣ «изъ того же самаго страха студентовъ», которымъ объяты были мирные домовладѣльцы Забулачья, Вознесенской улицы и другихъ старо-купеческихъ гнѣздъ въ Казани. Дѣло кончилось тѣмъ, что я попалъ въ качествѣ домашняго учителя въ семейство какого-то комиссаріатскаго чиновника, откуда впрочемъ вскорѣ долженъ былъ удалиться, такъ-какъ гимназія дала мнѣ только аттестатъ, исполненный «от-

личныхъ и хорошихъ» отмѣтокъ, но не оставила въ моей головѣ даже на столько познаній, чтобы я могъ уроками заработывать себѣ хлѣбъ; мнѣ приходилось репетировать уроки съ гимназистомъ—не помню 2-го или 3-го класса, а я на каждомъ шагу оказывался чуть ли не слабѣе своего ученика и въ познаніяхъ, и даже въ соображеніи,—тамъ, гдѣ касалось дѣло ариѳметическихъ задачъ. Въ такихъ обстоятельствахъ—мое положеніе, какъ учителя, становилось совершенно невыносимо и я вырвался съ этой первой своей квартиры въ Казани, какъ узникъ изъ тюрьмы. Впрочемъ и безъ этихъ обстоятельствъ трудно было-бы вынести ту отвратительную обстановку, въ которую я попалъ: грязь, безпорядокъ, грубость и, что всего хуже, невозможность уединиться, въ то время, какъ уединеніе было необходимѣе самой пищи. Съ отъѣздомъ брата я остался одинъ, какъ перстъ, въ чужомъ городѣ и меня взяла невыразимая тоска. Напрасно я силился читать ужъ не серьезныя статьи, какъ я разсчитывалъ сначала, а хотя-бы и романы: ничто меня не занимало, самыя книги казались мнѣ отвратительны, какъ и все окружающее. Видъ незнакомыхъ улицъ, плачевно-пискливое выкрикиванье торговокъ, разносившихъ яблоки, монотонный крикъ водовоза: „воды кабанной, воды!“—все это дѣйствовало болѣзненно, раздражительно на мои нервы и едва я оставался одинъ въ комнатѣ—слезы начинали градомъ катиться изъ моихъ глазъ. Въ этихъ слезахъ я находилъ единственное утѣшеніе и облегченіе давившей меня тоски. Забывая, какъ я рвался ѣхать въ Казань, какъ горячо желалъ поступить въ университетъ, я, заливаясь горькими слезами, посылалъ тысячи упрековъ всѣмъ вообще и никому въ частности: „всѣ меня забыли, — мысленно причиталъ я, уткнувшись лицомъ въ подушку,—оставили меня одного, никто обо мнѣ не вспомнитъ, никто меня не пожалѣетъ.» И чѣмъ больше я причиталъ, тѣмъ обильнѣе текли слезы. Въ такомъ-то дѣтски-плачевномъ настроеніи, проходя разъ по улицѣ, вижу я впереди себя какую-то женскую фигуру, всматриваюсь и—о, восторгъ!—оказывается, что это моя нянька. Я бросился догонять ее, бѣгу и думаю: „да, да, это она. Сердце подсказало ей, какъ мнѣ здѣсь горько, тяжко—и она пріѣхала... не вытерпѣла! И вотъ ищетъ теперь меня по городу, можетъ быть уже съ утра, бѣдная, ищетъ...“

Но какое разочарованіе!—Догнавши воображаемую няньку, я увидалъ какую-то совсѣмъ незнакомую женщину.

Не знаю, чѣмъ-бы все это кончилось, такъ-какъ сойдти съ ненавистной квартиры у меня самого не хватило-бы смѣлости, но на выручку мнѣ явился человѣкъ, имѣвшій впослѣдствіи большое вліяніе на мое развитіе и оставившій по себѣ воспоминаніе, какъ о добромъ геніѣ. Это былъ одинъ академикъ (т. е. студентъ или въ то время уже кандидатъ духовной академіи), съ которымъ я успѣлъ познакомиться еще въ то время, пока братъ мой — тоже бывшій воспитанникъ казанской академіи,—оставался еще со мной въ Казани. Эту личность—назову ее Александромъ Васильевичемъ—стоило-бы описать живыми красками и я очень сожалѣю на сей разъ, что не имѣю къ тому надлежащихъ талантовъ. Бываютъ на свѣтѣ люди — я впрочемъ уже давно теперь ихъ не встрѣчаю,— къ которымъ особенно идетъ названіе «симпатичный»; къ числу ихъ принадлежалъ и мой добрый геній. Это былъ человѣкъ высокаго роста, стройный, съ правильными чертами лица, онъ какъ-то гордо держалъ голову на плечахъ, какъ носятъ ее наши quasi-«аристократы», что, вмѣстѣ съ энергичнымъ взглядомъ пронизательныхъ сѣрыхъ глазъ, придавало ему смѣлый, почти вызывающій видъ; онъ говорилъ громко, сильно жестикулируя руками, и имѣлъ завидную способность одушевляться самъ и одушевлять другихъ. Его вполнѣ можно было назвать серьезнымъ человѣкомъ— въ томъ смыслѣ, что пустыя и глупыя шутки были не въ его характерѣ, но въ тоже время онъ обладалъ замѣчательно веселой натурой: кажется всѣ пріятныя ощущенія выражались у него болѣе или менѣе сильнымъ смѣхомъ, обличавшимъ добродушіе и привѣтливость. Люди, побывавшіе въ рукахъ школьной дисциплины и продолжительныхъ книжныхъ занятій, очень рѣдко сохраняютъ этотъ искренній, свѣжій смѣхъ, свидѣтельствующій о бодрости духа,—за исключеніемъ развѣ глубцовъ и мѣднолобыхъ, веселость которыхъ, впрочемъ, всегда очень скоро обличаетъ свой источникъ.

Если можно такъ выразиться, культъ Александра Васильевича былъ построенъ на обожаніи «молодаго поколѣнія». Не знаю, каковъ изъ него вышелъ педагогъ на дѣлѣ, но по крайней мѣрѣ,

отправляясь въ Красноярскъ на свою родину (кажется, смотрителемъ училища), — Александръ Васильичъ уже заранѣе всей душой былъ привязанъ къ своимъ будущимъ воспитанникамъ и очень много мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ съ ними „возиться“. Въ ожиданіи-же этого онъ усердно „возился“ со мной: по нѣскольку разъ въ недѣли не лѣнился онъ шагать ко мнѣ въ городъ изъ академіи и нерѣдко лишь затѣмъ, чтобы, взявъ меня съ собой, отправиться куда-нибудь въ дальнюю прогулку, — въ Швейцарію или на Подсѣку, такъ-какъ въ началѣ, безъ особаго приглашенія, я стѣснялся приходить къ своему руководителю, боясь ему надоѣсть или помѣшать.

Здѣсь, подъ открытымъ небомъ, блиставшимъ яркой осенней синевой, на коврѣ изъ опавшихъ листьевъ, расположившись гдѣ нибудь на краю живописнаго оврага, Александръ Васильевичъ неустанно просвѣщалъ меня, жадно внимавшаго его одушевленной рѣчи. Въ то время естественно-историческое направленіе еще не было въ модѣ, да и по натурѣ своей Александръ Васильевичъ едва-ли бы чувствовалъ къ нему расположеніе, также какъ и я,— по этому предметомъ нашихъ бесѣдъ или, лучше сказать, экспромтуированныхъ лекцій Александра Васильича были преимущественно вопросы нравственно-религіозные, философія и исторія. Для меня все было ново и потому все было полно живаго интереса. Но что особенно было для меня дорого—это та поддержка, которую я почерпалъ въ рѣчахъ своего наставника въ отношеніи своихъ религіозныхъ вѣрованій, осуждаемыхъ со всѣхъ сторонъ обступившимъ меня духомъ скептицизма по мѣрѣ сближенія съ студенческой средой, и не находившихъ себѣ никакой опоры ни въ томъ, что читалось намъ въ университетѣ подъ именемъ богословія, ни въ силахъ собственнаго дѣтски-безсильнаго ума. Между тѣмъ я не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые сбрасываютъ прежнія убѣжденія съ такой-же легкостью, какъ изношенный сапогъ, и довольствуются, въ замѣну ихъ, нѣсколькими общими непродуманными положеніями модной философіи своего времени. Религіозные вопросы стояли для меня, вслѣдствіе этого, на первомъ планѣ, являлись источникомъ самыхъ жгучихъ мученій и нерѣдко

заставляли среди ночи вскакивать съ постели и по цѣлымъ часамъ проводить въ лихорадочной умственной работѣ, кончавшейся совершеннымъ упадкомъ силъ. Александръ Васильичъ былъ, можетъ быть, не столько горячимъ защитникомъ религіи, христіанства, сколько непримиримымъ врагомъ людей въ то время философіи матеріализма. Еслибъ онъ не былъ притомъ самымъ искреннимъ приверженцемъ принциповъ свободы, равенства и братства, для которыхъ лучшее выраженіе находилъ въ христіанствѣ, понимаемомъ въ духѣ евангелія, ему было-бы, разумѣется, трудно завоевать себѣ право голоса въ кружкахъ образованной молодежи, никогда не отличающихся у насъ духомъ терпимости; но онъ былъ свой въ этихъ кружкахъ потому, что искренность его сочувствія всему живому, его страстная любовь къ молодому поколѣнію— придавали его личности нравственный авторитетъ и дѣлали его симпатичнымъ. Онъ былъ неутомимъ въ спорахъ: бывали случаи, невѣроятные для такихъ стариковъ, какими сдѣлала насъ жизнь къ настоящему времени,—что зимнее утро, заглянувъ въ замерзшія окна нашей студенческой квартиры, заставало насъ еще въ спорахъ, начавшихся съ вечера. Разумѣется, въ этихъ диспутахъ я и другіе первокурсники почти не принимали фактическаго участія, но изображали изъ себя публику, съ горячимъ вниманіемъ слѣдившую за турниромъ главныхъ бойцовъ, изъ которыхъ одинъ былъ Александръ Васильичъ, а другой — воплощенная противуположность ему студентъ университета М—нъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей тогдашняго студенчества, на которомъ стоитъ нѣсколько остановиться.

Прежде чѣмъ это сдѣлать, я долженъ однако вернуться назадъ. И такъ, Александръ Васильичъ и въ отношеніи квартиры явился для меня геніемъ-спасителемъ. Объяснился за меня съ моими хозяевами, самъ забралъ мои вещи и устроилъ меня на квартирѣ у одной своей знакомой вдовы, Елисеевой, которая только-что пріѣхала въ Казань изъ Сибири, изъ Красноярска, съ троими дѣтьми: старшій,—воспитанникъ томской семинаріи,—пріѣхалъ поступать въ университетъ, и двое братьевъ его – въ гимназію. Горькая судьба постигла впослѣдствіи это семейство, перекочевавшее, благодаря отсутствію въ Сибири университета,

за 3000 верстъ на поиски высшаго образованія. Въ Красноярскѣ они имѣли свой домъ, держали корову, птицу домашнюю, жили хозяйственно, не зная нужды, отчасти благодаря захолустной дешевизнѣ, отчасти пособіямъ богатаго дѣдушки, который хотя и былъ очень скупъ, но все-же, при видѣ внучатъ, чувствовалъ иногда желаніе раскошелиться. Когда старшій сынъ, кончивъ курсъ въ семинаріи, задумалъ ѣхать въ университетъ, мать объявила, что она не въ силахъ съ нимъ разстаться на четыре года (а вѣдь за 3000 верстъ не поѣдешь домой на вакатъ), и не удивительно: незадолго передъ этимъ она схоронила мужа, теперь ей предстояло разставаться съ сыномъ и разставаться именно тогда, когда онъ только-что вернулся послѣ 6-ти лѣтней разлуки,—въ Красноярскѣ не было семинаріи и онъ учился въ Томскѣ. Оставалось одно: чтобы жизнь матери троихъ дѣтей не превращать въ безконечное томленіе разлукой то съ однимъ, то съ другимъ, то съ третьимъ сыномъ, рѣшено было ѣхать всѣмъ семействомъ въ Казань. Дѣдушка былъ противъ этого, грозилъ, что не поможетъ ни копѣйкой и — сдержалъ свое слово.

Пріѣхали, издержавшись страшно въ дорогѣ и оставивъ домъ въ Красноярскѣ на попеченіи какихъ-то знакомыхъ, не обезопасивъ себя контрактомъ. Пока оставались кой-какія деньжонки, уцѣлѣвшія отъ дороги, Елисеевымъ жилось въ Казани сносно, но деньги вышли, а завѣдующій домомъ ничего не высылаетъ. Отправляется письмо за письмомъ, письма идутъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, а въ результатѣ получаются нѣсколько рублей и огромные счета издержекъ яко-бы на ремонтъ. Между тѣмъ, за дѣтей нужно платить въ гимназію, жизнь дорога, стипендія старшаго сына ничтожна. Начались съ одной стороны займы, съ другой — уроки. Елисеевъ работалъ, какъ крестьянская лошадь, и содержалъ все семейство, но рѣшетомъ воды не наносишь. Долги наросли до того, что ему пришлось бросить университетъ и ѣхать къ какому-то помѣщику въ деревню—просвѣщать его дѣтокъ за хорошее жалованье. Между тѣмъ дѣти родной семьи, оставшись съ матерью, окончательно растерявшейся въ своей хозяйственной безурядицѣ, и не имѣя руководителя въ старшемъ братѣ—начали учиться хуже да хуже и кончилось тѣмъ, что самаго

младшаго исключили, а средній самъ вышелъ изъ 4 или 5 класса— все затѣмъ-же, чтобы добывать хлѣбъ уроками. Все какъ-то пошло врозь, — не знай учиться, не знай работать изъ-за куска. Мечты объ университетѣ, о свѣтлой будущности, которую онъ сулилъ всему семейству, если-бъ всѣ три сына успѣли пройдти университетскій курсъ, мечты—ради которыхъ такъ много было сдѣлано жертвъ,— разсыпáлись въ прахъ съ каждымъ днемъ и не было средствъ помочь горю. Не столько, вѣроятно, тяжелая работа, сколько это тяжелое разочарованіе доконали Елисеева въ три года: съ нимъ сдѣлалось чахотка и онъ умеръ въ клиникѣ. Къ ужасу матери, но безъ сомнѣнія «въ интересахъ науки», его трупъ изрѣзали въ анатомическомъ театрѣ, потомъ кое-какъ сшили, положили въ гробъ и спустили въ землю на казанскомъ кладбищѣ. Очень скоро вслѣдъ за сыномъ отправилась и мать на тотъ свѣтъ и ее спустили въ землю за 3000 верстъ отъ родины, но за то рядомъ съ любимымъ Сеней. Востроглазый Мишо,—меньшой членъ семейства, совсѣмъ смотался: началъ пить и, какъ слышно, даже воровать, и точно въ насмѣшку надъ своей родиной — одинъ изъ всего семейства возвратился въ Сибирь, не дожидаясь пока его сошлютъ туда по судебному приговору. Напротивъ, средній сынъ, изъ котораго вышелъ дѣльный малый, остался въ Россіи и гдѣ-то до сихъ поръ тянетъ служебную лямку. Такимъ-то образомъ, благодаря отсутствію въ Сибири университета, она лишается, вѣроятно, очень и очень многихъ своихъ интеллигентныхъ работниковъ.

Но возвращаюсь къ разсказу о своемъ студенчествѣ.

Пришло наконецъ время лекцій. Робкими шагами расхаживали новички по корридору, съ любопытствомъ заглядывая въ аудиторіи. Старичокъ—помощникъ инспектора, съ нѣмецкой чопорностью прохаживаясь по корридору, видимо искалъ предлога разговаривать съ новыми овцами своего стада и плѣнялъ насъ своимъ вѣжливымъ обращеніемъ. Первая лекція, которую я прослушалъ въ университетѣ, была по богословію, но о ней нечего сказать, такъ-какъ она не оставила никакого впечатлѣнія. Елисеевъ только сказалъ мнѣ послѣ: «да у насъ въ семинаріи лучше читали» — и больше объ этомъ предметѣ не было рѣчи. За то мы съ нетерпѣніемъ ждали,

когда начнетъ свои чтенія кто-нибудь изъ «настоящихъ» профессоровъ. Этотъ жребій выпалъ на долю профессора «энциклопедіи законовѣдѣнія», которую въ то время читалъ г. Н—овъ. Аудиторія была полна, всѣ ждали перваго слова съ замираніемъ сердца. Наконецъ, вотъ и профессоръ, молодой человѣкъ, съ тетрадкой въ рукѣ, входитъ на кафедру; довольнымъ взглядомъ обводитъ онъ свою аудиторію и хранитъ нѣсколько секундъ таинственное молчаніе.

Тишина усугубляется. Наконецъ, вотъ оно — торжественное привѣтствіе, котораго всѣ мы ждали, зная напередъ, что оно будетъ сказано, и все-таки желая услышать его собственными ушами; оно долетѣло до нашего слуха и пробѣжало по нервамъ, какъ электрическій токъ: «Милостивые государи!» началъ профессоръ, разставно произнося каждый слогъ и такимъ тономъ, какъ будто онъ самъ безконечно счастливъ, что можетъ преподнести намъ этотъ дорогой подарокъ. — «Милостивые государи!» Кто это говоритъ и кому говорятъ? Давно-ли инспекторъ ставилъ насъ на колѣни и кричалъ зычнымъ голосомъ: «свиньи! свиньи!» — и вдругъ мы сдѣлались «Милостивые государи!» Это-ли не счатье, это ли не восторгъ?!»

Впиваясь глазами въ профессора, ловя каждый взглядъ его, слѣдя за каждымъ движеніемъ, я просидѣлъ первый часъ на университетской скамейкѣ въ какомъ-то неизъяснимомъ блаженствѣ, но — увы! ничего, какъ есть ничего не понялъ.

Когда первый восторгъ прошелъ, это обстоятельство поразило меня, какъ открытіе очень грустное и убійственное для моего самолюбія. — «Вы все поняли на лекціи Н—ова?» рѣшился я спросить дома Елисеева. — «Понялъ, а что?» — А я ничего не понялъ, грустно проговорилъ я. Какъ-же я буду слушать лекціи? Я совсѣмъ не знаю этихъ словъ, насъ этому не учили. Ну что это такое: субъектъ, объектъ, конкретный, абстрактный, индивидуумъ, энциклопедія... а я ничего не понимаю. Объясните мнѣ, — вы въ семинаріи учились философіи.»

И вотъ началась для меня работа, то приводившая меня въ восторгъ, когда я что-нибудь себѣ усвоивалъ изъ усердныхъ объясненій Елисеева или Александра Васильича, то повергавшая въ отчаяніе,

когда мой умъ отказывался уловить какія нибудь тонкости научной терминологіи. Въ началѣ дѣло шло туго: цѣлый вечеръ, напримѣръ, пришлось посвятить на объясненіе мнѣ такихъ простыхъ понятій, какъ субъектъ и объектъ. Случалось, что въ нетерпѣливомъ желаніи какъ можно скорѣе постигнуть всю премудрость, я бралея не съ того конца и только напрасно себя мучилъ: разъ, напримѣръ, я засѣлъ за статью Лаврова о гегеліанской философіи, написанную самымъ отчаяннымъ гегеліанскимъ языкомъ, и льстилъ себя надеждою, что при помощи необыкновеннаго напряженія ума, читая 10 разъ одно и тоже, добьюсь до пониманія; но, разумѣется, напрасно. Тѣмъ не менѣе подобная гимнастика безъ сомнѣнія приносила свою пользу. И откуда взялась охота къ чтенію «серьезныхъ» книгъ и статей, за которое, бывало, я никакъ не могъ усадить себя. Надъ Бѣлинскимъ мы просиживали по цѣлымъ часамъ, увлекаясь преимущественно философской частью его сочиненій. Споры и препирательства были безконечные: за обѣдомъ, за чаемъ, на улицѣ мы толковали о «я» и «не-я», о «вещи въ себѣ» и т. п. Пониманія было мало, но желаніе понять страшное. Къ срединѣ зимы у насъ образовалось нѣчто вродѣ тѣснаго кружка изъ трехъ — четырехъ первокурсниковъ, и мы задумали — легко сказать! — прочитать Фихте на нѣмецкомъ языкѣ. Разумѣется, далѣе первой страницы дѣло не пошло, такъ какъ нѣмецкимъ языкомъ мы владѣли не болѣе того, сколько требуется, чтобы перевести, при помощи лексикона, легонькую статейку изъ христоматіи. Но философія мало по малу отходила у насъ на второй планъ, и вмѣсто того мы скоро увлеклись политической экономіей, благодаря только-что появившемуся въ то время переводу Милля и благодаря возобладавшему въ нашемъ кружкѣ вліянію студента М—ина, о которомъ я уже поминалъ выше, какъ о противникѣ Александра Васильича. Я познакомился съ нимъ на первыхъ же лекціяхъ. Кто-то изъ товарищей указалъ мнѣ на него издали и шепнулъ многозначительно: «Видите, вонъ этотъ, бирюкомъ-то сидитъ, — изъ Сибири, батюшка, пѣшкомъ пришелъ.... Столоначальникомъ гдѣ-то былъ, въ полиціи, кажется, а здѣсь на

пріемномъ экзаменѣ такъ отвѣчалъ, что всѣ профессора только рты розинули! Онъ вашего-же факультета, филологъ».

Этотъ разсказъ чрезвычайно заинтересовалъ меня, заинтересовала и самая внѣшность сибирскаго выходца. Высокаго роста, сутулый, рыжеватый, лѣтъ 30 на видъ, онъ рѣзко отличался отъ окружавшей его толпы юнцовъ, съ розовыми щеками, съ физіономіями еще не утратившими слѣдовъ самой первой юности. Но всего больше бросался въ глаза его огромный лобъ, напоминавшій своей выразительностью скульптурную работу смѣлой руки художника, задавшагося цѣлью изобразить философа. Самаго лица вы даже, какъ будто, не замѣчали: узенькіе глаза на немъ точно прятались подъ густыми бровями, приподнятыми у наружныхъ краевъ, какъ у китайца, и смотрѣли въ землю; прочія черты лица пошевелились, и вся массивная, сутулая фигура этого человѣка, какъ будто, желала смиренно укрыться отъ постороннихъ взоровъ, но великолѣпный лобъ тѣмъ рѣшительнѣе выступалъ на видъ и привлекалъ на нее невольное вниманіе. Этотъ „новичекъ“ рѣшительно ни съ кѣмъ не заговаривалъ и держался совершенно особнякомъ, не то изъ дикости, не то желая показать, что онъ ни въ комъ не нуждается. Разъ между лекціями я нашелъ его одиноко сидѣвшимъ на окнѣ въ отдаленномъ углу корридора, куда не заходила толпа студентовъ. Выставивъ свой скульптурный лобъ, согнувшись и опустивъ глаза въ землю, онъ сидѣлъ недвижимъ, какъ статуя. Его смиренная фигура внушила мнѣ смѣлость подойдти и заговорить.

— «Вы, я слышалъ, пѣшкомъ изъ Сибири пришли?» спросилъ я, прямо приступая къ дѣлу.

Онъ мелькомъ взглянулъ на меня, улыбнулся, даже немного покраснѣлъ, какъ конфузливая дѣвушка, и проговорилъ очень мягкимъ, негармонировавшимъ съ его наружностью, голосомъ: «Нѣтъ, пріѣхалъ.» Я не зналъ, какъ продолжать разговоръ, М—нъ молчалъ. Но, должно быть, въ краткій періодъ этого молчанія совершился одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ процессовъ, которые на старинномъ языкѣ назывались «симпатіей душъ.» Ни одинъ изъ товарищей не понравился мнѣ настолько, какъ этотъ, годившійся мнѣ въ отцы.

очемъ я уже говорилъ, что природный инстинктъ всегда подска-алъ мнѣ на кого положиться.

— «Я желалъ-бы съ вами познакомиться» предложилъ я, про-увши руку. — «Очень пріятно, отвѣчалъ М—нъ, и прибавилъ часъ-же: я вотъ домой хочу идти, неугодно-ли со мной.... чайку ьемъ.» — А какъ-же лекціи? — «Какія еще лекціи?» — Лекторъ ецкаго языка сейчасъ придетъ.— «Ну, Богъ съ нимъ! нечего у о дѣлать.»

Ему дѣйствительно было нечего дѣлать, такъ какъ М—нъ вла-ъ нѣмецкимъ языкомъ лучше насъ всѣхъ.

Дорогой онъ спросилъ меня, почему я до сихъ поръ съ крас-мъ воротникомъ—(у него былъ синій, студенческій) и какъ-то слову похвалился, что онъ самъ пришилъ себѣ синій воротникъ: пилъ синяго сукна да пуговицъ и передѣлалъ свой вицъ-мундиръ студенческую форму.» Квартира М—на оказалась за перегород-: у какого-то татарина, имѣвшаго двухъ женъ, которыя въ то мя, какъ мы проходили черезъ кухню, усердно стряпали салму и мко перекрикивались по татарски. Комната М—на вполнѣ отвѣ-а моему идеалу студенческаго жилища: въ ней было необыкно-но чисто, и вслѣдствіе этого, не смотря на крайнюю бѣдноту тановки, почти уютно. На деревянной тесовой кровати лежалъ локъ вмѣсто матраса, одна подушка и ситцевое одѣяло; затѣмъ ъ столъ, стулъ и конторка, въ углу чемоданъ. Книги были въ ядкѣ, на конторкѣ я замѣтилъ листы исписанной бумаги.

— Вы что это пишете? спросилъ я.

— Да вотъ думаю курсовое сочиненіе подать, или — какъ ъ ихъ называютъ съ университетѣ: «на тему» что-ли, или «на аль»?

Услыхавъ это, и, еще болѣе, узнавши, что тема задана какая-то реная, которую я и по названію не совсѣмъ ясно понялъ, какой-„сравнительный взглядъ на развитіе“ — ужь не помню чего, — я исполнился благоговѣнія къ высокой учености своего новаго то-рища, который ктому-же говорилъ о сочиненіи на медаль такимъ юмъ, какъ будто дѣло шло о самой обыкновенной вещи, точно

онъ уже десять разъ писалъ, и полонъ ящикъ накопилъ себѣ разныхъ медалей за сочиненія.

— Да на что вамъ медаль? спросилъ я.

— „Извѣстно начто, отвѣчалъ М—нъ,—продамъ, мнѣ тутъ на нѣсколько мѣсяцевъ станетъ.“

За чаемъ зашелъ разговоръ о переводѣ политической экономіи Милля и о Шлоссерѣ,—это были въ то время, въ 1860, двѣ—еще единственныя—переводныя книги, читавшіяся съ увлеченіемъ серьезными читателями школы „Современника“, или—можно прибавить—игравшія ту же роль въ русской печати, какую послѣ нихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ пріобрѣтали: Бокль, Льюисъ, Дреперъ, Дарвинъ, Спенсеръ, Марксъ и наконецъ въ наше время, вѣроятно, имѣла бы „Позитивная философія“ О. Конта, еслибы была переведена на русскій—и которую — кстати замѣчу—уже Богъ знаетъ съ чьего голоса и по чьему указанію, мы, студенты 1-го курса, еще въ 1860 году пробовали брать изъ университетской библіотеки и, разумѣется, тотчасъ же возвратили—по той же причинѣ, какъ и сочиненія Фихте, т. е. убоявшись премудрости языка. Видя, что я ничего еще не читалъ, но горю желаніемъ все знать и представляю очень благодарную почву для каждаго просвѣтителя,—а въ шестидесятыхъ годахъ охота „просвѣщать“ была у всѣхъ „просвѣтившихся“ страшная—М—нъ сразу долженъ былъ войдти въ роль моего руководителя, и такимъ образомъ я очень скоро попалъ межъ двухъ огней: съ одной стороны меня «развивалъ» представитель, если можно такъ выразиться, трансцедентальнаго идеализма—Александръ Васильичъ, съ другой представитель реалистическаго идеализма начала шестидесятыхъ годовъ,—М—нъ, которые, впрочемъ, оба, сходились въ томъ отношеніи, что тотъ и другой были яркими и—каждый по своему—страстными выразителями начавшагося въ то время умственнаго движенія. Одного—настигло это движеніе въ замкнутыхъ стѣнахъ Академіи, другаго—въ канцеляріи Енисейскаго губернатора, и въ то время какъ одинъ, кончивъ курсъ Академіи, возвращался въ Красноярскъ, другой только-что пріѣхалъ оттуда искать высшаго образованія въ университетѣ. Читатель, можетъ быть, замѣтилъ, что уже [illegible] первыхъ моихъ студенческихъ знакомыхъ въ Казани—

ивляется сибирякомъ изъ Красноярска; совпаденіе, дѣйствительно, нѣсколько странное, и я воспользуюсь этимъ случаемъ, что-бы еще разъ напомнить читателю, что мой разсказъ держится на той почвѣ дѣйствительности безъ прикрасъ, которая только и можетъ придать ему значеніе «матеріала»; моя цѣль — какъ умѣю—записать все что помню изъ временъ моего студенчества; еслибы мой примѣръ нашелъ подражателей, и подобныхъ матеріаловъ набралось бы значительное количество, можетъ быть—и при всей своей литературной неказистости, они составили бы довольно полную картину эпохи начала шестидесятыхъ годовъ въ Казанскомъ университетѣ. Вѣдь неизвѣстно еще, явится ли когда нибудь изъ студентовъ того времени настолько талантливый писатель, что-бы описать это время художественно, описать такъ, чтобы оно возстало изъ мрака забвенія, какъ живая картина жизни; и, можетъ быть, слишкомъ долго было бы дожидаться этого времени, когда откроется возможность представить лѣтопись болѣе полную, не скрадывающую именно тѣхъ подробностей, въ которыхъ собственно и сосредоточенъ главный интересъ.

Итакъ, продолжаю. При ближайшемъ знакомствѣ съ М—инымъ я узналъ слѣдующія подробности изъ его біографіи: Онъ былъ бурсакъ — симбирской семинаріи; почему-то онъ не пошолъ „по духовной части“ — и по окончаніи курса началась для него эпоха скитаній изъ одного присутственнаго мѣста въ другое, въ качествѣ «канцелярскаго служителя.» Не везло М — ну и по этой дорогѣ, и хотя онъ дослужился до чина, но представлялъ изъ себя тотъ типъ приказнаго пролетарія, въ которомъ можно подмѣтить въ своемъ родѣ протестъ противъ даннаго склада жизни: онъ не имѣлъ, да и не стремился имѣть репутацію служаки, неморожилъ службой, не прилѣплялся, вообще, къ тлѣннымъ сокровищамъ міра сего, жилъ «легкомысленно,» не имѣлъ иногда и постояннаго жилища: день проводилъ въ канцеляріи, ночь спалъ на ея столахъ, подложивъ подъ голову какое нибудь «Дѣло о подкинутіи крестьянкою села Покровскаго Ардатовскаго уѣзда, Больпокровской волости, младенца мужеска пола, за № 2387». Въ праздники онъ находилъ себѣ развлеченіе въ томъ, что ѣздилъ въ гости къ безконечному количеству своихъ родственниковъ—

сельскихъ поповъ, дьяконовъ и причетниковъ, и безъ сомнѣнія вездѣ былъ bien-venu за свое необыкновенное остроуміе и вообще весь свой нравъ, составлявшій пріятный контрастъ съ заурядностью до тошноты надоѣвшей захолустной жизни.

— «Гостилъ я разъ на Рождествѣ у одного благочиннаго, недалеко отъ Симбирска,—разсказывалъ мнѣ М—инъ. Все какъ слѣдуетъ: гостей много, народъ все почтенный, и я съ ними; пообѣдали и выпили изрядно. Скука меня взяла страшная, и досада какая-то. Такъ бы взялъ да и сдѣлалъ какой-нибудь скандалъ хозяину. Вотъ только, онъ послѣ обѣда и говоритъ: «а теперь, говоритъ, отцы и братія, не хотите ли, я вамъ покажу—какого я жеребца выкормилъ,—заглядѣнье!» Повелъ всѣхъ на крыльцо показывать жеребца. Вывелъ его работникъ, гости стоятъ и похваливаютъ, а сойдти боятся. Жеребецъ такъ и пляшетъ, удила грызетъ, глазами съѣсть хочетъ. Взяло меня зло. — «Благословите, говорю, отецъ благочинный, я этого жеребца повалить хочу.»— Хохочутъ гости; вотъ, говорятъ, какой Раппо проявился. А у меня въ головѣ шумѣло, ну, да и дѣйствительно—силенъ я былъ. Дай, думаю, попробую, что выйдетъ. Разбѣжался я со всей лѣсницы и что было моей силы хвать жеребца плечомъ прямо въ бокъ... Ну, онъ и полетѣлъ... Сердился на меня благочинный.»

Наконецъ, надоѣло М—ину жить въ Симбирскѣ, захотѣлось какой-нибудь перемѣны, а какая въ то время могла быть перемѣна? И въ наше время, какъ запрягся человѣкъ гдѣ нибудь въ въ глухой провинціи въ служебную лямку—такъ и знай, что до конца жизни ничего другаго не будетъ: всталъ, чаю напился—на службу; пришелъ, пообѣдалъ—спать; вечеромъ—карты; и такъ втеченіи 100,000 дней, пока дослужится человѣкъ до пенсіи и передастъ этотъ капиталъ семейству, самъ уходя на покой—ad patres. Трудно повѣрить до какой степени эта полужизнь убиваетъ въ человѣкѣ всѣ задатки его соціальной природы. Знаю я ее близко—эту службу! Самъ служилъ. Вотъ напр. передъ вами провинціальный чиновникъ—молодой человѣкъ; тоже учился кой чему, можетъ быть, стремился къ чему нибудь въ свое время болѣе возвышенному, чѣмъ повышеніе въ должности. Наружность благообразная, «ин-

теллигенцію» напоминаетъ, а спросите его: «ну, что, нѣтъ-ли чего новаго изъ Герцеговины?» — того и гляди, услышите въ отвѣтъ: «а это что за Герцоговиня такая?» — Да какъ же, ну, знаете — тамъ... съ Турками-то воюютъ» — «А—а! воюютъ... Ахъ, канальство, а я и неслыхалъ... Да! я васъ хотѣлъ спросить: не помните ли вы—въ которомъ году былъ изданъ циркуляръ»... И пошла писать. Такъ вотъ она, служба-то, что значитъ...

Отъ этой-то службы и захотѣлось М—ну куда нибудь бѣжать. Но куда бѣжишь? Бѣжать некуда, а можно только «перемѣнить мѣсто служенія». Въ то время, какъ разъ, нарочито вызывали чиновниковъ на службу въ Сибирь. — «Двойные прогоны, не въ зачетъ годовое жалованье отчего не взять, коли даютъ» подумалъ М-инъ и очутился въ канцеляріи енисейскаго губернатора. Между тѣмъ началась и кончилась Крымскае война. Казалось бы, что за связь между этимъ событіемъ и личной судьбой какого-то столначальника, мирно сидящаго въ канцеляріи гражданскаго вѣдомства, отстоящей слишкомъ на 5000 верстъ отъ мѣста военныхъ событій? — И однакожь, небудь этихъ событій, сидѣлъ бы столначальникъ въ своей канцеляріи и не задумалъ-бы промѣнять службу на университетскую скамейку.

— «И у насъ тоже, разсказывалъ М—инъ, ходили по рукамъ разныя сочиненія, получался «Современникъ,» были замѣчены въ немъ статьи Добролюбова и другихъ авторовъ. Сталъ я читать... Ну, знаете—и бреніемъ помазанныя очи слѣпаго отверзлись, когда коснулась ихъ рука Истины; а тутъ далеко не бреніе было. Долго не думая, рѣшилъ я идти въ университетъ. Началъ готовиться, за языки принялся,—латинскій-то я зналъ порядочно, а за новые. Наконецъ, вижу, что могу; сказалъ въ канцеляріи, что молъ такъ и такъ: оставляю службу. Донесли губернатору, — сочувственно отнесся. Желаю, говоритъ, вамъ успѣха и радуюсь, но какъ-же вы, на какія средства? — Пѣшкомъ, говорю, я привыкъ, хаживалъ... Покачалъ головой и далъ отставку. Совсѣмъ уже было собрался,—и намѣреніе у меня было въ Петербургъ, — совсѣмъ бы уходить. Вдругъ за мной присылаетъ губернаторъ; у

него гость, золотопромышленникъ. — «Вотъ, говоритъ, г. В*) везетъ въ Петербургъ своего сына и былъ такъ добръ, что, по моей просьбѣ, предлагаетъ вамъ ѣхать съ нимъ въ качествѣ гувернера»... Я согласился. Ничего - себѣ этотъ баринъ, — либералъ на словахъ и спорить охотникъ страшный. Всю дорогу мы препирались. Не стоило-бы, да ужь такъ, отъ скуки — рѣзалъ я его здорово... Онъ необижался, какъ подобаетъ истинному джентльмену. Только вотъ подъ Казанью, на пароходѣ у насъ вышло маленькое недоразумѣніе. Мальчишка его, сынъ, то есть, — ну, барченокъ глупый, разумѣется, а все таки нельзя же ему позволить,— за обѣдомъ замѣчаніе мнѣ сдѣлалъ дерзкое; я его легонько за уши и выдралъ при всей честной компаніи... Другаго возраженія онъ бы вѣдь не понялъ. Понятно, послѣ этаго я ужь не захотѣлъ пользоваться... Въ Казани и остался. Съ отцомъ-то мы, впрочемъ, друзьями разстались, онъ все убѣждалъ меня ѣхать съ нимъ въ Петербургъ».

Дѣйствительно, не прошло полгода, «Гымале»—умѣвшій, какъ видно, разобрать, что за человѣкъ М—инъ, прислалъ ему письмо, въ которомъ убѣждалъ его ѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ обѣщалъ ему постоянное сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ», на жалованьи у г. Краевскаго. Хотя тогдашнимъ «Отечественнымъ Запискамъ» М—инъ не симпатизировалъ, однако предложеніе показалось ему искусительнымъ, такъ какъ въ Казани ему почти нечего было дѣлать: нашъ историко-филологическій факультетъ въ то время былъ очень бѣденъ профессорами. Наконецъ, въ то время, — свѣтъ, во всѣхъ отношеніяхъ, полными лучами изливался на всѣ концы Россіи изъ Петербурга, который вслѣдствіе этого и имѣлъ въ себѣ нѣчто невыразимо обаятельное для провинціала, тянулъ его къ себѣ съ неодолимой силой.

Такимъ образомъ М—инъ уѣхалъ въ Петербургъ, сопровождаемый нашими сожалѣніями и въ тоже время самыми искренними пожеланіями ему «успѣха» на литературномъ поприщѣ.

*) Въ шестидесятыхъ годахъ этотъ господинъ подвизался на поприщѣ петербургской журналистики подъ псевдонимомъ «Гымале», подъ покровительствомъ г. Краевскаго.

— «Счастливецъ! думали мы, — ѣдетъ въ Петербургъ, и не просто въ Петербургъ, а въ самый центръ того литературнаго Олимпа, который намъ отсюда представляется такимъ недостижимымъ и божественно-прекраснымъ».

Черезъ мѣсяцъ мы получили письмо отъ М—ина, наполовину написанное стихами вродѣ тѣхъ, какіе тогда были пущены въ моду «Искрой», и исполненное ѣдкихъ сарказмовъ. Онъ описывалъ свое положеніе въ редакціи «Отеч. Записокъ», съ неподражаемымъ юморомъ, и заканчивалъ словами: «посмотрю еще съ мѣсяцъ, а то такъ брошу все и уѣду». Онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что г. Краевскій, доставивъ ему у себя въ домѣ квартиру съ готовымъ содержаніемъ и положивъ сверхъ того какое-то жалованье—недавалъ ему никакого дѣла. Правда, по его порученію, М—инъ приводилъ въ порядокъ библіотеку редакціи, но ему казалось, что это занятіе, такъ сказать, нарочно придумано, чтобы дать ему дѣло, и вслѣдствіе этого М—ину казалось, что его положеніе въ редакціи похоже на положеніе приживалки, имѣющей завидную протекцію.

Еслибъ г. Краевскій зналъ, какой рѣзкій «свистокъ» роется въ его шкапахъ съ книгами — (а извѣстно, что въ то время г. Краевскій сильно былъ озабоченъ пріисканіемъ достаточно сильнаго остроуміемъ публициста, чтобы открыть въ своемъ журналѣ отдѣлъ «свистопляски»)—безъ сомнѣнія онъ съумѣлъ бы его съ большей пользой эксплуатировать; но г. Краевскій, какъ тоже извѣстно, не отличается способностью различать таланты въ массѣ бездарности.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вмѣсто втораго письма отъ М—ина, мы увидали его самого и не вѣрили своимъ глазамъ: «Какъ! Бросить Петербургъ, бросить литературные кружки, къ которымъ судьба такъ милостиво пристроила человѣка. — это невѣроятно»...

— У васъ вышло что нибудь, непріятности какія нибудь?

— Ничего подобнаго. Просто—насмотрѣлся вблизи какіе тамъ боги горшки-то обжигаютъ и стало тошно... Отрясъ прахъ отъ

— Опять въ университетъ?

— Нѣтъ, больше не пойду. Я заниматься хочу, учиться, учиться и учиться, а тутъ жить нечѣмъ, надо съ какими нибудь болванами время тратить на урокахъ. Я вполовину дѣла дѣлать не люблю. Либо учить, либо учиться. Буду учить.

И М—инъ, не смотря на наши убѣжденія, поступилъ уѣзднымъ учителемъ въ одинъ изъ самыхъ захолустныхъ уѣздныхъ городовъ Симбирской губерніи.

Возвращаюсь къ университету. 1860 годъ былъ годомъ реформъ и въ нашемъ университетѣ, настолько измѣнившихъ его внутренній бытъ, что, какъ ни было близко прошлое, нашъ курсъ уже не нашелъ почти и слѣда его. Товарищи старшихъ курсовъ разсказывали намъ о томъ, какъ еще недавно начальство строго смотрѣло, чтобы студенты ходили въ формѣ, застегивались на всѣ пуговицы, отдавали честь на улицѣ каждому проходящему профессору, но ничего этого мы уже не застали. Застали только, какъ остатки отжившей старины, нѣкоторыя студенческія пѣсни, вродѣ слѣдующей:

Инспектору Лянге
Дѣлаетъ то честь,
Что онъ ходитъ къ Станге *)
Смотритъ кто тамъ есть, и т. д.

Но ни самого инспектора Лянге, ни обычая посѣщать Станге—при насъ уже не было, и о гомерическихъ кутежахъ ходили только преданія. Студенческая форма тоже была отмѣнена въ 1860; мѣра эта была встрѣчена общимъ сочувствіемъ со стороны старыхъ студентовъ, но молодежь, новички, хотя по принципу и одобряли „гражданскій“ сюртукъ, однако-же не могли удержаться отъ искушенія видѣть себя съ синимъ воротникомъ, символомъ студенчества, и понадѣлали себѣ вицъ-мундиры. Я видалъ даже нѣкоторыхъ барчатъ первокурсниковъ въ трехуголкѣ, со шпагой и въ новенькихъ, съ иголочки парадныхъ мундирахъ.—Ходили мы также смотрѣть карцеръ, помѣщавшійся въ самомъ дальнемъ углу корридора на антресоляхъ, и не мало дивились, что была когда-то возможность посадить „студента“ въ такое—дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ мерзкое помѣ-

*) Винторговецъ, погребокъ котораго посѣщали студенты.

щеніе. Представьте себѣ комнату шаговъ пять въ длину и столько же въ ширину, съ тяжолой дверью, высокую, безъ оконъ, вмѣсто которыхъ свѣтъ проникалъ сверху, черезъ крышу, въ высокую трубу со стеклами. Въ комнатѣ этой не было никакой мебели, а ея стѣны, съ оббитой штукатуркой, небѣленыя, безъ сомнѣнія, со временъ Магницкаго, наконецъ, грязь, пыль и паутина—придавали ей такой мрачный видъ, что морозъ пробѣгалъ по кожѣ при одной мысли о возможности просидѣть тутъ сутки—двои, питаясь водой и хлѣбомъ. Но старики-сторожа, показывавшіе намъ эту реликвію, не раздѣляли нашего отвращенія къ ней; напротивъ, они съ какимъ-то сожалѣніемъ о прошломъ разсказывали о томъ, какъ имъ доводилось водить сюда и сажать подъ замокъ прежнихъ студентовъ. „Что нынче за порядки, слышалось въ ихъ тонѣ — то-ли дѣло прежде бывало!“—А можетъ быть, впрочемъ, эти почтенные старцы еще доживутъ до того, что имъ опять придется водить студентовъ въ карцеръ; покрайнѣй мѣрѣ — польза этой мѣры не перестала еще быть *вопросомъ* въ наше время.

Въ томъ-же 1860 году, попечитель разрѣшилъ студентамъ имѣть свою „курительную“, и намъ были, подъ этимъ названіемъ, отведены въ нижнемъ корридорѣ (кажется, вторая и третья дверь на право) двѣ довольно обширныя комнаты, съ огромнымъ столомъ по серединѣ, и съ диванами по стѣнамъ. Эти комнаты было-бы правильнѣе назвать газетными, такъ какъ сюда собирались студенты,— не только днемъ, но и вечеромъ, — главнымъ образомъ для того, чтобы читать газеты и журналы, выписывавшіеся въ складчину. Они сразу сдѣлались любимымъ мѣстопребываніемъ всего студенчества, и многимъ бѣднякамъ были полезны еще въ томъ отношеніи, что здѣсь они находили по вечерамъ свѣтъ, тепло и спокойный диванъ, вмѣсто полутьмы, холода и сырости своихъ непріютныхъ угловъ. Впродолженіи дня, здѣсь въ густыхъ облакахъ дыма всегда толпились цѣлыя массы студентовъ, шли оживленные толки, иногда устраивались экспромтомъ диспуты, привлекавшіе общее вниманіе; здѣсь каждый чувствовалъ себя легко, свободно, лучше чѣмъ дома. Кто могъ истратить лишній гривенникъ, тотъ ко всѣмъ прочимъ удобствамъ могъ присоединить еще стаканъ кофе съ вкусными сухарями

и съ густыми сливками, отъ услужливаго буфетчика Григорія Ивановича, — вѣроятно не одной тысячи казанскихъ студентовъ памятнаго за свой веселый нравъ и широкій кредитъ, которымъ у него пользовались студенты. Кромѣ этой общей курительной или газетной, были еще студенческія факультетскія библіотеки: у филологовъ — своя, довольно обширная и обладавшая многими историческими сочиненіями; у медиковъ тоже довольно полная библіотека; у математиковъ — не знаю, насколько хороша, а у юристовъ — не помню, была-ли. Юристы въ то время еще не задавали тону въ университетѣ, но уже и тогда, въ 1860 г. можно было замѣтить, что наплывъ молодежи на этотъ факультетъ будетъ годъ отъ году больше: носились слухи о судѣ присяжныхъ, адвокатурѣ, и потому будущность юриста представлялась въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ, только не въ отношеніи матеріальныхъ разсчетовъ, какъ, можетъ быть, поймутъ эти слова нѣкоторые изъ современныхъ читателей; совсѣмъ не то; гласность, публичность, общественный характеръ и значеніе дѣятельности адвоката, рыцарская сторона адвокатуры — вотъ что дѣлало привлекательной мечту объ этомъ поприщѣ для тогдашней молодежи изъ студентовъ. Можетъ быть, были между нами и такіе, у которыхъ въ затаенныхъ мечтахъ носилось представленіе о „карьерѣ“, но это тщательно скрывалось; горе было бы тому товарищу, который бы рѣшился выставить на видъ свои не-идеальныя стремленія, — его покрыли-бы презрѣніемъ и насмѣшками.

Кромѣ помянутыхъ студенческихъ библіотекъ по факультетамъ, была еще одна, въ высшей степени интересная по принципу, положенному въ ея основаніе — областная, „Сибирская библіотека.“ Она была основана сибиряками студентами съ цѣлью сближенія ихъ между собою во имя интересовъ общей родины.

Все это погибло безъ слѣда... Уже въ 1867 году я не могъ найдти даже хоть остатковъ какихъ нибудь нашей филологической библіотеки, и тогдашніе студенты, по большей части, не знали о ея существованіи. Точно какой нибудь Тамерланъ прошелъ по Казани и истребилъ сокровища знанія, — съ тупымъ невѣжествомъ дикаго татарина. Послѣ долгихъ разспросовъ удалось мнѣ только

узнать, что одно время наша историко-филологическая библіотека сдана была на сохраненіе какому-то студенту, который за тѣснотою своей квартиры держалъ ее въ хозяйскомъ амбарѣ, а потомъ будто-бы уѣхалъ куда-то и оставилъ ее на произволъ судьбы. Здѣсь прерываются всякія свѣдѣнія о ней... А книгъ у насъ было покрайнѣй мѣрѣ тысячи на двѣ, и сколочены были эти тысячи по подпискѣ между нѣсколькими поколѣніями студентовъ. Вѣроятно, такова-же была судьба и прочихъ студенческихъ библіотекъ, къ стыду и позору... чьему, впрочемъ? Кто отвѣтитъ на этотъ вопросъ... Такъ какъ въ 1870 году были учреждены при университетѣ педагогическіе курсы для приготовленія учителей—спеціалистовъ, изъ окончившихъ курсъ студентовъ, то съ цѣлью доставить имъ необходимыя пособія была открыта, на казенный счетъ, спеціальная педагогическая библіотека, въ которую выписывалась масса педагогическихъ журналовъ, газетъ и листковъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Книгъ было также сразу пріобрѣтено весьма почтенное количество. Эта библіотека помѣщалась при канцеляріи попечителя и была также открыта для свободнаго входа всѣхъ студентовъ. Сюда, какъ въ мѣсто удаленное отъ шума и суеты, присущихъ студенческой „курительной“, уходилъ читать тотъ, кто желалъ заняться чтеніемъ серьезно, безъ помѣхи. Когда педагогическіе курсы были упразднены, эта библіотека подарена была Императорской первой гимназіи и съ этихъ поръ, повидимому, сдѣлалась сокровищемъ, зарытымъ въ землю. Носятся даже слухи, что, благодаря нерадивости какого-то библіотекаря, она тоже пришла въ самый жалкій видъ и частію растеряна. За достовѣрность не ручаюсь. Кстати сказать здѣсь, что уже одно существованіе этой спеціально-педагогической библіотеки, основанной правительствомъ не для однихъ учителей первой гимназіи, а вообще для развитія педагогическаго дѣла въ казанскомъ округѣ, указываетъ на необходимость открытія въ Казани „Педагогическаго Общества“ по образцу такого-же петербургскаго; въ вѣдѣніе этого общества, по всѣмъ правамъ, и должна бы перейти педагогическая библіотека, которая такимъ образомъ могла бы снова выйдти на пользу общую изъ архивнаго мрака своего существо-

ванія, была бы приведена въ порядокъ и лучшій видъ. Зачѣмъ зарывать таланты въ землю?...

Фундаментальной университетской и казенной студенческой библіотекой мы въ то время также безпрепятственно пользовались, доставая безъ труда, какъ я уже говорилъ, даже такія сочиненія какъ La philosophie positive Огюста Конта.

Наконецъ, въ городѣ были еще двѣ частныя библіотеки—какого-то Шогина, состоявшая изъ однихъ, кажется, старыхъ журналовъ, и Кунавина, перешедшая послѣ къ г. Шидловскому, а нынѣ составляющая собственность г-жи Шерстневой.

Изъ всего сказаннаго о внутреннемъ бытѣ тогдашняго студенчества отчасти уже видно, что въ немъ замѣтенъ былъ начинавшійся, по просвѣщенному почину начальства и при сочувственномъ покровительствѣ попечителя, князя Вяземскаго, поворотъ—отъ прежнихъ, такъ сказать, казенныхъ формъ корпораціи къ новому корпоративному быту, въ основу котораго ложился принципъ свободы отношеній и чувство братства между студентами. Въ началѣ—же 1860 года въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ чрезвычайно важный шагъ—учрежденіе студенческаго суда.

Однажды утромъ насъ собрали всѣхъ въ университетскую залу и здѣсь, тогдашній инспекторъ, проф. Янишевскій отъ имени попечителя объявилъ студентамъ, что имъ разрѣшено выбрать изъ среды себя 12 судей, подъ названіемъ «депутатовъ», которымъ ввѣрялось разбирательство разныхъ мелкихъ дѣлъ уголовнаго и гражданскаго характера, возникающихъ какъ между студентами внутри ихъ собственной среды, такъ и между студентами и посторонними лицами. Приговоры этого суда подлежали утвержденію инспектора и вывѣшивались въ курительной комнатѣ; мѣры взысканія, которыя онъ могъ налагать на студента, заключались: въ совершенномъ исключеніи изъ университета навсегда или на время, или вовременномъ удаленіи изъ студенческаго общества, состоявшемъ въ томъ, что виновному воспрещался входъ въ «курительную» комнату и участіе въ студенческой взаимно-вспомогательной кассѣ. Никто не можетъ сказать, что студенты не оправдали въ этомъ отношеніи оказаннаго имъ довѣрія. Напротивъ, въ судьи были выбраны самые лут

люди, отличавшіеся строгостью своихъ принциповъ и другими ствительными, несомнѣнными достоинствами, успѣвшими вну-ть къ нимъ особенное уваженіе со стороны товарищей. На-оеніе, какъ самихъ судей, такъ и массы студенчества, было ово, что уже одинъ страхъ общественнаго мнѣнія, требовав-о самыхъ строгихъ мѣръ за самый легкій проступокъ, если имѣлъ характеръ бросающаго тѣнь на достоинство *студента*, ъ представителя всѣхъ лучшихъ идей своего времени,—одинъ ъ страхъ дѣлалъ немыслимой прежнюю распущенность, плодъ ниженнаго состоянія не полноправности.—«Теперь пришелъ ецъ, говорили мы съ восторгомъ,—прежнимъ безобразіямъ! Бы-время, когда эти безобразія считались въ своемъ родѣ молодетвомъ,—этотъ допотопный взглядъ теперь невозможенъ.»—Мы нетерпѣніемъ ждали, когда представится случай новому суду пользоваться своими полномочіями. Случай не замедлилъ предвиться. Съ быстротой молніи разнеслась между студентами вѣсть, такого-то числа, вечеромъ, въ курительной комнатѣ будетъ исходить разбирательство по обвиненію одного студентами дру-ъ въ утайкѣ часовъ. Задолго до назначеннаго времени курильная комната была полна народомъ, какъ церковь въ пасхаль-о заутреню. На диванахъ, на окнахъ, даже на концѣ стола, ло котораго возсѣдалъ ареопагъ «двѣнадцати»—вездѣ были сту-ты плотной массой. Обвиняемый стоялъ въ страшномъ волне-, блѣдный; лицо его судорожно подергивалось. Слѣдствіе дли-ь нѣсколько часовъ; допросы производилъ депутатъ филологовъ, дентъ X—въ, самая популярная въ то время личность между дентами. Его лицо носило ясный отпечатокъ глубокаго созна-не только важности, но и тяжести положенія; видно было, что ь до глубины души озабоченъ—какъ-бы не увлечься ему въ ту другую сторону отъ самаго строгаго, самаго безпристрастнаго авосудія. Этотъ человѣкъ обладалъ, и теперь обладаетъ, дѣйствительно, такой тонко развитой въ нравственномъ отношеніи нату-й, что положеніе судьи, рѣшителя судьбы человѣка, на немъ жно отзываться съ болѣзненной тяжестью. Но эта-та особен-ть натуры, этотъ живой гуманизмъ, проникавшій все существо

Х—ва и разливавшій вокругъ него какую-то обаятельно—человѣчную атмосферу, наконецъ самая наружность его, носившая отпечатокъ постоянной умственной и сердечной работы, его тихій, имѣвшій въ себѣ что-то таинственное, голосъ, мягкій взглядъ его свѣтлыхъ голубыхъ глазъ,—все это выдѣляло его изъ толпы, привлекало къ нему симпатіи и внушало невольное уваженіе; прибавьте къ этому завидный даръ слова—и вы поймете, почему, бывало воцарялась мгновенная тишина въ шумномъ кружкѣ студентовъ, когда разносилась вѣсть, что Х—въ имѣетъ что-то сказать къ общему свѣдѣнію.

Первый опытъ суда кончился обвиненіемъ, и на другой день въ курительной комнатѣ было вывѣшено объявленіе, что обвиненный исключается изъ студенческаго общества на годъ. Было много голосовъ за совершенное исключеніе его изъ университета, но Х—въ явился его защитникомъ, и всѣ мы оцѣнили вскорѣ, послѣ перваго порыва неумолимости, что болѣе строгій приговоръ свидѣтельствовалъ—бы о нѣкоторомъ увлеченіи судей въ сторону отъ безпристрастія, подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній. Второй опытъ студенческаго суда происходилъ подъ предсѣдательствомъ инспектора, такъ какъ въ дѣлѣ было замѣшано постороннее лицо въ качествѣ обвинителя. Обвинялись какіе-то студенты въ томъ, что, желая ночью попасть въ погребокъ, выбили въ него двери. Среди студенческой массы у судейскаго стола на этотъ разъ стоялъ въ качествѣ обвинителя какой-то молодой и чрезвычайно ловкій прикащикъ. Ни мало не стѣсняясь особенностью своего положенія, онъ такъ и сыпалъ словами, вызывавшими по временамъ громкій смѣхъ, когда дѣло касалось какихъ нибудь курьезныхъ подробностей совершившагося буйства. Чѣмъ кончилось это дѣло—не помню. По третьему дѣлу, обвиняемый въ растратѣ денегъ собранныхъ отъ спектакля въ пользу студентовъ, представилъ такія доказательства своей невинности, что былъ оправданъ; и вѣра въ справедливость суда была такъ полна въ студенческомъ обществѣ, что оправдательнаго приговора было вполнѣ достаточно, что бы ни малѣйшей тѣни подозрѣнія не осталось на томъ, кого оправдали. Было кажется еще два—три случая

ебныхъ засѣданій, но у меня не осталось объ нихъ въ памяти акихъ подробностей.

Когда я поступилъ въ студенты, нашъ историко-филологичеі факультетъ былъ такъ бѣденъ профессорами, что могъ-бы быть ванъ фактически не существующимъ, если-бы не достопамятный торъ Ивановичъ Григоровичъ,—нынѣ заслуженный профессоръ ского университета,—который одно время оставался единственъ представителемъ науки во всемъ факультетѣ. Правда, кромѣ о, къ началу учебнаго года было еще два профессора—одинъ грекой, а другой—римской словесности; оба—нѣмцы: одинъ плохо ворившій по-русски, а другой и совсѣмъ не говорившій; оба стаи, особенно послѣдній, — типъ нѣмецкаго гелерта старинныхъ мень. Я только одинъ разъ видѣлъ его длинную, до безобразія ую и тощую фигуру, медленно передвигающую тонкія ноги и учно шевелящую губами— и до сихъ поръ у меня о ней сохраось воспоминаніе, какъ о какомъ-то привидѣніи или призракѣ, ькнувшемъ предъ моими глазами, чтобы показать живой обраъ—покрытой пылью вѣковъ и заживо забытой учености добраго раго времени.

По почину Х—ва, который за то и поплатился исключеніемъ университета, студенты - филологи рѣшили попросить этихъ старъ оставить занимаемыя ими каѳедры, предпочитая остаться при омъ профессорѣ на всемъ факультетѣ. Рѣшено и сдѣлано. Одинъ фессоръ внялъ просьбѣ студентовъ и не являлся болѣе на каѳедру, гой,—фигуру котораго я только-что описалъ, наотрѣзъ сказалъ, онъ не хочетъ ничего слушать и будетъ читать свои порыжѣвтетрадки, хотя-бы предъ пустой аудиторіей. Этотъ отвѣтъ, своимъ зрительнымъ отношеніемъ къ дѣлу университетской науки, и перктива слушать лекціи, если не на латинскомъ, то на нѣмецкомъ жѣ, такъ какъ професоръ русскаго языка не зналъ, да и знать хотѣлъ,—побудили студентовъ принять рѣшительныя мѣры. Нестный старикъ - нѣмецъ былъ нарочно предупрежденъ объ этомъ дентами, но тѣмъ не менѣе явился на лекцію. Что у него была цѣль—не понимаю. Явился—и былъ пораженъ небывалымъ соніемъ слушателей: вмѣсто одного-двухъ, ходившихъ прежде, такъ

сказать, «по наряду», чтобы въ самомъ дѣлѣ не приходилось читать голымъ стѣнамъ, онъ видитъ человѣкъ тридцать, полное собраніе факультета. Тѣмъ не менѣе плетется къ каѳедрѣ, достаетъ изъ кармана темно-коричневую отъ древности тетрадку лекцій и дрожащими отъ волненія старческими губами произноситъ какую-то латинскую вступительную фразу. Увы, какъ ни способна была эта картина возбудить чувство жалости, она не тронула юношей, которымъ приходилось выбирать одно изъ двухъ: или опять, какъ прежде, отряжать изъ своей среды слушателей по-очереди для того, чтобы старикъ имѣлъ удовольствіе читать свои лекціи, никому, кромѣ него, непонятныя, или—ожесточить на этотъ разъ свое сердце. Мы сдѣлали послѣднее. Раздался оглушительный кошачій концертъ свистковъ — и живой анахронизмъ исчезъ съ каѳедры навсегда. Едва замерли въ нашихъ ушахъ звуки его медленныхъ шаговъ по корридору, мы разбрелись въ разныя стороны, почти не разговаривая о произшедшемъ... Я не свисталъ, но уже одно участіе въ этой «исторіи» тяжело отзывалось въ сердцѣ,—точно я былъ свидѣтелемъ убійства. Мнѣ было жалко старика почти до слезъ.

Началось слѣдствіе; двоихъ, ходившихъ объясняться съ профессорами насчетъ ихъ выхода изъ университета, исключили. Но они знали напередъ, что такъ будетъ, и сознательно „приносили себя въ жертву“ процвѣтанію своего факультета: предполагалось, что на мѣсто выбывшихъ такимъ образомъ профессоровъ явятся болѣе талантливые, болѣе достойные, молодые представители науки. Нужно было приготовить имъ мѣсто, хотя-бы для этого и понадобились двѣ жертвы. Такъ, покрайней мѣрѣ, объясняли тогда студенты эту „исторію“ и глубоко вѣрили этому объясненію...

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданье старины глубокой...

Такимъ образомъ, въ началѣ 1860—61 учебнаго года историко-филологическій факультетъ въ казанскомъ университетѣ представлялъ, такъ сказать, ниву, ждущую сѣятелей; предстояло замѣстить слѣдующія каѳедры: греческой словесности, римской словесности, эстетики и исторіи искусствъ, исторіи русской литературы, русской исторіи и всеобщей исторіи, не говоря уже о томъ, что

каѳедры славянской филологіи и исторіи славянскихъ литературъ занималъ одинъ профессоръ, тогда какъ ихъ полагалось, кажется, два. Несмотря на то, что позади не имѣлось въ запасѣ никакихъ особыхъ мѣръ для приготовленія профессоровъ на вакантныя каѳедры, да и вообще, повидимому, университетская наука передъ этимъ временемъ не обрѣталась въ авантажѣ, почти всѣ поименованныя выше каѳедры были замѣщены въ самый короткій срокъ, и что замѣчательно—замѣщены съ такимъ достоинствомъ, съ какимъ далеко не всегда случается и въ наше время, хотя, повидимому, столько мѣръ употребляется и столько средствъ тратится на приготовленіе достойныхъ кандидатовъ для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ. Даже на каѳедру эстетики нашелся кандидатъ, отъ котораго ожидали въ свое время очень многаго, но не дождались къ сожалѣнію до сихъ поръ ничего. Въ наше время, то-есть съ кандидатами настоящаго времени, такіе случаи тоже не рѣдкость, но есть тутъ и маленькая разпица: науки-ли нынче очень упростились или способы достиженія высшихъ познаній стали проще, или что другое,—только въ наше время молодые люди, на мой взглядъ, гораздо меньше церемонятся съ вопросомъ о томъ: стремиться имъ на каѳедру или нѣтъ? и стремятся «ничто-же сумняся». Прежде народъ былъ церемоннѣе. Такъ напр. изъ кандидатовъ 1860 года мнѣ извѣстны двое, М—въ и К., которымъ, такъ сказать, стоило только шагнуть и они были-бы на каѳедрѣ; ихъ приглашали, ждали, давали имъ средства готовиться, и они дѣйствительно готовились, но—«убоялись премудрости и возвратились вспять» то-есть,—я хочу сказать,—сами сочли себя недостойными, въ то время, какъ другіе думали о нихъ совсѣмъ иначе. К. напр., готовившійся на каѳедру энциклопедіи законовѣдѣнія, долженъ былъ, разумѣется, погрузиться съ самаго-же начала въ философію права, и погрузился съ головой; прочиталъ массу книгъ, исписалъ горы бумаги, а кончилъ тѣмъ, что отказался отъ дальнѣйшихъ приготовленій. Напрасно убѣждали его товарищи не дѣлать этого, воспользоваться случаемъ ѣхать за границу, и повѣрить имъ пока на слово, что современемъ разсѣется тотъ туманъ, который густымъ облакомъ окружилъ его умъ при первомъ прикосновеніи къ

философіи...—«Какой-же я буду профессоръ, съ запальчивостью возражалъ К—, какой я буду профессоръ, когда я не могу разрѣшить: *что такое бытіе?*»—Да ты разрѣшишь это современемъ, погодя, не вдругъ, вѣдь ты еще только принялся...—« Нѣтъ, нѣтъ, я чувствую, что не разрѣшу, оставьте меня въ покоѣ, отвяжитесь» восклицалъ К— съ отчаяніемъ, и дѣйствительно отказался отъ предложенной ему кандидатуры на каѳедру. Другой кандидатъ,—на каѳедру эстетики, - написавшій свою кандидатскую диссертацію на оригинальную тему—«о лубочныхъ картинкахъ», и за границей былъ, и диссертацію написалъ на магистра, и даже пробную лекцію приготовилъ, но вдругъ—тоже, должно быть, подъ вліяніемъ какой-нибудь назойливой мысли о неразрѣшимости нѣкоторыхъ вопросовъ, — отказался отъ каѳедры и поступилъ домашнимъ учителемъ къ какому-то помѣщику. Ходитъ про него слухъ, что онъ будто-бы до сихъ поръ продолжаетъ собирать лубочныя картинки, а злые языки прибавляютъ, что присоединяетъ къ этой коллекціи еще коллекцію всевозможныхъ ярлыковъ, коль скоро на нихъ имѣется какая-нибудь картинка, и все это, будто-бы, съ цѣлью изученія тѣхъ условій эстетическаго развитія, въ которыхъ находится наша народная масса. Насколько все это справедливо—не знаю.

Но возвращаюсь къ 1860 году. Студенты-филологи были сильно озабочены вопросомъ о замѣщеніи кафедры, въ особенности, русской исторіи, возбуждавшей въ то время особенный интересъ, благодаря знаменитому вопросу о варягахъ и диспуту Костомарова съ Погодинымъ. Мы писали даже коллективное письмо къ бывшему кіевскому профессору русской исторіи Платону Васильевичу Павлову, прося его занять такую-же каѳедру въ казанскомъ университетѣ. Не помню результатовъ этой попытки, но дѣло въ томъ, что она показываетъ, какъ, почти наканунѣ пріобрѣтенія университетомъ на каѳедру русской исторіи г. Щапова, извѣстность этого ученаго и его популярность были еще незначительны. Студенты искали себѣ профессора за тридевять земель въ то время, какъ рядомъ съ ними находился одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и симпатичныхъ изслѣдователей по русской исторіи. Но князь Вя-

земскій былъ на этотъ разъ прозорливѣе своихъ студентовъ. Если не ошибаюсь, были какія-то препятствія къ переходу г. Щапова изъ казанской духовной академіи въ университетъ, или, вѣрнѣе сказать, къ тому, чтобы онъ могъ читать лекціи и числиться на каѳедрѣ и въ томъ, и въ другомъ учрежденіи въ одно и тоже время. Попечитель устранилъ эти препятствія и, можно сказать, подарилъ университету Щапова, а г. Щапову — университетскую каѳедру. Это былъ еще первый, небывалый примѣръ, чтобы на университетскую каѳедру явился кандидатъ изъ воспитанниковъ духовной академіи, изъ ея «магистровъ». Студенты университета относились къ этому нововведенію недружелюбно; напротивъ — академики замѣтно гордились тѣмъ, что отъ нихъ «изыдетъ пророкъ», имѣющій покорять сердца и умы университетскихъ слушателей.

Тотъ маленькій кружокъ, къ которому принадлежалъ въ это время я, благодаря Александру Васильичу, съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія г. Щапова на каѳедрѣ въ университетѣ. Александръ Васильичъ былъ страстный поклонникъ Щапова и отзывался о немъ не иначе, какъ восторженно. Зная чрезъ насъ, что студенты университета предубѣждены противъ Щапова, какъ вышедшаго «изъ духовныхъ», онъ сильно безпокоился по временамъ за успѣхъ первой лекціи своего любимаго профессора; то, напротивъ, восклицалъ рѣшительно: «да нѣтъ, нѣтъ—это невозможно! Невозможно, чтобы молодежь не поняла его, не оцѣнила. Вотъ вы увидите: онъ «придетъ, увидитъ и побѣдитъ».

Александръ Васильичъ былъ правъ. Послѣ первой своей лекціи, г. Щаповъ имѣлъ полное право сказать словами Цезаря: veni, vidi, vici!

Добравшись до описанія этой лекціи, я чувствую потребность, подобно древнимъ лѣтописцамъ, предпослать въ видѣ предисловія рядъ сожалѣній, что перо мое недостаточно краснорѣчиво, чтобы дать хотя блѣдный очеркъ предлежащаго ему описанія событій. Вступленіе въ университетъ г. Щапова — это дѣйствительно было цѣлое событіе въ лѣтописяхъ внутренняго быта университета. Въ тотъ короткій періодъ, пока г. Щаповъ занималъ у насъ каѳедру русской исторіи — онъ, можно сказать, царилъ въ университетѣ; каж-

дое его появленіе на каѳедрѣ было своего рода тріумфомъ; долгое время въ тотъ часъ, когда читалъ г. Щаповъ, всѣ остальные профессора прекращали свои лекціи; клиника и анатомическій театръ пустѣли, у подъѣзда университета былъ съѣздъ экипажей, такъ какъ городская публика тоже приходила въ движеніе и стремилась послушать «знаменитость» на каѳедрѣ, какъ сбѣгается слушать «знаменитость» на сценѣ; а на этотъ разъ «знаменитость» была своя, такъ сказать, домашняя, а не «пріѣзжая», не выписанная. Одно время во всемъ городѣ только и рѣчи было, что о Щаповѣ, а о студентахъ уже и говорить нечего: они ходили, какъ ошалѣлые, отъ восторга. Но я забѣжалъ нѣсколько впередъ.

Итакъ, никто не предчувствовалъ—наканунѣ какого движенія находится университетъ, когда подходило время первой, вступительной лекціи г. Щапова. Все, что могли сдѣлать слухи, шедшіе изъ академіи, это возбудить особый интересъ къ новому, ожидаемому профессору. Насчетъ его достоинствъ шли споры, въ которыхъ пессимисты не опускали случая щегольнуть дешевымъ остроуміемъ насчетъ семинарскаго происхожденія профессора: — «Вотъ, какъ онъ начнетъ вамъ украшать свою лекцію разными «яко-бы» да «понже», такъ вы увидите, что это за сокровище»—говорилъ одинъ, а другой подхватывалъ: «да уже давно извѣстно, что «отъ Назарета можетъ-ли что добро быти!» и т. п. Тѣмъ не менѣе на первую лекцію набралось народу столько, что въ большой, 7-й аудиторіи не доставало мѣстъ для желающихъ слушать. Рѣшено было перейдти въ зало. Г. Щаповъ почему-то замедлилъ; академики, которыхъ также много явилось на его лекцію, тревожились по этому поводу и боялись, что лекція вовсе не состоится. Наконецъ разнесся слухъ, что г. Щаповъ пріѣхалъ, что онъ „въ профессорской“. — «Каковъ онъ? Не видѣлъ-ли его кто?» спрашивали другъ друга студенты, будучи наэлектризованы всей окружающей обстановкой, свидѣтельствовавшей о всеобщемъ ожиданіи чего-то новаго, небывалаго и торжественнаго.

Особенно поражала необычайная масса собравшагося народу, точно предстоялъ торжественный актъ. Наконецъ вышелъ весь ученый синклитъ, съ попечителемъ во главѣ, и занялъ передній рядъ

креселъ. Всѣ взоры обращены были на дверь, изъ которой черезъ минуту долженъ былъ показаться г. Щаповъ.

Трудно представить себѣ фигуру человѣка, болѣе способную произвести впечатлѣніе на образованную массу съ перваго-же раза. Щаповъ вышелъ въ простомъ черномъ сюртукѣ, носившемъ почти домашній характеръ, какъ будто къ вамъ вышелъ человѣкъ изъ своего рабочаго кабинета: ни оффиціальный мундиръ, ни черный фракъ и бѣлый галстухъ не напоминали ни о какой мелочной подготовкѣ ученаго къ появленію на каѳедрѣ. Напротивъ, нѣкоторая небрежность въ костюмѣ показывала, что профессоръ и не вздумалъ позаботиться о «представительности», предоставивъ попеченіе объ этомъ предметѣ своему служителю, какому-нибудь академическому сторожу изъ отставныхъ солдатъ, не имѣвшему ни малѣйшаго понятія объ этикетѣ. Несмотря на то, что г. Щаповъ былъ съ подвязанной щекой, его выразительныя черты лица невольно бросались въ глаза съ перваго взгляда. Онъ былъ блѣденъ, его маленькіе черные глаза блестѣли и бѣгали болѣе обыкновеннаго, обнаруживая неистощимый запасъ энергіи и энтузіазма. Надъ этими глазами низко нависли густыя брови, придавая лицу видъ сосредоточенности и глубокой серьезности, однако безъ малѣйшаго оттѣнка суровости. Вы тотчасъ-же замѣчали, что эти брови сдвинуты внизъ не нарочно, не по привычкѣ, а самой природой, какъ будто для того, чтобы высокій, прямой лобъ ученаго казался еще открытѣе, еще болѣе придавалъ какого-то величія его внѣшнему виду и яснѣе обнаруживалъ смѣлую, стремительную энергію. Прибавьте къ этому огромную массу мелко-вьющихся волосъ на головѣ, придававшихъ какой-то гордый, львиный видъ всей фигурѣ Щапова и вы поймете, что уже одинъ его выходъ долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на студенческую массу. Вмѣсто смиреннаго и скромнаго труженика, говорящаго «понеже» и «поелику», какъ не шутя ожидали нѣкоторые изъ студентовъ, нехотѣвшіе вѣрить, что и изъ Галилеи пророкъ приходитъ, предъ взорами толпы появилась фигура, величественная при всей своей внѣшней простотѣ, и быстрыми шагами взошла на высокую актовую каѳедру.

Воцарилась тишина. Тихимъ, но внятнымъ голосомъ, пріятнымъ баритономъ, проговорилъ г. Щаповъ свою первую фразу— и тотчасъ-же долженъ былъ остановиться на нѣсколько минутъ: какой-то ропотъ и гулъ пробѣжалъ по залѣ, всѣ переглянулись, послышались вопросы, обращенные другъ къ другу: «что, что такое? что онъ сказалъ»?—хотя каждый слышалъ эти краткія, но рѣшительныя слова и у каждаго на всю жизнь они запали въ памяти: до такой степени, въ томъ тонѣ, которымъ они были сказаны, въ блескѣ глазъ, сопровождавшемъ ихъ, во всей фигурѣ говорившаго ихъ отражалась внутренняя сила, убѣжденіе, страстность и энергія. Что особеннаго было въ этихъ нѣсколькихъ словахъ, которые читатель сейчасъ увидитъ,—и однако они произвели цѣлый переполохъ, длившійся нѣсколько минутъ: вся масса, точно морская волна, набѣгающая на берегъ, какъ-то разомъ подалась впередъ, ближе къ каѳедрѣ; ряды стульевъ моментально смѣшались, всѣ были на ногахъ; прошло еще нѣсколько минутъ и г. Щаповъ стоялъ на своей каѳедрѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ тѣсной толпой студентовъ; внизу каѳедры, цѣпляясь за ея края, кругомъ—на стульяхъ, на плечахъ другъ у друга, на самой каѳедрѣ, рядомъ съ профессоромъ, почти стѣсняя его — всюду лѣпились фигуры, изображающія изъ себя самое напряженное вниманіе, на электризованныя вдохновенной рѣчью, затаившія дыханіе... Щаповъ читалъ:

«Скажу напередъ: не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и областности я вступаю на университетскую каѳедру Русской исторіи.»

«Въ настоящее время, кажется, уже утвердилось убѣжденіе, что главный фактъ въ исторіи есть самъ народъ, духъ народный, творящій исторію; что сущность и содержаніе исторіи есть—жизнь народная. Это убѣжденіе теперь не ново; его начали уже проводить, осуществлять и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое начало, которое еще не сознано ясно въ нашей наукѣ: *начало областности*—позвольте мнѣ его такъ выразить. У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской исторіи идея централизаціи,

развилось даже какое-то чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи; всѣ разнообразныя особенности, направленія и факты провинціальной исторической жизни, подводились подъ одну идею государственнаго развитія. Съ эпохи утвержденія московской централизаціи, въ нашихъ исторіяхъ все общѣе и общѣе говорится о внутреннемъ бытѣ различныхъ провинцій; нисколько не раскрываются разнообразные историко-этнографическія, бытовыя и экономическія особенности областей, не изображаются моральныя, политическія и физико-географическія условія ихъ внутренняго развитія и быта; мѣстное саморазвитіе, внутренняя жизнь областей остаются въ сторонѣ, а вмѣсто того на первомъ планѣ рисуются дѣйствія государственности, развитіе единодержавія, централизаціи. — Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ ни несвойственно, невозможно подобное изложеніе, какъ въ исторіи обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго. Русская исторія, въ самой основѣ, есть, по преимуществу, исторія различныхъ областныхъ массъ народа, исторія постояннаго территоріальнаго устройства, разнообразной этнографической организаціи, взаимнодѣйствія, борьбы, соединенія и разнообразнаго политическаго положенія областей до централизаціи и послѣ централизаціи. Только въ русской исторіи вы встрѣтите своеобразное, территоріальное и этнографическое самообразованіе областей путемъ колонизаціи. Разнообразныя областныя лѣтописи долго будутъ повѣствовать вамъ про вѣковую, особую, самобытную, раздѣльную жизнь и взаимную борьбу областей. Потомъ московская лѣтопись заговоритъ о развитіи громадной, государственной, географической централизаціи московской, а въ областныхъ лѣтописяхъ раздастся самый энергическій протестъ, вопль областныхъ жителей противъ насилія москвичей, противъ централизаціи, противъ *собиранія Русской земли*. Такъ, областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной, централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ *смутное время*, во время этой великой борь-

бы областныхъ общинъ, проявился на земскихъ соборахъ XVII вѣка, сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіи всего XVIII и въ началѣ XIX-го столѣтія,—во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій; возбудилъ въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проэкты относительно конституціоннаго устройства областей и т. д.,—и мы, изучая русскую исторію, оставляемъ почти безъ всякаго вниманія этотъ областной элементъ, сколько загадочный, столько-же, быть можетъ, зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи. Русская исторія, основанная на идеи централизаціи, исключающая идею областности, есть тоже, что отрицаніе существеннаго, жизненнаго значенія областей, какъ разнообразныхъ органовъ въ составѣ и развитіи цѣлаго политическаго организма—всего народа. А кто не знаетъ, что безъ знанія, устройства и отправленій различныхъ отдѣльныхъ органовъ тѣла нельзя понять жизни и отправленій цѣлаго организма? Такъ точно, и безъ знанія разнообразной историко-этнографической организаціи, характера, понятій, воззрѣній, вѣрованій, сочувствій и антипатій областныхъ массъ народныхъ невозможно полное и отчетливо-ясное пониманіе русской исторіи. Невозможно тѣмъ болѣе, что слишкомъ многосложенъ историко-этнографическій строй нашихъ многочисленныхъ и обширныхъ областей.»

«Какъ нѣтъ въ Европѣ самаго малаго государства, которое бы едва могло ровняться съ одною изъ областей Россіи, такъ нѣтъ въ Европѣ народа, который-бы отличался такимъ провинціальнымъ этнографическимъ разнообразіемъ, какъ народы, обитающіе въ разныхъ русскихъ областяхъ. Много-ли общаго, напримѣръ, между малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніемъ? Много-ли общаго между Польшей и Камчаткой, или между Кавказомъ, Архангельскою областью и Казанскимъ краемъ? и т. д. А разнообразныя областныя нарѣчія, изъ которыхъ составился особый, цѣлый словарь? А эти юмористическія присловья, которыми такъ мѣтко и согласно съ исторіей характе-

ризуютъ у насъ жители одной области жителей другой? А существованіе территоріальныхъ округовъ, совершенно независимыхъ отъ округовъ административныхъ, отличныхъ нравами жителей, языкомъ, промыслами и т. д.? Все это такъ выразительно, такъ рельефно рисуетъ нашу обширную Россію во всемъ историко-этнографическомъ разнообразіи ея многочисленныхъ областей,—и въ наукѣ русской исторіи доселѣ не было объяснено, отчего образовались такія областныя особенности, какое онѣ имѣютъ значеніе въ исторіи,—не говоримъ—уже о томъ, какое значеніе они имѣли или могутъ имѣть въ примѣненіи къ государству, къ администраціи, къ народному матеріальному и нравственному быту и т. д. Уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, не только люди науки, но и лучшіе государственные мужи сознавали и оффиціально высказывали то убѣжденіе, «что должно обращать вниманіе на совокупныя права многихъ и великихъ областей, составляющихъ обширную Россійскую Имперію, что государство должно вполнѣ соотвѣтствовать всѣмъ выгодамъ мѣстнаго положенія различныхъ областей и главному характеру народовъ, населяющихъ эти области.» Если когда, то особенно въ наше время, наукѣ русской исторіи необходимо, существенно необходимо уяснить исторію, духъ, характеръ и этнографическія особенности различныхъ областныхъ массъ народныхъ.—И весьма утѣшительно, что въ послѣднее время, кажется, и въ самыхъ провинціяхъ стала пробуждаться потребность самопознанія. Покрайней мѣрѣ, отрадное явленіе представляютъ мало по малу возникающіе въ нашей провинціальной литературѣ областные сборники, историко-статистическія описанія губерній и провинцій и изданіе областныхъ актовъ и памятниковъ. Областные сборники могутъ служить не только руководствомъ нашего областнаго самопознанія, но и органомъ возбужденія въ провинціальныхъ массахъ — идей политическаго самопознанія и саморазвитія, въ составѣ цѣлаго государственнаго союза.»

«Итакъ, съ мыслью объ областности и народности, я избираю для своихъ чтеній исторію великорусскаго народа, или великорусскихъ областныхъ общинъ, въ связи съ Сибирью. Здѣсь, въ Великой Россіи, былъ центръ исторической борьбы областнаго эле-

мента и народности съ централизаціей и государственностью. Здѣсь рѣшалась судьба всѣхъ многочисленныхъ, обширныхъ и разнообразныхъ областей и сосредоточилась ихъ новая историческая жизнь—государственно-союзная, и, если можно такъ сказать, здѣсь сковывается, держится будущее нашихъ областей. Кромѣ того, въ этой части русской исторіи есть много такихъ важныхъ, первоклассныхъ вопросовъ, которые доселѣ ждутъ еще изслѣдованія, какъ напримѣръ: *вопросъ о колонизаціи и значеніи ея въ русской исторіи*, или хоть тотъ-же современный вопросъ—*объ историческомъ значеніи московской централизаціи*, и т. д. Безъ дальнѣйшихъ предисловій, спѣшу сообщить вамъ, Мм. Гг., общій взглядъ на исторію великорусскаго народа до централизаціи и послѣ централизаціи областей.....»

Я былъ-бы радъ процитировать хотя всю вступительную лекцію г. Щапова, если-бы имѣлъ на то разрѣшеніе, и пользуюсь случаемъ выразить здѣсь желаніе очень многихъ изъ его слушателей,—чтобы она была напечатана авторомъ, какъ одно изъ лучшихъ его произведеній. Предметомъ первой лекціи г. Щапова былъ „Общій взглядъ на исторію великорусскаго народа“, и, можно сказать, что въ русской литературѣ вы не найдете такого богатаго мыслями, самостоятельно выработаннаго и талантливо обработаннаго краткаго очерка народной русской исторіи отъ ея начала до эпохи освобожденія народа изъ крѣпостнаго права. По мѣстамъ, въ этомъ очеркѣ, г. Щаповъ, можно сказать, возвышался до художественности, его рѣчь начинала принимать поэтическій колоритъ и въ живомъ, прочувствованномъ чтеніи производила потрясающее впечатлѣніе. Такъ, я до сихъ поръ живо помню, какъ, дойдя до эпохи полнаго торжества московской централизаціи надъ областными народными вольностями, нарисовавъ картину воцарившагося повсюду полуазіатскаго, полувизантійскаго застоя и омертвѣнія всѣхъ живыхъ силъ народа, г. Щаповъ сдѣлалъ переходъ къ исторіи зарожденія раскольническихъ движеній:—„И спитъ народъ...—читалъ г. Щаповъ—и грезится ему, что Московское царство — это вавилонская блудница“... Эти слова были началомъ одного изъ лучшихъ мѣстъ его лекціи.

Она продолжалась часа два, пока лекторъ и аудиторія не почувствовали того неизбѣжнаго утомленія, которое бываетъ результатомъ напряженнаго, исполненнаго волненій вниманія. Г. Щаповъ оборвалъ лекцію чуть-ли не на полусловѣ, и быстрымъ движеніемъ скрылся изъ зало... Онѣмѣвшая толпа разступилась передъ нимъ съ инстинктивнымъ почтеніемъ. Нѣсколько секундъ въ залѣ еще длилась мертвая тишина, но вдругъ, какъ гремучій ударъ лѣтней грозы, разразился страшный громъ рукоплесканій. Это продолжалось съ минуту, толпа не двигалась съ мѣста, продолжая рукоплескать... Профессора и самъ попечитель дѣлали тоже. Потомъ начались какіе то восторженные крики, наконецъ ко всему этому присоединился оглушительный трескъ мебели, ломавшейся подъ напоромъ толпы, устремившейся наконецъ вслѣдъ за профессоромъ. Нѣкоторые неистово стучали въ полъ стульями и ногами. Всѣ куда-то спѣшили, бѣжали, сами не зная куда, и думаю—не прошло полчаса, какъ весь городъ зналъ о необычайномъ событіи, совершившемся въ университетѣ.

Съ этихъ поръ, г. Щаповъ сдѣлался идоломъ студенческой массы: покрайней мѣрѣ мѣсяцъ агитація въ средѣ студентовъ не могла улечься. Впрочемъ, ей такъ и не суждено было кончиться безъ посторонняго вмѣшательства...

Но разсказъ мой слишкомъ затянулся,—пора кончить, на этотъ разъ покрайней мѣрѣ. Болѣе интереснаго, ничего не случилось, да и не могло, кажется, быть втеченіи перваго года моего студенчества, какъ эта лекція и ея продолженія. На этомъ я и кончу...

Л. Р.

Пѣсня „ДУБИНУШКА“.

(Сыну Володѣ).

Просишь ты спѣть тебѣ пѣсню веселую...
Нѣтъ у насъ пѣсни такой!
Хочешь, спою я? Но только тяжелую
Пѣсенку—съ Волги родной.

Пѣсня та чудная, только тоскливая,—
Будешь-ли слушать ее?
Врядъ-ли поймешь ее дѣтски-наивное,
Юное сердце твое!

Стоны звучатъ въ ней да вздохи сокрытые,
Воплямъ конца не слыхать;
Тянутъ ее только люди забытые,—
Знатнымъ ее не понять...

Наша „Дубинушка“ горемъ слагалася,
Пѣлась народомъ вѣка,—
И надъ равниной родной разливалася,
Словно какъ Волга-рѣка...

Наша „Дубинушка“—пѣсня тоскливая,—
Станешь-ли слушать ее?
Врядъ-ли поймешь ее дѣтски-наивное,
Юное сердце твое!..

Пав. Фелоновъ.

КАКЪ ДОБИЛИСЬ СЕБѢ ВОЛИ КАЗАНСКІЕ СУКОНЩИКИ.

(Изъ разсказовъ стариковъ).

Волюшка, милая воля,
Гдѣ-же твой свѣтъ запропалъ?..
Никитинъ.

Къ одному изъ самыхъ крупныхъ событій въ исторической зни Казани, безспорно, принадлежитъ продолжительный, почти прерывный рядъ, такъ-называемыхъ, „бунтовъ“ казанскихъ сущиковъ. Суконщики—были крѣпостные люди, работавшіе на суной фабрикѣ, основанной въ Казани Петромъ I. Еще Пушкинъ, своей „Исторіи пугачевскаго бунта“, отозвался о казанскихъ юнщикахъ, какъ о людяхъ „разнаго званія и отличныхъ кулачныхъ ищахъ“. Дѣйствительно, собранные когда-то «съ борку да изъ-подъ ѣнки», — суконщики представляли огромную массу народа, здоаго, могучаго, дышавшаго энергіей и отвагой, и до сихъ даже ъ сохраняютъ свои бытовыя особенности. Старый суконщикъ не билъ ни передъ чѣмъ останавливаться: онъ готовъ былъ лѣзть ножи за свои личныя и общинныя права; смѣлость мысли и кость рѣчи — были всегдашними спутниками его жизни. Даже щины—жены и дочери суконщиковъ—отличались необыкновенй силой характера; они любили вмѣшиваться въ „мужскія дѣла“ тарались поддерживать въ мужьяхъ, братьяхъ и сыновьяхъ принъ независимости и протеста. Эти главнѣйшія характеристическія ты принадлежали, конечно, суконщикамъ прежняго поколѣнія, ъ дѣдамъ и прадѣдамъ, для которыхъ было еще свѣжо воспоаніе о вольности и удали, и типъ которыхъ быстро вымираетъ.

Исторія происхожденія этой своеобразной и рѣзко выдающейся уровня окружающаго міра общины фабричныхъ рабочихъ, а

равно и время водворенія ся въ Казани — скрываются пока въ безконечныхъ кипахъ архивныхъ бумагъ, терпѣливо ожидающихъ своего изслѣдователя; но преданіе, до сихъ поръ живущее между суконщиками-старожилами, слишкомъ правдоподобно и толковито, съ замѣчательнымъ единогласіемъ разсказываетъ любителямъ прошлаго о началѣ «фабричныхъ людей казанскія суконныя слободы». Мы съ давнихъ поръ приступили къ собиранію этихъ преданій, записывали ихъ варіанты, сравнивали разсказы съ нѣкоторыми старинными пѣснями суконщиковъ, брали для соображенія мѣстныя историческія хроники и, въ концѣ-концовъ, получили довольно ясное и опредѣленное понятіе о первоначальной исторіи казанской суконной фабрики и ея мастеровыхъ.

Всѣ старые, толковые суконщики болѣе или менѣе согласно, съ полной увѣренностью въ правдивости своего разсказа, передаютъ, что ихъ предки были, такъ-называемые „гулящіе люди“, столь извѣстные въ сѣверо-восточной Россіи въ періодъ Московскаго государства и при Петрѣ. Бродили эти „гулящіе люди“ и по Волгѣ, и по Дону, и по Брынскимъ и Керженскимъ лѣсамъ, убѣгая изъ вотчинъ — отъ батрачества монастырямъ и отъ тяжелыхъ работъ въ бездонную пропасть помѣщичьяго кармана, скрываясь отъ преслѣдованій за исповѣданіе «старой вѣры» и, наконецъ, уклоняясь отъ новой «лихой болѣсти» — Петровой рекрутчины; забрели эти гулящіе, вольные люди даже въ далекую Сибирь и положили тамъ начало коренному русскому элементу.

Петръ Первый, въ заботахъ своихъ объ экономическомъ развитіи Россіи, обратилъ вниманіе и на восточную окраину государства. Мысль его, какъ-бы предугадывая важную будущность средняго Поволжья, остановилась на Казани, какъ центрѣ, болѣе благопріятствующемъ оправданію широкихъ видовъ преобразователя. Чтобы поднять прежде всего промышленное положеніе этого привольнаго края, онъ началъ съ того, что основалъ въ Казани шерстяной заводъ (въ 1714 г.), адмиралтейство (въ 1718 г.) и кожевенный помповый заводъ (въ 1719 г.). Шерстяной заводъ скоро былъ обращенъ въ *суконную фабрику*.

Исторія суконной фабрики, на который мы намѣрены сосредоточить нашъ разсказъ, не длинна, но въ высокой степени интере-

сна и поучительна, благодаря дальнѣйшей судьбѣ ея рабочихъ. Мастеровые этой фабрики, какъ настойчиво и утвердительно заявляетъ мѣстное преданіе, скомплектованы частію изъ сосланныхъ стрѣльцовъ—сторонниковъ царевны Софьи (Коровины, Урвакины, Нѣмчиновы, Юрьевы, Дубровины и друг.), частію изъ сосланныхъ по навѣтамъ церковной власти старообрядцевъ, непримиримыхъ враговъ Никоновой ломки (Морозовы, Бѣловы, Копыловы, Тюленевы, Мясниковы, Бударагины и проч.); но самый главный, преобладающій контенгентъ фабричнаго люда сформировался все-таки изъ того бродячаго пролетаріата, о которомъ мы говорили выше и который, гуляя по Россіи, какъ-бы взывалъ словами современнаго поэта:

Эй, возьми меня въ работнички:
Поработать—руки чешутся!

Дѣла шерстянаго завода на первыхъ порахъ были крайне незавидны и нисколько не отвѣчали замысламъ его основателя. Но Петръ, какъ извѣстно, былъ не таковъ, чтобы легко уступать неудачамъ и скоро охладѣвать къ любимымъ мечтамъ. Шерстянаго завода онъ не уничтожилъ, а передалъ его сначала въ управленіе мѣстному богачу Михляеву, знавшему толкъ въ суконномъ дѣлѣ*), а потомъ,

*) Иванъ Афанасьевичъ Михляевъ былъ именитый казанскій купецъ. Въ то время онъ самъ имѣлъ въ Казани суконную фабрику, находившуюся близъ кремлевской стѣны, противъ церкви Прасковьи-Пятницы, построенной имъ-же. (Зданіе михляевской фабрики существуетъ до сихъ поръ; въ немъ теперь помѣщается пересыльная тюрьма). Работы казанскаго шерстянаго завода, какъ уже мы сказали, шли сначала очень вяло и убыточно для казны: шерсть покупалась (или, покрайней мѣрѣ, ставилась въ отчетахъ) чрезвычайно дорого и была дурнаго качества; сукна (солдатскія) выходили изъ рукъ вонъ плохи. Правда, конкуренція богатаго и практичнаго Михляева не могла не мѣшать новому учрежденію Петра; но мы едва-ли ошибемся, если признаемъ главной причиной неуспѣха нерадѣніе перваго ея управляющаго, подполковника Грузинцева. Во всякомъ случаѣ, фабрика, основанная Петромъ заочно, безъ своего глаза, стала быстро упадать. Въ 1822 году пріѣхалъ въ Казань Петръ I и остановился въ каменныхъ палатахъ Михляева (домъ этотъ сохранился въ томъ-же видѣ по настоящее время. Онъ принадлежитъ городскому обществу и находится позади Петропавловскаго собора, основаннаго также Михляевымъ; здѣсь теперь пріютился трактиръ, извѣстный подъ именемъ Курицына). Мѣстомъ перваго царскаго визита былъ его шерстяной заводъ, стоявшій на такъ-называемой «Третьей Горѣ» Суконной слободы, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь дача г. Бартолло. Безпорядокъ — при первомъ-же взглядѣ бросился въ глаза Петру, но когда Михляевъ пригласилъ царя обозрѣть его фабрику — проигрышъ дѣла для Петра былъ несомнѣненъ. Громадная разница въ производствѣ двухъ фабрикъ, при одинаковыхъ условіяхъ, взбѣсила царя: началась обычная въ его характерѣ расправа съ фабричной администраціей — досталось и подполковнику Грузинцеву, потерпѣли и два нѣмца - овчара, выписанные изъ-за границы и поселенные въ селѣ Верхнемъ - Услонѣ для сбора и снабженія завода шерстью. Передавши фабрику въ управленіе Михляева и заплативши у него денегъ на дорогу, Петръ уѣхалъ изъ Казани внизъ по Волгѣ, въ Персію.

черезъ два года, отдалъ его совсѣмъ въ собственность Михляева*). Сдѣлавшись, такимъ образомъ, хозяиномъ казеннаго шерстянаго завода, Михляевъ соединилъ его съ своей суконной фабрикой и успѣлъ поставить суконное производство въ Казани на степень полнаго процвѣтанія. Рабочіе не были крѣпостными и пользовались при Михляевѣ безобидной платой за свой трудъ, необременительнымъ количествомъ обязательныхъ рабочихъ часовъ, имѣли, при этомъ, нѣкоторыя льготы по семейному и общинному положенію и даже, какъ гласитъ преданіе, удержали за собой право выбирать своихъ старостъ, судей, артельщиковъ и *говорунов***). Люди, избранные въ эти почетныя должности, приводились къ присягѣ на вѣрность и «неукоснительность» служенія интересамъ общины, раздѣлявшейся еще по роду работъ на артели (ткачи, прядильщики, скребальщики, сновальщики и проч.) Суконная слобода скоро обстроилась. Сначала въ ней была только одна улица, такъ-называемая Третья-Гора (на которой стояла и самая фабрика); но потомъ стали появляться домики и подъ горой, на широкомъ зеленомъ долу, между Третьей-Горой и озеромъ Кабаномъ; образовались улицы: Большая, Новая, Лаврентьева, Узенькая, Маленькое-Поле, Мостовая, затѣмъ прибавились еще двѣ улицы по Первой и Второй горамъ (считая отъ города). Улица по Третьей горѣ, помимо своей древности, гор-

*) Сохранилось письмо Петра къ Михляеву о передачѣ послѣднему шерстянаго завода, писанное изъ Москвы, отъ 15 іюня 1724 года и напечатанное въ обѣихъ «Казанскихъ исторіяхъ» (Рыбушкина и Баженова). Пользуясь краткостію этого документа, мы приводимъ его здѣсь дословно. Вотъ его содержаніе: «Господинъ Михляевъ! Мы, вѣдая доброе ваше состояніе, отдаемъ вамъ казанскій шерстяной заводъ съ готовымъ домомъ и со всѣми станами и прочими инструментами, только вы приложите свое стараніе оный размножить для своего интересу, а какое въ томъ заводѣ надобно вамъ вспоможеніе, о томъ пишите прямо къ намъ въ Кабинетъ, также въ мануфактуръ-коллегію, а мы не только что тебѣ помогать будемъ, но и въ милости своей васъ не оставимъ. *Петръ*.»—О громадномъ богатствѣ Михляева весьма краснорѣчиво говоритъ его предсмертное духовное завѣщаніе, напечатанное въ «Изв. по Каз. Епархіи» 1875 г. № 10. Кромѣ суконной фабрики и наличныхъ денегъ, онъ оставилъ нѣсколько домовъ въ Казани, 34 каменныя лавки, сальный дворъ, кожевенный и винокуренный заводы, полотняную фабрику въ Москвѣ, мельницу, разныя земельныя угодья и *крѣпостныхъ крестьянъ*. Относительно этихъ послѣднихъ въ 4 пунктѣ завѣщанія говорится слѣдующее: «людей моихъ дворовыхъ крѣпостныхъ и купленныхъ крестьянъ кого изъ нихъ при себѣ похочетъ жена моя (Евдокія Ивановна) имѣть, тѣхъ оставить при себѣ; а прочихъ всѣхъ по разсмотрѣнію, смотря по заслугамъ наградя, на волю отпустить и крѣпости имъ выдать и никому не зачто не вступать и не крѣпить».

**) Мы не могли добиться объясненія, въ чемъ состояла эта послѣдняя должность, названная такимъ мѣткимъ именемъ. Вѣроятно, эти *говоруны* играли роль народныхъ адвокатовъ.

дится еще тѣмъ, что она никогда не горѣла, не смотря начастые пожары, опустошавшіе Казань въ старину; даже въ августовскій пожаръ 1848 года, когда сгорѣла вся Суконная слобода (загорѣлось въ домѣ Пичугина), Третья-Гора осталась невредимой. На ней былъ вырытъ колодезь, и сейчасъ удивляющій своей необыкновенной глубиной и хорошимъ вкусомъ воды; но самое завидное украшеніе Третьей-Горы — это безконечные сады, тянущіеся позади каждаго домика, даже каждой лачужки, обмазанной глиной. Уходъ за садами былъ любимымъ занятіемъ суконщиковъ между фабричныхъ работъ, и сдѣлалъ ихъ впослѣдствіи хорошими садовниками.*) Внизу, подъ Третьей-Горой, находился ихъ базаръ, извѣстный подъ именемъ «лавочекъ». И теперь еще старый суконщикъ или суконщица не скажутъ: «я иду на базаръ,» а говорятъ: «я иду къ лавочкамъ». Слово базаръ имѣло мѣсто только въ смыслѣ какого-нибудь рынка, находящагося въ городѣ. На Мостовой улицѣ красовалась приходская церковь суконщиковъ, съ двумя храмами: Сошествія св. Духа и священномученика Харлампія. Эти два праздника (лѣтній и зимній) были временемъ шумныхъ пиршествъ и бражничанья всей Суконной слободы. Духовъ-день праздновался обыкновенно цѣлую недѣлю (троицкую) и создалъ извѣстное всей Казани присловье: „суконщики въ Духовъ день *грача молятъ*“**); горожане, собирающіеся въ гости къ суконщикамъ въ Духовъ-день, говорятъ, что они идутъ «грача молить»***). Въ концѣ улицы, именуемой „Маленькое-Поле“

*) Городскіе богачи-домовладѣльцы и теперь приглашаютъ суконщиковъ для обработки и приведенія въ порядокъ своихъ садовъ. Этотъ заработокъ служитъ для большинства стариковъ единственнымъ источникомъ прокормленія. Молодые суконщики пустились уже въ другія спеціальности.

**) Происхожденіе этого присловья объясняется различно. По сказанію однихъ—оно вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ старину, въ домѣ какого-то суконщика была въ Духовъ-день пирушка. Въ то время, какъ гости сидѣли за столомъ и веселились, въ отворенное окно влетѣлъ въ покои грачъ и произвелъ немалый переполохъ между подгулявшими гостями. Когда-же прошелъ суевѣрный страхъ и грачъ былъ пойманъ, присутствующіе предложили хозяину его «молить» (ѣсть). Другіе передаютъ, что одинъ бѣдный суконщикъ назвалъ къ себѣ, въ Духовъ день, изъ города гостей. Когда его не безъ иронія спросили: чѣмъ онъ будетъ ихъ подчивать,—суконщикъ отвѣчалъ: «грача будемъ молить» и проч. Грачи и до сихъ во множествѣ водятся въ Суконной слободѣ.

***) Въ Духовъ-день, какъ въ главный свой праздникъ, всѣ обитатели Суконной слободы поднимаются спозаранку, еще до свѣта, и идутъ всей массой, съ крестнымъ ходомъ и величайшимъ благоговѣніемъ, въ городъ, въ женскій монастырь, для подятія мѣстной явленной иконы Казанской Божіей Матери. Икону эту весь день носятъ по домамъ слободы и поздно ночью провожаютъ обратно въ мона-

находился знаменитый у суконщиковъ «Горловъ кабакъ», въ которомъ по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ суконщики пѣли свои звонкія пѣсни (драли «горло»). Кабакъ этотъ также упоминается въ «Исторіи пугачевскаго бунта» Пушкина, хотя вскользь; но о немъ слѣдовало-бы историку собрать поболѣе свѣдѣній, такъ-какъ, по преданію, въ Горловѣ-кабакѣ въ Пугачевщину угощали суконщиковъ даровымъ виномъ. Въ это врямя, какъ ниже увидимъ, фабричные находились уже въ другихъ отношеніяхъ къ владѣльцу фабрики и внушали властямъ сильныя опасенія, въ виду приближенія пугачевскихъ шаекъ.....

Все это было въ давно-минувшія времена. Суконщикамъ жилось тогда хорошо: они были довольны своимъ положеніемъ; но эта мирная, чисто патріархальная жизнь скоро для нихъ миновала. Наступала грозная пора вѣковой борьбы за свободу.

По смерти Михляева, фабрика перешла къ родственнику его, купцу Дряблову, который перенесъ ее съ Третьей-Горы во вновь построенное, съ помощію казны, каменное одно-этажное зданіе (существующее до сихъ поръ и частію сохранившее первобытную архитектуру). Дрябловъ завелъ другіе порядки: сталъ постепенно урѣзывать заработную плату фабричныхъ и стѣснялъ ихъ штрафами и грубостію обращенія. Наконецъ, императрица Елизавета Петровна, указомъ 1 декабря 1755 года *закрѣпостила* за суконной фабрикой всѣхъ ея рабочихъ, земельныхъ и безземельныхъ, въ количествѣ 1369 душъ.....

Не трудно представить, какую бурю негодованія произвело это распоряженіе въ умахъ всего фабричнаго населенія. Оно подѣйствовало на суконщиковъ потрясающимъ образомъ, и тѣмъ неожиданнѣе подкрадывалось, тѣмъ ужаснѣе казалось. Они не хотѣли вѣрить своимъ ушамъ и своимъ глазамъ. Раздались вопли, стенанія, жалобы, протесты, всеобщій «зубовный скрежетъ.» Но фактъ совершился: суконщики сдѣлались *рабами*.....

стырь. Это дѣлается и въ настоящее время. А для совершенія богослуженія въ своей церкви приглашаютъ всякій разъ епархіальнаго архіерея и дѣлаютъ складчину для приготовленія сытнаго обѣда владыкѣ и его многочисленной свитѣ.

«Старики наши въ гробахъ перевернулись — говоритъ преданіе; — земля выла источнымъ голосомъ, ночью колоколъ у Сошествія стоналъ.....»

Скоро, однакожь, столбнякъ прошелъ, суконщики пришли въ себя и стали обдумывать свое новое положеніе. Временами возникали кровавыя демонстраціи, но не привели къ добру: это были горячія вспышки небольшой горсти смѣльчаковъ и правительству удавалось безъ лишняго труда усмирять ихъ посредствомъ кнута и палокъ. Суконщики стихли. Но затишье это было только кажущееся, на самомъ - же дѣлѣ они только затаили въ глубинѣ души всю жолчь и ненависть, ожидая благопріятнаго случая для болѣе серьезнаго возстанія.

Катастрофа, громовымъ образомъ разразившаяся надъ суконщиками, сблизила ихъ между собою узами самаго тѣснаго единства и самаго кровнаго братства: они обнимались другъ съ другомъ и клялись мстить и бороться, бороться и мстить до конца, пока не снимутъ съ себя злую неволю, не смоютъ тяжкаго оскорбленія. Идея борьбы сдѣлалась второй религіей суконщика и ежедневнымъ его помышленіемъ.

Фабричная слобода приняла мрачное настроеніе. Ея обитатели сдѣлались замкнуты, серьезны, подозрительны къ постороннимъ. Образовались между ними ночныя сходки, совѣты; положено было начало тому продолжительному заговору, который прошелъ черезъ нѣсколько поколѣній и кончился только въ 1849 году—дарованіемъ всѣмъ суконщикамъ полной «воли» и правъ свободныхъ городскихъ обывателей.

Отъ Дряблова суконная фабрика перешла во владѣніе, также по родственнымъ отношеніямъ, къ казанскому купцу Осокину.

„Съ Осокина, Ивана Петровича, — разсказываютъ старики,— пошли у насъ первыя тяжбы по начальству. Были сопротивленія и раньше, да безтолковыя..... ничего путнаго не выходило: себя только изводили. Фабричная молодежь горяча была, не могла выносить злой неволи. Дрожь пробѣгала по тѣлу при одномъ этомъ словѣ.

Ребята каждый день заѣдались съ приказщиками, имъ надѣвали цѣпи, колодки, запирали въ арестантскую при фабрикѣ. Старики уговаривали не торопиться и писали тихомолкомъ челобитную".

Мы однако не могли допроситься точности, въ какомъ смыслѣ и порядкѣ вели суконщики свои тяжбы во все продолженіе прошлаго столѣтія.*) Нѣкоторые говорятъ, что въ царствованіе Екатерины суконщикамъ было полегче; но почему, вслѣдствіе какихъ причинъ и въ какой мѣрѣ было полегче — обо всемъ этомъ даже и устное преданіе молчитъ. Можно, съ большимъ вѣроятіемъ, предположить, что суконщики, воспользовавшись пріѣздомъ въ 1767 году въ Казань Екатерины, обратились къ ней съ коллективной жалобой и получили нѣкоторыя облегченія въ своей участи, чего всегда можно было ожидать отъ этой императрицы. Не даромъ-же нашъ землякъ, Державинъ, сложилъ про нее стихи, что она для благоденственнаго и мирнаго житія своихъ подданныхъ:

Стамбулу голову сорвитъ,
На Таврѣ ѣздитъ чехардой,
Задать Берлину перцу хочетъ, и т. д.

По съ Павла I-го повѣствованіе снова проясняется. Слухъ о необычайной эксцентричности этого государя дошелъ и до народа отдаленнаго нашего края. Ее приняли за заботу о народномъ благѣ и за желаніе покровительствовать угнетенному большинству, не зная того, что Павелъ Петровичъ мѣнялъ свои виды и взгляды на все—чуть не каждый день, и такъ-называемая «черноземная сила государства»—народъ, едва-ли представлялъ для него

*) Не подлежитъ сомнѣнію однакоже, что суконщики не принимали никакого активнаго участія въ разореніи Казани Пугачевымъ въ 1774 году. Лѣтъ десять назадъ, намъ разсказывалъ одинъ почтенный суконщикъ, Борисъ Семеновичъ Сазановъ (умершій 90-лѣтнимъ старикомъ въ 1866 году), что передъ нашествіемъ Пугачева на Казань, обуянное страхомъ фабричное начальство, боясь мести и бунта своихъ мастеровыхъ, задобривало ихъ многими обѣщаніями, наградами и даже «волей», если они останутся спокойны и помогутъ спровадить изъ Казани вора Емельку. Были прекращены всѣ работы на фабрикѣ и производилась отъ владѣльца ея каждодневная даровая выдача вина и калачей, какъ въ самой фабрикѣ, такъ и въ Горловѣ-кабакѣ. Суконщики поддались на эту удочку и остались спокойными. Молодежь, впрочемъ, дѣлала попытки къ поднятію «общаго вопроса» и начинала уже свирѣпствовать, но партія старыхъ суконщиковъ, пользовавшихся здѣсь постояннымъ уваженіемъ молодаго поколѣнія, сдерживала вспышки, склоняясь болѣе къ легальному образу дѣйствія. Пугачевщина кончилась и суконщики остались съ «носомъ»: ихъ нетолько не освободили, но горше прежняго опутали различными тяготами. Старики краснѣли передъ молодыми, женщины рвали волосы, сожалѣя объ удобномъ случаѣ.

какія-нибудь темы для размышленій. Онъ, впрочемъ, относительно народа додумался только до того, что возъимѣлъ намѣреніе отдать всѣхъ русскихъ крестьянъ въ крѣпостную зависимость дворянамъ, такъ-какъ по его искреннему убѣжденію «помѣщики суть лучшіе полиціймейстеры въ государствѣ» (см. Рус. Арх. 1866 г. стр. 1309). Но какъ-бы то ни было, суконщики ухватились за мысль, что Павелъ Петровичъ вникнетъ поглубже въ ихъ дѣло: «онъ-де и съ знатными господами не церемонится.» Павелъ I собирался путешествовать по Волгѣ и посмотрѣть, между прочимъ, на Казань..... Вѣсть о его пріѣздѣ въ этотъ городъ молніей свернула по всей Суконной слободѣ; встрепенулся «старъ и младъ,» не смотря на мѣры, принятыя фабричнымъ начальствомъ въ предупрежденіе волненій. Въ маѣ 1798 года*) Павелъ Петровичъ прибылъ въ Казань, вмѣстѣ съ старшими сыновьями Александромъ и Константиномъ Павловичами, и остановился на Арскомъ полѣ, въ деревянномъ домѣ генерала Ляцкого.**) Полиція зорко наблюдала за суконщиками. На другой день пріѣзда царя, у подъѣзда его квартиры, съ ранняго утра, терся высокаго роста старикъ, съ черной, съ просѣдью, бородой, съ умнымъ лицомъ, огненными глазами и звучной, неторопливой рѣчью. Одѣтъ онъ былъ въ длинный суконный азямъ, подпоясанный кушакомъ; голова была не покрыта. Онъ добивался пропуска къ государю для объясненія ему какого-то важнаго дѣла. Этотъ высокій старикъ былъ никто иной, какъ выборный отъ общества фабричныхъ «депутатъ», суконщикъ съ Третьей-Горы — *Максимъ Алексѣевичъ Юрьевъ*, пришедшій бить челомъ царю «по общему мірскому дѣлу суконщиковъ.» Извѣстно, что доступъ къ Павлу Петровичу былъ менѣе хитръ и сложенъ не только для дворянъ, но и для меньшей братіи. Юрьевъ былъ пропущенъ къ царю и вручилъ ему челобитную по «мірскому дѣлу.» Павелъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, принялъ его ласково, прочиталъ жалобу и отпустилъ съ надеждою на успѣхъ, приказавши сдѣлать строгое изслѣдованіе относительно

*) Въ казанскихъ исторіяхъ Рыбушкина и Баженова ошибочно показанъ 1799 годъ.

**) На этомъ мѣстѣ теперь каменный домъ помѣщика Наумова, на Большой Лядской улицѣ.

всѣхъ пунктовъ прошенія фабричныхъ и донести ему въ Петербургъ. Ободренные хорошимъ началомъ дѣла, суконщики повеселѣли и ждали «воли.» Однако слѣдствіе тянули около трехъ лѣтъ, а 12 марта 1801 года императоръ Павелъ I умеръ и дѣло ничѣмъ добрымъ для суконщиковъ не кончилось.

Въ царствованіе Александра I-го смуты въ Суконной не переставали; явился новый послѣдователь старика Юрьева, не менѣе его сильный волею, молодой суконщикъ Афанасій Семеновичъ *Морозовъ* съ товарищами: Степаномъ *Полушкинымъ*, Мартыномъ *Скорняковымъ*, Тихономъ *Тюленевымъ*, Иваномъ *Зубаревымъ* и Степаномъ *Мойкинымъ*. Люди эти стояли во главѣ движенія суконщиковъ при Александрѣ; они составляли просьбы, давали ихъ подписывать другимъ, посылали по почтѣ на высочайшее имя и, вообще, вели дѣло съ необыкновенной настойчивостью до тѣхъ поръ, пока не засадили ихъ въ (1815 г.) въ острогъ и не отправили въ Восточную Сибирь. Изъ нихъ одинъ Морозовъ возвратился впослѣдствіи на родину послѣ 40-лѣтняго изгнанія, да Тюленевъ вышелъ въ Сибири въ купцы и зажилъ припѣваючи, а остальные всѣ умерли въ ссылкѣ, подъ гнетомъ сибирскихъ условій и разлуки съ семьей.*) Жалобы Александру были безуспѣшны.

«Вздумалось намъ—говорили суконщики—попытать счастья черезъ великаго князя Михаила Павловича, тогда еще очень молодаго, но мягкаго и вникательнаго къ нуждамъ нашего брата. Въ пятнадцатомъ году Казань вся сгорѣла, а въ шестнадцатомъ князя Михаила ждали сюда для раздачи пособія погорѣвшимъ. Былъ въ ту пору у насъ старикъ *Забытовъ*, первый затѣйщикъ послѣ Морозова; онъ ходилъ тайкомъ по Суконной съ челобитной и отбиралъ подписи, а потомъ подалъ челобитную Михаилу Павловичу. Хотя и засадили послѣ Забытова въ острогъ, а все-же по челобитной намъ сдѣлали большую льготу. Прежде мы работали на фабрикѣ съ 4 часовъ утра до 10-ти вечера, исключая часъ на обѣдъ, а Михаилъ Павловичъ велѣлъ работать съ 5 утра до 8

*) Семьи сосланныхъ суконщиковъ, если въ нихъ находились дѣти мужескаго пола, не имѣли права слѣдовать за отцами въ мѣста ихъ ссылки. Жены добровольно оставались на родинѣ для малолѣтнихъ дѣтей, и только бездѣтныя шли съ мужьями въ Сибирь.

а, да часъ на обѣдъ. Плату намъ тоже прибавили, да уве-
ли пайки дѣтямъ до 9-ти лѣтняго возраста (съ 9 лѣтъ маль-
поступали на фабрику и паекъ прекращался; дѣвушки на
икѣ не работали и пайка на нихъ не шло), а старикамъ,
ь 60 лѣтъ, пенсію положили: 1 пудъ ржаной муки и 1 рубль
нціями денегъ въ мѣсяцъ и отъ работъ фабричныхъ осво-
или. Михаилъ Павловичъ велѣлъ написать все это на табли-
и повѣсить на фабрикѣ, въ свѣтелкахъ. Уѣхалъ великій
обратно въ Петербургъ и, спустя немного времени, прислалъ
у, чтобы всѣмъ суконщикамъ дать волю на *полтора года*.*)
лась у насъ «вольница», отдохнули мы въ это время, тор-
й кое-какой занялись, садами, колодцы въ городѣ стали
но черезъ полтора года опять попали въ прежнее ярмо:
тели донесли, что суконщики пьянствуютъ, обнищали, бро-
по городу и распутствомъ запимаются. Насъ снова закрѣпо-
. Точно-что были у насъ человѣкъ до десятку бурныхъ пар-
Спиридонъ *Малышевъ*, Егоръ Ѳедоровъ *Судковъ*, Тимофей
евъ *Обручешниковъ*, Ефимъ *Курочкинъ*, Дмитрій Андреевъ
никовъ (онъ-же Волгинъ), Иванъ Кириловъ *Калинкинъ*,
рій Поликарповъ *Байбаршевъ*, Гарасимъ *Голый*, Егоръ Заха-
Сивковъ. Они и послѣ занимались худыми дѣлами: въ Сукон-
не проказничали, а въ городѣ страхъ наводили: и украсть, и
мать, и ограбить кого—это было ихъ дѣло. Егоръ Сивковъ
матка всей этой шайкѣ; онъ даже босикомъ въ лютые мо-
прямо съ фабрики въ Горловъ-кабакъ могъ идти и ничего
не дѣлалось».....

Послѣ новаго закрѣпленія суконщиковъ въ неволю,—просьбы
лобы ихъ посыпались въ несмѣтномъ количествѣ: не успѣютъ
нить отвѣтъ на одну просьбу, какъ шлютъ уже другую, затѣмъ
ю и т. д. Не смотря на то, что самыхъ рьяныхъ изъ нихъ
авляли немедленно въ Сибирь, на иркутскую суконную фабрику,
нѣе опаснымъ брили лбы,—волненіе не умолкало и кандидаты

---

*) Разсказъ объ этомъ распоряженіи кажется намъ нѣсколько страннымъ и
ловнымъ, но мы не считаемъ себя въ правѣ оставлять его въ полномъ пре-
женіи, въ виду положительнаго утвержденія всѣхъ старыхъ суконщиковъ.

[illegible]ьста пострадавшихъ росли, какъ грибы. Въ началѣ двадцатыхъ [illegible] является между суконщиками новая личность, преданная [illegible] самоотверженія. То былъ старый ткачъ Гаврила [illegible] самый близкій другъ Забытова. Мясниковъ [illegible] двигатель всего суконскаго населенія, „настоятель [illegible] какъ говорили суконщики, уважавшіе его за нравственную [illegible] жизнь, начитанность, стойкій и невозмутимый характеръ. [illegible] него было два сына Михаилъ-мѣдникъ и Андрей, еще [illegible], которыхъ отецъ старался не посвящать въ свои тайны, [illegible] выбралъ себѣ главнымъ сотрудникомъ; кромѣ старшаго [illegible] Михаила, Гаврила Иванычъ пригласилъ для „дѣловъ" Никифора [illegible], сосѣда своего по ткацкому станку. Эти три [illegible] руководствовать всѣмъ обществомъ, принялись опять [illegible] и рѣшили отправить ее къ царю уже не по почтѣ, [illegible] Петербургъ.—„Начальство наше—го[illegible] — смекнуло про эти руководства и [illegible] губернатору. Приходимъ мы однажды утромъ [illegible] каждый всталъ за свое ремесло: ткачъ за станокъ, пря[illegible] скрёбальщикъ за скрёбалы, сновальщикъ за [illegible] а къ намъ въ свѣтлицы и [illegible] начальники, а потомъ и начальство военное [illegible] другаго и высылать на фабрич[illegible]. Какъ сейчасъ смотрю — про[illegible] старичокъ весьма древнихъ [illegible] того самаго Гаврилу Иваныча: [illegible] не моргнетъ, а ноги ему [illegible] а имъ надѣли оковы на Никифора [illegible] Михаило (Мясниковъ) заплакалъ, ноги [illegible] ему, а унять не могъ: малый [illegible] голосомъ. Всѣхъ троихъ прямо съ [illegible] острогъ. А въ въ острогѣ-то въ ту пору еще [illegible], первый другъ Гаврилы Иваныча. Сидѣли [illegible] двадцать-пятаго года. Въ этомъ году [illegible]

[illegible] Мясниковъ сохранился отъ всѣхъ [illegible] [illegible], откупился на волю, записался въ [illegible] [illegible] до самой своей смерти въ 18[illegible]

емъ сталъ Николай Павловичъ. Въ этотъ самый разъ и Гаврила аныч съ товарищами пострадалъ. Долго уговаривали его под-аться къ миру, чтобъ, значитъ, не начинать жалобъ, и другихъ тому не подговаривать; но Гаврила Иваныч слышать не хо-тъ. Грамотный онъ былъ и начитанный, книжками на толчкѣ по здникамъ торговалъ.— Не хочу, говоритъ, давать подписку, чтобы тимъ не повадно было. Дѣлайте со мной, что хотите, а руки ей не приложу ни за себя, ни за товарищей, и имъ, говоритъ, совѣтую—такъ прямо и сказалъ: не „совѣтую". Безъ Гаврилы аныча и другіе суконщики не подписывались: пусть-де онъ пер-ый начнетъ, тогда и мы, а не начнетъ и мы не начнемъ".

Извѣстно, что Мясниковыхъ (отца съ сыномъ), Ожарина и ытова приговорили къ наказанію плетьми и ссылкѣ въ Сибирь, они и умерли.

Подобная расправа съ зачинщиками еще болѣе разжигала не-исть и злобу суконщиковъ; общее бѣдствіе сильнѣе стучало въ олѣвшее сердце и пуще развивало духъ протеста. Волненіе ро-, женщины неутомимо раздували его, забывъ осторожность. Между ихъ, въ средѣ суконщиковъ стали появляться ищейки, доносившіе ушей фабричныхъ властей обо всемъ, что дѣлалось въ Суконной ободѣ. Контора фабрики не жалѣла денегъ на подкупъ и успѣ-а во-время захватывать въ свои руки главныхъ коноводовъ, какъ видѣли сейчасъ въ примѣрѣ съ Мясниковымъ. Особенными до-стями по части шпіонства отличались три суконщика: Иванъ *ромысловъ*, Андрей *Ныпчиновъ* и Иванъ *Дубровинъ*; они вели свое ло такъ тонко, казались такими тихими, задушевными людьми, что арищи не только не подозрѣвали ихъ въ этомъ гнусномъ художе-ствѣ, но и вѣрить не хотѣли, когда ищейки дѣлали промахи въ своей тикѣ. Впослѣдствіи уже для всѣхъ стала ясна пословица: „из-ви насъ Богъ отъ друзей, а съ врагами мы сами справимся."

Съ 1827 по 1837 г. суконная фабрика находилась въ 10-лѣт-емъ арендномъ содержаніи у Алексѣя Ивановича *Лобачевскаго* *). о десятилѣтіе было самымъ невыносимымъ временемъ для сукон-

*) Этотъ Лобачевскій былъ родной братъ профессору казанскаго универси-та, извѣстному математику и впослѣдствіи ректору—Николаю Ивановичу Лоба-евскому.

...ковъ. Арендаторъ имѣлъ крутой и необузданный нравъ и причинялъ рабочихъ чрезмѣрною строгостію. Рабочіе за каждый прогульный день подвергались штрафамъ; за самовольную отлучку съ фабрики во время работъ и за нѣкоторые другіе, иногда очень незначительные проступки имъ надѣвали на голову желѣзные рога. Это было кольцо изъ шиннаго желѣза, съ тремя вертикально прикрѣпленными къ нему рогообразными отводами, такъ что удостоившимся имѣть дѣло съ этимъ средневѣковымъ головнымъ уборомъ, кромѣ жестокой боли, лишался возможности спать. Ножныя деревянныя колодки и даже кандалы были вещью обыденной и составляли для суконщиковъ плевое дѣло. Лобачевскій окружилъ себя такими-же суровыми людьми, какимъ былъ и самъ. Главный прикащикъ его Александръ Кузьмичъ *Малаховъ* и главный мастеръ Матѳей Михайловичъ *Бѣловъ*[1]) причиняли суконщикамъ самыя жестокія истязанія. Оба они были старообрядцы поморскаго согласія, ходили съ постными, истомленными лицами, съ выстриженными вершинками на головѣ, уста ихъ постоянно шептали молитву, но въ потомствѣ эти люди заслужили одни проклятія. Именемъ изверга пользовался также другой старообрядецъ (часовеннаго прихода), фабричный расходчикъ Кузьма Васильевичъ *Морозовъ*. Онъ завѣдывалъ кладовыми и выдавалъ рабочимъ пайки.

„Ни одного дня не проходило безъ того,—говорятъ суконщики,—чтобы Кузька Морозовъ не разбилъ кому-нибудь рыло мучнымъ совкомъ." Морозовъ по наружности представлялъ типъ истаго фари-

[1]) Малаховъ 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ привезенъ былъ въ Казань изъ ...ской губерніи, съ Троицкаго мѣдно-плавильнаго завода, и помѣщенъ писцомъ фабричную контору. Раболѣпствомъ и низкопоклонствомъ онъ скоро получилъ званіе прикащика и былъ до послѣднихъ дней неволи грозою суконщиковъ.—Бѣловъ, его ...ло чувству и вѣрѣ, былъ коренной суконщикъ. Сначала онъ былъ подмастерьемъ ...щаго станка, потомъ сталъ служить и нашимъ и вашимъ, и наконецъ ...лѣйшимъ адептомъ Лобачевскаго. Суконщики звали его неначе, какъ ...ковъ. Величайшіе Бѣлова въ обращеніи съ рабочими едва его не погубили ...тоятъ суконщиковъ: Петръ Матвѣевъ Аверьяновъ, Иванъ Сергѣевъ Скобелевъ и Михайло Ивановъ Тиньковъ, истощивъ терпѣніе отъ побой «Матьки», ...шили съ нимъ навсегда. Бѣловъ жилъ въ собственномъ домѣ на Новой ...ому саду былъ колодезь, у котораго и засѣли заговорщики. Нѣсколько вечеровъ ...ли они «Матьку» у колодца, чтобы спустить его туда прежде, чѣмъ ...успѣетъ опомниться. Имъ удалось услѣдить его и жизнь Бѣлова была на волоскѣ ...колодецъ. Но ему какимъ-то образомъ посчастливилось умолить ..., забоялся и его отпустили. Оправившись, онъ не замедлилъ ...учить солдаты.

ся: ходилъ по улицамъ медленною, жеманною поступью, голова го была всегда наклонена къ землѣ, глаза полузакрыты, говорить юбилъ текстами св. писанія.—При Лобачевскомъ, Малаховѣ, Бѣловѣ Морозовѣ шпіонство усилилось до громадныхъ размѣровъ.

Въ 1836 году между суконщиками начинается новое движеніе, дно изъ самыхъ отважныхъ, самыхъ рѣшительныхъ, какія были о сихъ поръ. Рѣшили встать поголовно и идти напроломъ. Въ азань ждали императора Николая и суконщики готовили просьбу, ъ подачѣ которой призывали всѣхъ—отъ мала до велика, чтобы до а оставались однѣ женщины съ грудными дѣтьми и дряхлые ста ики. Слухъ о пріѣздѣ царя достигъ до фабрики очень рано и су онщикамъ достаточно было времени, чтобы выработать себѣ планъ йствій и не въ расплохъ предстать предъ государемъ. Хотя страхъ, ъ минуты раздумья, заставлялъ, быть можетъ, трепетать не одно ердце; однако не было случая, чтобы хоть одинъ суконщикъ сдѣ алъ шагъ на попятную: ни одинъ изъ нихъ не поддался чувству пе ѣшимости. Да и немыслимо было для суконщика толковать о тру ости, когда отцы и дѣды жертвовали собой для «общаго дѣла» и хлад окровно ложились подъ плети и шли въ Сибирь; это съ одной сто оны, а съ другой—старухи-матери грозили проклятьемъ при ма ѣйшемъ признакѣ малодушія въ своихъ сыновьяхъ. Эта послѣдняя гроза казалась суконщику страшнѣе всего на свѣтѣ. Стоило толь о матери топнуть ногой на сына, какъ этотъ дѣлался самымъ от аянным ъ бунтовщикомъ. Такихъ фактовъ было множество.

Для веденія подготовительныхъ работъ къ предстоящему про есту, суконщики избрали изъ среды себя двѣнадцать человѣкъ: Се ена Григорьева *Толожнова*, Михаила Иванова *Баранова*, Василія ихайлова *Зубцова*, Алексѣя Петрова *Быстренина*, Павла Иванова *Подчалкина*, Алексѣя Иванова *Пикулина*, Егора Ѳедотова *Жирно а*, Михаила Борисова *Чернова*, Пантелея Иванова *Коровина*, Ивана ндреева *Бабина*, Ивана Иванова *Шумихина* и Григорія Андреева ыбникова. Люди эти отличались необыкновенной отвагой и готов остью душу свою положить за «общее мірское дѣло», хотя еще жи-

во помнили результаты прежнихъ ходатайствъ и были въ числѣ невольныхъ зрителей торговой казни, учиненной надъ Мясниковымъ и другими. Эти «двѣнадцать мужей» — какъ ихъ величали, облеченные полными полномочіями, ходили ночью по домамъ Суконной слободы и отбирали рукоприкладства. Трудовъ имъ было не мало: интересы дѣла требовали самой утонченной осторожности и тайны; нужно было пустить въ оборотъ всю сумму человѣческой хитрости и изворотливости. Днемъ приходилось быть за фабричнымъ станкомъ и ни однимъ мускуломъ не выражать тайнъ души. Хотя чутье фабричныхъ доэорщиковъ и ожидало новаго скандала, но они были далеки отъ мысли, что скандалъ этотъ принимаетъ грандіозные размѣры. Августовскія глубокія ночи были единственнымъ благопріятнымъ временемъ для сношеній суконщиковъ между собою. «Избранные» раздѣлили Суконную на участки, по улицамъ, и агитировали каждый въ своемъ мѣстѣ; они водили съ собой грамотнаго собрата и тотъ росписывался за безграмотныхъ. Въ концѣ агитаціи, молодой бравый суконщикъ Зубцовъ, вмѣстѣ съ Барановымъ, Пикулинымъ и Шумихинымъ — вдругорядь приложили руки: они подписались за полное согласіе и участіе въ протестѣ всего общества безъ исключенія. Оставалось только назначить одного человѣка, который поднесъ бы государю ихъ просьбу. Моментъ потрясающій, но за исполненіе его, какъ за совершеніе послѣдняго священнаго акта, брались очень многіе суконщики, вмѣняя себѣ этотъ подвигъ въ великую честь. Начался неизбѣжный, сдержанный споръ и вопросъ о выборѣ остался открытымъ до дня пріѣзда государя.

Пріѣздъ въ Казань Николая Павловича совершился 20 августа 1836 года. Суконщики съ 20 на 21 число, какъ наканунѣ великаго дня, не спали всю ночь и тревожно ждали утра. Наступило 21-е число, столь памятное въ жизни суконщиковъ; засверкало на крестѣ сошественскомъ солнце, заскрипѣли кое-гдѣ ворота и колодцы — и вся масса фабричныхъ, около тысячи человѣкъ — двинулось на Арское поле. Шли отдѣльными небольшими толпами и разными дорогами; многіе, идучи, крестились. Двѣнадцать «выборныхъ» пришли туда раньше, поддерживали въ возрастающей массѣ собратій тишину и ободряли слабонервныхъ. Семену Григорьеву Толокнову рѣшено

подойти въ царю съ просьбой. Около полудня послышались вдали крики „ура“ и показался поѣздъ государя, ѣхавшаго на воинскіе маневры; онъ сидѣлъ въ открытый колескѣ, рядомъ съ казанскимъ губернаторомъ Стрѣкаловымъ. Фабричные заволновались, дѣти подняли вопль и обратили вниманіе царя. Стрѣкаловъ молчалъ и прачно посматривалъ на „бунтовщиковъ“. Николай Павловичъ приказалъ кучеру ѣхать тише.

— Что это за народъ?—спросилъ государь Стрѣкалова.

— Осокинскіе суконщики, ваше величество..... Мятежники.....

Семенъ Толокновъ спокойно подошелъ къ колескѣ, сталъ на колѣни и положилъ бумагу на голову. Позади его опустились на колѣни остальные „выбранные“, а за ними и вся масса. Николай Павловичъ взялъ у Толокнова просьбу и, не развертывая ея, произнесъ:

— Жалобу вашу велю разсмотрѣть..... Обидчикамъ не потакну; но если найду въ ней неправду, — берегитесь! вамъ крѣпко достанется!.....

Государь передалъ просьбу Стрѣкалову и поѣхалъ дальше, по направленію къ маневрамъ. Суконщики воротились во-свояси и весь этотъ день не ходили на фабрику.

Въ ноябрѣ того-же года пріѣхали изъ Петербурга въ Казань генералы Хомутовъ и Приклоновъ, присланные по высочайшему повелѣнію для разбора жалобы суконщиковъ. Слѣдственная коммиссія засѣла на Воскресенской улицѣ въ домѣ Рындовскаго (нынѣ Алкина) и въ Михайловъ день (8 ноября) открыла свои засѣданія. Суконщики готовили себя къ отвѣту. Одинъ изъ нихъ, высокій сѣдой старикъ, Иванъ Яковлевичъ Слéсаревъ, ходилъ по домамъ, направлялъ товарищей къ справедливымъ показаніямъ и разсѣевалъ упадокъ духа. Отставной канцелярскій чиновникъ, писавшій суконщикамъ жалобу, сробѣлъ такъ, что застрѣлился въ своей квартирѣ, въ домѣ Подчалкина. Коммиссія кончила свое порученіе очень скоро и составила докладъ, весьма невыгодный для суконщиковъ. Уполномоченные обществомъ двѣнадцать человѣкъ узнали смыслъ доклада и опять закопошились: написали протестъ, въ которомъ разъясняли дѣло по своему и укоряли слѣдователей въ пристрастіи. Зубцовъ,

Пикулинъ, Барановъ и Шумихинъ подписали эту аппеляцію за все общество, отнесли ее въ казанскій женскій монастырь и положили на лампаду передъ образомъ Богоматери. Монахини нашли эту бумагу и передали архіерею, а этотъ препроводилъ ее Хомутову и Приклонову. Коммиссія опять засѣла за работу, принялась снова перебирать «мятежниковъ». Засѣданія ея происходили на этотъ разъ уже и не въ городѣ, а въ самой Суконной слободѣ, на Мостовой улицѣ, въ домѣ оброчнаго суконщика Осипа Иванова Окунева. Власти считали его мирнымъ, такъ какъ сыновья Окунева служили въ фабричной конторѣ, а самъ онъ ходилъ «по оброку». Хомутовъ и Приклоновъ черезъ три дня кончили слѣдствіе,—Зубцова, Баранова, Пикулина и Шумихина, которые и во время допросовъ въ карманъ за словомъ не лазили,—засадили въ острогъ и уѣхали въ Петербургъ.

Въ концѣ января 1837 года 52 человѣка, какъ самые упорные и главные, по донесенію коммиссіи, зачинщики и руководители «бунта» были раздѣлены на три категоріи и приговорены:

I. Василій Михайловъ *Зубцовъ*, Михайло Ивановъ *Барановъ*, Алексѣй Ивановъ *Пикулинъ* и Иванъ Ивановъ *Шумихинъ*—къ наказанію сквозь строй и ссылкѣ въ дальніе батальоны рядовыми.

II. Семенъ Григорьевъ *Толокновъ*, Егоръ Ѳедотовъ *Жирновъ*, Михаилъ Борисовъ *Черновъ*, Пантелей Ивановъ *Коровинъ*, Алексѣй Петровъ *Быстренинъ*, Павелъ Ивановъ *Подчалкинъ*, Иванъ Андреевъ *Бабинъ*, Григорій Андреевъ *Рыбниковъ*, Петръ Михайловъ *Плотниковъ*, Дмитрій Павловъ *Судоковъ*, Егоръ Яковлевъ *Сметанинъ*, Иванъ Гавриловъ *Долбежкинъ*, Алексѣй Семеновъ *Сазановъ*, Александръ Васильевъ *Рыбниковъ*, Дмитрій Ивановъ *Черемухинъ* (дряхлый старикъ), Ѳедоръ Петровъ *Сапожниковъ*, Александръ Назаровъ *Подчалкинъ*, Иванъ Михайловъ *Холодиловъ*, Степанъ *Сорокинъ*, Илья Леонтьевъ *Грылевъ*, Ефимъ Ивановъ *Рамзинъ*, Павелъ Гурьяновъ *Филатовъ*, Петръ Васильевъ *Шелковниковъ*, Степанъ Васильевъ *Зубаревъ*, Никита Васильевъ *Колесниковъ*, Меркулъ Дмитріевъ *Еробинъ* (онъ-же Звѣревъ), Степанъ Николаевъ *Вдовинъ*, Ѳедоръ Ти-

евъ *Кадушкинъ*, Ѳедоръ Афанасьевъ *Аверьяновъ*, Осипъ Михайловъ *Коневъ* и Николай Ивановъ *Обручешниковъ* — **къ ссылкѣ въ Сибирь, на иркутскую суконную фабрику.**

III. Александръ Степановъ *Юрьевъ*,*) Ефимъ Ивановъ *Барановъ*, Александръ Андреевъ *Мартыновъ*, Иванъ Григорьевъ *Недоюжевъ*, Игнатій Михайловъ *Обручешниковъ*, Лаврентій Андреевъ *Башмаковъ*, Гаврила Захаровъ *Сивковъ* (46 лѣтъ), Петръ Романовъ *Шмелевъ*, Александръ Николаевъ *Булдаковъ*, Ѳеоктистъ Васильевъ *Судаковъ*, Ѳадей Павловъ *Грачовъ*, Петръ Ивановъ *Ельцовъ*, Иванъ Герасимовъ *Красновъ*, Иванъ Павловъ *Кипяковъ*, Ѳедоръ Григорьевъ *Мясевъ*, Яковъ Ивановъ *Серебряковъ* и Степанъ Ивановъ *Комаровъ* (старикъ)—**къ отдачѣ въ солдаты, съ заселеніемъ въ полки, расположенные въ Финляндіи.**

Со всѣхъ-же остальныхъ суконщиковъ отобрать подписку въ томъ, что они обязываются не заводить впредь никакихъ исковъ, ни жалобъ противъ своего господина. Обстоятельство это касало суконщиковъ. По разсказамъ ихъ — даже многіе не поняли смысла подписки и вообразили, что начальство хочетъ принять къ фабричнымъ работамъ ихъ женъ и дочерей, чего, какъ кажется, на самомъ дѣлѣ не было. Во всякомъ случаѣ фабричные категорически заявили, что никакой подписки они не дадутъ. Отказъ этотъ вызвалъ, какъ извѣстно, тѣ печальныя мѣры, которыя до сихъ поръ памятны не только въ Суконной слободѣ, но и возвели панику въ цѣломъ городѣ. Вотъ, что говорятъ объ этомъ событіи суконщики (мы передадимъ и этотъ разсказъ *буквально* словами очевидцевъ**):

«....Въ пятницу, 29 января, наканунѣ праздника Трехъ-Святителей, на фабрику стало съѣзжаться съ утра городское начальство: казанскій комендантъ Павелъ Аполлоновичъ Чертовъ, прокуроръ

*) Родной внукъ Максима Алексѣевича Юрьева, подававшаго просьбу императору Павлу.

**) Фабричная катастрофа 29 января 1837 г. слишкомъ извѣстна въ Казани; мы прибѣгались и къ другимъ, постороннимъ свидѣтелямъ происшествія, но не находили противорѣчія въ повѣствованіи.

Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ, полиціймейстеръ Петръ Ивановичъ Поль, жандармскій начальникъ Булыгинъ, командиръ гарнизоннаго батальона Павелъ Андреевичъ Апехтинъ; затѣмъ появился губернаторъ Стрѣкаловъ. Вокругъ фабрики была разставлена цѣпь казаковъ и жандармовъ, внутри—гарнизонные солдаты съ заряженными ружьями. Привезено 4 пушки и нѣсколько возовъ прутьевъ и цѣпи. Ворота заперли.... Толпы любопытныхъ сбѣгались изъ города и запрудили всю мѣстность отъ фабрики до Георгіевской церкви; купцы взобрались на колокольну Духо-сошественской церкви. Суконщиковъ выслали изъ мастерскихъ на дворъ. Приступили къ отбиранію съ каждаго фабричнаго подписки въ томъ, что онъ обязуется повиноваться Осокину и безпрекословно исполнять всѣ его приказанія. Фабричные отказывались. Началось сѣченіе на пять округовъ. Въ воздухѣ поднялся крикъ и стонъ. Ревущія суконщицы съ дѣтьми пробовали ворваться въ ворота, но казаки отгоняли ихъ своими нагайками.... Съ 9 часовъ утра и до 4-хъ вечера продолжалась жестокая кровавая расправа. Сѣкли всѣхъ, кто не соглашался подписываться. Суконщику Петру Иванову *Коровину* дали сто ударовъ и спросили—желаетъ-ли онъ дать подписку? «Нѣтъ»—отвѣчалъ Коровинъ и его снова били. Полторы тысячи ударовъ принялъ Коровинъ, а подписки все-таки не далъ; его замертво отвезли въ больницу. Въ другомъ кругу сѣкли Михаила Григорьева Ефремова—и повторилась таже исторія; но болѣе слабохарактерные изнемогали, и послѣ нѣсколькихъ ударовъ изъявляли готовность подписать бумагу на повиновеніе. Одинъ, 18-лѣтній суконщикъ, Яковъ Степановъ Добрынинъ, далъ подписку только послѣ того, какъ изъ его спины стали вылетать куски мяса. Такимъ образомъ перебрали всѣхъ суконщиковъ, исключая самое незначительное количество перепуганныхъ и оробѣвшихъ, на которыхъ зрѣлище крови и истязаній сразу подѣйствовало и заставило идти на подписку, не дожидая лишнихъ приглашеній. До двухъ-сотъ человѣкъ, избитыхъ болѣе или менѣе сильно, поддались и сдѣлали подписку, остальные-же чѣмъ ихъ больше сѣкли, тѣмъ они становились упорнѣе и все-таки поставили на своемъ—не дали подписки. Подобно Петру Иванычу Коровину, замертво свезены въ

ьницу: Михаилъ Григорьевъ *Ефремовъ*, Яковъ Степановъ *Добынинъ*, Иванъ Мартыновъ *Скорняковъ*, Никита Алексѣевъ *Костынъ* и Василій Ларіоновъ *Щипакинъ*. Этимъ шестерымъ дано было 1000 до 1600 ударовъ впродолженіе нѣсколько пріемовъ. По нчаніи экзекуціи, приговоренныхъ въ Сибирь (изъ числа переленныхъ нами выше 52-хъ человѣкъ) заковали въ кандалы и равили въ тюрьму, а 17 назначенныхъ въ солдаты, повели, же въ цѣпяхъ, въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ на другой день имъ рили лбы, и 2-го февраля выслали въ Выборгъ, не снимая въ одолженіе всего пути оковъ. Спустя нѣсколько времени, за ностью, на Казанкѣ, прогнали сквозь строй Баранова*), Зубцова, кулина и Шумяхина....»

Суконщики еще не успѣли отереть слезъ и залѣчить свои ра-, какъ услыхали, что въ іюнѣ этого-же 1837 года собирается Казань наслѣдникъ престола (теперешній государь) Александръ колаевичъ. Стали опять держать между собою совѣтъ: какъ-бы роить новое челобитье. Явились другіе народные «вожаки» и ова привели въ броженіе всю Суконную слободу. Написали очень тоятельную просьбу со всѣми подробностями, изложили весьма ю картину своего вѣковаго страданія, и просили безусловной ли.» Просьбу эту носилъ при себѣ Андрей Онуфріевъ *Шляпковъ*, 60-лѣтній старикъ; онъ уходилъ съ ней въ кирпичные са- откупившагося на волю суконщика Емельяна Филиппова Колова, находившіеся верстахъ въ двухъ отъ Суконной слободы; другіе суконщики: Никоноръ Николаевъ *Комаровъ*, Гурьянъ Тифеевъ *Евтихіевъ*, Кузьма Семеновъ *Кузнецовъ* и Василій Тифеевъ *Хохлатовъ*—созывали народъ къ подпису. Дѣло велось въ ичайшемъ секретѣ. Малаховъ и Бѣловъ предугадывали намѣія мастеровыхъ, но не могли напасть на слѣдъ настоящихъ телей. Они заподозрили въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ другихъ: Тимофея

*) Отецъ этого Баранова, Иванъ Яковлевъ, былъ еще раньше сосланъ Лобаскимъ въ Сибирь также за искапіе воли; его сослали вмѣстѣ съ Степаномъ Яковымъ Тиньковымъ и Кузьмой Петровымъ Дубровинымъ.

Маркова *Минцева*, Дементья Никифорова *Ожарина* и Ивана Гаврилова *Сивкова*—и отдали ихъ въ солдаты. Впрочемъ, 16-лѣтній Сивковъ угодилъ подъ красную шапку скорѣе по слѣдующему замѣчательному обстоятельству: онъ былъ единственный сынъ у матери и жилъ съ нею въ утлой избенкѣ на Третьей-Горѣ, работая на фабрикѣ. Отецъ его, Гаврила Захаровъ, былъ сосланъ въ Сибирь за жалобу Николаю, въ числѣ 31 человѣка. Суконщики знали, что Иванъ Сивковъ грамотный и просили его подписать просьбу за себя и за другихъ безграмотныхъ товарищей. Иванъ отъ всего этого отказался наотрѣзъ, чуя недоброе отъ принесенной къ подписи бумаги и со страхомъ рисуя передъ собой январскую драму. Но вотъ слѣзаетъ съ печи его мать, становится посреди избы, выпрямляетъ свой станъ и сверкающими глазами смотритъ на сына. На минуту воцарилось гробовое молчаніе. Сынъ трепещетъ отъ взора матери... «Иванъ»! произнесла она задыхающимся отъ негованія голосомъ. «Прокляну, разбойника!.... Пиши, что велятъ!...» Иванъ безмолвно повиновался — взялъ перо и написалъ, что велѣли... Другой молодой грамотѣй, Григорій Ивановичъ Коровинъ, подписывался за безграмотныхъ, сидя по ночамъ въ сараяхъ Копылова, при слабомъ свѣтѣ сальнаго огарка.

Государя-наслѣдника суконщики ждали сначала за городомъ, на оренбургскомъ выѣздѣ, такъ-какъ онъ возвращался изъ путешествія по нашему востоку. Болѣе сотни человѣкъ ихъ лежало на травѣ. Проѣхалъ мимо Стрѣкаловъ встрѣчать гостя и погрозилъ суконщикамъ: «Вы опять? Или мало вамъ было? Я вамъ шелуху-то сшибу!» Наслѣдника на этотъ разъ они остановить не успѣли: онъ проѣхалъ быстро. На другой день рѣшились карауллть его въ крѣпости, у подъѣзда зданія военныхъ кантонистовъ, гдѣ цесаревичъ въ это время осматривалъ батальоны. Кучеръ казанскаго купца Гаврилы Носова, правившій царскими лошадьми, мигнулъ суконщикамъ, чтобы они не зѣвали, и обѣщалъ сдержать лошадей въ моментъ подачи жалобы. Такъ и было сдѣлано. Какъ только цесаревичъ сѣлъ въ экипажъ, къ нему подошли пятеро суконщиковъ (Шляпниковъ, Комаровъ, Евтихіевъ, Кузнецовъ и

латовъ) и подали свою слезницу. Александръ Николаевичъ ково поглядѣлъ на нихъ, развернулъ просьбу, просмотрѣлъ и, ередавая ее своему флигель-адъютанту, сказалъ: «побереги!» а ителямъ обѣщалъ помочь въ ихъ ходатайствѣ. Тѣмъ пока дѣло ончилось.

Прошло еще десять лѣтъ.

Въ августѣ 1848 года страшный пожаръ истребилъ Суконую слободу; сгорѣла и фабрика. Большинство суконщиковъ остаось безъ крова и жило въ полѣ, вплоть до осеннихъ холодовъ. збитые въ долговременной борьбѣ за свое экономическое и сольное существованіе—фабричные съ дикимъ, истомленнымъ ви-ъ бродили по развалинамъ своихъ жилищъ.

Но новая чаша бѣдствій, раскрывшаяся передъ ними, не ытожила вконецъ ихъ мужества. Суконщики разными путями одолжали свои обычные поиски за «свободой»; собирали послія силы и—хлопотали.

Хлопоты эти были послѣднія: желанная воля была близка....

24 марта 1849 года, часовъ въ 10 утра, на фабрику пріѣхалъ новый казанскій губернаторъ Шиповъ, въ сопровожденіи ркина. Суконщики находились въ свѣтелкахъ и работали. Ихъ гласили выйти во дворъ и здѣсь, при ослѣпительномъ блескѣ енняго солнца, объявили Высочайшую волю: всѣмъ фабричъ были дарованы права свободныхъ городскихъ обывателей. было наканунѣ праздника Благовѣщенія.

Вмѣстѣ съ освобожденіемъ они получили трехлѣтнія льготы: авлялись отъ платежа подушныхъ податей, отбыванія рекрутй, постойной и другихъ повинностей. Черезъ три года всѣ сущики стали казанскими мѣщанами*).

*) Многіе изъ нихъ еще раньше воли откупились отъ своего господина. овемъ нѣкоторыхъ: Емельянъ Филиповъ *Копыловъ* съ сыномъ Ѳадѣемъ, Иванъ, лій и Петръ Андреевы *Калашниковы*, Степанъ *Горшенинъ*, Степанъ Степановъ *ыловъ* съ сыномъ Афонасіемъ, Егоръ *Козинъ*, Василій Ивановъ *Шерстневъ*, Егоръ *ыловъ*, Иванъ Петровъ *Фокинъ*, Андрей Гавриловъ *Мясниковъ* (книгопродавецъ), ванъ Петровъ *Пучинъ* (тоже книгопродавецъ). Большинство изъ нихъ сдѣлались ицкими купцами.

При вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго государя, манифестомъ 26 августа 1856 г., возвращены изъ Сибири всѣ сосланные за «бунты» и «мятежи» суконщики. Ихъ воротилось около 50 человѣкъ и нѣкоторые изъ нихъ сейчасъ доживаютъ свой вѣкъ въ любезной имъ Суконной слободѣ.

Такова исторія казанскихъ суконщиковъ.....

Я. Посадскій.

Казань, 29 января 1876 г.

Когда онъ умеръ, на челѣ
Земная грусть еще лежала,
А на устахъ его нѣмыхъ
Улыбка тихая играла.

* * *

Допѣлъ онъ пѣсню о любви...
Но все еще несутся звуки,
Какъ отъ надорванной струны,—
Полны отшедшей въ вѣчность муки...

N. N.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Почему и зачѣмъ?

Появленіе въ свѣтъ провинціальнаго литературнаго изданія имѣетъ странное свойство — возбуждать вопросы, которые можно схематизировать въ двухъ словахъ: Почему и зачѣмъ? Изъ какихъ побужденій и съ какою цѣлью?

Мы называемъ это свойство страннымъ, потому что появленіе новаго изданія въ столицѣ такого свойства не имѣетъ. Когда тотъ или другой столичный издатель печатаетъ и выпускаетъ въ свѣтъ книгу, сборникъ, свои очерки, разсказы, переводы и т. д.,—его не смущаетъ забота, что отъ него потребуютъ отчета о мотивахъ и цѣляхъ его изданія. И когда столичный рецензентъ кладетъ передъ собой такое столичное изданіе, съ цѣлью написать о немъ отзывъ, — и ему не приходитъ въ голову доискиваться этихъ мотивовъ и искать въ изданіи какихъ нибудь особенныхъ цѣлей. Совсѣмъ другое дѣло съ изданіемъ въ провинціи: оно не можетъ явиться въ свѣтъ — «такъ», спроста, какъ являются сотни изданій въ столицахъ; оно должно имѣть наготовѣ отвѣтъ—съ объясненіями насчетъ своего права явиться «въ публику». Столичное изданіе является въ публику, какъ завсегдатай въ свой клубъ, имѣя возможность напередъ разсказать, какъ его встрѣтятъ и что онъ самъ встрѣтитъ въ клубѣ: какую ужимку сдѣлаетъ передъ нимъ знакомый швейцаръ, снимая шубу въ передней; какъ изогнется при видѣ его буфетчикъ за своимъ прилавкомъ; какъ забѣгаютъ оффиціанты; какихъ онъ встрѣтитъ пріятелей и недруговъ, и т. д. Провинціальное изданіе—это «гость», и гость, какъ-будто, непрошеный и незваный;

это неуклюжій «провинціалъ», привлекающій на себя любопытные взоры толпы, въ которыхъ написано: «это еще что за птица?»

— Вамъ кого угодно?—спрашиваютъ незнакомаго гостя съ такимъ видомъ, какъ будто опасаются, чтобы онъ не стащилъ шубу изъ передней, и несчастный провинціалъ конфузится, мнется и тревожно ищетъ глазами знакомаго человѣка изъ завсегдатаевъ, чтобы, прицѣпившись къ нему, подъ его сѣнью оправиться отъ перваго смущенія. Но—увы! знакомцы-завсегдатаи спѣшатъ укрыться отъ провинціальнаго медвѣдя, спѣшатъ сдѣлать видъ, что они съ нимъ незнакомы и ничего общаго не имѣютъ, или—еще хуже: начинаютъ его третировать со всей пошлостью своего «столичнаго обращенія»:

— Позвольте вамъ, господа, рекомендовать: провинціалъ «изъ глуши, изъ Саратова»... Труженикъ-съ, работникъ, скромный труженикъ, собиратель драгоцѣнныхъ матеріаловъ.»

— Очень, очень пріятно! раздается со всѣхъ сторонъ, послѣ такой рекомендаціи, и затѣмъ, посыпавъ путь провинціала, какъ плевками, общими фразами насчетъ драгодѣнности матеріаловъ, „почтенности задачъ скромныхъ тружениковъ“ и т. д., — кружокъ завсегдатаевъ принимается за свои обычныя занятія,—т. е. чесаніе языка. Всё это называется, что «провинціалъ былъ хорошо принятъ».... Но къ этому, для полноты и вѣрности картины, слѣдовало-бы добавить, что провинціалъ будетъ, навѣрное, хорошо общипанъ: всё, чѣмъ можно отъ него поживиться, въ видѣ-ли займа по мелочи, или въ видѣ болѣе или менѣе «капитальной обработки» тѣхъ «полезныхъ матеріаловъ», которыми онъ располагаетъ—все это будетъ сдѣлано; ничто не укроется отъ быстраго взора столичныхъ пріятелей-завсегдатаевъ. Въ концѣ концовъ «хорошо принятому» провинціалу останется только, усладившись тѣми похвалами, которыми щедро осыпетъ его столица, снова зарыться въ свой медвѣжій уголъ, до новаго появленія въ свѣтъ съ новымъ запасомъ матеріаловъ для столичной «обработки».

Такова аллегорическая идиллія удачнаго выхода въ свѣтъ провинціала-сборника или провинціала-газеты. Неудачный выходъ опять-таки даромъ не пропадаетъ для столичныхъ завсегдатаевъ, которые ко всему провинціальному, начиная съ закуски подрядчика

рунова и кончая любымъ провинціальнымъ изданіемъ, издавна
выкли относиться какъ къ «матеріалу», который ждетъ ихъ „ис-
ной обработки“...

Но есть и выгодныя стороны въ томъ особенномъ свойствѣ
винціальныхъ изданій, о которомъ сказано выше, т. е. свойствѣ
буждать своимъ появленіемъ въ свѣтъ вопросы: почему и зачѣмъ?
года тутъ двоякая: во-первыхъ, въ томъ, что провинціальное из-
іе, прежде чѣмъ выйдти въ свѣтъ, должно самому себѣ дать
ый отчетъ относительно своего raison d'être и своихъ цѣлей;
о-вторыхъ, въ томъ, что оно не можетъ замаскировать мотивы
ѣли своего появленія—такъ, какъ это сплошь и рядомъ дѣлается
столичной практикѣ издательскаго дѣла. Поясникъ и эту сторону
а наглядныхъ примѣромъ: если, напр. Иванъ Ивановичъ каждый
здникъ ходитъ къ обѣдни и по этому самому пріобрѣлъ репу-
ію человѣка религіознаго, вамъ и въ голову не придетъ удив-
ься его появленію среди молящейся публики.—Пришолъ, значитъ,
оду Богу помолиться, — скажете вы при его появленіи; и въ
ову вамъ не придетъ спрашивать Ивана Ивановича: а вы зачѣмъ
а, батюшка, пожаловали? Мало того, самъ Иванъ Ивановичъ не
ъ себѣ въ этомъ отчета: пришло воскресенье, ударили въ коло-
ъ, значитъ—пора, собирайся и ступай съ Богомъ. А на дѣлѣ,
етъ быть, Иванъ Ивановичъ вовсе не потому идетъ въ церковь,
душа его возжадала молитвы, а просто—богатыхъ невѣстъ вы-
тривать, и вовсе было-бы для него не лишнимъ, отправляясь
урочный часъ къ богослуженію, задать самому себѣ вопросъ:
ему и зачѣмъ?.. Но установившаяся репутація богомола мѣшаетъ
это сдѣлать. Совсѣмъ другое дѣло, положимъ, Иванъ Никифо-
ъ, который испоконъ вѣковъ въ церковь ходилъ только по на-
у отъ начальства, въ качествѣ лица официальнаго, «для порядка
агочинія», такъ-что даже въ публикѣ незамѣтно сложилось мнѣ-
, что Иванъ Никифорычъ безъ распоряженія начальства и Богу
иться не способенъ. Потому-то, когда, снявъ съ себя официаль-
й мундиръ, онъ появится въ церкви, вы напередъ можете быть
рены, что сдѣлалъ онъ это не по привычкѣ, не безотчетно, а
етъ—зачѣмъ пришолъ и что его привело: просто-ли ему за-

хотѣлось на крылосѣ басъ свой попробовать,—изъ любви къ искусству, или въ надеждѣ получить за то двугривенный отъ церковнаго старосты,—или, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ душа его переполнилась,—во всякомъ случаѣ, онъ далъ себѣ въ этомъ ясный отчетъ, и ни себя самого, ни добрыхъ людей не введетъ въ заблужденіе. Не удивитъ его и вопросъ завсегдатая: вы-то, батюшка, зачѣмъ сюда пожаловали? и не обидитъ, такъ какъ репутацію богомола пріобрѣсти ему было некогда и съ мундиромъ она совсѣмъ невязалась...

Но довольно аллегорій; вернемся опять къ вопросу: „почему и зачѣмъ?“ Можетъ быть, съ самого-же начала слѣдовало замѣтить, что этимъ вопросомъ встрѣчаютъ новое провинціальное изданіе не тѣ читатели, для которыхъ, такъ-называемые, вопросы о печати вовсе не существуютъ (каковыхъ огромное большинство), а читатели, извѣстные подъ именемъ «проницательныхъ», и первѣе всего, такъ-называемые, рецензенты. Провинціальные писатели извѣстны у насъ подъ общимъ названіемъ «литераторовъ обывателей». Въ pendant къ этому, столичныхъ журналистовъ можно-бы окрестить огульнымъ именемъ «литераторовъ-рецензентовъ». Если хорошенько посчитать, то я полагаю, что изъ всего наличнаго состава нашей столичной «пишущей братіи»—наберется не болѣе десяти *писателей* въ строгомъ смыслѣ слова (т. е. такихъ, которые, не вызывая улыбки и не конфузясь, могутъ сказать про себя: я русскій писатель); остальные—это все «рецензенты» или «фельетонисты». Относительно этихъ послѣднихъ я и готовъ держать пари въ томъ, что появленіе литературнаго сборника въ провинціи они не могутъ встрѣтить безъ вопроса: почему и зачѣмъ? Безъ сомнѣнія, и нашъ «Сборникъ» будетъ встрѣченъ такимъ-же вопросомъ, и отъ насъ потребуется отвѣтъ. Прекрасно, но предварительно мы сами зададимъ тотъ-же самый вопросъ нашимъ рецензентамъ: скажите намъ,—вы почему пишете, и съ какой цѣлью печатаются и издаются ваши «органы?»

Вы пишете потому, что вамъ нравится литературная профессія; потому, что литературный трудъ, сравнительно, хорошо окупается; пишете потому, наконецъ, что находятся издатели, которые

чатаютъ то, что вы пишете, и находится публика, которая даетъ зможность этимъ издателямъ печатать ваши «труды».

Вы пишете затѣмъ, чтобы удовлетворить живущему въ васъ ланію писать для печати; желанію принадлежать къ литературму міру; затѣмъ, чтобы имѣть литературный успѣхъ, чтобы полуть построчную или полистную плату; затѣмъ, наконецъ, чтобы анить въ душѣ пріятное сознаніе, что и вы носили камни при строеніи вавилонскаго столпа современной литературы...

Полагаю, что никто изъ васъ, господа рецензенты, положа ку на сердце, не рѣшится утверждать, что я отвѣтилъ за васъ вѣрно, что на вопросы «почему и зачѣмъ вы пишете?» вы не вѣтили-бы (сами себѣ покрайней мѣрѣ) тоже самое; можетъ быть, лько съ какими-нибудь дополненіями. Но въ такомъ случаѣ, если можете относительно самихъ себя и тѣхъ изданій, въ которыхъ авствуете, отвѣчать на вопросъ: почему и зачѣмъ все это пиется, печатается и является въ свѣтъ,—что̀ за охота вамъ допываться отъ другихъ какого-то особеннаго отвѣта? Отвѣтьте сами, явши за основаніе собственный опытъ, свою практику,—мы не демъ на это въ претензіи, потому что каждый судитъ по себѣ, тя это не всегда бываетъ судъ правильный и вѣрный.

Но столичный рецензентъ чувствуетъ, что предлагаемая ему рка не совсѣмъ годится для даннаго случая; онъ чувствуетъ, что всегдатай столичной печати и «литераторъ-обыватель» — это личины отчасти несоизмѣримыя,—потому-то онъ и задаетъ себѣ просъ: почему и зачѣмъ? Онъ не обратится съ этимъ вопросомъ такому-же, какъ онъ, завсегдатаю, потому что самъ, по собственму опыту и изъ собственной практики отлично знаетъ—почему ъ состоитъ при своемъ дѣлѣ и зачѣмъ его дѣлаетъ; но литераръ-обыватель, вмѣстѣ съ тѣмъ изданіемъ, которому онъ даетъ ществованіе,—это нѣчто совсѣмъ другое. Глядя на него, рецензентъ размышляетъ: «я пишу, потому что есть издатель, который ня нанимаетъ; — но почему пишетъ литераторъ-обыватель, котого, какъ извѣстно, никто не нанимаетъ писать, ибо даже и нанять некому? Я пишу потому, что у насъ въ столицѣ можно, сравтельно, недурно и независимо устроиться литературнымъ трудомъ;

но почему пишетъ провинціальный литераторъ-обыватель, который не можетъ, какъ я, обратить свое занятіе въ ремесло, дающее средство къ существованію? Я пишу потому, что мнѣ пріятно вращаться въ литературномъ кругу; но почему-же пишетъ литераторъ-обыватель, который обреченъ на одиночество тѣмъ болѣе полное, чѣмъ полнѣе онъ отдается своему дѣлу? Я знаю, почему издается нашъ журналъ: потому, что публика дала деньги на его изданіе, и издатель не способенъ бѣжать съ этими деньгами за границу, тѣмъ болѣе, что изданіе приноситъ ему хорошій доходъ; но какимъ образомъ люди ухитряются выпустить въ провинціи нѣчто аналогичное столичной книжкѣ «толстаго журнала», когда, повидимому, нѣтъ никакой выгоды затрачивать капиталъ въ подобное предпріятіе, не заручившись ни подпиской, ни даже такими «именами», благодаря которымъ и мы, рецензенты, можемъ сотрудничать безъ опасенія погубить изданіе своей неизвѣстностью? Какой талисманъ у этихъ господъ—провинціаловъ, что они такъ смѣло рискуютъ своимъ трудомъ и капиталомъ, и что это за господа, неизвѣстность которыхъ простирается далѣе неизвѣстности нашихъ *Иксовъ*, *Игрековъ* и *Зетовъ*?...» Очевидно, что подъ вліяніемъ подобныхъ размышленій литературный завсегдатай никакъ не можетъ отдѣлаться отъ вопросовъ: почему и зачѣмъ? и долженъ чувствовать себя въ нѣкоторомъ затрудненіи, которое увеличивается еще болѣе, если лежащее предъ нимъ изданіе нѣтъ возможности, безъ явной натяжки, отнести къ разряду «книгопродавческихъ спекуляцій» — (хотя-бы уже потому одному, что условія изданія вовсе не способны вселить надежду на барыши).

Въ такихъ-то обстоятельствахъ литературному завсегдатаю, привыкшему, какъ всѣ завсегдатаи, ходить по избитымъ тропинкамъ, остается на выборъ: или «поощрить», или «подцѣпить на зубокъ» или, наконецъ, «наговорить очень много и не сказать ничего». Такъ они и поступаютъ.

Поощряя, рецензентъ непремѣнно возьметъ изъ растрепаннаго лексикона избитыхъ словъ наиболѣе истасканныя, въ родѣ «безкорыстный труженикъ, скромный дѣятель,»... или: «нелишено таланта».... «могло-бы не безъ чести занять мѣсто и въ столичной печати», или: «нельзя не пожелать... нельзя не привѣтствовать...

«отрадное явленіе...» и т. д. и т. д.—«*Подцыпивъ на зубокъ*»—онъ опять-таки возьметъ изъ своего лексикона наиболѣе истасканныя слова, но на этотъ разъ съ цѣлью произвести иную музыку: «безкорыстные труженики, скромные дѣятели» и т. п.—посыпятся изъ-подъ его пера въ видѣ ироніи, и рецензія будетъ закончена обычнымъ сожалѣніемъ о даромъ потраченной бумагѣ, и «благимъ совѣтомъ» литератору обывателю употреблять съ большей пользой свои досуги. При особенномъ усердіи рецензентъ не забудетъ также выказать маленькій запасъ своихъ свѣдѣній по орѳографіи и посовѣтуетъ автору—«прежде, чѣмъ писать, поучиться грамматикѣ,»—совершенно забывая, что и провинціальный писатель также, какъ столичный, не отвѣтственъ за внимательность наборщиковъ и корректора.

Наконецъ, что касается до третьяго, самаго благодарнаго, выхода: «*наговорить много, не сказавъ ничего*»—это такой обширный и сложный предметъ, который невозможно изобразить въ краткой схемѣ; но въ этомъ и нѣтъ надобности, такъ-какъ въ слѣдующихъ главахъ этихъ замѣтокъ придется привести in extenso не мало образчиковъ этого рода краснорѣчія, наиболѣе процвѣтающаго въ современной публицистикѣ.

III

О томъ, какъ открываются «неизмѣнные міровые законы».

Оставляя такимъ образомъ проницательнымъ читателямъ и рецензентамъ на свободѣ соображать — «почему и зачѣмъ» появляется въ свѣтъ этотъ сборникъ, мы посмотримъ теперь, какимъ образомъ относятся къ провинціальной печати столичные *писатели*, въ строгомъ смыслѣ этого слова.

До послѣдняго времени, они къ ней вовсе никакъ не относились, да почему-то имъ и въ голову не приходило, что провинціальная печать - въ дѣйствительности или in potentia—есть нѣчто такое, къ чему можно такъ или иначе относиться. Тѣмъ болѣе мы обрадовались появленію въ журналѣ «Дѣло» статьи г. Мордовцева о «печати въ провинціи,» статьи, которая и по объему своему

и по имени автора обѣщала очень много. Начало статьи заставляло ожидать еще большаго; судя по этому началу, можно было заключить, что талантливый публицистъ,—имѣющій, казалось, къ тому-же болѣе близкія связи съ провинціей, чѣмъ кто-либо изъ выдающихся въ наше время столичныхъ публицистовъ, — намѣренъ приложить къ вопросу о провинціальной печати широкую мѣрку, взглянуть на дѣло съ серьезностью историка и философа.

«На долю девятнадцатаго вѣка, пишетъ г. Мордовцевъ*), какъ послѣдняго изъ всѣхъ вѣковъ, пережитыхъ человѣчествомъ во весь историческій циклъ своего существованія, безспорно, должно было выпасть рѣшеніе, если не практическое, то хотя теоретическое, многихъ міровыхъ вопросовъ, которые не могли быть рѣшены предшествовавшими поколѣніями; отчасти потому, что для рѣшенія ихъ не было накоплено исторической жизнью народовъ достаточно рѣшающаго матеріала, отчасти-же и потому, что многими изъ такихъ вопросовъ и не могло задаваться предшествовавшее намъ человѣчество за неимѣніемъ ихъ въ программѣ жизни предшествовавшихъ вѣковъ; явились-же они какъ продуктъ современной жизни и ея требованій и, какъ вопросы дня, сами ищутъ теперь практическаго, жизненнаго рѣшенія.—Въ числѣ *особенно выдающихся* вопросовъ, привлеченныхъ къ рѣшенію современной жизнью, конечно долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, какимъ путемъ *должна* идти исторія развитія печати—подчинится-ли она закону централизаціи, одному изъ неизмѣнныхъ общественныхъ законовъ, совмѣстно и, повидимому, равномѣрно управляющихъ духовною и физическою жизнью всего живущаго и движущагося, органическаго и не-органическаго, т. е. силѣ центростремительной, силѣ тяготѣнія; или напротивъ, другому изъ этихъ двухъ законовъ—закону децентрализаціи, силѣ центробѣжной? Должна ли печать составлять достояніе попреимуществу и почти исключительно интеллигентныхъ, міровыхъ и государственныхъ, центровъ, или же будущее ея принадлежитъ, если не въ одинаковой, то въ соотвѣтственной мѣрѣ, всему, что хотя и не составляетъ главныхъ центровъ, но является средоточіемъ интеллигентной и экономиче-

*) «Дѣло» № 9, 1875.

ской жизни мелкихъ территоріальныхъ единицъ, какъ напримѣръ болѣе или менѣе крупныхъ провинціальныхъ городовъ?»

Никто менѣе насъ не расположенъ протестовать противъ такой широкой постановки вопроса о провинціальной печати, и даже противъ возведенія его на высоту «особенно выдающагося міроваго вопроса»—покрайней мѣрѣ, если разсматривать его въ связи съ такими вопросами соціальной жизни, каковъ напримѣръ вопросъ вообще о централизаціи и децентрализаціи, являющійся подъ разными формами и именами. Напротивъ, мы очень благодарны г. Мордовцеву и ставимъ ему въ особенную заслугу, что онъ первый изъ нашихъ столичныхъ писателей сдѣлалъ попытку поставить вопросъ о провинціальной печати на подобающую ему высоту, посвятилъ ему двѣ довольно объемистыя статьи и имѣлъ смѣлость завести о немъ рѣчь, какъ о вопросѣ «особенно выдающемся», въ то время, какъ никто почти и не замѣчалъ самаго его существованія.

Но этимъ и кончается заслуга г. Мордовцева, такъ какъ въ исполненіи взятой имъ на себя задачи онъ проявилъ такую массу легкомыслія, непослѣдовательности, небрежности, такую путаницу понятій и такія жалкія, даже обскурантныя тенденціи, что не знаешь—возмущаться-ли его статьями, или стыдиться за ихъ автора. Въ столичной печати они обратили на себя вниманіе, вызвали нѣсколько рецензій и «Голосъ» (№ 300) назвалъ ихъ даже «замѣчательнымъ трудомъ.» Въ виду этого, намъ, піонерамъ провинціальной прессы, невозможно молчать о нихъ; возражать на нихъ мы обязаны, и лучше поздно, чѣмъ никогда. Мы предпочитаемъ, при этомъ, возражать изъ провинціи, такъ какъ въ столичной журналистикѣ, утратившей всякую связь съ провинціей, наше справедливое негодованіе не найдетъ себѣ сочувствія, его постараются сгладить, ступевать, обезличить или совсѣмъ не дадутъ мѣста его выраженію изъ-за литературнаго кумовства: вѣдь г. Мордовцевъ—сила въ своемъ родѣ, одинъ изъ самыхъ видныхъ теперь публицистовъ и съ давнихъ поръ сотрудникъ всѣхъ почти, безъ различія направленій, органовъ петербургской періодической печати: онъ и въ «Отечественныхъ Запискахъ» пишетъ, и у доктора Хана бли-

сталъ на страницахъ «Всемірнаго Труда», и на Благосвѣтлова работаетъ, и въ «Вѣстникъ Европы» имѣетъ доступъ, и «Недѣля», безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ заручилась-бы его именемъ, и даже самъ «Гражданинъ» въ 1874 г. восхищался его статьями. Въ виду этого можно-ли ожидать, чтобы хотя въ одномъ петербургскомъ періодическомъ изданіи нашлось мѣсто для вполнѣ свободнаго, безпристрастнаго отзыва о тѣхъ безобразіяхъ, которыми такъ обильны статьи г. Мордовцева о провинціальной печати? Въ этихъ случаяхъ цензура столичныхъ редакторовъ не имѣетъ того достоинства цензуры правительственной, которое заключается въ отсутствіи вліяній литературнаго кумовства.

И такъ—лучше поздо, чѣмъ никогда.

Г. Мордовцевъ, какъ мы видѣли, вздумалъ пріурочить вопросъ о провинціи и ея печати къ существованію двухъ «всеобъемлющихъ» міровыхъ законовъ: закону силы центростремительной и закону силы центробѣжной? Всеобъемлемость этихъ законовъ онъ не позаботился доказать, разсчитывая на то, вѣроятно, что между читателями (въ особенности «Дѣла») всегда найдется масса такихъ, которые повѣрятъ ему на слово; примутъ на вѣру, что тѣ самые законы, которые открыты Ньютономъ относительно системы міра, управляютъ «жизнью всего живущаго и движущагося, органическаго и неорганическаго». Очевидно, г. Мордовцевъ мало знакомъ съ новѣйшими работами по соціологіи; иначе, онъ стѣснился-бы съ такой развязностью выступать съ своими «неизмѣнными міровыми законами,» чтобы не заслужить упрека въ желаніи вселять путаницу въ умы читателей, слишкомъ привыкшихъ на вѣру принимать всякую чепуху, которую имъ преподносятъ «серьезныя статьи» такихъ журналовъ, какъ «Дѣло», подъ видомъ послѣдняго слова науки. Но пусть будетъ такъ, какъ угодно увѣрять г. Мордовцеву; признаемъ его положенія правильными и посмотримъ, какъ онъ съ ними управляется. Логическій выводъ изъ его главнаго положенія говоритъ въ пользу провинціи и ея печати; въ самомъ дѣлѣ: если жизнью всего живущаго управляютъ законы тѣхъ-же силъ, которыя производятъ величественную гармонію движенія небесныхъ тѣлъ, то поставленный г. Мордовцевымъ

вопросъ о томъ, «какимъ путемъ должно идти развитіе печати», разрѣшается просто: «ея будущее, — говоря словами Мордовцева, — принадлежитъ, если не въ одинаковой, то въ *соотвѣтственной* мѣрѣ всему, что хотя и не составляетъ главныхъ центровъ, но является средоточіемъ интеллигентной и экономической жизни мелкихъ территоріальныхъ единицъ, какъ напр. болѣе или менѣе крупныхъ провинціальныхъ городовъ»; въ противномъ случаѣ — равновѣсіе между провинціями и центрами было-бы нарушено, а изъ этого неминуемо послѣдовали-бы столь-же гибельныя послѣдствія, какъ и въ случаѣ нарушенія равновѣсія въ системѣ міра. Г. Мордовцевъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи и самъ приходитъ къ такому-же заключенію: «Только при извѣстномъ равновѣсіи между центрами и провинціями, — говоритъ онъ въ концѣ своей первой главы—возможна жизнь и тѣхъ и другихъ... Центры, непитаемые провинціями, неизбѣжно погибнутъ, тогда какъ провинціи, и не будучи питаемы духовною пищею центровъ, еще могутъ продолжать свое скромное существованіе».

Но это и есть единственное мѣсто въ статьяхъ г. Мордовцева, гдѣ онъ остается логически вѣренъ своему положенію о подчиненіи жизненныхъ явленій дѣйствію *двухъ* силъ: центробѣжной и центро-стремительный; вмѣсто того, чтобы держаться этого единственно правильнаго вывода, г. Мордовцевъ все свое краснорѣчіе употребляетъ на то, чтобы опровергнуть самого себя, опровергнуть то слѣдствіе, которое вытекаетъ изъ законовъ, имъ самимъ указанныхъ. Г. Мордовцеву, должно-быть, не нравится это слѣдствіе и онъ его игнорируетъ; читая его первую главу, вы видите, что г. Мордовцевъ задался мыслью во что-бы то ни стало вселить въ читателей, и въ особенности въ дѣятелей провинціальной печати, горестное убѣжденіе, что развитію провинціальной жизни вообще и печати въ частности грозитъ страшная опасность, предстоятъ неодолимыя препятствія, дѣлающія безплодными всѣ порыванія провинціаловъ къ самостоятельной литературной дѣятельности. «Девятнадцатый вѣкъ, говоритъ онъ, едвали не положительно, хотя надо полагать временно, рѣшаетъ вопросъ о печати въ смыслѣ абсолютной централизаціи; для рѣшенія этого

вопроса въ противоположномъ смыслѣ современная жизнь представляетъ, можно сказать, непреодолимыя органическія (?) препятствія, источникъ которыхъ не въ регламентаціи, а въ самомъ складѣ жизни, и чѣмъ дальше, тѣмъ, повидимому, препятствія эти становятся неизбѣжнѣе, такъ что то, что мы разумѣемъ подъ понятіемъ «печать въ провинціи», едвали имѣетъ близкое будущее при данномъ складѣ общественной жизни. Сказанное нами въ равной мѣрѣ относится какъ къ европейской, такъ и къ нашей русской провинціальной печати; а что касается провинціальной печати Новаго Свѣта, то тамъ явленіе централизаціи печатнаго слова высказывается еще ярче, еще абсолютнѣе (?!), при отсутствіи притомъ всякой регламентаціи, всякой репрессіи, хотя опять-таки явленіе это должно быть временнымъ, преходящимъ».

Несмотря на эту послѣднюю прибавку, несмотря на свое убѣжденіе въ томъ, что дѣйствіе силы, децентрализующей также законно и «неизмѣнно», какъ и противуположной ей, г. Мордовцевъ чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе отчаявается въ будущности провинціи и ея печати и не иначе говоритъ о надеждахъ на эту будущность, какъ въ прошедшемъ времени:

«Еще недавно у насъ *возлагались* большія надежды на провинціальную печать, говоритъ онъ, да и въ настоящее время едвали не господствующимъ мнѣніемъ остается то, что провинціальная печать имѣетъ свое будущее и даже очень близкое; что временныя, чисто механическія препятствія задерживаютъ ея развитіе насильственно; что несмотря на эти препятствія ростъ провинціальной печати, хотя довольно медленъ, однако носитъ въ себѣ всѣ зачатки жизни и развитія, что въ концѣ-концовъ, какъ грамотность, образованіе и развитіе должны сдѣлаться болѣе или менѣе общимъ достояніемъ.... такъ и печать разольется вездѣ, куда только она въ состояніи проникнуть, и разливаться будетъ не изъ центровъ въ видѣ готоваго уже читательнаго матеріала... но въ видѣ самого типографскаго станка съ его дѣятелями и факторами: литераторами, учеными, публицистами и т. д. И дѣйствительно, прибавляетъ г. Мордовцевъ, все повидимому *говорило* въ пользу мнѣнія о децентрализаціи печати, о томъ, что дальнѣй-

шее развитіе ея, *казалось-бы*, должно пойдти путемъ центробѣжной силы...»

«Къ сожалѣнію всѣ эти прекрасныя порыванія провинціи такъ, кажется, покуда и должны остаться порываніями, потому что питаемыя ими надежды и заявляемыя ими притязанія на равную съ крупными интеллигентными центрами долю участія въ общечеловѣческой работѣ печатнаго слова почти не имѣютъ подъ собой реальной почвы».

Итакъ, начавъ за здравіе, г. Мордовцевъ свелъ на упокой. Самъ-же онъ указалъ «реальную почву» надеждамъ и притязаніямъ приверженцевъ децентрализаціи, поставивъ во главѣ всего положеніе о совмѣстномъ дѣйствіи двухъ силъ, — центростремительной и центробѣжной, — и самъ-же говоритъ теперь, что эти надежды и притязанія почти не имѣютъ подъ собой реальной почвы — «и положительно не оправдываются тѣмъ направленіемъ, какое принимаетъ жизнь современныхъ цивилизованныхъ обществъ». Не отвергая вполнѣ *совмѣстности* дѣйствія помянутыхъ двухъ силъ, г. Мордовцевъ стремится доказать, что *равномѣрности* въ ихъ дѣйствіи не существуетъ (недаромъ онъ въ самомъ началѣ говорилъ, что они дѣйствуютъ только *повидимому* равномѣрно), что сила центростремительная въ наше время окончательно возобладала надъ своей противницей. Такимъ образомъ мы присутствуемъ при второмъ открытіи г. Мордовцева въ области соціологіи: во-первыхъ — открываются два всеобъемлющіе міровые закона; во-вторыхъ—высказывается весьма важное утвержденіе о преобладаніи одного изъ нихъ надъ другимъ. Вообще, нужно замѣтить, для г. Мордовцева ничего не стоитъ открывать міровые и общественные законы и таинственныя силы, управляющія «жизнью всего живущаго»; они растутъ подъ дождемъ его чернилъ, какъ грибы: на первой страницѣ своего изслѣдованія г. Мордовцевъ выводитъ на сцену законы силъ центробѣжной и центростремительной, какъ управляющіе, будто-бы, и духовной жизнью человѣчества наравнѣ съ механизмомъ системы міра; на четвертой — присоединяетъ къ нимъ уже новую, исключительно централизующую силу, которую называетъ «какой-то невѣдомой, роковой» и

«неизмѣнной»; вслѣдъ затѣмъ онъ разлагаетъ ее на двѣ силы: «интеллигентную и экономическую»; еще черезъ двѣ страницы присоединяетъ къ этому запасу не менѣе роковые «естественные законы жизни и развитія» — тоже «неизмѣнные» и представляющіе новую „страшную силу, грозящую провинціямъ.“ Но и всего этого мало г. Мордовцеву; онъ старается парализовать дѣятельность и надежды провинціаловъ еще однимъ пугаломъ — какимъ-то „закономъ большихъ городовъ,“ „теорій центровъ.“

Къ сожалѣнію, г. Мордовцевъ никакъ не можетъ управиться съ этими роковыми силами, которыя постоянно влекутъ его къ роковымъ противорѣчіямъ и вопіющимъ натяжкамъ. Возьмемъ, напримѣръ, то положеніе, что законы силы центробѣжной и центростремительной въ наше время дѣйствуютъ неравномѣрно; что первая погибаетъ подъ давленіемъ второй. Съумѣлъ-ли г. Мордовцевъ хоть изъ этого положенія сдѣлать правильный, послѣдовательный выводъ? Нѣтъ, не только не съумѣлъ, но и не хотѣлъ съумѣть, потому что и этотъ выводъ, въ конечномъ своемъ результатѣ, обращается опять-таки противъ предвзятой мысли г. Мордовцева насчетъ провинціи и ея печати. Въ самомъ дѣлѣ (да простятъ намъ читатели, что, благодаря г. Мордовцеву, мы должны занимать ихъ такими вычисленіями, въ которыхъ всѣ множители состоятъ изъ нулей), если-бы сила центростремительная окончательно взяла верхъ, это неминуемо должно бы повести къ совершенному истощенію провинцій; такъ думаетъ и г. Мордовцевъ; но если провинціи будутъ не въ состояніи питать центровъ, послѣдніе, по теоріи того-же г. Мордовцева, должны погибнуть, тогда какъ сами провинціи, „и не питаемыя духовною пищею центровъ,“ будутъ безъ конца продолжать свое существованіе. Отсюда слѣдуетъ, что задачи провинціаловъ *во всякомъ случаѣ* болѣе жизненны и имѣютъ подъ собой болѣе реальную почву, чѣмъ усилія централистовъ, удѣлъ которыхъ—погибель, въ видѣ наказанія за истощеніе того организма, на которомъ они гнѣздились въ качествѣ истощающихъ паразитовъ. Вотъ какой видъ имѣетъ „остроумная“ теорія г. Мордовцева въ своихъ приложеніяхъ; но г. Мордовцеву это не нравится и онъ опять игнорируетъ эти

слѣдствія и выводы. Къ счастію, съ логикой нельзя обращаться неуважительно, оставаясь безнаказаннымъ, и она наказываетъ г. Мордовцева такъ сильно, что онъ подчасъ даже четырехъ строкъ не можетъ написать, не впадая въ противорѣчія; такъ напримѣръ: въ концѣ 51 страницы (№ 9) на четырехъ строкахъ онъ ухитрился: во 1-хъ, назвать свою теорію парадоксальной; во 2-хъ, оговориться, что она лишь повидимому парадоксальна; въ 3-хъ сказать, что она вовсе „и не теорія, а живой фактъ;“ въ 4-хъ, что, несмотря на это, ее (теорію) или его (фактъ) слѣдуетъ все-таки принимать „съ крайней осторожностью.“ Перевернувъ страницу, вы узнаете, что эта теорія-фактъ есть фактъ „соціальнаго уродства,“ но можетъ быть и нѣтъ,—за это г. Мордовцевъ тоже не ручается, хотя въ концѣ-концевъ и „принимаетъ его, какъ временно-неизбѣжное зло.“ Но это зло объясняется «естественными законами *жизни и развитія*»... «Почему человѣкъ повинуется силѣ, *повидимому*, убивающей равенство?»—спрашиваетъ г. Мордовцевъ, приготовляя себѣ лазейку въ словѣ „повидимому,“ безъ котораго предусмотрительно не дѣлаетъ ни шагу. — „Мишель Триго, отвѣчаетъ онъ,—остроумно объясняетъ это естественными законами жизни и развитія.“

Нѣсколько далѣе мы подробнѣе остановимся на этихъ «остроумныхъ» объясненіяхъ, а теперь необходимо подобрать по дорогѣ въ обиліи разсыпанныя г. Мордовцевымъ фактическія невѣрности, которыми онъ пытается подтвердить и выяснить свое мнѣніе о преобладаніи въ наше время силы центростремительной надъ силой децентрализующей.

Въ одной изъ приведенныхъ выше цитатъ читатели, можетъ быть, замѣтили, что свое мнѣніе о «роковой» безуспѣшности стремленій нашихъ дѣятелей провинціальной печати г. Мордовцевъ подкрѣпляетъ указаніемъ на примѣръ западной Европы и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, и утверждаетъ, что современная жизнь не у насъ только, а и въ этихъ странахъ «представляетъ, можно сказать, непреодолимыя органическія препятствія» развитію провинціальной печати, «источникъ которыхъ не въ регламентаціи, а въ самомъ складѣ жизни». — «Что касается про-

провинціальной печати Новаго Свѣта,—продолжаетъ г. Мордовцевъ,—то тамъ явленіе централизаціи печатнаго слова выражается еще *ярче, еще абсолютнѣе*, при отсутствіи притомъ всякой регламентаціи, всякой репрессіи.»

Любопытно было-бы знать, на чемъ г. Мордовцевъ основываетъ *такое странное* утвержденіе, и почему онъ не потрудился подкрѣпить его хоть какими-нибудь статистическими данными? По всей вѣроятности, онъ не сдѣлалъ этого потому, что цифры говорятъ не въ его пользу, какъ мы сейчасъ покажемъ, а напротивъ подтверждаютъ забытое г. Мордовцевымъ—хотя и его же собственное положеніе, что тамъ, гдѣ регламентація не кладетъ на сторону центростремительной силы своихъ гирь—развитіе печати не только *въ будущемъ* должно принадлежать, но и теперь «принадлежитъ, если не въ одинаковой, то *соотвѣтственной* мѣрѣ всему, что хотя и не составляетъ главныхъ центровъ, но является средоточіемъ интеллигентной и экономической жизни мелкихъ территоріальныхъ единицъ», напр.—провинціальныхъ городовъ.

Обратимся за доказательствами къ статистическимъ цифрамъ и начнемъ съ Соединенныхъ Штатовъ, на которые г. Мордовцевъ ссылается по преимуществу. Оказывается, что въ 1874 году въ Нью-Йоркѣ было 507 періодическихъ изданій (болѣе, чѣмъ во всей Россіи, со всѣми ея Губернскими Вѣдомостями); но за то: въ Бостонѣ—194, въ Филадельфіи—168, въ Чикаго—145, въ С. Франциско—93, въ Сенъ-Луи—81, въ Цинцинати—71, въ Новомъ Орлеанѣ—38 и въ Вашингтонѣ—главномъ городѣ Союза—тоже 38. Всѣхъ періодическихъ изданій въ Соединенныхъ Штатахъ было: 8081, слѣдовательно на долю главнаго центра—Нью-Йорка приходилось менѣе 7%, а 93% составляли провинціальныя изданія.

Перейдемъ въ Англію: здѣсь въ 1873 году было *ежедневныхъ* газетъ 131; изъ этого числа на долю Лондона приходилось только 24, на долю провинцій — втрое болѣе (72); сверхъ того—на долю Шотландіи 13, на Ирландію — 18; двѣ были въ Уэльсѣ и 2 на островахъ. Слѣдовательно, здѣсь на долю центра, т. е. Лондона, приходится только 18% всего количества ежедневныхъ изданій въ государствѣ. Если сопоставить развитіе страны вообще съ разви-

тіемъ въ ней печати, то окажется, что тамъ, гдѣ уничтожаются препятствія для перваго, тотчасъ-же начинается и второе; на это указываетъ, напримѣръ, необыкновенно быстрое развитіе журналистики въ Италіи современи ея освобожденія: тамъ ежедневныхъ изданій теперь болѣе, чѣмъ въ Англіи (134), причемъ въ одной римской провинціи основано періодическихъ изданій въ 1870 году — 9, а въ 1871 году — 40, да прежде было 5, итого — 54. Точно также и въ Австріи,—съ 1860 по 1870 годъ число періодическихъ изданій удвоилось; въ томъ числѣ, въ Чехіи — почти утроилось. Въ Венгріи выходитъ 201 изданіе на венгерскомъ языкѣ, 78 на нѣмецкомъ, 13 на кроатскомъ, 9 на румынскомъ, 6 на сербскомъ, 5 на итальянскомъ, и т. д.; — а вся-то Венгрія меньше одной нашей Пермской губерніи... Кажется, можно-бы тутъ проявить свою силу закону «абсолютной централизаціи» печати, открытому г. Мордовцевымъ. Посмотримъ, наконецъ, на Германію. Въ 1873 году въ Берлинѣ было 31 политическое изданіе; но, какъ всякому извѣстно, въ Германіи—не берлинскіе органы печати служатъ главными, самыми выдающимся представителями общественнаго мнѣнія. Насколько децентрализована въ Германіи политическая пресса, объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія цифры: *Дрезденскій Указатель* имѣетъ 24000 подписчиковъ, *Шварцвальдскій Вѣстникъ* 22000, *Мюнхенскія Извѣстія*—30000, «*Южно-нѣмецкая Газета*—была продана отъ одного издателя другому за 24,000 талеровъ. Извѣстно, что для подрыва вліянію независимой «Франкфуртской Газеты» берлинское «бюро прессы» выдало 40,000 талеровъ на основаніе во Франкфуртѣ конкурента этой газетѣ, въ лицѣ «Francfurter Presse». Издающаяся въ Штутгардтѣ, газета «Beobachter» считается одной изъ лучшихъ по направленію. *Кельнская Газета*—едвали не самая вліятельная изъ политическихъ; о размѣрѣ *Гамбургскихъ Извѣстій* можно судить по тому, что, кромѣ телеграммъ, получаемыхъ черезъ агентство Вольфа, они тратятъ ежегодно болѣе 10,000 руб. на собственныя телеграммы; *Аугсбургская Газета* около 1000 рублей получаетъ доходу въ годъ только отъ продажи, такъ-называемыхъ, «рецензіонныхъ экземпляровъ», т. е.

книгъ, присылаемыхъ въ редакцію съ просьбой помѣстить о нихъ въ газетѣ отзывъ въ отдѣлѣ библіографіи.*)

Мы знаемъ, въ чемъ г. Мордовцевъ будетъ искать себѣ спасенія отъ этихъ цифръ; онъ сошлется на ничтожность провинціальныхъ изданій Новаго Свѣта (относительно Стараго—онъ не можетъ и этого сдѣлать); вѣроятно, онъ видалъ въ Петербургѣ имѣющуюся, говорятъ, у одного господина коллекцію американскихъ провинціальныхъ газетъ, до 200, и ему бросилась въ глаза мизерность большей части изъ нихъ всравненіи съ какимъ-нибудь New-Jork-Herald; но дѣло въ томъ, что если, напримѣръ, американскій городокъ Итака, съ 8000 жителей, подъ бокомъ у Нью-Йорка находитъ возможнымъ поддерживать двѣ мѣстныя газеты, то какъ ни вертись, а отсюда во всякомъ случаѣ не вывести подтвержденія теоріи г. Мордовцева; все-же это показываетъ, что свободное развитіе печати идетъ совсѣмъ не тѣмъ путемъ, какой онъ предсказываетъ,—не въ сторону «абсолютной централизаціи,» а по направленію, такъ сказать, равнодѣйствующей двухъ силъ—централизующей и децентрализующей.

Не менѣе фантастичны и тѣ основанія, на которыхъ г. Мордовцевъ построилъ «теорію центровъ», «законъ большихъ городовъ». Съ чего, напримѣръ, взялъ г. Мордовцевъ, что въ отношеніи роста большихъ городовъ «девятнадцатый вѣкъ представляетъ какое-то новое, небывалое явленіе въ жизни всего человѣчества»?—«Что-то поражающее, говоритъ онъ, представляетъ ростъ такихъ городовъ, какъ Лондонъ, Парижъ и нѣсколько городовъ Новаго Свѣта».—Но,—во первыхъ: что общаго между ростомъ Лондона и Парижа, съ одной стороны, и городовъ Новаго Свѣта—съ другой? Первые росли столѣтіями, вторые ростутъ десятилѣтіями. Первыхъ—два на всю Европу, вторые ростутъ десятками на территоріи съ ничтожнымъ относительно населеніемъ (въ Европѣ 300 милліоновъ жителей на 178/т. кв. миль, въ Соединенныхъ Штатахъ, занимающихъ почти такое-же пространство, населеніе почти въ 10 разъ менѣе). Какіе возможны отсюда выводы? Эти факты могутъ

*) Цифры взяты изъ «Календаря Суворина» за 1875 годъ, а относительно Германіи изъ книги Вутке о нѣмецкой печати.

ворить въ пользу самыхъ противоположныхъ мнѣній; если угод-
—я докажу это на примѣрѣ: «Европа, могу я сказать, въ тече-
и многихъ вѣковъ своей исторической жизни выработала только
а крупныхъ центра: Парижъ и Лондонъ; Новый Свѣтъ, въ ко-
ткій періодъ своего существованія, создалъ цѣлую плеяду цент-
въ, ростъ которыхъ по своей быстротѣ не имѣетъ себѣ ничего
добнаго въ Старомъ Свѣтѣ, а относительная величина этихъ
нтровъ, поистинѣ, изумительна: при такомъ-же отношеніи, въ
комъ населеніе Нью-Йорка находится къ населенію Штатовъ,
шъ Лондонъ долженъ бы имѣть населеніе въ десять милліоновъ.
евидно, что таинственная, роковая сила, создающая крупные
нтры,—въ 19 столѣтіи дѣйствуетъ несравненно сильнѣе, чѣмъ
оявлялась когда-либо прежде. Исторія Парижа почти теряется
глубинѣ вѣковъ, а какой-нибудь Нью-Йоркъ—Бруклинъ вырос-
етъ до размѣровъ города чудовища чуть не на памяти своихъ
арожиловъ. Такова ужасающая сила, съ которой проявляется
конъ центральнаго тяготѣнія въ наше время, въ 19 столѣтіи;
о нѣчто небывалое и неслыханное въ исторіи человѣчества».

А вотъ вамъ образчикъ совершенно противуположнаго вы-
да: «Великій законъ центростремительной силы — могу я ска-
ть—не переставалъ созидать крупные центры въ Европѣ съ са-
го начала ея исторіи; но при этомъ нельзя не замѣтить той
мѣчательной особенности, что у насъ въ Европѣ всегда выда-
лись надъ всѣми остальными второстепенными центрами, *два*
рода чудовища, два, такъ сказать, международныхъ центра,
ступавшіе между собою въ роковое соперничество. Таковы были
я своего времени Аѳины и Спарта, Римъ и Византія, наконецъ,
наше время, Парижъ и Лондонъ. Въ этомъ соперничествѣ, мо-
етъ быть, отражались послѣдніе отблески той силы, которая не
огла окончательно исчезнуть предъ своей могущественной сопер-
щей—отблески силы децентрализующей, центробѣжной. Ничего
добнаго мы не видимъ въ Новомъ Свѣтѣ, настоящая истори-
ская жизнь котораго, можно сказать, начинается съ 19-го сто-
тія. Сила децентрализующая сохраняетъ за собой въ Новомъ
вѣтѣ такую значительную долю участія въ управленіи жизнью

всего живущаго, что она не позволила создаться здѣсь какому-нибудь одному превалирующему центру; напротивъ, повидимому, подъ ея вліяніемъ, эффектъ силы центростремительной выразился здѣсь не въ образованіи одного подавляющаго центра, а цѣлой плеяды, такъ сказать, соціальныхъ узловъ, — главныхъ городовъ отдѣльныхъ штатовъ. Эти центры не могутъ быть названы второстепенными, потому что между ними нѣтъ первыхъ, преобладающихъ. Хотя повидимому существованіе Нью-Йорка противорѣчитъ этому положенію, но извѣстный американскій писатель Кэри совершенно справедливо замѣчаетъ, что притягательная сила Нью-Йорка въ сильной степени парализована существованіемъ многихъ другихъ, мѣстныхъ центровъ: Бостона, Филадельфіи, Бальтиморы, Вашингтона, Питсбурга, Цинцинната, Санъ-Люи, Нью-Орлеана, и т. д. и т. д., и т. д. „Если-бъ мы вздумали, говоритъ онъ, уничтожить эти второстепенные центры притяженія и учредить правительство на началахъ централизаціи, подобно Англіи или Франціи, и избрали-бы для его мѣстопребыванія Нью-Йоркъ, то не только этотъ городъ достигъ бы размѣровъ Лондона, но скоро далеко превзошолъ бы его“*) Съ этимъ нельзя не согласиться, если взять во вниманіе то необычайное напряженіе, съ которымъ дѣйствуютъ всѣ жизненныя силы на дѣвственной почвѣ Новаго Свѣта. Но, повидимому, преимущественно въ 19 вѣкѣ законъ силы центробѣжной, началу децентрализаціи завоевало себѣ на этой почвѣ первенство надъ своимъ противникомъ и даже едва не подвергло опасности самую цѣлость Союза въ эпоху сепаратистскихъ стремленій Юга. Дѣйствіемъ этого-же закона, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ объяснить и то обстоятельство, что древнѣйшіе города Союза,— Нью-Йоркъ, Бостонъ и др., возрастаютъ далеко не съ той быстротой, какъ новѣйшіе, такъ сказать провинціальные города Союза; какъ напр.—Чикаго, имѣвшій только 4000 жителей въ 1840 году, а нынѣ не уступающій по населенности нашему Петербургу. Очевидно, что принципъ децентрализаціи рѣшительно завоевываетъ себѣ свои права въ 19 столѣтіи на той почвѣ, гдѣ не встрѣчаетъ себѣ препятствій въ старыхъ преданіяхъ иной тенденціи. Примѣръ

*) Кэри «Руководство къ соціальной наукѣ», стр. 40 и 41.

Новаго Свѣта ясно показываетъ, что тамъ, гдѣ соціальный бытъ слагается подъ вліяніемъ идей 19 столѣтія, въ основу его всюду ложится принципъ децентрализаціи, который потому и можетъ быть названъ выдающимся принципомъ нашего времени».

Такимъ-то образомъ, если также легко относиться къ дѣлу, какъ г. Мордовцевъ,—легко говорить и за, и противъ извѣстнаго положенія;—стоитъ только избѣгать цифръ, статистическихъ данныхъ, да не особенно церемониться съ историческими фактами. По этому способу можно, напримѣръ, отнести ростъ большихъ городовъ, по преимуществу, къ 19-му столѣтію, или удариться въ средніе вѣка и, сославшись на исторію развитія городскихъ общинъ Европы,—приписать это явленіе тому времени; или можно забраться въ древній міръ и, распространившись о всемірномъ значеніи Рима, выразить мысль, что только въ древнемъ мірѣ теорія центровъ находила свое полное осуществленіе; наконецъ, указывая на развалины Вавилона, Ниневіи, Персеполя, Ѳивъ, и т. д., искать ея подтвержденія въ исторіи древнѣйшаго Востока.

Другое дѣло, если-бы г. Мордовцевъ указалъ какія-нибудь точныя данныя, по которымъ можно было-бы судить — въ какомъ столѣтіи *относительный* ростъ большихъ городовъ былъ наиболѣе значителенъ; но онъ этого не сдѣлалъ, да едвали это и можно сдѣлать, за недостаткомъ статистическихъ данныхъ. А между тѣмъ, основываясь на фактахъ, доступныхъ только глазомѣру, г. Мордовцевъ строитъ теорію и изъ этой теоріи дѣлаетъ выводы, которые могли-бы имѣть очень серьезное значеніе,— если-бъ не были мыльными пузырями....

Но этого мало: въ самой „теоріи большихъ городовъ“ г. Мордовцевъ допускаетъ такія произвольныя подробности, которыя еще болѣе увеличиваютъ путаницу его общаго положенія. Такъ напр., г. Мордовцевъ доказываетъ слѣдующее:

И при этомъ ужасающемъ ростѣ такихъ городовъ, какъ Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ, Берлинъ и др., замѣчается странное, даже небывалое явленіе: жизнь въ малыхъ городахъ дорожаетъ, средства заработка, если не уменьшаются, то и не возвышаются пропорціонально съ возрастаніемъ потребностей жизни, а между тѣмъ жизнь въ большихъ городахъ становится и сравнительно дешевле,

и несравненно болѣе представляетъ удобствъ и средствъ для заработка. Естественно, что всё изъ провинціи тянется къ центрамъ, въ эти чудовищныя пасти большихъ городовъ, гдѣ или погибаетъ, если не носитъ въ себѣ задатковъ жизни, такъ сказать, большаго полета, или находитъ удовлетвореніе всѣмъ своимъ потребностямъ, богатѣетъ, а иногда и благоденствуетъ, добивается славы, почестей, могущества.»

По нашему мнѣнію, подобнымъ образомъ разсуждать удобно только столичному завсегдатаю литературы. Напиши нашъ братъ, провинціалъ, что-нибудь подобное, редакторъ тотчасъ-же замѣтилъ-бы, что авторъ рубитъ съ плеча, да и противъ всякой очевидности. — «Кто-же этому повѣритъ, — сказалъ-бы редакторъ — что жизнь въ малыхъ городахъ дорожаетъ, а въ большихъ «становится, сравнительно (съ чѣмъ?—неизвѣстно) дешевле»? Скорѣе можно утверждать противное, и таково дѣйствительно общераспространенное мнѣніе.» Въ самомъ дѣлѣ, пусть г. Мордовцевъ укажетъ: что въ Петербургѣ дешевле, чѣмъ въ Казани, въ Вяткѣ, въ Тотьмѣ или въ Царевококшайскѣ, и т. д.? квартиры? дрова? прислуга? мясо, хлѣбъ, масло, крупа, и т. д.? Но все это дешевле, такъ сказать, пропорціонально квадратамъ разстоянія отъ Петербурга и другихъ большихъ центровъ, такъ что въ какой-нибудь глуши вы можете за 100 р. въ годъ снять цѣлый домъ, на рубль серебра купить сажень дровъ; по 9-ти копѣекъ за пару можете запастить хоть на всю зиму рябчиками, можете получать молоко по 3 копѣйки за стойку и т. д. Все это составитъ вамъ такую экономію противъ вашихъ петербургскихъ расходовъ, которая съ избыткомъ покроетъ издержки на пересылку книгъ, журналовъ и, если угодно, даже на выписку сюртука отъ столичнаго портного. Разумѣется, если подъ именемъ „потребностей“ вы разумѣете также посѣщеніе Эрмитажа, императорской Публичной библіотеки и т. п., а подъ „удобствами“ подразумѣваете итальянскую оперу,—провинція предъ вами спасуетъ; но вѣдь и въ Петербургѣ не для многихъ составляютъ *потребность*—разныя рѣдкости и богатства вашей Публичной библіотеки, и немного больше такихъ среди васъ, для кого итальянская опера составляетъ „удобство“, а не роскошь. Что-же касается „средствъ

аработка", то прежде, чѣмъ выставлять это обстоятельство, какъ *ривлекающее*, будто-бы, въ столицы изъ провинціи, нужно-бы подумать о томъ: насколько привлекательна жизнь на заработкахъ ь Петербургѣ? Неужели г. Мордовцевъ серьезно думаетъ, что «сравнительная дешевизна и удобства столичной жизни», а не другое что, ривлекаетъ въ Петербургъ эти 98,000 прислуги, 16,000 извощиовъ, 11,000 прачекъ и т. д., о существованіи которыхъ повѣдала амъ однодневная перепись 1869 года? Эти что-ли классы столичнаго аселенія, очевидно—не туземнаго, а «привлеченнаго», имѣлъ въ иду г. Мордовцевъ, говоря, что «все, что только есть живаго и дѣтельнаго въ остальномъ населеніи страны, гдѣ завелся такой гигантъ-городъ, все это неудержимо притягивается къ этому обаятельному центру"? Объ этихъ-ли классахъ думалъ г. Мордовцевъ, оворя о пришельцахъ — «удовлетворяющихъ (въ столицѣ) *всѣмъ* воимъ потребностямъ, богатѣющихъ, а иногда и благоденствующихъ, обивающихся славы, почестей и могущества»?...

Если нѣтъ, то кто-же составляетъ причину «поражающаго юста нашихъ центровъ»? Интеллигентные пришельцы? Но вѣдь не олѣе какъ одинъ изъ тысячи лѣзетъ въ Петербургъ, воображая ли дѣйствительно чувствуя въ себѣ «задатки жизни большаго поета», а 999 просто ищутъ кое-какъ „прокормиться", и они-то дѣаютъ замѣтнымъ приростъ населенія. Но относительно загнанныхъ въ центры нуждой въ насущномъ хлѣбѣ странно говорить объ „обаятельномъ" притяженіи къ центру; еще страннѣе утверждать, то ихъ влечетъ туда «*возрастаніе* потребностей», несоотвѣтственное о средствами удовлетворенія ихъ въ провинціи. Какое тутъ возратаніе!... Статистическія цифры, покрайней мѣрѣ, относящіяся къ Петербургу, во всѣхъ отношеніяхъ говорятъ не въ пользу скоропѣлаго вывода г. Мордовцева. Еслибъ «все живое и дѣятельное въ остальной странѣ», дѣйствительно, имѣло такое сильное стремленіе къ „обаятельному" центру, тогда, надо полагать, распредѣленіе лицъ „свободныхъ профессій" въ Петербургѣ было-бы иное, чѣмъ теперь, когда $^3/_4$ этихъ лицъ заняты военной и гражданской службой, и только $^1/_{10}$—наукой, литературой, педагогической дѣятельностью, искуствомъ. Если исключить педагоговъ, то эта $^1/_{10}$

представляетъ ничтожнѣйшую цифру — 3508 чел. обоего пола на весь Петербургъ; втрое меньше, чѣмъ прачекъ...

Наконецъ, и общій выводъ изучавшаго данныя переписью цифры г. Янсона относительно Петербурга (Вѣст. Евр. № 10 стр. 620)—выводъ дѣйствительно научный, потому что онъ сдѣланъ не зря, а на основаніи статистическихъ данныхъ,—совершенно противорѣчитъ quasi - выводу г. Мордовцева: «Петербургъ,—говоритъ г. Янсонъ—не есть городъ возникшій самобытно и развивающійся гармонически во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ: *въ немъ все создано внѣшней силой, а не внутренними физіологическими процессами народной жизни.*»

А г. Мордовцевъ считаетъ себя въ правѣ утверждать совершенно противное безъ всякихъ серьезныхъ основаній: «Гдѣ-жь причины этого поражающаго роста центровъ на счетъ своихъ окраинъ?—спрашиваетъ онъ.—Почему человѣкъ въ этомъ случаѣ такъ всецѣло отдается обаянію одной изъ силъ, управляющихъ міромъ — силѣ центростремительной, силѣ центральнаго тяготѣнія, а не силѣ центробѣжной, силѣ децентрализаціи? — Мишель Триго, отвѣчаетъ г. Мордовцевъ,—остроумно объясняетъ это *естественными законами жизни и развитія*, неотразимое воздѣйствіе которыхъ въ одинаковой мѣрѣ чувствуютъ на себѣ и крупный звѣрь, находящій для себя соотвѣтственную жизненную арену только въ крупныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ, и громадный китъ, могущій свободно жить и дышать только въ океанѣ, и наконецъ человѣкъ, ищущій арену для своей дѣятельности соотвѣтственно своему удѣльному вѣсу,—*силѣ духовной*, во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ».—Прекрасно; посмотримъ, въ чемъ заключается это любопытное и остроумное объясненіе; но предварительно еще нѣсколько замѣчаній: изъ словъ г. Мордовцева слѣдуетъ, что эти «естественные законы», которыми онъ, при помощи Триго, объясняетъ «поражающій ростъ центровъ»—не относятся до рабочихъ классовъ въ тѣсномъ смыслѣ, а только къ тѣмъ людямъ, «удѣльный вѣсъ» которыхъ заключается *«въ силѣ духовной*, во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ». Но такихъ людей, если къ нимъ причислить не только всѣхъ чиновниковъ, литераторовъ, ученыхъ, художниковъ, но даже фокусниковъ и, наконецъ,

булиновъ—очень немного; ихъ приливомъ къ «обаятельнымъ» центрамъ нельзя объяснить «*поражающій ростъ*» этихъ послѣднихъ. Что значитъ какихъ-нибудь 3000 литераторовъ предъ населеніемъ въ 667,000? Другое дѣло 98,000 прислуги, 16,000 извощиковъ, 11,000 прачекъ и т. д.,—но объ нихъ нельзя сказать, что они пришли въ столицу, потому-что «ихъ удѣльный вѣсъ—духовная сила»—толкала ихъ искать себѣ въ крупномъ центрѣ соотвѣтственной арены дѣятельности? Между тѣмъ приливомъ этихъ именно элементовъ, представителей мускульнаго труда, дѣйствительно, объясняется ростъ большихъ городовъ. Нужно быть Мишелемъ Триго, чтобъ объяснять этотъ ростъ ничѣмъ инымъ, какъ наплывомъ выдающихся изъ ряду сихъ «артистовъ, ученыхъ, государственныхъ людей, теологовъ, профессоровъ, адвокатовъ, авантюристовъ, самыхъ ловкихъ мошенниковъ, юмотовъ, всякихъ чрезмѣрныхъ физіологическихъ уродливостей, вродѣ овцы о двухъ головахъ и барана о шести ногахъ». Если даже присоединить сюда Остапа Вересая и бабу Аксинью съ окладистой бородой, какъ это дѣлаетъ г. Мордовцевъ, то все-же эта коллекція—ничто въ сравненіи съ количествомъ рабочаго населенія, ищущаго въ столицахъ заработка. Не говоря уже о томъ, что и самая «баба Аксинья»—«удѣльный вѣсъ» которой не въ «духовной силѣ», а въ окладистой бородѣ—должна-бы быть, во имя послѣдовательности, совершенно исключена изъ-подъ дѣйствія тѣхъ законовъ, которыми г. Мордовцевъ, подъ руководствомъ Триго, намѣренъ объяснять поражающій ростъ центровъ насчетъ окраинъ. Итакъ, хотя мы и знаемъ напередъ, что обѣщанное объясненіе ничего объяснить не можетъ, потому что обнимаетъ, относительно, ничтожное количество единицъ приростающаго къ центрамъ населенія, — посмотримъ однако-жь, ради любопытства, въ чемъ оно заключается; что это за „естественные законы жизни и развитія“, которые одинаково чувствуютъ на себѣ и крупный звѣрь, и громадный китъ, и человѣкъ выдающихся способностей?

Къ сожалѣнію, въ цитатѣ изъ Мишеля Триго, которую приводитъ г. Мордовцевъ, какъ образецъ «остроумнаго объясненія», мы ничего не найдете, читатель, кромѣ цѣлаго ряда банальныхъ и избитыхъ истинъ: „какъ все живущее,—говоритъ онъ—человѣкъ

находится въ прямой зависимости отъ окружающей его среды; онъ измѣняется сообразно съ преобразованіями, въ ней совершающимися. Физіологическія и психологическія условія, въ которыя поставленъ горожанинъ большаго города, различны отъ условій, вліяющихъ на бытъ жителей селъ и небольшихъ городовъ. По изслѣдованіямъ натуралистовъ оказывается, что виды, населяющіе огромный континентъ Азіи, больше ростомъ соотвѣтствующихъ видовъ, живущихъ въ Африкѣ и Европѣ. (Ссылка на ученыя изслѣдованія была-бы тутъ далеко не лишней, но — повѣримъ на слово). Для большихъ рыбъ необходимы океаны, моря и очень большія рѣки. И въ царствѣ микроскопическихъ животныхъ дѣйствуетъ *тотъ-же законъ*(?). Извѣстный ученый Пуше, наблюдавшій инфузорій, говоритъ, что болѣе рослые экземпляры ихъ могутъ родиться и расти только въ сосудахъ большей ёмкости, напримѣръ въ стаканѣ, но не въ рюмкѣ. Дамы, забавлявшіяся золотыми рыбками, хорошо знаютъ, что очень маленькія рыбки, помѣщенныя въ маленькой стеклянной вазѣ, производящія крошечныхъ экземпляровъ, начинаютъ производить болѣе рослыхъ, какъ только ихъ переведутъ въ вазу большей величины. *Точно также* извѣстныя человѣческія личности, характеры и темпераменты чувствуютъ себя въ своей сферѣ только при извѣстной окружающей обстановкѣ. Людей честолюбивыхъ, съ выдающимися способностями, людей татантливыхъ естественно притягиваетъ къ себѣ большой городъ, такъ какъ только здѣсь они находятъ возможность примѣнить свои знанія, свою ловкость“ — отсюда-то и слѣдуетъ (по Мишелю Триго), что все выдѣляющееся изъ ряду, все первосортное, въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ,—стремится въ столицы и очень большіе города. „Высшее дарованіе и крайній порокъ, рѣшаетъ онъ — могутъ проявляться только въ столицѣ!“

Вотъ въ чемъ заключается это — «остроумное объясненіе», которымъ пользуется г. Мордовцевъ, чтобы установить свой неумолимый «законъ большихъ городовъ», грозящій гибелью провинціямъ съ ихъ органами печати.—«Вотъ гдѣ та страшная сила, восклицаетъ онъ, которая грозитъ провинціямъ еще большимъ измельчаніемъ ихъ интересовъ, ихъ дѣятельности, которая налагаетъ

и на ихъ будущее что-то оцѣпеняющее, отнимаетъ у нихъ надежды на равную съ крупными центрами долю участія на пиру избранниковъ всего человѣчества и, наконецъ, *подрываетъ вѣру въ возможность того идеальнаго равенства, о которомъ такъ много когда-то говорилось*: вездѣ монополія крупной единицы, вездѣ преобладаніе выдающейся силы надъ массами и полное отрицаніе въ жизни идеальнаго принципа равенства! Эта-же страшная сила налагаетъ свою руку и на будущее провинціализма во всѣхъ его видахъ». «Ясно, что и печать вмѣстѣ съ человѣкомъ (и даже вслѣдъ за барономъ о двухъ головахъ!) будетъ тяготѣть къ центрамъ, городамъ, и провинціи должны оставаться вдовствующими во всѣхъ отношеніяхъ». —Удивительный человѣкъ, или—лучше сказать—странный писатель этотъ г. Мордовцевъ! Самъ себя напугалъ, растрогалъ «жалкими словами», не разобравши въ чемъ дѣло—и готовъ разодрать на себѣ одежды по примѣру древнихъ іудеевъ. Еслибъ онъ хоть немного вникнулъ въ болтовню Мишеля Триго, онъ убѣдился-бы, что въ ней не только нѣтъ ничего страшнаго, но что она въ высшей степени курьезна. Мнѣ она напоминаетъ слѣдующую дѣтскую побасенку:

«Маленькій теленочекъ прыгалъ по лѣсенкѣ и сломалъ себѣ хвостикъ. Изъ этого слѣдуетъ, что маленькія дѣти не должны шалить огнемъ».

Умозаключенія Мишеля Триго въ вышеприведенной тирадѣ—совершенно въ этомъ родѣ, даже хуже: въ побасенкѣ выводъ просто не вяжется съ тѣмъ, къ чему онъ приставленъ, но не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія. Мишель Триго умозаключаетъ такимъ образомъ: „маленькій теленочекъ прыгалъ по лѣсенкѣ и сломалъ себѣ хвостикъ; изъ этого слѣдуетъ, что ходить по ровному мѣсту опасно“. Въ самомъ дѣлѣ; вотъ еслибъ Мишель Триго открылъ такой законъ, что чѣмъ больше звѣрь, тѣмъ онъ охотнѣе живетъ — въ звѣринцѣ; что громаднаго кита привлекаетъ тѣсное и густо-населенное озеро; что золотыя рыбки чувствуютъ себя тѣмъ лучше, чѣмъ больше ихъ насовано въ одну вазу и т. д., тогда понятно было-бы, что «тотъ-же законъ» заставляетъ и человѣка съ выдающимися способностями стремиться въ такіе тѣсные центры,

гдѣ борьба за существованіе кипитъ съ наибольшимъ ожесточеніемъ и губитъ все, что «не носитъ въ себѣ задатковъ жизни высшаго полета». Но изъ фактовъ, нахватанныхъ Триго, вовсе не то слѣдуетъ, что онъ выводитъ, а совсѣмъ другое: если вы чувствуете на себѣ тотъ-же законъ, какъ крупный звѣрь или громадный китъ— вы должны стремиться въ дѣвственную глушь, въ широкій просторъ провинціи; если ваше развитіе подчинено тому-же закону, какъ развитіе инфузорій или золотыхъ рыбокъ, вы должны измельчать тѣмъ скорѣе, чѣмъ гуще населена мѣстность, въ которой вы живете, тѣмъ сильнѣе въ ней борьба за существованіе, ваше спасеніе опять таки въ провинціи съ ея просторомъ. Да не подумаетъ, впрочемъ, г. Мордовцевъ, что я серьезно предлагаю ему эти «выводы».—Это только образчики той игры словами, посредствомъ которой разные Мишели Триго распространяютъ въ массѣ читателей вопіющую путаницу понятій. Серьезные выводы такъ не дѣлаются, міровые законы такъ просто не открываются, и серьезные писатели—не должны-бы такъ писать, какъ писалъ авторъ статьи о „печати въ провинціи“. Не курьезно-ли это:—„Для большихъ рыбъ необходимы океаны, моря и очень большіе рѣки. И въ царствѣ микроскопическихъ животныхъ дѣйствуетъ *тотъ-же законъ*.“ Да помилуйте, какой-же это законъ? „Для большихъ ногъ необходимы большіе сапоги, для большой комнаты требуется большая лампа; повинуясь тому-же закону, большія статьи стремятся къ обаятельнымъ редакціямъ толстыхъ журналовъ“—вотъ образчики вашихъ умозаключеній... Скажите пожалуйста, въ какой провинціи такъ измельчалъ этотъ Мишель Триго?

Нельзя не подивиться, что г. Мордовцевъ, который ктому-же и историкъ, не замѣтилъ тѣхъ несообразностей, которыми такъ богата его „теорія большихъ городовъ“. Мало того, что онъ вовсе не замѣчаетъ на какихъ карточныхъ подмосткахъ она построена, онъ, повидимому, глубоко увѣровалъ въ этотъ плодъ своей фантазіи и такъ пораженъ „остроуміемъ“ Триго, что безъ малѣйшаго стѣсненія беретъ на себя смѣлость прорицать будущія судьбы провинціи и ея печати:

Будетъ нѣкогда день и погибнетъ священная Троя...

Въ такомъ тонѣ написаны обѣ статьи г. Мордовцева,—и въ сентябрьской, и въ октябрьской книжкахъ «Дѣла» (1875). Перечислить всѣ несообразности, разсѣянныя здѣсь, нѣтъ возможности; но прежде, чѣмъ покончить съ этой матеріей, укажемъ еще одну капитальную несообразность, незамѣченную авторомъ.

Въ октябрьской книжкѣ «Дѣла» г. Мордовцевъ пишетъ (стр. 22): «Всѣ наши фракціи провинціальной прессы — и поволжская, и сѣверная, и сибирская, и средне-азійская, и кавказская, и новороссійская, и сѣверозападная и, наконецъ, украинская — *всѣ онѣ должны ожидать такой-же участи*, какая ожидаетъ ихъ городъ, ихъ интеллигентные и экономическіе центры. Если будущій путь цивилизаціи лежитъ отъ центровъ къ окраинамъ, если и капиталъ, и даровитость, и знаніе, и все то, что теперь неудержимо стремится къ крупнымъ центрамъ, какъ большая рыба ищетъ океана, приметъ обратное движеніе, децентрализующее, то можно надѣяться, что и развитіе печати приметъ децентрализующее направленіе. *Но это едва-ли когда нибудь будетъ*»... — «Глубокая, неискоренимая въ человѣческой природѣ, *потребность поклоненія* (?) создаетъ и ростъ капиталовъ, и ростъ большихъ городовъ (итакъ, еще новая „роковая сила“—кажется, уже седьмая изъ числа открытыхъ г. Мордовцевымъ); для поклоненія всему, чему люди въ извѣстное время поклоняются, они непремѣнно будутъ стремиться въ самые большіе храмы, въ центры, въ большіе города. Въ большихъ городахъ, какъ въ храмахъ, ютится и поклоняется все; тутъ-же пріютилась и печать, потому что тутъ она нашла для своего развитія *всѣ удобства, такія удобства, какихъ она никогда не найдетъ въ провинціи*“... „Есть что-то другое, мѣшающее развитію печати въ провинціи, а не цензура, на которую привыкли все сваливать“. — «Такъ кто-же тутъ виноватъ, или что виновато? Виноваты все тѣже неизмѣнные законы, по которымъ совершается ростъ человѣчества, которые направляютъ и ходъ цивилизаціи по извѣстному пути: законы эти—законъ центральной силы, законъ роста центровъ, законъ роста большихъ городовъ, отъ котораго, повидимому, ничѣмъ не отмахаться современному человѣчеству“...

Таковы ужасы, прорицаемые г. Мордовцевымъ. Но онъ и самъ, очевидно, не ожидаетъ,—къ какому выводу, въ концѣ-концовъ, должны привести его эти ужасные „законы“. Если-бъ г. Мордовцевъ хоть сколько-нибудь заботился о послѣдовательности своихъ выводовъ, онъ замѣтилъ-бы, что, въ концѣ-концовъ, ему предстоитъ поставить вверхъ ногами всѣ свои умозаключенія и кончить прорицаніемъ гибели уже не провинціямъ, а самимъ его „обаятельнымъ центрамъ“. Если только г. Мордовцевъ не намѣренъ отпираться отъ своихъ собственныхъ словъ или не скажетъ самъ заранѣе: „охота вамъ серьезно принимать мои слова,—не всякое лыко въ строку!“—то мы безъ труда беремся доказать, что г. Мордовцевъ грозитъ не столько провинціямъ, сколько центрамъ. Съ этой цѣлью стоитъ только сопоставить вышеприведенную цитату съ тѣмъ выводомъ, къ которому г. Мордовцевъ пришелъ въ концѣ первой главы своего сочиненія, а именно: „только при извѣстномъ равновѣсіи между центрами и провинціями возможна жизнь и тѣхъ и другихъ,—а развитіе или упадокъ послѣднихъ (т. е. провинцій) неизбѣжно должны отражаться самымъ роковымъ образомъ на первыхъ (т. е. центрахъ) и притомъ въ несравненно большей степени, чѣмъ упадокъ первыхъ“, и т. д.

Ясно кажется, что, предсказывая рѣшительный упадокъ провинціямъ, г. Мордовцевъ долженъ-бы вмѣстѣ съ тѣмъ предвидѣть такую-же будущность и для центровъ. Но, повидимому, онъ совсѣмъ забылъ объ этомъ, черезъ-чуръ увлекшись желаніемъ — (нѣсколько страннымъ, признаться) — доконать наши надежды во чтобы то ни стало, разрушить наши «иллюзіи», заставить насъ вмѣстѣ съ собой и журналомъ „Дѣло“ поклониться какой-то невѣдомой, грозной, слѣпой и всеразрушающей силѣ. Какая почтенная задача! Какое плодотворное, живительное направленіе! Скажите лучше г. Мордовцевъ: „языкъ мой врагъ мой“, и признайтесь, что онъ завлекъ васъ въ область какого-то, дѣйствительно, небывалаго мистицизма, мрачностью своихъ выводовъ напоминающаго ученіе брамаизма.

Къ счастію, нужно думать—г. Мордовцевъ самъ не вѣритъ тому, что говоритъ. Если-бъ онъ говорилъ серьезно, онъ спросилъ-бы себя: „я предсказываю провинціямъ измельчаніе, упадокъ, почти полную гибель и истощеніе; но я-же сказалъ, что истощеніе про-

винцій влечетъ за собой гибель центровъ; и такъ, все должно погибнуть? Слѣдовательно, „естественные законы жизни и развитія“, открытые Мишелемъ Триго, въ сущности оказываются „законами гибели и разрушенія“. Что за ерунда выходитъ въ концѣ-концовъ изъ всего, что я наговорилъ!“

Но можетъ быть—скажетъ читатель—г. Мордовцевъ предостерегаетъ, указываетъ опасность съ цѣлью вызвать на борьбу противъ нея; можетъ быть, цѣль его—сдѣлать воззваніе къ высшимъ инстинктамъ человѣческой природы противъ грозной, но слѣпой силы?... Ничуть не бывало. Г. Мордовцевъ открыто приглашаетъ покориться этой силѣ, разбить о камень его теоріи младенческія „иллюзіи“, вродѣ мечты о равноправности, и т. п., и беззавѣтно предаться той „глубокой, неискоренимой потребности поклоненія“, которая создаетъ и ростъ капиталовъ, и ростъ большихъ городовъ. Какъ это ни неожиданно, но это дѣйствительно такъ. Таковъ общій тонъ статей г. Мордовцева, и вотъ, въ частности, его собственныя слова въ одной изъ заключительныхъ главъ послѣдней статьи: „Итакъ,— говоритъ онъ, — месть цивилизаціи — это прямое предостереженіе человѣку: если онъ не хочетъ или не умѣетъ ужиться съ требованіями цивилизаціи и со всѣми ея, иногда очень непріятными, аксессуарами, какъ большой городъ, капиталъ, чужой языкъ и т. д.—онъ погибаетъ“.

Гибель направо и гибель налѣво. Преклонитесь-же предъ силой капитала, предъ могуществомъ централизаціи, даже, какъ увидимъ далѣе, предъ насиліемъ надъ природой вашей, которая дала вамъ національныя особенности и свой языкъ; преклонитесь предъ мнѣніемъ, идущимъ изъ центра, преклонитесь предъ всѣмъ, что грозитъ вамъ неминуемой гибелью, или вы—все равно—погибнете. Таковъ смыслъ философіи, проповѣдуемой г. Мордовцевымъ въ журналѣ „Дѣло“.... Правда, эта философія не новая, она даже и въ стихахъ была изложена,—въ „пѣсни Еремушки,“ если помнитъ г. Мордовцевъ:

Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтобъ на свѣтѣ сиротиночкѣ
Безпечально вѣкъ прожить.

Сила ломитъ и соломушку:
Поклонись пониже ей...

Эту-же философію имѣлъ въ виду и г. Языковъ, когда писалъ въ томъ-же номерѣ „Дѣла“, что «теперешній интеллигентъ — прежде всего призналъ силу въ деньгахъ и сдѣлалъ это не *такъ*, не спроста, — это выводъ изъ предъидущаго (и даже — прибавимъ — изъ „естественныхъ законовъ жизни и развитія“, которыми теперь объясняютъ напр. ростъ капиталовъ; изъ глубокой, неискоренимой потребности человѣческой природы) — „Прежній интеллигентъ думалъ, что сила въ умѣ и знаніи, *но когда умъ и знаніе цѣнятъ*, новый интеллигентъ рѣшилъ, что сила въ деньгахъ“ — такъ говоритъ г. Языковъ, но онъ не объясняетъ этого никакими неизмѣнными міровыми законами; эту задачу взялъ на себя г. Мордовцевъ, — который „имѣетъ самостоятельность утверждать,“ что таковъ ходъ *цивилизаціи*.

Впрочемъ, что г. Мордовцевъ утверждаетъ и что отрицаетъ — нѣтъ возможности добраться. А потому, собственно говоря, его невозможно оспаривать. Остается только резюмировать вкратцѣ его изслѣдованіе и показать его публикѣ, какъ образчикъ современной публицистики.

III.

О томъ, какъ „сѣренькій поволжскій ремезъ“ превращается въ попугая.

Странное названіе этой главы — надѣюсь — при дальнѣйшемъ изложеніи найдетъ себѣ оправданіе въ глазахъ читателя, если только его не остановитъ «шероховатая, далеко не отполированная рѣчь писателя-провинціала», каковымъ имѣетъ честь быть авторъ этихъ нескромныхъ замѣтокъ. Но заранѣе долженъ признаться, что, употребляя такое кудреватое заглавіе, я ставлю свою статью въ положеніе вороны, украшающей себя павлиньими перьями: перья эти я нащипалъ изъ статьи г. Мордовцева, повѣривъ ему на слово, что онъ, какъ писатель-централистъ, пишетъ языкомъ «шлифованнымъ», къ которому и намъ провинціаламъ подобаетъ стремиться, какъ къ образцу, достойному подражанія. Правда, если не вѣрить

г. Мордовцеву на-слово, то можно, пожалуй, язык его статей о печати въ провинціи сравнить съ размякшей отъ воды глиной, въ которой языкъ читателя вязнетъ на каждомъ шагу, вязнетъ до такой степени, что радъ-радъ когда доберешься до конца періода и, переведя духъ, можешь на свободѣ разобрать,—что хотѣлъ сказать авторъ. Но г. Мордовцевъ и мысли не допускаетъ о томъ, чтобы писатель-провинціалъ имѣлъ право относиться критически къ публицисту-централисту: онъ для этого—еще «рыломъ не вышелъ», по мнѣнію г. Мордовцева, какъ говорится на нашемъ поволжскомъ patois, или—по шлифованному выраженію г. Мордовцева—«не выдулъ себѣ зубковъ». Куда ему относиться критически къ этому идеалу, какимъ долженъ быть въ его глазахъ централистъ-писатель, онъ даже и разсуждать-то не долженъ о такихъ матеріяхъ, о которыхъ разсуждаютъ столичные писатели. Эти матеріи, по мнѣнію г. Мордовцева,—для писателя-провинціала, или для органа печати въ провинціи, все равно, что «пища, несвойственная младенческому желудку»; *не созрѣли* еще они для того, чтобъ «смѣть свое сужденіе имѣть» по вопросамъ, составляющимъ достояніе столичной печати; «тактомъ не обладаютъ», чтобы даже «касаться этихъ вопросовъ». А тактъ великое дѣло—особенно въ глазахъ издателей, которые ведутъ свое дѣло на «прочныхъ основаніяхъ»; относительно такта ихъ требованія такъ строги, такъ систематично-настойчивы, что въ какихъ-нибудь пять лѣтъ вся столичная литература отшлифовала свой языкъ по извѣстной формулѣ: „хотя съ одной стороны нельзя не сознаться, но съ другой стороны должно признаться“..... Г. Мордовцевъ правъ въ своемъ мнѣніи, что провинціальная печать не обладаетъ подобнымъ тактомъ; мало того, г. Мордовцевъ выказываетъ что-то вродѣ сожалѣнія о томъ, что камско-волжскіе соловьи не поучились пѣть съ тактомъ у столичныхъ пѣтуховъ..... «Съ волками жить по-волчьи выть»—вотъ принципъ, рекомендуемый г. Мордовцевымъ. Правда, онъ выраженъ такимъ «шлифованнымъ» языкомъ, что другой недогадливый читатель сразу и не пойметъ въ немъ дѣло, но суть мнѣній, выраженныхъ г. Мордовцевымъ, именно такова, и онъ не даромъ чувствуетъ потребность въ заключеніе прибавить, что «это

даже не компромиссъ, сколько-нибудь неблаговидный, бросающій на человѣка тѣнь въ нравственныхъ принциповъ или общественныхъ идеаловъ; это даже не уступка, не поддѣлываніе, а это *неотразимый процессъ жизни и воздѣйствіе этой жизни на всякій индивидуумъ*, подобно тому, какъ бурый медвѣдь самъ не замѣчаетъ, какъ съ теченіемъ времени на сѣверѣ его бурая шерсть превращается въ бѣлую, а *нашъ стренькій поволжскій ремезъ превращается въ золотистую райскую птичку*».....

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ: какимъ образомъ бѣлый медвѣдь могъ-бы замѣтить, что поволжскій ремезъ превращается въ райскую птичку,—это объясняется привиллегіей «шлифованной рѣчи» блистать обмолвками; но чѣмъ объяснить, что г. Мордовцевъ и журналъ «Дѣло» берутъ на себя апологію такой казалось-бы отжитой теоріи, какъ «среда заѣла»? Вмѣсто классическаго выраженія «среда заѣла» г. Мордовцевъ говоритъ: «воздѣйствіе жизни на всякій индивидуумъ», и уже совсѣмъ не замѣчаетъ, что это совершенно равносильныя выраженія. Всей силой своего краснорѣчія онъ стремится оправдать это воздѣйствіе, совершенно забывая сдѣлать хоть оговорку насчетъ того, что воздѣйствіе воздѣйствію—рознь. До чего, подумаешь, доводитъ этихъ господъ-завсегдатаевъ привычка писать безъ размышленія, привычка строчить, доводящая ихъ до того, что они совсѣмъ перестаютъ относиться къ своему дѣлу съ должнымъ уваженіемъ, — лишь-бы писать, лишь-бы нагнать два печатныхъ листа въ номеръ, лишь бы языкъ былъ..... даже не шлифованъ— (помилуйте, когда тутъ заботиться объ языкѣ!) а удобренъ разными фразами въ современномъ вкусѣ: «законы жизни и развитія», «неотразимый процессъ жизни», «теорія Дарвина», «обаяніе силы, управляющей жизнью всего живущаго, органическаго и неорганическаго», «союзъ двухъ силъ—интеллигентной и экономической» и т. д. и т. д.

И все это—вздоръ, вздоръ и вздоръ! И авторъ отлично знаетъ, что все это вздоръ, а пишетъ, строчитъ, оттого что на словахъ только уважаетъ печатное слово.....

Это-ли уваженіе къ печатному слову, чтобы писать большія, «руководящія» статьи, не взявъ труда хоть сколько-нибудь согласить

противорѣчивыя мнѣнія, столпившіяся въ умѣ автора при самомъ началѣ работы и совершенно уничтожающія другъ друга? Это-ли уваженіе къ печатному слову, чтобы зря, сплеча, вопреки даже собственному мнѣнію или—лучше сказать—вопреки одной половинѣ своихъ мнѣній,—такъ пошло, такъ самодовольно, такъ безтактно глумиться надъ органами печати, безвременно погибшими потому будто бы, что они брались не за свое дѣло, «питались пищей, несвойственной ихъ младенческому желудку» — «не выдули себѣ зубковъ»? Это-ли писатель, уважающій печатное слово, — когда у него рука поднимается оправдывать какими-то «естественными законами» такія несомнѣнныя, реальныя препятствія развитію печатнаго слова, предъ которыми реальность «невѣдомыхъ силъ» г. Мордовцева— тоже, что сказка о двѣнадцати лихорадкахъ предъ объясненіемъ болѣзни бѣдняка—необходимостью жить въ подвальной квартирѣ, почти безъ воздуха и свѣта? Это-ли, наконецъ, уваженіе къ печатному слову, что писателю нравится пугать дѣятелей печати въ провинціи, и безъ того окруженныхъ страхами всякаго рода — пугать какими-то призраками самодѣльной мистической біологіи, всеобъясняющей и всеоправдывающей, имѣющей тенденцію разрушать самыя дорогія «иллюзіи» человѣчества, подрывать самыя необходимыя его вѣрованія?..... Кто рѣшится сказать въ защиту подобныхъ строчилъ, что покрайней мѣрѣ «любовь къ истинѣ» заставляетъ ихъ развивать свои «безотрадныя теоріи»? Будемъ надѣяться, что даже сами они не унизятся до такого лицемѣрія..... Не рѣшатся назвать провозвѣстникомъ истины—попугая, «болтливаго какаду», который кричитъ потому, что содержатель звѣринца вертитъ шарманку для привлеченія публики..... Когда этотъ попугай былъ поволжскимъ ремезомъ, онъ леталъ на свободѣ и пѣлъ свои пѣсни, когда ему вздумается и о чомъ хочется; но ему показалось, что быть сѣрень-кимъ ремезомъ далеко не такъ почтенно, какъ быть попугаемъ яркаго цвѣта, и онъ былъ очень доволенъ, когда «какая-то невѣдомая сила» перекрасила его перья, посадила въ золотую клѣтку и поставила на видъ въ своемъ звѣринцѣ въ одномъ изъ обаятельныхъ крунныхъ центровъ. Съ этихъ поръ нашъ бѣдный поволжскій ремезъ окончательно потерялъ голову и началъ пресерьезно увѣрять,

что всякая птица высшаго полета естественно должна стремиться изъ своихъ привольныхъ лѣсовъ въ золотую клѣтку, въ звѣринецъ, куда интеллигентная и экономическая силы стягиваютъ все «выдающееся», начиная съ говорящихъ птицъ и кончая уродами «вродѣ овцы о двухъ головахъ и барана о шести ногахъ». Сидя въ своей клѣткѣ, ремезъ утѣшалъ себя мыслью, что «таковъ естественный ходъ цивилизаціи», что говорить *по-людски* могутъ только попугаи, скворцы, да сороки, а прочія птицы не способны своимъ языкомъ произвести что-нибудь стоющее вниманія публики и должны по этому довольствоваться скромной ролью собирателей мелкихъ насѣкомыхъ по полямъ и лѣсамъ провинціи. Что за горе, что лѣса и поля, въ которыхъ не раздается вольный концертъ пернатаго населенія—похожи на мрачную, безжизненную пустыню?—Изъ звѣринца этого незамѣтно, а въ звѣринцѣ и безъ того вѣчный гамъ, крикъ, ревъ, дикій концертъ, представляющіе жизнь и движеніе..... Не одинъ г. Мордовцевъ такъ относится къ провинціальной печати, что даетъ поводъ называть себя «непримиримымъ ея врагомъ» (Голосъ № 300). Какъ ни страненъ, какъ ни обиденъ долженъ бы быть такой титулъ для писателя (писатель—врагъ печати!) но—повторяю—не безъ основанія онъ можетъ быть приложенъ и еще къ одному сотруднику «Дѣла», который еще два года назадъ съ ожесточеніемъ, достойнымъ иной цѣли, напалъ на провинціальную журналистику (Дѣло 1873 г. № 11, — „Красоты обывательской журналистики“) и выразилъ тѣже самые въ сущности взгляды по этому вопросу, какіе теперь выражаетъ г. Мордовцевъ, только еще больше сплеча, по-казацки, и уже нисколько незаботясь объ оправданіи своихъ гасильническихъ мнѣній какими нибудь „высшими соображеніями“.

— «Что же касается газетъ астраханскихъ, воронежскихъ, саратовскихъ, одесскихъ, нижегородскихъ и т. д.—писалъ онъ—то въ настоящее время *онѣ могутъ быть полезны только какъ справочные листки* (какъ и называются многія изъ нихъ), въ которыхъ ведется мѣстная хроника, разработываются вопросы мѣстной статистики и т. д. Фразы о пробужденіи самостоятельной провинціальной мысли остаются фразами и общественное мнѣніе провин-

ціи *не нуждается ни въ какихъ органахъ. Провинціальной публикѣ нужны только листки объявленій*».

Замѣчательно, что съ легкой руки публициста «Дѣла» число «газетъ» въ провинціи дѣйствительно начало сокращаться очень скоро послѣ появленія цитированной статьи, а вновь стали появляться исключительно листки объявленій. Очевидно, что «сама жизнь», такъ сказать, воспользовалась уроками, преподанными ей столичнымъ органомъ печати, съ чѣмъ и поздравляемъ отъ души господъ публицистовъ «Дѣла». Приносимъ дань уваженія ихъ вліятельности и благодаримъ за услугу, оказанную развитію печатнаго слова. Съ точки зрѣнія цитированнаго выше журналиста, онъ дѣйствительно долженъ гордиться этой услугой. Вотъ его точка зрѣнія: «лучшихъ литературныхъ силъ мало даже въ Петербургѣ, пишетъ онъ,—чтоже было-бы съ нашей журналистикой, если-бы многія литературныя силы занялись-бы разработкой мѣстныхъ вопросовъ въ мѣстныхъ органахъ? Столичная журналистика пала-бы еще ниже, чѣмъ теперь, а въ вашихъ милыхъ провинціяхъ для лучшихъ силъ оказалось-бы невозможною даже та ограниченная дѣятельность, какой они посвящаютъ себя въ Петербургѣ. Чѣмъ незавиднѣе положеніе столичной журналистики, тѣмъ большаго сосредоточенія силъ требуетъ ея поддержаніе, и *централизація при данныхъ условіяхъ является совершенно естественною и неизбѣжною*. Другое-бы дѣло, если-бы столичная журналистика процвѣтала, а общественное мнѣніе провинціи требовало-бы своихъ отдѣльныхъ литературныхъ органовъ. Тогда безъ всякихъ проповѣдей или даже фальшивыхъ воззрѣній къ мѣстному патріотизму писателей, литературныя силы распредѣлились-бы иначе, чѣмъ теперь, и оживили-бы провинціальную журналистику. Ну, а теперь, скажите на милость, какое это сознаніе пробудилось, какіе это мѣстные живые вопросы возникли, о которыхъ кричитъ и толкуетъ обывательская печать и для рѣшенія которыхъ требуются «лучшія» литературныя силы? *Для составленія мѣстныхъ хроникъ, для занятія мѣстной географіей и статистикой, для обсужденія такъ называемыхъ земскихъ вопросовъ достаточно* — хотя не вездѣ — *и наличныхъ силъ*. Добросовѣст-

ное и толковое изученіе этихъ мѣстныхъ вопросовъ въ высшей степени желательно и провинціальныя изданія были-бы явленіемъ вполнѣ цѣлесообразнымъ и *наиболѣе подходящимъ къ даннымъ условіямъ*, если-бы они посвятили себя *исключительно* этому изученію. Къ сожалѣнію, провинціальная печать удаляется отъ столь простой и легко выполнимой задачи, задаваясь цѣлями, которыя неясны даже для нея самой».....

Тоже самое, только съ разными выкрутасами, развиваетъ теперь, черезъ два года, г. Мордовцевъ, хотя по свойственной ему способности, въ концѣ-концовъ нѣсколькими словами и уничтожаетъ всѣ свои выводы. Прежде, чѣмъ разбирать эти мнѣнія, приводимъ подлинныя слова г. Мордовцева: «Въ провинціальной печати, говоритъ онъ, только такое дѣло можетъ быть долговѣчно и принести свою пользу, какое практикуется издательскою дѣятельностью г. Гациского на Волгѣ и нѣкоторыми изъ молодыхъ провинціальныхъ дѣятелей на Днѣпрѣ»,—подъ послѣдними г. Мордовцевъ разумѣетъ именно тѣхъ, которые заняты собираніемъ сырыхъ матеріаловъ по этнографіи и статистикѣ, также, какъ и г. Гацискій.—«Собирайте матеріалы, а мы будемъ изъ нихъ извлекать что намъ нужно» — вотъ альфа и омега завсегдатаевъ столичной журналистики въ ея разсужденіяхъ о провинціальной печати. Совершенно какъ въ прелестной баснѣ Крылова:

Лиса, накушавшись курятинки до сыта
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ,—а въ гости къ ней голодный волкъ тащится.
«Что, кумушка, бѣда!» онъ говоритъ:
«Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться,
Меня такъ голодъ и моритъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло хоть удавиться!»
—Неужли?—«Право такъ.»—Бѣдняжка-кумашекъ!
Да не изволишь-ли сѣна? Вотъ цѣлый стогъ».....

Столичному публицисту не приходитъ въ голову, что, заявляя такія требованія, онъ рекомендуетъ провинціи ничто иное, какъ умственный застой и духовное рабство; что въ существѣ дѣла его теорія есть ничто иное, какъ извѣстная система, кратко выража-

мая классической формулой: «безъ разсужденій!» и пословицами вродѣ: «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ,» «яица курицу не учатъ,» «куда конь съ копытомъ—туда и ракъ съ клешней» и т. п. Столичному публицисту не приходитъ въ голову, что уже съ самой его профессіей, какъ журналиста, не говоря о направленіи, не вяжется та задача, которой онъ въ данномъ случаѣ посвящаетъ свои силы: въ самомъ дѣлѣ, когда въ столицѣ появляется какое-нибудь новое періодическое изданіе, или преждевременно прекращается существовавшее—столичный публицистъ считаетъ своимъ *домомъ*: въ первомъ случаѣ—привѣтствовать, во второмъ—высказывать сожалѣніе, хотя-бы даже дѣло шло объ изданіи, несовпадающемъ съ направленіемъ того органа, въ которомъ публицистъ сотрудничаетъ. Но вотъ случай натолкнулъ этого публициста на изданіе провинціальное и онъ сейчасъ превращается изъ писателя въ какого-то блюстителя statu quo; замѣтивъ въ этомъ изданіи стремленіе быть непохожимъ на листокъ объявленій, онъ тотчасъ-же начинаетъ тревожиться: „Это еще что за новость? Это къ чему? Что еще за органы такіе? Развѣ ваше дѣло толковать о такихъ вопросахъ, о которыхъ только мы имѣемъ право и умѣемъ говорить?“ И затѣмъ каждый по своему вкусу положитъ свою резолюцію: „Недѣля“ осторожно покачаетъ головой и скажетъ: «напрасно, къ чему это? Ничего не подѣлаешь — пустая затѣя; предоставьте намъ разсуждать. Мы дадимъ вамъ рядъ серьезныхъ обзоровъ, мы—органъ интеллигенціи...» и т. д. «Петерб. Вѣдомости» (еще Коршевской редакціи) гласятъ въ томъ-же тонѣ—собирайте дескать матеріалы, а мы воспользуемся»: „ни литературнаго языка, ни глубокихъ научныхъ познаній тутъ не нужно. Нужно только умѣть подмѣтить факты и добросовѣстно записать ихъ въ свою лѣтопись. Люди науки съумѣютъ найти имъ надлежащее мѣсто въ общей картинѣ человѣческаго житья—бытья и объяснить ихъ значеніе и связь съ другими фактами. Талантливые государственные люди воспользуются ими для блага народа. Не бойтесь подробностей: ненужныя стушуются въ общей картинѣ сами собой, а полезныя, *безъ вашего вѣдома*, сдѣлаютъ свое дѣло.“ (С. Петербургскія Вѣдомсти. 1874 года). „*Провинціальной публикѣ нужны только листки объявленій*“ — категориче-

ски рѣшаетъ сотрудникъ „Дѣла“ въ своемъ *докладѣ* по дѣламъ провинціальной печати. А г. Мордовцевъ приговариваетъ: „Все это безполезныя порыванія, неимѣющія подъ собой реальной почвы; не забывайте неизмѣнный законъ природы, по которому сверчокъ долженъ сидѣть подъ шесткомъ, не высовываясь изъ своего угла, подъ опасеніемъ преждевременно погибнуть отъ кухаркина голика, и повѣрьте—кухаркинъ голикъ тутъ не причемъ—все дѣло въ неизмѣнныхъ законахъ природы“.

Откуда эти тревоги у писателей-централистовъ? Откуда это упорное нежеланіе развитія въ Россіи провинціальной печати или покрайней мѣрѣ это желаніе „поставить ее въ границы“, вставить въ узенькую рамку? Чѣмъ объяснить, что петербургскіе публицисты точно сговорились настаивать на томъ, что для русской провинціи ничего не нужно въ отношеніи печатнаго слова, кромѣ Памятныхъ книжекъ да Губернскихъ Вѣдомостей? Вѣдь программа этихъ изданій, на которой такъ единодушно настаиваютъ господа публицисты прогрессивнаго лагеря—довольно таки давно составлена, а жизнь идетъ впередъ и, какъ говорится, предъявляетъ новыя требованія. Эту истину легко усвоить себѣ въ наше время не только столичному публицисту, но и любому канцелярскому служителю, отъ роду не бравшему въ руки никакихъ книгъ кромѣ Свода Законовъ. Любой писецъ знаетъ, что въ самомъ Сводѣ Законовъ изданія 1857 г. не осталось ни одной страницы во всѣхъ 15 томахъ, которая-бы не была, по требованіямъ жизни, „измѣнена“ или „дополнена“; и если-бы кто нибудь сказалъ ему, что 867 статья 2-го тома, опредѣляющая программу неофиціальной печати въ провинціи, тоже нуждается въ „дополненіи“—онъ не нашелъ-бы въ этомъ ничего страннаго; „значитъ время пришло и этой статьѣ уступить развивающимся требованіямъ жизни“—подумалъ-бы писецъ и отнесся-бы очень сочувственно къ такому явленію, ибо даже и онъ находитъ, что Губернскимъ Вѣдомостямъ не мѣшало-бы быть поживѣе. А вотъ *писатели*-прогрессисты вродѣ гг. Мордовцева, Шашкова и т. д.—они находятъ, что даже и Губернскія Вѣдомости составляютъ излишнюю роскошь, что провинціи достаточно однихъ листковъ объявленій, или пишутъ статьи въ защиту statu quo и сводятъ задачи

всей провинціальной печати къ той программѣ, которая начертана для Губернскихъ Вѣдомостей въ Сводѣ Законовъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Ст. 867. Т. 2. Общ. Губ. учр. „Въ части неоффиціальной могутъ быть помѣщаемы относящіяся до мѣстности свѣдѣнія и матеріалы географическіе, топографическіе, историческіе, археологическіе, статистическіе, этнографическіе и проч..... Статьи и свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, объ урожаѣ, промыслахъ, торговлѣ, фабрикахъ, ярмаркахъ, судоходствѣ, о рыночныхъ и справочныхъ цѣнахъ, состоявшихся торговыхъ и другихъ обществахъ, о выданныхъ привиллегіяхъ на изобрѣтенія, некрологія извѣстныхъ въ губерніи лицъ, и проч. *Примѣчаніе*: Сообщаемыя въ неоффиціальной части извѣстія, свѣдѣнія и матеріалы не должны облекаться въ формы такихъ литературныхъ статей, въ которыхъ обыкновенно имѣетъ мѣсто вымыселъ или непринадлежащая къ предмету обстановка, каковы повѣсти, разсказы и т. п.“. Но правительство уже приступило къ разширенію этой программы, признавъ возможнымъ и полезнымъ допустить въ органахъ Губернскаго Правленія «руководящія статьи по предметамъ внѣшней политики и внутренняго управленія» изъ всѣхъ существующихъ у насъ офиціальныхъ изданій и сдѣлало въ этомъ смыслѣ дополненія въ Законѣ (См. Продолженіе 1864 года 867 ст. 2 т. Св. Зак.); наконецъ, также уступая безъ сомнѣнія развивающимся потребностямъ провинціи слѣдить за тѣмъ, что дѣлается на божьемъ свѣтѣ, правительство разрѣшило перепечатывать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ внѣшнія политическія и разныя внутреннія извѣстія, причемъ, безъ сомнѣнія, имѣлось въ виду привлеченіе добровольныхъ подписчиковъ и слѣдовательно увеличеніе казеннаго дохода отъ этой подписки, а чрезъ нее и отъ объявленій. А все это показываетъ, что потребность, собственно, въ газетѣ, а не просто въ листкѣ объявленій и не просто въ сборникѣ сырыхъ матеріаловъ по прежней программѣ неоффиціальной части,—что эта потребность дѣйствительно явилась и существуетъ, иначе нельзя было бы и разсчитывать на привлеченіе къ Губернскимъ Вѣдомостямъ добровольныхъ подписчиковъ посредствомъ включенія въ программу политическихъ и разныхъ извѣстій. Губернскія Вѣдомости служатъ

источникомъ дохода и ни одно Губернское Правленіе не рѣшилось бы затратить ни копѣйки на изданіе ихъ по разширенной программѣ, если-бы опытъ не показалъ, что такое разширеніе съ избыткомъ покрывается вызываемымъ чрезъ него увеличеніемъ дохода отъ частныхъ подписчиковъ и объявленій. Такимъ то образомъ фактъ законодательнаго разширенія программы Губернскихъ Вѣдомостей мы не обинуясь относимъ къ числу доказательствъ существующаго въ провинціяхъ запроса *на газету*, на періодическое изданіе съ болѣе живой и широкой программой чѣмъ та, какая начертана была для неоффиціальной части устарѣвшими законодательными актами*). Между тѣмъ и этотъ фактъ встрѣченъ былъ нашей „прогрессивной“ печатью недружелюбно; столичная печать не разсмотрѣла въ немъ ничего, кромѣ повода для дешеваго остроумія, и мы не разъ встрѣчали въ столичныхъ газетахъ высокомѣрныя наставленія преобразованнымъ Губернскимъ Вѣдомостямъ перестать заниматься перепечатками политическихъ и разныхъ извѣстій, а лучше обратить побольше вниманія на печатаніе матеріаловъ для изученія мѣстной жизни. Но скажите пожалуйста, какой вредъ отъ того, что, благодаря этимъ перепечаткамъ, нѣсколько лишнихъ сотъ тысячъ читателей вродѣ волостныхъ писарей и сельскаго духовенства — до которыхъ столичныя газеты почти совсѣмъ не доходятъ — будутъ „слѣдить за политикой“ по мѣстнымъ Губернскимъ Вѣдомостямъ? Неужели дѣятелей столичной печати нужно убѣждать въ томъ, что изъ такого занятія „никакого вреда, о кромя пользы“ быть не можетъ?... Понятное дѣло, что при свободной конкуренціи частныхъ изданій, если бы таковыя были, — Губернскимъ Вѣдомостямъ было-бы приличнѣе да и пришлось-бы волей неволей — благо на то есть у нихъ матеріальныя средства — заняться собираніемъ и обработкой мѣстныхъ статистическихъ, историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ; но, пока этого нѣтъ, или тамъ, гдѣ этого нѣтъ, — пусть они вволю перепечатываютъ изъ столичныхъ газетъ и политическія, и разныя извѣстія, и дай имъ Богъ въ этомъ отношеніи всякаго успѣха. Вѣдь и столичныя газеты, за исключеніемъ фельетона да пе-

*) Относительно программы неоффиціальной части Губ. Вѣд. въ Полномъ Собр. Законовъ см. № 18580—2 янв. 1845 г., № 29059—1855 г., № 33951—1858 г. и № 42180—1865 г.

редовыхъ, которыхъ никто не читаетъ,—чѣмъ-же другимъ напохняются, какъ не перепечатками одна изъ другой внутреннихъ извѣстій да въ переводѣ изъ иностранныхъ газетъ—политическихъ новостей, столько-же запоздалыхъ противъ западной Европы, насколько перепечатки Губернскихъ Вѣдомостей запаздываютъ противъ столицы? Значитъ, нечего и превозноситься ... И дѣйствительно, бывали примѣры, что Губернскія Вѣдомости, при отсутствіи частныхъ газетъ, попадая въ хорошія руки, достигали замѣчательнаго въ своемъ родѣ совершенства, дѣлались почти въ полномъ смыслѣ мѣстными органами, отвѣчающими мѣстнымъ потребностямъ; таковы одно время были: Харьковскія Губ. Вѣд. и кажется въ тоже время — Томскія. А столичные писатели наладили одно: „собирайте матеріалы, собирайте матеріалы“ и больше вы отъ никъ ничего не добьетесь. Но что всего замѣчательнѣе, эти писатели до такой степени утратили всякую связь съ провинціей, потеряли чутье для распознанія ея интересовъ, что съ своей защитой устарѣвшаго statu quo, съ своими филиппиками противъ развитія провинціальной печати они выступили именно въ то самое время, когда по обстоятельствамъ времени это было (и есть) всего безтактнѣе: никогда еще въ провинціяхъ не пробуждалось такого настойчиваго желанія имѣть свои органы печати, непохожіе ни на оффиціально-сухія Губернскія Вѣдомости, ни на Справочные Листки, какъ въ послѣдніе годы. Въ столичныхъ газетахъ то и дѣло стали появляться заявленія изъ разныхъ концовъ Россіи о предполагаемыхъ тамъ и здѣсь новыхъ провинціальныхъ изданіяхъ по широкой программѣ: то въ Одессѣ образуется кружокъ на акціонерныхъ началахъ съ цѣлью основанія *хорошей* провинціальной газеты, то въ Кіевѣ сдѣлаютъ попытку въ этомъ-же родѣ, причемъ въ предпріятіи принимаютъ участіе наиболѣе живые элементы изъ мѣстныхъ представителей университетскаго образованія, то изъ Тулы пишутъ, что тамъ все готово къ организаціи давно ужъ небывалаго въ провинціи предпріятія, изданія учено-литературнаго журнала, то изъ Ярославля, гдѣ въ 1786 г. былъ основанъ первый такой журналъ („Уединенный Пошехонецъ“), появится корреспонденція съ извѣстіемъ, что какой-то докторъ П. затѣваетъ издавать газету „Ярославецъ“;—изъ одной

Казани, наконецъ, насколько намъ извѣстно, въ послѣдніе два года поступило болѣе 10 прошеній объ изданіи мѣстной газеты. И въ такихъ-то обстоятельствахъ господа столичные публицисты преподносятъ свои доклады о ненужности для провинціи ничего, кромѣ листковъ объявленій, и о томъ, что „только такое (литературное) дѣло въ провинціи можетъ быть долговѣчно и принести свою пользу, какое практикуется издательскою дѣятельностью“ губернскихъ статистическихъ комитетовъ, а все остальное—это „безполезныя порыванія“..... „иллюзіи“.....

И вы думаете—вы, гордящіеся своимъ «умѣньемъ касаться щекотливыхъ вопросовъ,» что дѣятель провинціальной печати способенъ послѣ этого сохранить хоть каплю прежняго довѣрія къ вашей мудрости, что онъ можетъ встрѣтить ваши слова безъ негодованія и дочитать до конца вашу статью, не швырнувъ отъ себя съ отвращеніемъ книжку вашего «прогрессивнаго» журнала, что онъ—простите за грубое выраженіе — не пожелаетъ вамъ «тянуть на языкѣ»?..... Ошибаетесь, если думаете, что ваша проповѣдь способна привлечь къ вашей столичной журналистикѣ лучшія изъ литературныхъ силъ провинціи, въ этомъ отношеніи вы достигаете результатовъ какъ разъ совершенно противоположныхъ: у тѣхъ, кто писалъ въ столицахъ за невозможностью писать въ провинціи, вы возбуждаете только желаніе «отрясти прахъ отъ ногъ своихъ» на порогѣ столичной журналистики..... Если-бы вы знали провинцію, вы знали-бы и то, что на десятокъ вашихъ публицистовъ, фельетонистовъ, рецензентовъ и поддѣльныхъ «провинціальныхъ философовъ»—въ провинціи найдутся сотни умовъ, предъ которыми ваши завсегдатаи изображаютъ изъ себя жалкое умственное и нравственное убожество, жалкое тѣмъ болѣе, что оно воображаетъ себя свѣтильникомъ на свѣщницѣ, городомъ на горѣ. Но самодовольство завело слишкомъ далеко этихъ писателей и они воображаютъ, что кромѣ ихъ нѣтъ въ Россіи ничего интеллигентнаго, что «все, что есть живого и дѣятельнаго въ странѣ», сгруппировалось въ конторахъ столичныхъ редакцій, а въ провинціяхъ одна только мелкота и шушера..... И не удивительно, что писатель-централистъ доходитъ до такихъ представленій, потому-что

Въ столицахъ шумъ: гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война...
А тамъ, во глубинѣ Россіи,—
Тамъ вѣковая тишина.

И эту-то тишину рекомендуютъ намъ столичные писатели, какъ нормальное условіе существованія провинціи. Они знаютъ, что населеніе Россіи раскинулось на пространствѣ, превосходящемъ величиною всю остальную Европу, и находятъ естественнымъ, что на всемъ этомъ пространствѣ нѣтъ ни одного печатнаго станка, посвященнаго прежде всего литературному дѣлу и публицистикѣ, а не печатанію бланокъ. Они говорятъ, что Россія должна прививать себѣ всѣ хорошіе продукты западно-европейской цивилизаціи... *Но*—прибавляютъ они—что касается до печати, то въ этомъ отношеніи Европа намъ не примѣръ: съ Россіи довольно и тѣхъ органовъ печати, какіе существуютъ въ Москвѣ и Петербургѣ; всѣ остальные города и веси нашего обширнаго отечества могутъ довольствоваться той умственной пищей, тѣми «продуктами творчества», какіе намъ вздумается имъ доставить, удовлетворивъ предварительно своихъ ближайшихъ подписчиковъ*).

Они развиваютъ теоріи о свободѣ рѣчи, но на практикѣ оказываются «непримиримыми врагами провинціальной печати»—и преподносятъ другъ другу этотъ титулъ, не замѣчая, какая здѣсь кроется злая и обидная насмѣшка: «Намъ уважаемый публицистъ г. Мордовцевъ, извѣстный и непримиримый врагъ провинціальной печати, написалъ новый замѣчательный трудъ объ этомъ предметѣ»—вѣроятно рецензентъ «Голоса» такими словами начнетъ свой фельетонъ, когда редакторъ «Дѣла» вздумаетъ еще разъ «поощрить» дѣятелей печатнаго слова въ провинціи краснорѣчивыми устами своего лучшаго сотрудника. И никому изъ этихъ господъ въ голову не приходитъ, что выражаться такимъ образомъ о писателѣ все равно что сказать -- примѣрно — такую безсмыслицу: «нашъ уважаемый

*) «Недѣля», напримѣръ, выходящая въ Петербургѣ по воскресеньямъ—получается въ Нижнемъ только по пятницамъ, хотя Нижній лежитъ въ двухъ дняхъ пути отъ Петербурга; въ Казань эта газета приходитъ такимъ образомъ черезъ недѣлю по выходѣ, при пароходномъ сообщеніи; также «Вѣстникъ Европы», Гражданинъ всегда днемъ раньше «Недѣли».

ученый N. N., извѣстный врагъ самостоятельной разработки наукъ въ провинціи» и т. д.

Не приходитъ имъ въ голову и того: чьи собственно интересы они отстаиваютъ, поддерживая statu quo провинціальной печати! Между тѣмъ, если-бы они задали себѣ этотъ вопросъ, то увидали-бы что вся ихъ централизаторская система сводится къ слѣдующей немудрой формулѣ: пиши гдѣ хочешь, но *печатай* у насъ въ столицѣ. Вотъ къ чему сводится весь этотъ неизмѣнный роковой законъ природы, по которому все выдающееся стремится яко-бы въ центры, вмѣстѣ съ г. Мордовцевымъ, бабой Анисьей, теленкомъ о двухъ головахъ и т. д. Редакціи „Дѣла“ всего ближе было-бы понять, что все дѣло сводится къ монополіи *печатанія*, т. е. монополіи *издательской спекуляціи*, а литературная сторона дѣла остается почти совсѣмъ непричемъ въ вопросѣ. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть постоянныхъ сотрудниковъ *Дѣла* писали и двое или трое изъ нихъ до сихъ поръ пишутъ въ провинціи; извѣстно также, что лучшіе наши беллетристы прежняго времени, начиная съ Пушкина, тоже въ провинціи писали свои лучшія произведенія, что многіе изъ теперешнихъ „столичныхъ“ писателей—историковъ, критиковъ, беллетристовъ и публицистовъ волей или неволей состоятъ обывателями иногда очень отдаленныхъ уголковъ въ провинціи. Все дѣло, слѣдовательно въ томъ, что они *печатаются* въ столицахъ. Г. Мордовцевъ очевидно не подумалъ объ этомъ, когда приводилъ въ подтвержденіе своей теоріи примѣръ Тита Ливія Патавинскаго, который – «чтобы быть безсмертнымъ и полезнымъ своей странѣ, всей своей великой отчизнѣ, а не умереть скорозабываемымъ провинціальнымъ писателемъ, долженъ былъ насильственно задавить въ себѣ свой родной патавинизмъ, не гармонировавшій съ общимъ строемъ жизни Вѣчнаго города. И онъ сдѣлалъ это—продолжаетъ г. Мордовцевъ,—также, какъ, по теоріи Дарвина, птица мѣняетъ цвѣтъ своего пера, а звѣрь—цвѣтъ шерсти, смотря потому, гдѣ они должны жить—въ зеленыхъ цвѣтущихъ лѣсахъ или между полярными льдами и снѣгами»—«Такъ и у писателя-централиста всѣ литературные пріемы и языкъ по необходимости гармонируютъ съ окружающей его жизнью и всякій Титъ Ливій, попавъ изъ Патавіи въ Римъ,

рестаетъ быть провинціаломъ-патавинцемъ, а дѣлается римляни-мъ, civis romanus, только съ маленькимъ напоминаніемъ въ языкѣ томъ, что онъ изъ Патавіи, съ Волги, съ Днѣпра.»—Не беремся дить о томъ—выгодно или невыгодно отразилось на литературномъ аченіи Тита Ливія «*насильственное* подавленіе роднаго патави-зма», но относительно русскихъ писателей можно рѣшительно верждать, что по мѣрѣ того, какъ они теряютъ связь съ провин-ей, они жестоко исписываются и доходятъ повременамъ до совер-ннаго самоуничтоженія въ смыслѣ литературныхъ дѣятелей. Гдѣ ожились и созрѣли тургеневскія «Записки Охотника»—въ про-нціи или въ столицѣ — и отчего г. Тургеневъ не въ состояніи перь написать даже плохенькаго разсказа изъ народной жизни, какой-нибудь г. Златовратскій однимъ разсказомъ «Крестьяне-писяжные» сразу обращаетъ на себя общее вниманіе? Съ которыхъ ръ г. Писемскій потерялъ способность художественно воспроизво-ть народную жизнь въ повѣстяхъ и драмѣ—не съ тѣхъ-ли поръ, къ его литературные пріемы начали гармонировать съ окружаю-ей его жизнью нашего «города генія?» Почему Рѣшетниковъ не на-исалъ ничего лучше «Подлиповцевъ» и *погибъ у васъ въ Петербургѣ*, огибъ именно потому, что «носилъ въ себѣ задатки жизни высшаго лета», а не наоборотъ, какъ думаетъ г. Мордовцевъ?—Прочитайте вѣтъ на этотъ вопросъ въ предсмертной повѣсти Рѣшетникова Между людьми»,—которую онъ «бросилъ, какъ проклятіе, въ лицо одямъ, между которыми онъ погибъ». — Гдѣ написалъ Наумовъ ои лучшіе очерки изъ жизни сибирскаго крестьянина? — Въ Си-ири.—Отчего онъ не пишетъ теперь ничего подобнаго? Спросите о и онъ вамъ откровенно признается: оттого, что вашъ «обая-ельный центръ» задавилъ въ немъ его родной патавинизмъ и чрезъ го обезличилъ его талантливую натуру. Чтобы спасти себя отъ огибели, какъ писателя, Наумовъ долженъ стремиться изъ центра ь своей родной окраинѣ, иначе онъ перестанетъ быть писателемъ. ткуда вышелъ Щаповъ—этотъ бытописатель народной жизни въ ачествѣ историка? Изъ провинціи, и если онъ остался вѣренъ ою знамени, если онъ не превратился въ завсегдатая-попугая, го потому, что онъ снова возвратился въ родные лѣса Патавіи.

Каково матеріальное положеніе провинціальнаго дѣятеля пе-
ти?—Совершеннѣйшая нищета, если посторонним заработкомъ
ь не обезпечить сколько-нибудь своего существованія. Для того
бы написать одинъ листъ литературнаго произведенія, дѣятель
овинціальной печати долженъ иногда написать десять листовъ
щелярскихъ отношеній, докладовъ, журнальныхъ постановленій
т. д.; или — для того, чтобы два-три часа въ день посвятить
ботѣ литературной—онъ долженъ пять-шесть часовъ посвятить
бѣготню по урокамъ и т. п.

Въ такихъ-то обстоятельствахъ какую пищу для самолюбія
матеріальнаго расчета представляетъ дѣятельность провинціа-
наго писателя? Никакой; напротивъ, она требуетъ самоотре-
нія во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ главнаго: самосто-
льности взглядовъ. Въ этомъ отношеніи писатель-провинціалъ
даетъ драгоцѣннѣйшей привиллегіей—хранить независимость
его мнѣнія отъ вліянія литературныхъ кружковъ и лагерей,
ь разсчетовъ литературнаго кумовства, отъ поползновеній антре-
нера-издателя (такъ какъ или онъ самъ издатель своихъ сочи-
ній, или издатель отъ него зависитъ, а не наоборотъ). Тѣ ли-
нія, труды, опасности и болѣзни, которыми онъ завоевываетъ
ѣ право быть писателемъ — дѣлаютъ въ его глазахъ печатное
во предметомъ слишкомъ высокимъ, чтобы относиться къ нему
ъ достаточнаго уваженія и обращаться съ нимъ за панибрата.
ежду тѣмъ какъ столичный писатель сплошь и рядомъ пишетъ
того, чтобы заработать себѣ средства къ жизни, провинціа-
ный—наоборотъ—зарабатываетъ средства къ жизни для того,
бы имѣть возможность писать; или короче: первый пишетъ,
бы жить, второй живетъ, чтобы писать..... Маленькая разница,
торой объясняется очень многое.....

Теперь, надѣюсь, для читателей становится нѣсколько по-
нымъ, въ чемъ мы предполагаемъ источникъ инстинктивной анти-
іи писателя-централиста къ «притязаніямъ» провинціальной пе-
ы. Признать эти притязанія законными, достойными сочувствія—
значило-бы принять на себя нѣкоторыя нравственныя обяза-
ьства, такъ-какъ въ противномъ случаѣ каждый читатель спа-

жетъ: «вы только говорите о своемъ сочувствіи развитію печати въ провинціи, но возлагаете бремя неудобоносимое на другихъ, а сами и перстомъ не хотите его двинуть». Столичный писатель не на столько наивенъ, чтобы этого не предвидѣть, — и вотъ онъ является антагонистомъ тѣхъ «стремленій», въ которыхъ чувствуетъ какъ бы «притязаніе» на себя самого, въ качествѣ дѣятеля печати. Пріемъ не новый. Попробуйте затѣять какое-либо предпріятіе, требующее труда, лишеній и не дающее никакой пищи тщеславію; вы, мало того, что не встрѣтите сочувствія въ тѣхъ, на кого, казалось, имѣли право разсчитывать, — ваше предпріятіе подвергнется самой придирчивой критикѣ и насмѣшкамъ со стороны тѣхъ, кто желаетъ оправдать этимъ способомъ свое нежеланіе въ немъ участвовать. Предположимъ напримѣръ, что это предпріятіе литературное, имѣющее мѣсто въ провинціи. Естественно, что руководители этого предпріятія обратились-бы за содѣйствіемъ къ тому столичному писателю, который, выйдя изъ ихъ среды, не подавилъ въ себѣ насильственно связь съ родной Натавіей. Въ какомъ положеніи былъ бы этотъ писатель, если-бы онъ имѣлъ неосторожность выражать открыто горячее сочувствіе развитію провинціальной печати? Этими выраженіями онъ взялъ-бы на себя нравственное обязательство поддержать своимъ сотрудничествомъ литературное предпріятіе родной Натавіи, если не встать во главѣ его въ качествѣ наиболѣе видного изъ натавинцевъ. Но подобное приглашеніе въ его ушахъ звучало-бы, какъ слова Спасителя къ богатому юношѣ: «продай имѣніе твое и раздай нищимъ и слѣдуй за мною»... И вотъ онъ заранѣе, предупредительно надѣваетъ на себя личину обладателя какой-то высшей мудрости, которая не удовлетворяется [illegible] провинціальными порывами. Онъ напускаетъ на себя [illegible] разобрать невозможно [illegible] загадочнымъ [illegible] [illegible] ... Мордовщенъ слѣдующими [illegible] [illegible] печати, — [illegible] [illegible]
[illegible]
[illegible]

фосфоръ. Посѣдѣлые центры такъ не скажутъ»..... Дѣйствительно, посѣдѣлые центры только и говорятъ, что «собирайте матеріалы — и предоставьте все остальное намъ, централистамъ». Имъ и въ голову не приходитъ, что писатель-провинціалъ имѣетъ полное право сказать на это: но вы не подумали, господа, о томъ, что для того, чтобы собирать для васъ эти матеріалы—нужно чѣмъ-нибудь жить провинціальному дѣятелю и нужно затрачиваться на путешествія, на книги... Для того, чтобы издать эти матеріалы въ провинціи (ваши издатели вѣдь не возьмутся за такое безвыгодное изданіе), нужно ухитриться добыть средства; нужно взять на себя рискъ этого изданія, неимѣющаго почти никакихъ шансовъ окупить себя и вовсе не оплачивающаго трудъ собирателя матеріаловъ. Въ виду всего этого, какой характеръ пріобрѣтаютъ ваши совѣты провинціальнымъ дѣятелямъ печати не выходить изъ рамокъ собирателей сыраго матеріала. Характеръ совершенно крѣпостническій. За свободнымъ рабочимъ признаютъ по крайней мѣрѣ право получать заработную плату за свой трудъ, а вы предлагаете провинціальному дѣятелю только трудъ, а себѣ присвоиваете право воспользоваться продуктами обработки добытыхъ этимъ трудомъ матеріаловъ. Та часть труда, которая требуетъ только издержекъ производства и ничѣмъ не оплачивается—это естественный удѣлъ провинціальнаго дѣятеля, говорите вы,—на свой страхъ и рискъ, на свои собственныя средства, добытыя постороннимъ заработкомъ, онъ долженъ собрать матеріалъ и издать его у себя дома, а я воспользуюсь этимъ трудомъ, выжму изъ него сокъ, скомпилирую статейку и получу за это построчную и полистную плату; это мой удѣлъ; «таковъ естественный ходъ цивилизаціи».— Владѣльцы крѣпостныхъ рабочихъ тоже ссылались въ свое оправданіе на естественный ходъ вещей..... Но вѣдь вы—писатели, вамъ не подобаетъ настаивать на естественности такого порядка вещей. Вы требуете себѣ вопіющей монополіи, а за провинціальными писателями не хотите признать даже права имѣть притязанія на независимость отъ вашей эксплуатаціи. Вы говорите, какъ г. Мордовцевъ, что задача провинціальной печати: «изучать жизненныя нужды страны, доводить о нихъ до всеобщаго свѣдѣнія,

стараться поставить населеніе въ возможность предъявить экономическую и нравственную *конкуренцію* съ центрами, съ большими городами,—вотъ все, что пока нужно",—и въ тоже время не признаете за ней права вооружаться равносильнымъ оружіемъ. Съ одной стороны—столичная пресса, вооруженная и капиталами, и юридическими правами, и лучшими литературными силами; съ другой—слабый зародышъ провинціальный печати, вооруженный единственно самоотверженіемъ своихъ дѣятелей, а вы говорите о конкуренціи при такихъ условіяхъ? Принять-ли это за сарказмъ или за предчувствіе, что нравственная сила дѣйствительно дѣлаетъ чудеса?....

Ни то, ни другое, разумѣется, а просто—привычка писать не подумавши. Въ этой-же самой привычкѣ заключается для писателя централиста и выходъ изъ щекотливаго положенія, потому что въ необдуманной рѣчи легко уживаются рядомъ непримиримыя противорѣчія. Можно признать за извѣстнымъ явленіемъ естественное право на существованіе и въ тоже время доказывать, что оно не имѣетъ подъ собой реальной почвы; можно указывать на борьбу за это существованіе, какъ на задачу достойную уваженія, и въ то-же время самому занимать мѣсто въ томъ лагерѣ, противъ котораго борьба рекомендуется.

IV.

Мѣстный патріотизмъ и доктрина ходячаго космополитизма.

Во второй своей статьѣ о провинціальной печати, г. Мордовцевъ дѣлитъ ее на фракціи: нижегородскую, сѣверную, сибирскую, средне-азіатскую, кавказскую, новороссійскую, сѣверо-западную и югозападную или кіевскую. Эта попытка—составляетъ второе достоинство труда г. Мордовцева о провинціальной печати, но именно только какъ попытка, показывающая въ какомъ направленіи долженъ-бы, дѣйствительно, разработываться вопросъ о литературной дѣятельности въ провинціи; по исполненію-же своему эта попытка стоитъ на одинаковой высотѣ съ остальными несообразностями разбираемыхъ нами статей г. Мордовцева.

Фракціи г. Мордовцева заключаютъ въ себѣ только намекъ на то, что существованіе и развитіе провинціальной печати немыслимо внѣ извѣстныхъ территоріальныхъ фракцій,— вслѣдствіе чего и мысль г. Мордовцева неизбѣжно послѣдовала въ этомъ направленіи; но она тотчасъ-же запуталась, потому что не имѣла никакой руководящей нити, никакого критерія, съ помощью котораго г. Мордовцевъ могъ-бы не колеблясь признавать то или другое явленіе относящимся—во первыхъ, къ явленіямъ провинціальной печати, а во вторыхъ, къ такой-то изъ ея фракцій. За отсутствіемъ этого критерія, г. Мордовцевъ дошелъ до того, что къ числу дѣятелей провинціальной печати отнесъ даже такихъ господъ, «которые—по его собственному признанію—столько-же принадлежитъ (напримѣръ) новороссійской фракціи, сколько Ливингстонъ африканской, а Вамбери—средне-азійской русской». Этимъ признаніемъ г. Мордовцевъ самъ произнесъ приговоръ достоинству своихъ распредѣленій по фракціямъ. Но это не заставило его, прежде чѣмъ предлагать свое дѣленіе, обдумать—по какому-же принципу оно должно быть сдѣлано? Какъ отличить дѣятеля провинціальной печати отъ писателя централиста? Онъ подходилъ не разъ къ этому вопросу, когда напр. Пушкина и Лермонтова пробовалъ приткнуть къ своей «кавказской фракціи» вмѣстѣ съ генераломъ Фадѣевымъ и другими; когда недоумѣвалъ куда дѣваться съ г. Ровинскимъ, который, повидимому, столько-же принадлежитъ Чехіи и Сербіи, сколько Поволжью и Сибири; и чѣмъ наполнить „сѣверо-западную фракцію“ и т. д. Но доискаться руководящаго принципа г. Мордовцевъ все-таки не подумалъ. Между тѣмъ г. Гацискій уже подсказывалъ ему этотъ принципъ—оставалось только развить его, обдумать и приложить къ дѣлу.

„По временамъ приводится читать въ газетахъ, — цитируетъ г. Мордовцевъ Гацискаго, — что умеръ въ Казани или Иркутскѣ такой-то провинціальный писатель, всю жизнь усердно и почти безвѣстно работавшій по изученію своего угла.... Масса подобныхъ писателей даетъ пищу составителямъ руководствъ по географіи, всевозможнымъ компиляторамъ, часто даже не ссылающимся на источникъ, изъ котораго они черпаютъ свои компиляціи..... Эти-то кропотливые труженики и составляютъ наши провинціальныя литера-

турныя силы, далеко не такія слабыя, какъ обыкновенно о нихъ думаютъ. Подъ этими литературными силами мы конечно не разумѣемъ дышащихъ обыкновенно одною теплотою чувствъ фельетонистовъ „Губернскихъ Вѣдомостей“ и многихъ листковъ, отличающихся отъ „Вѣдомостей“ только тѣмъ, что издаются они не Губернскимъ Правленіемъ“.

Оставалось—повторяю—только обдумать и развить, заключающіяся здѣсь данныя для опредѣленія того, что такое провинціальный писатель, чтобы по крайней мѣрѣ не сваливать въ одну кучу г. Де-Пуле и Драгоманова, Щапова и генерала Фадѣева, Шевченко и Каразина и т. д. и т. д.

Разумѣется, г. Гацискій не далъ сколько-нибудь полнаго опредѣленія литературныхъ силъ провинціи, да онъ и не имѣлъ этого въ виду, такъ какъ рѣчь шла преимущественно о собирателяхъ матеріала по статистикѣ и этнографіи и притомъ-же онъ говорилъ только о томъ, что есть, а не о томъ, что и какъ должно-бы быть. Но и мимоходомъ онъ указалъ однако тотъ признакъ, по которому, какъ намъ кажется, всего удобнѣе отличить писателя-децентралиста отъ его „старшихъ братій“ по писательской профессіи. Говоря о «труженикахъ», всю жизнь усердно и почти безвѣстно» работающихъ на пользу своего края, г. Гацискій, очевидно, обращалъ вниманіе на тѣ внутреннія качества провинціальнаго дѣятеля, которыя дѣлаютъ достойной особеннаго уваженія его дѣятельность и привлекаютъ къ ней симпатіи, даже почти независимо отъ ея размѣровъ и результатовъ. Эти-же качества, составляющія отличительную особенность писателя-провинціала, заключаются въ той внутренней, психической связи, которая существуетъ между дѣятелемъ и той мѣстностью, областью, территоріей, которой онъ посвящаетъ свою дѣятельность. Безъ этой внутренней связи, которую—за неимѣніемъ болѣе подходящаго названія—можно назвать мѣстнымъ патріотизмомъ, немыслимо посвятить «всю жизнь усердному» труду на пользу какого-нибудь края, не имѣя въ виду ни матеріальныхъ выгодъ, ни даже той награды, которую даетъ человѣку почетная извѣстность: напротивъ, очень часто, подвергаясь добровольнымъ лишеніямъ въ разныхъ отношеніяхъ, требующимъ иногда даже чрезвычайнаго само-

ерженія. Это-то чувство внутренней связи между собою и той дой (въ обширномъ смыслѣ), въ которой и для которой дѣятель рдно трудится, эта краевая привязанность, если можно такъ выиться, или мѣстный патріотизмъ и составляютъ критерій, позвоющій нетолько безошибочно распознать — принадлежитъ-ли данй дѣятель къ писателямъ-централистамъ или децентралистамъ, винціаламъ по принципу, но и къ какой фракціи его слѣдуетъ ести. Если-бы Шевченко, положимъ, — родился гдѣ-нибудь въ рціи, всю жизнь провелъ гдѣ-нибудь въ глубинѣ Азіи и по каку-нибудь странному стеченію обстоятельствъ писалъ-бы не инакакъ по-французски, но *душою* остался-бы все тотъ-же Шевко, какимъ мы его знаемъ въ его сочиненіяхъ, — онъ все-таки ъ-бы писатель-провинціалъ, писатель-децентралистъ и именно говападной фракціи». Съ другой стороны, если-бы г. Каразинъ родился и воспитался въ Ташкентѣ, отъ родителей-сартовъ, но и очерки писалъ-бы съ тѣмъ-же чувствомъ посторонняго наблюателя, съ какимъ, по всей вѣроятности, въ настоящее время ихъ шетъ, не имѣя главною цѣлію пользу и интересы своего края, страдая душой за его дикость, отсталость, несовершенство,—онъ, ъ и теперь, остался-бы писателемъ-централистомъ, не писаемъ провинціи, а писателемъ о провинціи. Г. Мордовцевъ совернно смѣшалъ два эти понятія, да иначе впрочемъ онъ не могъ и создать своихъ «фракцій». Можетъ быть, даже почти навѣре, и Сѣверъ, и Кавказъ, и Новороссія, и Бѣлоруссія, какъ Украй, Сибирь, или Волжско-Камскій край имѣютъ своихъ безвѣстхъ дѣятелей — мѣстныхъ патріотовъ, но они пока безвѣстны и тому мы ничего не можемъ сказать о томъ, существуютъ-ли сѣрная, кавказская, новороссійская и сѣверозападная фракціи проніальной печати; но что они *должны-бы* существовать, что неществованіе ихъ неестественно, на ряду со многими подобными омаліями,—въ этомъ, повидимому, не сомнѣвается и самъ г. Морвцевъ, не смотря на свою наклонность къ унитаризму.

Не даромъ онъ пытался ихъ создать при помощи набора сахъ разнокалиберныхъ элементовъ,—ему казалось естественнымъ, они должны быть, и онъ вообразилъ, что они есть, потому что

нашелъ писателей, которые писали о сѣверномъ краѣ въ Архангельскѣ, о Кавказѣ въ Пятигорскѣ и т. д. Но нужно сказать какъ, почему и съ какой цѣлью они писали, чтобы рѣшить вопросъ: образуютъ-ли они «фракцію»—зародышъ мѣстной печати, или, можетъ быть, просто пишутъ и изслѣдуютъ изъ любви къ искусству, или по предписанію начальства, или изъ разсчета—эксплуатировать край въ пользу центровъ, хотя-бы въ ущербъ самому краю, какъ бываетъ, напримѣръ, при изысканіяхъ желѣзныхъ дорогъ, при снаряженіи торговыхъ экспедицій въ невѣдомыя страны и т. д. Передъ франко-прусской войной нѣмцы, какъ говорятъ, усердно занимались изученіемъ Эльзаса и Лотарингіи и, вѣроятно, не мало написали изслѣдованій объ этихъ областяхъ, но мѣстные патріоты этихъ областей имѣли-бы полное основаніе обидиться, если бы г. Мордовцевъ вздумалъ сопричислить къ образуемой имъ фракціи помянутыхъ агентовъ князя Бисмарка.

Положимъ, подобные примѣры, по своей рѣзкости, выходятъ изъ ряду вонъ, но на рѣзкомъ примѣрѣ виднѣе несообразность мотива.

Заговоривъ о «мѣстномъ патріотизмѣ», мы, безъ сомнѣнія, сталкиваемся съ ходячей доктриной современнаго «космополитизма», которая никакъ не можетъ переварить существованія такихъ, казалось-бы, простыхъ и естественныхъ вещей, какъ привязанность человѣка къ извѣстному краю.

— «Вы проповѣдуете анахронизмъ — возражаетъ намъ эта доктрина. — Развитой человѣкъ долженъ подняться выше такихъ вещей, какъ мѣстныя привязанности. Представитель интеллигенціи не нуждается въ такихъ стимулахъ дѣятельности, какъ непосредственное чувство патріотизма; есть болѣе высшіе двигатели—сознаніе общечеловѣческой солидарности, гуманизмъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Это такіе двигатели, на которыхъ можно положиться, между тѣмъ какъ вашъ «патріотизмъ» на каждомъ шагу вырождается—то въ національную исключительность, то въ шовинизмъ, то въ наклонность къ гегемоніи и т. д.»

— Все это прекрасно, возражаемъ мы, но съ чего вы взяли, господа, что такія вещи, какъ космополитизмъ и патріотизмъ, не

уживаются рядомъ совершенно спокойно? Это не болѣе, какъ недоразумѣніе или недодуманность. Во первыхъ — патріотизмъ есть и долженъ изъ себя представлять только «частный случай» космополитизма; во вторыхъ, космополитизмъ—теорія, а патріотизмъ—это практика той-же самой теоріи, точно такъ напр., какъ астрономія есть въ извѣстномъ смыслѣ „частный случай“ математики и ея практическое приложеніе. Вы говорите, что принципъ космополитизма—гуманизмъ, сознаніе общечеловѣческой солидарности; но съ чего вы взяли, что патріотизмъ исключаетъ этотъ принципъ, хотя, дѣйствительно, онъ можетъ быть двигателемъ и безъ сознательнаго усвоенія такого принципа? Поясникъ это примѣромъ: Общее положеніе педагогики гласитъ, напримѣръ, что хорошій педагогъ не мыслимъ безъ любви къ дѣтямъ. Любовь къ дѣтямъ, такимъ образомъ, это самый общій и самый высокій принципъ педагогической дѣятельности. Но спрашивается: какой теоретикъ, не лишенный здраваго смысла, рѣшится на этомъ основаніи утверждать, что педагогъ долженъ отрѣшиться отъ особенной привязанности къ тѣмъ именно дѣтямъ, къ тому именно воспитательному учрежденію, которымъ посвящена его дѣятельность, что онъ долженъ быть готовъ сегодня быть воспитателемъ въ Вильнѣ, завтра въ Иркутскѣ, послѣ завтра въ Полтавѣ, затѣмъ на Кавказѣ и т. д., и всюду относиться съ одинаковой любовью къ объектамъ своей педагогической дѣятельности. Кто рѣшится утверждать, что связь его съ тѣмъ именно воспитательнымъ учрежденіемъ, которое уже испытало на себѣ его благодѣтельное вліяніе, которому онъ посвящалъ свои труды, способности, силы, свою любовь — эта связь свидѣтельствуетъ объ „узкости“ педагогическихъ способностей дѣятеля, что онъ не успѣлъ подняться на ту высоту, на которой единственнымъ двигателемъ дѣятельности педагога должна быть любовь къ ребенку вообще, а не къ тѣмъ или другимъ дѣтямъ въ частности. Къ такимъ-то несообразностямъ приводитъ эта теорія, если приложить ее къ способу нашихъ доктринеровъ ходячаго „космополитизма.“ Здравый смыслъ, напротивъ, говоритъ слѣдующее: „Любовь къ дѣтямъ“—это безъ сомнѣнія самый лучшій принципъ педагогики; но никуда не годится

тотъ педагогъ, который этимъ принципомъ вздумалъ-бы оправдывать отсутствіе всякой внутренней связи между собой и тѣмъ учрежденіемъ, которому онъ служитъ, который, странствуя, какъ цыганъ, изъ одной мѣстности въ другую, въ качествѣ профессіонала-педагога, говорилъ-бы о себѣ: „мнѣ все равно — какихъ дѣтей ни учить, были-бы дѣти, ибо я возвысился до любви къ дѣтямъ вообще.“ —Нѣтъ, милостивый государь, сказали-бы мы ему въ отвѣтъ; если вы не съумѣли полюбить тѣхъ дѣтей, тѣ молодыя поколѣнія, съ которыми васъ связывала болѣе или менѣе продолжительная дѣятельность, вы не способны любить дѣтей; вы, можетъ быть, отличный преподаватель, отлично знаете свой предметъ, вы — прекрасная машинка для передачи элементарныхъ знаній, — но вы плохой педагогъ, потому что въ васъ нѣтъ сердца“.....

Приведемъ другой примѣръ, поясняющій тѣже отношенія. Что можетъ быть космополитичнѣе науки, — но развѣ это мѣшаетъ существованію спеціальностей? Какъ вамъ понравится, положимъ, такого рода воображаемая лекція профессора-«космополита»: «Милостивые государи! Въ наше время идея солидарности всѣхъ отраслей знанія установлена окончательно. Кто не возвысился до сознанія этой солидарности, тотъ не можетъ быть названъ иначе, какъ отсталымъ представителемъ науки. Вотъ почему защита узкихъ спеціальностей въ наше время представляется анахронизмомъ. Руководствуясь этимъ принципомъ, я при самомъ вступленіи въ университетъ — не выбиралъ себѣ никакой спеціальности, и въ настоящее время, какъ вамъ извѣстно, чувствую такое-же расположеніе посвятить себя математикѣ, какъ и филологіи, или праву. Пристрастіе къ какой-либо наукѣ въ частности — недостойно истиннаго ученаго нашего времени. Если онъ математикъ — онъ долженъ посвящать свои труды не астрономіи, не физикѣ, не геологіи, не механикѣ, а математикѣ; поэтому для него должно быть безразлично, какую кафедру онъ занимаетъ. Вотъ объясненіе тѣхъ недоразумѣній, которыя, какъ слышно, возбуждаютъ въ нѣкоторыхъ то, что я занимаю три кафедры заразъ и, буде представится случай, не задумаюсь перемѣнить ихъ на другія три кафедры, не обращая вниманія на неосновательно-

ныя обвиненія въ диллетантизмѣ. Любите науку, господа, но избѣгайте узкаго пристрастія къ какой-нибудь спеціальности.»

Эти примѣры, надѣюсь, избавляютъ отъ необходимости подробнѣе объяснять, въ чемъ мы видимъ несообразности ходячаго «космополитизма» и почему мы считаемъ необходимымъ дѣлать строгое различіе между «ходячимъ» космополитизмомъ и той теоріей, которая имѣетъ право являться безъ такого нелестнаго эпитета. Мы не отрицаемъ этой теоріи, въ основаніи которой лежитъ вполнѣ реальный фактъ, если можно такъ выразиться, соціальнаго гуманизма, въ самомъ широкомъ смыслѣ, мы только защищаемъ столь же реальный фактъ—если угодно, даже низшаго порядка—мѣстный патріотизмъ; защищаемъ противъ непродуманныхъ отрицаній его во имя доктрины, противъ навязыванія ему тѣхъ уродливостей, которыя являются не аттрибутомъ его сущности, а случайными извращеніями, точно также, какъ и во имя «космополитизма» нерѣдко оправдываетъ себя вопіющее своекорыстіе. Мы не будемъ подражать нашимъ противникамъ и не станемъ, поэтому, навязывать сущности космополитизма такихъ его извращеній, какъ тотъ цыганскій космополитизмъ, который характеризуется извѣстной поговоркой: ubi bene, ibi patria, — «гдѣ теплѣе, тамъ и я.» Мы не назовемъ того космополитомъ, кто, по выраженію Некрасова,

... по свѣту рыщетъ,
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ.

Но не можемъ скрыть и того, что во имя космополитизма сплошь и рядомъ происходятъ весьма уродливыя явленія. Мы не остановимся и передъ тѣмъ, чтобы причислить къ этимъ уродливымъ явленіямъ манію переселеній въ преріи Американскихъ Штатовъ, на „поиски «разумныхъ основъ общежитія.» Что намъ изъ того, что вы докажете практическую осуществимость той или другой соціальной теоріи — на дѣвственной почвѣ, обладающей своими спеціальными особенностями? Вы доказали только, что при такихъ-то условіяхъ возможны очень прекрасныя вещи, но этихъ условій у насъ нѣтъ; въ томъ-то весь и вопросъ: какъ ихъ добыть, а вы берете ихъ въ готовомъ видѣ. Американскія преріи—не саратовскія степи. Вы думаете, что шагнули дальше насъ, а мы думаемъ, что вы тотъ

семинаристъ, который «убояся премудрости и возвратися вспять.» Вамъ дали уравненіе, въ которомъ тысяча неизвѣстныхъ, вы произвольно отбросили 998 изъ нихъ и полагаете, что этимъ способомъ можно рѣшить задачу; можно, но только не ту, которая дана. Поэтому ваша практика для насъ ни къ чему не служитъ, да и вамъ ни къ чему не послужитъ, когда вы опять возметесь за рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые жизнь задаетъ только при извѣстныхъ условіяхъ, опредѣляемыхъ временемъ и *мѣстомъ*. — «Какъ прекрасно умирать за отечество, говорилъ солдатъ — убѣгая съ поля сраженія»...

Почему идея космополитизма сдѣлалась ходячей доктриной? Потому, что она выросла на почвѣ бездомнаго пролетаріата, съ одной стороны, и на почвѣ того индивидуализма, который коренится въ данныхъ формахъ производства — съ другой. Если пролетаріатъ — все равно, интеллигентный или нѣтъ — и, такъ-называемый, капиталистическій способъ производства нормальныя явленія цивилизаціи, тогда мы признаемъ нормальнымъ и тотъ оттѣнокъ, который принимаетъ принципъ космополитизма, пропуская свои лучи сквозь призму этихъ соціальныхъ явленій. Если, съ одной стороны, нищета дѣлаетъ человѣка «гражданиномъ вселенной», вынуждая его отказаться отъ такихъ чувствъ, какъ любовь къ родинѣ, изъ опасенія умереть съ голоду; если, съ другой стороны, жадность къ наживѣ гонитъ промышленника за тридевять земель изъ роднаго края, который кажется недостаточно просторенъ для его хищническихъ наклонностей, — это такой «космополитизмъ», отъ котораго, по нашему мнѣнію, немного выиграетъ человѣчество. Мы не понимаемъ восторговъ г. Мордовцева предъ такимъ явленіемъ, какъ «геніальный еврей, овладѣвающій всѣмъ міромъ», потому что его космополитизмъ объясняется уродливѣйшей страстью, какую только можно себѣ представить; спросите объ этомъ въ тѣхъ краяхъ, которыми «успѣли овладѣть» геніальные представители культа золотаго тельца, и не смѣшивайте, пожалуйста, этотъ культъ съ культомъ цивилизаціи. Намъ симпатичнѣе «поэтическій цыганъ», который, при всей своей прославленной наклонности къ неуваженію чужой собственности, болѣе соціаленъ, чѣмъ меркантильный индивидуалистъ еврейской національности; не въ національности дѣло, а въ соціаль-

ныхъ инстинктахъ. Цыганъ—космополитъ, потому что онъ поэтъ, еврей — тоже космополитъ, потому что исторія развила въ немъ страсть къ пріобрѣтенію. Но у нихъ есть одна общая черта—бездомность. Между тѣмъ общежитіе, соціальность въ нормальномъ своемъ видѣ предполагаютъ необходимость осѣдлости. Въ теоріи можно быть «гражданиномъ вселенной», но на практикѣ такого рода гражданство немыслимо. Въ теоріи—прорытіе Суэзскаго канала — это великая услуга всему человѣчеству, а на практикѣ—можетъ быть, услуга англійскимъ капиталистамъ. Сидя у себя въ кабинетѣ, я могу утѣшаться мыслью, что великія открытія науки, которыми я стяжалъ себѣ званіе гражданина вселенной, окажутъ услугу всему человѣчеству, а на практикѣ, въ данныхъ условіяхъ времени и мѣста, они, можетъ быть, уже сдѣлались орудіемъ угнетенія слабыхъ. Извольте, послѣ этого, быть гражданиномъ вселенной, не обращая вниманія на ту великую борьбу, которая кипитъ повсюду изъ-за идеала соціальнаго равновѣсія. Практика стащитъ васъ за ноги съ высотъ теоретическаго космополитизма и заставитъ быть космополитомъ практическимъ — въ формѣ патріота своей страны, своего края, и вы не захотите быть работникомъ на заводѣ Крупа изъ опасенія выставить пушку противъ своего отечества. И тогда при словѣ «родина», «отечество», «свой край» — вы не станете презрительно пожимать плечами и говорить объ «анахронизмѣ;» вы даже не поѣдете въ Америку, а предпочтете быть секретаремъ земской управы...

Но можетъ быть вы не морщитесь при словѣ „отечество,“— въ такомъ случаѣ потрудитесь дать себѣ отчетъ, какія конкретныя явленія соотвѣтствуютъ у васъ этому отвлеченному понятію? Вы учились географіи и знаете о существованіи Финляндіи, Остзейскаго края, Польши, Бессарабіи, Украйны, Новороссіи, Кавказа, Киргизскихъ областей, Туркестанскаго края, Восточной и Западной Сибири, Амура, Камчатки, инородцевъ Сибирскаго Сѣвера, о Горнозаводскомъ Уралѣ, о Нижневолжскихъ степяхъ, о великой площади сѣверныхъ лѣсовъ, о Мурманскомъ краѣ, о промысловыхъ губерніяхъ центральной Россіи, о ея земледѣльческихъ округахъ, о Прикаспійскихъ пустыняхъ и, наконецъ, о значеніи

единства, концентрированнаго и всепоглощающаго центра этого великаго государственнаго тѣла — и существованіи Петербурга. — „Вотъ мое отечество!" говоритъ онъ, указывая пальцемъ на картѣ полушарій восточную Европу и западную Азію. — Прекрасно, такъ научила насъ географія; но географія-ли дала намъ то чувство патріотизма, безъ котораго наше сознаніе государственнаго единства Россіи ничѣмъ-бы не разнилось отъ совершенно такого-же сознанія, существующаго въ умѣ любаго школьника берлинской, вѣнской, парижской школы и т. д.? Вѣдь и они знаютъ, изъ какихъ частей состоитъ Россія... Но у нихъ нѣтъ того чувства, которое дѣлаетъ насъ русскими. Этого чувства, законность котораго мы уже согласились признать, географія не даетъ, не даетъ и вообще школа; все, что она въ силахъ сдѣлать, это вселить сознаніе государственнаго единства; къ этому-то сознанію мы и пріурочиваемъ вложенное въ насъ жизненными впечатлѣніями чувство любви къ своему краю, составляющему дѣйствительный, конкретный объектъ нашего патріотизма. Этимъ-то и объясняется, почему напр. житель центральнаго Поволжья, никогда въ жизни не видавшій и десятой части разнообразныхъ областей Россіи, говоритъ о себѣ (и говоритъ правду): „я люблю Россію." Если-бы онъ далъ себѣ при этомъ отчетъ въ своемъ чувствѣ, онъ замѣтилъ-бы, что это чувство совершенно *мѣстное*, пріуроченное къ извѣстной конкретной мѣстности, а не къ отвлеченному понятію, т. е. чисто мѣстный патріотизмъ, въ основаніи котораго лежитъ цѣлый рядъ впечатлѣній, полученныхъ въ извѣстной опредѣленной мѣстности: видъ и характеръ природы, особенности внѣшняго вида и внутренняго характера мѣстныхъ жителей, и т. д. Такъ, по крайней мѣрѣ, бываетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, такъ-какъ процентъ населенія, неимѣющаго осѣдлости по роду своихъ занятій, совершенно ничтоженъ, въ особенности въ періодъ жизни до юношескаго или зрѣлаго возраста; а въ образованіи чувства патріотизма впечатлѣнія дѣтства и первой юности играютъ едва-ли не главную роль. Нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній отрицать естественность этого чувства, причислять его къ преходящимъ явленіямъ, которыя должны, будто-бы, подъ вліяніемъ умственнаго раз-

витія блѣднѣть, ступевываться и исчезать совершенно. Если-бы мы представили себѣ, что все человѣчество достигло той степени умственнаго совершенства, которая въ настоящее время доступна немногимъ избраннымъ, мы должны были-бы оставить неприкосновеннымъ чувство мѣстнаго патріотизма, такъ-какъ невозможно себѣ представить населеніе земнаго шара неимѣющимъ осѣдлости, а осѣдлость предполагаетъ пріобрѣтеніе привычки къ тому именно роду внѣшнихъ впечатлѣній, который опредѣляется особенностями данной мѣстности, привычка-же переходитъ въ потребность, и такимъ образомъ въ результатѣ получается мѣстный патріотизмъ. Дѣло въ томъ, что патріотизмъ есть непосредственное *чувство*, а чувство нуждается въ конкретномъ объектѣ; космополитизмъ-же есть ничто иное, какъ сложный умственный выводъ, — *сознаніе* общечеловѣческой солидарности, — къ которому можетъ быть пріурочено (хотя и не необходимо пріурочивается) чувство симпатіи въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Адамъ Смитъ*) говоритъ: „Любовь къ отечеству, повидимому, вовсе не вытекаетъ изъ любви къ человѣчеству. Первая находится въ совершенной независимости отъ второй. Франція содержитъ въ себѣ, можетъ быть, въ три раза больше жителей, чѣмъ Великобританія**); благосостояніе Франціи среди всего человѣчества (т. е. съ точки зрѣнія теоретическаго космополитизма — прибавимъ мы отъ себя) должно бы было быть поэтому въ три раза дороже благосостоянія Великобританіи. Однакоже англичанинъ, который изъ-за такихъ побужденій отдалъ-бы предпочтеніе первой передъ второй, считался-бы плохимъ гражданиномъ. Та высочайшая мудрость, которая установила, ради наибольшаго общаго блага, порядокъ человѣческихъ привязанностей, какъ и порядокъ прочихъ явленій природы, разсудила, повидимому, что сохраненіе всего человѣческаго рода будетъ болѣе обезпечено, если главное вниманіе каждаго человѣка будетъ устремлено на отдѣльное общество, соотвѣтствующее, такъ сказать, широтѣ его воззрѣній и разсудочныхъ способностей.“

---

*) Теорія нравственныхъ чувствъ, 299.

**) Теорія нрав. чувствъ издана въ первый разъ въ половинѣ прошлаго вѣка, въ 1759 г.

Намъ кажется, что Адамъ Смитъ грѣшитъ излишней осторожностью, употребляя слово „повидимому“ тамъ, гдѣ слѣдовало-бы сказать „очевидно.“ Очевидно, какъ съ точки зрѣнія здраваго смысла, такъ и съ точки зрѣнія теоріи, — положимъ-ли мы въ основаніе ея начала *симпатіи*, какъ дѣлаетъ Адамъ Смитъ, или принципъ утилитаріанизма, эгоизмъ,—въ первомъ случаѣ, очевидно и естественно, что наши симпатіи обращены преимущественно къ тому, къ чему мы находимся въ ближайшемъ отношеніи; во второмъ случаѣ еще болѣе естественно, что чувство самосохраненія и наклонность къ удовлетворенію своихъ потребностей опредѣляютъ насъ къ ближайшей внутренней связи опять-таки съ тѣмъ, что составляетъ нашу ближайшую соціальную среду. — „То, что мы называемъ привязанностью, — говоритъ тотъ-же философъ (287),— въ дѣйствительности есть ничто иное какъ постоянное сочувствіе.“ Но кто-же станетъ отвергать, что сочувствіе тѣмъ живѣе, чѣмъ ближе его объектъ къ сочувствующему субъекту и чѣмъ продолжительнѣе ихъ связь? Такимъ образомъ, мѣстный патріотизмъ есть естественное и неизбѣжное послѣдствіе осѣдлаго общежитія. Наоборотъ, ходячій космополитизмъ—порожденіе антисоціальнаго индивидуализма, порождаемаго въ свою очередь разными уродливостями соціальнаго быта, начиная съ ненормальныхъ отношеній труда и капитала и кончая тѣмъ, что называется кабинетнымъ теоретизмомъ. Трудно не заподозрить въ резонерствѣ того человѣка, который, говоря о своей любви къ человѣчеству, не проявлялъ бы въ тоже время способности съ наибольшей живостью сочувствовать интересамъ той части человѣчества, которая, въ силу предшествующихъ обстоятельствъ его жизни, сдѣлалась для него наиболѣе близкой и родственной. Гарибальди, можетъ быть, величайшій космополитъ нашего времени, но онъ въ тоже время и величайшій патріотъ; его космополитизмъ выросъ на почвѣ патріотизма, потому онъ и носитъ такой живой, практическій, дѣятельный характеръ. Живое, горячее чувство не можетъ быть плодомъ теоретической работы ума, и эта послѣдняя, въ практическомъ отношеніи, не имѣетъ никакой цѣны, если у нея нѣтъ подкладки въ живомъ чувствѣ. Съ этой точки зрѣнія самая строгая научная

соціальная теорія совершенно тоже, что правила прописной морали: сколько ни заставляй писать, что „праздность есть мать всѣхъ пороковъ,“—лѣнивый не сдѣлается отъ этого дѣятельнымъ.

Все это до такой степени представляется похожимъ на дважды два—четыре, что я стѣснился-бы говорить объ этомъ, если-бы опытъ не убѣждалъ насъ, что доктрина ходячаго космополитизма имѣетъ слишкомъ большое распространеніе, чтобы можно было оставлять безъ возраженій ея нелѣпости; тѣмъ болѣе, что она, по большей части, ограничивается только вопросами: почему-же не такъ? почему не эдакъ?—а до отвѣтовъ сама не любитъ добираться. «И почему незаконно бѣжать въ Петербургъ?—спрашиваетъ, напримѣръ, одинъ публицистъ «Дѣла» (1873 г. № 9, стр. 27)—и почему гораздо законнѣе жить въ чувашскомъ Мелекесѣ, даже тогда, когда жить тамъ очень скверно? Это вопросъ,—вопросъ тоже патріотизма, а Петербургъ можетъ быть такимъ-же отечествомъ и такимъ же русскимъ краемъ, какъ и Казань».

Если такъ разсуждать, вопросами безъ отвѣтовъ, то въ этомъ направленіи можно зайти очень далеко, такъ далеко, что и Петербургъ покажется чувашскимъ Мелекесомъ, въ которомъ жизнь не такъ, чтобы очень пріятна сравнительно, напримѣръ, съ Нью-Іоркомъ, и дѣло кончится вопросомъ: а почему-жь бы незаконно промѣнять свое отечество на Америку? Мы бываемъ очень «послѣдовательны», когда насъ подталкиваетъ узко-эгоистичное стремленіе къ личному благополучію, и во имя «послѣдовательности» готовы дойдти до крайняго извращенія лучшихъ природныхъ чувствъ. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, укажемъ на разсужденіе г. Мордовцева (№ 10) по поводу украинской рѣчи. Г. Мордовцевъ сознается, что родившись и воспитавшись въ Малороссіи, «имѣя честь (одно время) принадлежать къ числу украинскихъ писателей, онъ и до сихъ поръ чувствуетъ всю несравнимую прелесть родной рѣчи; «никакая пѣснь въ мірѣ не выжметъ изъ его глазъ такой жгучей, уже старческой слезы, какъ родная украинская пѣсня..... И онъ все таки имѣетъ самостоятельность утверждать, что это—дѣло рефлекса, явленіе *болѣе даже патологическое*, чѣмъ физіологическое».

Если по этому намеку возсоздать ту теорію, которая только и способна его породить, то придется придти ни къ чему иному, какъ именно къ ходячему космополитизму. Тѣ особенныя чувства, которыя возбуждаются въ человѣкѣ привычными звуками роднаго языка, представляютъ, очевидно, только отрывокъ извѣстной совокупности чувствъ, называемой патріотизмомъ; но если этотъ отрывокъ, эта часть — явленіе патологическое, то отсюда прямой и неизбѣжный выводъ, что и вообще патріотизмъ не просто дѣло рефлекса (это еще ничего не значитъ—и семейныя привязанности тоже дѣло рефлекса), а явленіе патологическое, уродливое, слѣдовательно такое нравственное свойство, отъ котораго не только позволительно, но и обязательно «мыслящему» человѣку освобождать себя по мѣрѣ возможности. Но здѣсь-то и начинается абсурдъ: представьте себѣ человѣка, освобожденнаго отъ чувства патріотизма,—что это такое? Или это будетъ «мѣдь звѣнящая и кимвалъ бряцающій», или нѣчто совсѣмъ немыслимое, потому что натура, неспособная питать чувства патріотизма, неспособна возвыситься и до дѣйствительнаго космополитизма. Что-же это за странность, что именно тѣ люди, въ которыхъ особенно сильно развито «патологическое» свойство любить родную рѣчь, родной народъ, родной край—всегда оказывались самыми практическими космополитами, еражаясь напримѣръ въ рядахъ американцевъ противъ англичанъ, въ концѣ XVIII столѣтія, и противъ южанъ въ XIX вѣкѣ; въ рядахъ французовъ противъ нѣмецкаго пашествія, въ рядахъ кандіотовъ и герцеговинцевъ противъ варварскаго ига турокъ? Если возьмемъ въ примѣръ цѣлые народы, и тутъ тоже—необъяснимое съ точки зрѣнія г. Мордовцева—явленіе: народы, въ которыхъ чувство патріотизма было наиболѣе развито, даже до національной исключительности, каковы евреи, греки, римляне,—оказывались народами, имѣющими большое значеніе для развитія всего человѣчества, являлись представителями какой-нибудь общечеловѣческой идеи; наоборотъ, тамъ, гдѣ исторія не способствовала выработкѣ народнаго патріотизма, не выработалось ничего, имѣющаго замѣтную цѣну для общечеловѣческой цивилизаціи. Само-собою разумѣется, что однимъ патріотизмомъ это не объясняется, но дѣло въ томъ, что народный патріотизмъ и обще-

всегда находились и доселѣ находятся въ от-
шія. Если-бы патріотизмъ былъ явленіе па-
ло-бы невозможно.

V.

...го можетъ договориться литераторъ-завсегдатай.

...до радоваться — говоритъ г. Мордовцевъ въ назиданіе на-
украйно-филамъ — когда въ человѣчествѣ будетъ языкомъ
ше—*все-же одной перегородкой меньше для человѣческаго сбли-
...нія.*» Съ перваго взляда кажется, что устами г. Мордовцева
вѣщаетъ самая мудрость, и что онъ рѣшилъ вопросъ такъ коротко
и ясно, что возраженія становятся немыслимы. Что, въ самомъ
дѣлѣ, скажешь противъ такого яснаго положенія: «нужно радоваться,
когда однимъ языкомъ въ человѣчествѣ будетъ меньше—все-же одной
перегородкой меньше для человѣческаго сближенія.» Какъ это, ка-
жется, просто, ясно, неопровержимо! Поистинѣ, нужно быть писа-
телемъ-централистомъ, чтобы съ такой легкостью, однимъ взмахомъ
пера разсѣять всѣ иллюзіи этихъ наивныхъ провинціаловъ-писа-
телей «югозападной фракціи», работающихъ въ своемъ патріотиче-
скомъ ослѣпленіи надъ созиданіемъ перегородки общечеловѣческому
развитію.—«Дѣти!—вѣщаетъ имъ г. Мордовцевъ—вы сами не знаете,
что дѣлаете. Нужно радоваться, а вы печалитесь, нужно разрушать,
а вы созидаете!»

Правда, г. Мордовцевъ, съ свойственной ему послѣдователь-
ностью, прибавляетъ: «конечно, давить языкъ насильственными сред-
ствами не слѣдуетъ,» но — очевидно, это только деликатность по
отношенію къ патріотическому чувству представителей «югозападной
фракціи»: когда они возвысятся до сознанія, что разнообразіе язы-
ковъ составляетъ перегородку общечеловѣческому развитію—они и
сами примутся разрушать эту перегородку; тогда они, подобно
Титу Ливію, «насильственно подавятъ въ себѣ родной патавинизмъ»
и какъ истинные космополиты подчинятъ свой «узкій» мѣстный
патріотизмъ идеѣ общечеловѣческаго сближенія, и, Богъ дастъ, съ

легкой руки г. Мордовцева — однимъ языкомъ въ человѣчествѣ будетъ меньше.

Я начинаю вѣрить, что дѣйствительно шлифованный языкъ писателя-централиста способенъ дѣлать чудеса: величайшую нелѣпость этотъ шлифованный языкъ облекаетъ въ такую форму, что нелѣпость кажется мудростью — и самому писателю, а за нимъ и читателю (разумѣется, при непремѣнномъ условіи — писать не подумавши и читать не размышляя, какъ-бы скользя по шлифованному паркету). Вникнемъ-же въ глубину этой мудрости, и съ этой цѣлью приведемъ цѣликомъ всю тираду г. Мордовцева по поводу «языка», преподнесенную имъ въ назиданіе дѣятелямъ югозападной фракціи,— благо, эта тирада представляетъ любопытнѣйшій образчикъ современной публицистики, неуступающій, по своей глубинѣ и другимъ достоинствамъ, знаменитымъ въ свое время журнальнымъ этюдамъ Барона Брамбеуса:

Дѣло-то въ томъ, — пишетъ уважаемый г. Мордовцевъ — что паръ, облегчая возможность передвиженій, вызываетъ въ тоже время необходимость болѣе тѣснаго сближенія, а не разъединенія съ тѣми, съ кѣмъ при этихъ передвиженіяхъ приходится человѣку сталкиваться. А необходимость сближенія ведетъ за собою необходимость болѣе легкаго взаимнаго пониманія сближающихся, и сначала объясненіе между ними происходитъ мимически, такъ что, при желаніи получить отъ иноязычнаго сосѣда молоко, приходится русскому солдатику становиться на карачки и quasi-доить себя; а когда такой наглядный и не совсѣмъ удобный способъ объясненія надоѣдаетъ, то солдатикъ своимъ практическимъ умомъ додумывается до необходимости созданія общаго языка цивилизаціи, и въ пользу этой идеи, въ пользу цивилизаціи жертвуетъ правильностью и красотою своей рѣчи, говоря французу, чтобы быть болѣе понятнымъ: «мой кочетъ, мусью, буль-буль», вмѣсто—«я хочу водки».—«Мой кочетъ, мусью, буль-буль»—это и есть тотъ будущій языкъ человѣчества, та, повидимому, варварская амальгама, которую, если разобрать строго-философски, представляютъ всѣ индо-европейскіе языки, безсовѣстнѣйшимъ образомъ исковеркавшіе священную санскриту или божественный языкъ кави (Kawi-Sprache) въ тотъ именно несчастный періодъ міроваго сепаратизма, когда всѣ народы земнаго шара, какъ говоритъ преданіе, составлявшіе одну великую семью и понимавшіе другъ друга, повздоривъ между собою при построеніи вавилонской башни изъ за того, что москалямъ больше нравились у «дѣвокъ глаза сѣрые съ поволокой», а хохламъ «дивчачі карі очи», разбрелись по всему лицу земли, и при отсутствіи тогда желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, не имѣя возможности видѣться другъ съ другомъ, окончательно разучились понимать одинъ другаго, понавыдумавъ себѣ такихъ языковъ, нарѣчій, подрѣчій, говоровъ, начиная отъ «аро» и кончая «офенскимъ», что теперь ихъ и на счетахъ г. Езерскаго не сосчитаешь.

И оказывается, что всѣ эти языки офепей и какихъ-то кельтовъ, языки нѣмцевъ и русскихъ и проч. проч. *стали страшнымъ зломъ въ дѣлѣ цивилизаціи* и общечеловѣческаго объединенія, поставивъ между людьми перегородки, поддерживающія въ человѣчествѣ взаимную вражду, и все это только изъ-за привычки, изъ-за личнаго вкуса, потому что русскому, привыкшему къ своему языку, языкъ нѣмца кажется «собачьимъ», а нѣмцу русскій языкъ кажется «ворчаніемъ медвѣдя». Все это, повторяемъ, дѣло вкуса и опять-таки привычки. Стоитъ-ли-же послѣ этого радоваться, что возрождается какой-нибудь офепскій языкъ и стоитъ-ли поддерживать это возрожденіе? Мы не говоримъ—давить языкъ насильственными мѣрами, этого конечно не слѣдуетъ; но надо радоваться, когда въ человѣчествѣ будетъ языковъ меньше—все-же одной перегородкой меньше для человѣческаго сближенія.

Затѣмъ г. Мордовцевъ добавляетъ, что онъ считаетъ «патологическимъ» явленіемъ тѣ старческія слезы, которыя исторгаютъ изъ его глазъ несравнимо-прелестныя для него звуки его родной украинской рѣчи. Пусть такъ,—вольному воля; до аскетическихъ наклонностей г. Мордовцева къ подавленію въ себѣ влеченій, съ общей точки зрѣнія естественныхъ, законныхъ и даже возвышенныхъ, намъ нѣтъ никакого дѣла. Но относительно языка вообще и развитія литературныхъ языковъ въ частности, мы позволимъ себѣ нѣсколько вопросовъ. Прежде всего однакожь необходимо отдѣлить пшеницу отъ плевелъ. Да позволитъ намъ г. Мордовцевъ не ставить на одну доску языкъ офепскій и «арго» — (языкъ парижскихъ воровъ) съ языками, служившими орудіемъ распространенія всѣхъ драгоцѣнныхъ истинъ науки и нравственности. Мы не настолько «цивилизованы», чтобы отдѣлаться отъ того чувства невольнаго отвращенія, которое внушаетъ намъ подобное смѣшеніе священныхъ символовъ человѣческаго совершенствованія съ знаменіями извращенія или паденія человѣческаго достоинства. Для насъ подобное смѣшеніе отзывается чѣмъ-то вродѣ того, какъ если-бы кто вздумалъ поставить на одну доску и обсуждать съ одной и той-же точки зрѣнія—супружескій союзъ и проституцію; дружбу Ореста и Пилада и интимный союзъ двухъ карманщиковъ и т. п...

Итакъ, снисходя къ нашей провинціальной недоразвитости, да позволитъ намъ г. Мордовцевъ не приравнивать языкъ парижскихъ мошенниковъ къ языкамъ Шекспира и Бекона, Канта и Шиллера, Прудона и Жоржъ-Зандъ, Бѣлинскаго и Гоголя и т. д. Мы можемъ не радоваться, когда «возрождается какой-нибудь офенскій

языкъ» и не будемъ «поддерживать это возрожденіе», но растолкуйте намъ г. Мордовцевъ, почему мы должны радоваться, когда однимъ *литературнымъ* языкомъ становится меньше? Развѣ литературный языкъ тоже только перегородка человѣческому сближенію? Развѣ народъ «выдумалъ» его съ той-же цѣлію, съ какой парижскіе карманщики придумали свой «арго»? А мы были такъ наивны, что считали языкъ, возвысившійся до степени литературнаго, не «страшнымъ зломъ», а напротивъ могущественнѣйшимъ средствомъ распространенія цивилизаціи, со всѣми ея благими послѣдствіями; мы привыкли считать «страшнымъ зломъ въ дѣлѣ цивилизаціи» не образованіе новаго литературнаго языка, а тѣ препятствія, которыя къ этому воздвигаются. Насъ укрѣпляло въ этой мысли то обстоятельство, что образованіе литературнаго языка и усвоеніе началъ цивилизаціи повсюду шли рука объ руку; что народы, не имѣющіе своей литературы, стоятъ на низшей степени цивилизаціи, а не имѣющіе даже и стремленія къ такому развитію такъ мало имѣютъ значенія, что отъ нихъ мы и не ждемъ уже ничего для общечеловѣческаго развитія, какъ отъ какихъ-нибудь чувашей, киргизовъ или татаръ. И намъ становится грустно при мысли, что эти народы обречены на вѣчное прозябаніе, тѣмъ болѣе безнадежное, что лучшія интелигентныя силы ихъ только выходятъ изъ народа, но въ него не возвращаются, становятся ему чужды, теряютъ съ нимъ всякую связь, потому-что, усвоивъ себѣ чужой языкъ, они лишаются самой возможности *сближенія* съ массой. А г. Мордовцевъ увѣряетъ, что языкъ—это перегородка къ сближенію... Разумѣется, это только обмолвка со стороны г. Мордовцева, очевидно, онъ хотѣлъ сказать не то, что у него вышло въ погонѣ за игривыми фразами,—онъ имѣлъ въ виду не самый языкъ, который, какъ лучшее орудіе для выраженія мыслей, представляетъ самое лучшее средство для человѣческаго сближенія, а собственно фактъ *разнообразія* языковъ, въ которомъ, дѣйствительно и несомнѣнно, заключается извѣстнаго рода препятствіе къ сближенію между людьми. Но мало-ли въ природѣ подобнаго рода препятствій и перегородокъ? Разнообразіе климатовъ тоже препятствіе, потому что житель юга, напр., не выноситъ суроваго климата сѣвера, и наоборотъ; горныя цѣпи тоже

перегородки, благодаря которымъ Китай напр. сдѣлался типомъ застоя; даже самые моря и океаны въ свое время были препятствіями сближенію людей, да и нынѣ только относительно называются орудіями сближенія; наконецъ, уже если такъ разсуждать, то самый фактъ существованія разстояній на земномъ шарѣ нужно внести въ этотъ списокъ препятствій. Но что-же изъ этого слѣдуетъ? Голько то, что въ природѣ существуютъ наряду съ условіями, благопріятствующими человѣческому развитію, условія противуположнаго характера, и притомъ такъ, что худа безъ добра не бываетъ: одно и тоже явленіе одной своей стороной служитъ препятствіемъ, а другими—пособіемъ развитію, и поэтому очень трудно иногда прослѣдить, къ какому разряду въ концѣ-концовъ слѣдуетъ его отнести. Такъ, напримѣръ, горные хребты и плоскогорія безъ сомнѣнія могутъ быть названы перегородкой для человѣческаго сближенія, но безъ нихъ не было-бы рѣкъ,—этихъ легчайшихъ путей сообщенія; извольте послѣ этого разобрать: къ благопріятствующимъ или препятствующимъ явленіямъ природы должны быть отнесены горы. Точно также и относительно языковъ; не думаетъ же въ самомъ дѣлѣ г. Мордовцевъ, что народы ихъ «*понавыдумали*», какъ онъ выражается; вѣроятно, г. Мордовцевъ согласится признать, что они такое-же естественное произведеніе природы, какъ и другія природныя черты разнообразія. Было-бы наивно поэтому сидѣть и размышлять: „а что было-бы, если-бы на земномъ шарѣ не было разнообразія климатовъ, почвы, пищи, нарѣчій, нравовъ и т. д., какъ бы это было прекрасно! Скольких препятствій человѣческому сближенію совершенно-бы не существовало“! и т. д. и т. д.

Вмѣсто того, чтобы предаваться подобнымъ размышленіямъ, лучше-бы г. Мордовцевъ подумалъ о томъ,—какимъ могущественнымъ орудіемъ цивилизаціи, а слѣдовательно и сближенія, являлись и до сихъ поръ являются тѣ языки, которые развиваются до степени литературныхъ, и какъ поэтому важно, чтобы количество ихъ соотвѣтствовало запросу. Но сколько историческихъ народовъ, столько-же и запросовъ; что совершенно естественно, такъ-какъ литературный языкъ—лучшій и незбѣжный путь къ усвоенію цивилизаціи. Литературный языкъ для народа — тоже, что паровой

флотъ для государства: разстояніе служитъ препятствіемъ къ ближенію двухъ народовъ, раздѣленныхъ морями, но если тотъ и другой народъ обладаютъ достаточнымъ количествомъ кораблей и искуствомъ владѣть ими, они обладаютъ могущественными средствами сближенія. Точно также и относительно литературнаго языка: плоды умственной и творческой дѣятельности одного народа несравненно въ большей степени сдѣлаются достояніемъ другаго, имѣющаго самостоятельный литературный языкъ, чѣмъ такого, въ которомъ масса говоритъ своимъ языкомъ, а интеллигенція усваиваетъ чужой, чтобы пользоваться плодами умственной дѣятельности иностранцевъ. Если-бы положенія г. Мордовцева были справедливы, пришлось бы допустить множество самыхъ нелѣпыхъ положеній: пришлось-бы сожалѣть напримѣръ, что въ Европѣ образовалось нѣсколько самостоятельныхъ литературныхъ языковъ, тогда какъ была надежда, одно время, что общеевропейскимъ литературнымъ языкомъ могъ-бы остаться одинъ языкъ — латинскій. Но точно такъ, какъ распространенію христіанства способствовала проповѣдь евангелія на всѣхъ языкахъ, точно такъ и цивилизація начала быстрыми шагами распространяться въ Европѣ съ тѣхъ поръ именно, какъ началось возведеніе народныхъ языковъ на степень литературныхъ: чѣмъ больше явилось этихъ «перегородокъ человѣческому сближенію», какъ называетъ ихъ г. Мордовцевъ, тѣмъ быстрѣе пошло международное сближеніе. Таковъ значитъ естественный ходъ вещей и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ остальныхъ: не путемъ подавленія или сглаживанія, а путемъ развитія разнообразій происходитъ дѣйствительное сближеніе. Точно такъ и въ личной жизни люди сближаются до тѣсной дружбы не путемъ обезличенія индивидуальныхъ особенностей, не подавляя одинъ другаго умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ, а при условіяхъ совершенно обратныхъ. Самостоятельность и свобода первые и необходимые условія всякаго развитія. Въ исторіи литературы не мало примѣровъ, что та литература, которая испытываетъ на себѣ подавляющее вліяніе другой, иноязычной, хотя и безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ,—является безплодной по отношенію къ общечеловѣческимъ интересамъ: въ

і вы не найдете, такъ-называемыхъ, всемірныхъ произведеній, при извѣстной степени подавленности не найдете даже и такихъ, орыя имѣли-бы особенное значеніе даже и въ узкой, сравнительно, сферѣ—народности. Намъ, русскимъ, въ этомъ отношеніи ъ надобности далеко ходить за примѣромъ. Наоборотъ, двѣ носильныя по своимъ внутреннимъ достоинствамъ разноязычныя литературы, вліяя одна на другую, взаимно вытрываютъ; ово было въ XVIII столѣтіи вліяніе англійскихъ мыслителей на анцузскую литературу, отразившееся въ свою очередь обратно.

Въ прекрасной статьѣ г. Пыпина «Объ изученіи русской литературы» (Вѣст. Евр. 1875 г. № 10) г. Мордовцевъ могъ-бы найдля себя хорошій примѣръ того, какъ слѣдуетъ обращаться съ ими щекотливыми вопросами, какъ вопросъ о мѣстной литераѣ. Г. Пыпинъ самъ не свободенъ отъ нѣкоторой наклонности унитаризму, но онъ относится добросовѣстно къ своему дѣлу, ѣетъ уважать въ себѣ достоинство писателя, и у него вы не найе и тѣни такихъ литературныхъ курьезовъ, какъ у игриваго авра статей о печати въ провинціи. «Если—говоритъ г. Пыпинъ—произведеніе бытовой жизни и поэзіи, изученіе ихъ, какъ родной ирины и настоящаго, доставляетъ нравственное удовлетвореніе, въ этомъ уже достаточное право мѣстной литературы на существованіе. Страхъ нашихъ консерваторовъ предъ этими явленіями ивается старой канцеляріей, потерявшей понятіе о простыхъ чеѣческихъ отношеніяхъ, о живыхъ потребностяхъ народнаго чува и т. д.—привычкой гнуть все подъ одну данную форму, безкаго уваженія къ индивидуальнымъ отличіямъ, и безъ всякой ьзы.»—Но извѣстно давно, что «крайности сходятся», и потому-привычка гнуть подъ одну форму составляетъ свойство не одхъ консерваторовъ и канцеляристовъ. Крайности сходятся; вотъ чему и г. Мордовцевъ въ своемъ отношеніи къ задачамъ такъ ываемой имъ «югозападной фракціи» попалъ въ тонъ съ славнофилами: «славянофилы, пишетъ г. Пыпинъ, нѣкогда благосклоне къ многоязычію западнаго славянства, раздѣлявшіе удовольст Колляра, что оно напоминаетъ классическіе діалекты греческаго ыка, стали относиться къ нему съ нѣкоторымъ раздраженіемъ,

указывали на неизбѣжную слабость литературъ на языкахъ нѣсколькихъ небольшихъ племенъ, на безплодную растрату силъ на нѣсколько литературъ вмѣсто одной и т. д.» Отсюда явилась у нихъ тенденція сдѣлать великорусскій языкъ единственнымъ — общимъ для всего славянства литературнымъ языкомъ. — «Но скоро сказка сказывается, — возражаетъ на это г. Пыпинъ, — перемѣна языка, хотя-бы литературнаго, есть своего рода лишеніе національности, смягченное, облегченное, но тѣмъ не менѣе тяжелое для общества и не легко исполнимое. Здѣсь едва-ли можетъ помочь какое-нибудь соглашеніе: извѣстный кругъ писателей, хотя-бы и рѣшилъ принятіе новаго языка, былъ-бы не въ состояніи заставить народную массу принимать книги, писанныя на этомъ языкѣ»... Но что г. Мордовцеву до народа и его языка? — въ столичныхъ литературныхъ кружкахъ они не приняты, тамъ считаютъ патологическимъ всякое проявленіе живой, не книжной къ нему привязанности и презрительно спрашиваютъ: «стоитъ-ли радоваться, что возрождается какой-нибудь офенскій языкъ и стоитъ-ли поддерживать это возрожденіе?» — другими словами: стоитъ-ли хлопотать о томъ, чтобы нѣсколько милліоновъ какихъ-то тамъ «офеней» получили возможность пользоваться произведеніями печатнаго слова на понятномъ для нихъ языкѣ? Пусть выучатся понимать нашъ шлифованный языкъ, а не хотятъ, — такъ чортъ съ ними! Цивилизація имъ отомститъ за это, — и по дѣломъ! Не унижаться-же намъ до ихъ потребностей! Да, г. Мордовцевъ, c'est le ton, qui fait la musique, и, какъ вы не вертитесь, а характеръ, тонъ вашей рѣчи именно таковъ, какъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ.

И г. Мордовцевъ, съ легкой артиллеріей своихъ аналогій и сближеній, изъ которыхъ читатель узнаётъ, что — „мой кочетъ, мусью, буль-буль“ не просто казарменная острота, а „будущій языкъ человѣчества“, — г. Мордовцевъ берется опровергать такихъ серьезныхъ писателей о провинціи, какъ г. Драгомановъ, въ статьяхъ котораго „О провансальскомъ движеніи во Франціи“ (Вѣст. Евр. 1875 года №№ 8 и 9) онъ встрѣтилъ слѣдующее замѣчательное мѣсто:

„Ускореніе движенія отъ центра къ окраинѣ (благодаря паровому сообщенію) усиливаетъ вліяніе перваго (т. е. центра), но и

его подвергаетъ вліянію окраины, а главное, гораздо болѣе усиливаетъ движеніе и объединяетъ части самой окраины, т. е. увеличиваетъ ея силу сопротивленія дѣйствію центра“ Г. Мордовцевъ понялъ, что фактъ, заявленный г. Драгомановымъ, идетъ вразрѣзъ съ его излюбленной „теоріей центровъ“, и задумалъ доказать, что г. Драгомановъ ошибается, что такого факта вовсе не существуетъ и что, наоборотъ, развитіе желѣзно-дорожныхъ сообщеній гораздо болѣе усиливаетъ движеніе отъ окраинъ къ центрамъ, чѣмъ взаимное сообщеніе провинцій между собою и движеніе внутри ихъ. Г. Мордовцевъ приступаетъ къ опроверженіямъ не прямо, а сперва упрекаетъ г. Драгоманова въ голословности и, какъ Климъ, кивающій на Петра, учитъ г. Драгоманова какъ слѣдуетъ дѣлать выводы: „Въ томъ-то и дѣло,—говоритъ онъ,—что и то, что кажется г. Драгоманову, и то, что кажется централистамъ,—*все это еще вопросы науки*, и вопросы очень сложные, которые *нельзя такъ легко разрѣшать*, сказавъ, что желѣзныя дороги усиливаютъ движеніе къ центрамъ, или что желѣзныя дороги усиливаютъ движеніе къ окраинамъ, или что, наконецъ, желѣзныя дороги усиливаютъ перекрестное взаимное движеніе между и внутри окраинъ *больше*, чѣмъ отъ окраинъ къ центрамъ“ (какъ это утверждаетъ г. Драгомановъ).

Все это очень хорошо; мы очень рады, что г. Мордовцевъ хоть поздно, но призналъ наконецъ, что голословнымъ утвержденіемъ безъ доказательствъ нельзя разрѣшать вопросы науки, какъ это дѣлаетъ самъ г. Мордовцевъ—то утверждая, что жизнь въ большихъ городахъ дешевле, чѣмъ въ маленькихъ, захолустныхъ, то заявляя, что въ 19 столѣтіи происходитъ небывалый, ужасающій ростъ центровъ, то выражая мысль, что нигдѣ такъ не сцентрализована печать, какъ въ Сѣверныхъ Штатахъ Америки, и т. п.

Нужно надѣяться, что, покрайней мѣрѣ, въ спорѣ съ г. Драгомановымъ, упрекая этого послѣдняго въ голословности, г. Мордовцевъ не позволитъ себѣ самому впасть въ этотъ недостатокъ; что на этотъ разъ, покрайней мѣрѣ, онъ не позволитъ себѣ такъ разрѣшать вопросъ, какъ его *нельзя* разрѣшать, по собственному заявленію г. Мордовцева... Ничуть не бывало: онъ приступаетъ къ рѣшенію спорнаго вопроса именно такъ, какъ «нельзя разрѣшать» вопросы:

„Дѣло-то въ томъ, возражаетъ онъ г. Драгоманову,—что послѣднихъ явленій (т. е. что перекрестное движеніе по желѣзнымъ дорогамъ преобладаетъ надъ центро-стремительнымъ) современная жизнь не представляетъ, *мы ихъ не замѣчаемъ*, а первыя-то (т. е. преобладаніе центро-стремительнаго движенія надъ перекрестнымъ) совершаются на каждомъ шагу, особенно при ближайшемъ знакомствѣ съ процессомъ желѣзно-дорожной циркуляціи(?)».

И это все: никакихъ доказательствъ, никакихъ цифръ въ подтвержденіе, какъ будто г. Мордовцевъ успѣлъ уже забыть, что „такъ нельзя разрѣшать вопросы“... Вмѣсто всякихъ доказательствъ только еще разъ является ссылка на бабу Анисью, на овцу о двухъ головахъ и барана о шести ногахъ,—правда, съ придачей къ нимъ еще Остапа Вересая, но четырехъ субъектовъ, кажется, все-таки еще слишкомъ мало, чтобы доказать, что „тамъ, гдѣ пролагались желѣзныя дороги — *все* отъ окраинъ стремилось къ центрамъ.“ Еще менѣе удачна ссылка на мужиковъ, отправляющихся искать работы, такъ какъ извѣстно, что массы ихъ направляются на югъ, въ степи, въ хлѣбныя губерніи, а никакъ не къ центрамъ. Нужно Богъ знаетъ до чего завраться, чтобы указаніемъ на массы рабочихъ, передвигающихся съ сѣвера на югъ и обратно каждый годъ, подтверждать преобладаніе движенія къ центрамъ надъ движеніемъ между окраинами. Но г. Мордовцевъ ничѣмъ не стѣсняется: „Желѣзная дорога и паръ — пишетъ онъ смѣло—несутъ мужика изъ самыхъ невообразимыхъ захолустьевъ *въ центры*, а въ невообразимыя захолустья *рѣдко кого носятъ* (!), *кромѣ развѣ* того-же мужика, который возвращается въ свое захолустье“... Другой наивный читатель, пожалуй, и впрямь подумаетъ, что изъ Петербурга да изъ Москвы вагоны возвращаются по большей части пустыми: гдѣ-гдѣ сидитъ мужичокъ, возвращающійся въ свое захолустье! Впрочемъ и то едва-ли; вѣдь и набитый дуракъ догадается, пожалуй, спросить г. Мордовцева: „да куда-жь наконецъ дѣвается весь этотъ народъ въ столицахъ, если „*все* отъ окраинъ“ туда стремится, а оттуда желѣзныя дороги „рѣдко кого уносятъ?“

И это называется возраженіемъ, и такими возраженіями г. Мордовцевъ думаетъ разрѣшить „вопросъ науки, вопросъ очень

ескный!“ Гимназистъ пятаго класса постыдился-бы диспутировать
кимъ образомъ и ужь лучше-бы промолчалъ, чѣмъ выступать съ
кими опроверженіями.

Посмотримъ однако поближе, дѣйствительно-ли правъ г. Дра-
мановъ въ своемъ утвержденіи, что развитіе желѣзнодорожной
ти въ государствѣ не столько усиливаетъ движеніе къ центру,
олько развиваетъ внутреннюю циркуляцію населенія въ провин-
яхъ, сближаетъ эти послѣднія между собою и тѣмъ способствуетъ
звитію въ нихъ сознанія своихъ особенностей, своей, такъ ска-
ть, областной индивидуальности. Г. Мордовцевъ говоритъ:
ы этого не замѣчаемъ!»,—но это еще не резонъ, и тѣмъ болѣе
резонъ, что не замѣтить этого невозможно, немыслимо. Ужь
учше-бы г. Мордовцевъ прямо сказалъ: «Я не хочу этого за-
ѣтить—и все тутъ; пусть будетъ по моему, потому-что иначе моя
юрія центровъ разлетается, какъ мыльный пузырь»; но, къ сожа-
нію, г. Мордовцевъ не настолько прямодушенъ, и намъ прихо-
тся уличать его, что онъ не то-что «не замѣчаетъ», а не хочетъ
ѣтить. Въ самомъ дѣлѣ: разверните предъ собой карту желѣз-
ыхъ дорогъ Россіи, взгляните на эту сѣть, перекрестившую Рос-
ю во всѣхъ направленіяхъ, и спросите себя, вооружась на пер-
ый разъ только однимъ здравымъ смысломъ: можетъ-ли быть, что-
ы вся эта масса дорогъ была наполнена пассажирами, стремя-
щимися къ центрамъ, и стоило-ли строить ее, если-бы имѣть въ
ду по преимуществу ихъ? Если-же здравый смыслъ не подскажетъ
мъ рѣшительнаго отвѣта на эти вопросы, то обратитесь къ
фрамъ, хотя-бы напримѣръ показаннымъ въ «Русскомъ Кален-
рѣ» Суворина на 1876 г. (стр. 357—358): къ 1 января 1875 г.
Россіи открыто было желѣзныхъ дорогъ 17422 версты, и
1874 году по нимъ проѣхало до 30 милліоновъ пассажировъ.
сли г. Драгомановъ не правъ, а г. Мордовцевъ имѣетъ хотя са-
ый незначительный перевѣсъ въ пользу своего мнѣнія — прихо-
тся допустить, что большая часть, слѣдовательно болѣе 15 мил-
оновъ пассажировъ, стремились въ 1874 г. по желѣзнымъ доро-
мъ въ Москву и Петербургъ; а такъ-какъ г. Мордовцевъ кро-
ѣ того утверждаетъ, что большая часть этихъ пассажировъ и не

возвращается изъ центровъ въ свои окраины, вслѣдствіе чего будто-бы и происходитъ небывалый, чудовищный ростъ «городовъ гигантовъ», то приходится допустить, что населеніе нашихъ столицъ ежегодно увеличивается на милліоны! Перевернемъ цифры иначе,—можетъ быть, выйдетъ лучше: По свѣдѣніямъ за 1873 годъ (Русс. Календ. 1875 г.): желѣзныхъ дорогъ въ Россіи было 15753 версты, а пассажировъ по нимъ проѣхало 22.809.111 человѣкъ. Слѣдовательно на 1 версту приходится около 1450 пассажировъ; но такъ-какъ движеніе по дорогамъ, прилегающимъ къ Петербургу, гораздо значительнѣе, чѣмъ циркуляція по отдаленнымъ желѣзнымъ дорогамъ, то для этихъ послѣднихъ мы уменьшимъ эту среднюю цифру на 50, т. е. допустимъ что на отдаленныхъ отъ центра дорогахъ приходится только 1400 пассажировъ на версту, а на николаевской, царскосельской и т. д. 1500 человѣкъ. По этому разсчету и принимая во вниманіе, что на долю Петербургской губерніи приходится 657 верстъ желѣзно-дорожнаго пути, выходитъ, что въ предѣлахъ этой губерніи въ 1873 году проѣхало по желѣзнымъ дорогамъ 985,500 человѣкъ; тогда какъ въ Херсонской губ., напримѣръ, имѣющей 896 верстъ желѣзныхъ дорогъ, въ то-же время проѣхало 1,254,400 человѣкъ; въ Донской области, на пространствѣ 842 верстъ—1,178,800 человѣкъ и т. д. и т. д. Послѣ этого и судите— голословно-ли утверждалъ г. Драгомановъ, что развитіе желѣзнодорожной сѣти гораздо болѣе содѣйствуетъ развитію движенія внутри и между окраинъ, чѣмъ отъ окраинъ къ центрамъ. Но есть и еще способъ доказать невѣрность положенія, столь рѣшительно высказаннаго г. Мордовцевымъ: По однодневной переписи Петербурга въ 1869 г. оказалось, что 10 декабря въ Петербургѣ было *заѣзжихъ* около 4900 человѣкъ; допустимъ, что среднимъ числомъ въ Петербургѣ ежедневно бываетъ 5000 пріѣзжихъ и что всѣ они пріѣзжаютъ исключительно изъ русскихъ областей и губерній и неиначе, какъ по желѣзнымъ дорогамъ; по этому разсчету выходитъ, что въ 365 дней Петербургъ посѣтятъ 1,825,000 провинціаловъ; если предположить, что столько-же перебываетъ ихъ и въ другомъ нашемъ центрѣ—Москвѣ; то всего составится 3,650,000 человѣкъ, которые ежегодно

стремятся по желѣзнымъ дорогамъ къ центрамъ. Но вѣдь всѣхъ проѣзжающихъ около 30 милліоновъ, слѣдовательно болѣе 26 милліоновъ путешествуютъ по желѣзнымъ дорогамъ внутри Россіи, изъ одной губерніи въ другую, не заглядывая въ столицы; т. е. перекрестное движеніе по желѣзнымъ дорогамъ въ 7 разъ сильнѣе центростремительнаго.

Очень странно и какъ-то совѣстно передъ читателями—доказывать такія вещи, которыя ясны и для малаго ребенка, но остаются «незамѣченными» со стороны столичнаго публициста; но что же дѣлать, если г. Мордовцевъ печатно утверждаетъ, что дважды два—пять, а не четыре? Приходится ему доказывать, что онъ ошибается. Поэтому, да простятъ мнѣ читатели, если я приведу ещё нѣсколько доказательствъ въ опроверженіе мордовцевскаго мнѣнія о преобладаніи центро-стремительнаго движенія надъ движеніемъ внутри и между окраинъ. Г. Мордовцевъ когда-то жилъ на Волгѣ, но Петербургъ повидимому совсѣмъ изгладилъ изъ его памяти характеръ волжскаго пароходнаго движенія; между тѣмъ, этотъ характеръ, при самомъ поверхностномъ наблюденіи, очень ясно свидѣтельствуетъ въ пользу положенія, высказаннаго г. Драгомановымъ, т. е. что паровое движеніе прежде всего и больше всего развиваетъ общеніе между окраинами и внутри ихъ. Это становится особенно замѣтнымъ въ послѣдніе годы, когда пароходство начало развиваться по всѣмъ притокамъ Волги и Камы, и именно пассажирское пароходство; по Окѣ, отъ Нижняго до Рязани, пассажирскіе пароходы нѣсколькихъ фирмъ совершаютъ ежедневные рейсы и всегда полны народомъ; по Вяткѣ—тоже; въ Бѣлую и изъ Бѣлой пароходы общества «Самолетъ» и «Бѣльскаго пароходства» ходятъ нѣсколько разъ въ недѣлю; по Унжѣ—отъ Юрьевца до с. Угоръ (повыше Макарья) все лѣто бѣгаетъ самолетскій пароходъ, всегда биткомъ набитый пассажирами; на Шекснѣ тоже есть пароходы; по Сурѣ прошлымъ лѣтомъ ходилъ пассажирскій пароходъ «Бабочка»; сдѣланъ уже опытъ пароходнаго движенія по Ветлугѣ; между Казанью и Свіяжскомъ пассажирскій пароходъ „Уфимецъ“ ежедневно совершаетъ три рейса взадъ и впередъ, и почти всегда полонъ народомъ; одно лѣто ходилъ пароходъ между Казанью и Тащевкой.

Въ Вятской губерніи существуютъ пароходы, предназначенные исключительно для внутренняго движенія. Собственно между Нижнимъ и Казанью, кромѣ извѣстныхъ компанейскихъ пароходовъ, плавающихъ во всю длину Волги, каждое лѣто учреждается ежедневное пароходное сообщеніе пароходами Дубровина, Булычева и др. а иногда эти пароходы растягиваютъ свое движеніе до Симбирска и Самары.

А г. Мордовцевъ пишетъ: „мы этого не замѣчаемъ“, и думаетъ, что все это свидѣтельствуетъ о направленіи движенія „по преимуществу“ къ центрамъ, а не внутри окраинъ.

Правда, относительно пароходства, у насъ нѣтъ подъ руками точныхъ цифръ, чтобы уличить г. Мордовцева; но достаточно покататься на пароходахъ по Волгѣ, Камѣ и ихъ притокамъ, чтобы убѣдиться въ несообразительности г. Мордовцева. Каждому, кто ѣзжалъ на волжскихъ пароходахъ, очень хорошо знакомо слѣдующее постоянное явленіе: отъ большаго города пароходъ отходитъ биткомъ набитый пассажирами; потомъ, проѣхавъ нѣсколько станцій, значительно пустѣетъ: затѣмъ опять наполняется по мѣрѣ приближенія ко второму большому городу, и далѣе повторяется таже исторія съ такой правильностью, что еслибъ намъ дали пароходныя книги мы, навѣрное, могли-бы почти съ математической точностью вывести законы этого прилива и отлива волны пассажировъ. Всякому извѣстно наконецъ, что пассажиръ, совершившій путь отъ Перми или Астрахани до Нижняго, составляетъ на пароходѣ рѣдкое явленіе, и его вы сейчасъ замѣтите между всѣми остальными, такъ-какъ онъ успѣлъ сдѣлаться на пароходѣ своимъ домашнимъ человѣкомъ, что всякому бросается въ глаза.

Все это проглядѣлъ г. Мордовцевъ, хотя онъ и пишетъ статью „объ экономическомъ значеніи Поволжья“. Но онъ проглядѣлъ еще нѣчто болѣе значительное—хожденіе народа на заработки. По логикѣ г. Мордовцева выходитъ, что 100,000 мужиковъ изъ Нижегородской губерніи, 125,000 изъ Костромской губерніи и т. д.*) уходящихъ *ежегодно* на заработки съ мѣста своего жительства,— это все стремящіеся „къ обаятельному центру“, чтобы „тамъ, вмѣ-

*) Нижегор. Сборникъ т. IV, стр. 139.

сто національныхъ, историческихъ лаптей зарабатывать себѣ космополитическіе сапоги“...

Кстати ужь поставить въ счетъ г. Мордовцеву еще одну мелочь, которая, на ряду со всѣми прочими, еще разъ свидѣтельствуетъ, какъ столичная жизнь подтачиваетъ въ писателѣ живое чутье къ народной жизни. Попались, напримѣръ, г. Мордовцеву стишки народные про желѣзную дорогу и онъ вздумалъ блеснуть ими предъ своими читателями, какъ баричъ ввертывающій въ свою рѣчь народное словцо; но, какъ часто бываетъ въ этихъ случаяхъ съ барничами, такъ случилось и съ г. Мордовцевымъ,—онъ переврaлъ народную рѣчь и изъ остроумнаго, мѣткаго двустишія сдѣлалъ какую-то безсмыслицу; въ пѣснѣ поется:

«До чего народъ доходитъ:
Самоваръ *въ упряжи* ходитъ»

а г. Мордовцевъ пишетъ:

«Самоваръ *въ пристяжи* ходитъ»

—и восклицаетъ: «великолѣпное сравненіе, чисто-русскій юморъ!».

Да, сравненіе было очень удачно, пока вы его не обезобразили: такъ-какъ локомотивъ ходитъ не сбоку, а посрединѣ дороги, и напоминаетъ поэтому не «пристяжную» на пристяжкѣ, а «коренную» въ упряжи, то въ передѣлкѣ г. Мордовцева теряется вѣрность сравненія, а слѣдовательно и его „чисто-русскій юморъ“. Чтобы щеголять народной рѣчью — нужно понимать ее, а для этого нужно умѣть цѣнить ее и ея достоинства; г.-же Мордовцевъ умѣетъ только глумиться надъ народнымъ языкомъ — „этимъ языкомъ офеней и какихъ-то кельтовъ“, какъ онъ презрительно выражается...

Есть еще одно мѣсто въ статьяхъ г. Мордовцева о провинціальной печати, на которомъ нельзя не остановиться. Если все предъидущее показываетъ только, что г. Мордовцевъ въ качествѣ „врага провинціальной печати“ зарапортовался до послѣднихъ предѣловъ, то помянутое мѣсто свидѣтельствуетъ, что въ своемъ „усердіи“ относительно провинціи г. Мордовцевъ доходитъ до сознательной несправедливости. Дѣло идетъ о такъ-называемой *лубочной печати*,— о произведеніяхъ вродѣ „Гуака“, „Франциля Венеціана“, „Пантошки, Сидорки и Филатки въ Москвѣ“ и т. д.—„Отчего-жь бы про-

винціямъ не побѣдить своими литературными силами хотя-бы такихъ центральныхъ издателей, какъ Манухины и Леухины—(спрашиваетъ г. Мордовцевъ), въ книжные магазины коихъ централисты-литераторы Евстигнѣевы, Аршинниковы и даже просто мазурики пера и жулики печати (?) поставляютъ ежемѣсячно по десяткамъ своихъ произведеній *для народа*, для массъ, для провинцій, потому что изданія эти расходятся десятками тысячъ экземпляровъ и большею частію идутъ въ провинцію? Отчего-бы имъ, хотя въ своихъ губерніяхъ, не вырвать бѣдный народъ изъ недобросовѣстной эксплуатаціи мазуриковъ пера и жуликовъ печати (?), не парализировать вліяніе на провинціи господъ Манухиныхъ и Леухиныхъ, Евстигнѣевыхъ и Аршинниковыхъ и не дать любознательному мѣщанину и мужику что-нибудь получше этихъ московскихъ изданій изъ обжорнаго ряда? Вѣдь въ этомъ отношеніи, *мы полагаемъ*, не встрѣтилось-бы затрудненій ни цензурныхъ, ни издательскихъ".

Г. Мордовцевъ не вчера родился... Вотъ почему я не обинуясь называю этотъ запросъ недѣлающимъ чести его добросовѣстности... Не все-ли это равно, какъ если-бъ г. Мордовцевъ обратился къ провинціи съ упрекомъ: почему она въ отношеніи къ народному образованію не вытѣснила до сихъ поръ конкуренцію заштатныхъ дьячковъ и отставныхъ солдатъ, устройствомъ школъ по методамъ новѣйшей педагогики? Почему она въ отношеніи къ экономическому быту населенія не одолѣла эксплуатацію кулаковъ и міроѣдовъ, посредствомъ ссудо-сберегательныхъ кассъ и производительныхъ артелей; почему она въ отношеніи къ нравственному быту населенія не замѣнила ничѣмъ лучшимъ домостроевскія начала; почему она въ отношеніи къ религіозному быту не вселила въ народное міросозерцаніе началъ евангельской любви вмѣсто древле-русскаго формализма и обрядности, и т. д. Справедливо-ли упрекать въ этомъ дѣятелей провинціи—пусть судитъ самъ г. Мордовцевъ...

„Какой-нибудь „Гуакъ," пишетъ г. Мордовцевъ, питаетъ народную любознательность цѣлое полстолѣтіе и провинціи не побѣдятъ этого „Гуака!" Провинціи *не умѣютъ* дать *своимъ* читателямъ что-нибудь получше этого"...

По странному стеченію обстоятельствъ, въ то самое время, какъ рука моя готова была писать возраженіе противъ этого обвиненія, явился ко мнѣ человѣкъ, обличившій его несправедливость гораздо лучше, чѣмъ это могъ-бы я сдѣлать самъ. Дорого-бы я далъ, чтобы г. Мордовцевъ въ это время сидѣлъ тутъ-же, въ моемъ кабинетѣ, и могъ слышать только-что происходившій здѣсь разговоръ, — иначе онъ, пожалуй, подумаетъ, что я его нарочно выдумываю. Но „беру небеса во свидѣтели," что въ данномъ случаѣ я совсѣмъ не прибѣгаю къ вымыслу. Итакъ, приходитъ ко мнѣ, по случаю праздниковъ Рождества Христова, одинъ человѣкъ, высокій старикъ съ сѣдой бородой, изъ отставныхъ солдатъ, мой старый давнишній знакомый, — онъ былъ сторожемъ при редакціи „Камско-Волжской Газеты" въ то время, какъ я былъ ея постояннымъ сотрудникомъ. Я не имѣлъ въ виду заводить рѣчь о прошломъ, тѣмъ болѣе, что торопился писать; но старикъ заговорилъ самъ. — „Скучно, батюшка, очень скучно безъ газеты-то стало... Чай вамъ-то какъ скучно!" — (Я не только никогда не говорилъ ему объ этомъ, но и не видался со старикомъ нѣсколько лѣтъ, развѣ — что встрѣчалъ его раза два-три на улицѣ за все это время). — „Даже и изъ простонародья, я вамъ скажу, многіе сожалѣютъ. И не то чтобы сами выписывали,—у другихъ доставали, а сожалѣютъ. Вотъ я теперь служилъ у хозяина, лавочку въ Суконной содержитъ, онъ рѣдкій вечеръ не вспоминаетъ. Знаете, въ будніе дни народу мало, а все-таки надо сидѣть „до часовъ." Скука! Достаетъ онъ книжки, читаетъ тоже; а нѣтъ: противъ нашей „Газеты" ему не кажется, все объ ней поминаетъ... Да и многіе изъ простонародья.... А уже про тѣхъ, кто, значитъ, съ настоящимъ пониманіемъ читалъ,—и говорить нечего!"

Вотъ почти съ буквальной точностью слова, которыя я только-что слышалъ. Прибавьте къ этому, г. Мордовцевъ, что въ числѣ подписчиковъ на „Камско-Волжскую Газету" были и извощики, и будочники даже (тѣ и другіе — „въ складчину"), не говоря уже о лавочникахъ, приказчикахъ и т. п. Кажется, отсюда позволительно заключить, что провинціи мало по малу побѣдили-бы „Гу-

ака," покрайней мѣрѣ въ городахъ, если-бы... они обладали живыми органами печати.

Но пусть такъ; г. Мордовцевъ, потерявши всякую связь съ провинціей, можетъ всего этого не знать, можетъ даже не вѣрить всему этому. Но вотъ чего онъ не знать не можетъ: что съ грошемъ въ карманѣ трудно конкурировать противъ стотысячныхъ капиталовъ; и вотъ почему, болѣе чѣмъ странно со стороны г. Мордовцева упрекать дѣятелей провинціальной печати въ томъ, что они «не умѣютъ» вырвать народъ изъ когтей эксплуатаціи разныхъ Манухиныхъ, Грачевыхъ и К°. — «Въ этомъ отношеніи, мы полагаемъ, не встрѣтилось-бы затрудненій ни цензурныхъ, ни *издательскихъ*» — говоритъ г. Мордовцевъ; но онъ говоритъ неправду, онъ не можетъ этого «полагать»; онъ знаетъ, что книга, издаваемая Манухинымъ въ 12000 экземплярахъ, будетъ въ десять разъ дешевле такой-же книги, издаваемой въ 1200 экземплярахъ, и что этого одного уже достаточно, чтобы конкуренція Манухиныхъ, Лепхиныхъ и К° имѣла на своей сторонѣ огромное преимущество. Все это знаетъ г. Мордовцевъ, но прикидывается незнающимъ для того, чтобы какъ-нибудь натянуть еще одно доказательство въ пользу полюбившейся ему «теоріи центровъ». Трудно понять: кого г. Мордовцевъ морочитъ словами, когда приводитъ, напримѣръ, такое умозаключеніе: «едва-ли справедливо (что провинціи не обладаютъ «издательскими» средствами) потому—что въ провинціяхъ есть-же деньги и на роскошь и на кутежи, и на лошадей (?), и на разныя финансовыя и акціонерныя аферы» — Какъ будто издательскія средства и «бѣшеныя деньги» одно и тоже! Вѣдь это все равно, какъ еслибъ г. Мордовцевъ сказалъ: едвали справедливо, что въ провинціальныхъ университетахъ бываютъ бѣдные студенты, потому—что есть-же въ провинціи деньги и на роскошь, и на кутежи, и на разныя аферы. Это все равно, какъ если-бъ г. Мордовцевъ сказалъ: едвали справедливо, что у крестьянъ деревни N. нѣтъ средствъ содержать школу; потому — что у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть-же средства на кутежи и на залоги по казеннымъ подрядамъ. По этой логикѣ и мы могли-бы сказать: «едвали справедливо, что столичные литераторы не имѣютъ средствъ осно-

органъ печати на началахъ ассоціаціи для противодѣйствія луатаціи своихъ антрепренёровъ: вѣдь есть-же у нихъ сред- и на роскошь, и на покупку домовъ, и на участіе въ раз- ь акціонерныхъ предпріятіяхъ». — Но что сказалъ-бы г. Мор- евъ, если-бъ мы позволили себѣ разсуждать о положеніи сто- ой печати по такой логикѣ? Изъ того, что у шелопаевъ есть ги на кутежи никоимъ образомъ нельзя вывести, что желаю- убить конкуренцію Манухиныхъ и Леухиныхъ располагаютъ аточными издательскими средствами и «въ этомъ отношеніи огутъ встрѣтить препятствій». И однакоже, къ чести провин- мы можемъ и должны сказать, что въ ней вы скорѣе, чѣмъ столицахъ, найдете частныхъ предпринимателей, вступающихъ непосильную борьбу съ московской печатью изъ обжорнаго . Г. Мордовцевъ самъ приводитъ въ примѣръ этой борьбы кія народныя изданія — «метелики», продающіеся по 5 коп.: endant къ этому мы можемъ указать на неутомимаго казан- о издателя книжекъ для народа г. Соловьева, который Богъ знаетъ какими судьбами, не имѣя за душой что-называется опѣйки, ухитряется издавать одну за другой свои книжечки и стигъ ихъ тоже, пожалуй, не одинъ десятокъ тысячъ экземп- въ. Каковы достоинства всѣхъ этихъ произведеній — это дру- вопросъ: здѣсь рѣчь идетъ только о фактѣ издательской дѣя- ности, направленной къ подрыву гг. Евстигнѣевыхъ и Аршин- выхъ. И такіе факты въ провинціи есть, а вотъ въ столи- -то, гдѣ дѣйствительно препятствій къ этому меньше, что-то лышно о подобныхъ дѣятеляхъ. Тамъ работаютъ, правда, Об- во Грамотности, Коммиссія Соляного Городка, — учрежденія гія, сравнительно говоря, средствами и обладающія всякими иллегіями, да и они ничего порядочнаго сдѣлать не могутъ. ъ виду этого-то примѣра, г. Мордовцевъ не стыдится писать: ъ скажутъ: отчего-же провинціи, а не столицы не дадутъ шаго? — *Это другой вопросъ*; столицы даютъ и лучшее, и опять все это (?) идетъ изъ центра; но отчего именно провинціи то «Гуака» не дадутъ что-либо болѣе разумное, когда на это *можно-бы быть* препятствій ни со стороны цензуры, *ни со*

стороны матеріальныхъ средствъ? Такъ нѣтъ, все ожидается изъ центровъ и все идетъ отъ центровъ, какъ и идетъ все къ центрамъ. — Слѣдовательно есть что-то другое, мѣшающее развитію печати въ провинціи, а не цензура, на которую привыкли все сваливать: она въ «Гуакѣ» не при чемъ».....

Мы уже не разъ замѣчали, что г. Мордовцевъ любитъ самъ разбивать свои выводы, оставляя читателей въ недоумѣніи: желаетъ-ли онъ поставить „Богу свѣчу или чорту кочергу". Во всякомъ случаѣ этотъ пріемъ даетъ г. Мордовцеву возможность увертываться отъ критики. Скажите ему, подтверждая свои слова цитатами: „вы писали то-то и то-то"—онъ сейчасъ отыщетъ въ своей статьѣ совершенно противуположное мѣсто и отвѣтитъ: нѣтъ, я писалъ совершенно другое. Такъ и въ самомъ концѣ своихъ статей о печати въ провинціи, г. Мордовцевъ поставилъ выводъ совершенно не вяжущійся со всѣмъ, что онъ говорилъ и доказывалъ. Объ его статьи были наполнены всевозможными ухищреніями и натяжками, чтобы доказать, что „сила (?) провинціальной печати равна безсилію"; мало этого,—что ни цензура, ни недостатокъ матеріальныхъ средствъ не составляютъ препятствій ея развитію, а все дѣло въ „неизмѣнныхъ законахъ, по которымъ совершается ростъ человѣчества"—въ „законѣ центральной силы, въ законѣ роста большихъ городовъ"; что въ виду этихъ „законовъ", „отъ которыхъ, повидимому, ничѣмъ не отмахаться современному человѣчеству"— безплодны всѣ порыванія дѣятелей провинціальной печати, „лишены реальной почвы" ихъ усилія, должны разсѣяться ихъ „иллюзіи" и т. д. и т. д. Потративъ на развитіе этихъ мыслей двѣ большія статьи, г. Мордовцевъ вдругъ дѣлаетъ неожиданный поворотъ „налѣво кругомъ" и приставляетъ къ нимъ слѣдующее заключеніе:

«Вотъ тѣ скромныя задачи провинціальной печати, о которыхъ мы говорили, — задачи чуждыя всякихъ политическихъ и иныхъ (!) тенденцій: изучать жизненныя нужды страны, доводить о нихъ до всеобщаго свѣдѣнія, стараться поставить населеніе въ возможность — противопоставить экономическую и *нравственную* конкуренцію съ центрами, съ большими городами, — вотъ все, что пока нужно; остальное

ное-же *само придетъ* съ экономическимъ развитіемъ населенія, которому будетъ и *на что* учиться и *для чего* учиться».

Трудно придумать болѣе банальное заключеніе, но даже и эта банальность уличаетъ г. Мордовцева: вы говорите объ усиліяхъ, которыя должна дѣлать провинціальная печать, чтобы провинція могла предъявить экономическую и *нравственную* конкуренцію съ центрами, т. е. вы указываете на неизбѣжность извѣстнаго рода нравственной борьбы между провинціей и подавляющими ея нравственную самостоятельность центрами; слѣдовательно, вы признаете, что въ число задачъ провинціальной печати входитъ борьба противъ монополіи столичнаго мнѣнія, вооруженнаго талантами, знаніемъ и издательскими средствами. Но — если это не фразы съ вашей стороны — отвѣтьте: сами-то вы въ этой борьбѣ на чьей сторонѣ стоите, кого поддерживаете, за кого ратуете? Если вы не фразеръ, идите въ провинцію, станьте на стражѣ ея интересовъ, ея самостоятельности, принесите ей въ жертву свой талантъ, свое время, свой трудъ, ратуйте за нее, помогайте ей предъявлять нравственную конкуренцію съ центрами! Тогда вы не станете запугивать разными призраками идеальные порывы ея дѣятелей, не захотите подрѣзывать крылья провинціальной печати, ставить ей границы, дальше которыхъ она не должна идти, по вашему мнѣнію; не оправдаете насильственнаго подавленія въ себѣ «роднаго патавинизма», не будете сваливать вину на воображаемые естественные законы, на дѣлѣ узнавши — съ какими препятствіями должна бороться печать въ провинціи; тогда вы со стыдомъ отречетесь отъ своихъ статей о печати въ провинціи и поймете — какую бурю негодованія, какую массу желчи поднимаютъ они въ душѣ преданныхъ своему дѣлу провинціальныхъ дѣятелей печатнаго слова....*)

*) Пока печатались эти главы, до насъ дошла январская книжка «Дѣла», гдѣ г. Мордовцевъ, въ статьѣ «Наши окраины», продолжаетъ настаивать—и *«повторительно заявляетъ, что все* сказанное имъ въ статьѣ «Печать въ провинціи» *мысленократно подтверждается* явленіями, которыхъ никакая человѣческая сила и никакая человѣческая логика побить не въ состояніи, пока не побьетъ ихъ *сама жизнь»*—т. е. все равно,—можно прибавить,—пока не побьетъ ихъ человѣческая сила, направленная человѣческой логикой, ибо что-же такое «сама жизнь», какъ не произведеніе этихъ двухъ факторовъ. Неужели г. Мордовцевъ хочетъ проводить мысль, что судьбами человѣчества неотвратимо управляетъ слѣпая — и въ

нравственномъ, и въ умственномъ отношеніяхъ—Судьба, древняя Ананке?... Что-же касается «тысячекратнаго подтвержденія» всего сказаннаго г. Мордовцевымъ, то «повторительное его заявленіе» объ этомъ, какъ уже видѣли читатели, представляется совершенно голословнымъ; мы не нашли такихъ подтвержденій. За это, вѣроятно, г. Мордовцевъ упрекаетъ насъ въ «недомысліи» и «несообразительности», какъ упрекалъ въ этомъ другихъ своихъ противниковъ за то, что они, видите-ли, не разобрали, что онъ, г. Мордовцевъ, первый другъ провинціи и ея дѣятелей, что онъ въ своихъ статьяхъ «Печать въ провинціи» только желалъ дружески *предостеречь* провинціаловъ отъ грозящихъ опасностей и т. д. Но на-поди-жъ и смерть красна: никто не понялъ г. Мордовцева, какъ ему хочется, всѣ оказались равно «недомыслонными» и «несообразительными», такъ пусть ужъ онъ и насъ сопричислитъ къ этой категоріи,—для него это самый легкій выходъ, а для насъ не убыточно, такъ какъ читатели всегда имѣютъ возможность разобрать, на чьей сторонѣ, въ самомъ дѣлѣ, недомысліе. Г. Мордовцеву хочется, чтобы его считали другомъ идеи провинціальнаго самостоятельнаго развитія; но чтобы это его ни къ чему не обязывало нетолько на дѣлѣ, но и въ словѣ и помышленіи. Что-же, — это можно сдѣлать: мы причислимъ его къ разряду тѣхъ друзей, о которыхъ сложилась пословица: «избавьте меня отъ друзей, а ужъ съ врагами-то самъ справлюсь». Г. Мордовцевъ—другъ провинціи совершенно такой-же, какъ крыловскій медвѣдь былъ другомъ пустыннику,—и потому мы оставляемъ за собой право, такъ сказать, присматривать за г. Мордовцевымъ, когда ему вздумается «хватить друга камнемъ въ лобъ» въ видѣ пріятельскаго «предостереженія». Г. Мордовцевъ—другъ провинціи! но намъ хотѣлось-бы еще наглядно объяснить ему—какой видъ имѣютъ его дружескія отношенія. Представьте себѣ, что нѣкій юноша, только что начинающій жить сознательной жизнью, стремящійся къ умственнымъ интересамъ, къ общественной дѣятельности и т. д.—приведенъ крайне стѣсненными обстоятельствами въ такое состояніе, что возбуждаетъ величайшую заботу и опасенія въ своихъ друзьяхъ: онъ упалъ духомъ, обезсилѣлъ нравственно и физически, впалъ въ апатію... И вотъ является къ нему г. Мордовцевъ и начинаетъ его «дружески предостерегать»:—«Да, было время, возлагались на тебя большія надежды, нѣкоторые и до сихъ поръ еще ждутъ отъ тебя чего-то. Но ты, другъ, не вѣрь: все это безплодныя порыванія... Эти надежды не имѣютъ водъ собой реальной почвы, приходится признать ихъ миражами. Тебя ждетъ въ будущемъ еще большій упадокъ, еще большее истощеніе, а вы, сударыня (обращается онъ къ женѣ друга), обречены на вѣчное вдовствованіе; таковы неумолимые естественные законы жизни и развитія. Это подтверждается тысячекратно...»—Скажите, пожалуйста, какъ слѣдуетъ поступить съ такимъ другомъ?—«Есть-ли у васъ смыслъ, говорятъ ему, что вы дѣлаете?» А онъ въ отвѣтъ: «вѣдь я, господа, изъ дружбы,—экіе вы несообразительные, недомысленные какіе-то!» Мы уже видѣли, что г. Мордовцевъ поступаетъ совершенно также, въ приведенномъ примѣрѣ мы даже говорили его словами. Но въ январской книжкѣ «Дѣла», онъ дѣйствуетъ еще рѣшительнѣе. Онъ прямо проводитъ параллель между собой и «злымъ духомъ», которымъ дѣйствительно кажутся внушенными подобныя дружескія предостереженія. Вотъ его собственныя слова: «Я васъ поведу на эти далекія окраины и подобно тому, какъ нѣкогда мрачный духъ съ высокой горы показалъ Свѣтлому Духу человѣчества всѣ царства земныя и всѣ ихъ сокровища и дарилъ

къ во власть ему, чтобы только тотъ, Свѣтлый, поклонился мрачному или свергся о скалы,—*такъ и я* покажу вамъ царство окраинъ и ихъ богатства, *и разобью ваши темныя надежды* на самозарожденіе (?) окраинъ безъ помощи центровъ (?), *разобью* ихъ цѣлымъ рядомъ мрачныхъ картинъ экономической *безнадежности* безлюднаго края.»—Намъ остается только сказать: «нѣтъ, г. Мордовцевъ, не разобьете!» и выразить увѣренность, что и въ наше время нужна только стойкость противъ всякаго мрачнаго отчаянія и противъ всякихъ искушеній, подкрѣпляемыхъ картинами безнадежности съ одной стороны и обѣщаніями благъ земныхъ и сокровищъ съ другой, нужна только эта стойкость, чтобы пронзить сатану вашей лживой «цивилизаціи» и чтобы «ангелы Божіи» — какъ повѣствуется далѣе въ этой исторіи — вились служить истинѣ, добру и свѣту...

VII.

Результаты тѣхъ „удобствъ", которыми пользуется печать въ столицѣ.

Итакъ, все талантливое, все выдающееся изъ ряду, все имѣющее «задатки жизни высшаго полета»—стремится къ центру. Все, что тяготится провинціальной спячкой, задыхается въ атмосферѣ умственнаго застоя, ищетъ свѣта, простора, жаждетъ живучей и плодотворной дѣятельности,—все это бѣжитъ изъ провинціи въ столицу. Каждый писатель, испытавшій свои силы на литературномъ поприщѣ и обнаруживши признаки таланта, оставляетъ свое родное гнѣздо, отрясаетъ прахъ отъ ногъ своихъ и — по пословицѣ: большому кораблю—большое плаваніе"—летитъ на всѣхъ парусахъ въ открытое море столичной журналистики.

Удивительно-ли послѣ этого, что здѣсь, въ этихъ „обаятельныхъ центрахъ"—печать, по выраженію г. Мордовцева, «*находитъ для своего развитія такія удобства*, какихъ она никогда не найдетъ въ провинціи»? Самое главное «удобство», и даже гораздо больше, чѣмъ «удобство»—это, повидимому, сосредоточеніе въ столицѣ (шутка сказать!) *всѣхъ* выдающихся, талантливыхъ литературныхъ силъ Россіи! Но это не единственная привиллегія, которой пользуется у насъ столичная журналистика; ихъ очень много. Во первыхъ—отсутствіе предварительной цензуры, во вторыхъ—близость западной Европы, откуда и новыя книги, и журналы, и газеты по-

лучаются такъ скоро, какъ-бы Петербургъ самъ стоялъ за границей; въ третьихъ—всегда готовыя издательскія средства, телеграфныя агентства, типографіи, приспособленныя къ спѣшной журнальной работѣ, дешевизна печатной бумаги—все это вещи весьма важныя и необходимыя для успѣшнаго хода журнальнаго дѣла, и которыхъ однако провинція или почти или совсѣмъ не имѣетъ; въ четвертыхъ—издательское дѣло въ столицахъ обезпечено подпиской, а существованіе и успѣхъ журналовъ и газетъ гарантированы тѣмъ, что они не имѣютъ себѣ конкурентовъ, что за отсутствіемъ своихъ, мѣстныхъ органовъ печати, провинція волей-неволей должна подписываться на изданія столичныя; тѣмъ, наконецъ, что большая часть столичныхъ газетъ и журналовъ—представляютъ древнія, установившіяся фирмы, къ которымъ публика прикована, такъ сказать, цѣпями привычки. Но и это не все; нельзя не помянуть въ числѣ удобствъ, которыми пользуется развитіе печати въ столицахъ—сравнительно говоря, высокую плату за трудъ, на которую можетъ разсчитывать всякій мало-мальски выдающійся писатель и журналистъ въ столицѣ. Хотя этотъ пунктъ представляется спорнымъ, такъ-какъ понятія о „высокой“ платѣ очень различны, но всякій споръ въ этомъ отношеніи устраняется, если мы скажемъ, что, во всякомъ случаѣ, въ столицѣ, и только въ столицѣ, или лучше сказать въ сферѣ столичной журналистики, возможна *профессія* писателя; противъ этого спорить нельзя, такъ-какъ возможность профессіи въ данномъ случаѣ подтверждается фактомъ ея существованія.

Посмотримъ-же теперь — какъ пользуется столичная печать всѣми этими «удобствами», какое она сдѣлала изъ нихъ употребленіе, какъ они отразились на ея существованіи, и не забудемъ при этомъ, что-кому много дано, съ того много и спросится.

Во избѣжаніе нареканій, здѣсь я не буду говорить о столичной печати отъ себя, своими словами. Пусть она сама себя обрисовываетъ, пусть сама даетъ отчетъ о томъ, какъ она воспользовалась многочисленными привиллегіями своего положенія; какъ и чѣмъ она отплатила провинціи за то «измельчаніе», тотъ застой, ту мертвенность, на которые она обречена волей-неволей, благодаря

ыдѣленію изъ нея въ пользу центровъ всего талантливаго, всего ыдающагося...

Эта натуральная повинность провинціи—ея тяжолая жертва, ающая ей право интересоваться, покрайней мѣрѣ тѣмъ: каковы ея результьты...

Итакъ, пусть столичная печать говоритъ сама о себѣ. Беру „Отечеств. Записки", раскрываю „Литературныя и журнальныя замѣтки" Н. М.—одного изъ тѣхъ немногихъ современныхъ публицистовъ, въ искренность и правдивость которыхъ еще сохранилась въ насъ вѣра. Вотъ что писалъ онъ еще три года тому назадъ*):

Литература теперешняя имѣетъ весьма мало положительныхъ качествъ, а качества отрицательныя—слабость, вялость, нечестность, распущенность, — не могутъ давать результатовъ вполнѣ осязательныхъ. Они дѣлаютъ свое дѣло, эти отрицательныя качества, они вносятъ въ общество свой ядъ, и если-бъ можно было вычислить количество его, мы изумились-бы округленности цыфры; но это вліяніе не видно и неуловимо. Доброкачественны или дрянны предлагаемые обществу продукты литературы, но à la longue они не остаются безъ вліянія. Если они не всегда воспринимаются сознательно, то всасываются безсознательно, и такъ или иначе дѣлаютъ свое дѣло. И вотъ почему я утверждаю, что желая вамъ честной и смѣлой литературы, я желаю вамъ одного изъ величайшихъ благъ. Я очень хорошо понимаю, что многіе найдутъ мое положеніе идиллическимъ. «Честность», «смѣлость», «служительница истины и справедливости» — все это для насъ «жалкія слова», смѣшныя слова, ненужныя, непонятныя, чужія слова. Литература наша умѣла понимать этотъ языкъ въ періодъ своего возрожденія и молодости, но теперь это для нея нѣчто вродѣ засохшихъ цвѣтовъ Адуева, нѣчто вродѣ изображенія предмета первой, чистой любви для старой нарумяненной кокотки,—воспоминаніе о шалостяхъ и увлеченіяхъ дѣтства. Пріятно, конечно, иногда возобновить въ своей памяти розовыя мечты и золотыя надежды юношескихъ годовъ, ту рьяность, ту гордость, вѣру въ себя, широкій размахъ требованій отъ жизни, которые такъ красятъ молодость. Но не возвращаться-же къ этой пройденной ступени. Я авторъ передовыхъ статей, фельетонистъ, беллетристъ и проч.—При чемъ тутъ служеніе истинѣ и справедливости, смѣлость и честность? Говоря это, я, разумѣется, не имѣю въ виду отдѣльныхъ личностей, между которыми есть изношенныя и неизношенныя. Литература въ общемъ состарѣлась настолько, что не можетъ безъ скептической улыбки говорить не только о формахъ своихъ юношескихъ надеждъ и задачъ, а и о самыхъ надеждахъ и задачахъ».

Послушаемъ другаго писателя **):

*) Отеч. Зап. 1873 г. № 1.

**) «Организація литературнаго труда»—статья г-жи Конради, бывшей издательницы журнала «Недѣля» См. Сбор. Недѣли 1872 г. стр. 225 и слѣд.

«Если для общества важно, чтобы у него была литература, вполнѣ достойная этого имени, то для него также важно знать, что мѣшаетъ осуществленію этого идеала» — говоритъ г-жа Конради, и съ цѣлью прослѣдить эти помѣхи разсказываетъ читателямъ подробную исторію того, какъ въ сферѣ столичной журналистики изнашиваются и гибнутъ литературныя силы.

....«За первой статьей (начинающаго писателя) слѣдуетъ вторая,—въ кругахъ свѣдущихъ людей начинаютъ поговаривать о новомъ писателѣ, какъ о подающемъ надежды. Обращеніе редактора утрачиваетъ свою олимпійскую недоступность, онъ улыбается и удостаиваетъ приглашенія на редакціонный вечеръ. И вотъ дебютантъ стоитъ въ кругу олимпійцевъ; онъ видитъ своими глазами и осязаетъ своими руками то, что представлялось изъ его прекраснаго провинціальнаго далека какою-то сіяющею отвлеченностью. Мало по малу онъ становится между этими людьми своимъ человѣкомъ, узнаетъ всю ту подноготную литературнаго міра, которая, ничѣмъ не отличаясь отъ подноготныхъ прочихъ міровъ, все-таки почему-то считается на ряду деликатесъ, приберегаемыхъ для знатоковъ. Прежніе знакомые начинаютъ взирать на него съ благоговѣніемъ» и т. д. и т. д.

Но вотъ—«медовый мѣсяцъ литераторства проходитъ. Жизнь устанавливается и принимаетъ разъ на всегда опредѣленный складъ... Скромно восторженный новичекъ превратился въ литератора по профессіи...

Матеріальное положеніе его улучшилось, насколько оно вообще можетъ улучшиться въ этомъ быту, т. е. онъ почти увѣренъ, что пока существуетъ изданіе, къ которому онъ пристроился, ему стоитъ только писать, писать и писать, чтобы не умереть съ голоду и даже просуществовать съ извѣстнымъ комфортомъ. Но затѣмъ спрашивается: что сталось съ тѣмъ нравственнымъ капиталомъ идей, знанія, таланта, съ которымъ онъ первоначально вступилъ на литературное поприще? На сколько преуспѣваетъ то «высшее служеніе», къ которому онъ стремился, которое играло роль рѣшительнаго момента при выборѣ имъ поприща?»...

«Остановиться-бы, побросать въ огонь начатыя рукописи, удѣлить годокъ-другой исключительно на чтеніе и на размышленіе, на полную ассимиляцію и приведеніе въ порядокъ всего этого безпорядочнаго, сыраго матеріала идей и жизненныхъ впечатлѣній, которыя тѣснятся въ мозгу его; легко, свободно и убѣдительно—полилось-бы послѣ этого печатное слово, выношенное такою внутреннею работой, и съ избыткомъ наверсталъ-бы онъ время, потраченное непроизводительно въ смыслѣ денежнаго заработка... Но не тутъ-то было. «Типографія ждетъ оригинала», редакторъ-издатель безпокоится, что нумеръ не выйдетъ къ сроку или выйдетъ безъ полнаго комплекта статей, какой необходимъ для надлежащаго «разнообразія содержанія». Приходится стряхнуть съ себя «не идущія къ дѣлу» мечты, отложить въ сторону заинтересовавшую книгу, прервать начатую работу мысли, прервать ее, быть можетъ, въ тотъ самый моментъ, когда она съ неодолимой силой овладѣла всѣмъ существомъ человѣка и когда уже впереди, въ смутныхъ, но постепенно яснѣющихъ очертаніяхъ начинаютъ обрисовываться выводы, результаты,—это радостное эврика, которое въ процессѣ умственнаго творчества можетъ быть приравнено къ первому крику ребенка, заставляющему мать позабыть всю претерпѣнную скорбь—«отъ радости, что родился человѣкъ на свѣтъ». Когда совершонъ этотъ психическій tour de force ломки и насилованія самыхъ сильныхъ и законныхъ по-

жденій духовной природы человѣка,—а чего стоитъ такой tour de force, не проявши его, трудно себѣ представить,—остается писателю совершить другой, не нѣе трудный подвигъ, а именно привести себя въ надлежащее настроеніе, что- сочинить ту статью, которая требуется для занимаемаго имъ отдѣла. Да, имен- *сочинить*,—смѣшное слово, которымъ наивные провинціалы окрестили всякую тературную работу, подчасъ оказывается какъ нельзя болѣе у мѣста. Все, отъ мого предмета статьи, приходится пріискивать, придумывать; нерѣдко, садясь свою обязательную статью, нашъ писатель и самъ еще не знаетъ, чѣмъ онъ ее полнить»... «Между тѣмъ надо пріискать что-нибудь такое, бьющее въ жилку мой свѣжей современности, повозможности даже забористое. Наконецъ, иско- й сюжетъ найденъ. Нужды нѣтъ, что мысль писателя, можетъ быть, всего какой будь часъ назадъ, была за сто верстъ отъ этого сюжета, который теперь ему ходится такъ обработать въ своей статьѣ, чтобы онъ являлся такъ-сказать Ми- рвою, выходящею во всеоружіи изъ головы Юпитера, и импонировалъ читателю одектичностью, солидностью, а и того лучше — нѣкоторой страстностью тона, ставляющею предполагать, что съ вами говоритъ о матерьяхъ важныхъ человѣкъ, змышлявшій о нихъ чуть не цѣлую жизнь. — *При нѣкоторой сноровкѣ и этотъ сладкій фокусъ удается.* Затѣмъ уже остается только получить гонорарій за ста- ю, если только таковой не былъ «въ минуту жизни трудную» забранъ впередъ.

Далѣе слѣдуютъ весьма характеристичныя разсужденія писатель- ицы по поводу нарисованной ею картины литературнаго фокусни- ства:

«Что-же остается дѣлать — спрашиваетъ она — писателю, со- навшему всю ненормальность такого положенія? Онъ воленъ, конеч- о, отказаться отъ постылой работы; но этимъ отказомъ, обрекаю- имъ его на голодъ (замѣтьте, читатель, сопоставленіе выраженій: ь одной стороны мягкое — «ненормальность», а съ другой рѣши- льное — «голодъ»; это тоже въ своемъ родѣ фокусъ)—онъ не ку- итъ себѣ ни нравственной свободы, ни спокойствія духа, необхо- имыхъ для сосредоточенной внутренней работы; *слѣдовательно, объ томъ выходѣ не стоитъ серьезно и говорить* (совершенно такъ, акъ бывало разсуждали взяточники о «безгрѣшныхъ доходахъ»: ажись я отъ нихъ—все равно, этимъ не купишь себѣ ни нрав- твенной свободы, ни спокойствія духа; а тамъ — голодъ, семья.... е стоитъ и говорить серьезно о такой невозможной вещи, какъ естная служба обществу....)

«Въ сущности, писателю остается одно изъ двухъ,—безстрастно родолжаетъ г-жа Конради:—или обречь себя на вѣчную нравствен- ую ломку, на вѣчное раздвоеніе между неосуществимымъ (sic) идеа-

ломъ и неумолимыми требованіями злобы дня; или-же, не мудрствуя лукаво, сжечь свои корабли и принять свое положеніе такъ, какъ оно есть; въ послѣднемъ случаѣ, онъ (писатель) превращается въ поставщика печатнаго товара, не худшей и не лучшей доброты, какъ та, которая требуется.... На выручку (этому поставщику)— являются тѣ маленькіе таланты, которые для каждаго, протянувшаго литературную лямку извѣстное число лѣтъ, представляютъ дѣло наживное: умѣнье располагать запасомъ общихъ мѣстъ такъ, чтобы они не бросались въ глаза читателю своей избитостью; умѣнье щегольнуть гдѣ нужно „хлесткостью“ выраженія, умѣнье вообще потрафлять по разъ установленному шаблону. При такомъ взглядѣ на литературную задачу (а иной взглядъ—замѣчаетъ наша писательница—какъ мы видѣли, *оставаясь послѣдовательнымъ (?) трудно себѣ и выработать человѣку, вдвинутому въ эту колею*), писательство становится чистымъ ремесломъ; механическій трудъ, требующійся для того, чтобы исписать столько-то страницъ или листовъ, выдвигается на первый планъ; этимъ трудомъ, который одинъ только и оплачивается, совершенно заслоняются требованія внутренней состоятельности; все вращается на немудреномъ разсчетѣ: мнѣ нужно заработать столько-то рублей; сообразно съ этой цифрою растягивается и объемъ статьи; къ этой заранѣе опредѣленной цифрѣ подгоняется, иногда съ замѣчательной виртуозностью, число листовъ, страницъ или строкъ, долженствующихъ ее составить. Таковъ конечный выводъ, къ которому тяготѣютъ условія литературнаго труда....»

Разумѣется, г-жа Конради присовокупляетъ къ этому что нелѣпо было-бы примѣнять этотъ выводъ ко всей пишущей братіи „безразлично“, но мы и слѣдимъ здѣсь не частные случаи, не исключенія, а общее правило. Для насъ важенъ именно „общій выводъ“ и еще важнѣе то освѣщеніе, которое г-жа Конради, сама того не замѣчая, даетъ этому выводу своими разсужденіями. Она считаетъ *непослѣдовательнымъ* со стороны писателя отказаться отъ вопіющаго компромисса съ своей совѣстью, отъ убійственнаго подавленія въ себѣ человѣческаго и авторскаго достоинства и даже отъ необходимости являться „фокусникомъ“, эксплуататоромъ довѣ-

ія публики.... Вотъ что важно и крайне характеристично. „*Не стоитъ серьезно и говорить*“ о томъ, чтобы писатель, въ виду нужды голода (хотя выше поминалось и объ „извѣстномъ комфортѣ“) настойчиво дорожилъ своимъ достоинствомъ.

„Намъ, конечно, могутъ указать на Бѣлинскаго, — замѣчаетъ г-жа Конради,—но тѣхъ, кому пришла-бы охота опровергать насъ этимъ указаніемъ, мы попросимъ вспомнить, что Бѣлинскій умеръ 35 лѣтъ, попросимъ вспомнить общеизвѣстные факты изъ его біографіи,—факты до того типичные, что, читая ихъ, невольно спрашиваешь себя: не были-ли они записаны только вчера или сегодня изъ жизни какого-нибудь современнаго нами чернорабочаго?“— Прекрасно; а мы въ свою очередь попросимъ васъ вспомнить, что Бѣлинскій видѣлъ „послѣдовательность“ совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ теперь ее указываютъ. Г-жа Конради пишетъ: „не стоитъ серьезно и говорить“ и проч., а Бѣлинскій писалъ: „*лучше молчать и нуждаться, даже сгинуть со свѣта, нежели говорить не то, что думаешь, и спекулировать на свое убѣжденіе*“. Это его собственныя слова, и вотъ еще одно мѣсто изъ его письма къ г. Краевскому, въ отвѣтъ на приглашеніе быть сотрудникомъ его изданія: „Я отъ души готовъ принять участіе во всякомъ благородномъ предпріятіи и содѣйствовать, сколько позволятъ мнѣ мои слабыя силы, успѣхамъ отечественной литературы; но я желаю сохранить свободу моихъ мнѣній *и ни за что въ свѣтѣ не рѣшусь стѣснять себя какими-бы ни было личными или житейскими отношеніями*“*).

Судите послѣ этого, читатель, какое право имѣлъ г. Н. Ш. авторъ—внутренняго обозрѣнія въ «Дѣлѣ» (№ 9, 1875 г.)—къ которому мы теперь переходимъ—сказать такую вещь про Бѣлинскаго: «Малая плата за трудъ заставляетъ публициста не брезгать никакой работой и наиболѣе грустный примѣръ этой необходимости представляетъ Бѣлинскій»...

Но понятно, къ чему и почему это говорится: желательно—спрятаться за авторитетъ Бѣлинскаго; «ужь если, дескать, онъ—

*) Цитировано по «Литер. лѣтописи» С.-Петерб. Вѣд. 1874 г. № 309.

небрезгалъ никакой работой, такъ нашему брату и Богъ велѣлъ». И дѣйствительно, г. Н. Ш. въ своемъ «внутреннемъ обозрѣніи» за сентябрь 1875 г., ни передъ чѣмъ не останавливается, чтобы оправдать журналиста,—какъ-бы то нибыло—содѣйствующаго не «успѣхамъ отечественной литературы», какъ Бѣлинскій, даже въ его мелкихъ произведеніяхъ, а ея паденію, разложенію, нравственному обезсилѣнію. Да, авторъ литературныхъ замѣтокъ въ Отеч. Запискахъ имѣлъ полное право воскликнуть: «Честность», «смѣлость», «служительница истины и справедливости»—все это для насъ «жалкія слова»... Г-нъ Н. Ш. почти буквально говоритъ такимъ образомъ: «Конечно, восклицаетъ онъ, играя словомъ: «конечно»—литература есть служеніе, конечно, она невозможна безъ высшихъ идеаловъ, конечно, она своего рода прорицаніе, облагороживающая, влекущая впередъ сила, тотъ нравственный свѣточъ, который... и т. д. Да, было время увлеченія, когда энтузіасты и чудаки, дѣйствительно, смотрѣли на литературу, какъ на носительницу священнаго огня, какъ на руководящій источникъ безкорыстія и благороднаго, безкорыстнаго служенія высшимъ идеаламъ. Но теперь на рынкѣ вообще, а также и на литературномъ, не требуется товаръ высшаго разбора, и серединному читателю, которому высшій умственный товаръ пожалуй и не подъ силу, требуется товаръ легонькій и дешевый. Это неизбѣжный законъ демократизаціи(?), подчиняющій предложеніе спросу».

Такимъ старчески-разбитымъ, скептически-ироническимъ тономъ написана вся статья г. Н. Ш., точно съ вами разсуждаетъ не литераторъ, да еще — прогрессивнаго лагеря, а добродушный старичокъ-мѣщанинъ изъ лоскутнаго ряда и съ горечью вамъ докладываетъ: «эхъ, сударь, самъ я все это знаю, да торговля-то нынче какая: не обманешь—не продашь. Тоже чѣмъ-нибудь жить надо...»

«Тоже чѣмъ-нибудь жить надо» — это альфа и омега всѣхъ разсужденій г. Н. Ш., у котораго, можно сказать, до помраченія ума засѣла въ головѣ мысль о томъ, что литературный трудъ плохо оплачивается. А удовлетворить его, нужно признаться, довольно трудно: «Самые даровитые литераторы и публицисты, пишетъ г. Н. Ш.,—напримѣръ г. Тургеневъ, если-бъ ему пришлось жить одною личною платою за трудъ, былъ-бы не въ состояніи на него суще-

ствовать. По разсчету того, что г. Тургеневъ написалъ до сихъ поръ и сколько пишетъ теперь, среднее число составляетъ 10 печатныхъ листовъ въ годъ. Считая по 200 руб. за печатный листъ, весь годичный заработокъ составитъ только 2000 руб.» Въ другомъ мѣстѣ своей любопытной статьи г. Н. Ш. сравниваетъ положеніе столичнаго фельетониста, получающаго въ мѣсяцъ за 4 фельетона 150 руб., т. е. 1800 руб. въ годъ, и положеніе крестьянина, который, имѣя болѣе значительное семейство, располагаетъ годовымъ бюджетомъ въ 191 р. 50 к., и въ концѣ говоритъ: «интеллектуальному работнику живется относительно ужь навѣрное не лучше», чѣмъ этому крестьянину. Сравненіе это въ высшей степени характеристично для обрисовки современныхъ литературныхъ нравовъ, но къ сожалѣнію оно слишкомъ пространно, чтобы я могъ его привести здѣсь, хотя-бы въ сокращеніи. Но вотъ маленькая выдержка, дающая понятіе о томъ, въ какомъ тонѣ ведется это сравненіе: «У крестьянской семьи душевой надѣлъ 2½ десятины, слѣдовательно, она владѣетъ 10 десятинами, которыя, какъ капиталъ, обезпечиваютъ ея существованіе (Вспомнимъ здѣсь кстати, что даже такой капиталъ, какъ талантъ Тургенева, г. Н. Ш. считалъ необезпечивающимъ существованія литератора). Кромѣ этого, у крестьянской семьи есть домъ со всѣми хозяйственными пристройками; наконецъ, въ крестьянской семьѣ три взрослыхъ рабочихъ, между которыми и распредѣляется производительный трудъ (жену фельетониста г. Н. Ш. не считаетъ за работницу, какъ увидитъ читатель далѣе). Слѣдовательно, основнымъ капиталомъ, кромѣ собственныхъ личныхъ силъ, служитъ земля, а оборотнымъ капиталомъ—домъ, хозяйственныя постройки, земледѣльческія орудія, повозки, скотъ. Такимъ образомъ, весь инвентарь крестьянина съ женою можно оцѣнить почти въ тысячу рублей» (Ну, а если продать весь этотъ инвентарь для взысканія, напримѣръ, недоимки, то его тоже можно оцѣнить въ 1000 руб. — какъ думаетъ объ этомъ г. Н. Ш? Очевидно, онъ ни о чемъ не думаетъ, кромѣ того, какъ ничтожна плата по 150 р. за четыре фельетона въ мѣсяцъ...) «У фельетониста, пишетъ онъ, нѣтъ никакой собственности: ни дома, ни земли, нѣтъ у него основнаго капитала, нѣтъ у него подсобниковъ (жена у него, должно-

быть, только «для блезиру») и онъ одинъ одинешенекъ несетъ на себѣ обязанность содержанія самого себя, семьи и воспитанія дѣтей».

Въ этомъ родѣ г. Н. Ш. разсуждаетъ на нѣсколькихъ страницахъ. «Конечно, говоритъ онъ далѣе въ одномъ мѣстѣ, положеніе земледѣльческой семьи значительно подрывается податями и повинностями, составляющими 12% общаго расхода. У фельетониста этого расхода нѣтъ. *Но за то* у него есть расходъ на воспитаніе дѣтей (выходитъ, какъ будто благосостояніе фельетониста «подрывается» тѣмъ, что у него есть этотъ расходъ, значительная доля котораго покрывается тѣми-же мужицкими податями, а для мужика какъ будто облегченіе какое въ этой невозможности расходывать на воспитаніе собственныхъ дѣтей), на поддержаніе своихъ отношеній или на собственно литературныя знакомства, безъ которыхъ невозможно обойдтись».

«Земледѣльческая семья не знаетъ расхода на прислугу, а фельетонисту невозможно обойдтись безъ кухарки»...

«У крестьянской семьи для переѣздовъ на болѣе длинныя разстоянія имѣются собственныя лошади и *свои экипажи*. У фельетониста ничего этого нѣтъ а какъ пѣшкомъ ходить не всегда возможно, то»... и проч.

«Конечно, можно утверждать, что земледѣльческая семья... лишена всѣхъ умственныхъ и эстетическихъ наслажденій, и, погрязнувъ въ матеріальномъ удовлетвореніи своихъ нуждъ, не заботится ни о чомъ больше. Но развѣ фельетонистъ *не точно также* тратитъ всѣ свои силы на пріобрѣтеніе средствъ матеріальнаго существованія?»

Ну, еще-бы не точно также! Четыре фельетона въ недѣлю это пожалуй потруднѣе будетъ, чѣмъ крестьянская «страда»...

«Развѣ онъ (фельетонистъ) *не точно также* думаетъ только о заработкѣ, *о кускѣ насущнаго хлѣба* и перекалачивается изо-дня въ день?»

И противъ этого мы ничего не скажемъ, развѣ только замѣтимъ, что выгоднѣе было-бы «куски насущнаго хлѣба» покупать въ пекарнѣ, чѣмъ держать кухарку спеціально для печенія хлѣба; но можетъ быть въ защиту кухарки г. Н. Ш. скажетъ тоже, что

онъ говорилъ относительно одежды фельетониста, а именно, что она «должна, конечно, соотвѣтствовать условіямъ и требованіямъ его общественнаго положенія» Точно такъ и безъ кухарки невозможно: кто-жь будетъ гладить «барынѣ» юбки и чистить фельетонисту сапоги? Вѣдь — «наконецъ, если мускульный работникъ не можетъ услаждать свой досугъ эстетическимъ отдыхомъ, за то фельетонистъ не можетъ услаждать себя мускульнымъ отдыхомъ»... Ему некогда.

Несчастный, онъ лишенъ даже наслажденія вычистить себѣ сапоги, — вѣдь у него цѣлыхъ четыре фельетона въ мѣсяцъ и все это за какихъ-нибудь полтараста цѣлковыхъ!... Да, „интеллектуальному работнику живется относительно *ужь навѣрное* не лучше“, чѣмъ этому счастливцу мужику, который держитъ „собственныхъ лошадей“ и „свои экипажи“ и владѣетъ „не фиктивнымъ капиталомъ“, а такимъ, которому „всегда есть извѣстная“, цѣна — по оцѣнкѣ г. Н. Ш.—въ тысячу рублей; да ктому-же не имѣетъ расхода на воспитаніе дѣтей и на поддержаніе литературныхъ знакомствъ и отношеній!...

«Свистка» на васъ нѣтъ, г. Н. Ш. и подобные вамъ литераторы... Не посмѣли-бы вы, если-бъ живъ былъ покойный Лиліенштвагеръ, канючить какъ нищіе на большой дорогѣ и оправдывать торговлю печатнымъ словомъ старопріказными причитаньями на тему: «жена, дѣти... изъ куска хлѣба переколачиваюсь; умру—и похоронить нечѣмъ» и т. д. и т. д.

Но можетъ быть читателямъ покажется невѣроятнымъ, что прогрессистъ - писатель открыто, печатно *оправдываетъ* такія вещи, противъ которыхъ литература должна гремѣть, какъ противъ посягательства на ея нравственное достоинство? Въ такомъ случаѣ пусть онъ развернетъ то мѣсто въ статьѣ г. Н. Ш. (стр. 129—130), гдѣ онъ разсказываетъ о полемикѣ между г. Тресковскимъ, сотрудникомъ газеты «Кавказъ» и ея редакторомъ, г. Сталинскимъ, обнаружившей между прочимъ, что въ редакціи «Кавказа» производилась, такъ сказать, нечистая торговля печатнымъ словомъ, и имѣли мѣсто факты, превосходящіе пресловутое «благосвѣтловское дѣло» о рваномъ рублѣ на бѣдность. Редакторъ «Кавказа» превзошолъ г. Благосвѣтлова тѣмъ, что выслалъ одинъ разъ своему

сотруднику вмѣсто условленнаго жалованья по 75 р. въ мѣсяцъ — уже не рубль, а *двугривенный*, съ прибавкой нравоученія: «если хотите у меня работать, то вы обязаны подчиняться тѣмъ порядкамъ выдачи гонорара, которые существуютъ въ редакціи!»

Г-нъ Н. Ш., сотрудникъ, «Дѣла» по этому поводу разсуждаетъ такъ: «повидимому, редакторъ «Кавказа» поступаетъ, какъ самый послѣдній эксплуататоръ-ремесленникъ. Но вѣдь, если поближе вглядѣться въ его положеніе, то ему поступать иначе и нельзя. Конечно, если вводить деликатные мотивы, то никоимъ образомъ нельзя оправдать присылку двугривеннаго. Но если смотрѣть на вопросъ съ экономической точки зрѣнія, то неужели вы думаете, что г. Сталинскій послалъ этотъ двугривенный, отложивъ въ свой собственный карманъ милліонъ? Ужь конечно, посылая сотруднику 20 коп., онъ взялъ себѣ не больше сорока. И порядокъ составленія передовыхъ статей *мы тоже оправдываемъ*. Точно петербургскія передовыя статьи составляются не тѣмъ-же способомъ!»

А способъ этотъ состоялъ между прочимъ въ томъ, что «матеріаломъ для передовыхъ статей «Кавказа» служили нерѣдко различныя брошюры, объявленія и рекламы». Такъ, по вопросу о чайныхъ плантаціяхъ на «Кавказѣ» — «одна изъ передовыхъ статей была ничто иное, какъ перефразированная корреспонденція «Одесскаго Вѣстника», а другая была составлена изъ объявленій и рекламы чайныхъ торговцевъ бр. Поповыхъ».

Если отбросить «деликатные мотивы», — все оправдать можно...

„Въ положеніи журналиста, публициста, критика есть нѣчто роковое, неустранимое въ самомъ свойствѣ его труда» — пишетъ г. Н. Ш. въ другомъ мѣстѣ своей статьи. «Даже при лучшемъ вознагражденіи трудъ этотъ всегда истощающій, томительный, тяжелый, неблагодарный. Если-бы каждый публицистъ отличался нынче даже геніальностью, то трудъ его не оплачивался-бы больше, чѣмъ онъ оплачивается теперь. Въ тоже время публицисты не имѣютъ возможности даже и теперешній свой трудъ возвысить въ качествѣ. Потому что трудъ вообще оплачивается плохо, публицистъ по необходимости ищетъ выхода не въ увеличиваніи качества своего труда, а въ количественномъ его увеличиваніи.

Публицистъ долженъ писать много, потому что, если онъ будетъ работать мало, ему будетъ нечѣмъ существовать. Условія личнаго труда публициста и журналиста такого рода, что и на литературномъ рынкѣ спрашивается не качество, а количество ибо плата производится по строчкамъ или по листамъ. Если есть отдѣлы, въ которыхъ плата нѣсколько выше, эта высшая плата не обезпечиваетъ писателя. Можно даже сказать, что въ денежномъ отношеніи хорошимъ писателемъ быть вовсе не разсчетъ».

«*Конечно*, прибавляетъ авторъ, нравственные мотивы являются сдерживающей и вдохновляющей силой, ибо есть умственный уровень, ниже котораго самъ писатель не позволитъ себѣ опуститься»... Но что намъ въ этихъ безчисленныхъ «*конечно*» которыя говорятся только для приличія! Суть дѣла въ томъ, что писатель держится исключительно на экономической точкѣ зрѣнія по отношенію къ своему труду, къ своему «служенію»; вся суть въ томъ, какъ говоритъ г. Языковъ, такой-же сотрудникъ «Дѣла», какъ и Н. Ш., его alter ego по тону, по духу, по языку (см. № 10, стр. 76)—что «прежній интеллигентъ думалъ, что сила въ умѣ и знаніи, но когда умъ и знаніе измѣнили, новый интеллигентъ рѣшилъ, что сила въ деньгахъ». Въ самомъ дѣлѣ, это-ли не сила, когда подъ ея давленіемъ падаетъ цѣлая литература? Въ Германіи—тамъ покрайней мѣрѣ 10 лѣтъ работало «бюро прессы» надъ тѣмъ, чтобы уронить нравственный авторитетъ печати, у насъ и этого не надо; дѣло обходится проще: кухарка нужна фельетонисту и этого достаточно, чтобы онъ раздѣлался съ докучливой идеей о высшемъ призваніи, о «безкорыстномъ служеніи высшимъ идеаламъ»; что-бы онъ обратился къ читающей публикѣ съ откровеннымъ признаніемъ: «Конечно... конечно... Конечно литература есть служеніе, она невозможна безъ высшихъ идеаловъ, конечно... но, одежда семьи фельетониста тоже, конѣчно, должна соотвѣтствовать условіямъ его общественнаго положенія; фельетонисту не возможно обойтись безъ кухарки, ему пѣшкомъ ходить не всегда возможно, а потому, конечно, онъ долженъ думать только о заработкѣ, писать похуже и побольше, потому что въ денежномъ отношеніи хорошимъ писателемъ быть вовсе не разсчетъ»!

Но при всей своей развязности, этотъ «безтолковый мученикъ» своей профессіи чувствуетъ себя скверно, неловко, дѣлается раздражителенъ, брюзжитъ, складываетъ свои блѣдныя губы въ кривую усмѣшку и что всего хуже — ищетъ случая на кого-нибудь бросить тѣнь, подмигнуть читателю на своего собрата: дескать, всѣ мы одного поля ягода... И вотъ онъ мимоходомъ броситъ словечко, что «наиболѣе грустный примѣръ» публициста «небрезгающаго никакой работой»—представляетъ Бѣлинскій; вотъ онъ напускается на г. Суворина за то, что онъ продаетъ свой «Русскій Календарь» (см. „Дѣло“ № 10, стр. 82) Я приведу цѣликомъ это мѣсто изъ критической статьи г. Языкова по поводу изданія суворинскихъ «Очерковъ и картинокъ»:

«Все, о чомъ звенитъ г. Суворинъ, такъ повально, что даже самъ пророкъ - обличитель, общественный трибунъ и журнальный боецъ, самъ неподкупный судья, служащій высшимъ интересамъ общества, самъ онъ сталкиваетъ себя съ пьедестала, обсыпаетъ себя мукой, топчетъ ногами, и на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ его разящая фигура, вы читаете: kaufen, verkaufen. Г. Суворинъ, литераторъ, журналистъ, трибунъ, человѣкъ служащій идеѣ... ахъ! этотъ неподкупный судья объявляетъ, что его Календарь можно купить по рублю серебромъ во всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ книжныхъ магазинахъ... Kaufen, verkaufen!»

Можно-ли представить себѣ что-нибудь хуже подобной выходки. Словами «Kaufen, verkaufen» г. Суворинъ заклеймилъ биржевую игру, которая, какъ извѣстно, нерѣдко обладаетъ всѣми свойствами организованнаго грабежа, а г. Языковъ пытается поставить на одну доску съ этимъ грабежомъ и мошенничествомъ— честный, добросовѣстный литературный трудъ. Человѣкъ составилъ хорошую, полезную книгу и пустилъ ее по безпримѣрно дешевой цѣнѣ, (около 600 страницъ самой убористой печати за 1 р.), а г. Языковъ тычетъ пальцемъ, кривляется и кричитъ: «смотрите, какъ г. Суворинъ сталкиваетъ себя съ пьедестала, обсыпаетъ себя мукой, топчетъ ногами... ахъ! этотъ неподкупный судья объявляетъ что его Календарь можно купить по рублю серебромъ!»

Другое дѣло г. Сталинскій, редакторъ «Кавказа», составляющій передовыя статьи по рекламѣ чайнаго магазина и утягивающій двугривенные изъ кармана своихъ сотрудниковъ,—«мы его оправдаемъ», ибо—кто такой г. Сталинскій? Онъ положилъ себѣ въ карманъ какихъ нибудь 40 коп.—чему тутъ завидовать? Онъ неизвѣстный въ публикѣ писака, не то что «г. Суворинъ, литераторъ, журналистъ, трибунъ, человѣкъ, служащій словомъ идеѣ...»—Этому мы не спустимъ, въ этого мы швырнемъ грязью: намъ легче будетъ, потому—что онъ въ глазахъ публики служитъ живымъ укоромъ нашей проповѣди о подчиненіи «высшаго служенія» идеѣ двугривеннаго.

Пусть укажетъ намъ г. Языковъ какой-нибудь другой мотивъ его выходки противъ Суворина—и мы принесемъ покаяніе въ своемъ подозрѣніи. Пусть онъ намъ объяснитъ, подъ вліяніемъ какихъ чувствъ, какихъ настроеній ступевалась въ его головѣ разница между «kaufen, verkaufen», обличаемымъ въ «Очеркахъ» Суворина, и продажей полезной, добросовѣстно составленной книги? Посвятить цѣлую статью усиленнымъ доказательствамъ, что будтобы публицисту нѣтъ другаго выхода, какъ писать больше, какъ можно больше, въ ущербъ достоинству труда, думая только о заработкѣ, и рядомъ съ этимъ — наброситься на писателя, издавшаго полезную книгу—за то, что онъ продаетъ эту книгу за деньги, а не раздаетъ всѣмъ и каждому даромъ,—на что это похоже? Съ чѣмъ это сообразно?

Мы остановились на этомъ фактѣ, чтобы читатель, имѣющій терпѣніе дочитать до конца эту печальную исторію паденія литературныхъ нравовъ, не считалъ невѣроятнымъ или преувеличеннымъ нижеслѣдующій очеркъ взаимныхъ литературныхъ отношеній столичной пишущей братіи:

(Отеч. Зап. 1875 г. Іюль, стр. 153).

«Триста, четыреста, пятьсотъ рублей экстраординарныхъ расходовъ, даже въ мѣсяцъ, для порядочно-идущей ежедневной газеты, которая каждый день получаетъ отъ однихъ объявленій не менѣе ста рублей дохода,—дѣло, что называется, плёвое. Но ты, мой милый собратъ по журналистикѣ, долженъ уразумѣть изъ вышесказаннаго, что издатель не броситъ половины, даже четверти этой ничтожной суммы для тебя; напротивъ, безъ всякихъ съ твоей стороны причинъ, онъ вытол-

кнетъ тебя на улицу, какъ скоро увидитъ, что отъ этого онъ можетъ пріобрѣсти хоть одинъ лишній грошъ. Почему онъ тебя вытолкнетъ? Потому, что считаетъ тебя ничтожествомъ. И—не въ обиду будь тебѣ сказано—считаетъ тебя ничтожествомъ совершенно справедливо: ты—дѣйствительное ничтожество. Ничтожнымъ дѣлаетъ тебя собственный эгоизмъ, притомъ эгоизмъ самый узкій, неразсчетливый, эгоизмъ Коробочки.—Суди самъ. Сидишь ты, напримѣръ, съ другими семью, восемью девятью товарищами въ какомъ-нибудь изданіи. Товарищи твои все люди дѣльные и хорошіе. Вдругъ издатель, въ одинъ прекрасный день, вышвыриваетъ ни за-что, ни про-что одного или двухъ изъ васъ изъ изданія. Что вамъ, по настоящему слѣдовало-бы сдѣлать?—Вамъ должно-бы было придти всѣмъ вмѣстѣ къ издателю и сказать ему: «мы знаемъ людей, которыхъ вы выбрасываете, и такого свинства вамъ дозволить не можемъ; мы немедленно уйдемъ всѣ отъ васъ, если вы не возвратите ихъ и не извинитесь передъ ними при всѣхъ насъ». Вы-же вмѣсто того, чтобы поступить такимъ образомъ, пришипитесь, прижмете хвостъ и молчите. И это еще не самое худшее. Бываетъ такъ, что вы поддакиваете безобразному самоуправству хозяина, а тотъ, который поступаетъ на мѣсто изгоняемаго, начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на жаръ-птицу, точно чинъ получилъ, не понимая того, что онъ самымъ позорнымъ образомъ топчетъ свою нравственную личность и всѣ свои наиліберальнѣйшіе принципы. Изъ сего простаго казуса хозяинъ выводитъ совершенно вѣрное заключеніе, что вы—не люди, и не характеры, а, съ позволенія сказать, птицы... и онъ поступаетъ съ вами, какъ поваръ: которую ему заблагоразсудится взять на соусъ, ту и возьметъ, прочія не шелохнутся. Къ такому-же самовластію, помимо казусовъ, вы пріучаете его и вашимъ обыкновеннымъ поведеніемъ. Существуетъ, примѣрно, 7—8 редакцій разныхъ газетъ и журналовъ. Что-же вы дѣлаете? Вы забираетесь въ каждую изъ такихъ редакцій группами по 8, 10 и болѣе человѣкъ, превращаете ее обыкновенно въ замкнутую конуру, враждебную всѣмъ другимъ конурамъ, и сидите въ ней, и лаете на вашихъ собратовъ, которыхъ случай помѣстилъ въ другихъ конурахъ, а тѣ въ свою очередь отъ васъ отлаиваются. Подумали-ли вы когда нибудь: за что вы лаетесь? Вѣдь обыкновенно дѣло стоитъ такимъ образомъ, что половина или даже большая часть тѣхъ, которые сидятъ въ другихъ конурахъ обо всѣхъ предметахъ міра видимаго и невидимаго думаютъ точь въ точь также, какъ и вы, а если они попали въ конуру № 4, 5 и т. д., а вы помѣщаетесь въ конурѣ № 2, 3 и т. д., то это совершилось или по недостатку мѣста въ самихъ конурахъ или просто случайно. Правда, есть конуры крайне неопрятныя, которыя то и дѣло издаютъ непріятный, одуряющій запахъ. Но и въ такомъ случаѣ, чѣмъ-же виноваты сидящіе въ этой конурѣ ваши товарищи, которые чувствуютъ еще большее отвращеніе къ этому запаху, чѣмъ вы? «Почему-жь они не уйдутъ оттуда?» говорите вы. А кудажь они могутъ уйдти? позвольте васъ спросить. Вы приготовили имъ мѣсто, облегчили имъ выходъ, употребляете ваши заботы о томъ, чтобы не терять покрайней мѣрѣ лучшихъ, солидарныхъ съ вами, литературныхъ силъ? Нѣтъ, ничего подобнаго вы не дѣлали и не дѣлаете; напротивъ, вы сами топчете ихъ и закабаляете навсегда въ той грязной конурѣ, въ которую они случайно попали. Вмѣсто того, чтобы нападать на хозяина конуры который всегда самъ—единственный виновникъ ея нечистоты и одуряющаго запаха, ею издаваемаго, вы нападаете на вашихъ товарищей, ни въ чемъ не

повинныхъ, раздражаете ихъ самолюбіе, заставляете ихъ противъ воли запальчиво отвѣчать на ваши нападенія и такимъ образомъ изолируете отъ себя людей съ вами вполнѣ солидарныхъ и трактуете ихъ, какъ своихъ враговъ. Всему этому хозяинъ конуры, издатель, конечно очень радъ. Взаимный безпричинный лай заключенныхъ въ различныхъ конурахъ, при монотонномъ, уныломъ теченіи нашей жизни, даетъ все-таки нѣкоторое оживленіе газетѣ и слѣдовательно способствуетъ увеличенію его перекура. Затѣмъ, ожесточенная вражда закабаленныхъ въ разныхъ конурахъ другъ къ другу даетъ ему неограниченную деспотическую власть надъ ними. Благодаря именно этой враждѣ, онъ можетъ держать свою конуру неопрятно и испускать то и дѣло смердящій, но нужный ему по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, запахъ, который претитъ всѣмъ порядочнымъ людямъ. Онъ знаетъ очень хорошо, что этотъ запахъ производитъ отвращеніе въ его сотрудникахъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ увѣренъ и въ томъ, что сотрудники его, какъ бы имъ это противно ни было, примутся и стерпятъ его, потому что кромѣ той конуры, въ которой они засѣли, имъ нигдѣ нѣтъ болѣе мѣста: со всѣми другими они находятся во враждебномъ отношеніи. Замѣчательно при этомъ, что въ то самое время, когда сотрудники разныхъ конуръ, вполнѣ солидарные между собою по своимъ убѣжденіямъ, грызутся до того, что не могутъ встрѣчаться на улицахъ, хозяева этихъ самыхъ конуръ находятся зачастую, если не въ наилучшихъ, то нисколько не въ враждебныхъ отношеніяхъ и могутъ, какъ добрые пріятели, вмѣстѣ и выпить, и закусить, и поболтать».

«Представляется какъ-то страннымъ и непонятнымъ: какимъ образомъ журналисты—люди не только интеллигентные, но которые считаютъ себя спеціально-призванными устроивать судьбы царствъ и народовъ, которые метаютъ каждодневно громы и молніи противъ всѣхъ неумѣлыхъ въ этомъ дѣлѣ, ежедневное занятіе которыхъ состоитъ главнымъ образомъ въ критическомъ разсмотрѣніи различныхъ формъ политическаго и общественнаго устройства, различныхъ формъ соціальныхъ отношеній всѣхъ родовъ и видовъ, наконецъ въ соображеніяхъ объ организаціи лучшихъ порядковъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, — какимъ образомъ эти люди могутъ обнаруживать такую неумѣлость въ устройствѣ своей собственной жизни и доходить до такого поразительнаго ничтожества? Конечно, способность излагать свои мысли литературно не можетъ еще свидѣтельствовать ни о самостоятельности мысли, ни тѣмъ болѣе самостоятельности характера; но нѣтъ сомнѣнія, что среди пишущей братіи всегда нашлись-бы люди, способные дать правильную постановку не только маленькому дѣлу, какъ литературное, но у которыхъ хватило-бы организаторскихъ талантовъ и для очень широкаго плаванія... Ктому-же стоитъ только наименовать многихъ изъ нашихъ издателей и тогда покажется забавною самая мысль о томъ, что эти люди могли владѣть журналистикой въ силу своего интеллектуальнаго превосходства.

Мы должны здѣсь повторить тоже, что сказали выше, т. е. ничтожество нашего журнальнаго персонала происходитъ не отъ недостатка въ немъ интеллигенціи, но отъ того *узкаго, отвратительнаго эгоизма, который въ немъ господствуетъ*, который отнимаетъ у него не только возможность проявить свои силы, но, и что хуже всего, *самое сознаніе этихъ силъ*; вслѣдствіе чего, въ журналистикѣ образовалось преувеличенное представленіе о могуществѣ издателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ

представленіе—horribile dictu—*какъ-бы о неизбѣжности того порабощенія*, въ которомъ находятся теперь по отношенію къ нимъ журналисты».

Много еще горькихъ истинъ высказалъ нашимъ журналистамъ этотъ добродушно — язвительный дѣдушка—обозрѣватель въ «Отечеств. Запискахъ» и съ свойственной ему практичностью указалъ въ общихъ чертахъ и выходъ изъ того положенія, въ которое журналисты себя поставили: необходимость ассоціаціи литературныхъ силъ, а на первое время, покрайней мѣрѣ, юридическаго обезпеченія сотрудниковъ противъ произвола издателей. Признаться, мы— „наивные провинціалы“ — ожидали, что такая статья не можетъ пройдти безслѣдно, что она отразится какими-нибудь практическими послѣдствіями. Но не тутъ-то было. Какъ-бы въ насмѣшку надъ ея горькими истинами сперва раздается визгливый лай изъ конуры г. Благосвѣтлова какого-то литератора „не у дѣлъ“, весьма кстати избравшаго себѣ псевдонимомъ «число звѣрино»—666, а затѣмъ петербургская газетная пресса разражается цѣлымъ оркестромъ взаимнаго облаиванія по вопросу о томъ: что сдѣлали или чего не сдѣлали и что должны были сдѣлать сотрудники «Дѣла» послѣ того, какъ г. Благосвѣтловъ прислалъ г. Вейнбергу «рваный рубль на бѣдность». Съ одной стороны поднялъ вопль объ отсутствіи литературной порядочности г. Бобарыкинъ, съ другой—«Заурядный читатель» Бирж. Вѣд. поспѣшилъ заявить чтобы публика не вѣрила г. Бобарыкину, такъ какъ его перомъ руководитъ, будто-бы, мелкое, раздражонное самолюбіе, задѣтое тѣмъ, что «число звѣрино»—666, подняло на смѣхъ его стрижку, панталоны, или что-то вродѣ этого!... Читатели окончательно недоумѣваютъ: кому и чему послѣ этого вѣрить? Неужели-жь дѣло дошло до того, что за выраженіями благороднаго негодованія и гражданской скорби нужно подозрѣвать существованіе такой сокровенной пружины, какъ обида на замѣчаніе о панталонахъ?... Это-ужь что-то совсѣмъ небывалое. Въ такомъ случаѣ, гдѣ-же ручательство, что и возвышенныя чувства «Зауряднаго читателя» не имѣютъ подъ собой, въ этой полемикѣ, подобной-же подкладки: «а можетъ быть, думаетъ читатель, онъ потому опрокинулся на г. Бобарыкина, что тотъ холодно отвѣтилъ на его поклонъ, или не отдалъ визита, или что-нибудь въ этомъ родѣ»?...

Между тѣмъ, какъ сами литераторы такимъ образомъ занимались «закидываніемъ другъ друга грязью» (Недѣля № 50 стр. 1685) органъ г. Баймакова разсыпался передъ ними въ пересоленыхъ любезностяхъ: «да, говорилъ онъ, безкорыстіе литературнаго цеха, по духу его сословной функціи, безпримѣрно. Въ то время, когда каждый изъ обыкновенныхъ цеховъ ратуетъ всѣми силами и средствами исключительно въ пользу личнаго, обособленнаго благоденствія, литературное сословіе волнуется изъ-за чужихъ скорбей, изъ-за чужихъ нуждъ, громитъ дѣловую эксплуатацію, вступаетъ въ рукопашную съ различнаго рода торгашами и кулаками, забывая совершенно о собственныхъ скорбяхъ, о своихъ собственныхъ эксплуатаціяхъ (?) и не протестуя ни однимъ словомъ противъ своей личной обиды, противъ своихъ собственныхъ угнетателей».

Говоря сущую правду,—я до сихъ поръ не знаю: принимать ли этотъ комплиментъ за наивность или, напротивъ, за самый язвительный сарказмъ?... Покрайней мѣрѣ, послѣ впечатлѣнія отъ статьи г. Н. Ш., послѣ цитированной выше статьи «Отеч. Записокъ»—въ этихъ словахъ невольно слышишь или горькую насмѣшку, или самую грубую и неумѣстную лесть. Но послушаемъ еще, какъ и что говорятъ о себѣ сами литераторы.

Какъ всегда и во всемъ — безстрастно-безличная «Недѣля» тоже вмѣшалась въ общую свалку, чтобы изречи по ея поводу, что изъ всего этого ничего не выйдетъ: и не такіе переполохи бывали въ литературномъ нашемъ мірѣ, говоритъ она, да и то ни къ чему не привело: въ 1866 г., г. Соколовъ, авторъ брошюры «Журнальное дѣло», гораздо рѣзче и основательнѣе громилъ организацію литературнаго труда въ ея настоящихъ формахъ и требовалъ постановки дѣла на акціонерныхъ началахъ, вродѣ тѣхъ, на которыхъ строятся „общества потребителей“; еще раньше его, въ статьѣ «Литературные рабочіе», «Современникъ» (1861 г. октябрь), настаивалъ на введеніи артельнаго начала въ издательское дѣло и вслѣдъ за тѣмъ была даже сдѣлана попытка практическаго осуществленія этой теоріи: составилась артель изъ 32 человѣкъ для изданія газеты „Вѣкъ“, но— „не прошло кажется четырехъ мѣсяцевъ, какъ артель разбѣжалась въ разныя стороны“, благодаря разномыслію, пререканіямъ и т. д.

Въ виду всего этого, а также отсутствія «энергіи въ характерѣ» даже завзятыхъ идеалистовъ и безсребрениковъ между столичными писателями, «Недѣля» полагаетъ, что ассоціація литературныхъ силъ немыслима, да и безсильна противъ давленія на печать капиталистовъ—издателей „и нашему журнальному дѣлу грозитъ, какъ теперешней печати въ Австріи, очутиться въ рукахъ капиталистовъ, банкировъ, спекуляторовъ биржи, игроковъ."

„Но чтоже дѣлать?—восклицаетъ „Недѣля"—какъ вырваться изъ этого заколдованнаго круга"?—„Какой-же выходъ?"—На эти вопросы вы напрасно стали-бы искать отвѣта въ „Недѣлѣ",—она только спрашиваетъ и ничего не отвѣчаетъ; только отрицаетъ дѣйствительность выходовъ, указываемыхъ другими, а сама ничего не указываетъ.

Еще полнѣе выражается эта безпомощность въ послѣднемъ за 1875 г. фельетонѣ „Заурядnаго читателя" Бирж. Вѣд. (№ 355), который закончилъ годъ такими признаніями:

«Вспомнимъ хотя бы петербургскую журналистику тридцатыхъ годовъ, эпоху «Сумасшедшаго дома» Воейкова, зубоскальства Сенковскаго, инсинуацій Булгарина и пр. и пр. Развѣ теперь не тоже самое? И тогда, какъ и теперь, единственными новостями дня въ литературѣ было—какъ кто надъ кѣмъ посмѣялся, или изобразилъ въ комическомъ видѣ, какую написалъ кто на кого эпиграмму, какъ кто кого продернулъ въ рецензіи... И спшбались во взаимной враждѣ, ненависти, и взаимноуничтоженіи, на полномъ просторѣ отсутствія всякихъ руководящихъ идей въ литературѣ. Выходомъ изъ этого печальнаго положенія литературы въ тѣ годы послужило сосредоточеніе молодыхъ литературныхъ силъ въ кружкѣ Бѣлинскаго. Какой будетъ выходъ изъ такого-же положенія въ наше время — предвидѣть трудно. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что—имѣю-ли я право говорить все это, когда и самъ я участвую въ ежедневномъ взаимномъ уничтоженіи литераторами другъ друга? На это я отвѣчу тѣмъ-же, что я сказалъ и въ прошломъ фельетонѣ: что я отнюдь не выгораживаю себя изъ общаго положенія современныхъ литераторовъ, а только указываю на общій фактъ. Нападаютъ на меня—нападаю и я въ свой чередъ. Говорятъ люди о необходимости солидарности другъ съ другомъ, а при встрѣчѣ отвертываются одинъ отъ другаго,—я заявляю объ этомъ фактѣ для того, чтобы показать имъ: какая-же можетъ быть водворена при этомъ солидарность? Солидарность можетъ существовать только при взаимномъ уваженіи, довѣріи, терпимости къ мнѣнію ближняго и его разногласію, а если этого всего нѣтъ, то всякій разговоръ о солидарности—одно лицемѣріе; въ такомъ случаѣ гораздо честнѣе объявить себя прямо и открыто врагами другъ передъ другомъ и начать грызться ежедне-

но и дусть публика смотрять на насъ и потѣшается, какъ надъ людьми совсѣмъ потерянными. Печально и грустно все это, *но найдите выходъ рады Христа»*....

Поищемъ, читатель...

VIII.

Гдѣ искать себѣ выхода нашей современной литературѣ?

Авторъ «Записокъ Профана» въ Отечеств. Запискахъ (№ 12 стр. 294) пишетъ: «Какъ только крѣпостное право пало, литература логически должна бы была сдѣлать интересы народа мѣриломъ всѣхъ подлежащихъ ея сужденію вопросовъ; оно такъ сначала и было, но очень недолго. Литература подъ вліяніемъ разныхъ очень сложныхъ обстоятельствъ весьма быстро усвоила себѣ другой тонъ и направленіе. Она ухватилась за разныя отвлеченныя формулы, выработанныя европейской политической жизнью. Повидимому, тутъ-то и должно было начаться ея процвѣтаніе, потому что въ нее какъ бы привзошла европейская исторія въ ея результатахъ. На дѣлѣ однако этаго нѣтъ, да и не можетъ быть.» — «Цѣльное и искреннее отношеніе къ европейскимъ формуламъ невозможно для насъ не только по причинамъ въ насъ лежащимъ, а и потому еще, что сами они даже у себя на родинѣ подвергаются разложенію и скептицизму».

Въ доказательство, авторъ ссылается на тѣ экономическія формулы, въ связи съ которыми находится вопросъ о «національномъ» богатствѣ, которое, какъ извѣстно, не тожественно съ богатствомъ народной массы, а совершенно наоборотъ (таковы напр. формулы: разрушеніе крестьянской общины, крупное землевладѣніе, такъ называемый капиталистическій способъ производства, и т. п.). Далѣе, авторъ продолжаетъ: «значитъ, для созданія національнаго богатства, по программѣ отечественной журналистики, надо отодрать громаду народа отъ земли и орудій производства. Во вторыхъ, отодраніе это надо производить сознательно, потому-что прислушиваемся-же мы къ тому, что дѣлается и дѣлалось въ Европѣ, знаемъ-же мы, что національное богатство есть нищета народа, что Миллю приходится задумываться: насколько состоятельны тѣ са-

мыя начала, которыя мы у себя вводимъ. Втретьихъ, отодраніе это должно быть произведено въ пользу лицъ, еще не существующихъ, а только имѣющихъ образоваться самымъ процессомъ отдиранія. Сознательное, но безцѣльное преступленіе—вотъ что приходится дѣлать современной журналистикѣ при теперешнемъ ея направленіи. Что можетъ быть ужаснѣе такой задачи, такого положенія? И мудрено ли, что *эти люди* ходятъ и пишутъ, какъ тѣни, что грозный приговоръ потомства, подсказываемый имъ повременамъ совѣстью, связываетъ имъ языкъ и руки, отгоняетъ образы отъ воображенія, мысли отъ разума? Мудрено ли, что имъ нужно опьяненіе хорошими словами и общими мѣстами съ одной стороны, молочами будничной жизни съ другой»—«Кто знаетъ, можетъ быть и въ «Гражданинѣ» и въ «С. Петерб. Вѣдом.» есть большіе таланты, но придавленные своимъ ужаснымъ положеніемъ они не могутъ развернуться. Прильпе языкъ къ гортани ихъ»—«И потому я еще разъ говорю: явись въ современную литературу десятки крупныхъ талантовъ, первоклассныхъ мастеровъ техники и ученѣйшихъ людей, они ни на волосъ не измѣнятъ физіономіи литературы—если принесутъ съ собой только таланты, технику и знанія».

Повидимому, такое объясненіе современнаго упадка и оскудѣнія нашей литературы—охватываетъ предметъ очень широко и бьетъ, что называется, въ корень. Авторъ „Записокъ Профана" самъ, повидимому, крѣпко за него держится, такъ какъ повторяетъ его черезъ три года безъ измѣненій. Но на нашъ взглядъ оно—это объясненіе, ничего не объясняетъ, если взглянуть на дѣло поближе. Въ самомъ дѣлѣ—кто *эти люди*, о которыхъ говоритъ г. Н. М. и къ которымъ, по его мысли, приложимо его объясненіе? Это представители той фракціи журналистики, которая или извѣстна прямо подъ именемъ „охранителей", или занимаетъ *серую* въ нашихъ «либеральныхъ газетахъ», оставляя мѣсто внизу, „подъ чертой", представителямъ иной фракціи, нераздѣляющей ея тенденцій. Но развѣ примѣнимы тѣ черты, какія выставляетъ на видъ г. Н. М., къ «этимъ людямъ»? Развѣ похожи они на „тѣни", бродящія подъ давленіемъ угрызеній совѣсти? Развѣ у

этихъ людей—прильпе языкъ къ гортани? Не соловьемъ-ли заливаются гг. Баймаковъ и Скальковскій? Не блеститъ-ли краснорѣчіемъ г. Полетика? Не сіяетъ-ли самодовольствіемъ образъ г. Трубникова? Не отличаются-ли несравненной развязностью передовики „Голоса“? Не громогласенъ-ли языкъ „Гражданина“? Не считаетъ-ли себя непогрѣшимѣйшимъ изъ смертныхъ г. Г. Бланкъ? Не звучитъ-ли во всѣхъ рѣчахъ ораторовъ „Общества Содѣйствія“ самоувѣренная нотка: „будущность за нами?“ Не походитъ-ли на праздничное ликованіе громогласный хоръ всѣхъ „этихъ людей“? Будь еще у нихъ „таланты, знанія и первоклассные мастера техники“; не будь они вынуждены говорить, какъ нѣкогда графъ Сальясъ: „*наши* таланты, а у *моихъ* много смиренія и все блеститъ бездарностью“—тогда... тогда, я думаю, окончательно прильпнулъ-бы языкъ къ гортани, но не у „этихъ людей“, а у тѣхъ, къ которымъ объясненія г. Н. М. не относятся...

Наконецъ, самая статья г. Мордовцева, о которой далѣе г. Н. М. поминаетъ въ своихъ «Запискахъ», — носитъ-ли она на себѣ хоть какіе нибудь, маленькіе слѣды смущенія совѣсти и страха предъ приговоромъ потомства и современниковъ? Нѣтъ, г. Мордовцевъ съ полной безсознательностью, съ удивительной развязностью языка тащитъ на пьедесталъ свои «законы», подрывающіе «иллюзіи», вродѣ «мечты» о равноправности и громко кричитъ: «таковъ ходъ *цивилизаціи!*» У него не прилипаетъ языкъ къ гортани, а между тѣмъ онъ вовсе не такое „чудовище, которому нѣтъ имени въ зоологіи;“ онъ—чуть-ли не сотоварищъ самого г. Профана по сотрудничеству въ „Отечественныхъ Запискахъ.“ Вотъ это вы тѣмъ объясните?...

Намъ кажется, что г. Н. М., хотя и напалъ на вѣрное объясненіе факта: *отсутствіе живаго нравственнаго чувства, сообщаемаго писателю животворящей вѣрой* въ пригодность и нравственное достоинство проповѣдуемыхъ литературою формулъ, — но онъ не туда его приставилъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть, и не той стороной: „Эти люди“ *впрятъ* въ свои формулы и потому они живы, бойки, развязны, даже сильны, а вотъ „тѣ люди,“ которымъ надлежало-бы быть „солью земли“ — чувствуютъ себя ка-

кими-то заѣденными, разочарованными и лишенными прежняго огня; отсюда, вмѣсто огненной рѣчи, живаго отношенія къ своему дѣлу — „заученное проскакиваніе вольтижеровъ сквозь обручи, заклеенные бумагой, кувырканіе въ *мертвыхъ* формулахъ,“ — ибо всякая формула мертва сама по себѣ; даже и выставляемая г. Профаномъ формула „интересовъ народа,“ и она можетъ послужить только обручемъ для волтижерскихъ проскакиваній сквозь бумагу, и въ ней можно только кувыркаться изъ за построчной платы. „Духъ животворитъ, какъ сказалъ Христосъ (Іоан. 6, 63), а плоть (т. е. форма или формула) не пользуетъ ничтоже.“ Но какой духъ? Чего, напримѣръ, ожидать, отъ духа взаимной вражды и неуваженія, господствующихъ въ современной литературѣ, или отъ духа меркантилизма, — такого мелкаго меркантилизма, который открыто ставитъ въ зависимость отъ хозяйственныхъ соображеній насчетъ „улучшенія пищи по праздничнымъ днямъ“ и т. п. вопросъ о достоинствѣ печатнаго слова? Какъ фактъ, эта зависимость несомнѣнна, ибо въ пользу ея несомнѣнности мы имѣемъ свидѣтельства самихъ литераторовъ обоего пола. Но дѣло *въ отношеніи* къ этому факту; бѣда въ томъ, что сдѣлалось возможнымъ безъ стѣсненія ухватиться за него и руками, и зубами, такъ что и не оторвешь отъ этого факта того писателя, который въ него вцѣпился; ибо на возгласы о нѣкоторомъ неприличіи такого вступленія онъ вамъ твердитъ только одно: „Идеалисты, идеалисты!.. Видали мы такихъ много на своемъ вѣку; поживи-ко съ наше, такъ не то запоешь!“ Вы ему со всей задушевностью говорите: „Господинъ писатель! Не будьте-же такъ малодушны, — соберите свою нравственную силу и воспряньте духомъ, подумайте о высокомъ служеніи, о безкорыстной преданности идеаламъ, о вѣрности до конца“... А онъ вамъ въ отвѣтъ: „Полноте, не стоитъ объ этомъ серьезно и говорить“...*) Вы ему представляете „теорію самовоздержанія, самоотреченія, лишенія;» а онъ вамъ въ отвѣтъ броситъ саркастическую шуточку вродѣ слѣдующей:**) «Одинъ изъ русскихъ мыслителей стоиковъ доказывалъ, что разумный

*) «Организ. Литер. труда» г-жи Конради.

**) «Дѣло» № 9, Внутр. обозр. г. Н. Ш. стр. 123.

человѣкъ долженъ стремиться къ идеалу экономической середины и середину эту усматривалъ въ трехъ рубляхъ ежемѣсячнаго дохода. Но если экономисты и мыслители приходятъ только къ минимумамъ да самоотреченію, что-же намъ дѣлать съ другимъ, болѣе міровымъ закономъ — *стремленіемъ человѣка къ личному счастію?*" И не придетъ-же человѣку въ голову такой простой отвѣтъ на этотъ запросъ, что стремленіе къ личному счастію удовлетворяется только при условіи отреченія отъ личнаго счастія т. е. претворенія его въ высшую форму, а иначе, оно—это стремленіе, обращается въ мученія Тантала. Не напасть на такую мысль—это явный признакъ превращенія въ „Ивана непомнящаго", подъ вліяніемъ эпидеміи меркантилизма. Не слѣдуйте тому или другому правилу, — за это никто не можетъ быть въ претензіи; но не забывайте тѣхъ отвѣтовъ, которые давнымъ-давно даны; не отдѣлывайтесь отъ нихъ легкими шуточками, не превращайте публицистику въ сказку про бѣлаго быка,—вотъ чего каждый вправѣ требовать отъ писателя.

„*Только живое нравственное чувство* можетъ представить нѣчто подобное той точкѣ въ пространствѣ, которой требовалъ Архимедъ для того чтобы перевернуть земной шаръ"—вотъ слова (автора „Записокъ Профана"), которыя должны-бы быть написаны золотыми буквами надъ входомъ въ мастерскую общественной дѣятельности и прежде всего надъ ея первымъ отдѣломъ— журналистикой. Весь вопросъ въ томъ, какъ воспитать это нравственное чувство.

Съ этой-то точки зрѣнія, а не съ „экономической", и нужно смотрѣть на всѣ проектируемыя мѣры къ поднятію уровня нашей современной литературы. Съ этой точки зрѣнія и всякій „юный идеалистъ" можетъ найдти достоинства въ предложенной „Отечественными Записками" системѣ контрактовъ съ издателями и въ ассоціаціи литературныхъ силъ; но только съ этой точки зрѣнія, ибо всякая другая вноситъ ядъ и разложеніе въ такое дѣло, какъ служеніе посредствомъ печатнаго слова. Но съ этой-же точки зрѣнія слѣдуетъ взглянуть и на вопросъ о децентрализаціи въ приложеніи къ дѣлу печати, т. е. на вопросъ о печати въ провинціи. Задача провинціальной печати, покрайней мѣрѣ ближайшая, оче-

[illegible]едная задача, — послужить новыми мѣхами для вина новаго, ибо [illegible]ливаютъ вино новое въ мѣхи старые и не приставляютъ новой заплаты къ ветхой одеждѣ“.... Ее еще нѣтъ, ее почти нѣтъ — провинціальной печати, но она должна быть, и она будетъ! Но пусть [illegible] не будетъ, чѣмъ быть ей похоже на такую.... въ которой „высшее служеніе“ стоитъ не на первомъ планѣ!

Но почему-же, спроситъ централистъ-писатель, почему-же именно провинціальная печать должна явиться новыми мѣхами? А потому, господинъ писатель, что или ее вовсе нѣтъ, а есть только печатная бумага, или — она еще не успѣла превратиться въ мѣхи старые, не истаскалась настолько, что никакими заплатами ее не поправишь; въ обоихъ случаяхъ она *можетъ* быть новыми мѣхами. Потому еще, что при условіяхъ въ десять разъ тяжелѣйшихъ, чѣмъ условія столичной печати — она уже нѣсколько разъ ухитрялась и до сихъ поръ ухитряется своей слабой, безсильной, связанной рукой поднимать знамя „высшаго служенія“, — поднимать безкорыстно, самоотверженно, честно. Потому еще.... но объ этомъ скажемъ, по-возможности, обстоятельнѣе:

„Возьмите какой-нибудь практическій вопросъ, говоритъ г. Н. М., авторъ „Записокъ Профана“ (№ 12 От. Зап. стр. 246) напримѣръ вопросъ о провинціальной печати, поднятый г. Мордовцевымъ (будто-бы г. Мордовцевымъ? но — все равно) прочтите статью г. Мордовцева и тѣ два или три возраженія, которыя были представлены на нее въ газетѣ „Недѣля“, — съ той и другой стороны высказаны ряды аргументовъ и фактовъ и въ пользу, и въ порицаніе [illegible] принципа централизаціи, такъ и принципа децентрализаціи, самоуправленія. Сообразно этому, г. Мордовцевъ умаляетъ, а „Не[illegible] возвеличиваетъ роль мѣстной, провинціальной печати. Меж[illegible], этотъ споръ не приводитъ рѣшительно ни къ какому осязательному результату (но долженъ привести, г. Н. М., и отъ васъ, [illegible] „глубокій интересъ сюжета“, мы — незабудьте — еще [illegible] въ этомъ отношеніи содѣйствія и помощи). И это вовсе [illegible], продолжаетъ г. Н. М., отъ малой талантливости и ма[illegible] знаній спорящихъ сторонъ. Совсѣмъ нѣтъ. Въ спо[illegible] въ совершенно достаточной степени и таланты,

и знанія. Но будь они даже несравненно выше, результатъ вышелъ бы тотъ-же. Потому-что, — кто у насъ вѣритъ въ принципъ централизаціи и возлагаетъ на него надежды? Никто, ни даже самъ г. Мордовцевъ, который даже не знаетъ какъ назвать систему фактовъ и мнѣній, на которую опирается. Поглощеніе центрами окраинъ онъ называетъ то теоріей, то „даже и не теоріей, а живымъ фактомъ", то соціологическимъ закономъ, то вродѣ какъ закономъ, то временнымъ уродствомъ, то печальнымъ, то радостнымъ явленіемъ. А кто вѣритъ въ *безусловные* принципы децентрализаціи и самоуправленія? Опять-таки никто, ни даже „Недѣля", потому что вѣдь и феодализмъ представлялъ систему мѣстнаго самоуправленія, и покойный германскій союзъ... былъ федераціей, и остзейскіе бароны на децентрализаціи настаиваютъ. — Но, г. М., кто-же это говорилъ о *безусловномъ* принципѣ децентрализаціи, къ кому можетъ относиться ваше возраженіе? Это ужь не совсѣмъ *ладно* — поворачивать вопросъ такимъ образомъ. Этимъ способомъ ни до чего нельзя договориться, такъ какъ, повторяемъ, и вашъ принципъ: „интересы народа" разсматриваемый въ своей „безусловности" можетъ быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ вамъ напр. угодно было истолковать формулу г. П. Ч. — „голосъ деревни", т. е. какъ интересы грубой, полуварварской массы. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто желаемыхъ выясненій мы только будемъ запутывать вопросы. Всякому ясно, что не въ смыслѣ остзейскихъ барововъ говорили защитники децентрализаціи въ „Недѣлѣ", а вы придали дѣлу такой видъ, какъ будто и это даже не ясно. Неяснаго много въ этой формулѣ, но направленіе, въ которомъ ея защитники писали въ „Недѣлѣ", кажется, довольно ясно было обнаружено.

„Ясно, продолжаетъ г. Н. М., что пока принципы централизаціи и децентрализаціи не будутъ сведены къ нѣкоторому третьему принципу, отъ нихъ независящему, но могущему дать имъ живой смыслъ и содержаніе, до тѣхъ поръ можно совершенно безслѣдно писать съ точки зрѣнія того и другаго даже многотомныя сочиненія о провинціальной печати. Цѣлая подобная библіотека ни на одну іоту не оживитъ литературы. Но откуда-же взять этотъ третій принципъ, этого верховнаго судью политическихъ формулъ,

удовлетворявшихъ когда то Европу, а можетъ быть и теперь нѣкого тамъ удовлетворяющихъ, но на которыхъ наше нравственное чувство ни коимъ образомъ не можетъ успокоиться? Я отвѣчаю: принципъ этотъ есть интересы народа. Допустите этотъ принципъ, напр. въ вопросѣ о централизаціи и децентрализаціи и самоуправленія и, въ частности, о столичной и мѣстной печати. Прежде всего окажется, что принципы централизаціи и самоуправленія сами по себѣ, *как таковые* (выражаясь нѣмецкимъ философскимъ жаргономъ) суть ничто, выѣденное исторіей. — Такъ и откиньте совсѣмъ или, покрайней мѣрѣ, отставьте на второй планъ принципъ самоуправленія, только затемняющій дѣло и уже, конечно, ничего не освѣщающій. Признайте разъ навсегда, что въ обоихъ противуположныхъ принципахъ: централизаціи и самоуправленія, нѣтъ ничего *абсолютно* цѣннаго (какъ будто бы кто говоритъ объ абсолютной цѣнности!..), что въ каждомъ частномъ случаѣ, на различныхъ ступеняхъ исторіи, и тотъ и другой получаетъ особенное значеніе и подлежитъ особому изслѣдованію съ точки зрѣнія интересовъ народа" — «не замѣтьте, прибавляетъ г. Н. М., интересовъ народа, а не голоса деревни. Это совсѣмъ не одно и тоже: голосъ деревни самимъ часто противорѣчитъ ея собственнымъ интересамъ и задача состоитъ въ томъ, чтобы, искренно и честно признавъ интересы народа своею цѣлью, сохранить въ деревнѣ, какъ она есть, только то, что, дѣйствительно, этимъ интересамъ соотвѣтствуетъ".

Замѣчаете ли вы, однако, г. Н. М., какъ посредствомъ послѣдней оговорки вы уничтожаете „абсолютную цѣнность" и вашего собственнаго принципа, такъ какъ оказывается, что прежде чѣмъ сводить къ этому третьему принципу всѣ остальные (въ томъ числѣ принципы централизаціи и децентрализаціи) самый этотъ третій принципъ, что бы онъ могъ послужить источникомъ „живаго смысла и содержанія" для всего остальнаго, долженъ быть возведенъ еще къ болѣе общему, болѣе „безусловному" принципу, который иногда называютъ „интересами личности", но такъ какъ это менѣе точно и понятно, то всего лучше прямо назвать — „интересами истины и справедливости" Сами же вы говорите, дѣлая „поправку" къ положеніямъ г. П. Ч. (автора статьи „Отчего безжизненна наша лите-

ратура?", № 44 „Недѣли"), сами вы говорите, что „голосъ деревни" т. е. самъ народъ не всегда правильно судитъ о своихъ собственныхъ интересахъ. „Неспорно, говорите вы, у мужика есть чему поучиться, но есть и намъ что ему передать" — и это совершенно справедливо. Но въ такомъ случаѣ, — что-бы вы имѣли право судить объ интересахъ народа безошибочнѣе его самого, вы должны обладать высшимъ, болѣе безусловнымъ критеріемъ, посредствомъ котораго можно-бы было опредѣлить: въ чемъ-же *дѣйствительно* заключается интересъ народа въ каждомъ данномъ случаѣ? а такимъ критеріемъ могутъ быть, очевидно, только *интересы истины и справедливости* (другой вопросъ — возможно-ли открыть такой критерій объективнымъ путемъ, или онъ составляетъ субъективную истину, — я напр. полагаю, что онъ составляетъ предметъ вѣры, такъ какъ познается только субъективнымъ путемъ, хотя и при помощи объективнаго; на чемъ и зиждется великій законъ свободы совѣсти и мнѣній, который иначе не могъ бы и существовать).

Итакъ, съ какой стороны ни подходите къ задачамъ литературы — только нравственная сила, т. е., прибавимъ, только сила вѣры въ истину и справедливость представляетъ надежную точку опоры для того, что-бы обновить содержаніе современной литературы, влить въ нее духъ жизни, сдѣлать ее достойной своего назначенія. Безъ этого и десятки, и сотни новыхъ талантовъ ничего не сдѣлаютъ.

Такъ — вообще. Перейдемъ къ частностямъ. Въ частности, мы готовы согласиться съ г. Н. М., что «интересы народа» наиболѣе подходящая къ безусловно-животворному началу формула, и потому мы охотно соглашаемся свести споръ между защитниками централизаціи и децентрализаціи къ этому принципу, да, собственно говоря, мы всегда и имѣли въ виду именно этотъ принципъ, а не фантазіи освѣйскихъ барановъ. И именно потому, что мы имѣли его въ виду, мы и явились горячими защитниками «децентрализаціи» и въ частности провинціальной печати. Жаль, что г. Н. М. неразглядѣлъ этого, иначе — онъ вѣроятно не сказалъ-бы, что оба принципа: и централизаціи, и самоуправленія — одинаково могутъ быть разсматриваемы съ точки зрѣнія интересовъ народа,

«какъ два яйца, выѣденныя исторіей». Это пожалуй мѣрѣ слишкомъ еще спорно, и именно потому, что это слишкомъ спорно и сложно, я долженъ ограничиться пока самыми краткими замѣчаніями, предоставляя добросовѣстности г. Н. М. разсудить: не нуждается-ли его, аподиктически сказанное, положеніе въ очень значительной поправкѣ въ пользу децентрализаціи? Отвѣчая себѣ на этотъ вопросъ, не забудьте вспомнить нѣкоторыя очень хорошія вещи, высказанныя напр. Токвиллемъ, кн. Васильчиковымъ, а въ особенности тѣмъ писателемъ, котораго вы недавно сравнивали съ Бѣлинскимъ (№ 11 Отеч. Зап.) и наконецъ написанное вами самимъ въ статьяхъ о борьбѣ за индивидуальность, по поводу «закона Геккеля». Вопросъ о децентрализаціи, самоуправленіи находится въ очень близкой связи съ закономъ борьбы за индивидуальность, и такъ какъ вы хорошо и близко знакомы съ этимъ предметомъ, вамъ слѣдовало-бы разсмотрѣть ихъ въ ихъ взаимной связи; мы были-бы вамъ за это очень благодарны. А теперь пока перейдемъ къ частному вопросу о провинціальной печати. Этотъ вопросъ, съ точки зрѣнія вами указаннаго и нами давнымъ-давно признаннаго принципа — интересовъ народа, долженъ стоять на первомъ планѣ между всѣми другими литературными вопросами, такъ какъ, если безъ этого принципа невозможно оживленіе нашей литературы, то съ другой стороны почти нѣтъ никакой возможности ввести его въ существующую столичную печать. Скажите, въ самомъ дѣлѣ,—куда съ нимъ сунется столичный литераторъ, находящійся въ зависимости отъ гг. Байкакова, Полетики, Трубникова, Гоппе, Благосвѣтлова и т. д. Но это не главное, хотя и очень важное препятствіе, такъ какъ, допустивъ предположеніе о возможности настойчиваго стремленія сотрудниковъ столичныхъ газетъ и журналовъ подчинить своему принципу издателей, пришлось-бы, вѣроятно, окончить вопросомъ; не легче ли, не удобнѣе-ли, вмѣсто траты силъ на эту борьбу, вливать новое вино въ новые-же мѣхи? — Главное препятствіе въ томъ, что въ столицѣ удобно только теоретически рѣшать вопросы объ интересахъ народа, да и то вращаясь въ сферѣ общихъ и отвлеченныхъ соображеній и потому постоянно впадая въ грубыя ошибки, пос-

тоянно находясь въ опасности неправильно понять «голосъ деревни». Неужели кто-нибудь рѣшится утверждать, что на Васильевскомъ Островѣ удобнѣе судить объ интересахъ народа, чѣмъ въ провинціи? А между тѣмъ все наше печатное дѣло организовано такимъ образомъ, какъ будто дѣйствительно матеріалы для литературы тоже, что русское сырье для англійскихъ фабрикъ: въ провинціи его собираютъ эти нашимъ-безкорыстные провинціалы, вродѣ г. Гацискаго, а на Васильевскомъ Островѣ «обработываютъ» и затѣмъ «въ готовомъ видѣ» пускаютъ въ обращеніе. О тяжести мануфактурной зависимости умѣютъ толковать, а въ литературѣ ставятъ тотъ-же самый принципъ безвыходной зависимости сырьевщика отъ столичной литературной фабрики. Развѣ это не возмутительно, господа централисты? Сколько еще нужно потратить труда и краснорѣчія, чтобы заставить васъ понять, что Россія велика и обширна и разнообразна, что ваши пять-шесть органовъ всетаки въ тысячу лѣтъ не успѣютъ изучить разнообразные интересы ея населенія, что васъ наконецъ слишкомъ мало, чтобы даже предавшись всей душой изученію этихъ интересовъ, вы одни могли сладить съ такой задачей, а между тѣмъ—какъ васъ ни мало—какъ тѣсно, и дѣло доходитъ до того, что когда одного изъ васъ вытолкаютъ на улицу, то другой спѣшитъ занять его мѣсто. И несмотря на это, какъ мы тоже видѣли выше, нѣкоторые изъ васъ (да не всѣ-ли?) непріязненно встрѣчаютъ мнѣніе провинціаловъ о незаконности и ненужности бѣгства интеллигенціи изъ провинціи въ центры, силятся каждый новый талантъ непремѣнно перетащить въ столицу, затянуть вмѣстѣ съ собой въ то болото, въ которомъ сами вы тонете и топите другъ друга. Совершивъ этотъ актъ рефлективнаго насилія или безсознательнаго обмана — незнаю, какъ лучше назвать,—вы надъ нами-же, провинціалами, издѣваетесь, въ нашу-же бѣдность тычете пальцемъ, и обзываете провинцію „тупымъ рыломъ“, стоящимъ поперегъ прогрессу, и тому подобными именами. И мы все это должны сносить молча, и наше молчаніе вы принимаете за знакъ согласія со всякой ерундой, которую вамъ вздумается напечатать. И это молчаніе заставило васъ почти совсѣмъ забыть, что провинція—это 80 милліоновъ народа,

который никогда васъ не услышитъ, если вы вѣчно будете сидѣть въ своихъ конурахъ и заниматься вѣчнымъ обливаніемъ за недостаткомъ «матеріаловъ» для знакомства съ его интересами. Идите въ провинцію, собирайте эти матеріалы и обработывайте ихъ на мѣстѣ, такъ какъ большею частію они имѣютъ и интересъ-то совершенно мѣстный, хотя и не въ узкомъ смыслѣ; а для всего этого вамъ понадобятся мѣстные органы печати, а такъ какъ ихъ придется заводить вновь и на такихъ началахъ, которыя не способны прельстить издателей-капиталистовъ, то вы положите въ основаніе ихъ такіе принципы, на которыхъ только и можетъ развиваться литература достойная своего назначенія. Для этого потребуется, правда, значительная доля самоотреченія и лишеній, но вы заранѣе такъ себя настройте, чтобы видѣть въ этомъ свое личное счастіе. Жена ваша, можетъ быть, будетъ тогда сама для своего семейства кухаркой, «отношеній поддерживать» вамъ никакихъ не придется, а потому вы можете надѣть хоть посконный кафтанъ вмѣсто фрака, съ васъ не взыщутъ; необходимость заставитъ васъ «услаждать себя ежедневно мускульнымъ трудомъ»— колоть и носить дрова, топить печи, заниматься канцелярской или конторской работой и т. п.,—но за то вы будете истинный литераторъ и—повѣрьте намъ—сдѣлаетесь провинціяломъ по принципу, «пустите корни» въ своей провинціи, полюбите ее и не промѣняете ни на какіе въ свѣтѣ «обаятельные центры»...

Но—большую, да, большую нравственную силу нужно имѣть для этого, большую любовь нужно носить въ сердцѣ и крѣпкую вѣру въ торжество истины и справедливости... Мы (почти всѣ мы) далеки отъ этого идеала, не подумайте, что мы его осуществили, но и то уже слава Богу, что мы его имѣемъ, жаждемъ, стремимся къ нему... И вотъ почему, мы братски протягиваемъ руку автору Записокъ Профана за его сердечное восклицаніе: «о, если-бъ я могъ утонуть, раствориться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа, утонуть безповоротно, не сохранивъ тотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть на счетъ того-же народа!».....

Но въ этомъ вамъ, дѣятелямъ слова, можетъ помочь только провинціальная печать, потому что ей удобнѣе быть «голосомъ

деревни» и свѣточемъ для народа. Централизмъ печати васъ губитъ, потому что этотъ централизмъ есть удаленіе отъ «интересовъ народа.» Не обманывайте себя—ходя по Невскому, не узнаешь интересовъ народа, а невольно мало по малу о нихъ забудешь. Правда, у васъ легче живется, чѣмъ «въ чувашскомъ Мелекесѣ» (какъ вы говорите, хотя въ Мелекесѣ чувашей нѣтъ и духу); но съ чего-жъ вы взяли, что ваша цѣль—искать, гдѣ вамъ лучше? Или сдѣлайте такъ, чтобы вамъ было лучше — тамъ, гдѣ хуже. И тогда вы поймете отчасти, въ какомъ смыслѣ сказалъ Достоевскій, что «дядя Власъ исцѣлитъ себя и насъ.» Это *душа* дяди Власа, у котораго:

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла,
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была.

VIII.

Значеніе провинціальной печати и ея задача.

Я сильно опасаюсь, что черезчуръ утомилъ вниманіе читателя слишкомъ пространными разсужденіями на одну и ту-же тему; но—„что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“. Поэтому, не могу удержаться, что-бы еще и еще не сказать, такъ называемыхъ, „нѣсколько словъ“ въ пользу нашей завѣтной идеи—развитія провинціальной печати. Говоря объ этомъ предметѣ подробно, было-бы непростительно пройдти молчаніемъ замѣчательную статью г. П. Ч. въ № 44 „Недѣли“ подъ которой (статьей) мы готовы, въ общемъ, подписаться обѣими руками. Кто имѣетъ какія нибудь „завѣтныя идеи“, тотъ знаетъ—какъ бываетъ пріятно встрѣтить вдругъ человѣка, который додумался до того-же. Въ подобномъ положеніи находились мы, когда дошла до насъ статья г. П. Ч. Путемъ, повидимому, совершенно отличнымъ отъ нашего,—такъ сказать, отъ общаго къ частному, (тогда какъ мы, въ качествѣ de facto провинціаловъ, шли отъ частнаго къ общему),—г. П. Ч. выработалъ туже самую точку зрѣнія на задачи литературы, которая является

исходной точкой и нашихъ стремленій. Поэтому, мнѣ кажется, их и поняли его лучше и вѣрнѣе, чѣмъ г. Н. М., авторъ „Записокъ Профана“, который нѣсколько виноватъ, по нашему мнѣнію, и тѣмъ, что произвольно вложилъ неподходящія толкованія въ формулу, выставленную г. П. Ч., которая, какъ и всякая новая формула, требуетъ развитія, поясненія, поправокъ, но не должна-бы, кажется, внушать такихъ недоразумѣній, съ которыми встрѣтилъ ее г. Н. М. Намъ кажется, что и «голосъ деревни» г. П. Ч., и «интересы народа» г. Н. М., и наша—«провинція» все это условныя формулы, скрывающія въ общемъ почти тожественное содержаніе, и различіе ихъ по терминологіи свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что они выработались независимо другъ отъ друга, самостоятельно, подъ разными условіями. Оставимъ всторонѣ форму и будемъ слѣдить содержаніе.

Г. П. Ч., нужно ему отдать честь, поставилъ вопросъ широко и освѣтилъ его соображеніями, если не совсѣмъ новыми, то во всякомъ случаѣ достойными серьезнаго вниманія. Его отвѣтъ на вопросъ: «Отчего безжизненна наша литература?» обнимаетъ собою всѣ фракціи литературы и преимущественно даже тѣ изъ нихъ, къ которымъ этотъ вопросъ и относится; тогда какъ объясненія, предложенныя авторомъ «Записокъ Профана», какъ мы видѣли, обнимаютъ только «этихъ людей» литературы, т. е. тѣхъ, отъ которыхъ никто и не думаетъ спрашивать отчета въ ея омертвѣніи,—потому что отъ нихъ никто и не ждетъ ея оживленія. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь въ подробности это объясненіе, такъ какъ оно вполнѣ стоитъ общаго вниманія, и нужно стараться, что-бы оно не забывалось такъ, какъ многое у насъ забывается.

Останавливая свое вниманіе на двухъ «толстыхъ журналахъ», изъ которыхъ одинъ, дѣйствительно, имѣетъ опредѣленное направленіе, а другой дѣлаетъ видъ, что имѣетъ, къ тѣмъ помогавшимъ ему преданіямъ временъ минувшихъ, г. П. Ч. относительно послѣдняго говоритъ, что въ немъ «голосъ, сильное отрицаніе превратилось въ специальность, въ ремесло» и потому производитъ «разлагающее впечатлѣніе»; а задачу первыхъ органа г. П. Ч. форму-

лируетъ такимъ образомъ: „онъ остерегаетъ Россію отъ того скользкаго пути, который причинилъ столько бѣдствій Европѣ“, не выставляя однакожъ никакого положительнаго идеала. Что касается третьяго органа — „Вѣстника Европы“, о немъ г. П. Ч. ничего не говоритъ, и это совершенно понятно, такъ какъ этотъ органъ отличается *практическимъ* направленіемъ, которое само нуждается въ общихъ руководящихъ принципахъ, и едва ли задается мыслью вырабатывать ихъ для русской жизни и литературы. Слѣдовательно, о немъ здѣсь нечего и говорить.

Это отсутствіе положительнаго идеала г. П. Ч. объясняетъ тѣмъ, что литература наша, по незнакомству своему съ дѣйствительной русской жизнью, жизнью „провинціи“, жизнью „деревни“, жизнью „народа“, мыслитъ „большею частію по иностраннымъ книжкамъ“, а не путемъ самостоятельнаго обобщенія явленій русской жизни; своихъ идеаловъ не могла выработать, а жила западно-европейскими, „трепала европейскія формулы“. Авторъ „Записокъ Профана“, какъ мы видѣли, говорилъ тоже самое, и объяснялъ пониженіе уровня литературы тѣмъ, что „западно-европейскія формулы“ и у себя-то дома подверглись разложенію и скептицизму, у насъ-же въ большинствѣ случаевъ и вовсе никуда негодятся. Г. П. Ч. поясняетъ туже мысль слѣдующимъ примѣромъ: «Сколько напримѣръ у насъ писали, горячились о такъ-называемомъ рабочемъ вопросѣ, — перевели десятки книгъ, посвященныхъ его разсмотрѣнію, очевидно полагая, что этотъ вопросъ имѣетъ кровное значеніе для Россіи. И только подъ конецъ кое-кто догадался (да и то далеко не всѣ), что этого вопроса у насъ не существуетъ въ западно-европейскомъ смыслѣ, по той простой причинѣ, что нѣтъ работниковъ, *какъ класса*, и что какъ-бы ни было плохо положеніе нашего крестьянства — условія его благосостоянія и средства къ поднятію этого благосостоянія не имѣютъ ничего общаго съ рѣшеніемъ европейскаго рабочаго вопроса». Далѣе приводится извѣстный рѣзкій случай столкновенія русской дѣйствительности съ книжными теоріями по поводу пресловутыхъ артельныхъ сыроварень, — случай, обнаружившій всю громадную силу «голоса изъ деревни», голоса интеллигента провинціи — г. Энгельгардта. Сюда-

же слѣдовало-бы помѣстить и другой такой случай, еще болѣе рѣзкій, еще яснѣе обнаруживший — какой поразительной силой пользуется голосъ «человѣка деревни», когда ему приходится выступить противъ внесенія книжныхъ теорій въ русскую деревенскую, провинціальную дѣйствительность, — я говорю о статьѣ графа Толстаго по вопросу о народномъ образованіи. Если-бы и тотъ, и другой изъ помянутыхъ писателей были до конца писателями-централистами, если-бъ они сознательно не предпочли провинцію столицѣ, — сдѣлали-ли-бы они свои открытія? Нѣтъ, и они, безъ сомнѣнія, пѣли-бы въ общемъ хорѣ столичной журналистики тѣже переводные куплеты, которые всѣмъ надоѣли. Только двѣ литературныя силы эмансипировались отъ закваски столичной журналистики и оказались, — какъ Антей отъ прикосновенія къ землѣ, какими-то богатырями, которымъ стоитъ только пальцемъ толкнуть многолѣтнія постройки, возведенныя по книжнымъ, западно-европейскимъ теоріямъ, чтобы и самыя эти постройки, и эти теоріи поколебались до основанія. И замѣчательно, что какъ та, такъ и другая сила — во-первыхъ, — дѣйствительныя, а не по названію только литературныя *силы* (оставляя даже совсѣмъ въ сторонѣ бѣллетристическій талантъ графа Толстаго и разсматривая его, также какъ г. Энгельгардта, только какъ публициста). И это — не смотря на то, что они очень мало пишутъ. Потому ихъ «слово со-властію», что оно живое слово, основанное не на книжкахъ только, а на знаніи русской дѣйствительности, деревни, провинціи. Во-вторыхъ, замѣтимъ, что та и другая сила относятся къ «столичной журналистикѣ», можно сказать, полу-презрительно (разумѣется — не огуломъ, не „безусловно“). Я могъ-бы доказать это цитатами, если-бъ позволяло мѣсто, но долженъ отослать сомнѣвающихся вообще къ сочиненіямъ помянутыхъ авторовъ. Въ третьихъ, — эти два рѣзкіе примѣра не единственные въ своемъ родѣ. Кто слѣдитъ за журналистикой, тотъ знаетъ, что съ наибольшимъ интересомъ теперь читаются въ журналахъ тѣ статьи, которыя носятъ ясные признаки болѣе или менѣе близкаго знакомства авторовъ съ провинціей; таковы напр. статьи Д. С...о М...ь въ „Отечественныхъ Запискахъ“ — „Тамбовско-саратовская желѣзная дорога“, „Причины

самарскаго голода"; таковы были „Десять лѣтъ реформъ" Головачева и его теперешнія „Мысли въ слухъ". Таковы всѣ корреспонденціи и замѣтки г. Беллюстина въ „Недѣлѣ" и т. д.; даже самый успѣхъ г. Немировича-Данченко ничѣмъ инымъ объяснить нельзя, какъ тѣмъ, что въ его очеркахъ читатели предполагаютъ близкое знакомство автора съ бытомъ провинціи. Съ другой стороны—нѣтъ ничего скучнѣе на свѣтѣ „Замѣтокъ провинціальнаго философа" въ „Недѣлѣ", потому что, кромѣ самозваннаго титула, вы въ немъ ничего не найдете провинціальнаго.

Въ виду всего этого, пусть судятъ читатели, насколько правъ г. П. Ч., объясняя упадокъ вліянія современной литературы такими словами: „почти всѣ наши литераторы по профессіи — книжники, книжники съ головы до пятокъ; съ идеалами и стремленіями, сложившимися исключительно по иностраннымъ книгамъ. И этимъ-то людямъ, созерцающимъ Россію издали—многіе изъ нихъ никогда не жили въ провинціи — черезъ заграничные очки, приходится быть руководителями общественнаго мнѣнія, давать отвѣты на запросы русской жизни»!

«Wie soll man sie durch Ueberredung leiten? Не мудрено, что при подобныхъ условіяхъ печать теряетъ довѣріе общества; ея значеніе и вліяніе постепенно падаютъ".

— „Но,—возражаетъ самъ себѣ г. П. Ч.—развѣ литература въ самые бойкіе періоды, при Полевомъ, Бѣлинскомъ, въ шестидесятыхъ годахъ, не вдохновлялась тѣми-же западными идеалами, развѣ основа всѣхъ тогдашнихъ воззрѣній не черпалась изъ „заграничныхъ книжекъ"? Отчего-жь она тогда имѣла глубокое, кровное значеніе для русской жизни, а теперь его не имѣетъ?— Оттого, отвѣчаетъ авторъ, что времена перемѣнились. Задачи общества въ разныя эпохи бываютъ различны, и что нѣкогда имѣло жизненное, передовое значеніе, то можетъ сдѣлаться, въ виду новыхъ, народившихся требованій, пошлымъ и ничтожнымъ. Люди чуткіе и воспріимчивые всегда умѣютъ уловить перемѣну центра тяжести прогресса; но большинство и при измѣнившихся условіяхъ продолжаетъ тянуть

свою старую пѣсню... Въ статьѣ „Наша національная особенность“ („Недѣля“ № 31) было показано, что Россія по кореннымъ основамъ своего быта, могла развиваться самостоятельно только на почвѣ свободнаго крестьянства, черпая свою силу и вдохновеніе изъ деревни, изъ земли. Поэтому съ наступленіемъ крѣпостнаго періода самобытное развитіе ея сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ“.—„Наступилъ подражательный періодъ“.—„Наше закрѣпощеніе Европѣ было прямымъ, неотразимымъ послѣдствіемъ закрѣпощенія народа внутри страны“.—„Хотя, вслѣдствіе такой постановки дѣла, къ намъ было пересажено много совершенно чуждыхъ элементовъ (вспомнимъ на первый разъ хоть бюрократію), но все-таки въ цѣломъ вліяніе Европы было чрезвычайно благотворно. Къ величайшему счастію, оно стало серьезно отражаться на насъ именно около того времени, какъ въ самой Европѣ уже чуялись въ воздухѣ тѣ великія освободительныя идеи, которыя подъ конецъ привели ее къ уничтоженію порядковъ, до нѣкоторой степени сходныхъ въ нашими крѣпостными. Такимъ образомъ русская печать, вдохновляясь западными идеями и съ жаромъ ихъ проповѣдуя, дѣлала чисто народное дѣло. Нужды нѣтъ, что литература сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ выписывала свои идеалы и направленія изъ-за границы; нужды нѣтъ, что она распространялась среди небольшаго круга; это, конечно, съуживало сферу ея вліянія, но нисколько не измѣняло сути ея задачи—разчистить дорогу къ самобытному развитію народа. Литература сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ глубоко вѣрила и, прибавимъ, имѣла полное право вѣрить въ великое значеніе своихъ европейскихъ идеаловъ для Россіи, вѣрила до конца, безъ раздумья, безъ оглядки; *и изъ этой вѣры вытекала та внутренняя сила, которая одна способна дѣлать нравственныя завоеванія*“.

Читатели видятъ, что все это имѣетъ очень много общаго съ тѣмъ, что нѣсколько другими словами проповѣдуетъ и авторъ „Записокъ Профана“, и что говорено выше авторомъ этого обозрѣнія. И время отъ времени, то тамъ, то здѣсь, проскальзываетъ въ печать болѣе или менѣе безсознательно или сознательно. „Не Европа скажетъ то новое слово, которое намъ нужно—продолжаемъ мы сло-

вами г. Н. Ч.—Литература потеряла прежнюю опору, поставлявшуюся Западомъ, извѣрилась въ нее; а новаго устоя, новой опоры идеаламъ и стремленіямъ еще не нашла. Она, такъ сказать, уже отстала или покрайней мѣрѣ начала отставать отъ одного берега, но еще не пристала къ другому.—Самый жизненный вопросъ для литературы, отъ котораго зависитъ вся ея будущность, теперь заключается въ томъ, чтобы найдти другой берегъ, — и только тогда можетъ раздаться слово со властью".

Но если разъ рѣшено, что на „западно-европейскихъ формулахъ" не доплывешь до этого берега, то является вопросъ: на чемъ же спастись съ той мели, на которой встала современная литература? Г. Н. Ч. отвѣчаетъ на это, что литература должна перескочить съ разбитаго корабля западно-европейскихъ формулъ на „коренныя основы русскаго быта"; но гдѣ эти основы? какъ пріурочить къ нимъ здоровыя, крѣпкія и потому уцѣлѣвшія отъ кораблекрушенія остатки прежняго такелажа?—„Пройдетъ не одинъ десятокъ лѣтъ, прежде чѣмъ окончательно выяснятся и опредѣлятся эти отвѣты", а теперь пока—ничего въ волнахъ не видно...

Авторъ „Записокъ Профана" говоритъ опредѣленнѣе, что спасеніе литературы — въ „интересахъ народа"; но въ чемъ заключаются эти интересы? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, опять-таки нужно выяснить прежде: въ чемъ заключаются „коренныя основы русскаго быта" и какъ къ нимъ пріурочить тѣ начала „истинны и справедливости", которыя должны служить въ данномъ случаѣ верховнымъ критеріемъ самой пригодности „основъ" и дѣйствительности „интересовъ"?

Вотъ отсюда-то и начинается переходъ къ вопросу о децентрализаціи вообще, и въ частности, по отношенію къ литературѣ,— о децентрализаціи печати, или, все равно, о гибельномъ вліяніи на литературу централизаціи литературныхъ силъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ „коренныя основы русскаго быта" — одни и тѣ-же по всей Россіи? Развѣ „интересы народа" тожественны по всему лицу земли русской? Никто не скажетъ—„да"; самый „Сводъ Законовъ Россійской имперіи"—и тотъ говоритъ: „нѣтъ". Отчего-жь никто не

хочетъ понять, что задачи литературы становятся физически недостижимы при условіяхъ ея теперешняго централизованнаго состоянія?

Г. П. Ч. — это пока единственный изъ столичныхъ публицистовъ (если только и онъ не „провинціалъ“ такой-же, какъ и авторы статей: „Будущность провинціальной печати“ и „Мѣстные интересы“, напечатанныхъ въ послѣднихъ №№ „Недѣли“), единственный, отъ кого мы дождались наконецъ серьезнаго, продуманнаго протеста противъ централизаціи литературныхъ силъ въ столицѣ: „Немаловажную помѣху, пишетъ онъ, представляетъ сосредоточеніе нашихъ литературныхъ дѣятелей въ столицахъ; многіе изъ нихъ, можно сказать, никогда не выѣзжали изъ Петербурга. При тѣхъ задачахъ, которыя ставились литературѣ подражательнаго періода,— это еще куда ни шло; но что могутъ выразить подобные господа при новыхъ требованіяхъ жизни?“ —И это не случайная замѣтка, сорвавшаяся съ языка почти безъ мысли, а, какъ видятъ читатели, конечный выводъ серьезнаго изслѣдованія.—„Лично я убѣжденъ, говоритъ авторъ далѣе, что если только намъ суждено скоро услышать „надлежащее слово“—его скажутъ люди деревни, а не города и уже всего меньше Петербурга. Да,—скажетъ его деревня (устами господъ Энгельгардтовъ, Толстыхъ и имъ подобныхъ „людей деревни“,—прибавимъ мы,—пока настоящіе, коренные „люди деревни“ не заговорятъ сами за себя)—скажетъ его деревня, какъ-бы презрительно ни думали о ней книжники!“

Но Энгельгардты и Толстые, т. е. публицисты — практически знающіе русскую провинцію, до тѣхъ поръ будутъ составлять рѣдкое исключеніе, а настоящіе „люди деревни“ до тѣхъ поръ будутъ стоять совершенно всторонѣ отъ литературы, пока у насъ не будетъ провинціальной печати. Вотъ почему—вопросъ объ ея насажденіи — какихъ-бы усилій и пожертвованій это ни стоило — одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ вопросовъ нашего времени. Всѣ истинные друзья литературы, всѣ истинные радѣтели народныхъ интересовъ должны, обязаны всѣми силами проводить эту мысль въ сознаніе общества и всѣми мѣрами содѣйствовать ея осуществленію. Да, впрочемъ, провинціальное общество и безъ того сочувственно относится къ этой мысли и доказываетъ это на дѣлѣ: какъ ни плохи

по большей части наши „мѣстныя“ изданія,—они всегда находятъ подписчиковъ; а каждое выдающееся изъ ряду изданіе этого рода, при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ своего существованія, имѣетъ больше подписчиковъ въ своемъ районѣ, чѣмъ столичныя изданія. Столичныя изданія выписываются въ губерніяхъ только десятками, а мѣстныя сотнями. Послѣ этого, только „языкъ безъ костей“ и можетъ говорить, что „провинціи нужны только листки объявленій“; нужно имѣть совершенно мѣдный лобъ, чтобы, будучи литераторомъ, печатно сказать подобную глупость. Но такъ какъ она была нѣкогда сказана однимъ изъ публицистовъ „Дѣла“, то мы вынуждены отвѣчать и на нее; и отвѣчаемъ тѣмъ, во-первыхъ, что „Листки объявленій“ не выписываются за деньги, а разсылаются даромъ; и тѣмъ, во-вторыхъ, что такое, напримѣръ, изданіе, какъ теперешняя „Сибирь“, вовсе почти не печатаетъ объявленій, однако имѣетъ въ Сибири столько подписчиковъ, сколько, вѣроятно, не имѣютъ ихъ тамъ всѣ столичныя газеты, взятыя вмѣстѣ; мы привели-бы и цифры, если-бъ запаслись на то разрѣшеніемъ редакціи этой почтенной газеты.

Съ какой стороны ни подойдите къ вопросу — рѣшеніе выходитъ все одно и тоже: ни земство, ни судъ, ни крестьянское самоуправленіе, ни народное образованіе—не могутъ вполнѣ успѣшно отправлять свои функціи при отсутствіи мѣстной печати.

И столичная печать очень хорошо это знаетъ; знаетъ и то, что она безсильна помочь этому горю, но постоянно забываетъ объ этомъ, почти не затрогиваетъ этого вопроса, а подчасъ даже прямо стремится подставить ногу — и его теоретической постановкѣ, и попыткамъ его практическаго разрѣшенія. Все это показываетъ еще разъ, что она въ высшей степени неспособна правильно судить о потребностяхъ провинціи. Можетъ быть, скажутъ на это: «да что-жъ она можетъ сдѣлать въ этомъ направленіи? Тутъ требуется прежде всего вмѣшательство, въ пользу развитія провинціальной печати, законодательной власти»? Прекрасно, ну и говорите, что требуется; сдѣлайте немыслимымъ появленіе въ прогресивныхъ органахъ такихъ статей, какъ статья г. Мордовцева. Но этого мало; нужно не только слово, но и дѣло: или докаже,

что интересы Россіи также удобно изучать и обсуждать, не выѣзжая изъ столицы, какъ и ставши съ ними лицомъ къ лицу, на почвѣ провинціи, или—если не можете этого доказать—откровенно признайтесь, что вы не хотите ради этихъ интересовъ жертвовать своими личными удобствами; или, наконецъ, пожертвуйте ими, и идите въ провинцію съ цѣлью стать лицомъ къ лицу съ русской жизнью и группируйте вокругъ себя мѣстныя литературныя силы. И одинъ человѣкъ можетъ много сдѣлать въ этомъ отношеніи при настойчивости въ своихъ стремленіяхъ. Вы-же представляете изъ себя «все выдающееся»; у васъ таланты, у васъ знанія, у многихъ изъ васъ—энергія; зачѣмъ-же вы зарываете это все въ землю, зная очень хорошо что $^9/_{10}$ литературной работы въ столичныхъ изданіяхъ равняются толченію воды, переживанію давнымъ-давно сказаннаго, ремесленному производству «изъ-за куска хлѣба»? Одиночество васъ пугаетъ? Но, повѣрьте, вы не будете одиноки, если только принесете съ собой хоть какой-нибудь запасъ живой нравственной силы. Будьте первыми въ деревнѣ, если ужъ такъ случилось, что капиталисты-издатели сдѣлали васъ послѣдними въ городѣ. Что ужъ это за отчаяніе такое, что никакого выхода вы себѣ не находите, кромѣ какъ «тянуть канитель", повѣся носъ, и въ безсиліи взываете: „найдите выходъ, ради Христа!"*) Какъ вамъ его найдешь, когда вы до конца поддались духу унынія и сдѣлались неспособны ни къ какому рѣшительному шагу? Остается только посовѣтывать вамъ читать великопостную молитву: „Господи и Владыко живота моего! Духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми!"

Да, господа, вы унываете, плачетесь и терзаетесь... А годы проходятъ, все лучшіе годы!... Не увидите какъ и вся жизнь пройдетъ въ этой безплодной бѣготнѣ по редакціямъ, въ этой «постылой» поденной работѣ... Пожалѣйте себя; какъ-бы то ни было, а вы — «соль земли» — «Аще-же соль обуяетъ, то чимъ осолится» русская жизнь?... Бросьте вы это отбываніе литературной повинности, ищите вина новаго и шейте мѣхи новые.

*) Фельетонъ «Заурядная читателя» въ Бирж. Вѣд. № 355.

Подвизайтесь пройдти въ какія врата, пролѣзайте въ игличныя уши... Каждая такая попытка прольетъ въ васъ цѣлый потокъ нравственной силы, каждый маленькій успѣхъ въ этомъ направленіи послужитъ источникомъ больной радости. Чѣмъ труднѣе задача, тѣмъ дороже каждый удачный шагъ къ ея разрѣшенію; а у васъ, въ вашихъ условіяхъ труда — какія у васъ существуютъ радости?.. Ищите въ своемъ трудѣ «высшаго служенія» и вы найдете въ немъ источникъ наслажденій... Правда, и источникъ тяжкихъ душевныхъ мученій, столь тяжкихъ,

Что, кажется, порой, ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь...

Но они вамъ дороги будутъ, какъ печать «высшаго помазанія», какъ знаменіе вашего человѣческаго достоинства.

Да, тяжело жить, но еще тяжелѣе прозябать... Не такъ-ли это? Вѣдь вы хотѣли-бы жить полной жизнью, хотя-бы жизнь вамъ сулила гораздо больше мучительныхъ волненій, чѣмъ свѣтлыхъ радостей? Вы не предпочтете филистерское счастіе такой жизни?

Но если вы захотите, чтобы литературная профессія могла дать вамъ такую полную жизнь, вы должны будете опять и опять спросить себя: «отчего безжизненна наша литература?» и опять припомнить все, что сказано на это въ отвѣтъ, и опять придти къ выводу, что «интересы народа» невозможно сдѣлать руководящимъ принципомъ литературной дѣятельности, не зная ихъ во всемъ ихъ разнообразіи по мѣстностямъ, по областямъ Россіи, нельзя объ нихъ говорить съ увѣренностью, не прислушиваясь къ «голосу деревни», и нельзя вызвать этотъ голосъ, пока не будетъ органовъ для его выраженія. Создайте эти органы, и вы будете имѣть цѣлую армію «литераторовъ-обывателей», которые, въ качествѣ обывателей, познакомятъ васъ съ «обывательскими интересами»; они вамъ дадутъ то, чего вы отъ нихъ потребуете: потребуете вы описанія губернскихъ скандаловъ и сообщенія уѣздныхъ сплетенъ—они вамъ доставятъ и то и другое; научите ихъ слѣдить за проявленіями «коренныхъ основъ русскаго быта» и собирать матеріалы для изученія народныхъ интересовъ — они пре-

дадутся этому занятію тѣмъ съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ благороднѣе эта задача сравнительно съ первой. Столичная пресса испортила ихъ, извратила ихъ представленія объ обязанностяхъ и задачахъ корреспондента, потому что ея корреспонденціи—это какой-то сбродъ безсвязныхъ, мелочныхъ и очень часто лживыхъ сообщеній, бьющихъ только на эффектъ, на возбужденіе праздпаго любопытства: убійства, грабежи, пожары, курьезы, сплетни—вотъ содержаніе большой половины или даже $^{9}/_{10}$ «внутренняго обозрѣнія» вашихъ столичныхъ газетъ. Съ нихъ берутъ примѣръ и провинціальные городскіе листки—эта мизерная копія вашихъ петербургскихъ «простынь». Не говоримъ даже — пародія, потому что и пародировать нечего: сами ваши газеты пародія на то, чѣмъ должны-бы быть. Вотъ они,—цѣлый уголъ завалепъ у меня этимъ хламомъ, и глядя на эту безобразную кучу бумаги, я вспоминаю только одно: какъ, за свои собственныя деньги, я 360 разъ въ году испытываю жолчное раздраженіе, пробѣгая глазами по столбцамъ этихъ листовъ и ненаходя въ нихъ ничего, стоющаго вниманія; изъ-за какихъ нибудь 10 — 20 извѣстій въ годъ, да изъ-за нѣсколькихъ фельетоновъ, которые прочитаешь съ удовольствіемъ, не стоитъ сглаживать рѣзкость этого отзыва. Будь у насъ своя, мѣстная, областная газета—тогда, напротивъ, я все въ ней прочитаю съ интересомъ отъ первой строки до послѣдней, если только она дѣйствительно мѣстная газета, а не копія съ петербургскихъ, девизъ которыхъ: «чего хочешь—того просишь, но ничего не получишь». Здѣсь меня все заинтересуетъ: и передовая, и мѣстная хроника, и корреспонденціи, и перепечатки изъ другихъ изданій, и судебный отдѣлъ. Передовая, потому—что она касается какого нибудь мѣстнаго вопроса, которымъ я, въ качествѣ мѣстнаго жителя, мѣстнаго патріота, не могу не интересоваться; мѣстная хроника—потому что она сообщаетъ мнѣ мѣстныя новости и событія, напоминаетъ о мѣстной общественной жизни, въ которой я самъ лично принимаю или могу принять участіе; корреспонденціи—потому что всѣ они получаются изъ разныхъ концовъ той области, въ которой я самъ живу, которую самъ знаю, съ которой болѣе или менѣе связаны мои интересы, или—лучше сказать—интересы которой меня

занимаютъ, какъ свои собственные; перепечатки,—потому что редакція имѣетъ возможность и въ этомъ отдѣлѣ сосредоточить или дѣйствительно только одни общеинтересныя свѣдѣнія, или опять такія, которыя имѣютъ интересъ въ области ея распространенія. О судебномъ отдѣлѣ—и говорить нечего; безъ пособія мѣстной газеты мы, провинціалы, гораздо больше знаемъ о дѣятельности петербургскаго окружнаго и мироваго суда и о столичномъ судебномъ персоналѣ, чѣмъ о своихъ ближайшихъ. Наконецъ, даже и фельетонъ—будь онъ въ тысячу разъ слабѣе суворинскаго, но такъ-какъ онъ мѣстный, такъ-какъ въ немъ дебютируютъ мѣстныя литературныя силы, такъ-какъ онъ разсчитанъ на пробужденіе мѣстной общественной жизни, онъ интересуетъ меня въ десять разъ больше самаго интереснаго петербургскаго фельетона. Затѣмъ, въ заключеніе, телеграммы мѣстной газеты сообщатъ мнѣ о всякомъ дѣйствительно важномъ и рѣшительномъ событіи внутренней или внѣшней политики въ тотъ-же самый день, какъ узнаетъ объ нихъ столица. Послѣ всего этого — столичная газета становится для меня почти ненужной роскошью. Представьте себѣ Петербургъ безъ газетъ, совсѣмъ безъ газетъ или съ однимъ Сыномъ Отечества и Полицейскими Вѣдомостями, — тогда вы поймете, какъ тяжело провинціи безъ мѣстной печати. Выскажу еще нѣсколько соображеній о корреспонденціяхъ и корреспондентахъ столичныхъ газетъ. Въ качествѣ газетъ всероссійскихъ они должны-бы считать этотъ отдѣлъ самымъ важнымъ, самымъ серьезнымъ, но они этого не дѣлаютъ, да никогда и не сдѣлаютъ. Почему? Потому, что на это понадобилось-бы затратить сотни тысячъ рублей. Впрочемъ, пусть объ этомъ предметѣ говоритъ, вмѣсто меня, одинъ изъ столичныхъ писателей, извѣстный романистъ А. Михайловъ. Я воспользуюсь тѣмъ, что въ своемъ послѣднемъ романѣ «Старыя гнѣзда» онъ посвятилъ этому предмету очень оригинальную страницу (№ 11 «Дѣла», стр. 273)—оригинальную въ томъ отношеніи, что авторъ счелъ почему-то приличнымъ и умѣстнымъ заставить говорить въ защиту провинціи какого-то враля и шелопая, какъ будто намекая этимъ, что, дескать, подобныя мысли и тенденціи

свойственны вотъ какого разбора людямъ. Этотъ враль и шелопай высказываетъ у г. Михайлова слѣдующія вещи:

«Я, знаешь-ли, началъ онъ тихо и таинственно,—хочу соорудить газету....

— Газету? изумился Максимъ.

— Да, газету, таинственно произнесъ Александръ Николаевичъ.—Да вѣдь какую газету-то! Форматъ равный «Times'у», выходить будетъ ежедневно, не исключая никакихъ праздниковъ: во всѣхъ губернскихъ городахъ будутъ устроены отдѣленія для пріема статей, для принятія «сообщеній», для передачи телеграфическихъ депешъ. Ты только разсуди то: теперь у насъ въ ходу «Московскія Вѣдомости», отчасти «Петербургскія». Эти газеты далеко не исполняютъ своего назначенія и не удовлетворяютъ провинцію. Читая ихъ, ты сразу видишь, что эти газеты составляются кабинетными людьми, что онѣ дышатъ воздухомъ Москвы и Петербурга, смотрятъ на провинцію, какъ на нѣчто второстепенное, на нѣчто получающее и свою жизнь, и свой свѣтъ отъ Петербурга и Москвы. Это ошибка, это громадная ошибка! Теперь эти взгляды убиты окончательно. Теперь каждый гимназистъ знаетъ, что человѣкъ не міровой повелитель, а существо, на которое вліяетъ каждая инфузорія, каждый болотистый кочекъ земли; теперь ни для кого не тайна и то, что провинція можетъ существовать безъ столицы, но столица не можетъ существовать безъ провинціи. Вотъ въ этомъ-то духѣ намъ нужна теперь газета!.. Пожалуй, въ ней могутъ быть и свѣдѣнія о петербургскихъ театрахъ, о литературѣ, о мелкихъ событіяхъ столичной жизни, но только въ той степени, въ какой эти явленія отзываются на провинціи, въ какой степени провинція платится за нихъ. Провинціи нѣтъ дѣла, какъ тамъ пѣла Бозіо или какъ осѣлъ Маріо,—ей нужно знать, что ей стоятъ неизвѣстные ей Бозіо и Маріо. Провинціи нѣтъ дѣла, что два какіе-то литератора ненавидятъ другъ друга и ругаются между собою въ журналѣ. Ей нужно только знать, приносятъ-ли какую-нибудь пользу эти два литетатора Россіи помимо своихъ личныхъ перебранокъ.... Вотъ программа газеты! Дворянское и народное самоуправленіе, Петербургъ и Москва, какъ первые слуги, первые исполнители воли провинціи,—это направленіе и сущность газеты. Конечно, для исполненія этой задачи нужно имѣть прямыя сношенія съ провинціальными центрами, нужно, чтобы въ провинціальныхъ бюро принимались не только статьи, описывающія провинціальную жизнь, но и были-бы люди, которые могли-бы записывать кратко, но полно, приносимыя имъ извѣстныя сообщенія. Теперь въ газетахъ поднимается шумъ, когда какой-нибудь случайный корреспондентъ описываетъ положеніе народа на той или другой фабрикѣ, на томъ или другомъ двадцати-пяти-верстномъ участкѣ желѣзной дороги. Прислушиваясь къ этому шуму, читатель думаетъ, что этотъ случай есть нѣчто выходящее изъ ряду вонъ. Но развѣ это такъ? При моей системѣ веденія газеты будетъ ясно не положеніе какихъ-нибудь десяти Ивановъ и Андреевъ, но всей массы нашего населенія. При этой системѣ ты будешь слѣдить изо-дня въ день за жизнію всей Россіи, а не за жизнію только того уголка, куда случайно попалъ какой-нибудь газетный корреспондентъ. У меня будутъ говорить не отдѣльныя лица, не отдѣльные писатели, а сама Россія, видящая въ газетѣ не какого-нибудь вѣстника новостей, а открытую записную книгу, куда каждый будетъ заносить свои жалобы, свои надежды, свои требованія.

Александръ Николаевичъ крѣпко схватилъ Максима за руку.

— Ты понимаешь, у меня духъ захватываетъ, когда я думаю о всемъ величіи этой задачи. Конечно, ты знаешь, что я могу ее исполнить только потому, что у меня вѣдь вездѣ связи, знакомства. Трудно сыскать такой уголокъ, гдѣ-бы я не побывалъ, гдѣ-бы не оставилъ памяти. Вѣдь я смѣло могу сказать, что я знаю Россію, и Россія меня знаетъ».

Итакъ, читатель, вы видите изъ этого отрывка, что даже у провинціальнаго шелопая, и то „духъ захватываетъ" отъ величія задачи, недоступной пониманію столичныхъ писателей (говоря вообще), но вмѣстѣ съ тѣмъ вы видите, что столичный писатель считаетъ осуществленіе этой задачи до такой степени невѣроятнымъ, что объ немъ серьезно говорить не стоитъ,—потому-то онъ и вложилъ рѣчь объ этомъ предметѣ въ уста пустозвоннаго говоруна. И онъ правъ по своему, потому что *съ того конца*, какъ предположено въ романѣ, дѣйствительно невозможно разрѣшить задачу. Представьте себѣ, что нашлись-бы даже и средства, нашлись и агенты, чтобы во всѣхъ провинціальныхъ центрахъ учредить отдѣленія редакціи предполагаемаго русскаго Times'а; мало того, допустимъ, что все это работало-бы въ наилучшемъ направленіи. Что жъ бы изъ всего изъ этого вышло? Къ чему бы это привело? Къ тому, что вмѣсто одной газеты-монстра пришлось-бы издавать нѣсколько мѣстныхъ газетъ, имѣющихъ областной характеръ, такъ какъ въ районѣ напримѣръ Средняго Поволжья не имѣли-бы никакого значенія и интереса $^{9}/_{10}$ того матеріала, который былъ-бы собранъ, положимъ, южно-русскими агентами и отдѣленіями редакціи, и наоборотъ: подписчики южно-русскаго края сказали-бы: да зачѣмъ вы насъ заставляете платить деньги на содержаніе вашихъ поволжскихъ корреспондентовъ и отдѣленій? Дайте намъ только краткое извлеченіе, или общій обзоръ того, что ими добыто,—этого съ насъ довольно, и это будетъ для насъ интереснѣе, чѣмъ масса необработаннаго, сыраго матеріала, къ нашему краю неимѣющаго никакого отношенія. И пришлось-бы предполагаемому гиганту-изданію распасться на нѣсколько мелкихъ, а потому и болѣе доступныхъ по цѣнѣ изданій—провинціальныхъ. Затѣмъ, пришлось-бы основать центральный органъ, въ которомъ печаталось-бы, со словъ мѣстныхъ изданій, только то, что дѣй-

ствительно имѣло-бы общегосударственный и въ другихъ отношеніяхъ общій интересъ.

Такъ-то вотъ, съ какой стороны ни подходите къ дѣлу, а конечный выводъ все выходитъ одинъ и тотъ-же.

Но если проектъ воображаемаго Александра Николаевича совершенно неосуществимъ въ задуманной имъ формѣ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ вообще не допускаетъ осуществленія, ни въ какой формѣ, ни съ котораго конца. Если-бъ наши литераторы и публицисты, вмѣсто того, чтобы стремиться въ „обаятельные центры", поняли-бы „величіе той задачи", какую представляетъ развитіе провинціальной печати, мы имѣли-бы серьезный залогъ ея практическаго разрѣшенія. Понять, во всей широтѣ и глубинѣ, желать всей силой души, и дѣйствовать самоотверженно и настойчиво,— вотъ средства разрѣшить эту задачу. Матеріальныя, т. е. денежныя средства—найдутся. Это не фраза, потому-что на это имѣются доказательства. Вотъ напр. авторъ статьи „Мѣстные интересы" („Недѣля" № 51) говоритъ, что ему извѣстенъ случай, какъ одна мѣстная газета начала свое существованіе на 100 руб. сереб. и въ короткое время стала прочно на ноги. Если это тотъ случай, который намъ еще лучше извѣстенъ, то мы должны сдѣлать маленькую поправку къ этому извѣстію: дѣло въ томъ, что и помянутыхъ 100 рублей не было въ оборотѣ—они были только въ кредитѣ, на случай если потребуются; все дѣло обошлось безъ копѣйки основнаго капитала. Въ столицѣ не мыслимо основать газету безъ затраты напередъ капитала очень значительнаго; въ провинціи—это мыслимо. Почему-жь это такъ? Потому, что для провинціальной газеты, если только, повторяемъ, она дѣйствительно—*газета*, т. е. органъ интересовъ своего края,—всегда найдутся на первое время и даровые сотрудники, и даровые корреспонденты. И вотъ что характерно: въ столичныхъ изданіяхъ чѣмъ дешевле сотрудники или корреспонденты, тѣмъ они хуже; въ провинціальномъ—наоборотъ: даровой сотрудникъ или даровой корреспондентъ—лучшій, потому что онъ работаетъ не изъ-за денегъ, а ради самаго дѣла. Есть тутъ и еще выгода: денежный сотрудникъ норовитъ писать побольше, почаще, развести водой, наполнить свою корреспонденцію анекдотами, выдумками

даже,—только-бы вышло побольше строчекъ; даровому сотруднику и корреспонденту провинціальной газеты—нѣтъ разсчета такъ поступать, да онъ и потому еще такъ не сдѣлаетъ, что интересы газеты для него дороже своихъ личныхъ. Все это совершенно понятно и естественно, если вспомнить, что мы здѣсь имѣемъ съ одной стороны—«литературныя фабрики», какъ г. Баймаковъ справедливо называетъ столичныя газеты, а съ другой извѣстныя намъ примѣры дѣйствительнаго литературнаго *сотрудничества*. Какой фабричный рабочій захочетъ работать на своего хозяина даромъ? Другое дѣло, члены свободно-сложившейся ассоціаціи, знающіе другъ друга, вѣрющіе другъ другу, соединенные общимъ интересомъ.

На провинціальной почвѣ такія ассоціаціи оказываются возможны.

IX.

Обращеніе къ столичнымъ писателямъ.

Пора кончить. Кажется, все сказано, что можно было сказать, и даже очень много повтореній, — естественныхъ, когда слишкомъ близко къ сердцу то, о чемъ говоришь... Въ заключеніе, еще одно обращеніе къ столичнымъ писателямъ.

Вы спрашиваете: гдѣ выходъ? Вы *Христа-ради* просите найдти вамъ его. Вотъ, — мы его указываемъ. Докажите, что это не выходъ; но, Бога-ради, доказывайте—какъ слѣдуетъ, а не такъ, какъ, напр., авторъ статей о „печати въ провинціи“. Вникните въ глубь вопроса, говорите безъ противорѣчій, безъ увертокъ, прямо, искренно, честно. Наши доводы слишкомъ разбросаны и растянуты,—это было почти неизбѣжно, и очень невыгодно въ томъ отношеніи, что дастъ возможность дѣйствовать противъ нихъ по частямъ; но вы — если только вы „удостоите“ насъ съ высоты своего величія серьезными возраженіями—поступите въ этомъ случаѣ по-рыцарски: сгруппируйте наши доводы въ логически-послѣдовательномъ порядкѣ и тогда попробуйте дать на нихъ отвѣтъ. Мы не „грызться“ съ вами хотимъ, вовсе нѣтъ.... Мы, напротивъ, ищемъ въ васъ союзниковъ; мы настолько „наивны“, что, полагаемъ, самъ г. Мордовцевъ вели-

кодушно проститъ намъ тѣ невольныя рѣзкости, которыя ему привелось отъ насъ выслушать, и протянетъ намъ руку. Но и всего этого намъ мало; мы хотимъ очень многаго: хотимъ, чтобы въ насъ зародилось то честолюбіе, которое предпочитаетъ „быть первымъ въ деревнѣ“; но, разумѣется, пусть основой этому честолюбію послужитъ сознаніе величія той задачи, которую мы вамъ предлагаемъ, какъ искомый „выходъ“. Отъ „первыхъ въ городѣ“ мы ждемъ только содѣйствія словомъ, отъ „вторыхъ“—самымъ дѣломъ. Авторъ „Записокъ Профана“ часто повторяетъ: „толцыте и отверзется“, а мы на это скажемъ: сколько ни толцыте, ничего не отверзется, пока вы будете стучать не въ ту дверь,—будете толковать объ „интересахъ народа“ изъ своего прекраснаго далека и вливать вино новое въ мѣхи старые.

Нужно создать литературныя силы въ провинціи, а для этого необходима извѣстная закваска, нужно появленіе въ провинціи литературно-физіологическихъ клѣточекъ, около которыхъ могли-бы группироваться литературныя силы той или другой области. Если вы откажетесь отъ этой роли, то кто-же ее исполнитъ? Мы бѣдны, насъ мало; но это, потому, не забудьте, что вы берете у насъ послѣднюю литературную овцу, чтобы ея свѣжей кровью поддержать еще на нѣсколько времени увядающія силы столичной печати. Мы отдаемъ вамъ лучшія силы, и что-же изъ нихъ выходитъ при тѣхъ „удобствахъ“, какимъ пользуется печать въ вашихъ „обаятельныхъ центрахъ“? Сравните эти „удобства“ съ тѣми неудобствами, которымъ подвержена печать въ провинціи—и тогда послѣднія въ значительной степени утратятъ въ вашихъ глазахъ свой пугающій характеръ. Согласитесь, что они не имѣютъ разлагающаго характера, между тѣмъ какъ ваши „удобства“ подобны медленно-дѣйствующему яду. Васъ прельщаетъ, что въ столичныхъ органахъ печати вы имѣете предъ собой обширную аудиторію; не обольщайтесь этимъ: въ большинствѣ случаевъ—это миражъ, потому что не все то читается, что выписывается—по необходимости. Лучше имѣть малую аудиторію, но съ увѣренностью, что она дѣйствительно внимаетъ вашему голосу, и что вы можете говорить съ ней о томъ, что ее дѣйствительно интересуетъ. Наконецъ,—никто вамъ не помѣшаетъ

печатать въ столицахъ то, что не можетъ быть напечатано въ условіяхъ провинціальной печати. Ссылаясь на эти условія, не забудьте пословицу, что подъ *лежачій камень и вода не течетъ*. Кто-нибудь долженъ-же взять на себя трудъ разворачивать эти камни: камень провинціальной неподвижности, застоя умственныхъ силъ въ провинціи, камень провинціальнаго безгласія; а столичная печать не въ силахъ этого сдѣлать; нужно литературное движеніе *на мѣстѣ*. Какъ-бы оно ни было скромно, даже ничтожно, — опытъ показываетъ, что оно все-таки въ десять разъ сильнѣе затрогиваетъ и разшевеливаетъ мѣстную жизнь, чѣмъ какое-бы то ни было заигрываніе съ провинціей изъ столицы. Было время, когда и въ условіяхъ столичной печати работникамъ слова выпадала на долю такая-же тяжолая участь, какъ теперь на долю дѣятелей провинціальной печати; и они тоже ворочали камни, то изнемогая подъ ихъ тяжестью, то снова собираясь съ силами; и кончилось тѣмъ, что они расчистили заглохшее русло, и широкимъ потокомъ покатились по нему волны живаго слова литературы въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Перемѣна мѣста, повидимому, играетъ какую-то существенную роль въ исторіи тѣхъ внутреннихъ метаморфозъ, которыя приходилось переживать нашей литературѣ. Было время, когда живое слово разносилось изъ „сердца Россіи“—изъ Москвы; но когда это слово обветшало, когда Бѣлинскій почувствовалъ въ себѣ призваніе сказать другое „новое слово“—онъ перемѣнилъ мѣсто своей дѣятельности, перенесъ ее въ Петербургъ. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ „новое слово“ Петербурга въ свою очередь обветшало, какъ всѣ теперь видятъ, а московское и совсѣмъ сгнило, всѣ чувствуютъ, что должна наступить новая перемѣна и ждутъ опять какого-то „новаго слова“, и ждутъ его изъ таинственныхъ нѣдръ русской жизни. Но гдѣ-жь эти таинственныя нѣдра? Они въ провинціи: довольно ясный намекъ, что однимъ изъ условій или проявленій предстоящей внутренней перемѣны въ развитіи литературы — должна быть перемѣна мѣста, перемѣщеніе арены самой литературной дѣятельности. Правда, съ непривычки эта мысль можетъ показаться какой-то странной, экстравагантной, вродѣ того, какъ фарисеямъ казалось невѣроятнымъ, чтобы изъ Галилеи могъ придти

пророкъ (см. Іоанна VIII,52), но все это потому, что мысль, вкусы, привычки, наклонности современнаго столичнаго писателя все еще находятся подъ давленіемъ западно-европейскихъ формулъ, и вдобавокъ еще не приспособленныхъ къ условіямъ русской жизни. Неудивительно если французъ относится недовѣрчиво къ претензіямъ своихъ недавно народившихся провинціаловъ и всего ждетъ изъ Парижа; вѣдь Парижъ, все-таки, можно сказать, органически выросъ изъ Франціи, да и вся-то Франція занимаетъ мѣста въ Европѣ гораздо меньше, чѣмъ нашъ, напримѣръ, Камско-волжскій край. Перенося французскій унитаризмъ на русскую почву, нужно это имѣть въ виду. Тогда, — даже только при одномъ этомъ условіи, мысль о возрожденіи нашей литературы посредствомъ превращенія ея изъ „петербургской“ и „московской“ въ провинціальную, т. е. русскую, но не „всероссійскую“, а областную литературу не только не будетъ казаться странной, но представится вполнѣ естественной. У насъ тогда только будетъ въ строгомъ смыслѣ *русская* литература, когда каждая область Россіи будетъ затронута самостоятельнымъ литературнымъ движеніемъ и своихъ Рѣшетниковыхъ перестанетъ отдавать отдаленнымъ, посторонимъ для нея, центрамъ. Сдѣлать хоть пол-шага, четверть-шага по дорогѣ къ этой высокой цѣли — вотъ къ чему направлены наши усилія. Пусть и ваши будутъ направлены къ тому-же.

Литераторъ-Обыватель.

ЗАБЫТОЕ УСЛОВІЕ УСПѢХА СЦЕНИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

I.

Врожденная страсть къ драматическому творчеству и сценическимъ зрѣлищамъ проявлялась въ старинныхъ русскихъ областяхъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ. «Въ кругу народныхъ обрядовъ старой Руси, связанныхъ съ древнѣйшими вѣрованіями народа, таились, по словамъ Веселовскаго, богатые задатки развитія драматическаго начала. Хороводная-ли пѣсня, пляска, обрядъ-ли чествованія временъ года или наконецъ свадебный чинъ,—все принимало драматическія формы; повсюду возникаетъ распредѣленіе ролей, болѣе или менѣе оживленный обмѣнъ рѣчей отдѣльныхъ лицъ, солистовъ и хора, повсюду изъ общаго фона пѣсни выдѣляется срединное, живое и бойкое дѣйствіе, на которомъ сосредоточиваются всѣ силы хоровой массы».*) Скоморошьи пѣсни, святочныя игры и другія забавы, таившія въ себѣ чисто-сценическіе элементы, представляли собою цѣлый рядъ шутливыхъ сценъ съ изображеніемъ забавныхъ типовъ, служившихъ предметомъ неистощимыхъ остротъ и смѣха. Проявляясь въ такихъ формахъ, сценическое творчество продолжало развиваться все болѣе и болѣе; шутка, по мѣрѣ усиленія народнаго самосознанія, стала принимать серьезный сатирическій оттѣнокъ и переходить въ протестъ противъ общественныхъ недостатковъ, слагаясь такимъ образомъ въ формы самобытной народной комедіи.

Эти элементы сценическаго творчества и дѣйствія, выросшіе на народной почвѣ, явились и у насъ, въ казанскомъ Поволжьи, вмѣстѣ съ притокомъ русской народности, осѣвшей на развалинахъ Казанскаго царства.

*) «Старинный театръ въ Европѣ»—Веселовскаго, стр. 288.

Затѣмъ, съ 1727 года, по примѣру иногородних духовных учебных заведеній, начались и въ Казани драматическія представленія въ архіерейской школѣ, гдѣ студенты «въ свободное отъ ученія время, по силѣ духовнаго регламента, занимались на мусикійских инструментах и приготовляли комедійныя акцыи для повсягодняго целеброванія их публикѣ»*).

Наконецъ, когда, благодаря талантамъ и энергіи костромскаго купца Волкова и его товарищей, возникъ въ Ярославлѣ, на провинціальной почвѣ, первый русскій театръ, то это явленіе не могло не отразиться и въ другихъ мѣстахъ, а между прочимъ и у насъ.

26 апрѣля 1760 года, т. е. около 116 лѣтъ тому назадъ, устроенъ былъ въ казанской гимназіи первый по времени свѣтскій спектакль, на которомъ поставлена была комедія Мольера «Школа мужей». Надо полагать, что казанцы сильно заинтересовались такимъ невиданнымъ чудомъ, такъ-какъ публики набралось очень много: „въ парадизѣ была такая тѣснота, что зрители казались картиной“.**)

Спектакли при гимназіи стали повторяться и привлекать мѣстное дворянство, а это, безъ сомнѣнія, дѣйствовало на него благотворно, смягчая тогдашніе грубые нравы его и отстраняя мало по малу на задній планъ чисто животныя наслажденія. Императрица Екатерина II, признавая за театромъ важное общественно-воспитательное значеніе, обратила вниманіе на развитіе его въ Казани и поручила мѣстной администраціи «сколь возможно склонять къ тому здѣшнее дворянство, которое посредствомъ сихъ представленій могло научиться пріятному обращенію и необходимой въ свѣтѣ ловкости»***).

Благодаря подобнымъ обстоятельствамъ, случайные семинарскіе и гимназическіе спектакли замѣнились наконецъ настоящимъ театромъ, который былъ организованъ въ 1791 году придворнымъ актеромъ Бобровскимъ, приглашеннымъ въ Казань губернаторомъ кн. Баратаевымъ. Съ этого собственно времени и началось болѣе пра-

*) «Указатель историческихъ достопримѣчательностей Казани», ординарн. профессора С. М. Шпилевскаго, стр. 57.

**) Изъ отчета тогдашняго директора М. И. Веревкина. Исторія г. Казани, Рыбушкина.

***) Указ. истор. дост. г. Казани, С. М. Шпилевскаго, стр. 58.

вильное существованіе казанской сцены. Впрочемъ, это правильное существованіе было довольно плачевно. Кто интересовался судьбою казанскаго театра и ознакомился съ его 85-лѣтней исторіей, тотъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, что его положеніе никогда не было устойчивымъ, а исторія полна превратностей и колебаній. Онъ то падалъ, то возникалъ снова. Перелетныя труппы смѣнялись на его подмосткахъ то и дѣло. Нѣкоторые антрепренеры разорились совершенно и ни одинъ не обогатился. Положеніе его нисколько не улучшилось и теперь. Говорятъ, что настоящій антрепренеръ, г. Медвѣдевъ, едва-едва сводитъ концы съ концами и предполагаетъ даже распустить оперную труппу, такъ-какъ будущее грозитъ ему дефицитомъ.

При подобныхъ обстоятельствахъ весьма естественно задаться вопросомъ: почему-же это такъ? почему театръ, существующій такъ давно, не создалъ для себя публики, которая оплачивала-бы необходимые сценическіе расходы?

Антрепренеръ и актеры, разрѣшая этотъ вопросъ, сваливаютъ обыкновенно всю вину на публику, а публика, не оставаясь въ долгу,—на нихъ. Антрепренеры и актеры говорятъ: Казань—татарщина, глушь!... Провинція не дошла еще до сознанія значенія искуства, провинціальная публика не созрѣла для театра, и онъ для нея тоже самое, что апельсинъ для извѣстнаго рода животныхъ. Публика отвѣчаетъ: нѣтъ, это вы не созрѣли: у васъ нѣтъ талантовъ, нѣтъ ансамбля въ исполненіи, даже съ внѣшней стороны вы не умѣете обставить ни одной піесы, вашъ репертуаръ, наконецъ, бѣденъ и не занимателенъ.

Не было, кажется, времени, когда-бы не существовало подобныхъ пререканій. Исторія казанскаго театра представляетъ цѣлую литературу, въ которой публика, въ лицѣ своихъ рецензентовъ, яростно нападаетъ на несовершенства мѣстной сцены, а послѣдняя, претерпѣвая жестокія пораженія, время отъ времени выдвигаетъ бойцевъ и съ своей стороны, въ лицѣ артистовъ, которые, вооружившись перомъ, съ неменьшей яростью громятъ публику и рецензентовъ.*)

*) Смотри полемическія статьи актеровъ — Арсеньева (Губ. Вѣдом. 1857 г. № 51) и Стружкина (Справочный Листокъ г. Казани, 1867 г. № 104).

Кто-же тутъ правъ? Подъ чье знамя можно встать въ этой всеобщей свалкѣ?

Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ самое лучшее не переходить ни на ту, ни на другую сторону, а совершенно самостоятельно, въ сторонѣ отъ битвы, выкинуть новое знамя, подъ которымъ могли-бы собраться ратоборцы обоихъ лагерей, забывши свои безплодныя битвы, въ которыхъ потоки чернилъ проливались совершенно напрасно.

Какое-же это знамя, обладающее такой притягательной силой?

Знамя это... Но, впрочемъ, прежде, чѣмъ выдвинуть его впередъ, необходимо разрѣшить одинъ весьма существенный вопросъ: насколько казанскій театръ, въ теченіи своего 85-лѣтняго существованія, былъ связанъ съ интересами мѣстнаго населенія, насколько онъ слѣдилъ за тѣми вопросами, которые возникали и рѣшались въ средѣ казанскаго общества, насколько онъ, претендуя на цивилизующее значеніе, которое указывается всегда какъ неизбѣжный и несомнѣнный элементъ сценическаго искусства, былъ понятенъ казанскому населенію, состоящему, какъ извѣстно, изъ слiянія двухъ народностей—русской и татарской?

Для рѣшенія этого вопроса необходимо, конечно, обсудить насколько содержаніе нашего обычнаго репертуара соотвѣтствовало выраженнымъ требованіямъ. Попытаемся сдѣлать это. Извѣстно, что русскій драматическій репертуаръ не можетъ похвалиться особеннымъ богатствомъ. Такихъ произведеній, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія всего русскаго общества, такъ немного, что ихъ не затруднится сосчитать и назвать всякій, хотя сколько нибудь интересующійся театромъ. Понятно, что при такомъ недостаткѣ крупныхъ произведеній русской самобытной драмы и комедіи, сцена наводняется массою хлама, неимѣющаго никакого отношенія къ русской жизни. Что-же касается переводнаго репертуара, то капитальныя, общеинтересныя произведенія оказываются обыкновенно не подъ силу малочисленнымъ и нестройно организованнымъ русскимъ труппамъ, такъ что въ большинствѣ случаевъ на сцену попадаютъ только тѣ переводныя издѣлія, которыя, говоря въ интересахъ публики и театра, вовсе не заслуживаютъ и постановки. Понятно, что

пробавляясь, по бѣдности общеинтереснаго матеріяла,—посредственностью, неимѣющею никакого отношенія къ дѣйствительной жизни и ея существеннымъ интересамъ, театръ не могъ имѣть особенной притягательной силы, а если и привлекаетъ къ себѣ нѣкоторое количество публики, то привлекаетъ какъ игрушка, какъ средство развлечься между обѣдомъ и ужиномъ, убить какъ-нибудь время, да и то, въ томъ только случаѣ, когда представляетъ собою игрушку блестящую, обставленную видными талантами, умѣющими и никуда негодной красивой бездѣлкѣ придать нѣкоторый серьезный видъ.

Что-же касается до послѣдняго условія — общепонятности, то можно сказать положительно, что нашъ театръ никогда не имѣлъ его и въ виду, между тѣмъ какъ въ нашей мѣстности, сообразно съ характеромъ населенія, — это особенно необходимо. Въ самомъ дѣлѣ, въ средѣ 90 тысячъ населенія Казани—10 т. татаръ, 10 т. своеобразной народности съ особой религіей, преданіями, нравами, культурой... Мѣстный-же театръ, претендуя на цивилизующее значеніе и нѣсколько разъ устраиваемый отчасти и на средства мѣстныхъ татаръ, какъ плательщиковъ городскихъ повинностей, никогда и не думалъ о нихъ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы они вполнѣ чуждались его. Нѣкоторые отъ нихъ, хотя и рѣдко, но появляются въ числѣ зрителей. Несомнѣнно, могли-бы ходить и чаще, если-бы театръ, хотя сколько-нибудь, откликнулся на ихъ интересы, слился съ ихъ своеобразной жизнью и такимъ образомъ сдѣлался бы понятенъ имъ. Но театръ не только не исполнилъ по отношенію къ татарамъ своей нравственной миссіи, а даже оттолкнулъ ихъ. Это видно изъ исторіи нашей сцены. «Есиповъ поставилъ однажды трагедію Магометъ; въ театрѣ было много татаръ. Едва увидѣли они на сценѣ чалму Магомета и произнесено было имя его, между ними началось смятеніе; съ криками: алла! алла!..—одни бѣжали изъ театра; другіе, люди болѣе простые, вообразили настоящаго Магомета, который пришелъ для укоризны ихъ за посѣщеніе иновѣрнаго собранія; они падали ницъ и сбрасывали свои туфли, тоже съ крикомъ: алла!... Съ этого времени татары долго не посѣщали театра» *) и рѣдко посѣщаютъ его теперь.

*) Исторія Казани, Баженова.

Очень понятно, что при подобныхъ условіяхъ мѣстный театръ, мало связанный съ интересами мѣстнаго населенія, не вросъ органически въ почву, не сдѣлался необходимостью и всегда оставался бездѣльной игрушкой, которая нерѣдко надоѣдала и забрасывалась, въ особенности если была неблестяща. Такой-же игрушкой остается театръ и теперь, посѣщаясь случайной публикой, которая относится къ сценѣ точно также, какъ она относится къ картамъ, біліарду и пр. Трудно рѣшить даже и то, насколько исполнилъ театръ свою служебную миссію—научить казанское дворянство «пріятному обращенію и необходимой въ свѣтѣ ловкости»....

Изъ такого неустойчиваго положенія, раззоряющаго систематически антрепренеровъ, театръ можетъ выйти, по моему мнѣнію, только при одномъ условіи, изложенію котораго я и посвящаю слѣдующую главу.

Это условіе и есть то знамя, о которомъ я говорилъ.

III.

Развитіе мѣстной драматургіи составляетъ, по моему мнѣнію, необходимый элементъ для нормальнаго развитія казанскаго и вообще всякаго провинціальнаго театра.

Когда на ряду съ общеинтересными драматическими произведеніями Россіи и Западной Европы, имѣющими непосредственную связь съ жизнью и умственными интересами каждаго человѣка, явятся піесы съ мѣстнымъ характеромъ и мѣстными нравами, тогда надломится общественное равнодушіе и театръ привлечетъ и привяжетъ къ себѣ массы народа. Что это дѣйствительно такъ—доказать не трудно.

Чѣмъ мы больше всего интересуемся? Развѣ не тѣмъ, что происходитъ вокругъ насъ? И нѣтъ сомнѣнія, что піеса хотя сколько нибудь затрогивающая общеизвѣстное мѣстное событіе и рисующая характеръ мѣстной мысли и мѣстныхъ нравовъ—всегда можетъ расчитывать на блестящій успѣхъ, даже и въ томъ случаѣ, если она не отличается особенными художественными достоинствами. Очевиднымъ доказательствомъ этого можетъ быть тотъ

громадный успѣхъ, которымъ въ свое время пользовалась у насъ комедія „Безземельное имѣніе“, принадлежащая перу мѣстной талантливой писательницы Александры Андреевны Фуксъ. По словамъ одного современнаго хроникера, эта піеса собирала въ театръ громадную толпу, и это понятно, потому что каждый казанецъ видѣлъ въ ней отголосокъ своихъ нравовъ и интересовъ, видѣлъ остроумную фотографію своей жизни...

Доказательствъ того, что успѣхъ сценическихъ представленій прямо пропорціоналенъ связи ихъ съ мѣстной дѣйствительностью, можно много найти и въ исторіи чисто народнаго театра. Такъ напр. въ Торопцѣ, Псковской губерніи, и его окрестностяхъ бываютъ народныя представленія, имѣющія нѣкоторое отношеніе къ дѣйствительности. „Эти представленія привлекаютъ народъ массами; въ сезонъ подобнаго театра „камедей“, длящійся иногда не болѣе мѣсяца, въ театрѣ перебываетъ до полуторы тысячи народу“. А почему? Потому что „камеди“ не стѣсняются въ выборѣ предметовъ для насмѣшки: одна изъ нихъ выводитъ на сцену „государственную контору“, подъ именемъ которой разумѣется собственно судъ. Она подробно рисуетъ внѣшность провинціальныхъ храмовъ Ѳемиды, говоря:

Въ государственной конторѣ
Сидитъ молодецъ въ уборѣ,
А съ затылку у него коса
До шелкова пояса.
Передъ нимъ бумагъ горой,
На столѣ чернилъ ведро,
Подъ столомъ лежитъ перо,
За ухомъ другое»...

Къ молодцу (судьѣ) подходятъ на разборъ двое, поссорившіеся въ кружалѣ; при видѣ грознаго судьи они готовы даже кончить дѣло и свести его на мировую; но судья, видя, что изъ рукъ его ускользаетъ практика, что его безпокоили напрасно, горячится, грозитъ запереть ихъ въ тюрьму, и пр. Насмѣшку надъ судомъ смѣняетъ насмѣшка надъ купцомъ, котораго надуваютъ прикащики, подрядчики и работники. За нимъ является на сцену командиръ инвалидной команды съ своей половиною, патріархально правившіе

когда-то въ Торопцѣ солдатами. Еще употребительнѣе насмѣшка надъ неумѣлостью помѣщиковъ; обыкновенно барина проводитъ староста, въ лицѣ котораго сосредоточена вся ловкость, сметка и умѣнье пользоваться обстоятельствами закрѣпощеннаго крестьянина. Сцена между барином и старостой становится еще оживленнѣе, когда выводится помѣщикъ-нѣмецъ и къ ловкой плутнѣ присоединяется и обморачиваніе человѣка, плохо владѣющаго русскимъ языкомъ».

Торопчане до крайности любятъ и маріонетный театръ, гдѣ „два человѣка заправляютъ всѣмъ. Піески, даваемыя куклами, имѣютъ живой и рѣзко высказанный характеръ. Онѣ безъ раздумья выводятъ на показъ нетолько различные типы изъ обыденной жизни—щеголиху-барыню, казака, но и прямо живыхъ людей, — личности, извѣстныя всѣмъ и каждому. Покажется толстая кукла—и костюмомъ, и рѣчами напомнитъ всѣмъ общаго знакомца; толпа съ радостью и смѣхомъ встрѣчаетъ его и восклицаетъ: „а, это такой-то!“, называя его по имени“*).

Представлять такъ живо и вѣрно съ мѣстной дѣйствительностью—значитъ, по мѣткому и крайне выразительному опредѣленію торопчанъ,—„камедь живую спущать“, и такія зрѣлища, такую „живую камедь“ торопчане „чтутъ высоко.“

„Театръ, устроенный въ Епифановскомъ уѣздѣ при сельской школѣ госпожи Мясоѣдовой встрѣтилъ величайшее сочувствіе въ крестьянахъ, а на представленія въ просторномъ театрѣ, устроенномъ для народа въ одномъ изъ уѣздовъ Тверской губерніи, съѣзжаются люди изъ-за десятковъ верстъ. Подобно тому, какъ въ Торопцѣ на сцену переносится вся окружающая обстановка въ живыхъ и вѣрныхъ портретахъ, такъ и въ піесѣ, искусно передѣланной устроителемъ названнаго театра изъ народной сказки: „Слава тебѣ, Господи, мужикъ лапоть сплелъ“, актеры до того входятъ въ свои роли, что тутъ-же вставляютъ цѣлыя рѣчи отъ себя, переносятъ на сцену всѣ свои симпатіи и антипатіи и увлекаются въ порывистой игрѣ до самозабвенія“**).

*) Цитаты о Торопцѣ изъ ст. Семевскаго, Библіотека для чтенія, 1862 года № 12.

**) Старин. театр. въ Россіи, Веселовскаго, стр. 409.

Но гдѣ-же въ такомъ случаѣ взять мѣстныхъ драматурговъ, которые могли-бы снабжать сцену мѣстными произведеніями, устраняя такимъ образомъ всякую необходимость въ репертуарѣ, неимѣющемъ никакого отношенія къ дѣйствительной жизни? Отвѣчать на этотъ вопросъ вовсе не такъ трудно, какъ кажется съ перваго раза.

Дѣло въ томъ, что первыя попытки въ этомъ направленіи у насъ уже сдѣланы. Слѣды сценическаго творчества мы находимъ въ казанскомъ Поволжьи, какъ въ сферѣ крестьянской, такъ и городской жизни. Аксаковъ, авторъ „Семейной хроники“, разсказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ у крестьянъ Казанской губерніи разыгрывалась на святкахъ слѣдующая сцена: „по серединѣ избы, на скамьѣ или чурбанѣ сидитъ старикъ (разумѣется кто-нибудь переряженый); молодая его жена въ кокошникѣ и фатѣ, ходя вокругъ и приплясывая, поетъ жалобу на дряхлость мужа, а хоръ ей подтягиваетъ. Пропѣвъ куплетъ, начинающійся словами:

Охъ ты горе мое горевапье,
Ты тяжелое мое воздыханье,

жена подходитъ къ мужу и посылаетъ его пахать яровую пшеницу. Старикъ кашляетъ, стонетъ и дребезжащимъ голосомъ отвѣчаетъ: „моченьки нѣтъ“. Зрители хохочутъ.

Молодая женщина опять поетъ вмѣстѣ съ хоромъ новый куплетъ. Такимъ образомъ перебираются всѣ полевыя работы, и на всѣ приглашенія: сѣять, пахать, косить, жать и пр. старикъ отвѣчаетъ словами: „моченьки нѣтъ“, разнообразя отвѣтъ прибаутками и оханьемъ. Наконецъ, жена поетъ послѣдній куплетъ, въ которомъ говорится, что всѣ добрые люди убрались съ полей и принялись варить пиво; потомъ подходитъ къ мужу и зоветъ его къ сосѣду „бражки испить“. Старикъ проворно вскакиваетъ, бодро отвѣчаетъ: „пойдемъ, матушка, пойдемъ“ и бѣжитъ стариковской рысью, утаскивая за руку молодую жену*).—Затѣмъ, изъ среды мѣстнаго населенія можно назвать многихъ лицъ, которые писали для сцены. Принадлежа къ числу городскихъ или областныхъ жителей, они нерѣдко черпали сценическій матерьялъ изъ окружающей дѣйстви-

*) Семейная хроника, С. Аксакова, стр. 93.

тельности. Назову, для подтвержденія, слѣдующихъ авторовъ, [illegible] съ ихъ произведеніями: М. И. Веревкинъ, „командиръ [illegible] написавшій двѣ комедіи: „Точь въ точь“ въ 1785 г. „Такъ и [illegible] жно“ въ 1788 г.; А. А. Фуксъ—комедію „Безземельное [illegible] и водевиль въ 3-хъ дѣйствіяхъ: „Она похудѣла“, въ 1837 г.; Эрас[illegible] Петровичъ Перцовъ—комедію „Андрей Бичевъ или смѣшны[illegible] люди“ въ 1833 г.; Александръ Черновъ—драматическое произведеніе въ 1-мъ дѣйствіи: „Безкорыстіе, или добрыя дѣла не остаются безъ награды“ въ 1842 г.; Н. И. Долговъ—комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ „Мыльные пузыри“ въ 1869 г.; наконецъ, П. И. Фелонскій—драму въ 5-ти дѣйствіяхъ „Безъ вины виноватая» и Е. И. Красноперовъ—двѣ сцены: „Филантропическое утро“ и „Пикникъ“, напечатанныя въ этомъ сборникѣ, и проч.

Кромѣ того, въ старомъ репертуарѣ можно найти нѣсколько піесъ, болѣе или менѣе относящихся до Казани, напр.: „Покоренная Казань или милосердіе царя Ивана Васильевича Грознаго, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, А. Грузинцева, 1811 г.; Сумбека или паденіе Казанскаго царства, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, С. Глинки, 1817 г.; Сумбека или покореніе Казанскаго царства, большой героическій балетъ въ 4 дѣйствіяхъ, 1832 г., и проч.

Конечно, число піесъ мѣстнаго характера невелико. Но это нисколько не доказываетъ того, что ихъ и не могло быть больше. Развѣ существовали у насъ хотя сколько-нибудь благопріятныя условія для развитія мѣстной драматургіи? На это можно отвѣтить только отрицательно, а между тѣмъ эти благопріятныя условія необходимы.

Представьте себѣ, что мѣстный антрепренеръ, сознавъ значеніе постановки мѣстныхъ произведеній, — дѣятельно разыскиваетъ ихъ, хлопочетъ о разрѣшеніи ихъ къ представленію въ возможно непродолжительномъ времени, добросовѣстно обставляетъ ихъ съ внѣшней и внутренней стороны, заботясь о возможной гармоніи съ мѣстной жизнью, и, наконецъ, честно дѣлится съ авторомъ своей выручкой—и я вполнѣ увѣренъ, что подобныя условія будутъ весьма сильно способствовать развитію мѣстной драмы. Что элементы ея существуютъ—это доказывается фактами, доказывается

существованіемъ мѣстныхъ піесъ. Для дальнѣйшаго развитія этихъ элементовъ не достаетъ только надлежащаго питанія.

Затѣмъ, можетъ возникнуть вопросъ о томъ, найдутъ-ли мѣстные авторы вокругъ себя достаточное количество сценическаго матерьяла, такъ какъ въ провинціи, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей-централистовъ, нѣтъ жизни, а одна только „вѣковая тишина“ и храпъ „во всю носовую завертку“.

Что касается до матерьяла, то можно сказать съ увѣренностью, что въ немъ не можетъ быть недостатка.

Загляните въ нашу мѣстную исторію—и тамъ развернется передъ вами обширный матерьялъ. Со многими мѣстами Казани, напр. съ Зилантовой горой и озеромъ Кабаномъ, связаны миѳическія преданія: о страшномъ крылатомъ змѣѣ, обитавшемъ въ пещерѣ Зилантовой горы и выходившемъ оттуда, для утоленія жажды, къ озеру, которое и по сю пору называется «змѣинымъ»; о злой волшебницѣ, которая не хотѣла, по разсказамъ татаръ, пережить паденія Казани, бросилась въ Кабанъ и, поклявшись мстить русскимъ, понынѣ тянетъ купающихся на дно озера. Оба эти преданія могутъ послужить благодарнымъ мотивомъ для мѣстной фантастической оперы. Разсказы о казанской царицѣ Сумбекѣ, жизнь которой полна романическихъ превратностей, о борьбѣ Московскаго царства съ татарскимъ населеніемъ, о нашествіи Пугачева и подвигахъ мѣстныхъ разбойниковъ—могутъ быть сюжетами для историческихъ драмъ и трагедій. Для характеристики матеріаловъ о понизовой вольницѣ, извѣстныхъ въ нашей мѣстности всѣмъ и каждому, считаю нелишнимъ прибавить, что въ окрестностяхъ Казани до сихъ поръ указываютъ ущелье, называемое „Дунькинымъ.“ Народное преданіе сохранило имя разбойницы Авдотьи (Дуньки), которая была атаманомъ шайки и отличалась особенной свирѣпостью и неумолимостью, такъ что ни одна голова, склонявшаяся къ ногамъ ея съ мольбами о жизни, не поднималась отъ земли; съ такою-же свирѣпостью она преслѣдовала и провинившихся передъ нею изъ своей шайки; воля ея была непреложнымъ закономъ.*) Но особенно много разбойничьихъ преданій связано съ именами Волги и

*) Указ. ист. достопр. г. Казани, С. М. Шпилевскаго, стр. 9 и 10.

Камы. „На этихъ рѣкахъ доселѣ указываютъ мѣста особенно по этому памятныя. Разбоемъ занимались, даже не въ очень давнее время, казанскіе дворяне и помѣщики, напр., этимъ прославился владѣтель села Шурана, лежащаго въ 20 верстахъ отъ Лаишева на правомъ берегу Камы; домъ помѣщика (г. Н...), который производилъ себя отъ норманнскихъ рыцарей, былъ огражденъ каменною стѣною; изъ дома былъ сдѣланъ подземный ходъ на Каму, откуда производились набѣги на проѣзжающихъ.*) Масса разсказовъ ходитъ, наконецъ, въ народѣ объ удалыхъ разбойникахъ Быковѣ и Чайкинѣ, недававшихъ проходу и проѣзду по Казанской губерніи. Скелеты ихъ, послѣ казни въ 1847 году, были помѣщены въ анатомическомъ театрѣ казанскаго университета и до сихъ поръ, на Пасхѣ, когда въ университетскіе кабинеты допускается публика, привлекаютъ вниманіе мѣстнаго населенія, вспоминающаго недавнюю старину.

Обратите затѣмъ вниманіе на своеобразныя стороны нашего быта, на особенности смѣшаннаго русско-инородческаго населенія, на различныя явленія въ средѣ городской, земской и судебной дѣятельности, на преданія, связанныя почти съ каждымъ пунктомъ нашей области и нерѣдко служащія предметомъ остроумныхъ насмѣшекъ, сатирическихъ поговорокъ, разсказовъ и пѣсенъ — и здѣсь вы найдете широкую канву для сценическаго воспроизведенія. До сихъ поръ этотъ матерьялъ почти не тронутъ и ждетъ литературной сценической обработки. Мѣстные казанскіе и областные нравы до сихъ поръ захватывались только случайно, мимолетно. Но не смотря на это вы найдете много живыхъ сценъ, много живыхъ фигуръ, пріуроченыхъ къ нашей мѣстности, въ романѣ Бобарыкина «Въ путь—дорогу!», въ повѣсти П. И. Фелонова «Передъ зарей», напечатанной года три тому назадъ въ Отечественныхъ Запискахъ; на страницахъ Камско-Волжской Газеты, издававшейся въ Казани; въ этомъ Сборникѣ, наконецъ, — въ разсказѣ Фелонова «Крещенскій бой», относящемся прямо къ Казани, и въ комедіяхъ Краснoперова изъ нашей областной жизни.

*) Указ. ист. достопр. г. Казани, С. М. Шпилевскаго стр. 9 и 10.

Нѣкоторыя пѣсни мѣстнаго городскаго и областнаго творчества, по преимуществу съ сатирическимъ оттѣнкомъ, тоже могутъ представлять матерьялъ для сценической обработки. Укажу для примѣра на пѣсни о казанскихъ суконщикахъ и татарахъ.

Въ первой поется:

Во городѣ, во Казани,
А при озерѣ Кабанѣ,
Фабричекъ стоитъ,
Фабричекъ стоитъ...

* * *

Стоитъ фабричекъ суконный,
Тамъ живетъ народъ проворный,
Знаетъ какъ пожить—
Денежки нажить!...

Дальше идетъ полная характеристика суконщиковъ, составляющихъ своеобразный типъ въ средѣ казанскаго населенія.

Другая пѣсня, насмѣшливо рисующая мѣстнаго татарина, ведется вся на татарско-русскомъ жаргонѣ и начинается такъ:

Ми казански сынъ купса,
Самъ имѣимъ лавка;
Сирный спичка бизъ кунса,
Псякій лускутъ, тряпка,
Духи, мыло прудаемъ,
Псякій рукудѣлья и т. д.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что мѣстный сценическій матерьялъ достаточно обширенъ. Что-же касается до его собиранія и обработки, то это можетъ быть достигнуто всего успѣшнѣе въ томъ случаѣ, если въ Казани, по примѣру Ярославля, организуется изъ мѣстныхъ жителей кружокъ любителей драматическаго искусства.

Члены подобнаго кружка, въ составъ котораго войдутъ несомнѣнно и артисты по профессіи, могутъ:

1) собирать сценическій матерьялъ: преданія, сцены нравовъ, пѣсни, поговорки, анекдоты, каламбуры, относящіеся къ мѣстной городской и областной жизни;

2) разсматривать и группировать этотъ матерьялъ, какъ письменный, такъ и печатный;

3) выдавать преміи за обработку этого матерьяла въ сценической формѣ;

4) разсматривать составленныя для мѣстной сцены произведенія, заботиться о разрѣшеніи ихъ къ представленію, объ удовлетворительной постановкѣ ихъ на мѣстной сценѣ и напечатаніи;

5) устраивать чтенія и спектакли, какъ въ кружкѣ, такъ и публично, для развитія мѣстныхъ сценическихъ силъ и пріобрѣтенія средствъ на расходы, неразлучные съ дѣятельностью драматическаго общества;

6) заботиться, наконецъ, о томъ, чтобы въ мѣстную драму проникали явленія и типы изъ мѣстно-татарской жизни и проч.

Результаты подобной дѣятельности драматическаго кружка любителей будутъ разнообразны и плодотворны.

Во-первыхъ, проснется много дремлющихъ литературныхъ силъ и явится много мѣстныхъ сценическихъ произведеній. Конечно, не всѣ они будутъ обладать художественной обработкой и долго держаться на сценѣ; пройдетъ интересъ извѣстнаго момента, къ которому пріурочено ихъ содержаніе, возникнутъ новые интересы и вытѣснятъ ихъ изъ репертуара, но къ этому времени подготовятся и новыя піесы, которыя по прежнему подогрѣютъ и напрягутъ общественное вниманіе. При этомъ нельзя опускать изъ вниманія и того, что изъ массы этихъ произведеній, удовлетворяющихъ интересамъ минуты, при дальнѣйшемъ развитіи мѣстной драматической мысли, могутъ выступить и совершенно художественныя созданія или вполнѣ оригинальныя, или обработанныя изъ накопившагося нестройнаго матерьяла. И такимъ образомъ на мѣстной сценѣ можетъ развернуться передъ нами полная картина нашей мѣстной жизни со всѣми ея положительными и отрицательными сторонами,— картина, облеченная въ художественныя формы самобытной драмы и комедіи.

Во-вторыхъ, вмѣсто бродячихъ труппъ, смѣняющихся чуть не каждый годъ, организуется постепенно постоянный составъ артистовъ, частію изъ тѣхъ талантовъ, которые, бросивъ свою тяжелую бездомную жизнь, прочнѣе осядутся въ Казани и, сблизившись съ обществомъ, ознакомятся какъ слѣдуетъ съ мѣстными условіями; а частію изъ тѣхъ чисто-мѣстныхъ силъ, которыя выдвинутся на сцену изъ среды нашего общества и въ дружномъ союзѣ съ первыми,

проникнутые областными интересами, высоко поднимутъ знамя искуства въ провинціи.

Въ третьихъ, театръ, сосредоточивъ свои силы на вполнѣ художественныхъ произведеніяхъ Россіи и Запада и продуктахъ мѣстнаго сценическаго творчества съ областными интересами, — привлечетъ къ себѣ цѣлыя массы народа, создастъ постоянную многолюдную публику изъ среды всего городскаго населенія, безъ различія классовъ и національностей, которая найдетъ въ немъ не только источникъ эстетическихъ наслажденій, но и сильный двигатель въ смыслѣ умственнаго и нравственнаго развитія. Такимъ образомъ театръ исполнитъ и свою общественно-воспитательную миссію,— сдѣлается элементомъ человѣческаго прогресса.

Ко всему сказанному прибавлю еще то, что развитіе провинціальнаго театра еще успѣшнѣе пойдетъ въ томъ случаѣ, когда обстоятельства будутъ благопріятствовать развитію мѣстной печати, которая съ своей стороны можетъ сильно вліять на формированіе сценическихъ талантовъ—драматическихъ писателей и артистовъ.

Вотъ и все, что я хотѣлъ сказать. Вотъ то знамя, подъ которымъ и казанскій театръ можетъ выйти изъ своего неустойчиваго положенія.

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что рано или поздно, но соберутся подъ этимъ знаменемъ всѣ, кому дорого развитіе и процвѣтаніе нашего театра.

Мѣстные сценическіе элементы есть, они существуютъ, но дѣйствуютъ незамѣтно и медленно, какъ источникъ, сокрытый въ нѣдрахъ скалы.

Ударитъ молотъ — и изъ-подъ камня брызнетъ освѣжающая струя, которая оживитъ всю окружающую мѣстность....

1876 г. 16 января.

Все Тотъ-же.

Примѣчаніе: Редакція считаетъ не лишнимъ пояснить, что псевдонимъ *Все тотъ-же*—принадлежитъ автору статей, печатавшихся за этой подписью въ «Камско-Волжской Газетѣ», и не имѣетъ ничего общаго съ таковымъ-же псевдонимомъ, появляющимся иногда на страницахъ «Дѣла».

ПАМЯТИ К. В. Г.

[illegible] илась въ тяжелое время,
[illegible] удилась насколько могла,
[illegible] неся непосильное бремя,
[illegible] свѣта вокругъ разлила.

[illegible] могилу сходя, завѣщала
[illegible] ярко любовь сохранить,
[illegible] только свой свѣточъ держала
[illegible] стремилася мракъ побѣдить.

[illegible] на душѣ [illegible]
[illegible] предсмертный завѣтъ.
[illegible] прежнему храм свой любили.
[illegible] прежнему рвутся на свѣтъ...

[illegible] не кажется путь безъисходнымъ.
[illegible] страшатся и мрака они...
[illegible] ты намъ звѣздой путеводной—
[illegible] на пути [illegible]!..

П. Поволжский

КОНЕЦЪ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

АЛЕКСѢЯ АНДРЕЕВИЧА ДУБРОВИНА

ВЪ КАЗАНИ

на Воскресенской улицѣ, въ Гостинномъ дворѣ № 1.

КОММИСІОНЕРА

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Постоянно получаетъ, по выходѣ изъ печати, всѣ заслуживающія вниманія русскія книги, по всѣмъ отраслямъ знанія.

Заказы и требованія учебныхъ заведеній, земскихъ управъ и частныхъ библіотекъ могутъ быть исполнены въ кредитъ, съ *тѣмъ*, чтобы уплата денегъ произведена была по полученіи книгъ и счета.

Требованія частныхъ лицъ, неизвѣстныхъ магазину, исполняются *только* за наличныя деньги.

На всѣ вопросы гг. иногородныхъ, относящіеся до книжнаго дѣла, магазинъ отвѣчаетъ всегда, *если* на это будетъ приложена почтовая марка.

Адресъ для гг. иногородныхъ: *Въ Казань*, въ книжный магазинъ Алексѣя Андреевича *Дубровина*.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ М. М. ПШЕНИСНОВА,

на станціи московско-нижегородской желѣзной дороги въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Центральномъ книжномъ магазинѣ въ Москвѣ продаются слѣдующія изданія:

НИЖЕГОРОДСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИЖЕГОРОДСКИМЪ СТАТИСТИЧЕСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА И СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА

А. С. ГАЦИСКАГО.

Содержаніе I тома: Отъ редакціи. 1. Обзоръ крестьянскаго дѣла въ ниж. губерніи, А. А. Богодурова; 2. Земское дѣло въ ниж. губерніи; 3. Матеріалы для уголовной статистики ниж. губерніи, А. С. Гацискаго; 4. Судебно-медицинская статистика ниж. губерніи, Д. Иванъ-Пугерена; 5. Свѣдѣнія о Нижнемъ Новгородѣ, М. Н. Пестова; 6. О торговлѣ на ниж. ярмаркѣ, Н. Н. Овсянникова; 7. Село Катунки, балахн. уѣз., свящ. П. А. Доброзракова; 8. Дубенщина и Ермолино, селенія макарьев. уѣз., св. М. Н. Пѣвницкаго; 9. Село Вередѣево, нижн. уѣз., свящ. А. И. Борисовскаго.—Разныя замѣтки.

Содержаніе II тома: Отъ редакціи. 1. Лукояновскій уѣз., ниж. губер., Н. И. Русинова (съ картою); 2. Ардатовскій уѣздъ ниж. губ., М. П. Пестова; 3. Описаніе кстовской, новоликѣевской, полокшанской, черпухинской и слободсковской волостей ниж. уѣзда, свящ. А. И. Борисовскаго; 4. Село Пурехъ, съ прих. деревнями, балахн. уѣзда, свящ. И. Лебединскаго; 5. Описаніе богоявленскаго прихода, ниж. уѣзда, свящ. И. И. Кроткова; 6. Краткій очеркъ полянскаго прихода, ниж. уѣзда, свящ. Е. И. Розова; 7. Очеркъ села Пекарокъ, сергачскаго уѣзда, А. С. Коробкина; 8. Описаніе села Спасскаго, арзам. уѣз., св. Ф. Ястребцова; 9. Описаніе села Нехорошева, лукоян. уѣз., св. А. Крылова; 10. Описаніе села Василева Майдана, того-же уѣзда, свящ. Г. Н. Гуляева; 11. Описаніе села Елфимова Майдана, того-же уѣзда, св. І. Прогрессова; 12 Краткій очеркъ воскресенскаго прихода, балахн. уѣз., св. Я. Добротина; 13. Краткій очеркъ села Катунокъ, того-же уѣзда, св., И. А. Доброзракова; 14. Описаніе села Краснаго, арзам. уѣз., св. И. Покровскаго; 15. Описаніе ягодинской волости княгин. уѣз., И. Н. Гибрина; 16. Отношенія верхней части Поволжья къ нижегородской ярмаркѣ, Н. Н. Овсянникова; 17. Базаръ въ селѣ Воскресенскомъ, макар. уѣзда ниж. губерніи, св. М. М. Поспѣлова.

Содержаніе III тома: Отъ редакціи. 1. Объ отношеніи Кіева, Курска, Орла, Тулы и Рязани къ нижегородской ярмаркѣ, Н. Н. Овсянникова: 2. Отношенія Сѣвера къ нижегородской ярмаркѣ, В. М. Журавскаго; 3. Зимнія народныя увеселенія въ г. Васильѣ, В. Ф. Кудрявцева; 4. Нѣкоторыя особенности въ обычаяхъ нетлужскихъ жителей, св. С. И. Троицкаго; 5. Самокрутка, св. А. В. Кордатова; 6. О катунскомъ нарѣчіи, св. И. А. Доброзракова; 7. Погостъ Самка, А. С. Коробкина; 8. Сифилисъ въ арзамасскомъ уѣздѣ, П. М. Трушкова (съ картою); 9. Примѣты, обычаи и пословицы въ пяти волостяхъ ниж. уѣзда, св. А. И. Борисовскаго; 10. Объ экономической связи нижегородской губерніи съ костромской, В. М. Журавскаго; 11. Кузнечно-топорный и бердовый промыслы въ д. Красногоркѣ, ниж. уѣзда, св. А. И. Борисовскаго; 12. Замѣтка о минеральномъ богатствѣ ардатовскаго уѣзда, св. В. Владимірскаго; 13. Краткій очеркъ села Ветошкина, серг. уѣз., И. П. Успенскаго; 14. О берегахъ и руслахъ Оки и Волги, И. С. Тихонравова; 15. О пароходствѣ на Волгѣ и ея притокахъ, А. И. П—ва; 16. Нѣсколько словъ о балахнинской промышленной жизни, А. С. Гацискаго; 17. Замѣтка о митрополитѣ нижегородскомъ Павлѣ, св. А. И. Борисовскаго; 18. В. В Аристовъ, біогр. очеркъ, А. С. Гацискаго; 19. Библіографія, его-же.—Въ приложеніи: Журналы ниж. губ. статист. комитета.

Содержаніе IV тома: Отъ редакціи. 1. Объ отношеніи сибирскаго тракта къ нижегородской ярмаркѣ, Н. Н. Овсянникова; 2. Очерки промышленной дѣятельности ниж. губерніи, въ связи съ вопросомъ о проведеніи урало-сибирской желѣзной дороги, А. С. Гацискаго; 3. Дѣтскія игры и пѣсенки въ ниж. губерніи, В. Ф. Кудрявцева; 4. О развитіи въ ниж. губерніи народнаго кредита, А. М. Ермолова; 5. О коневодствѣ въ ниж. губерніи, П. В. Корвинъ-Круковскаго; 6. О расходахъ на начальное образованіе въ ниж. губерніи; 7. Пеньковолокнистый промыселъ въ селѣ Избыльцѣ, горб. уѣз., свящ. И. Б. Рославлева; 8. О народонаселеніи ниж. губерніи (переписка П. И. Мельникова съ А. С. Гацискимъ; 9. Болдино и Кочкурово, А. С. Гацискаго; 10. О пароходахъ, построенныхъ въ 1817 году на пожевскомъ заводѣ.—Въ приложеніи: Журналы нижег. губ. статистическаго комитета.

Содержаніе V тома: Отъ редакціи. 1. Матеріалы для изученія хлѣбной производительности и хлѣбной торговли нижегородской губерніи, А. С. Гацискаго (съ картою); 2. Село Оленино, горбат. уѣз., ниж. губ., М. В. Бравиной; 3. Село Борисовское, ниж. уѣз., свящ. Т. А. Доброзракова; 4. Лукояновскій уѣздъ ниж. губ., П. И. Русинова; 5. Примѣты, обычаи и пословицы въ пяти волостяхъ ниж. уѣзда, свящ. А. И. Борисовскаго; 6. Къ исторіи раскола въ нижегородской губерніи, свящ. А. И. Остроумова; 7. Финансовая сторона крестьянской свадьбы въ селѣ Васильевомъ Майданѣ, лукояновскаго уѣзда, свящ. Г. Н. Гуляева; 8. Объ охотѣ въ нижегородской губерніи, Д. А. Саламыкова; 9. Матеріалы для изученія лѣсного производства кологривскаго уѣзда костр. губ., И. Л. Лебединскаго.—Мелкія замѣтки (1. О табаководствѣ въ нижегородской губерніи; 2. По вопросу о движеніи населенія въ нижег. губ., Одного изъ сельскихъ священниковъ; 3. Особенности въ говорѣ жителей села Васи-

лева Майдана, свящ. Г. Н. Гуляева; 4. Козій праздникъ въ Кунавинѣ, свящ. С. И. Троицкаго; 5. Кавресь, свящ. В. Владимірскаго; 6. О хищничествѣ волковъ въ нижегородской губерніи, Д. А. Саламыкова, 7. О сельско-хозяйственныхъ цѣнахъ въ нижегородской губерніи, А. С. Гацискаго).—Въ приложеніи: Журналы ниж. губ. статистическаго комитета.

Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ

СБОРНИКА ВЪ ПАМЯТЬ ПЕРВАГО РУССКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО СЪѢЗДА 1870 ГОДА,

изданный нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ редакціею дѣйствительнаго члена и секретаря комитета

А. С. Гацискаго.

Нижній-Новгородъ. 1875. Стр. I—XII и 1—734. Цѣна 4 р.

Содержаніе:

Отъ редакціи. 1. Очеркъ статистическихъ съѣздовъ въ Россіи, **А. С. Гацискаго.** 2. Какъ вознаграждается въ тверской губерніи трудъ средней крестьянской семьи, **И. Н. Покровскаго.** 3. Повѣнецкій уѣздъ и необходимое развитіе въ немъ горныхъ промысловъ, **А. И. Иванова.** 4. Крѣпостное хозяйство въ ярославской губерніи, **А. Г. Фогеля.** 5. О льняномъ промыслѣ въ европейской Россіи, **И. И. Василева.** 6. О льноводствѣ въ вятской губерніи, **М. И. Куроптева** 7. Выводы изъ статистическихъ таблицъ тобольской губерніи, **И. Н. Юшкова.** 8. Богатства Сѣвера, **В. М. Журавскаго.** 9. Нижегородская ярмарка и Поволжье, **Г. Н. Потанина.** 10. Таблицы смертности и народонаселенія для нижегородской губерніи, **В. В. Вобынина.** 11. Рыбная ловля у зырянъ, **Ф. А. Арсеньева.** 12. Очеркъ состоянія земледѣльческой промышленности въ костромской губерніи, **В. Г. Пирогова.** 13. Красная Рамень въ луговой сторонѣ нижегородскаго Поволжья, **А. С. Гацискаго.** 14. Къ статистикѣ урожаевъ въ уфимской губерніи, **Н. А. Гурвича.** 15 Прошедшее торговаго дѣла въ западной Сибири, **Н. И. Юшкова.** 16. Проэктъ колыванскаго и иркутскаго генералъ-губернатора Якоби о завоеваніи части Китая, **князя Н. А. Кострова.** 17. Очерки частнаго быта евреевъ, **П. И. Небольсина.** 18. Опытъ объясненія названій русскихъ городовъ, **А. Н. Сергѣева.** 19. Обзоръ дѣятельности нижегородскаго статистическаго комитета, за десятилѣтній періодъ времени (1865—1875), **А. С. Гацискаго.**—Мелкія замѣтки (1. О названіяхъ населенныхъ мѣстъ, **Л. А. Извекова.** 2. Къ вопросу о лѣсной статистикѣ, **Н. А. Гурвича.** 3. Хорошій и дешевый кормъ для рогатаго скота въ неурожайные годы, **А. К. Фогеля.** 4. О рыболовствѣ въ нижегородской губерніи, **А. С. Гацискаго.** 5. О лѣсныхъ промыслахъ въ нижегородской губерніи, **его-же**). Объявленія.

Иногородные приглашаются адресоваться исключительно въ **статистическій комитетъ, въ Нижній-Новгородъ.**

„НИЖЕГОРОДКА".

Путеводитель и указатель по Нижнему-Новгороду и по нижегородской ярмаркѣ.

ИЗДАЕТСЯ ВЪ НИЖНЕМЪ.—ВЫХОДИТЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ КЪ ОТКРЫТІЮ НАВИГАЦІИ.

ТАРИФЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ ВЪ «НИЖЕГОРОДКѢ» НА 1876 ГОДЪ:

За объявленіе въ 1/4 страницы . . . . . 6 р.
— — — 1/2 страницы . . . . . 12 р.
— — — полную страницу . . . 20 р.

Объявленія для напечатанія въ **«Нижегородкѣ» на 1876 годъ** принимаются до **15 апрѣля 1876 года.**

Лицо, помѣстившее объявленіе въ «Нижегородкѣ», **получаетъ одинъ экземпляръ ея безплатно.**

Издатель: **Александръ Серафимовичъ Гацискій.**

(Нижній-Новгородъ, Студеная, 7).

ОТЪ

МУЗЫКАЛЬНАГО МАГАЗИНА

„ВОСТОЧНАЯ ЛИРА“,

на Воскресенской ул., въ д. Болдыревой,

ВЪ КАЗАНИ.

Съ начала 1874 года открылся въ Казани музыкальный магазинъ подъ фирмою „**Восточная Лира**“—поставившій себѣ цѣлію служить интересамъ музыки, доставляя возможность публикѣ, какъ города Казани, такъ и **Поволжья и Сибири**, пріобрѣтать всѣ необходимыя пособія для ея музыкальнаго развитія.

При самомъ началѣ своей дѣятельности магазинъ производилъ торговлю только нотами и принималъ на себя посредничество для выписки всѣхъ родовъ музыкальныхъ инструментовъ и всего, что только касается до музыкальнаго дѣла; однако вскорѣ оказалась необходимость разширить дѣло—открывъ, кромѣ нотной, и инструментальную торговлю, такъ какъ отъ покупателей и вообще отъ публики, какъ казанской, такъ и иногородной, поступало въ магазинъ много заявленій о желаніи пріобрѣтать изъ самаго магазина различные инструменты и ихъ принадлежности. Это и побудило магазинъ начать торговлю сначала только струнными и др. оркестровыми инструментами, а наконецъ и открыть—

ДЕПО РОЯЛЕЙ

ЛУЧШИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ И СТОЛИЧНЫХЪ ФАБРИКЪ.

Между тѣмъ магазинъ продолжалъ обогащаться и нотами, завязавъ самыя тѣсныя сношенія съ лучшими музыкальными магазинами, и потому въ настоящее время магазинъ „**Восточная Лира**“ **имѣетъ постоянно большой и самый разнообразный выборъ нотъ и получаетъ инструменты лучшихъ заграничныхъ и столичныхъ фабрикъ (какъ-то: РОЯЛИ: Блютнера — въ Лейпцигѣ, Бехштейна — въ Берлинѣ. Каисъ — въ Дрезденѣ, Гентша и Шредера—въ С.-Петербургѣ; ПІАННИО: Стауденарусъ и К° въ Дрезденѣ, Мантель и Геносенъ—въ Берлинѣ, Шредера въ С.-Петербургѣ и др. ФИСЪ-ГАРМОНІИ Эстей и К°—въ Америкѣ и Александра и сына—въ Парижѣ и др: ГАРМОНІЙ-ФЛЕЙТЫ: Бюссова—въ Парижѣ и др.): а также имѣетъ постоянно большой выборъ и различныхъ предметовъ, относящихся до музыкальнаго дѣла, почему и можетъ тотчасъ же выполнить самыя разнообразныя требованія.**

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

„ВОСТОЧНАЯ ЛИРА“

считаемъ своимъ долгомъ перечислить здѣсь и тѣ отдѣлы, по которымъ онъ въ особенности снабженъ нотами, а именно:

Музыкально-педагогическій отдѣлъ: Школы для фортепьяно и всѣхъ др. инструментовъ. Упражненія для нихъ. Методы для народныхъ школъ.

Отдѣлъ салонной музыки.

Полный выборъ музыкальныхъ сочиненій, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ композиторовъ.

Дешевыя изданія Петерса, Литольфа и другихъ.

Полныя оперы какъ русскихъ такъ и иностранныхъ композиторовъ, въ различныхъ изданіяхъ. Отдѣльныя части этихъ оперъ: аріи, дуэты, тріо, хоры, танцы и проч..

ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ВЪ ИЗДАНІЯХЪ ПРИДВОРНОЙ ПѢВЧЕСКОЙ КАПЕЛЛЫ.

Покупатели, обращающіеся въ магазинъ **„Восточная Лира“, будутъ удовлетворяемы въ своихъ требованіяхъ съ полною аккуратностію, а всѣ порученія Гг. иногородныхъ выполняются съ первою же отходящей почтою.**

Предметы, пріобрѣтаемые въ магазинѣ „Восточная Лира“, продаются по столичнымъ цѣнамъ: при покупкѣ же на значительную сумму дѣлается возможная уступка, причемъ и пересылка нотъ по почтѣ принимается магазиномъ на свой счетъ.

Гг. иногородныхъ просятъ адресовать свои требованія просто въ г. Казань, въ музыкальный магазинъ „Восточная Лира“. Адресъ магазина всегда извѣстенъ Почтовому Вѣдомству.

ПОДПИСКА НА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

Музыкальный магазинъ „ВОСТОЧНАЯ ЛИРА“ имѣетъ честь объявить, что имъ открыта подписка на слѣдующіе музыкальные журналы **на 1876 г.**

I.

„НУВЕЛЛИСТЪ“.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІЯНО.

Выходитъ 1 числа каждаго мѣсяца, тетрадями отъ 25 до 30 стран. большаго нотнаго формата. Гг. подписчики получаютъ въ видѣ **ПРЕМІИ,** полную оперу въ двѣ руки по ихъ выбору изъ пятидесяти извѣстныхъ оперъ, въ дешевомъ изданіи. **Цѣна** годовому изданію съ доставкою и и пересылкою 6 р.

II.

„МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ“

выходитъ еженедѣльно по воскресеньямъ. **Условія подписки: 3 р. 60 к.** съ доставкой и пересылкой.

III.

„МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ“

выходитъ ежемѣсячно, каждое 1-е число, тетрадями отъ 50 до 60 страницъ музыки. При журналѣ выходитъ литературное прибавленіе (газета музыки и театра). Кромѣ того во время опернаго и концертнаго сезона газета выходитъ еще 10-е и 20-е число. Въ теченіи года подписчики получаютъ въ видѣ преміи два фотографическихъ портрета музыкальныхъ знаменитостей. Подписная цѣна на журналъ: безъ доставки—10 р., съ пересылкой и доставкой 11 р. 50 к.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строк.	Напечатано	Слѣдуетъ читать
10 —	5 снизу	съ богатствомъ	съ богатымъ
13 —	11 —	путъ	тутъ
80 —	2 —	Вспологъ	Всполохъ
92 —	8 сверху	намъ	нашъ
— —	14 снизу	теряетъ	тушитъ
101 —	11 сверху	«азіатской бѣднички»	«азіатскаго бѣдничи
104 —	8 снизу	словамъ	словомъ
109 —	12 —	приготовленіе	приготовленія
110 —	2 —	сопливый	сопливый
119 —	17 сверху	гиси	неси
151 —	18 снизу	зоркое	юркое
152 —	12—13 снизу	да и	да
156 —	2 снизу	Господи	Господа
157 —	10 —	въ	на
169 —	2 сверху	проснется	Прометея
177 —	8 снизу	Господи	Господа
185 —	3 —	Господи	Господа
186 —	8 сверху	Tarchons	Marchons
204 —	17 снизу	кончатъ	кончать
211 —	8 сверху	случалось	случилось
230 —	17 снизу	заводскаго	заволжскаго
238 —	18 сверху	съ свайку	въ свайку
239 —	14 снизу	мутиться	мучаться
241 —	3 —	«контенонсу»	«контенансу»
322 —	9 сверху	регрессо-русской	регресса русской
329 —	12 —	pandant	pendant
— —	11 снизу	стоятъ	положеніи стоятъ
333 —	7 —	биллитристика	беллетристика
— —	6 —	будетъ	будутъ
361 —	13 —	писалъ	писали
381 —	5 сверху	людей	модной
383 —	16 —	Мишо	Миша
410 —	16 —	знанія, устройства	знанія устройства
417 —	16 снизу	1822	1722
435 —	12 сверху	Шумяхина	Шумихина

PG 3201 .P43 C.1
Pervyi shag
Stanford University Libraries
3 6105 035 915 243

PG
320
.P4

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

DEC 31 1999

11/2/99/FB